

зала 834.
шкафь 90.
полка 3.
№ 2.

в приложении. - нет мар. 11.

1/24-11

26/10-11 8

ЖИВОПИСНОЕ ВЕЗРЪНІЕ

№ 1.

4 Января.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапенко*.

Подписная цѣна 3 годъ: съ пересы кою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускаетъ я рѣзрочки. Перемѣна адреса — 50 коп. цѣна отд № 25 к. Плата за объявленія: строка нонпареля — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редакція Журнала: С.-Петербургъ, Невскій, 90. Отдѣленіе: Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Можароваго. Редакція Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ, отъ 3 до 5 час. пополудни.

Новый годъ.—Ориг. рис. Н. Н. Карзина.

Отъ редакціи.

Приступая къ возобновенію журнала «Живописное Обозрѣніе», мы главнымъ образомъ озабочены какъ тѣмъ, чтобы предоставить нашимъ читателямъ разнообразный и разносторонній матеріалъ сообразно той широкой программѣ, какая намъ предоставлена, такъ и тѣмъ, чтобы привлечь лучшія литературныя силы для той отвѣтственной работы, какая представляется необходимою для того, чтобы журналъ нашъ могъ выполнить свое назначеніе, быть проводникомъ свѣта человѣческой мысли и художественнаго творчества во всѣхъ углахъ и уголкахъ нашего отечества. Главный контингентъ нашихъ читателей даетъ намъ провинція и въ особенности глухія и отдаленныя окраины ея. Дать возможность людямъ, живущимъ далеко отъ центровъ просвѣщенія, слѣдить за движеніемъ его по литературнымъ и научнымъ обозрѣніямъ; предоставить читателямъ возможно лучший художественный матеріалъ въ видѣ оригинальныхъ

и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, и стихотвореній, и снимковъ съ выдающихся картинъ; сообщать въ популярномъ изложеніи о новѣйшихъ завоеваніяхъ въ области знанія, о выдающихся событіяхъ общественной и политической жизни въ Россіи и за границей—вотъ тѣ задачи, выполненіе коихъ составляетъ также главнѣйшую нашу заботу. Желая дать своимъ читателямъ возможно разносторонній матеріалъ, мы будемъ помѣщать въ отдѣлѣ «Польза и Развлеченіе» статьи исключительно для дѣтскаго чтенія. Творческія силы Россіи растутъ; на смѣну однихъ нарождаются другіе; одни пользуются заслуженной извѣстностью, другія еще не завоевали ее. Охотно предоставляя страницы журнала новымъ нарождающимся, не получившимъ еще извѣстности творцамъ мысли и чувства, мы ставимъ одно условіе, чтобы мысли были честны, чувства благородны, творчество художественно.

Живое общеніе съ читателями по интересующимъ ихъ вопросамъ послужитъ залогомъ того, что между журналомъ и читателемъ установится взаимная духовная связь.

Плывутъ созвѣздія надъ бездною
Въ кругу размѣренномъ свѣтилъ;
Воздушный путь въ лазури звѣздной
Имъ Богъ десницею начертилъ.

Онъ сочеталъ въ единомъ мигѣ
Всю безпредѣльность ихъ дорогъ;
По нимъ, какъ въ свѣтлой, звѣздной книгѣ
Судьбу міровъ читаетъ Рокъ.

Взираетъ онъ безстрастнымъ окомъ
На искры мечущую твердь,

Въ его спокойствіи глубоко
Вѣка сравняли жизнь и смерть.

Пусть новый годъ теперь настанетъ.
Потомъ придетъ его черда,
Онъ, какъ и прежній, въ вѣчность канетъ
И не вернется никогда,

Но что-жъ въ порывистомъ стремленіи
Вселенной дастъ грядущій годъ:
Хвалебный гимнъ освобожденья
Иль пѣсню узника споетъ?

Рокъ молчаливый не расскажетъ
Того, что въ звѣздахъ прочтено...
Что будетъ,—Новый годъ покажетъ,
А жизнь иль смерть,—не все-ль равно!

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ.

I

Большая квартира въ семь комнатъ, съ высокими потолками, носила на себѣ слѣды обезпеченной жизни. Полы были застланы, правда, не дорогами, но вполне приличными коврами, диваны и кресла обиты шелкомъ, на стѣнахъ висѣли картины въ золоченыхъ рамахъ. Большія

окна съ зеркальными стеклами выходили на широкую улицу лучшаго квартала столицы, гдѣ снимали квартиры только зажиточные люди.

Но на всемъ этомъ лежалъ какой-то отпечатокъ неподвижности какъ-бы остановившейся жизни. Нельзя было опредѣлить, въ чемъ выражался этотъ отгѣнокъ, но это чувствовалось и въ расположеніи всей той обстановки, какая была въ домѣ, и въ лицахъ и движеніяхъ и въ голосахъ обитателей квартиры. Всякій, впервые вошедшій сюда, прислушавшись и приглядѣвшись, не-

премѣнно подумалъ бы, что въ этомъ домѣ не все въ порядкѣ.

Въ квартирѣ Подгорцевыхъ обычное увыніе, которое переживала семья въ послѣдніе мѣсяцы, въ это утро смѣнилось тревогой. Всѣ поднялись съ постелей рано и сейчасъ же заволновались и заговорили о событіи, которое должно было разыгратъ сегодня.

Анна Матвѣевна, высокая статная женщина, съ лицомъ еще и теперь красивымъ, хотя уже и замѣтно увядшимъ, съ выраженіемъ какой-то постоянной немѣняющейся, точно застывшей, скорби

въ глазахъ, ежеминутно хваталась за голову, какъ бы желая выдавить изъ нея какую-нибудь полезную мысль, но ей это видимо не удавалось и она устремляла взоры, полные мольбы и отчаянія, то на сына Сергѣя, то на дочь свою Надю.

Въ тотъ моментъ, когда пришелъ Рысинъ, Сергѣя уже не было дома. Въ гостинной встрѣтили его Анна Матвѣевна и Надя, давно уже считавшаяся его невѣстой.

Рысинъ былъ совсѣмъ еще молодъ, но у него было лицо человѣка, умудреннаго опытомъ. Рыжеватые волосы на головѣ его были очень рѣдки, на лицѣ же росли густые курчавые волосы, придававшіе этому лицу видъ излишней серьезности.

Онъ вошелъ въ пальто, изъ-подъ котораго выглядывалъ фракъ. Видъ у него былъ человѣка торопящагося.

Анна Матвѣевна бросилась къ нему, какъ къ послѣдней надеждѣ, и начала поспѣшно, путаясь и часто возвращаясь къ началу, рассказывать о сегодняшнемъ затрудненіи.

— Вотъ и опишутъ... Ужъ теперь непременно опишутъ, потому что неизъ чего... Ужъ окончательно неизъ чего! Говорила она какъ-то спѣшно, растерянно жестикулируя обѣими руками.

Но на Рысина ея рассказъ не произвелъ особенно замѣтнаго впечатлѣнія. Лицо его не выражало сочувствія, на губахъ играла даже чуть замѣтная усмѣшка.

— Подобныя вещи слѣдуетъ всегда предусматривать, Анна Матвѣевна, замѣтилъ онъ тономъ дѣловаго человѣка.

Анна Матвѣевна безнадежно махнула рукой:—Предусматривать!.. какъ предусмотрѣшь ихъ, когда имъ и счету нѣтъ? Сперва предусматривали, а потомъ ужъ и перестали... Вотъ уже полтора года, какъ его свезли въ больницу, и послѣ того, что ни мѣсяцъ, то взысканіе... Онъ столько векселей давалъ, и кому? кому? ростовщикамъ какимъ-то...

Это «онъ» произносилось многозначительно съ какимъ-то скрытымъ смысломъ. Видно было, что тотъ, кого обозначали этимъ словомъ, игралъ важную роль въ жизни этихъ людей и этого дома.

И это была правда. Уже больше года, какъ въ домѣ витала только его тѣнь, его, который столько лѣтъ несъ на своихъ плечахъ казавшихся такими крѣп-

кими, всю тяготу этихъ нѣсколькихъ жизней.

Мужъ Анны Матвѣевны и отецъ Сергѣя и Нади, Николай Васильевичъ Подгорцевъ, сошелъ съ ума. Его никто не считалъ способнымъ къ этому и потому болѣзнь его всѣхъ изумила. И тогда вдругъ положеніе семьи круто измѣнилось. При немъ они даже не подозрѣвали, что можно нуждаться въ хлѣбѣ, жили во второмъ этажѣ, въ просторной, уютной, свѣтлой теплой квартирѣ, ѣздили на вечера, концерты и въ театры, посѣщали знакомыхъ, которыхъ было множество. А съ его болѣзнию все это разомъ оборвалось. Пришлось отказать отъ удовольствій, а знакомые отказались отъ нихъ сами. Только квартира оставалась еще прежняя да и то лишь потому, что были связаны контрактомъ. Къ тому же неокончательно пропала еще надежда, — всѣ думали, что Николай Васильевичъ поправится и вернется и опять все пойдетъ по-старому.

— Да,—говорила Анна Матвѣевна гостю, который продолжалъ оставаться въ пальто, хотя въ комнатѣ было жарко,—жили мы подъ крылышкомъ Николая Васильевича и думали, что денегки ему съ неба валятся: никто не считалъ, сколько ихъ выходитъ-то, никто не прикинулъ, что жалованья-то онъ получалъ шесть тысячъ, а проживали-то всѣхъ десять... Вотъ оно теперь и сказывается... Платили, платили, изъ послѣдняго выколачивали, чтобы платить, а они, точно ихъ фабрикутъ гдѣ, все новые да новые являются... И взыскиваютъ по нимъ какіе-то конторщики, мастера, прикащики... Не понятно... Станный, странный былъ человѣкъ Николай Васильевичъ.

Рысинъ, по своей привычкѣ, расхаживалъ по комнатѣ отъ одной стѣны къ другой и, какъ казалось, слушалъ ее разсѣянно. Надя-же сидѣла въ углу дивана, прижавшись къ спинкѣ его, и лицо ея было хмуро и сердито.

— Станный, говорите вы,—промолвилъ Рысинъ:—ну, страннаго тутъ мало. Онъ любилъ жизнь и вы любите жизнь, заработка не хватало, а надежды на будущее были. Вотъ онъ и жилъ въ счетъ будущаго... Такъ многіе дѣлаютъ. Въ Петербургѣ, можетъ быть, большинство жителей такъ дѣлаютъ. Ну, а Сергѣй что-нибудь предпринимаетъ?

— Сергѣй пошелъ къ Уздечкину, неувѣренно отвѣтила Анна Матвѣевна.

— Ахъ, это тотъ, что служилъ подъ начальствомъ Николая Васильевича помощникомъ бухгалтера...

— Тотъ самый. Уздечкинъ много денегъ перебралъ у Николая Васильевича, только разумѣется безъ векселей... Тогда вѣдь онъ перебивался, все должности искалъ. Николай Васильевичъ принялъ въ немъ участіе, направилъ его, къ себѣ въ помощники пристроилъ. А теперь онъ главный бухгалтеръ сталъ, Николая Васильевича мѣсто занялъ, шесть тысячъ получаетъ...

— Такъ векселей, говорите, онъ не давалъ?

— Нѣтъ, не давалъ. Николай Васильевичъ ни съ кого не бралъ векселей; онъ только раздавалъ ихъ умѣлъ.

— Ну, матушка Анна Матвѣевна, если безъ векселей, то денегъ онъ не дастъ... Это ужъ такой законъ природы есть: человѣкъ даетъ, когда обязанъ дать... А безъ надобности кому-же охота давать? Еще что-нибудь предприняли?

Рысинъ пересталъ бѣгать по комнатѣ и присѣлъ на стулѣ, неподалеку отъ Анны Матвѣевны.

— Что же еще предпринять-то?—подавленнымъ голосомъ возразила Анна Матвѣевна:—Жигулеву послала записку, вотъ жду, что онъ скажетъ.

— Гм... Жигулеву... Все у васъ надежды какія-то неосновательныя... Ну, а къ Буракиншѣ не обращались?

Анна Матвѣевна покачала головой.—Хотѣла.. Да Сергѣй не позволилъ: ни за что!

— Что такъ? Казалось-бы, что это самый прямой путь...

— Не знаю, только-ни за что. И такимъ голосомъ сказалъ онъ это, что я ужъ и не возражала. Ну, что? Отвѣтъ? Давай, давай... Вдругъ, сильно оживившись, произнесла Анна Матвѣевна и, вскочивъ съ мѣста, побѣжала къ двери, навстрѣчу только-что вошедшей горничной Танѣ.

Она не дала ей даже выговорить слова, вырвала изъ ея рукъ конвертъ, распечатала и жадно стала читать про себя заключающуюся въ немъ записку.

И. Потапенко.

Продолженіе слѣдуетъ.

Рождественскіе сны.—Посмертнй рис. К. Брожа.

Въ Саянскихъ горахъ.

Суровъ и дикъ мой край родной
 Съ его природою угрюмой,
 Запечатлѣнной всюду думой
 И говорящей тишиной.
 Суровъ нетающими льдами
 Въ лазурь умчавшихся вершинъ,
 Непроходимыми снѣгами
 И хмурой зеленюю долинъ.
 Грозна природа горъ Саяна,
 Когда въ безмолвіи ночномъ
 Онѣ, подъ бездною тумана
 Висятъ серебрянымъ вѣнцомъ,
 И блики луннаго сіянья
 Вдоль озареннаго звена
 Дрожатъ на снѣжномъ одѣяны,
 Какъ золотыя письма.
 А неприступныя ущелья,
 Среди могильной тишины,
 Полны стихійнаго веселья
 Немолчно ропщущей волны!..
 Суровъ и дикъ мой край родной
 Съ его природою угрюмой,
 Запечатлѣнной всюду думой
 И говорящей тишиной!..
 Суровъ и дикъ,—но мощь нѣмая
 Таится въ немъ и чутко ждетъ,—
 О, край родной! Да будетъ ясенъ
 Тебѣ зари твоей восходъ,
 И путь грядущій безопасенъ,
 И благодаренъ твой народъ.
 Да дастъ Россіи онъ, достойныхъ
 Ея величія сыновъ,
 Какъ лава пламенная, знойныхъ,
 Самоотверженныхъ бойцовъ!

П. Безпаловъ-Сибирскій.

Ночь въ тайгѣ.

(Эскизъ).

Звѣзды горѣли ярко на темномъ безоблачномъ небѣ... Гигантскіе кедры и ели стояли, плотно закутанные въ бѣлоснѣжное пушистое покрывало, изъ подъ котораго мѣстами вытягивались ихъ темныя вѣтви съ длинной хвоей, словно огромныя длинныя руки сказочныхъ чудовищъ. Таежные великаны глядѣли угрюмо и важно, храня суровое холодное молчаніе... Изрѣдка проносился вѣтеръ пронзительной струей, задѣвая вершины, и только тогда бѣлыя шапки высокихъ гордыхъ кедровъ медленно качались, роняя на нижнія вѣтви снѣжныя пушинки. Въ тайгѣ, покрытой бѣлымъ саваномъ, было тихо, убійственно тихо, холодно и жутко... Птицы улетѣли въ теплые края, только по временамъ раздавался зловѣщій крикъ кедровки—этой «таежной вороны», для которой не существовало временъ года, ни зимы ни лѣта; членораздѣльное карканье словно замерзало въ общей холодной и мертвой тишинѣ. Самъ царь тайги „Топтыгинъ“ пересталъ бродить по своимъ владѣніямъ и зарылся въ теплую

берлогу, сося собственную лапу; онъ погрузился въ тяжелый длинный сонъ...

По охотничьей тропѣ, извивающейся среди толстыхъ древесныхъ стволовъ шли два человѣка, хрустя по снѣгу и нарушая торжественную тишину наступающей таежной Рождественской ночи.

— Ну что, Федюкъ, видно не дойти намъ до займки до ночи... неужели столько верстъ прошли по тайгѣ, а теперь плутать стали?—обратился къ своему товарищу высокій мужикъ съ заиндевѣлой бородой, съ шапкой надвинутой на глаза съ обледенѣлыми рѣсницами, въ нагольномъ тулупѣ, перетянутомъ кушакомъ, бодро шагая и побрякивая котелкомъ, привязаннымъ къ котомкѣ за спиною.

„Федюкъ“ только плечами повелъ и сжался отъ холода, запиная дальше въ рукава своего мѣхового „синжака“ посинѣвшія руки. Федюкъ былъ моложе и слабѣе.

— Эй, Федюкъ, отвѣчай что ли! Чего, сукинъ котъ молчишь, иль тебѣ волки языкъ отъѣли?... Чего баишься-то, — приставалъ старшій.

— Замерзъ, братъ Антипъ, такъ всего и трясеть... бррр... зубъ съ зубомъ не сведу, — еле отвѣтилъ тотъ, едва поспѣвая за товарищемъ.

— Эка, парень, какой нѣжный сталъ... видно въ острогѣ-то тебя въ пуховикахъ держали да горячими оладьями кормили.

Федюкъ посмотрѣлъ умоляющимъ взглядомъ на Антипа и остановился, трясаясь вѣемъ тѣломъ.

— Ну чего сталъ? Чего глядишь, какъ битая собака. Убѣгли изъ острога, часовыхъ надули, „барина“ *) провели за носъ, а тутъ до займки рукой подать, а онъ пардону запросилъ... ваялся за гужъ, такъ не говори, что не дожъ... подтяни брюхо, коли жрать хочется, да шагай дальше,—крикнулъ строго Антипъ.

— Антипушка, не мучь, дай отдохнуть, разведемъ огонька, посидимъ подѣ елью, мочи моей нѣтъ,—молилъ Федюкъ.

Антипъ продолжалъ упорно шагать и ругаться. Бѣглые вышли на поляну, прикрытую снѣжнымъ покровомъ, но здѣсь Федюкъ свалился, совершенно выбившись изъ силъ.

— Ну те, лѣшій задерн, ничего съ тобой не подѣлаешь, не бросать же тебя, замерзнешь какъ пень,—ворчалъ Антонъ, ломая вѣтви и устранивая костеръ...—сидѣлъ бы въ каменномъ мѣшкѣ, яви тебя... туда же лезеть бѣжать... Когда Антипу удалось зажечь спичками отсырѣлыя вѣтви и сучья и среди тающаго снѣга вспыхнуло слабое пламя, Федюкъ протянулъ околѣблыя руки къ огню и сталъ приходить въ себя.

— Вотъ хорошо... ухъ, маненько полегчало, приговоривалъ Федюкъ, грѣясь у разгорающагося костра, а то совсѣмъ смерть было пришла,—и онъ вытянулъ изъ-за пазухи сухарь и сталъ грызть...—чайку бы теперь, Антипъ, охъ, согрѣлся бы мы съ тобой.

— Съ сахаромъ бы тебѣ, пятнай те въ душу... растопи снѣгу въ котлѣ да прилебай... еще чаю захотѣлъ... вѣдь мы въ „бѣгахъ“, другъ любезный,—проговорилъ Антипъ, смягчая тонъ и подсаживаясь къ Федюку, —отъ насъ чалдоны **) носъ воротятъ днемъ, развѣ на ночь только краюху хлѣба съ крынкой молока выставляютъ „Христа ради“, что бы мы имъ краснаго пѣтуха не пустили,—говорилъ онъ, доставая изъ котомки сухари и кладя въ котелокъ.

— Экие мы несчастные, Антипъ! завтра вѣдь Рождество, всё съ жинками да дѣтками праздникъ встрѣчаютъ, а мы одни въ тайгѣ... въ снѣгу, охъ, доля наша пропащая!..

*) „Баринномъ“ въ глухой Сибири зовутъ засѣдателя.

**) Чалдонъ — ругательное прозвище сибиряка-старожила.

— Ну, чего разнюнился, согрѣлся и ужъ причитать началъ... смерть еще не пришла, ну и живы, семь нѣтъ, дому нѣтъ, за то вольные мы птицы, сухари есть, тайга наша, начальство далеко, а тутъ киржацкая заимка не за горами... киржаки, братъ, народъ правильный... я самъ киржацкаго толку... своего не выдадутъ... только бы добраться до нихъ...—говорилъ увѣренно старшій.

— Антипъ, а Антипъ?—спросилъ несмѣло Федюкъ.

— Ну что?..

— А ёнъ не придетъ?

— Кто?

— Ну, тотъ-то прохожій, съ котораго мы одежу-то содрали въ тайгѣ?—тихо спросилъ Федюкъ.

— Вотъ дуракъ... да ужъ онъ давно подѣ кустомъ лежитъ и снѣгомъ его занесло...

— Антипъ!

— Ну?..

— Страшно мнѣ... ой... страшно, вотъ закрою глаза, а ёнъ мнѣ мерещится... Страшныя глазища такія... такъ и слышится, какъ прохожій-то этотъ молилъ насъ, чтобы мы его не трогали, жалобно такъ. О, Господи, прости мое прегрѣшеніе,—и Федюкъ сталъ съ ужасомъ оглядываться.

— Баба! Трусь! Что лучше? Намъ или ему замерзатъ-то?.. жить-то тебѣ хочется али нѣтъ?

— А Богъ-то?—тихо спросилъ Федюкъ.

— Бога мы не видѣли... высоко онъ... а коли есть онъ, такъ заняты богачами да своими дѣлами... а если чортъ видѣлъ, такъ никому не скажетъ,—и Антипъ озлобленно захохоталъ, Его смѣхъ дико и гулко раздался по тайгѣ.

— А умирать-то поди страшно, охъ, ба-тюшки, страшно,—шепталъ Федюкъ, ежась у огня.

— Попробуй, коли охота испытать...

— А ежели мы здѣсь замерзнемъ,—съ ужасомъ проговорилъ Федюкъ.

— Небось, кривая вывезетъ, ворамамъ да мошенникамъ дьяволъ помогаетъ...

Въ лѣсу что-то треснуло и гукнуло. Федюкъ задрожалъ.

— Миленькій, не поминай ея на ночь... и безъ того сердце дрожитъ...

— А язви тя въ душу... баба ты, а не человѣкъ; это дерево старое свалилось, а онъ думалъ, что чортъ,—и Антонъ махнулъ на него рукой.

Наступило молчаніе. Костеръ потрескивалъ. Вдругъ Антипъ вскочилъ и сталъ прислушиваться.

— Чу! Словно колокольцыбрякнули...—шепнулъ Антипъ,—погоди, Федюкъ, не шевелись!.. Бѣглые замерли и обратились въ слухъ. Дѣйствительно вдали послышалосьбряканье колокольцовъ и крики людей.

— А вдругъ какъ погона?—въ страхѣ шепнулъ Федюкъ.

Антипъ вынулъ изъ ноженъ, привѣшенныхъ къ кушаку, большой ножъ и показалъ товарищу.

— Живыми, братъ, въ руки не дадимся,—коротко сказалъ онъ. Федюкъ вздохнулъ и притаялся у потрескиващаго костра. Громадные кедры и ели, стоявшіе стѣной вокругъ поляны, освѣщенные на половину съ низу пламенемъ, еще угрюме и строже смотрѣли сверху изъ темноты на незваныхъ и непрошенныхъ гостей.

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся нашимъ путникамъ вѣчною, на освѣщенную слабымъ свѣтомъ костра поляну вошли трое мужиковъ съ ружьями, а за ними тянулись три вьючныя лошади, ступая осторожно по снѣгу. На хребтахъ у нихъ были привязаны красноватые замерзлые куски разрубленныхъ лосиныхъ тушъ. Антипъ спряталъ ножъ въ ножны и, какъ ни въ чемъ ни бывало, присѣлъ къ огню.

Шедшій впереди бодрый старикъ, одѣтый по таежному въ тулупѣ, шапкѣ съ ушами и въ пимахъ, подошелъ къ огню.

Путь къ славъ.—Съ кар. Н. А. Тольца. Грав. А. Смирновъ.

— Здравствуйте, добрые люди, заночевать что ли в тайгѣ собрались? Охъ, погрѣться чтоли около огонька-то, да косточки расправитъ,—проговорилъ дѣдъ, грѣя ладони рукъ надъ костромъ.

— Присаживайся, дѣдъ, съ нами, заплутались маленько, отдохамъ, отвѣтить безопасно Антонъ,—товарищъ-то больно замерзъ...

— Какъ не замерзнуть въ экій холодище,—замѣтилъ подошедшій къ огню рыжий мужикъ Степанъ, сынъ старика,—вонъ мы за мясомъ сохатыхъ*) отправились, захотѣлось на праздникъ Господнемъ разговѣться, и запасовъ съ собой взяли, а замерзли, дужо замерзли, кажись не далеко отъ нашей займки въ срубъ**) его оставили.

— А вы съ какой займки будете?—Спросилъ Антипъ, пристально на нихъ взглядывая.

— Съ Трифоновской, она и зовется то по нашему роду, отвѣтилъ старикъ, а вы дальніе будете, родимые?

— Дальніе, дѣдушка, дальніе, отвѣтилъ жалобно Федюкъ, забыли уже откелева и идемъ-то, ноженки замерзли, въ брюхѣхъ пусто, ложись въ снѣгъ и помирай и то въ пору,—и онъ скрючился у огня, представляя изъ себя дѣйствительно самую жалкую фигуру.

— Эки дѣла какія,—и старикъ пожевалъ губами,—такъ, чего, ребята, мы смотримъ? закусить маленько надо, слава Создателю не занимать, стать мяса-то, Эй Гаврило, чего тамъ у лошадей то замаяся?! отвяжи ногу, угостимъ странничковъ мясомъ ради праздника Господня...

Высокій мужикъ Гаврило, служившій работникомъ у Трифонова, промычалъ что-то и черезъ минуту притащилъ сырую замерзшую лосиную ногу. Она была изрублена, мясо брошено въ котелокъ съ растопленнымъ снѣгомъ, замѣнившимъ воду, и скоро вмѣстѣ съ бульканьемъ и шипѣньемъ варившейся похлебки потянулся вкусный и аппетитный паръ къ носу проголодавшихся „странничковъ“. Гаврило молча мѣшала сухою вѣткою вареву. Когда мясо было готово, старикъ вынулъ изъ за пазухи ложку, и широко осѣнивъ себя двухперстнымъ крестомъ, подвинулся къ котлу.

Присаживайтесь, братцы, къ дѣдъ, разговѣемся... Рождество твое Христе Боже нашъ!—и онъ началъ хлебать похлебку, дуя на ложку.

Антипъ перекрестился тоже двухперстно. Старикъ это замѣтилъ и, ухмыльнувшись, спросилъ:

—Какого толку?

—Часовеннаго, отвѣчалъ Антонъ.

—Нашего, значить, и по вѣрѣ братья,—добре!..

Наступило молчаніе и слышалось чавканье жующихъ и хлебающихъ людей. Когда котелъ былъ опорожненъ, старикъ подвинулся и положилъ ложку за пазуху.

—Ну, ребятунки, и въ путь пора, Гаврило, Степа,—лошадкамъ-то дали снѣжку?

— Напились,—отвѣтилъ Степанъ, оправляя подпругу лошади и подвязывая веревку у лосиной туши.

— Ну а вы, братья, нѣшто въ тайгѣ заночевать хотите? Обратился старикъ къ бѣглымъ... Займка то наша по путь... побобгрѣтесъ въ теплѣ.. мѣста хватитъ.

— Смерти никому не охота, старичекъ, сказалъ Антонъ,—у котораго свѣрѣное выраженіе лица смягчилось подъ вліяніемъ неожиданной вкусной трапезы...—Спасибо за угощеніе, и онъ снялъ шапку и почесалъ затылокъ,—но только мы люди „стран-

ные“, дальніе, пробираемся втихомолку гуськомъ да сторонкой, людей опасаемся, да и гости то незваные, непрошенные, какъ, бы въ тягость не были добрымъ людямъ.

Старикъ сначала пристально въ нихъ взглядылся и пожевавъ губами, молвилъ:

— Тээксь... поняль... значить, изъ тюрьмы бѣжали,—ну, братіе, если чего недобраго у васъ на умѣ нѣтъ, пока что, побудьте съ нами на праздникъ, я не засѣдатель, не урядникъ, пачпортовъ не спрошу, намъ што? мы—всѣ христіане, хоть никоніанцы насъ и чураты, а мы странныхъ людей пріютить zawsze готовы, не выдадимъ... займка наша глухая, за лѣсами, за болотами, никакое начальство скоро къ намъ не заглянетъ, ай-да на Трифоновскую.

Федюкъ чуть не въ ноги бросился старику отъ радости. Антипъ пожалъ плечами и поклонился; бѣглые отправились съ займщиками...

По тропѣ, которая все болѣе и болѣе расширялась по мѣрѣ того, какъ „черная“ тайга рѣдѣла, компанія бодро дошла до Трифоновской займки. Показались огоньки въ окнахъ избы, неясными силуэтами обрисовывавшихся на фонѣ черного лѣса, оглушительно залаяли собаки, и скоро вся орава ввалилась въ освѣщенную теплую избу. Здѣсь уже „старуха“ Трифонова съ молодухой-невѣсткой, женой Степана, убравшись съ печью, раздували огромный ведерный самоваръ въ ожиданіи „мужиковъ“, ибо хотя старикъ и былъ часовеннаго толку, но въ праздники чайкомъ баловался съ семьей.

— Ну, полуночники, куда запропали? Замерзли, чай?—подусердито полувесело спрашивала „старуха“ околичавшихъ пимы у печки мужиковъ.

— Пропадали долго, да и не съ пустыми руками возвратились, Господь гостей послалъ, сказалъ Трифоновъ, показывая на Антона и Федюка.

— Заблудились въ тайгѣ... Далече путь держите?—разспрашивала хозяйка.

— Что тамъ за спросы, крикнулъ Трифоновъ, когда гости замаялись съ отвѣтомъ... давай горячаго, что въ печи, все на столъ мечи, сегодня Христосъ родился... сохатынъ*) привезли, небось испостовались бабы, и вамъ мяса захотѣлось.

— Коли-и не захотѣлось, кормилецъ,—протянула молодуха, не въ частую его видимъ, оно слаще скотского...**)

— Ну то-то же. Живѣй стряпай, а мы винца достанемъ,—и старикъ полѣзъ въ шкафъ за бутылкой. Бабы не заставили долго себя ждать.

Послѣ ужина, служившаго для постничавшихъ бабъ розговѣьемъ, гости полѣзли опять на печку. Антипъ, распоясываясь, зоркимъ взглядомъ осматривалъ избу и улыбался... „Добра-то, добра-то сколько... только, братъ, трогать не мочи“, думалъ онъ про себя „больно ужъ люди добрые, хорошо угостили... да и мясо больно вкусное, ну и „праздникъ тоже“... и онъ захрапѣлъ; Федюкъ, забравшись на печку и, почувствовавъ неизъяснимое блаженство послѣ перенесенной стужи и опасности замерзнуть, шепталъ, засыная: „слава въ вышнихъ Богу... Прости, Господи, наши грѣхи тяжкіе!“ А ночь бездонная, съ миріадами мерцающихъ звѣздъ, тихо и торжественно окутывала угрюмую тайгу и привѣтливую займку съ засыпающими усталыми людьми. Въ этой тишинѣ Рождественской ночи чувствовалось что-то чудное, великое и неизъяснимое... Оно наполняло добрыя сердца радостью, всепрощеніемъ и чловѣколюбіемъ и смягчало злыя, удерживая потерянныхъ отчаянныхъ людей, хотя бы на время, отъ преступленія и порока.

И. Соколовъ (Костромичъ).

*) „Сохатынъ“—лосиное мясо.

**) Скотское мясо - говядина.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Новый годъ.—Рис. Н. Н. Каразина.— Обязательный, традиціонный рисунокъ на новый годъ и обязательное стихотвореніе. Изъ года въ годъ. Здѣсь трудно уйти отъ шаблона, а между тѣмъ талантливый Н. Н. Каразинъ, втеченіе 30 лѣтъ пріѣзжавшій рисунками Новые годы, не повторился ни разу ни въ мотивахъ, ни въ композиціи своихъ рисунковъ.

И предлагаемый рисунокъ совершенно оригиналенъ.

Изъ мрака ночи, въ снѣжную метель вылетаетъ юный 1904 годъ стремительно, рьяно на .. двухколесномъ моторѣ, освѣщая свой путь ацетиленовымъ фонаремъ. Волки, живущіе добычею въ темной ночи, бѣгутъ въ стороны, поджавъ хвосты. Юный годъ въ формѣ газетчика-разнощика мчится прямо на нихъ, везя въ мѣрѣ вѣчно-желанный миръ.

Но принесетъ-ли онъ этотъ миръ? Едва-ли можно предсказать это, въ виду событій надвигающихся съ дальняго востока.

Македонія еще стонетъ подъ гнетомъ турецкаго ига. Тамъ, на югѣ Европы, снова творятся турецкія звѣрства и повторяются болгарскіе ужасы.

Чѣмъ это кончится—мы не знаемъ, но—во всякомъ случаѣ—пошли, Господи, миръ измученному враждою міру!..

Рождественскіе сны.—Посмертный рисунокъ. К. Брожа. Иллюстраторъ и рисовальщикъ К. Брожа, до конца дней своихъ завѣдывавшій художественнымъ отдѣломъ то-же покойной „Всемирной Иллюстраціи“, не зналъ себѣ соперниковъ въ области иллюстраціи. Легкій отчетливый рисунокъ, фантазія и красота композиціи, богатство фантазиі характеризовало этого славнаго художника.

Помѣщенный нами здѣсь рисунокъ яено свидѣствуетъ о талантѣ покойнаго К. Брожа.

Дѣтскіе праздничные сны.

Они намъ грезятся теперь, какъ лучшія воспоминанія чистаго дѣтства!

Чего въ нихъ не было?

И елка съ огнями и украшеніями, и праздничные подарки, и золотыя сказки, одухотворенныя дѣтской, неудержимой фантазіей!..

И талантливый Брожа все это изобразилъ. Русланъ и Людмила, Змѣй-Горынычъ, Конекъ-Горбунекъ и игрушки, и елка и два спящихъ младенца, видящихъ эти радужные сны...

Путь къ славѣ.—Карт. Н. А. Гольца Молодой художникъ, обремененной семьей, олицетворенной въ видѣ дряхлаго, отца, опирающагося на руку художника и жены, склонившейся на его плечо, идетъ впередъ за манящей его славой по тернистому пути чистаго искусства. Слѣдомъ движется смерть поджидая давно намѣченную жертву, которая неминуемо должна пасть подъ непосильнымъ бременемъ жизни. Вотъ прекрасно трактованный сюжетъ нашей трагюры. А. С.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—Стихотвореніе.—„Ангель-Хранитель“, романъ Н. Потапенко.—Стихотвореніе П. Безпалова-Сибирскаго.—„Ночь въ Гайгѣ“, (эскизъ) П. Соколова (Костромича).

Редакторъ А. П. Хесторъ.

Предс. Администраціи Д. Ж. Бородихъ.

*) Сохатынъ—по сибирски лось.

**) Лосиное мясо послѣ охоты нѣрѣдко сибиряками оставляется на храненіе въ особо выстроенныхъ срубкахъ, сдѣланныхъ изъ жердей и подѣницъ, для охраны отъ медвѣды, лакомага до живности всякой; мясо повѣшивается высоко въ такихъ случаяхъ.

Иллюстрирующая Недѣля

При ближайшемъ участіи **М. Н. Потанько.**

КЪ ПАМЯТИ

М. Т. Глинки.

Въ 1904 году исполняется столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго композитора Михаила Григорьевича Глинки.

Михаилъ Григорьевичъ Глинка происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи, ведущей свой родъ отъ польскихъ дворянъ. Родился онъ 20 мая 1804 г. въ имѣніи его отца Новоспаскомъ, Смоленской губ. До 14 лѣтняго возраста Михаилъ Григорьевичъ жилъ въ деревнѣ, получая домашнее образованіе отъ гувернантокъ и учителей. Рано проявившіяся музыкальныя способности не мѣшали ему увлекаться естественными науками, которыми онъ занимался также и въ Петербургѣ, когда поступилъ въ „благородный пансіонъ“ при педагогическомъ институтѣ. Музыкальное образованіе его здѣсь сильно подвинулось. Кончая институтъ 18-ти лѣтъ, онъ уже написалъ нѣсколько симфоническихъ и камерныхъ вещей. Продолжая заниматься музыкой (фортепиано, скрипка, композиція), Михаилъ Григорьевичъ бывалъ въ обществѣ и сошелся съ литературнымъ кругомъ, во главѣ котораго стояли Пушкинъ и Жуковский. Слабое здоровье заставило его искать болѣе подходящаго климата и это обстоятельство сдѣлало его постояннымъ путешественникомъ. Но этому же способствовало и его недовольство петербургскими музыкальными учителями. За границей онъ учился теоріи музыки въ Германіи и Италіи, попутно отдавая день вліянію то немѣцкихъ классиковъ (Бахъ, Моцартъ и др.), то итальянскихъ современниковъ (Доницетти, Беллини). Въ отношеніи теоретическихъ познаній болѣе всего принесъ ему пользы Берлинскій проф. Денъ, къ которому онъ нѣсколько разъ возвращался.

Находясь подъ вліяніемъ Итальянской музыки, Михаилъ Григорьевичъ всегда ощущалъ недовольство самимъ собой; незамѣтно созрѣвалъ въ немъ будущій основатель русской національной музыки. Уже въ „Жизни за царя“, далеко не свободной отъ итальян-

Бюстъ М. Т. Глинки. — Работа профессора Р. Баха.

изма, онъ отдастъ первое мѣсто русской мелодіи и свойственному ей гармоническому ладу. Поставленная въ большомъ театрѣ въ 1836 г. опера эта имѣла шумный успѣхъ. Далѣе же въ „Русланъ и Людмила“, появившемся черезъ шесть лѣтъ, въ 1842 году, онъ окончательно отрывается отъ прежнихъ вліяній и кладетъ первый и прочный камень въ фундаментъ русской національной музыки, въ наше время достигшей такого высокаго развитія.

Но ни публика, ни критика того времени не были готовы къ воспріятію гениальной музыки „Руслана“, и опера не имѣла успѣха. Михаилъ Григорьевичъ почувствовалъ себя на родинѣ не понятымъ и опять совершилъ рядъ путешествій— сперва жилъ въ Парижѣ, гдѣ познакомился съ Берлиозомъ, потомъ въ Испаніи, гдѣ написалъ „Арагонскую хату“, и др. симфоническія вещи. Въ 1855—56 годахъ онъ опять, въ Петербургѣ, сблизился съ молодыми музыкантами — Сбровымъ, Даргомыжскимъ, Балакиревымъ, находитъ восторженныхъ поклонниковъ въ Стасовѣ и Мельгуновѣ, но у него является новое увлеченіе — строгимъ церковнымъ стилемъ и онъ опять увязаетъ въ Берлинѣ, къ своему старому проф. Дену, подъ руководствомъ котораго и изучаетъ строгій церковный стиль. Въ этомъ стилѣ имъ написано нѣсколько вещей, какъ „Да исправится молитва моя“, извѣст. „Херувимская“ и др.

Въ Берлинѣ Михаилъ Григорьевичъ простудился и умеръ въ 1857 году, 2-го февраля, а тѣло его перевезено въ Петербургъ и похоронено на кладбищѣ Александровско-Невской лавры.

Значеніе Михаила Григорьевича Глинки въ послѣдующемъ развитіи русской музыки огромно. Его произведенія, въ особенности глубокая, гениальная опера „Русланъ и Людмила“, — являются настольными книгами лучшихъ современныхъ музыкантовъ. Его роль въ русской музыкѣ можно сравнить съ ролью Пушкина въ русской литературѣ.

Лепочанъ.

Дѣтскій міръ.

Въ обширныхъ залахъ Таврическаго дворца размѣстилась эта богатая пестрая иллюстрація дѣтской жизни во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ.

Здѣсь собрано все, что только можетъ прямо или косвенно, а иногда лишь весьма отдаленно, относиться къ дѣтямъ. Жизнь ребенка взята съ момента его рожденія и доведена до того времени, когда онъ превращается въ взрослого человѣка.

Мы не беремъ на себя задачи останавливаться на подробностяхъ выставки и дать ей, такъ сказать, матеріальную картину. Она слишкомъ сложна и притомъ никакое описаніе не въ состояніи замѣнить живое изученіе. Къ сожалѣнію, возможность живого изученія доступна только жителямъ Петербурга, а безпрѣдѣльная русская провинція должна довольствоваться такъ или иначе доходящими до нея „слухами“.

Съ другой стороны, высказывать пожеланіе, чтобы выставка предприняла путешествіе и воочию показала себя провинціи, какъ дѣлаютъ это, напримѣръ, наши художественныя выставки, было бы бесполезно, потому что это неосуществимо. Идеаль, которому, быть можетъ, суждено осуществиться въ отдаленномъ будущемъ, это — путешествующія выставки, т. е. такія, которыя могли-бы безъ затратъ на разборку и новую установку въ каждомъ пунктѣ, передвигаться съ мѣста на мѣсто.

Безъ сомнѣнія, провинція гораздо больше нуждается въ такихъ выставкахъ, чѣмъ столицы, гдѣ до известной степени замѣняютъ ихъ многочисленные постоянные музеи, разнообразныя богатые магазины и мастерскія. Но пока этотъ идеаль осуществится, мы должны радоваться и тому, что для столицы такая выставка оказалась возможной.

Россія, конечно, представлена на выставкѣ полнѣе всѣхъ другихъ странъ, уже благодаря одному тому, что въ ней приняты дѣятельное участіе не только такіе специально-образовательныя вѣдомства, какъ Министерство Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомство Императрицы Маріи, но и другія, въ вѣдѣніи которыхъ имѣются воспитательно-образовательныя учрежденія, какъ духовное, городское управленіе и множество благотворительныхъ учреждений. Всѣ они составили „богатый учебный отдѣлъ“, вмѣстѣ съ частными учрежденіями и лицами.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ является: „гигіена дѣтскаго возраста и физическое развитіе“. Онъ распадается на двѣ, ярко очерченныя группы, по несчастью, раздѣленныя между собой непреходимой пропастью: группу идеальную и фактическую. Первая представляетъ то, что должно быть. Вотъ идеальная дѣтская; здѣсь все предусмотрено, принята во вниманіе каждая мелочь, могущая содѣйствовать правильному развитію: количество воздуха, потребнаго ребенку; обиліе солнечныхъ лучей, гигиеническая окраска стѣнъ, наилучшая система отопленія, цвѣтъ шторъ на окнахъ, наилучшее освѣщеніе (электричествомъ) и т. д..

Вотъ идеальный классъ: въ немъ полъ обитъ линолеумомъ, стѣны окрашены матово-бѣлой масляной краской, окна смотрятъ на югъ; паровое отопленіе, механическое провѣтриваніе, особая стекла въ окнахъ—съ призматическими ребрами, усиливающая дневной свѣтъ; въ него проведена вода, чтобы ученики чисто содержали руки; на подоконникахъ растенія, на стѣнѣ—термометръ, фотометръ, часы и т. д..

Вотъ образцовые столы и скамьи — съ ними ученику ничего не стоитъ правильно держать спину, ноги, руки..

А вотъ образцовое приданое для грудного младенца, образцовые рожки для кор-

мления молокомъ, образцовыя игрушки для малютокъ... Далѣе идутъ—способъ нормальнаго ношенія ребенка на рукахъ, нормальный костюмъ, нормальная обувь. Потомъ—дѣтскія клинники, пріюты, ясли, колоніи, школьныя дачи,—словомъ все, что должно способствовать правильному физическому и умственному росту дѣтей, что можетъ сдѣлать ихъ здоровыми и долговѣчными.

Это группа идеальная. Затѣмъ воображеніе должно нарисовать вамъ пропасть, по ту сторону которой домищается группа фактическая,—то, что есть въ дѣйствительности.

Въ дѣйствительности нѣтъ ни идеальныхъ дѣтскихъ, ни идеальныхъ классныхъ комнатъ, ни идеальныхъ условий роста дѣтей, а есть—утомленіе, малокровіе, всевозможныя искривленія, болѣзни и ограненный процентъ дѣтской смертности, что и показано моделями и таблицами.

Не будемъ останавливаться на богатомъ промышленномъ отдѣлѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ участіи иностранныхъ государствъ. Они не могли представить дѣтское дѣло съ той полнотой, какая желательна. Этому помѣшали разстояніи. Нѣкоторыя государства представлены очень бѣдно,—Франція бѣдна въ всѣхъ, слабо также проявилась Бельгія. Голландія явилась съ небольшою, но умно подобранною выставкой. Германія представлена довольно широко. Но самый богатый изъ иностранныхъ отдѣловъ—несомнѣнно Австрійскій и въ частности городъ Вѣна. Этотъ отдѣлъ дакъ интересенъ во всѣхъ подробностяхъ, что нѣтъ возможности дать о немъ сколько-нибудь ясное конкретное понятіе въ нашей короткой замѣткѣ.

На выставкѣ есть сцена, гдѣ даются представленія для дѣтей—чревовѣщатель съ своими куклами, физиономистъ, французскій гиньоль (русскій петрушка) съ мажонетками, комическіе куплетисты и т. п. На этой-же сценѣ читаются лекціи, въ томъ ридѣ известнымъ ревнителемъ дѣтскаго дѣла И. М. Радецкимъ, у котораго есть свой уголокъ на выставкѣ. Разуется—есть шоколадъ, пряники и чай. Для нашихъ рисунковъ мы взяли на выставкѣ нѣкоторые моменты, которые поддаются рельефному изображенію.

Текущая жизнь.

Дѣло обозрѣвателя событий въ настоящее время необыкновенно упростилось. Разсмотрѣніе и уловленіе оттѣнковъ по разнымъ вопросамъ, какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни, теперь не представляетъ ни малѣйшаго труда. Все равно, какъ адресъ-календари—сократили для насъ трудъ разысканія адресовъ добрыхъ знакомыхъ. Все дѣло теперь сосредоточено въ однихъ рукахъ—г. Демчинскаго.

Что касается внутренней политики, то это уже всякому давно извѣстно: „Климатъ“ рѣшаетъ всѣ вопросы нашей внутренней жизни. Но у него есть своя система и, кто незнакомъ съ тайнами этой системы, тотъ ничего не пойметъ.

Всѣ внутренніе вопросы рѣшаетъ „Климатъ“; это журналъ, на него существуетъ подписная плата. Дѣло это значитъ простое и особыхъ объясненій не требуется. Но особая система,—она требуетъ ключа къ себѣ.

Объяснимъ примѣромъ: когда г. Демчинскій предсказываетъ суровую тридцатигра-

дусную зиму, то это значитъ, что вы смѣло можете заложить въ ломбардъ вашу шубу и проходить всю зиму въ осеннемъ пальто.

Въ логикѣ это называется „доказательствомъ отъ противнаго“, а здѣсь немножко иначе,—доказательство къ противному, но это все равно.

Но оказывается, что почтенный прорицатель въ своей обсерваторіи занимается также и вопросами внѣшней политики. Мы не знаемъ, помогаютъ ли ему въ этомъ звѣзды, солнце и луна, или какіе-нибудь другіе феномены природы, но недавно стало извѣстно, что г. Демчинскій еще до китайской войны предсказывалъ японскую войну.

Война эта необходима, неизбѣжна и она будетъ, такъ говоритъ прорицатель. Дипломаты тамъ пусть говорятъ и дѣлаютъ, что хотятъ, а на обсерваторіи подъ Горбино рѣшено, что война должна быть и будетъ.

Однако, у почтеннаго прорицателя имѣетъ ся доводъ, которому никакъ нельзя отказать въ основательности и внуцительности: это 1,200,000 руб. въ день, которые тратятся на ожиданіе войны, т. е. на содержаніе всѣхъ военныхъ „возможностей“ на Востокѣ. Въ день, господа, въ день! Вѣдь это, ежели еще мѣсяць продлится ожиданіе, то получите добрыхъ тридцать пять милліоновъ экономіи. Хорошія деньги. На нихъ можно бы нѣсколько губерній вымостить...

Зачѣмъ же мостить губерніи? Ну, конечно — дороги, только дороги, и именно проселочныя дороги. Что такое проселочныя дороги? Это—бездорожье, это особый видъ наказанія, пытка, казнь.

Эта выдумка, очевидно, принадлежитъ нашимъ врагамъ. Это они выдумали проселочныя дороги, чтобы отвадить насъ отъ цивилизаціи.

Слѣдили-ли вы за засѣданіями особой коммисіи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности? Я съѣздилъ. Много тамъ было хорошихъ „посуленій“—и по части образованія и по части улучшенія орудій и по части облегченія кредита и все это доставляло мнѣ удовольствіе, но удовольствіе спокойное, ровное.

Когда же заговорили о дорогахъ, о, въ эти дни я не могъ спокойно спать. Я волновался и ждалъ новыхъ извѣстій и днемъ и ночью.

Не думайте, однако, что я не цѣню образованіе, улучшенныя орудія и облегченный кредитъ. Напротивъ, очень цѣню. Но когда я представляю себѣ обывателя деревни—образованнаго, съ прекрасными орудіями, съ всячески облегченнымъ кредитомъ, и вижу: вотъ, благодаря образованности, великолѣпной обработкѣ земли, случился прекрасный урожай... вотъ кончилось дѣло, обыватель торопится убрать, смолотить, ссыпать въ закромы, онъ богатъ, онъ чертовски богатъ; и вдругъ наступила осень, посыпались съ неба „осадки“, полились ручьи, дороги превратились въ русла рѣкъ и наступила глубокая непроходимость и непроѣздность... Когда я представляю себѣ это, то начинаю думать: это богатство не есть ли самая настоящая, самая жалкая бѣдность?.. потому что несомнѣнно болѣе жалокъ богачъ, который съ карманами, на-

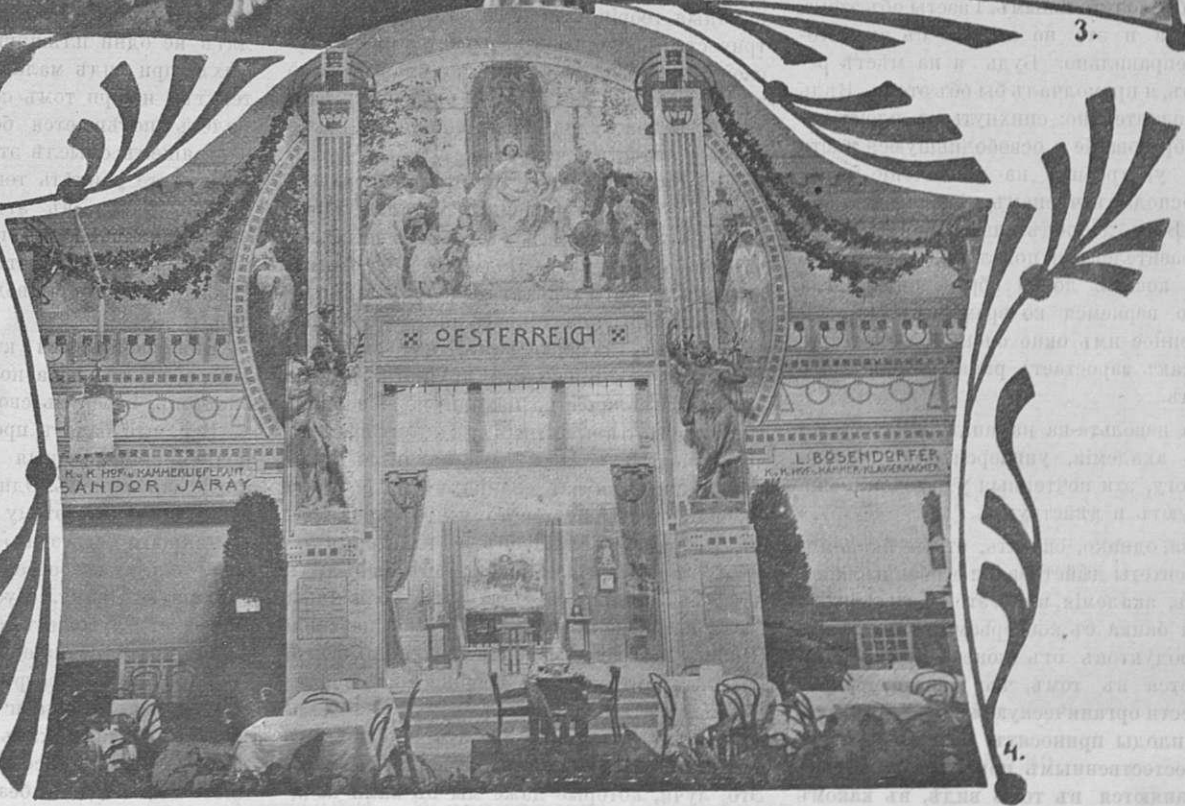

1.

2.

3.

4.

Выставка Дѣтскій міръ. 1. Принцъ, художникъ, лейтенантъ, желѣзнодорожный сторожъ, студентъ, богатая невѣста, близнецы—адвокаты и кассиръ. 2 и 3 Собрание В. Р. Апухтина. Дѣти разныхъ народовъ. 4. Австрійскій школьный отдѣлъ.

битыми золотомъ, не имѣть возможности купить фунтъ хлѣба, чѣмъ бѣднякъ, которому не на что купить хлѣба.

Когда въ комиссіи заговорили о желѣзныхъ дорогахъ, о подвозныхъ путяхъ, на душѣ у меня стало необыкновенно кисло. Эти вычисления тысячъ и даже миллионъ, потребныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, внушали мнѣ трепетъ за будущее. И мнѣ представлялась гимназистка, которая проситъ экономныхъ родителей сдѣлать ей новое форменное платье, потому что старое въ конецъ истрепалось, а родители ей говорятъ на это: милая, къ чему тебѣ франтить теперь, не все ли равно, въ чемъ будешь ходить въ гимназію? если хорошо будешь учиться, то и въ обтрепанномъ платьѣ получишь хорошую отмѣтку. Вотъ когда ты кончишь курсъ и станешь настоящей дѣвицей, тогда мы сошьемъ тебѣ роскошное бальное платье.

Желѣзныя дороги въ нашемъ положеніи, это и есть роскошное бальное платье. А мы, вѣдь, не на балъ собираемся, намъ было бы только, гдѣ пройти по нашимъ дѣламъ. Желѣзныя дороги требуютъ разговоровъ, разговоровъ, разговоровъ — на много много лѣтъ.

А намъ бы надо простенькое шоссе, или хоть грунтовая дорога подправить да мостики черезъ ручьи перебросить, да овраги засыпать. Вотъ наши скромныя желанія. А желѣзныя дороги, право, вырастутъ потомъ сами. Вотъ „Гражданинъ“ говоритъ, что въ Турціи дороги хорошія, куда лучше нашихъ. Въ Турціи, вѣдь, это почти Азія! Я краснѣю.

Отъ бездорожья прямой переходъ къ безвременью, а въ безвременье, какъ составная часть, входитъ безпардонность. Вотъ на тверскихъ стогнахъ народное образованіе нашли обременительнымъ. Газеты объ этомъ прокричали и это не хорошо съ ихъ стороны, неправильно. Будь я на мѣстѣ редакторовъ, я промолчалъ бы объ этомъ. Вѣдь это соблазнительно: спихнуть съ плечъ народное образованіе и освободившуюся часть бюджета употребить на увеличеніе жалованья господамъ членамъ уѣздной земской управы. Вѣдь, добродѣтель одиночна, а порокъ заразителенъ и поваленъ. А ну—какъ начнутъ косить: долой образованіе! Тогда мы живо вернемся ко временамъ Петра и прорубленное имъ окно очень быстро заростетъ, какъ зарастаетъ рана на здоровомъ организмѣ.

Тогда извольте-ка начинать все сначала: заводите академіи, университеты, театры. Слава Богу, эти почтенныя учрежденія еще существуютъ и дѣйствуютъ.

Недѣля, однако, сказать, чтобы академіи и университеты дѣйствовали особенно бойко. Впрочемъ, академія, вѣдь, это, такъ сказать, огромная банка съ консервами. Отличіе живыхъ продуктовъ отъ консервированныхъ заключается въ томъ, что первые продолжаютъ вести органическую жизнь, — цвѣтутъ, зрѣютъ, плоды приносятъ, но зато и разрушаются естественнымъ порядкомъ. Вторые же сохраняются въ томъ видѣ, въ какомъ попали въ банку. Отъ нихъ не жди ни цвѣ-

товъ, ни плодовъ, но зато ни долго остаются безъ разрушенія.

Впрочемъ, ежегодно объявляются преміи и счастливы, избранные въ почетные члены или въ члены-корреспонденты. И нынче въ этомъ отношеніи не было манкировки—были назначены преміи и народились почетные члены и члены корреспонденты. Все, значить въ порядкѣ.

Университетъ жилъ въ этомъ году тихо и нормально. Профессора учили, студенты учились. Будутъ экзамены, переводы на слѣдующій курсъ, дипломы. Значить, по окончаніи учебнаго года прибавится великое множество чиновниковъ. А такъ какъ безъ чиновниковъ отечество зачахло бы, то этому надо радоваться.

Нашумѣлъ Радій. Но, право, не знаю, къ какому вѣдомству его приурочить: къ академическому или университетскому. Кажется, ни то, ни другое въ немъ неповинно. Пришелъ онъ изъ за границы, а въ самомъ Петербургѣ о немъ больше всего хлопоталъ профессоръ Тархановъ—нынче уже пребывающій не у дѣлъ.

Радій не только нашумѣлъ, но успѣлъ уже выдѣлать изъ себя Гелій. Вы, можетъ быть, не знакомы еще съ этимъ химическимъ семействомъ? Это не моя обязанность знакомить васъ съ ними, это сдѣлаетъ кто нибудь другой, поученіе меня. А я только скажу два слова:

Радій, это—чародѣй. Онъ, конечно, металлъ, но на землѣ его всего только нѣсколько крупницъ. Красоты въ немъ, кажется, нѣтъ никакой, но „свойства чудныя имѣетъ“, впрочемъ больше разрушительнаго характера.

Уже то, около чего онъ близко полежитъ, непременно разрушается, распадается, теряетъ свои свойства и, что всего хуже, разрушаются не только вещи, но цѣлыя научныя теоріи. При немъ, напримѣръ, электричество пасуетъ и отказывается проявлять свои обычные свойства: подумайте, само электричество,—которое до сихъ поръ считалось самой чудодѣйственной силой, какая только извѣстна человѣку и которое творило настоящія чудеса. Поэтому онъ страшно дорогъ, этотъ новоявленный металлъ. Говорятъ, что золотникъ его стоитъ шестьдесятъ тысячъ рублей. Подумайте, одинъ золотникъ можетъ обогатить человѣка. Но не увлекайтесь и не ищите: напрасно потратите время. Говорю вамъ, на землѣ его всего только нѣсколько крупницъ, все же остальное количество находится на солнцѣ. Подождемъ лѣтъ пятьсотъ; къ тому времени челоѣчество, можетъ быть, научится добывать металлы и изъ солнца, но тогда радіо цѣна будетъ грошъ, потому что ни на браслеты, ни на б. ошки онъ не годится.

А въ послѣднее время онъ выдѣлалъ изъ себя Гелій, совсѣмъ ужъ солнечный газъ, какъ показываетъ и самое названіе (Helios, по-гречески значить солнце), а что еще выдѣлать и какъ вообще еще себя рекомендуетъ, неизвѣстно.

Попутно ужъ надо сказать и о другомъ открытіи, получившемъ названіе N-лучей. Это лучи, которые даже мы съ вами издаемъ, читатель.

Да, да, мы свѣтимся, только этого никто не видитъ. Вокругъ насъ—сіяніе. Наибольшее сіяніе издаютъ тѣ органы нашего тѣла, которые больше работаютъ. Такимъ образомъ челоѣка, много думающаго, теперь совсѣмъ легко отличить отъ балбеса, который ни о чемъ не думаетъ. У много думающихъ голова окружена яркимъ сіяніемъ, а вокругъ головы балбеса такая же темнота, какъ и въ самой головѣ.

Подробности объ этомъ вамъ расскажутъ ученые, а я только съ удовольствіемъ констатирую, что мы съ вами не такіе уже темные предметы, какъ это казалось раньше, ибо мы свѣтимся.

Что же касается театровъ, то въ нихъ играли и играютъ исправно, хотя ничѣмъ особеннымъ не удивляютъ міръ.

Въ оперѣ царятъ по прежнему Шаляпинъ и Собиновъ. Маринскій театръ въ оперные дни дѣлаетъ средніе сборы, Маринскій театръ, который такъ привыкъ къ тому, чтобы въ немъ негдѣ было яблоку упасть,—но зато, когда пріѣзжаютъ московскіе оперные очарователи, назначаются бѣшенныя цѣны и театръ набивается биткомъ. Фигнеръ добровольно уступилъ имъ поле дѣйствій и самъ удалился на „погибельный Кавказъ“, который для его антрепризы дѣйствительно оказался погубительнымъ.

Надо сказать два слова о балетѣ. Если вы живете въ провинціи, то вы не имѣете надлежащаго понятія объ этомъ родѣ искусства. Балетъ у насъ привыкли относить къ разряду соблазнительныхъ зрѣлищъ. Установили это люди съ развращеннымъ воображеніемъ. Они не могутъ видѣть легко одѣтую женщину, чтобы имъ въ голову не пришли дурныя мысли.

Но нынче взгляды измѣнились. На балетъ смотрятъ серьезно и видятъ въ немъ серьезный отдѣлъ искусства. Въ театрѣ сидятъ не одни плѣшивые старички, у которыхъ при видѣ маленькой ножки—слюнки текутъ, и при томъ совершенно напрасно. Балетъ посѣщается большой публикой въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ балетѣ вы можете увидѣть теперь и учащуюся молодежь. Тамъ, въ этомъ очаровательномъ мірѣ воплощенныхъ грезъ, они находятъ отдохновеніе отъ жестокой борьбы за существованіе, которую ведутъ въ продолженіе дня.

Они забираются къ кассѣ Маринскаго театра въ три часа ночи, въ день раздачи билетовъ, и берутъ свои мѣста съ бою.

И самый балетъ преобразился. Въ немъ появились серьезныя артистки, съ глубокимъ дарованіемъ. Одна г-жа Павлова могла бы уже сдѣлать этому искусству репутацію настоящаго серьезнаго искусства. Въ „Жизели“ она художественно разыгрываетъ трогательную драму. Публика выходитъ изъ театра съ глубокимъ впечатлѣніемъ.

Въ драмѣ все идетъ по старому: въ Александринскомъ театрѣ по прежнему властвуетъ г-жа Савина и властвуетъ, конечно, по праву, такъ какъ она прекрасная артистка. Однако, все-же времена переимѣнились. Еще недавно безъ Савиной на афишѣ драматургу нельзя было и думать объ ус-

пѣхъ, а нынче вотъ, напримѣръ, „Высшая школа“ г. Потапенко прошла большее число разъ, чѣмъ всякая другая пьеса (17) и дала дирекціи на кругъ по тысячѣ шестьсотъ рублей за спектакль—и г-жи Савиной въ ней нѣтъ.

Это нисколько не уменьшаетъ достоинствъ Маріи Гавриловны, но показывается, что и у другихъ актеровъ и актрисъ тоже есть достоинства и большія, что и требовалось доказать.

Новыя пьесы, нельзя сказать, чтобы проваливались, а такъ,—не обнаружили устойчивости. Исключая вышеупомянутой „Высшей школы“, да „Вчера“ Трахтенберга и „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ Тургенева, который счастливо былъ возобновленъ, остальные новинки остались ни при чемъ.

Пріѣзжала въ Петербургъ изъ провинціи В. Ф. Комиссаржевская. Вотъ это тоже ново: прежде гастролеры изъ Петербурга въ провинцію ѣздили и другого порядка нельзя было себѣ и представить, а теперь на оборотъ: Комиссаржевская пріѣхала къ намъ на гастроли изъ провинціи и, конечно, подняла театральнй термометръ до точки кипѣнія.

Надо бы еще о московскихъ дѣлахъ поговорить, но у меня уже нѣтъ мѣста. Это я оставлю до другого раза. А теперь упомяну еще о самомъ грустномъ: въ Чикаго сгорѣлъ театръ сгорѣлъ онъ днемъ, но въ это время въ немъ было представленіе.

Играли пьесу для дѣтей и театръ былъ полонъ дѣтей. Страшно сказать: около семисотъ труповъ и большею частью дѣтскихъ.

Что за ужасная беззащитность! Прежде горѣли театры потому, что не удовлетворяли условіямъ пожарной безопасности. Они строились кое-какъ, съ большимъ участіемъ дерева, освѣщались горючимъ керосиномъ, въ нихъ было мало выходовъ. Теперь искусство театральнхъ построекъ доведено до совершенства. Изъ постройки совсѣмъ изгнано дерево. Множество выходовъ, казалось бы, гарантируютъ безопасность. Освѣщаются театры электричествомъ. И вотъ подите-же, что ни годъ, то пожаръ въ театрѣ.

Счастливы были греки, которые могли устраивать театральныя зрѣлища подъ открытымъ небомъ. Мы этого не можемъ, потому что открытое небо слишкомъ щедро заливаетъ насъ „осадками“. Противъ этого даже г. Демчинскій ничего не можетъ поделаться.

Ольховскій.

К. С. Баранцевичъ.

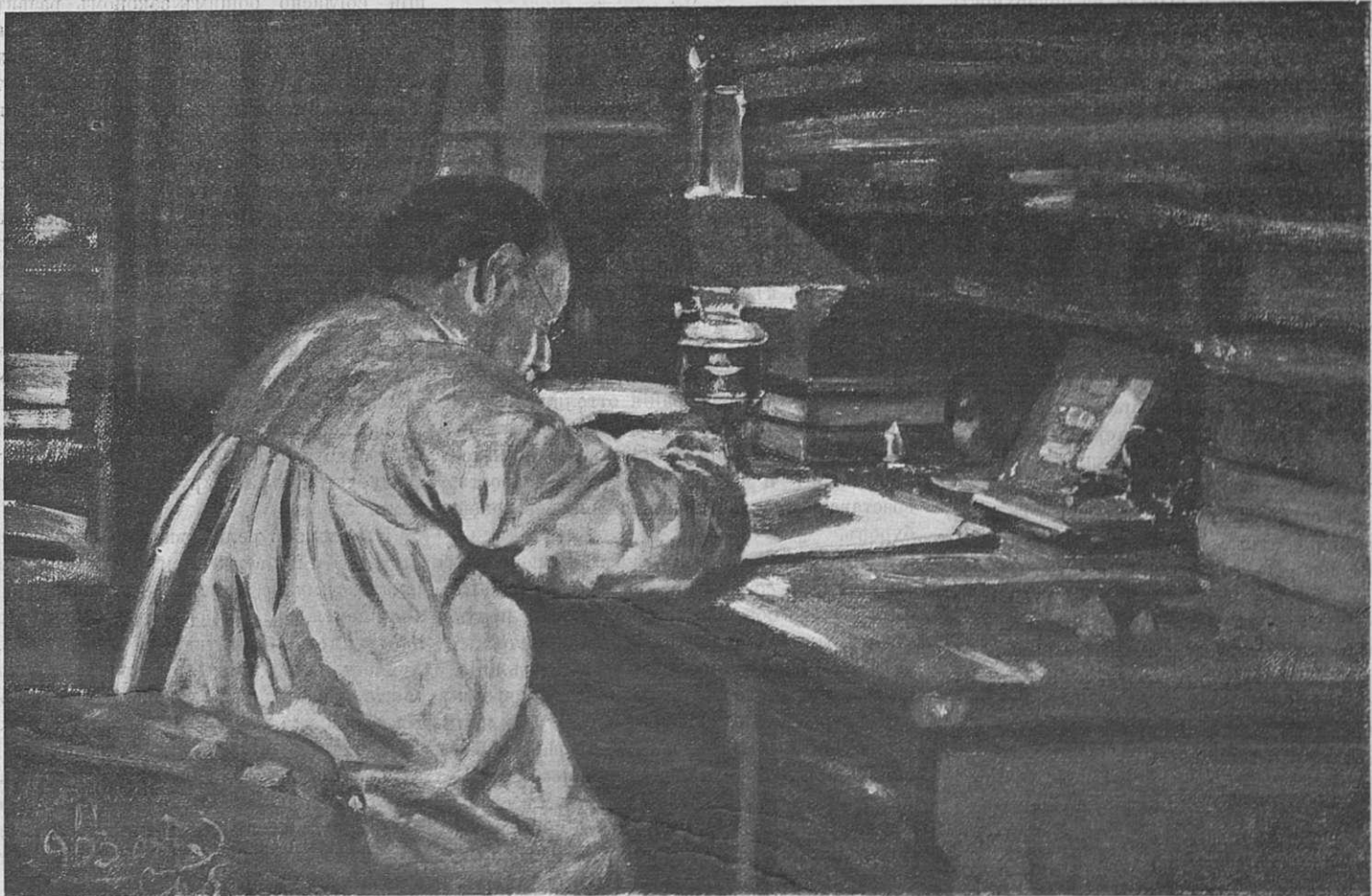
Есть писатели, вызывающіе удивленіе неожиданными эффектами изображенія, поражающія глубиной, плѣняющія яркостью красокъ.

Есть писатели, ведущіе за собою толпу, одни потому, что имъ удалось задѣть ее за живое, ударить по самымъ чувствительнымъ струнамъ души; другіе—по неисповѣдимымъ судьбамъ удачи или моды.

Ни на одну изъ этихъ ролей никогда не претендовалъ К. С. Баранцевичъ.

Въ концѣ минувшаго декабря исполнилось тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые взялъ въ руки перо, чтобы изобразить радости и бѣды „средняго челоѣка“, того незамѣтнаго и скромнаго труженника, которымъ въ сущности держится земля. Все, что составляетъ жизненный обиходъ этого негеройствующаго героя, тридцать лѣтъ служило сюжетомъ для произведеній, почтеннаго беллетриста.

То обстоятельство, что Баранцевичъ въ своихъ произведеніяхъ никогда не выходилъ изъ этого ограниченнаго круга, даетъ поводъ заподозрить его произведенія въ однообразіи. Но это—заблужденіе. Кругъ, конечно, ограниченъ, иначе онъ не былъ бы кругомъ. Но площадь его огромна и въ предѣлахъ этого круга живутъ и дѣйству-

К. С. Баранцевичъ въ своемъ кабинетѣ.—Этюдъ съ нат. И. К. Пархоменко.

Азготипія „Живописнаго Обозрѣнія“.

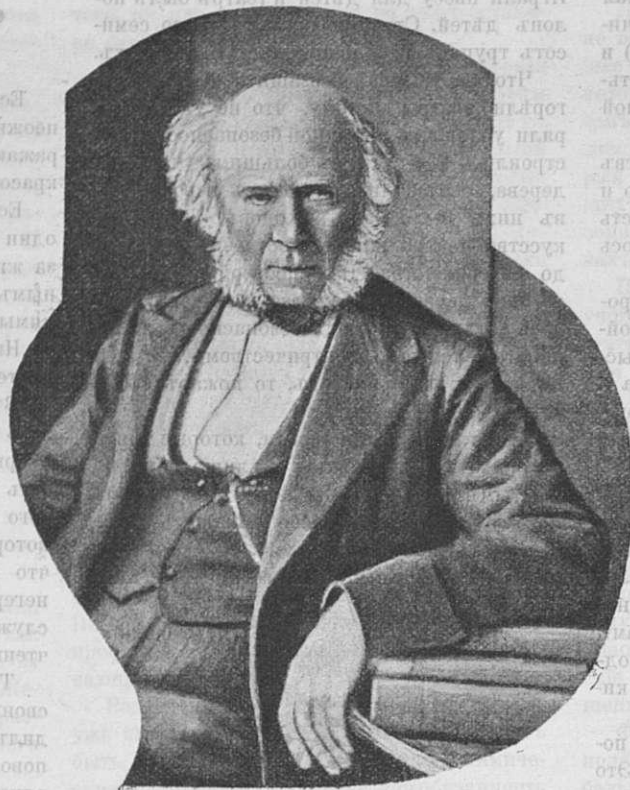
ють самые разнообразные слои общества. При томъ — Баранцевичъ — писатель живой, воспримчивый и тонко-чувствующій. Тридцать лѣтъ — тотъ разнообразный кругъ, который составляетъ сферу его наблюдений, не стоялъ на мѣстѣ, а кипя и волнуясь, вмѣстѣ съ другими слоями русскаго общества двигался впередъ.

Писатель, чутко уловливающий отбѣнки движенія такого обширнаго круга, не можетъ быть однообразнымъ. Если фонъ жизни его героевъ составляетъ пронизывающій насквозь весь этотъ обширный пластъ человечества, одинъ мотивъ — нужда и вѣчная, ежедневная борьба съ нею, то это не вина писателя. Но, вѣдь, нужда не всегда стонетъ, нерѣдко она, по поговоркѣ, „скачетъ, пляшетъ и пѣсенки поетъ“, и эти пѣсенки, далеко не всегда веселыя, даютъ писателю прихватить юморъ, ту художественную усмѣшку, присутствіе которой въ талантѣ автора, намъ дорого.

Разсказывать біографію К. С. Баранцевича мы здѣсь не будемъ. Она достаточно хорошо извѣстна. Это — прототипъ біографій лучшихъ изъ его героевъ, именно тѣхъ, которые, брошенные въ водоворотъ будничной борьбы съ нуждой, не дали этому водовороту затереть себя, не обезсилѣли, не опустили рукъ, не сдались, а грудью пробили себѣ дорогу и вышли на поверхность и заняли почетныя мѣста. Таковъ и самъ А. С. Баранцевичъ. Съ самаго юнаго возраста ему приходилось постоянно бороться и защищать свою личность. Безъ „наследственную“, безъ связей, которыя такъ облегчаютъ путь, безъ пособниковъ, онъ прорубилъ себѣ дорогу единственно своимъ талантомъ и работой и также занимаетъ неотъемлемое и почетное мѣсто въ ряду работниковъ художественнаго слова.

Тридцать лѣтъ литературной работы при такихъ условіяхъ, когда приходится вести борьбу иногда за элементарныя права существованія, — это не шутка. И когда при этомъ писатель имѣетъ право сказать, что въ этой борьбѣ онъ не потерялъ ни капли своей чуткости, отзывчивости, сберегъ въ себѣ душу живую и, вступая во второй полувѣкъ своей жизни, онъ держитъ въ рукѣ свое перо также непоколебимо и честно, какъ держалъ его тридцать лѣтъ назадъ, то тридцатилѣтіе литературной дѣятельности такого писателя изъ ограниченнаго профессиональнаго круга переходить въ широкую общественную сферу, приобретаетъ общественное значеніе. Таковъ писатель — К. С. Баранцевичъ, котораго мы отъ души приветствуемъ здѣсь.

Другъ

Гербертъ Спенсеръ. † 8 Декабря 1903 г.

Гербертъ Спенсеръ.

25 ноября (8 Декабря) 1903 года умеръ Гербертъ Спенсеръ величайшій мыслитель Англій второй половины XIX вѣка. Родился Спенсеръ 27 апрѣля 1820 г.; отецъ его былъ учителемъ въ Дэрби и молодому Герберту пришлось ограничиться домашнимъ воспитаніемъ.

Въ молодости Гербертъ не отличался прилежаніемъ, увлекался рисованіемъ, оказывалъ блестящія способности по математикѣ и механикѣ, къ иностраннымъ же языкамъ былъ крайне равнодушенъ. Съ дѣтства Гербертъ долженъ былъ посѣщать вмѣстѣ съ отцомъ и матерью квакерскія собранія методистовъ и эти собранія оттолкнули молодого Спенсера отъ церкви. Всю жизнь Спенсеръ былъ защитникомъ либеральныхъ принциповъ и уже въ глубокой старости возставалъ противъ шовинизма завоевателей буровъ.

Университетскаго образованія Спенсеръ, несмотря на совѣты своего дяди, давшаго ему среднее образованіе, не желалъ получать. Позднѣйшія почести и академическіе титулы Спенсеръ всегда отстранялъ. На 18 году онъ былъ инженеромъ, долгое время затѣмъ работалъ въ „Экономистѣ“, но при этомъ занимался геологіей, біологіей и ботаникой. Съ 1855 г., переселившись въ Лондонъ, онъ посвящаетъ себя разработкѣ своей философской системы извѣстной подъ именемъ эволюціонизма, обнаруженіе которой вовлекло его въ долгъ до 1200 фун. стерл., который имъ и уплачивался въ теченіи 10 лѣтъ изъ небольшого состоянія, доставшагося ему отъ отца. Сочиненія свои Спенсеръ издавалъ самъ. Радостей и горестей

семейной жизни онъ не испыталъ. Недавно Гаупомъ написана довольно обстоятельная біографія Спенсера и издана Фалькенбергомъ въ „Классикахъ Философій“.

Спенсеръ занялъ почетное мѣсто среди выдающихся англійскихъ мыслителей XIX столѣтія на ряду съ Дж. Миллемъ, Карлеемъ и Дарвиномъ. Его 10-ти томная „Система синтетической философій“ обнимающая науки: физиологію, біологію, психологію, социологію и этику составляетъ плодъ сорокалѣтняго труда мысли, оконченная въ 1893 г.; въ это же время вышло пятымъ изданіемъ „Ученіе о принципахъ“, первый томъ колоссальнаго сочиненія, начатаго еще въ 1865 г. Въ работахъ своихъ Спенсеръ выражаетъ основныя мысли біологической эволюціи и въ этихъ выводахъ своихъ онъ приближается къ Ламарку. Біологическая эволюція затѣмъ переходитъ въ космическую эволюцію; въ этихъ трудахъ своихъ онъ находится подъ влияніемъ натуральной философій Шеллинга и Канто-Лапласской гипотезы о происхожденіи планетной системы.

Въ самомъ процессѣ творчества Спенсера, въ самомъ возведеніи его философской системы сказалось подтвержденіе его эволюціонной теоріи. Собраніе его сочиненій это — цѣлый организмъ, выросшій согласно общимъ законамъ развитія, какъ имъ училъ самъ Спенсеръ. Начавшись съ концентраціи явленій жизни, съ „первыхъ“ общихъ принциповъ, работы его въ дальнѣйшемъ представляли собою дифференцировку частей, раздробленіе міра явленій на опредѣленные отдѣлы и чѣмъ дальше, тѣмъ разнообразнѣе дѣлался предметъ изложенія и тѣмъ рѣзче опредѣлялся кругъ изученія каждаго предмета отдѣльно. Такъ напр., по ученію Спенсера, чувство долга отчасти наследственно, отчасти прививается воспитаніемъ и можетъ быть развито въ свободную добродѣтель; поступки разумныхъ существъ никогда не были вполне эгоистичны, доказательствомъ служить то, что поступки самопожертвованія можно найти даже у животныхъ, хотя стремленіе къ счастью трудно согласуется съ альтруистическими поступками.

Въ вопросѣ религіозномъ Спенсеръ считаетъ себя приверженцемъ „Агностицизма“, по которому не можемъ знать ничего о находящемся *по ту сторону*; но онъ не отрицаетъ идею Абсолютнаго или Божества, и думаетъ, что допущеніе всеобщей причины также правдоподобно, какъ и общія понятія точныхъ наукъ. Господство религій, сила ихъ, не смотря на ихъ различіе, вынуждаетъ сознаться, что въ ихъ идеалахъ есть доля правды. Вопросы о томъ, личенъ ли Богъ или безличенъ, излишни, такъ какъ его надо представлять себѣ выше личности.

Объясняя міръ съ точки зрѣнія механическихъ законовъ, Спенсеръ открылъ и въ ростѣ, развитіи и паденіи человеческихъ обществъ тотъ же законъ эволюціи и на

щель, что учрежденія создаются не умомъ человѣческимъ, не философскимъ направле- ніемъ мыслителей, а потребностями жизни, коренящимися въ біологическихъ и психо- логическихъ свойствахъ людей, которые вмѣстѣ съ животнымъ міромъ, стремятся къ свободному развитію. Роль государства — только содѣйствовать и охранять эту сво- боду и никакихъ другихъ функций имѣть оно не должно. Стѣсненіе свободы, даже мень- шинства гражданъ, задерживаетъ прогрессъ и даже ведетъ къ разложенію государствен- наго организма. Эта индивидуальность Спенсера казалась нѣкоторымъ изъ его со- отечественниковъ слишкомъ субъективной, но Спенсеръ стойко держался своего „инди- видуализма“ и своего взгляда на свободу личности, какъ на первую и единственно правильную и естественную функцию госу- дарства.

Спенсеръ былъ доступенъ читателю, языкъ его былъ всегда простъ и ясенъ, такъ какъ это былъ языкъ простого и до- гивальности яснаго ума. Въ особенную за- слугу Спенсеру ставится *возведеніе социологіи* въ спеціальную науку, но это заключеніе едва ли справедливо, такъ какъ въ этомъ вопросѣ первенство безспорно должно при- надлежать О. Конту.

Смерть Спенсера величайшая потеря для всего культурнаго міра и потеря эта для европейской мысли и жизни неамъ- нима.

— Вся мыслительная работа Спенсера зай- меть почетное мѣсто въ исторіи философіи. Личность же его принадлежитъ къ само- бытнымъ характерамъ, всегда борющимся за все благородное.

Д. Бородинъ.

А. П. Философова.

Къ юбилею высшихъ женскихъ курсовъ.

„Встали не бужены
Вышли не прошены,

Некрасовъ.

Было бы очень странно, если бы въ дви- женіи русской мысли не приняла участія русская женщина. При всемъ ей тяжеломъ положеніи въ настоящемъ, при всемъ, что она протерпѣла на протяженіи прошлой исторіи Россіи, русская женщина добилась въ борьбѣ за свои права такихъ результа- товъ, что поневодѣ припоминается пригвѣзъ русской пѣсенки: „скинь-ка шапку, да по- ниже поклонись“. И такіе знатоки русской жизни, такіе чуткіе льбтопцеицы движенія русской мысли, какъ Тургеневъ и Гонча- ровъ, уже въ шестидесятихъ годахъ прош- лаго столѣтія воплощали въ своихъ творе- нияхъ высокой, идеальной типъ русской женщины.

Конечно, русская женщина не могла огра- ничиться однимъ только самообразованіемъ. Ей было необходимо войти въ самое нутро знанія, пройти систематическій курсъ выс- шаго образованія. Она потребовала для себя такихъ же правъ, какія были присвоены и мужчинамъ. Эти требованія исходили отнюдь не изъ какихъ либо матеріальныхъ вожделѣній. Здѣсь ратовали за женскія права во имя общечеловѣческаго равно- правія.

Вначалѣ движеніе встрѣтило сильный от- поръ. И русская женщина двинулась за- границу. Брюлова, Волкова, Ефименко, Ко- шеварова, Ковалевская, Лермонтова, Пе- реяславцева, Сулова... Какія дорогія имена! Какъ высоко держали онѣ знамя женщи- ны-человѣка.

Образовался массовый отливъ молодыхъ силъ за-границу. Это показалось неудоб- нымъ. Началось движеніе въ пользу устрей- ства высшихъ женскихъ курсовъ въ Россіи. Въ 1867 г. во главѣ движенія стали Е. Н. Конради, Н. В. Стасова, А. П. Философова, М. В. Трубникова. Въ началѣ слѣдующаго

года на имя ректора С.-Петербургскаго университета поступило соответственное прошеніе. Среди другихъ прошеніе подпи- сали дочь военнаго министра Д. Милютина, графиня А. Г. Толстая, графиня Ростопчина и другія дамы „высшаго свѣта“.

Просительницы объясняли свой шагъ же- ланіемъ „поднять уровень женскаго обра- зованія вообще и въ то же время дать воз- можность нѣкоторымъ способнымъ лично- стямъ достигъ степени знанія, нужнаго для занятія мѣстъ преподавательницъ въ выс- шихъ классахъ женскихъ учебныхъ заве- деній“.

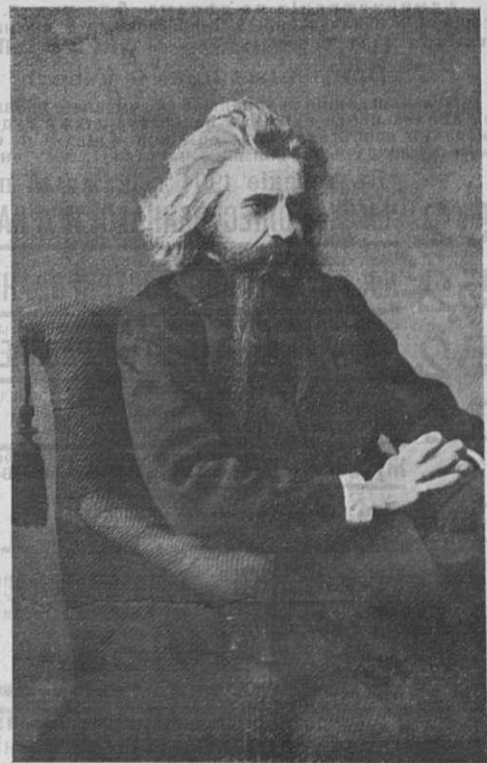
Совѣтъ университета назначилъ комиссію подъ предѣлательствомъ профессора А. П. Бекетова. Комиссія признала, что „учре- женіе правильныхъ и отдѣльныхъ для женщинъ такихъ курсовъ, которые отнюдь не приняли бы характера популярнаго и пуб- личнаго лекцій, заслуживаетъ полнаго со- чувствія со стороны университета, какъ дѣ- ло въ высокой степени полезное“. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой далъ согласіе на учрежденіе лишь „общихъ публичныхъ лекцій, т. е. совмѣстно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи общихъ постановленій о публичныхъ лекціяхъ“.

Курсы открылись и... скоро должны были прекратить свою дѣятельность.

Курсы терестили функционировать. Но не энергія учредительницъ. Онѣ продолжали свою плодотворную работу добились отъ графа Д. А. Толстого, что онъ призналъ высшіе женскіе курсы „дѣломъ полезнымъ и даже необходимымъ, въ цѣляхъ отвле- ченія женщинъ отъ за-границныхъ универ- ситетовъ“. И въ 1878 году высшіе женскіе курсы были открыты. Завѣдываніе курсами принялъ на себя профессоръ Вестужевъ-Рю- минъ. Самые курсы стали называться „Ве-

К. Н. Вестужевъ-Рюминъ.

В. С. Соловьевъ.

стужевскими". Обязанности ближайшаго наблюдѣнія за слушательницами приняла на себя „распорядительница“ Н. В. Стасова. Лучшіе ученые предоставили курсамъ свой трудъ совершенно безвозмездно. Химію читали Менделѣевъ и Бутлеровъ, физиологію Сѣченовъ, философію Владиміръ Соловьевъ, государственное право—Градовскій, статистику—Янсонъ. Всеобщую литературу—Веселовскій, зоологію—Богдановъи Вагнеръ (Коть-мурлыка), русскую литературу—Орестъ Миллеръ. Русская женщина „шла сюда услышать вѣщее слово истины, шла какъ на праздникъ, не боясь труда, бѣдности, иногда прямо голода и холода; ее питала надежда на плодотворную общественную работу, согрѣвалъ внутренній огонь энтузіазма“.

Въ 1885 году высшіе женскіе курсы, помѣщавшіеся по Сергіевской, въ домъ Боткина, перешли въ свой собственный домъ, на Васильевскомъ Островѣ. А въ 1886 г. курсы были закрыты въ виду необходимаго пересмотра вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. „Курсы“ не дѣйствовали до 1889 г. 28-го сентября 1889 г. они снова заговорили, но уже съ другой организаціей. Душой бывшихъ курсовъ было „Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ“. Въ 1889 г. этому Обществу была отведена скромная роль—вѣдать одну только хозяйственную часть. Прежняя плата 50 руб. въ годъ—удвоена. Историко-филологическое отдѣленіе лишено каедръ политической экономіи и исторіи государственныхъ учреждений. Изъ числа пред-

метовъ по физико-математическому отдѣленію исключены гистологія и физиологія. Директоръ и инспектриса курсовъ назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія. Иногороднія слушательницы должны были жить въ интернатѣ.

Новый лучъ свѣта проникъ въ высшіе женскіе курсы въ концѣ 1901 года. 29-го сентября этого года, по докладу ген.-ад. П. С. Ванновскаго о полезной педагогической дѣятельности окончившихъ курсъ наукъ на высшихъ женскихъ курсахъ—министру народнаго просвѣщенія Высочайше предоставлено право давать разрѣшеніе на назначеніе ихъ преподавательницами во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. До тѣхъ поръ слушательницы курсовъ не пользовались на родинѣ никакими правами которыя предоставлялись бы имъ образованіемъ.

Какъ относилось къ дѣлу высшаго образованія само общество? „Высшіе женскіе курсы“ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ дали пріютъ сотнямъ и тысячамъ русскихъ женщинъ. Преобладающимъ элементомъ на курсахъ были дѣвушки бѣдныя. Онѣ приносили на алтарь науки все свое достояніе: энергію, желаніе учиться, страстную любовь къ человѣку, какъ высшему идеалу всего прекраснаго, возвышеннаго. И только. Никакихъ матеріальныхъ средствъ. Даже, наоборотъ: обязательство какъ-нибудь возмѣстить брешь, пробитую ихъ уходомъ на курсы, въ экономіи домашняго хозяйства. И все эти сотни и тысячи женщинъ кончали курсъ наукъ на средства

общества. Кажется, лучшаго опредѣленія отношенія общества къ идеѣ высшаго женскаго образованія сдѣлать нельзя.

Вотъ краткій перечень событий, которыя приходится отмѣтить въ эпоху двадцатипятилѣтія высшихъ женскихъ курсовъ. Эти двадцать пять лѣтъ—одно побѣдное шествіе мысли. Никакія препоны, никакіе уколы самолюбію не остановили русскую женщину на ея пути къ челоавку. Всей своей жизнью доказала ученая русская женщина свои права. Она доказала больше. Вопреки предсказанію гасителей свѣта, что изъ химической лабораторіи можетъ выдти только либо синій чулокъ, либо нигилистка, либо женщина, потерявшая способность ориентироваться въ принципахъ общественной нравственности, русская курсистка доказала, что женщина, ставъ научно образованнымъ челоавкомъ, осталась женщиной во всей своей прелести и только болѣе сознательно, болѣе строго и отрицательно относится къ тому, что принято называть женскимъ легкомысліемъ... въ чемъ такъ любятъ обвинять женщинъ, побывавшихъ на курсахъ, непримиримые враги женскаго образованія.

Лепинъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ памяти М. Г. Глинки.—Дѣтскій міръ.—Текущая жизнь, Ольховскаго.—К. С. Баранцевичъ, Друг.—Гербертъ Спенсеръ, Д. Ёородина.—Къ юбилею высшихъ женскихъ курсовъ, Лепина.

Редакторъ А. П. Несторъ.
Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

Открыта подписка на 1904 г. на

„Живописное Обозрѣніе“

Администрація по дѣламъ Дра Мед. В. И. Рамма, приведетъ въ порядокъ его обширное издательское и типографское дѣло, начнется свою дѣятельность съ 1-го января 1904 г. **Изданіемъ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.**

При ближайшемъ участіи И. Н. ПОТАПЕНКО.

Новая редація журнала, озабочиваясь привлеченіемъ къ ближайшему участію въ ея дѣятельности лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, не ждаель прибѣгнуть къ обычной рзламѣ и обѣщаніямъ, полагая, что само изданіе журнала привлечетъ вниманіе читателей, если оно того будетъ заслуживать.

Въ теченіе 1904 г. каждый подписчикъ получитъ:

- 52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА. Снимки съ картинъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ художников.—Выставки въ Россіи и за границей.—Романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія.
- 52 №№ журнала ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НЕДѢЛЯ. —Событія недѣли въ Россіи и за границей въ статьяхъ и въ рисунк.—Фельетоны: Столичные этюды. Провинціальныя мелодіи. За рубежомъ. Юбилей Некрологи.
- 52 №№ журнала ПОЛЬЗА и РАЗВЛЕЧЕНІЕ. —Популярныя статьи по вѣснымъ вопросамъ знанія. Хроника новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній—Игры и забавы дома и на воздухѣ. Шутки, шарady, ребусы, задачи и загадки.
- 12 ежемѣс. книгъ ЛІТЕРАТУРНАГО ПОЛИТИЧЕСКАГО и ОБЩЕСТВЕННАГО журнала. Больше 2000 страницъ текста. Обозрѣніе: литературное, иностранное, внутреннее, экономическое, научное.—Воспоминанія и путешествія.—Больше романы и повѣсти.
- 12 вып. журн. Моды. Хроника модъ. Письма изъ Парижа, Вѣны, Лондона, Моды дамскія и дѣтскія.
- 12 вып. Выкройки и вышиванія по новѣйшимъ образцамъ русскихъ и иностран. авторовъ

52 **КНИЖКИ** полного иллюстрированнаго собранія романовъ знаменитаго англійскаго юмориста „**ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА**“ до 6000 страницъ текста. Болѣе 200 иллюстрацій.

Всѣ внесшіе подписные деньги на 1903 г. получаютъ въ размѣрѣ своего взноса журналъ и всѣ приложенія на 1904 г. **БЕЗПЛАТНО.** Приславшіе въ 1903 г. на пересылку „Третьяковской Галлерей“ получатъ эту галлерей **БЕЗПЛАТНО** по внесеніи полной подписной суммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 8 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 3 руб. и въ 1-му апрѣля 3 руб., и въ 1-му іюня 2 руб. или перемѣно мѣсяцевъ по 1 руб.

Подписка принимается въ Гавн. Ковт. **ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ. С.-Петербургъ, Невскій, 90.**
Редакторъ А. П. Несторъ. Предсѣд. Адм. Прис. Повѣр. Д. Н. Бородинъ.

Открыта подписка на 1904 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВОСТЬ И ВЕРЕЖЛИВОСТЬ

подъ редакціей Присяжнаго Повѣреннаго **Д. Н. Бородина.**

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

- I. Правительственныя распоряженія.—II. Статьи, обзоры и корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ.—III. Питейное дѣло.—IV. Кредитъ и банковое дѣло.—V. Страховое дѣло.—VI. Профессиональное дѣло.—VII. Кустарное дѣло.—VIII. Артельное дѣло.—IX. Переселенческое дѣло.—X. Биржа, фондовыя и вексельныя бумаги.—XI Хроника.—XI I. Обзоръ печати и библиографія.—XIII. Биографіи, очерки и рассказы.—XIV. Ответы на вопросы читателей.—XV. Рисунки и чертежи.—XVI. Объявленія.

Подписная цѣна:

Съ пересылкой и доставкой на годъ—3 руб., полгода—1 руб. 50 коп., четверть года—1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, улица Глинки, 6.—Телефонъ № 307.

Въ концѣ 1904 г. всѣ гг. подписчики получатъ **Безплатную премию** сочиненіе Д. Н. Бородина „**АЛКАГОЛИЗМЪ У ДѢТЕЙ**“.

Редакторъ-издатель Д. Н. Бородинъ.

Для дѣтей

Живописное Обзорѣніе

Полъза Акъ Разъясцѣніе

При ближайшемъ участіи *И. И. Потапенко.*

Исторія, которая никогда не кончилась.

Тысяча тысячъ верстѣ.

Я открылъ глаза и опять закрылъ ихъ, потому что въ комнатѣ было темно и я думалъ, что еще ночь.

Это случалось со мной каждое утро: я открывалъ глаза раньше, чѣмъ отворили ставни и, такъ какъ мнѣ не хотѣлось разставаться съ мягкой теплою постелью, съ моимъ хорошенькимъ стеганнымъ одѣяломъ, начиненнымъ легкимъ пухомъ и такъ ласково обнимавшимъ мое маленькое худенькое тѣльце, то я всякій разъ увѣрялъ себя, что еще ночь и закрывалъ глаза. Часто я засыпалъ вновь, а иногда такъ лежалъ, безъ сна.

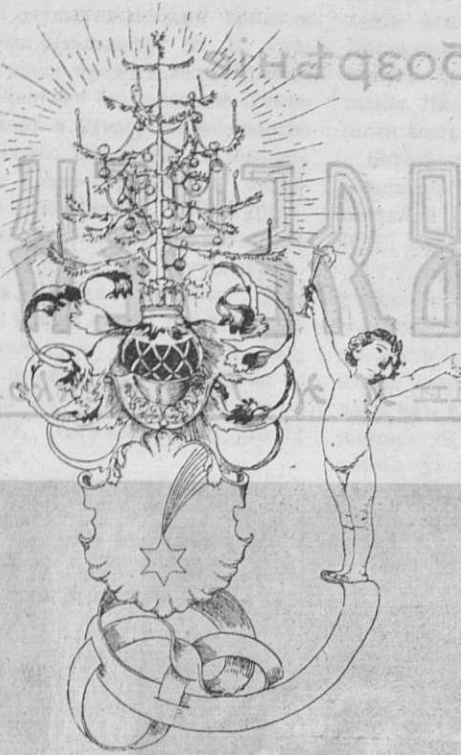
Въ домѣ въ это время всегда была тишина. Отецъ мой вставалъ очень рано. Я даже не могъ понять, какъ можно подниматься съ постели въ такую рань, когда на дворѣ еще темно и холодно, когда спать еще даже куры на своихъ высокихъ сѣдалищахъ и дворовыя собаки въ своихъ конурахъ.

Когда я представлялъ себѣ это, то мнѣ становилось холодно, по всему моему тѣлу пробѣгала дрожь, какъ будто я въ одной рубашкѣ въ этотъ ранній часъ выбѣжалъ на дворъ.

Вставши, отецъ будилъ работниковъ и работницъ и они начинали

Неказанная.—Съ карт. Эдвиса Ландзера.

давать овесъ лошадямъ, теплое поило коровамъ, которыхъ потомъ доили. Онъ самъ во все вмѣшивался и безъ него ничто не дѣлалось.

Мать моя спала дольше, но въ 8 часовъ утра и она была уже на ногахъ. Она не занималась хозяйствомъ, потому что не любила его. Она постоянно читала книги, а занималась только моей особой.

Меня же лѣтомъ будили рано, а зимой позволяли спать долго, сколько понравится.

А больше у насъ въ семьѣ никого не было, если не считать гостившую теперь тетю-Вѣру да маленькую собаченку—Дуську, съ острой мордой и на высокихъ ногахъ.

Дусикъ былъ единственный товарищ моего дѣтства. Онъ спалъ въ сѣняхъ и, разувѣтая, вставалъ гораздо раньше меня, но все же не такъ рано, какъ мой отецъ. Проснувшись, онъ выбѣгалъ во дворъ и сейчасъ же начиналъ гоняться за курами, которыя ужасно боялись этого и громко кричали.

Но въ это утро въ домѣ произошло что-то необыкновенное. Когда я лежалъ въ постели съ закрытыми глазами, увѣряя себя, что на дворѣ ночь,—въ сѣняхъ хлопала дверью и то и дѣло пробѣгала тамъ босыми ногами горничная Марика. Изъ дальнихъ комнатъ до меня доходили слабо слышавшіеся голоса разговаривавшихъ женщинъ. Я не понималъ, что это значитъ.

Но вдругъ невдалекѣ, не дальше, какъ въ третьей отъ меня комнатѣ, гдѣ была спальня моей матери, раздавался звонкій крикливый, но въ то-же время и жалобный плачь младенца.

Такой плачь я слышалъ, когда лѣтомъ деревенскія бабы приносили маленькихъ дѣтей къ моей матери и просили подрѣзать имъ язычки. Мать брала маленькія острыя ножницы, открывала младенцу ротъ и очень искусно подрѣзала какую-то перепонку подъ языкомъ. Я не понималъ, зачѣмъ это дѣлалось. Младенецъ начиналъ плакать и я хорошо зналъ этотъ плачь; и вотъ почему я не сомнѣвался теперь, что это былъ младенецъ.

Но откуда онъ могъ появиться? Развѣ уже такъ поздно, что мать принимаетъ деревенскихъ бабъ? Но, вѣдь, онѣ зимой и не приходятъ, а только лѣтомъ и осенью.

И Богъ знаетъ, почему—сердце у меня страшно забилось. Я вскочилъ съ постели босыми ногами на коверъ и сквозь длинную, идущую отъ верху до низу, щель ставни увидѣлъ, что ночь уже давно прошла и на дворѣ настоящій день.

Въ темнотѣ комнаты (ставни отворялись со двора) нацупалъ я свою одежду, быстро напялилъ ее на себя и—немытый и нечесанный—выбѣжалъ въ сѣнцы и здѣсь наткнулся прямо на Марикку.

— Марика, что это за младенецъ тамъ плачетъ?—спросилъ я.

— Тш... Тшше... Панычекъ... Нельзя такъ... Да и чего вы выбѣжали немытый и нечесанный?.. Давайте, я васъ вымою и причешу... Вотъ погодите, ставни у васъ открою... Вотъ сейчасъ. А вы идите въ комнату.

Сверхъ обыкновенія, я покорно согласился и вернулъся въ свою, еще темную, комнату. Ни за что не исполнилъ бы я желанія Марики въ обыкновенное время.

Съ Марикой я, положимъ, жилъ мирно. Она была необыкновенно сильная дѣвушка, ходила босая лѣтомъ и зимой, ступала своими ногами тяжело, таскала большія тяжести такъ же легко, какъ главный работникъ нашъ Юна, про котораго отецъ говорилъ, что держать его только за силу,—и замѣчательно искусно мыла меня въ ванной, одѣвала и причесывала, хотя это и не были ея прямыя обязанности.

Но она любила возиться со мной, шлепать меня по мягкимъ мѣстамъ своей широкой ладонью, щекотать меня подъ мышками и пугать страшными разсказами про крысъ величиной съ дворовую собаку, которыя будто бы водились у насъ въ амбарѣ.

Но взаимная наша привязанность не мѣшала мнѣ сопротивляться ей на каждомъ шагѣ. И если бы она вчера пригласила меня умыться и причесаться, то я непременно пошелъ бы прямо въ столовую немытый и нечесанный.

Но сегодня я подчинился, у меня былъ расчетъ,

что Марика откроетъ мнѣ тайну столь новаго въ нашемъ тихомъ домѣ крика младенца.

Отворились ставни и въ комнату влетѣло много яркаго свѣта. Дворъ былъ усыпанъ свѣжимъ бѣлымъ свѣгомъ. Изъ-за высокой крыши сарая выплывало солнце, какое-то особенно яркое и радостное.

Въ сѣняхъ застучали ноги Марики и мой шкафъ, въ которомъ помѣщалась моя одежда, задрожалъ и зашатался. Она вошла и притворила дверь.

— Ну, скорѣй, панычекъ, скорѣй умоемся да причешемся, а то меня покличутъ...

На низенькомъ, выкрашенномъ въ бѣлую краску, умывальникѣ стояла блестящая бѣлая чашка и ручнойникъ съ водой. Ловко подкатала Марика рукава моей куртки повыше локтей, налила воды въ чашку, ткнула мнѣ въ руки кусочекъ мыла и ужъ я послѣ

этого, дѣйствуя какъ то непроизвольно, началъ мыть и руки и лицо. Затѣмъ появилась зубная щетка, красный порошокъ, шаршавое полотенце заходило по моему лицу, потомъ гребенка путешествовала по моей головѣ и въ какія-нибудь пять минутъ я былъ совсемъ готовъ.

— Теперь хоть и чай пить можно... Пойдемте, я вамъ налью...—сказала Марика.

— А мама?—спросилъ я, удивляясь предложенію Марики, такъ какъ чай всегда наливала мнѣ мать.

— Барыня не могутъ... Онѣ очень заняты...

— Чѣмъ?

— Ну, мало ли чѣмъ... Много будете знать, скоро состаритесь.

Но я не только не боялся старости, а, напротивъ, тяготился своей шестилѣтней молодостью и завидовалъ

людямъ, которые носили бороды и усы и могли сами, безъ посторонней помощи, достать рукой до свѣчей старой-престарой люстры, висѣвшей у насъ въ гостиной. По этому любопытство мое нисколько не уменьшилось.

— Нѣтъ, ты скажи, Марика, скажи... Ты непременно скажи... Настойчиво приставалъ я.

— Нечего вамъ спрашивать, а мнѣ говорить!—отвѣтила неумолимая Марика:—Пожалуйста въ столовую... Тамъ булка горячая васъ дожидается... Ужъ я ее тремя салфетками прикрыла, чтобы жаръ изъ нея не вышелъ... Нынче долго спали...

Упоминаніе о горячей булкѣ, которую я обожалъ, на время заглушило мое любопытство. Марика взяла меня за руку и повела черезъ сѣнцы въ столовую.

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

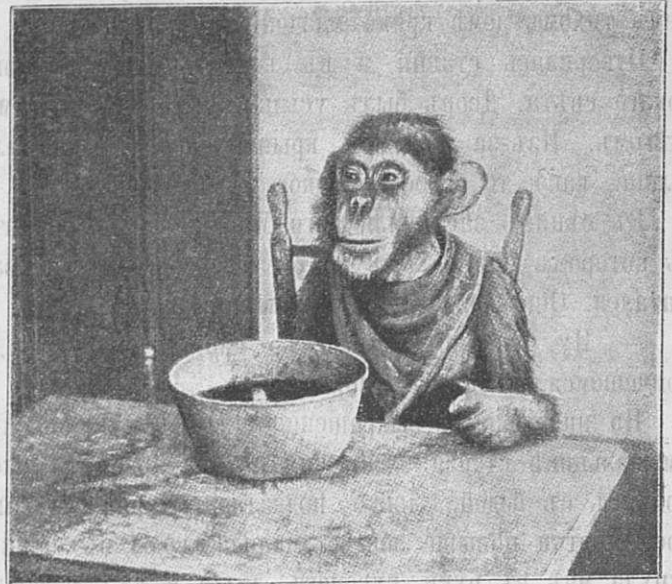
Занятное зрѣлище.—Съ карт. Д. Вильки.

УМНЫЯ ОБЕЗЬЯНЫ.

Недавно на одномъ изъ острововъ Полинезіи открыли цѣлое племя людей, похожихъ на обезьянъ. Они дики, никого къ себѣ не подпускаютъ, тѣло ихъ обросло шерстью, живутъ въ пещерахъ и говорятъ на странномъ языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Это — люди-обезьяны.

Но и среди обезьянъ попадаются такія, которыя похожи на людей. Это — исключительно умныя, развитыя обезьяны, подчиняющіяся вліянію человѣка и способныя кой-чему научиться отъ него. Такая обезьяна еще въ 1776 году, т. е. сто двадцать семь лѣтъ тому назадъ, была привезена въ звѣринецъ принца Оранскаго въ Голландію; это была самка орангутанга. Она была родомъ съ острова Борнео, но уже цѣлый годъ передъ тѣмъ прожила на мысѣ Доброй Надежды среди людей, пользуясь ихъ уходомъ и воспитаніемъ. По ней впервые убѣдились въ томъ, что обезьяна способна достигнуть извѣстной степени развитія: она умѣла сидѣть за столомъ и ѣсть, какъ человѣкъ. Несмотря на то, что орангутангъ въ своемъ родномъ лѣсу питается, главнымъ образомъ, растительной пищей, предпочитая всѣмъ другимъ лакомствамъ ѣдкій и вонючій плодъ дуріана, — ей пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу и жареное мясо и рыба. Мало того: обезьяна преловко, — лучше, нежели Робинзона Пятница, — орудовала ножомъ и вилокъ. Когда ей подавали землянику, она аккуратно подбирала каждую ягоду вилокъ, придерживая тарелку другой рукой; пить ей давали воду, но она, очевидно, предпочитала вино. Особенное пристрастіе питала она къ сладкой малагѣ. Обезьяна вытаскивала пробку изъ бутылки, наливала вино въ стаканъ и медленно, съ на-

Передъ обѣдомъ.

слаженіемъ выпивала его. Послѣ этого она вытирала ротъ салфеткой и начинала ковырять въ зубахъ зубочисткой.

Такъ рассказывалъ объ этомъ орангутангъ голландецъ Фосмаеръ, и страшный, дикій образъ обитателя лѣсовъ, лѣсного человѣка, превратился, благодаря этому рассказу, въ забавную фигуру образованной обезьяны.

Раньше этого времени обезьянъ представляли настоящими лѣсными демонами. «Страшное чудовище, ростомъ болѣе человѣка и одаренное сверхчеловѣческой силой, выскакивало внезапно изъ лѣса, бѣжало на заднихъ ногахъ, громаднымъ, толстымъ сукомъ убивало мужчинъ и уносило въ лѣсъ женщинъ. Было ли это чудовище человѣкъ или звѣрь? Рѣшить было трудно». Такого рода описаніе, перемѣшанное со многими сказками и анекдотами, находится въ старинной зоологіи Гейера, изданія 1606 г. Тутъ вымыселъ такъ перепутанъ съ дѣйствительностью, что трудно разобратъ. Это и не мудрено, такъ какъ самими жителями Борнео, у которыхъ орангутангъ живетъ, такъ сказать, подъ бокомъ, онъ до сихъ поръ представляется какимъ-то полуфантастическимъ существомъ, привидѣніемъ со включенными рыжими волосами. Житель Борнео, даякъ, думаетъ, что «майя», какъ онъ называетъ орангутанга, — заколдованный человѣкъ, и того, кто убьетъ его, ждетъ неминуемая кара. На самой вершинѣ горы Кеданга живетъ, по его мнѣнію, главный майя, обезьяній царь. Съ виду онъ такой же орангутангъ, какъ и другіе, только волосы у него отъ старости побѣлѣли. Время отъ времени онъ высовывается изъ своей дыры; въ полнолуіе же вся пещера раскрывается и изъ нея выбѣгаютъ сначала дикіе кабаны, потомъ черные медвѣди, потомъ выступаетъ цѣлый полкъ огромныхъ орангутанговъ и, наконецъ, позади

Неразлучные друзья.

ихъ шествіе замыкаетъ самъ старый князь Майя. И вотъ вся эта дикая орда мчится черезъ дѣвственный тропическій лѣсъ.

Эти мины о страшилищѣ можно объяснить себѣ легко, когда увидишь передъ собой живого стараго орангутанга. Молодой орангутангъ вовсе не страшень, а скорѣе комичень; его руки на большомъ тѣлѣ похожи на какіе-то отростки. Во всѣхъ движеніяхъ орангутанга эти руки имѣютъ такое преобладающее значеніе, что голова и туловище какъ-то сливаются въ одно, и животное, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе головоногога. Глаза орангутанга совсѣмъ особеннее. Съ ихъ взглядомъ нельзя сравнить — ни

взглядъ другого животнаго, ни взглядъ человѣка. Нашъ рисунокъ, изображающій пьющаго изъ чашки орангутанга, даетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ взглядѣ. Но зато взглядъ взрослага орангутанга имѣетъ, дѣйствительно, страшное выраженіе. У стараго орангутанга, самца, кромѣ того, лицо обезображивается какими-то наростами на щекахъ и изъ этой маски выглядываютъ горящіе поистинѣ сатанинскою злостью глаза.

Въ очень далекія времена, когда въ Европѣ климатъ былъ теплѣе, тамъ жили человѣкоподобныя существа, похожія на шимпанзе. Эта обезьяна встрѣчалась также и въ Индіи. Орангутангъ также водился и на

Дѣти въ лѣсу.—Съ карт. Ж. Х. Бенвелля.

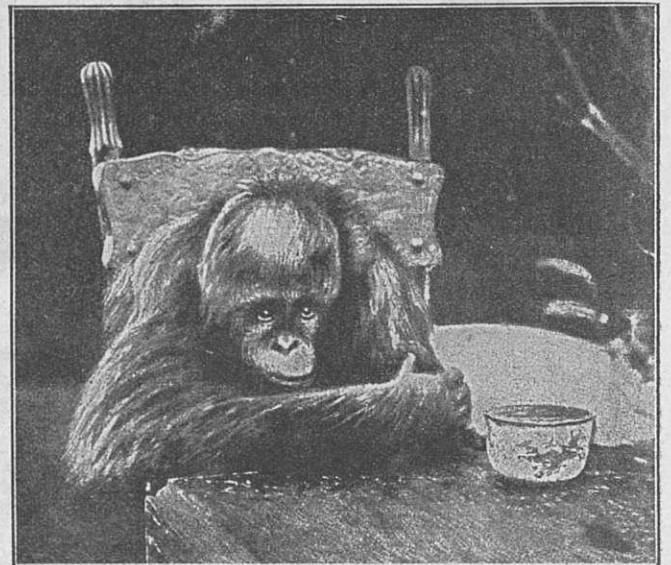
Пріятнаго аппетита.

азиатскомъ материкѣ, тогда какъ теперь онъ встрѣчается лишь на двухъ островахъ Зондскаго архипелага. Впрочемъ, и теперь еще существуютъ на землѣ области, гдѣ могутъ жить какія-нибудь еще неизвѣстныя намъ породы человѣкообразныхъ обезьянъ: это таинственные лѣса внутренней Африки. Еще недавно тамъ было открыто одно замѣчательно большое животное, родственное жирафѣ,—это окапи, животное которое давно считалось вымершимъ. Открытіе европейцами орангутанга—«лѣснаго человѣка» (на малайскомъ языкѣ *орангг*—значитъ человѣкъ, а *утангг*—лѣсъ), было для него смертнымъ приговоромъ. Эту обезьяну въ огромномъ числѣ вывозятъ въ Европу, въ зоологическіе сады. Но очень не многія изъ нихъ переносятъ путешествіе. Большая часть погибаетъ въ пути, а остальные чахнутъ и издыхаютъ отъ чахотки въ клѣткахъ зоологическихъ садовъ.

Рисунки, помѣщенные у насъ, представляютъ моментальные снимки съ орангутанга изъ Нью-Йоркскаго зоологическаго сада. На Зондскихъ островахъ ихъ ловятъ слѣдующимъ образомъ. Сидящій на верхушкѣ огромнаго дерева, въ дѣвственномъ лѣсу, орангутангъ доступенъ лишь ружейному выстрѣлу. Живого его взять невозможно. Онъ перебрасывается съ одного дерева на другое съ такой быстротой, что человѣку не успѣть за нимъ. Слѣдовательно, его надо сманить внизъ, на землю. Какъ только даяки замѣтятъ дерево, на которомъ живетъ орангутангъ, они тотчасъ вырубаютъ все деревья кругомъ, а вокругъ того, на которомъ сидитъ обезьяна, строятъ изгородь. Послѣ этого, орангутанга начинаютъ изводить голодомъ. Когда онъ, наконецъ, изголодавшійся, рѣшится спуститься съ дерева, на него набрасываютъ мѣшокъ и связываютъ веревками, послѣ чего беззащитное животное сажаютъ въ клѣтку изъ

бамбуковаго тростника. Такъ рассказываетъ объ этой ловлѣ путешественникъ Зеленка. Другіе же говорятъ, что внутри изгороди просто ставятъ опьяняющій напитокъ, которымъ орангутангъ спѣшитъ утолить жажду, и пьянѣетъ и тогда его свободно берутъ.

Ни одно животное не могло бы, конечно, такъ легко привыкнуть къ людскому обычаю сидѣть за столомъ, ѣсть ложкой и пить изъ чашки, если бы уже съ самой дикой его природѣ не лежали зародыши умственного развитія. Особенно замѣчательна манера орангутанга готовить себѣ на вершинѣ дерева ночное ложе. Онъ устраиваетъ себѣ изъ сучковъ и листьевъ родъ подстилки между развѣтвленіями большого сучка и на этой подстилке укладывается на ночь, какъ человѣкъ на кровати, укрывая себя листьями отъ дождя. Если онъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаетъ снизу охотникъ, онъ умѣетъ и днемъ огородить себя быстро сооруженной такимъ же образомъ загородкой. Въ берлинскомъ музеѣ близъ чучела орангутанга находится и такая постель, которую Зеленка привезъ съ о. Борнео. Листья высохли, но вы ясно

Откушалъ.

видите, что это ложе устроено рукой,—той самой рукой, которая можетъ научиться владѣть ножомъ и вилкой. Только этому искусству дѣлать постели орангутангъ не учился у человѣка. Онъ самъ изобрѣлъ это искусство.

В—ъ.

БЕРЕЗА.

Кудрявая береза стояла среди густого лѣса, въ обществѣ такихъ-же бѣлоствольныхъ березъ, какъ и она. Кой гдѣ попадались и стройныя высокія сосны съ гордыми вершинами и кокетливыя елочки, одѣтыя въ зеленія игольчатая платва и пахнуція свѣжими тонкими духами.

Сѣверное лѣто не баловало тепломъ, а теперь уже вѣяло осенней сыростью и холодомъ. Сосны и ели отъ этого только выше поднимали головы, а береза ослабѣвала. Листья ея потемнѣли, многіе уже попадали на землю. Корни съ каждымъ днемъ все меньше и меньше доставляли соковъ и наполовину оголенные вѣтви начинали уже ощущать холодъ.

«Ахъ, скорѣй-бы ужъ ударилъ морозъ, скорѣй-бы снѣжный покровъ засталъ землю и начался-бы долгій зимній сонъ. Скорѣй-бы».

Но вотъ, однажды, пришли люди съ острыми лопатами и начали окапывать березу, на довольно далекомъ разстояніи, кругомъ. Все лѣсное населеніе заволновалось отъ любопытства и стало извѣстно, что старый владѣлецъ лѣса, котораго врачи заставили жить въ теплыхъ краяхъ, соекучился тамъ по сѣверному лѣсу и приказалъ перевезти туда и посадить передъ его окнами хоть одну березу. И ее выбрали для этого, какъ самую здоровую, самую прочную, самую бѣлую.

Осторожно выкапывали ее, стараясь не повредить ни одного корешка, а въ это время кругомъ шли разговоры:

— Счастливая, говорили другія березы и липа, и кленъ, — она будетъ жить въ теплыхъ краяхъ, гдѣ свѣтитъ яркое солнце и много тепла, гдѣ нѣтъ вѣтренной и сырой осени и холодной зимы. Счастливая, — ея листья никогда не будутъ желтѣть, она никогда не будетъ терять ихъ и каждую весну бесполезно тратить силы на то, чтобъ выбросить новые, которые также опадутъ. Счастливая!

А сосны и ели молчали и только съ выраженіемъ сомнѣнія покачивали своими иголистыми вѣтвями.

Березу выкопали и вмѣстѣ съ той землей, въ которой помѣщались ея корни, бережно обложивъ влажнымъ мохомъ и обвязавъ рогожей, повезли на желѣзную дорогу и отправили ее въ теплые края. Бѣжала она въ темнотѣ вагона, шумъ колесъ и стукъ машины сильно раздражалъ ее, а влажная земля скудно питала ее. Она порядочно отохла за нѣсколько дней: но зато, когда ее привезли на мѣсто и вынесли на воздухъ, ее обдало такимъ множествомъ яркаго свѣта и тепла, что она вся затрепетала. Ея ослабѣвшіе нервы не выдержали этого радостнаго потрясенія и она упала въ обморокъ.

Она очнулась, когда корни ея были уже въ землѣ и сама она стояла въ красивомъ саду передъ окнами изящной виллы. Кругомъ росли разнообразныя пальмы съ широкими листьями, цвѣли причудливыя цвѣты, о какихъ она никогда и не слышала. Но сама она была очень слаба и только съ большимъ трудомъ, постепенно восстанавливались ея силы.

Да, здѣсь хорошо, — говорила себѣ береза, — здѣсь много свѣта и тепла. Здѣсь я буду счастлива!

И проходили дни и недѣли. Солнце не уставало согрѣвать землю своими теплыми лучами. Береза со временемъ ожила. Уцѣлѣвшія листья ея укрѣпились, а на оголенныхъ мѣстахъ выросли новые. Прошли еще мѣсяцы, а она все зеленѣла и не спала. Гдѣ тутъ было спать, когда солнце такъ ярко свѣтитъ и кругомъ неустанно и радостно щебечуть птицы. Развѣ можно спать среди вѣчнаго бала, гдѣ раздастся веселая музыка и кружатся въ танцѣ счастливыя пары!

Наступило лѣто. Лучи солнца сдѣлались горячи, какъ будто оттуда, съ неба, непрерывно лилась на землю струя расплавленного металла. Казалось, вся земля была объята невидимымъ пожаромъ. Почва сдѣлалась сухой и твердой, на небѣ не видно было освѣжающихъ облаковъ, по утрамъ на листьяхъ не садилось ни одной росинки.

«Миѣ душно! Меня мучаетъ жажда!» — стонала береза, но пальмы и причудливыя цвѣты не понимали ея языка и ничего не знали о ея страданіяхъ. Сами они привыкли къ лѣтнему зною, потому что родились въ немъ.

И береза страдала одиноко. Корни ея напрасно напрягались, чтобы извлечь изъ сухой земли какую-нибудь пищу для нея. Листья ея свернулись и засохли, бѣлая кора побурѣла и отстала. Некрасива сдѣлалась береза, пропалъ ея веселый бѣлоснѣжный нарядъ, высохли и потемнѣли ея серебристыя кудри.

Пальмы и причудливыя цвѣты смотрѣли на нее и съ жалостью говорили:

— Бѣдное растеніе, несчастное дерево, оторванное отъ родной почвы. Оно гибнетъ! Гибнетъ! Но береза не понимала ихъ языка и считала себя одинокой и лишенной сочувствія.

Прошло и лѣто. Зимой жара ослабѣла, березѣ стало легче дышать, корни доставляли ей кой-какую пищу, но лѣтняя жара обожгла ее и у нея болѣло тѣло и тамъ и здѣсь, и эта пища уже приносила ей мало пользы. Чувствовала она, что если-бъ ей хоть капельку уснуть и отдохнуть, то силы вернулись-бы къ ней. Но кругомъ было столько свѣта и тепла, такое ликование природы, — гдѣ тутъ спать... Пальмы и причудливыя цвѣты какъ-то умѣли дремать среди этого радостнаго праздника, а она не умѣла.

И опять пришло новое лѣто. Береза, ни разу не уснувшая, не отдохнувшая, была слаба безконечно. Первый знойный день опалилъ оставшіяся еще живыми части ея больного тѣла и она, испустивъ жалобный протяжный вздохъ, перестала жить...

Сухое, некрасивое дерево срубили, раскололи на дрова и сожгли ихъ въ печи.

О—ина.

СОДЕРЖАНІЕ: Исторія, которая никогда не кончалась. — Умныя обезьяны. — Береза.

Редакторъ *А. П. Хесторъ.*

Предс. Администраціи *Д. Х. Бородихъ.*

Часть отзывов русского музыкального мира

о усовершенствован. ПIANO фабрики „ОФФЕНБАХЕРЪ“

С.-Петербургъ, Глиняная ул., № 7.—ДЕПО: Невскій пр., № 66.

ОТДѢЛЕНІЯ

въ Москвѣ: Кузнецкій м., д. Межд. Банка, въ Одессѣ: Дерибасовская, № 17, въ Варшавѣ: Маршалковская, 118.

Директора Московск. Императорск. оперы: И. К. Альтани.
Крайне было приятно слышать пiанино, которое безусловно напоминаетъ этотъ рояль по силѣ и красоте звука.

Композитора А. С. Арнскаго.

Я назову, что пiанино Обффенбахера обладаетъ красотой и большимъ тономъ и превосходятъ своими качествами все пiанино итальянскихъ или французскихъ фабрикъ.

Профессора СПб. Консерваторіи К. К. Фанъ-Аркъ.

Пiанино Обффенбахера представляетъ наилучшими изъ всего, который былъ слышанъ мною. Они вполне могутъ замѣнить хороший рояль и не только любителямъ, но и артисту. Динамика сравнительно умеренная.

Проф. Сиб. Конс., Солоиста Его Величества Л. С. Ауэръ.

Я съ удовольствиемъ присоединяюсь къ отзывамъ, выходящимъ изъ устъ товарищей по Консерваторіи.

Артиста Итальянской Оперы М. Баттистини.

Пiанино Обффенбахера имеетъ чудный тонъ и прекрасный механизмъ и во то же время доступно по своей недорогой цѣнѣ.

Проф. музык. учил. Московск. филармоническаго Общества В. В. Безвирскаго
Удовольствуюсь, что усовершенствованныя пiанино Обффенбахера заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія.

Директора СПб. Консерваторіи, Проф. А. Р. Бернгардъ.

Я съ удовольствиемъ присоединяюсь къ отзывамъ любителей и прекрасныхъ качествахъ этихъ инструментовъ.

Директора СПб. Музыкальной школы Г. А. Боровка.

Мнѣ поразила та неисчерпаемая мощь и сила звука, которая свойственна только концертнымъ роялямъ.

Капельмейстера Фридриха Оркестра Гуго Варлихъ.

Пiанино Обффенбахера по силѣ и красоте тона превосходитъ все до сихъ поръ существовавшее и могутъ вполне замѣнить рояль. Я никогда не слышалъ подобнаго пiанино, но эти инструменты меня вполне очаровали.

Предсѣдателя Дирекціи Киевскаго Отдѣленія Императорскаго Музыкальнаго Общества А. Виноградскаго.

Пiанино Вашей фабрики свободны отъ всего недостатка, которыми отличались до сихъ поръ пiанино вообще и пріобрѣли все достоинство лучшихъ роялей. Пiанино Ваше несомненно, послужитъ большую службу музыкальному искусству.

Профессора СПб. Консерваторіи Н. В. Галина.

Безусловно могу каждому, покупающему пiанино, рекомендовать инструменты фабрики Обффенбахера, какъ наиболее приближающіеся къ роялямъ по силѣ и красоте звука, а также и легкости туше.

Солоистки Его Велич. Артистки Имп. Оперы въ СПб. Маріи Горленго-Долиной
Я поражена красотой и полнотою звука этого инструмента, вполне могутъ замѣнить рояль.

Профессора СПб. Консерваторіи, Композитора А. К. Глазунова.

Пiанино Обффенбахера, отличающіяся необыкновенной пластичностью, отличаются силой и пріятностью звука и легкостью клавишъ при необыкновенной послушности педалей, чья приближается къ роялямъ превосходнѣйшаго качества, будучи во то же время весьма доступными по цѣнѣ.

Артиста СПб. Императорской Оперы А. М. Давыдова.

Концертное пiанино Обффенбахера обладаетъ удивительно пѣвучимъ и во то же время мощнымъ тономъ чуднаго тембра; такое сочетание во инструментовъ и струны оперы.

Директора Тифлисской Консерваторіи Н. С. Кленовскаго.

Истинное удовольствие доставило мнѣ знакомство съ усовершенствованными пiанино Обффенбахера, которая въ отношеніи силы и прозрачности звука несколько не уступаютъ роялямъ и могутъ вполне замѣнить ихъ и во цѣнѣ.

Профессора Одесскаго Отдѣленія Императорскаго Музык. Общества и Музык. Училища Д. Климова.

Надѣюсь, что появленіе пiанино Обффенбахера послужитъ назидательнымъ примѣромъ всемъ русскимъ и заграничнымъ фабрикамъ, которые, фабрикуя великолѣпные рояли, обращаютъ слишкомъ мало вниманія на выпускаемую ими во светъ пiанино.

Предсѣдателя СПб. Отдѣленія Русск. Музык. Общества Композитора Цезаря Антоновича Кюи.

Скромное пiанино превратилось въ Ваше ружье во блестящій инструментъ въ рукахъ и надежнѣе оружа всякаго музыканта.

Профессора Московской Консерваторіи Г. Левина
Пiанино Обффенбахера, на которомъ я исключительно разигралъ, отличается прекраснымъ и большимъ тономъ и во головкахъ легко могутъ замѣнить рояль.

Профессора пѣнія Терезы Лешетицкой.
Я никогда не слышала пiанино съ такимъ чуднымъ, полнымъ тономъ, до сихъ поръ пріобрѣтены только большими роялямъ.

Профессора С.-Петербургской Консерваторіи, Композитора А. К. Лядова.
На Пiанино Обффенбахера хочется играть Шопена. Это—лучшая пѣвица, которую я могу приобщить.

Профессора Музык. Училища Московск. Филармон. общества, пiаниста Л. А. Максимова

Играя на пiанино „Обффенбахера“, я думаю убѣдиться, что по своей звучности и по механизму они безусловно должны считаться лучшими съ пiанино итальянскихъ или французскихъ фабрикъ.

Профессора СПб. Консерваторіи С. А. Малоземовой.
Вполнѣ раздѣляю мнѣніе Н. В. Соловьева, К. К. Фанъ-Аркъ и другихъ музык. уважаемыхъ коллегъ о пiанино Обффенбахера. Искренно желаю новому типу пiанино успеха и процванія.

Старш. Преподав. СПб. Консерваторіи Н. Д. Николаева.
Пiанино фабрики Обффенбахера прекрасны во всемъ отношеніи. Обладаютъ силой звука, полнотой тона, разнообразіемъ и богатствомъ звуковыхъ оттенковъ, легкостью, плавностью и выносливостью. Этихъ пріятно контрастируютъ высокое достоинство этихъ инструментовъ.

Профессора пѣнія, бывш. артиста Императ. Оперы въ СПб. И. П. Прянишникова.

Я былъ удивленъ полнотою, силой и властью съ тѣмъ мягкостью звука пiанино фабрики Обффенбахера, которая вполне могутъ замѣнить рояль, оставаясь во то же время весьма доступными по цѣнѣ.

Директора музык. училища Киевскаго Отдѣл. Императорск. Русскаго Музыкальнаго Общества В. Пухальскаго.

Концертное пiанино Обффенбахера имеетъ значительную силу пѣвучий, красивый тонъ и однородный характеръ всего звука. Туше отличается хорошей респондентіей.

Профессора С.-Петербургской Консерваторіи Композитора Н. А. Римскаго-Корсакова.

Пiанино Обффенбахера отличаются прекраснымъ и сильнымъ тономъ, а также превосходнымъ механизмомъ. Нельзя не присутствовать отъ удивленія и зависти этимъ инструментамъ.

Директора Моск. Консер., Проф. В. И. Сафонова.
Отличный тонъ, прекрасный механизмъ, тщательная отпѣлка, — эти качества пiанино Обффенбахера, на которомъ я съ большимъ удовольствіемъ сыгралъ.

Проф. СПб. Консерваторіи, Композитора Н. В. Соловьева
Великой силой красивый тонъ, очень легкой выравненной клавиатуре, выдвигаютъ пiанино фабрики Обффенбахера изъ ряда пiанино русскаго производства. Это блестящая будущность — несомненно, тѣмъ болѣе, что цѣна ихъ сравнительно дешева.

Профессора Московской Консерваторіи А. Н. Скорябина.
Изъ удовольствія играть на пiанино Обффенбахера и вынесъ самое лучшее впечатлѣніе. Пiанино имеетъ прекрасный тонъ, ровное туше и отличную респондентію.

Артиста Императорской Оперы въ СПб. Г. В. Гартманова.
Пiанино Обффенбахера обладаетъ замѣчательнымъ тембромъ, большимъ тономъ и во то же время весьма пѣвучимъ.

Профессора СПб. Консерваторіи В. П. Толстова.
Пiанино Обффенбахера, какъ по красоте и силѣ звука, такъ и по удобству игры, могутъ съ полнымъ соперничать съ лучшими инструментами того же типа другихъ фирмъ, не уступаютъ роялямъ, ни во силѣ, ни во красоте звука.

Солоиста Его Величества Н. Н. Фигнера.
Ваше пiанино мнѣ настолько понравилось своимъ мягкимъ звукомъ и властью (съ тѣмъ могучимъ тономъ, чего я прошу Васъ присутствовать) мнѣ, такъ же пiанино изъ осени сего года, какъ подобно пiанино замѣнить любой рояль.

Профессора Харьк. Музык. Училища А. Шульцъ-Эалеръ.
Изъ пiанино пiанино Обффенбахера, — обладающія всеми лучшими качествами и годными не только для обыкновенной игры, но и для артистической, — превосходнѣйшими и достойными высшей похвалы.

ПРЕИМУЩЕСТВА НАШИХЪ ПIANO:

большая металлическая рама, двойная репетиція, тщательно выравненная клавиатура, большой пѣвучій тонъ, пріятное туше,

такъ что вполне могутъ ЗАМѢНИТЬ РОЯЛЬ.

Одно изъ цѣнныхъ качествъ нашихъ пiанино, это—продолжительное держаніе строя, что несомнѣнно весьма важно для каждаго покупателя, а въ особенности для тѣхъ, кто живетъ въ дали отъ города.

Артист. рук. известной пiанистки Я. Ф. Задѣской.

Цѣна отъ 400 р. Обмѣнъ. Разсрочка. Гарантія за прочность. Сборникъ отзыв. и иллюстр. каталогъ безплат.

ЖИВОПИСНОЕ ВЪЗРѢНІЕ

№ 2.

11 Января.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапенко*.

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 7) коп. Допускается разсрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка нонпареля — 1 р. (на стр. 4 столбца)

Контора и Редакція Журнала: С.-Петербургъ, Невскій, 90. Отдѣленіе, Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Монарковского. Редакція Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

За хворостомъ. — Карт. Н. Я. Касаткина.

Мѣсяць плыветъ надъ пустынною снѣжной дорогой,
Свѣтомъ лучей озаряя небесную высь;
Просѣкой лѣса, гдѣ густо деревья сплелись,
Робко иду я, охваченный тайной тревогой...

Пятнами тѣни скользятъ на блестящемъ покровѣ,
Въ инеѣ вѣтка простерлась костлявой рукой;
Гдѣ-то, вдали, раздается пронзительный вой
Хищнаго волка, объятаго жаждою крови...

Жутко... И кажется, видишь въ кустахъ оснѣженныхъ,
Вспыхнувъ неожиданно, зажглися, какъ угли, глаза...

Вотъ заградила дорогу, цѣпляясь, лоза,
Чтобъ не укрыться въ лѣсу, въ уголкахъ потаенныхъ...

О, какъ безумно хотѣлось-бы въ этомъ покоѣ
Слиться съ природой и жить созерцаемъ
однимъ!

— Тотъ, въ комъ кипитъ и волнуется сердце
живое,

Призванный къ жизни—не можетъ быть въ
мірѣ слѣпымъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ

I

(Продолженіе).

Таня, ступай, — сказала она горничной и Таня тотчасъ-же ушла.

— Видите, не можетъ... Онъ не можетъ... — промолвила она, обращаясь къ Рысину: — кто можетъ тогда, если онъ не можетъ?.. «Ничего не могу подѣлать. Впрочемъ, найду по-позже поговорить»... «Подѣлать» не можетъ, а поговорить зайдетъ: могъ-бы ужъ и не заходить, коли такъ...

Рысинъ саркастически усмѣхнулся и покачалъ головой: — такъ!.. Поговорить вмѣсто того, чтобы дать. Это въ его духѣ. Я же сказалъ, что у васъ неосновательныя надежды. Ахъ, да, — кто такіе, говорите вы, были разыскатели?

Анна Матвѣевна вернулась на прежнее мѣсто и сѣла, опустивъ голову и положивъ руку съ письмомъ на колѣни.

— А вотъ кто такіе: прикащикъ Сидоровъ, потомъ мастеръ какой-то Акулкинъ, конторщикъ Вахрамовъ... А теперь тоже конторщикъ Авловъ, кажется... всѣхъ и не упомяну... Только все вотъ этакіе.

— Все служащіе Буракиной, значить вѣрные слуги господина Жигулева... И что же, васъ, Анна Матвѣевна, это не наводитъ ни на какую мысль?

— Ахъ, у меня уже всѣ мысли кончились. Я истомилась. Истомилась я, голубчикъ вы мой...

— Значить, не наводитъ... — Сквозь зубы говорилъ Рысинъ: — гм... Ну, пусть... А какая сумма сегодня?

— Сумма большая: тысяча восемьсотъ, да кромѣ этого съ квартиры получить. Вотъ за три мѣсяца уже должны около четырехсотъ рублей.

— Большія деньги. Знаете-ли, я вамъ дамъ совѣтъ, Анна Матвѣевна: махнуть на это дѣло рукой.

— Какъ же такъ махнуть рукой?

— А такъ вотъ, — взять и махнуть. Пусть приходятъ и описываютъ.

Въ это время Надя, сидѣвшая до сихъ поръ молча и не подававшая никакихъ признаковъ участія въ разговорѣ, вдругъ вскочила съ мѣста, нервно замахала руками и заговорила дрожащимъ, видимо разсерженнымъ голосомъ. — Но это безсовѣстно, это... даже нечестно!..

Рысинъ спокойно, съ иронической усмѣшкой, поднялъ голову и взглянулъ на нее. — Что именно *это*, Надя? Описывать?

— Не описывать... А вотъ это: такіе совѣты давать... И еще отъ васъ, отъ васъ...

— Полноте. Совѣтъ хорошій, дружескій. А вы, Надя, ничего не понимаете! попржнему спокойно говорилъ Рысинъ.

— Ну, да, еще бы... Придетъ полиція въ домъ и будутъ по ящикамъ шарить, да по карманамъ.

— Во-первыхъ, не полиція, а судебный приставъ, а это далеко не одно и тоже, а, во-вторыхъ, мой другъ, ничего шарить онъ не будетъ, а просто составитъ списокъ вещей и наложитъ печати. Тутъ ничего нѣтъ позорнаго и это со всякимъ можетъ случиться. Я знавалъ очень почтенныхъ людей, которые сидѣли у себя въ квартирѣ на мебели съ печатями. А вотъ вчера я самъ, по порученію одного додѣлителя, описалъ молочную лавку.

— И гордитесь этимъ, не правда ли, злостно взглянувъ на него, промолвила Надя.

— И вовсе неправда и нисколько я не горжусь. Но вы, Надя, ничего не понимаете. И это-то я въ васъ и цѣню, за это и люблю васъ. Право, терпѣть не могу этихъ умныхъ дѣвицъ, которыя во всемъ понимаютъ: и въ философіи и въ векселяхъ и въ мужчинахъ... Ахъ, да, вы на студенческой вечеръ идете? — я купилъ билеты. Надѣюсь, ваше платье готово?

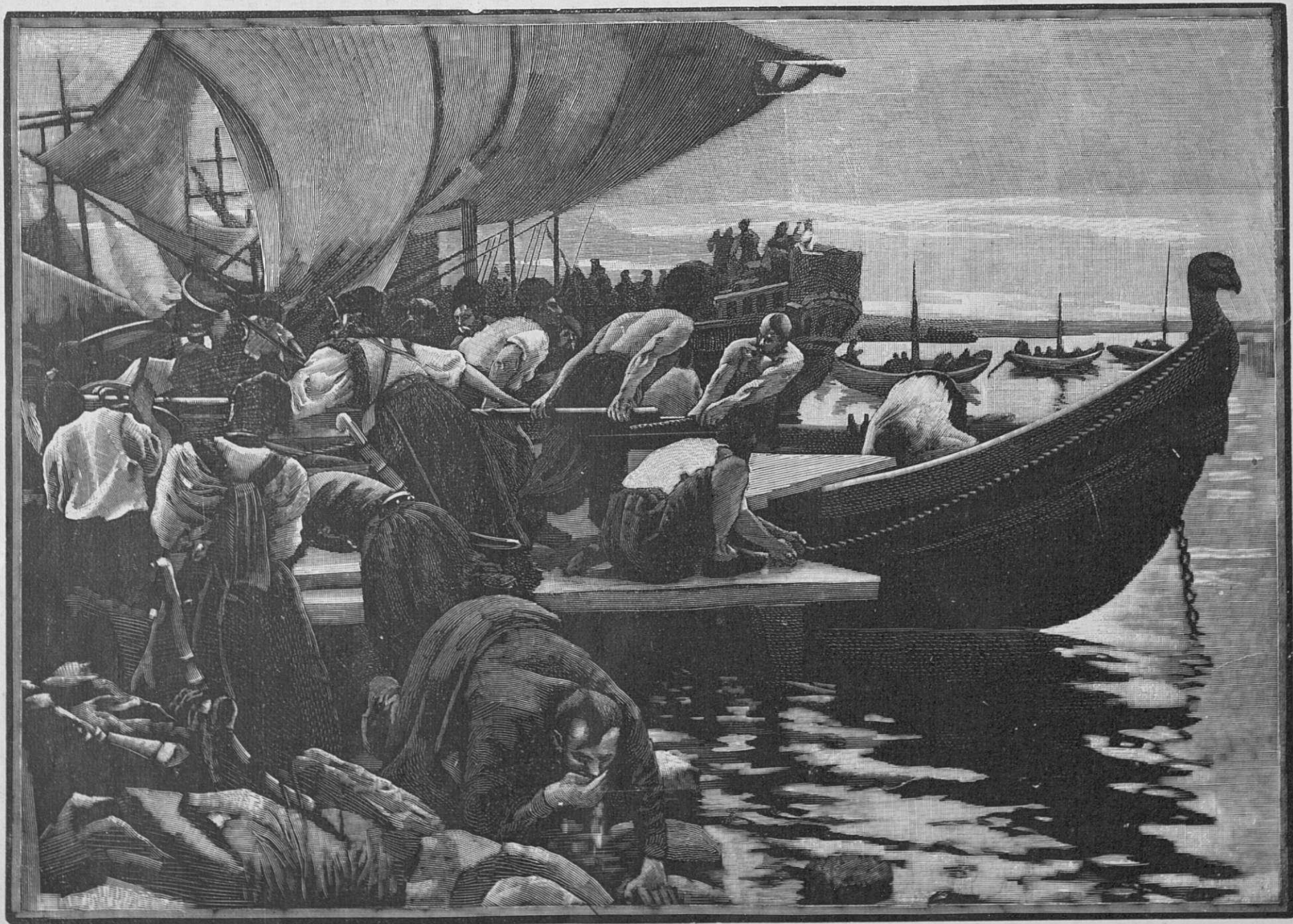
— Да, только вотъ этотъ вашъ при- ставъ на немъ свои печати положить. Это вмѣсто бантиковъ... Да такъ, съ печатями, я, и буду ходить на балу. Нѣтъ, ужъ послѣ этихъ печатей, послѣ этого позора, я ни на какія балы не пойду... Такъ и знайте — рѣзко, рѣшительно возразила ему Надя и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, которая вела въ комнату налѣво.

Рысинъ поспѣшно всталъ съ мѣста, подбѣжалъ къ ней и остановилъ ее.

— Пойдите, дайте-ка на васъ взглянуть: я ужасно люблю, когда вы гнѣваетесь. Это вашъ жанръ.

— Отстаньте... — Гнѣвно промолвила Надя и убѣжала.

Рысинъ комически развелъ руками. — Ну, вотъ... Что тутъ подѣлаете? — промолвилъ онъ, обращаясь къ Аннѣ Матвѣевнѣ, — кажется, трудно найти на свѣтѣ болѣе неосновательное созданіе, чѣмъ ваша Надя, — а люблю, какъ мальчишка влюбленъ, и именно за эту самую неосновательность и влюбленъ. Можетъ быть, я отсталъ, но все-таки по моему, молоденькая женщина должна ничего не понимать въ жизни, чтобы на каждомъ шагу ошибаться и быть хоть немножко виноватой. Это всегда

Запорожцы. — Карт. Я. Я. Чупруненко.

красиво,—разумѣтся, если она сама красива...

Анна Матвѣевна слушала его рѣчи невнимательно и смотрѣла на него какими-то скучными глазами. Ей даже было немного обидно, что вотъ этотъ, близкій къ семьѣ, человекъ, въ такую минуту, когда надо ломать голову надъ рѣшеніемъ проклятаго вопроса, говорить такіе пустяки.

— Послушайте, Иванъ Петровичъ, что же дѣлать? Что дѣлать?—заговорила она: можетъ быть, вы что-нибудь сможете? Вѣдь, все-таки, вы намъ не чужой... Вы считаетесь женихомъ Надежки...

— Ахъ, это самое бесполезное ампула, Анна Матвѣевна...—Отвѣтилъ Рысинъ,—что-жъ я могу подѣлать?—ровно ничего... Вамъ извѣстно, что получаю я отъ бабушки моей ровно семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, да хожденіемъ по мировымъ судьямъ добываю еще рублей тридцать. При такихъ данныхъ можно только считаться женихомъ. Вотъ когда Богу угодно будетъ прекратить драгоценную жизнь моей бабушки, тогда я буду владѣть ста тысячами и стану годиться въ мужья. А! вотъ Сергѣй, кажется... прибавилъ онъ, когда въ передней раздавался довольно сильный звонокъ.

Прибѣжала Таня, отперла дверь пришелъ Сергѣй, снялъ съ себя пальто, швырнулъ его куда-то въ уголъ и вошелъ въ комнату. Повидимому, онъ былъ сильно взволнованъ и даже, какъ казалось, взбѣшенъ. Его красивые свѣтлые глаза горѣли, курчавые волосы на головѣ были въ величайшемъ беспорядкѣ, все лицо его какъ-то первически подергивалось. Онъ не поздоровался съ Рысинымъ, не подошелъ къ матери, а сейчасъ же нетерпѣливо забѣгалъ по комнатѣ.

— Если всѣ люди такіе же негодяи, какъ этотъ Уздечкинъ — воскликнулъ онъ, выразительно подчеркивая каждое слово...

— И какъ этотъ Жигулевъ,—съ спокойной ироніей, подсказала ему Рысинъ,—и какъ эта Буракина и какъ эти... эти... эти, — имя которымъ легионъ... смотри въ адресъ—календарь.—

— Да, да,—метнувъ на него злобный взглядъ, продолжалъ Сергѣй:—если всѣ такіе же негодяи, тогда только глупцы могутъ оставаться честными людьми.

— Другъ мой,—попрежнему спокойно, ироническимъ тономъ замѣтилъ Ры-

синъ,—за то, что они *точно такіе-же*, поручиться не могу, но приблизительно да, это навѣрное...

— Да? да?—какъ бы огрызнувшись, промолвилъ Сергѣй,—значить, и мы съ тобой?

— Ну, мы еще молоды, не дошли... не доспѣли... Но не теряй надежды,—дойдемъ, доспѣемъ...

Анна Матвѣевна, которая до сихъ поръ, съ боязливымъ ожиданіемъ молча смотрѣла на сына, обратилась къ нему нерѣшительно, почти робко.—Что же онъ сказалъ, Сережа?

Рысинъ съ кривой усмѣшкой взглянулъ на нее и отвѣтилъ за Сергѣя:—очевидно, онъ не далъ денегъ, Анна Матвѣевна, иначе Сергѣй пришелъ-бы въ другомъ настроеніи. Очевидно, онъ наговорилъ много сочувственныхъ словъ, которыми, однако, нельзя заплатить по векселю, ибо, сколько мнѣ извѣстно, судебный приставъ теплыхъ словъ въ уплату по векселю не принимаетъ.

— Да,—промолвилъ Сергѣй какимъ-то рычащимъ голосомъ:—говорятъ, мы съ вашимъ батюшкой были пріятели и оказывали другъ другу взаимныя услуги... Ха! Я знаю, какая это была взаимность... Я отлично помню, какъ отецъ четыре года содержалъ его съ семействомъ; вотъ здѣсь, въ этихъ комнатахъ они появлялись каждый день, садились за столъ, какъ у себя дома, одѣвались на его счетъ...

— Ну, это была не самая крупная изъ его ошибокъ,—замѣтилъ Рысинъ.

— Мой отецъ былъ честный человекъ.

— Честный человекъ... Что есть честный человекъ? Честный человекъ это есть существо, на свой счетъ выкармливающее негодяевъ съ ихъ семействами. Вотъ недурное опредѣленіе. Это надо будетъ когда-нибудь пустить въ защитительной рѣчи.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой, Иванъ, ни на іоту не уменьшивъ волненія, сказалъ Сергѣй.

— Поговори, мой другъ.—Рысинъ вынулъ изъ кармана часы и взглянулъ на нихъ.—У меня есть еще минутъ двадцать.

Анна Матвѣевна поднялась.—Вы говорите себѣ, а я пойду... Все равно ничего не придумаю. Должно быть, придется таки впустить въ квартиру пристава.

И она направилась къ той самой двери, въ которую ушла раньше Надя.

— Да вы не беспокойтесь, Анна Матвѣевна,—сказала ей вслѣдъ Рысинъ:—Судебные пристава люди воспитанные и любезные...

Анна Матвѣевна махнула на него рукой и ушла. Сергѣй подошелъ къ двери и притворилъ ее.

II.

Оставшись вдвоемъ съ пріятелемъ, Сергѣй не успокоился. Онъ нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, конвульсивно потирая руку объ руку и, повидимому, даже не обращая вниманія на Рысина, котораго самъ же пригласилъ въ собесѣдники.

Они были товарищи. По вѣшнымъ пріемамъ, по характерамъ, по всему своему душевному складу, они были различны. Нервный, склонный къ внезапнымъ вспышкамъ, неумѣющій обсуждать, колебаться, уступать, Сергѣй Подгорцевъ находилъ въ Рысинѣ какъ-бы дополненіе къ себѣ и во всѣхъ случаяхъ, когда требовалось спокойно отнестись къ жизни, обращался къ нему.

Рысинъ, наоборотъ, представлялъ собой человека, съ давнихъ поръ, чуть не съ двѣнадцатилѣтняго возраста, относившагося къ жизни разсудительно. Вспыхивать онъ не умѣлъ совсѣмъ. Самые возмутительныя вещи вызвали у него только саркастическую усмѣшку и какое нибудь ироническое, слегка циническое замѣчаніе.

Сходиться во взглядахъ, и въ отношеніи къ вещамъ, они не могли. Но Сергѣй привыкъ къ своему товарищу. Они были товарищами съ приготовительнаго класса и шли рядомъ до третьяго курса университета. Только здѣсь раздѣлились они и то лишь потому, что Сергѣй, въ силу-ли измѣнившихся домашнихъ обстоятельствъ или какой-то никому непонятной внутренней причины, вдругъ не захотѣлъ продолжать ученіе и оставилъ школьную скамью, а Рысинъ учился еще годъ, кончилъ курсъ и теперь уже началъ свои адвокатскіе дебюты у мировыхъ судей.

— Ну, въ чемъ же дѣло, мой другъ? промолвилъ Рысинъ послѣ того, какъ нервное безпокойное молчаніе Сергѣя тянулось слишкомъ долго.

— Ахъ, да... Вдругъ, какъ бы проснувшись, воскликнулъ Сергѣй и остановился передъ нимъ:— Слушай, Иванъ,—то, что я скажу тебѣ, ужасно...

— Ну, не пугай меня, мой милый; ужаснаго на свѣтѣ не бываетъ, другъ

Охота на кабановъ.—Карт. Е. Тофмана.

Сергій Николаевич. На этотъ счетъ мои взгляды весьма устойчивы, ты это знаешь.

— Вотъ именно на этотъ разъ ты ошибаешься. Да, ужасно, ужасно... Ты знаешь, что мой отецъ былъ идеалистъ. Онъ всегда училъ меня быть честнымъ человѣкомъ.

— Ну, что-же? При современныхъ условіяхъ это—первая ступень къ сумасшествію,—замѣтилъ Рысинъ, позамѣчаніе его не обратило вниманія Сергія. Онъ продолжалъ, какъ бы не слыша его.

— Онъ всегда увѣрялъ меня, что люди по природѣ своей порядочны, а негодяи, это—печальное исключеніе.

— Ну, истина находится какъ разъ на противоположной сторонѣ, и это была вторая ступень,—сказалъ Рысинъ и выраженіе лица у него было такое, какъ у человѣка, нисколько не собирающагося трактовать серьезно то, что рассказывалъ ему собесѣдникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Выставка картинъ В. М. Васнецова*).

Викторъ Михайловичъ Васнецовъ родился въ 1848 году, воспитывался въ Вятской духовной семинаріи. Поступивъ въ акад. худ. и не окончивъ курса, вышелъ изъ академіи благодаря, совершенно самостоятельному направленію, не подходившему къ тогдашнимъ требованіямъ. Первые его произведенія начали появляться на передвижныхъ выставкахъ, преимущественно трактующія темы изъ русскихъ былинъ и сказокъ. Картины Васнецова были проникнуты глубокимъ народнымъ духомъ; а потому, несмотря на крупныя въ нихъ картинахъ недочеты въ технику, очень правились публикѣ и обращали на себя общее вниманіе, въ особенности, „Илья Муромецъ“ и „Поле битвы“. Фрески, написанныя Васнецовымъ для историческаго музея въ Москвѣ, были первымъ крупнымъ твореніемъ, въ которомъ художникъ выказалъ себя большимъ знатокомъ доисторической эпохи. Работы въ Кіевскомъ соборѣ дали Васнецову европейскую извѣстность и поставили его на высоту великихъ мастеровъ религіозной живописи. На открытой въ настоящее время выставкѣ картинъ В. М. Васнецова, между прочими его произведеніями, особенно выдаются большіе картоны, писанные для мозаичнаго исполненія въ

*) Рисунокъ смотри въ № 2 „Иллюстрированной Недѣли“.

храмѣ Воскресенія, который строится на мѣстѣ событія 1-го марта, и православной церкви въ Дармштадтѣ. Нѣтъ въ картинахъ Васнецова ни яркихъ красокъ, ни реальности образовъ; но отъ каждой его вещи вѣетъ мистическимъ настроеніемъ, проникновенностью русскими народными вѣрованіями—что и придаетъ его произведеніямъ значительную оригинальность и отводитъ имъ особое, видное мѣсто въ исторіи русской живописи.

А. Смоликовъ.

О, есть-ли въ высь незримая тропа,
Ведущая къ лазури отдаленной,
Гдѣ узкою полоскою серна
Блеститъ изгибъ луны новорожденной?

О, есть-ли путь, ведущій въ міръ
живой
Твоей души, какъ небеса, прекрасной,
Которая такъ ласково порой
Глядитъ изъ глазъ задумчивостью
ясной?

Леонидъ Афанасьевъ.

По телефону.

„Эскизъ“.

15 Января.

— Ваше в-д-е, васъ просятъ къ телефону, — доложилъ бравый курьеръ, входя въ кабинетъ начальника желѣзнодорожной конторы инженера Липина и почтительно останавливаясь у дверей.

— А! чортъ бы ихъ побралъ!—воскликнулъ Липинъ, вставая изъ-за письменнаго стола и быстро направляясь въ телефонную комнату, — надоѣли мнѣ эти разговоры, заниматься не даютъ.

— Кто у телефона? — слышался его недовольный голосъ.

— А-а-а, здравствуйте, Александра Петровна, это вы? — вдругъ ласковымъ, пониженнымъ голосомъ, заговорилъ онъ.— Вотъ сюрпризъ-то! Я шелъ къ телефону въ очень дурномъ настроеніи, думалъ зовуть по службѣ, и вдругъ—вы...

— Что? Тоже служба? Ха-ха-ха, да, вы правы, и вы мое главное начальство, съ наслажденіемъ, готовъ служить Вамъ. Приказывайте!

Сидящая въ сосѣдней комнатѣ двѣ молодыя конторщицы, улыбаясь, переглянулись и насторожили уши.

Липинъ и не подозрѣвалъ, что его подчиненныя слышатъ его и тѣмъ же ласковымъ, сладкимъ голосомъ, продолжалъ:

— Такъ вы рѣшились, наконецъ, скали-

лись надо мной! О, какъ я счастливъ! Когда же, когда?

— Сегодня вечеромъ? Но у меня сегодня лекція до 10 часовъ.

— Ну, хорошо. Я выйду ровно въ 10 часовъ, пойду по лѣвой сторонѣ черезъ мостъ, по направленію къ дому.

— А сколько счастливыхъ минутъ вы удѣлите мнѣ, недостойному вашему рабу?

— Только полчаса? Какъ мало, но благодарю и за это. И такъ—до вечера.

Онъ далъ отбой и, покручивая свои шелковистые, блокурые усики, и напѣвая какой то романсъ, прошелъ въ кабинетъ черезъ комнату, гдѣ сидѣли его подчиненныя, невольно узнавшія тайну начинающагося романа своего начальника.

При его появленіи онѣ быстро опустили головы и съ невиннымъ видомъ погрузились въ работу.

Съ этого дня, лишь только Липинъ направлялся къ телефону, онѣ бросали занятія и прислушивались; съ теченіемъ времени у нихъ составился слѣдующій телефонный дневникъ:

21 Января.

— А-а-а, здравствуйте, дорогая. Что прикажете мнѣ сегодня?

— Очень радъ... Хорошо, въ семь часовъ я выйду изъ дома, дальше моста не пойду. Если бы вы согласились прокатиться со мною, я былъ бы счастливъ...

— Ну, вотъ! Вѣдь это не займетъ болѣе двухъ часовъ...

— Согласны? Благодарю, благодарю... Цѣлую ваши ручки... До семи часовъ... Считаю минуты... до свиданья...

24 Января.

А, это вы?—Что случилось, Шурокъ?... Я получилъ письмо... А?..

— Какъ не можете?... Что это значить?..

— Дѣла? Какія дѣла?..

— Что? Какъ это странно, неужели вы не можете отложить до другого дня?..

— Какъ вы безжалостны, я былъ сегодня такъ счастливъ, а теперь вы испортили мое настроеніе...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не сержусь... Я вѣрю...

— Повинуюсь, когда-же?..

— А... хорошо. Не держите же меня долго въ неизвѣстности. Повинуюсь...

— До скорого, не правда ли?..

Два часа спустя.

— Ахъ, это ты, Лида?

— Ну, что, говори скорѣе... Я страшно занята...

— Ъхалъ къ В? Ничего...

— Такъ что-жъ, что давно не были... Мнѣ не до нихъ... У меня сегодня первый вечеръ свободный, я хочу отдохнуть дома... Побѣжай одна, если находишь нужнымъ.

— Неловко одной? Что за глупости! Слово мы только что повѣнчаны. Пора привыкнуть одной ѣздить...

— Ну, я не ѣду къ этимъ осламамъ, вотъ и все...

— Не нравится? Что-жъ, каковъ есть... Прощай...

Въ чужомъ огородѣ.—Ориг. рис. А. Анисима.

25 Января

1 ч. дня.

— Здравствуйте, Шурокъ. Сегодня въ пять часовъ?..

— Отлично! Значить пообщаемъ вмѣстѣ?

— Очень радъ. Тамъ же, гдѣ говорили?

— Хорошо. Будьте аккуратны. Я буду ровно въ пять часовъ, не томите же меня. До-свиданья.

3 часа дня.

— Кто у телефона? Лида?

— Что?! Ты хочешь сегодня зайти за мной?

— Пожалуйста, не заходи, у меня масса работы... да притомъ я долженъ ѣхать по экстренному дѣлу... Домой вернусь поздно...

— Что-жъ дѣлать, служба прежде всего...

— Ну, мнѣ некогда, до-свиданья, я очень спѣшу...

30 Января.

— Это ты, Шурочекъ? здравствуй, до-рогая...

— Я былъ очень занятъ... Масса дѣла...

— Я всегда радъ видѣть тебя...

— Тамъ же?... Хорошо. Значить, опять можно будетъ пообщать вмѣстѣ...

— До-свиданья, до пяти часовъ.

Звонокъ съ квартиры.

— Ты у телефона, Лида?

— Не жди меня сегодня обѣдать, я ѣду на засѣданіе...

— Что ты, такъ воскликнула „опять“? Мнѣ и самому хотѣлось бы быть дома, да ничего не подблещь...

— А потому не сказалъ, что это засѣданіе экстренное, я самъ не зналъ.

— Я вернусь, вѣроятно, часовъ въ двѣнадцать. Прощай...

10 Февраля.

— Здравствуй, Шурокъ!

— Что? Ты сердиться?

— Но у меня много дѣла, оттого я и не могъ такъ долго увидѣться съ тобой...

— Прости, не сердись. Я заглажу свою вину...

— Ты хочешь прокатиться? Что-жъ, поѣдемъ, тамъ и поужинаемъ гдѣ нибудь.

— Поговорить? О чемъ?

— О какомъ письмѣ?

— Безъ подписи? Покажи мнѣ сегодня это письмо...

— Ну, тогда я не поѣду...

— Дай слово, что привезешь письмо съ собой. Даешь? да?

— Спасибо...

— Но нельзя же вѣрить анонимнымъ письмамъ. Я дѣйствительно былъ очень занятъ, на службѣ много дѣла, потомъ эти комиссіи, засѣданія и пр...

— Ты даже плакала? Ну какъ не стыдно не вѣрить мнѣ...

— Однако, какъ ты сегодня говоришь! Постоянно боялась, что тебя услышатъ, говорила намеками, полусловами; что это значитъ? Ты, должно быть, одна, никого нѣтъ?

— А-а! Ревность сдѣлала тебя смѣлой! Ну, тогда я благодаренъ автору анонимнаго письма. Я люблю смѣлость и свободу, особенно въ женщинѣ. А, милыя глазки, пролившія изъ за меня слезки, я сегодня ихъ зацѣлю...

— Ну, не буду, не буду, молчу. Такъ, значить, до-свиданья. Въ девять часовъ, тамъ-же?

— Хорошо...

20 Февраля.

— Это ты, Шура? Здравствуй.

— Я очень занятъ... Не надолго—могу...

— Часа на два...

— Нѣтъ, дольше не могу...

— Значить, тамъ же, въ 8 часовъ...

— Да всѣ эти дни я былъ тоже очень занятъ...

— Я сухо говорю? Нѣтъ, тебѣ такъ кажется...

— Ну, извини, я очень тороплюсь, вечеромъ поговоримъ.

— Ты, кажется, плачешь?

— Опять не вѣришь?—Какъ это скучно. Однако, до свиданья. Потомъ объяснимся.

28 Февраля.

— Здравствуй, Шура! Извини, но не могу увидѣться съ тобой сегодня.

— Я уѣзжаю въ командировку завтра утромъ...

— Нельзя, жена поѣдетъ провожать...

— А сегодня я долго буду сидѣть въ конторѣ, кончать дѣла...

— Также нельзя, за мною заѣдетъ жена, намъ необходимо поѣхать къ В.

— Какъ только вернусь, немедленно сообщу тебѣ...

— Я и самъ не знаю, это зависитъ отъ дѣла...

— Также не могу сказать, потому что придется переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Еще не выяснилось, куда я поѣду прежде всего...

— Ну, однако, до свиданья. Очень спѣшу. Жаль, что не могу лично проститься. Желаю тебѣ всего хорошаго...

— Что ты говоришь?

— Ну, что за пустяки, какое тамъ предчувствіе! Прощай!

.....
Главная станція? Соедините, пожалуйста, съ № 000, квартира Липина.

— Дорогая Лида, ты?

— Я хочу предложить тебѣ поѣхать сегодня къ В...

— Да экстренная работа у меня кончилась, а остальные дѣла я отложу, надо же отдохнуть. Да и съ тобой мнѣ хочется побыть. Кстати, ты же знаешь, что мнѣ надо попросить В. помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ. Помнишь, я тебѣ говорилъ?

— Какъ! Ты уже была сегодня?

— И онъ обѣщалъ! Bravo! Да ты у меня дипломатъ. Молодецъ, молодецъ! Цѣлую тебя.

— Ну, конечно же, буду... Да лучше заѣзжай за мной, поѣдемъ вмѣстѣ...

— Я очень любезенъ? Да я такъ счастливъ, что избавился отъ работы.

— Ну, до свиданья, голубка, пріѣзжай скорѣе.

— Иванъ,—обратился онъ къ курьеру, выходя въ переднюю,—если меня будетъ вызывать къ телефону вотъ эта дама, которая сегодня вызывала,—ты навѣрно узнаешь по голосу, она меня часто вызываетъ,—то говори, что я уѣхалъ въ командировку; если спросятъ, когда вернусь, скажи—не знаю, и хоть бы цѣлый годъ вызывали, говори, что я еще не вернулся.

Дз. Не—ая.

КЪ РИСУНКАМЪ.

За хворостомъ.—*Карт. Н. А. Касаткина.* Обыкновенная зимняя картинка деревенской жизни, въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсъ, пригодный на дрова, порубленъ и остается для топлива собирать хворостъ и валежникъ. Художникъ передаетъ въ своемъ произведеніи зимнее холодное настроеніе пейзажа и вѣрнымъ, правдивымъ рисункомъ—лохматую лошаденку съ нагруженными саними и крестьянина, отбирающаго болѣе толстые сучья.

Запорожцы.—*Карт. Н. Н. Чупруенко.* Картина наша изображаетъ запорожцевъ, отправляющихся въ походъ. Чубатые, вольные, казаки готовы къ отплытію. На первомъ планѣ группа запорожцевъ—полна энергіи: мускулистые руки напряжены при сталкиваніи тяжелыхъ струговъ. Еще нѣсколько минутъ и цѣлая флотилія будетъ, разсѣкая воды, слѣдовать за стягомъ своего гетмана. Картина „Запорожцы“ находится въ музей Александра III-го.

Охота на кабановъ.—*Карт. Е. Гофмана.* Талантливый нѣмецкій художникъ избралъ довольно трудный сюжетъ для своихъ картинъ—передавать помимо пейзажа цѣлыя сцены изъ жизни животныхъ. Для передачи животныхъ нужно много работать съ натуры и долго изучать движенія не покойныхъ натурщиковъ. Въ слѣдующемъ №-рѣ мы рассчитываемъ помѣстить и другую, характеризующую жизнь кабановъ, картину этого же художника.

Въ чужомъ огородѣ.—*Ориг. рис. А. Алсита.* Молодая деревенская парочка, на свиданіи, должно быть запретномъ, забыла объ окружающемъ и не замѣчаетъ старой матери, тихонько слѣдящей за каждымъ движеніемъ и ловящей каждое слово влюбленныхъ. Очень легко и бойко набросанъ этотъ рисунокъ молодымъ художникомъ и вѣрно передаетъ красоту незатѣйливой обстановки деревенскихъ задворковъ.

А. С.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвор. Л. Афанасьева, — „Ангель-Хранитель“, И. Н. Потапенко.—Выставка картинъ В. М. Васнецова.—Стихотвореніе Л. Афанасьева.—По телефону Дз. Не—ая.

Редакторъ *Л. П. Хесторъ.*Предс. Администраціи *Д. Х. Бородинъ.*

ИЛЛУСТРИРОВАННАЯ НЕДЕЛЯ

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапенко.*

Текущая жизнь.

За послѣднее время центромъ интересовъ текущей жизни стали событія на востокѣ, гдѣ-то тамъ, далеко, въ невѣдомомъ, даже по названію, для большинства многомилліоннаго русскаго народа, краю...

Какъ-то чуждо звучитъ для большинства русскаго населенія выраженіе „наши интересы въ Манджуріи...“ что намъ Гекуба и что мы Гекубѣ... въ дѣйствительности наши насущные интересы лежатъ вовсе не такъ далеко — они вокругъ и около насъ, они подъ бокомъ — поднятіе экономическаго и правового положенія русскаго крестьянина, борьба просвѣщенія съ мракомъ невѣжества, поднятіе вообще самосознанія въ личности — вотъ наши насущные интересы... Русскій народъ не въ состояніи себѣ уяснить, можетъ быть, и очень тонкихъ и дальновидныхъ соображеній, по которымъ борьба за Манджурію, Корею и т. п. могла-бы окончиться пролитіемъ русской крови... Горячо откликнулся онъ на войны съ турками, угнетавшими братьевъ славянъ, какъ одинъ человѣкъ, даже въ мрачное время крѣпостного права, шелъ онъ отражать въ двѣнадцатомъ году общаго врага — „нашествіе двенадцать языковъ“...

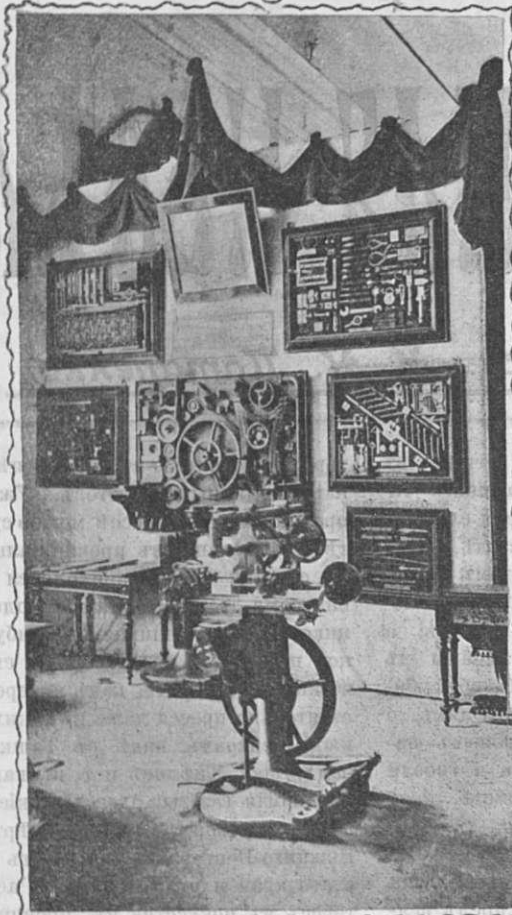
Новѣданномъ случаѣ — чѣмъ могутъ быть ему интересны японцы, манджурцы или корейцы?... чѣмъ они его, или его близкихъ, обидѣли? Мирное разрѣшеніе вопроса о Корей, конечно, могло-бы быть встрѣчено русскимъ народомъ радостно — тысячи отцовъ, матерей, сестеръ и женъ осѣнятъ себя крестнымъ знаменемъ и вздохнуть вздохомъ облегченія. Если не пустая фраза слова, что въ франко-прусскую войну побѣдилъ французъ германскій школьный учитель, то будемте и мы стараться объ этомъ вооруженіи русскаго народа — это будетъ прочнѣе скорострѣльныхъ ружей и дальнобойныхъ пушекъ. Наша армія — это, во всякомъ случаѣ, сколокъ съ германской арміи, потому-что нѣмцы въ этомъ случаѣ были нашими учителями, такъ будемте имъ подражать и въ другомъ ихъ приготовленіи къ борьбѣ съ народами — въ народномъ просвѣщеніи, которое у нихъ такъ высоко поставлено, что могла стать популярной выше-приведенная фраза о школьномъ учителѣ. Вотъ гдѣ лежатъ, повторимъ опять, наши первые, насущные интересы.

Тѣмъ не менѣе понятно, почему въ интеллигентныхъ сферахъ, читающихъ газеты всѣ лихорадочно въ это время слѣдятъ за событіями на дальнемъ востокѣ, опять таки не изъ за интереса къ этимъ мало-извѣстнымъ большинству мѣстамъ и мало-понятымъ дипломатическимъ шагамъ, а потому, что съ объявленіемъ войны въ странѣ объявляется о несчастьѣ — объ убитыхъ и раненыхъ близкихъ людяхъ, о феноменальныхъ затратахъ и новыхъ налогахъ, а съ ними и о разореніи и гибели многихъ и многихъ, тутъ на мѣстѣ, даже не ходя на дальній востокъ...

Война есть общенародное бѣдствіе, какъ моръ, гладь и пожаръ — нечего закрывать на это глаза, — оправится странѣ послѣ всякой войны не такъ-то легко... вотъ, что тревожитъ обывателя, даже если ему лично и не придется идти сражаться съ японцами... вотъ почему и столичный обыватель и провинціальныи житель, одинаково, ждуть газетъ и слѣдятъ за текущими политическими событіями. Но, что тамъ будетъ, мы не знаемъ, а жизнь не ждетъ и ея колесо катится попрежнему, то по твердому грунту, то шатаясь и обдавая брызгами грязи мимоидущихъ людей. А тутъ еще и праздники подошли, встрѣча Новаго года, каникулы, небольшая передышка въ обычныхъ занятіяхъ для большинства или, по крайней мѣрѣ, перемѣна этихъ занятій. Такъ всѣ праздники въ Петербургѣ идетъ работа на съѣздахъ — по количеству сейчасъ ихъ было особенное обиліе: съѣздъ электротехниковъ, съѣздъ по техническому образованію, гинекологовъ, хирурговъ, учителей словесности російскихъ корпусовъ и, наконецъ, Пироговскій съѣздъ врачей. Масса провинціальныхъ работниковъ съѣхалась въ столицу, но не для кутежей, а для совмѣстной работы съ столичными дѣятели въ сферахъ ихъ специальностей — цѣлые дни проводятъ они за работою на засѣданіяхъ съѣзда, осматриваютъ въ столицѣ то, что можетъ быть имъ интересно по ихъ дѣлу — вотъ какъ проводятъ они праздничное время, вѣдь всякій человѣкъ по своему понимаетъ отдыхъ...

Послѣднее время шибко и замѣтно идетъ провинція впередъ во многихъ сферахъ жизни и слово „провинціаль“ вовсе не звучитъ уже какимъ-то снисходительнымъ полупренебреженіемъ — нѣтъ, столичные дѣятели чутко прилепываются къ тому, что дѣлается „тамъ“, въ глубинѣ Россіи, гдѣ уже давно нѣтъ той „вѣковой тишины“, про ко-

торю съ горечью въ сердцѣ пѣвалъ одинъ изъ столичныхъ поэтовъ... Уже по одной провинціальной прессѣ можно судить о ростѣ самосознанія въ провинціальномъ городѣ, съ этой прессой приходится считаться — она сама даетъ большимъ городамъ сотрудниковъ, воспитавшихся, гдѣ-нибудь, въ далекой провинціи, на столбцахъ скромной газетки... Посмотрите, какъ интересна и самостоятельна пресса даже въ такихъ отдаленныхъ центрахъ, какъ въ Ташкентѣ, Асхабадѣ, Баку, Тифлисѣ и т. п., какъ интересны многія газеты одесскія, кievскія, приволжскихъ городовъ, напримѣръ Саратовъ, Нижняго-Новгорода, или газетъ Прибалтійскаго края и даже Сибири. Растетъ и интересъ къ искусству въ провинціи — одинъ изъ показателей высшей культуры человѣка. Далекая Астрахань услаждается симфоническими концертами, причемъ дирижеръ ихъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, сразу же покоряетъ своимъ талантомъ любителей серьезной музыки, а черезъ годъ уже его приглашаютъ за границу, какъ знаменитость. Провинція-же поставляетъ столицамъ и лучшихъ артистовъ въ ихъ театры; въ то время, какъ у насъ въ Петербургѣ, напримѣръ, организуются театры, именующіе себя „литературными“, „тургеневскими“, а по существу, рассчитанные на низшіе животныи инстинкты публики, гдѣ ставятъ драмы съ оголѣніемъ или съ кафешантаннми дивертиссентами какъ: „Фрина“, „Нана“, „Рабыни веселья“, „Падшіе“ и т. п. — по провинціи скитаются уже много лѣтъ образованные артисты — братья Адельгеймъ — репертуаръ которыхъ почти исключительно классическій, Шуваловъ, играющій даже Эврипида (раньше чѣмъ его стали признавать на петербургской образцовой сценѣ). Правда, много отрицательныхъ сторонъ въ провинціальномъ театрѣ, но виною этому особая обстановка и малое сравнительно количество театральной публики, благодаря чему пьесы должны идти чуть не каждый день новыя, и трудности въ организаціи дѣла и масса театральной накипи, присосѣдившейся къ занятію театральныхъ дѣломъ — безъ образованія, безъ любви къ искусству, безъ предварительной подготовки и таланта... Конечно, пока еще столицы даютъ тонъ, какъ-то репертуары и проводятъ новыя теченія въ искусствѣ, но какъ быстро все это усваивается и перерабатывается провинціей — трудно себѣ и представить. Давно ли появилось и заявило себя всему театральному русскому міру предпріятіе

Выставка технич. образованія. I. Работы учениковъ ремесленнаго училища Имп. Русс. Техн. Общества.—II. Витрина Ксенинскаго института.—III. Образцы Вышневолоцкой учебно-ткацкой мастерской. IV. Отдѣлъ Министерства Земл. и Госуд. Имуществъ.

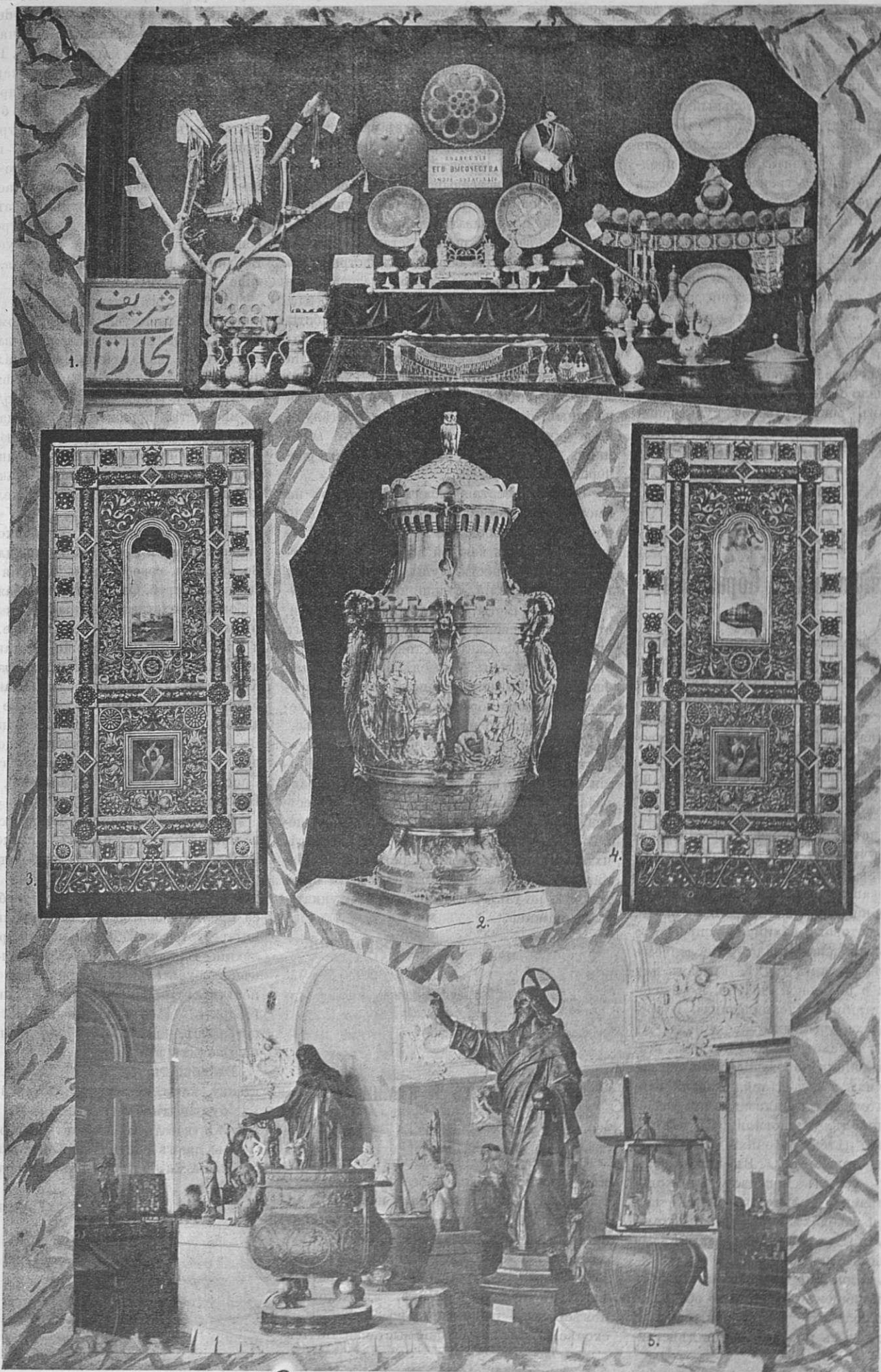
театра Станиславскаго, и какъ быстро его почитатели и послѣдователи, гдѣ умѣло, а гдѣ и неудачно примѣняя, разнесли по провинціи основныя начала и принципъ этого шага въ исторіи русской театральн. жизни... Мы убѣждены, что гастроли театра Станиславскаго въ провинціи далеко не вызовутъ того глумленія, подхихиванія и смѣшковъ, какими ихъ обдаётъ Петербургская столичная пресса изъ за стрекотанья кузнечиковъ, свиста сверчковъ, шума вѣтра и дождя, не пожелавшая разглядѣть сути

самаго дѣла... Это будетъ уже не впервые, что столичныя взгляды разойдутся съ взглядами провинціи, у которой уже нарастаютъ и свои самостоятельныя убѣжденія и опредѣленныя точки зрѣнія на искусство, чему въ послѣднее время было не мало примѣровъ. Сказать сейчасъ, что провинціальная пресса идетъ въ хвостъ столичной, пережевывая ея вопросы и взгляды—было бы большою несправедливостью... Въ семьѣ не безъ уродовъ и, конечно, въ нашемъ обширномъ государствѣ есть всякіе медвѣжьи углы или

поражающіе своей антиобщественностью взгляды, но вѣдь все это имѣется и въ столицахъ. Если тверское уѣздное земство нашло возможнымъ сдѣлать постановленіе о томъ, что ему не зачѣмъ заниматься самому дѣломъ народнаго образованія, то, вѣдь, конечно, и въ столичной прессѣ нашлись органы, съ сочувствіемъ относящіяся къ этой оригинальной точкѣ зрѣнія земства на свои обязанности.

Если мы часто читаемъ объ изгнаніяхъ различныхъ дѣятелей печати изъ общест-

Международная выставка издѣлій изъ камня и металла.

1) Коллекція древнихъ бронзовыхъ, серебр. и золотыхъ вещей Его Высоч. Эмира Бухарскаго. 2) Сереб. чеканная урна для прахъ, сжигаемыхъ въ Крематоріумѣ, раб. І. Фраже. 3 и 4) Сереб. чеканныя двери для храма Воскресенія. 5) Издѣлія изъ бронзы.

венныхъ мѣстъ и засѣданій, то вѣдь и въ столицахъ это явленіе не отсутствуетъ, и часто на многихъ собраніяхъ бѣгутъ отъ представителей печати, какъ отъ чумы или заразы... или, въ крайнемъ случаѣ, только терпятъ ихъ присутствіе до перваго неблагоприятнаго или невыгоднаго отзыва въ ихъ газетѣ... Одинъ положительный, несомнѣнно удавшийся, отвѣтъ на 100 неудачныхъ останавитъ вниманіе изслѣдователя и заставитъ его удвоить вниманіе, представляя въ его глазахъ громадную цѣнность и давая толчокъ для дальнѣйшей работы въ томъ же направленіи. Такъ и въ жизненныхъ социальныхъ явленіяхъ, разсматриваемыхъ нами сейчасъ, немногіе приведенные и еще большее количество нами не упомянутыхъ явленій въ жизни русской провинціи, несмотря на массу отрицательнаго въ той-же жизни—заставляютъ насъ всмотрѣться глубже въ эти явленія, оцѣнить ихъ значеніе, и навѣваютъ на насъ хорошія мысли о хотя и очень медленномъ, но замѣтномъ ростѣ русской культурной жизни.

В. В. Чеховъ.

Профессиональное Образование

Конецъ истекшаго года ознаменовался открытіемъ въ Петербургѣ цѣлаго ряда съездовъ, изъ которыхъ первое мѣсто, по возбужденному имъ интересу въ обществѣ, несомнѣнно, принадлежитъ третьему съезду русскихъ дѣателей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи.

Съездъ собралъ сотни специалистовъ по разнаго рода ремесламъ, педагоговъ и общественныхъ дѣателей. Здѣсь были представители всѣхъ русскихъ губерній, специальныхъ учебныхъ заведеній, общественныхъ учреждений.

Наименованіе секцій показываетъ разнообразіе и обширность задачъ этого съезда, программа котораго обнимала вопросы: о постановкѣ школьнаго дѣла, ремесленномъ ученичествѣ, ручномъ трудѣ, курсахъ для рабочихъ и о школьной гигиенѣ и физическомъ воспитаніи въ техническихъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Доклады, разсмотрѣнные съездомъ, всесторонне выяснили положеніе дѣла образованія рабочихъ и ихъ дѣтей, указали наиболѣе желательныя организационныя профессиональныхъ школъ, установили, что изъ общаго числа дѣтей рабочихъ получаютъ образованіе только 2%. Въ первыхъ-же засѣданіяхъ съездъ признавалъ необходимымъ увеличеніе количества школъ при фабрикахъ и заводахъ, причемъ эти школы не должны быть стѣснены программами существующихъ школъ.

Хотя въ компетенцію съезда не входилъ вопросъ о всеобщемъ обученіи, но обсуждая состояніе школьнаго дѣла и тѣ реформы, введеніе которыхъ подсказываетъ дѣйстви-

тельность, авторы докладовъ и члены съезда неизбежно касались этого вопроса, признавали его неотложность, свидѣтельствовали о томъ, что русскую школьную сѣть необходимо расширить въ такой мѣрѣ, которая соотвѣтствовала-бы существующимъ запросамъ.

Профессиональное и техническое образованіе въ Россіи находится въ зачаточномъ состояніи, не приняло еще должныхъ формъ, но сама идея имѣть многочисленныхъ сторонниковъ, завоевываетъ себѣ все болѣе прочное положеніе и ей, не боясь ошибиться, можно предсказать славное будущее.

При съездѣ открыта выставка, экспонаты которой ярко и образно иллюстрируютъ состояніе профессиональнаго образованія въ Россіи, желательныя улучшенія этого дѣла; тутъ-же представлены ученическія работы ремесленныхъ и техническихъ училищъ, отличающіяся рѣдкимъ разнообразіемъ. На ряду съ чертежами, слесарными, кузнечными и столярными издѣліями, экспонируются изящныя, прекрасно сдѣланныя бездѣлушки и украшенія изъ шелка, соломы, керамики, декоративныя, эмалевыя работы, разнообразные ткани.

Тысячи, десятки тысячъ предметовъ на выставкѣ представляютъ сумму долгаго и, повидимому, любовнаго труда тысячи дѣтскихъ рукъ. Въ каждой вещицѣ чувствуется умъ, способности, душа ея творца. Вся эта масса издѣлій, большинство изъ которыхъ — предметы первой необходимости, отражающіе своимъ строеніемъ, рисункомъ нравы и обычаи жителей той мѣстности, гдѣ они приготовлены. Они сдѣланы, наглядно свидѣтельствовать о степени развитія профессиональнаго образованія, о мѣрѣ его необходимости, его правѣ на существованіе.

Обзоръ выставки убѣждаетъ въ томъ, что ручной трудъ, кустарное производство въ Россіи занимаютъ видное мѣсто и имѣютъ право разсчитывать на вниманіе со стороны общественныхъ и правительственныхъ учреждений. Какъ ни всеяльны фабрика и заводъ, ихъ капиталы, но возможность индивидуализировать издѣлія — тоже огромная сила, которую не такъ-то легко съѣсть и уничтожить машина.

Г. Баранскій.

Металлъ и камни.

Выставка „издѣлій изъ камня и металла“ помѣщается въ залахъ Пассажа, занимая всѣ три этажа. Она представляетъ извѣстный интересъ, но богатой назвать ее нельзя. Присутствіе иностранныхъ экспонатовъ — изъ Австріи, Германіи, Италіи, Франціи, Японіи, Египта, мало украшаетъ ее. Напротивъ, залы въ среднемъ этажѣ, въ которыхъ помѣстились исключительно иностранцы, скорѣе умаляютъ значеніе выставки. Почтен-

ные гости взглянули на выставку, какъ на случай рекламировать свои болѣе или менѣе изящныя и практичныя articles de menage и выставка ихъ ничѣмъ не отличается отъ витринъ богатыхъ магазиновъ на Невскомъ проспектѣ. Впечатлѣніе такое, какъ будто вы зашли въ магазинъ Александра, Кюпа и т. п. Изящныя фигуры изъ бронзы и составныхъ металловъ—для электрическаго освѣщенія, туалетныхъ столовъ, полезныя и бесполезныя бездѣлки, кой что ювелирное, вотъ и все. Японія явилась почти исключительно съ издѣліями изъ глины, „Египетъ и Палестина“ — съ грошовыми вещицами, во множествѣ фабрикуемыми въ Берлинѣ и Вѣнѣ и, безъ сомнѣнія, едва-ли выдавшими Египетъ.

Въ нижнемъ этажѣ, самомъ интересномъ и, по преимуществу, русскомъ, порядочно мѣста взяли итальянцы для своей скульптуры изъ мрамора и металла. Это произведенія, скорѣе изящныя, чѣмъ художественныя. Въ итальянскихъ городахъ они во множествѣ продаются на улицахъ и въ большихъ магазинахъ — болѣею частью для туристовъ. Но тамъ цѣны на нихъ сносныя, здѣсь-же они оцѣнены такъ, какъ будто принадлежали бы всѣ Микелю Анджело.

Интересны витрины Хлѣбникова — съ иконостасами и подсвѣчниками для храма Воскресенія, серебряныя издѣлія московскихъ кустарей, Овчинникова, Фраже; очень хорошо представлены драгоценныя камни фирмами Лоріе, Гушеронъ, Фраже, Балинъ и пр. Замѣчательныя вещи выставили дѣятели шлифовальныя Императорскія фабрики:—Колыванская и Петергофская (Гранильная); блестятъ разнообразіемъ уральскіе камни—какъ драгоценныя, такъ и строительныя. Въ этомъ-же залѣ выставлена художественная скульптурная работа Гинсбурга (бюсты Спасовича, Толстого, Соловьева), Дилонъ, Бразалья, Бигаса.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщаются „научно-показательный отдѣлъ“ и коллекціи. Отдѣлъ этотъ не отличается богатствомъ и разнообразіемъ. Главная-же бѣда въ томъ, что онъ слабо демонстрируется и объясняется публикѣ, благодаря чему публика мало интересуется имъ. Довольно обширныя коллекціи горнаго института могли-бы быть очень поучительны, но они для простаго посѣтителя, безъ объясненій, ничего не говорятъ. Здѣсь-же помѣстилась и пара фонографовъ, — неизбежное украшеніе всѣхъ нынѣшнихъ выставокъ.

Въ общемъ, если смотрѣть на эту выставку, какъ на попытку, которой суждено въ будущемъ развиться, — мы должны привѣтствовать ее и желать повторенія ея.

Мы даемъ рисунки изъ основнаго отдѣла выставки—издѣлій изъ серебра, бронзы и камня.

Грузовъ.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ
† 20 Декабря.

Я. И. Ростовцевъ.

(къ столѣтію со дня рожденія).

Ты въ міръ не гремяшь побѣдными
громами,
Но подвиги твои славные всѣхъ побѣды
Великій труженикъ, ты скромно, между нами,
Прошелъ, но по себѣ оставилъ вѣчный
слѣды.
И славный, этотъ слѣды, изъ памяти
народной
Ни время, ни вражда, ни зависть не
согреть,
И голосъ согражданъ, правдивый и
свободный,
Надъ многими тебя высоко вознесеть.
Врачуя старыя отечества невзгоды,
Какъ доблестный боецъ, за родину свою,
Подъ знаменемъ ея единства и свободы
Ты бился до конца и палъ въ святомъ бою.

М. Р.

Съ именемъ Я. И. Ростовцева всегда и неразрывно будетъ связано воспоминаніе о чудной эпохѣ шестидесятыхъ годахъ, объ этой кипучей дѣятельности по обновленію всѣхъ сторонъ нашей общественной и частной жизни, о доблестныхъ, непонятныхъ для насъ, для нашего бѣднаго водушевленія и измученнаго поколѣнія, чадахъ, о времени идеаловъ и богатырей великаго народнаго дѣла!

Въ этой славной освободительной эпохѣ имя Якова Ивановича всегда будетъ занимать центральное мѣсто. Ростовцевъ думалъ объ исторіи, вѣрилъ въ ея верховный судъ, мечталъ о почетной для себя страницѣ на ея свиткахъ. И онъ приобрѣлъ, безъ сомнѣнія, завидную честь и славное право, о которомъ онъ мечталъ. Онъ понималъ всю важность крестьянской реформы и вотъ, когда 4 марта 1859 г. была открыта

знаменитая редакціонная коммиссія и Ростовцевъ былъ назначенъ ея предсѣдателемъ, онъ писалъ князю Орлову: „Да проститъ мнѣ Богъ и Государь, да проститъ мнѣ Россія и потомство, если я принимаю на себя ношу не по моимъ силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту я не принять не въ правѣ. Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу васъ повергнуть передъ его Императорскимъ Величествомъ, *создающимъ въ Россіи народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало*“. Твердо усвоивъ основные пункты либеральной программы передовой прессы: надѣленіе крестьянъ землею въ собственность, выкупъ ея и дарованія имъ самоуправления, Ростовцевъ убѣдилъ и Государя въ ихъ необходимости и до конца дней своихъ стойко отстаивалъ эти начала. За стойкость своихъ убѣжденій Ростовцевъ выдержалъ бурный натискъ крѣпостниковъ, не щадившихъ ни его личности, ни его интимной и семейной жизни, обвинявшихъ его и въ продажности, и въ карьеризмѣ, дѣйствовавшихъ противъ него путемъ подпольныхъ интригъ и буквально замучившихъ и сведшихъ его въ могилу въ самомъ разгарѣ его энергичной работы. Но на этомъ темномъ фонѣ человѣконенавистничества, честная и стойкая личность Ростовцева еще ярче выдѣляется 20 февраля 1860 года. Умеръ Ростовцевъ на рукахъ Императора Александра II, котораго умолялъ довести до конца „святое дѣло“. „Не бойтесь“ — были послѣднія слова Ростовцева.

Д. Бородинъ.

Гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ.

20 декабря истекшаго года, въ г. Одессѣ, скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей военнаго міра, командующій войсками одесскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи графъ Александръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ. Родился А. И. въ 1827 г. и, окончивъ курсъ Пажескаго корпуса въ 1847 г., былъ выпущенъ корнетомъ въ Кавалергадекіи Ея Величества полкъ; участвовалъ въ кампаніяхъ 1849 и 1855 гг.; въ слѣдующемъ 1856 году онъ былъ уже флигель-адъютантомъ, въ 1859 г. — полковникомъ, а въ 1866 г. — генераль-маіоромъ. Затѣмъ покойный послѣдовательно занималъ должности: командира Кавалергардскаго полка, второй и первой гвардейскихъ дивизій, командира 5-го армейскаго корпуса и помощника командующаго войсками варшавскаго военнаго округа. 23 октября 1890 г. покойный былъ назначенъ командующимъ войсками одесскаго военнаго округа.

Графъ Як. Ив. Ростовцевъ.
Предсѣдатель редакціонной коммиссіи по освобожденію крестьянъ. (По поводу 100-й годовщины его рожденія).

Министръ юстиціи статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ.

1 Января текущаго года исполнилось десять лѣтъ со дня назначенія Н. В. Муравьева на постъ министра юстиціи. На этомъ посту Н. В., съ первыхъ-же дней, заявилъ себя весьма энергичнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Уже 7 апрѣля 1894 г. по его всеподданнѣйшему докладу, состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи особой коммиссіи для пересмотра дѣйствующихъ законовъ по судебной части, одной изъ послѣднихъ работъ которой является недавно законченный проектъ уголовнаго уложенія. Въ этомъ же году, 9 мая, введена судебная реформа въ Астраханской губ., а въ 1896 г. въ Архангельской губ. и въ Сибири (13 февраля и 13 мая), къ сожалѣнію въ значительно измѣненномъ и ограниченномъ видѣ. 2 марта 1895 г., по инициативѣ Н. В., возникло благотворительное общество судебного вѣдомства. 19 декабря того-же года къ министерству юстиціи присоединено главное тюремное управленіе. Наша карательная система потерпѣла значительныя измѣненія за время министерства Н. В. Муравьева: отмѣнена ссылка въ Сибирь и плети. Изъ мѣропріятій послѣдняго времени обращаютъ на себя вниманіе два циркуляра Н. В., — циркуляръ о правахъ присяжныхъ засѣдателей ходатайствовать о смягченіи наказанія и о помилованіи (важный шагъ по пути уравненія правъ пр. засѣдателей и коронныхъ судей) и циркуляръ предсѣдателямъ окр. судовъ, проводящій въ жизнь начала новаго уголов. уложенія.

Всѣхъ, кто интересуется исторіей нашей реформы, не можетъ не привлечь къ себѣ вниманіе эта книга. Она не только представляетъ историческое и политическое значение, но и является прекраснымъ источникомъ для изученія жизни нашего народа. Книга эта, какъ и всѣ книги, издаваемыя въ издательствѣ „Наша жизнь“, написана простымъ, понятнымъ языкомъ. Она является отличнымъ руководствомъ для учащихся въ нашихъ школахъ. Издательство „Наша жизнь“ гарантируетъ высокое качество своей продукции. Все книги, издаваемыя нами, являются не только учебными пособиями, но и прекрасными подарками. Мы всегда рады услужить нашимъ читателямъ. Для заказа книгъ обращайтесь къ намъ по адресу: г. Москва, ул. Земляной валъ, д. 10. Тел. 1-10-10. Мы работаемъ ежедневно, кромѣ воскресенья и праздничныхъ дней.

Выставка картинъ В. М. Васнецова. Картоны для мозаики русскаго храма въ Дармштатѣ: 1) Св. Марія Магдалина. 2) Божія Матерь съ Иисусомъ Христомъ. 3) Снятіе со креста. 4) Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Для храма Воскресенія въ Петербургѣ — 5) Спаситель на Крестѣ.

Л. Б. Яворская.

Въ настоящемъ сезонѣ истекаетъ десять лѣтъ со дня начала артистической дѣятельности Л. Б. Яворской, директрисы с.-петербургскаго Новаго театра, выступавшей во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ во многихъ городахъ Россіи и въ нѣкоторыхъ центрахъ западной Европы.

Уроженка Кіева, Л. Б. въ началѣ 90-хъ годовъ поступила на драматическіе курсы при С.-Петербургскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ занималась подъ руководствомъ В. Н. Давыдова и Н. С. Васильевой. „Профессиональной актрисой“ Л. Б. впервые выступила въ Ревелѣ, въ труппѣ организованной Н. С. Васильевой изъ театральной молодежи, которая, чуть ли не впервые, познакомила нашу прибалтійскую окраину съ правильно организованнымъ русскимъ театромъ. По окончаніи короткаго лѣтняго сезона въ Ревелѣ, Л. Б. поступила въ московскій театръ Корша, гдѣ ея появленіе, несмотря на присутствіе выдающихся артистическихъ силъ, не осталось безплоднымъ. Хорошо знакомая съ западной литературой Л. Б. явилась въ первые же годы своей театральной дѣятельности усердной пропагандисткой передъ русской публикой такихъ пьесъ западнаго репертуара, которыя до нея не находили доступа на наши подмостки. Сѣренькая, „Коршевская“, публика, которую прежде усердно кормили фарсами Мясницкаго и К°, совершенно не-

Л. Б. Яворская.

(По случаю 10-ти лѣтней артистической дѣятельности).

ожиданно для себя ознакомилась съ такими пьесами, какъ „Двѣнадцатая ночь“ Шекспира, „Борьба за счастье“ Софьи Ковалевской, „Сакунтала“ и цѣлый рядъ другихъ, которыя въ корень измѣнили прежній „фарсовый“ характеръ репертуара этого театра.

Черезъ нѣсколько сезоновъ Л. Б. во главѣ Коршевской труппы выступила передъ петербургской публикой въ одной изъ лучшихъ своихъ ролей „М-ме Санъ-Женъ“ и обратила на себя вниманіе петербургской публики, которая получила возможность еще лучше ознакомиться съ своеобразнымъ дарованіемъ Л. Б., когда Суворинъ основалъ въ Петербургѣ „Литературно-Художественный театр“, въ которомъ Л. Б., въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ, несла тяжелую работу первой актрисы. Перечислить роли исполненныя Л. Б. въ Петербургѣ, было бы чрезвычайно трудно, такъ какъ за послѣдніе семь-восемь лѣтъ ея службы въ Суворинскомъ театрѣ на сценѣ этого театра рѣдкая пьеса обходилась безъ участія Л. Б., причемъ, изъ западныхъ драматурговъ нѣкоторые, какъ напр. Ростанъ, стали извѣстны русской публикѣ почти исключительно благодаря пропагандѣ ихъ Л. Б. Яворской.

Какъ у всякаго крупнаго общественнаго дѣятеля, у Яворской есть и страстные поклонники и ожесточенные враги. Но въ

одномъ все единогласно признали крупную заслугу Л. Б. передъ русскимъ театромъ и передъ русскимъ обществомъ, въ особенности, когда 15 сентября 1901 г. въ залѣ Кононова основала свой собственный „Новый театр“. Ставъ во главѣ собственнаго предприятия, Л. Б. получила возможность открыто показать свои литературные вкусы и широко познакомить всѣхъ съ своей художественной программой. За одинъ первый годъ своего существованія „Новый театр“ Л. Б. Яворской поставилъ произведенія: Шекспира, Островскаго, Тетмайера, Кеттлера, Ростана, Бьернсона, Л. Л. Толстого, Фабра, Бракко, кн. В. В. Барятинскаго, Мешенье, Ибсена, Эрвье, Шницлера, Стриндберга, неустанно продолжала съ подмостковъ своего театра знакомить русскую публику со всѣми выдающимися новинками западнаго репертуара и поставила нѣсколько новыхъ пьесъ Ибсена, Гауптмана и д'Анунцио. Наконецъ, въ настоящемъ сезонѣ, который открылся возобновленіемъ „Антонія и Клеопатры“ Шекспира, Л. Б. Яворская, между прочимъ, поставила „Мертвый городъ“ д'Анунцио и „Пелеасъ и Мелисанда“ Метерлинка, которая идетъ въ ея юбилейный бенефисъ. „Актёръ, что умеръ, то исчезъ“ и нѣтъ никакихъ силъ сохранить для потомства, хотя бы главныя отголоски тѣхъ чаръ, которыми самый дароватый актёръ привязываетъ къ себѣ сердца публики. Но и въ сценической дѣятельности есть нѣчто, что остается навсегда послѣ актёра. Эта его художественная программа, особенно

важная для оцѣнки актёра тогда, когда онъ является полновластнымъ хозяиномъ театра и въ этомъ отношеніи дѣятельность Яворской находится внѣ всякихъ упрековъ и должна служить образцомъ для всѣхъ остальныхъ театровъ, показывая самымъ нагляднымъ образомъ, что и въ наши

Н. В. Муравьевъ.

(по поводу исполнявшагося 10-ти лѣтня въ должности министра юстиціи.

Ольга Андреевна Шапиръ.

(Къ 25-ти лѣтнюю литературной дѣятельности).

25 Января

1 ч. дня.

— Здравствуйте, Шурокъ. Сегодня въ пять часовъ?..

— Отлично! Значитъ пообедаемъ вмѣстѣ?

— Очень радъ. Тамъ же, гдѣ говорили?

— Хорошо. Будьте аккуратны. Я буду ровно въ пять часовъ, не томите же меня. До-свиданья.

3 часа дня.

— Кто у телефона? Лида?

— Что?! Ты хочешь сегодня зайти за мной?

— Пожалуйста, не заходи, у меня масса работы... да притомъ я долженъ ѣхать по экстренному дѣлу... Домой вернусь поздно...

— Что-жъ дѣлать, служба прежде всего...

— Ну, мнѣ некогда, до-свиданья, я очень спѣшу...

30 Января.

— Это ты, Шурочекъ? здравствуй, дорогая...

— Я былъ очень занятъ... Масса дѣла...

— Я всегда радъ видѣть тебя...

— Тамъ же?... Хорошо. Значитъ, опять можно будетъ пообѣдать вмѣстѣ...

— До-свиданья, до пяти часовъ.

Звонокъ съ квартиры.

— Ты у телефона, Лида?

— Не жди меня сегодня обѣдать, я ѣду на засѣданіе...

— Что ты, такъ воскликнула „опять“? Мнѣ и самому хотѣлось бы быть дома, да ничего не подѣлаешь...

— А потому не сказать, что это засѣданіе экстренное, я самъ не зналъ.

— Я вернусь, вѣроятно, часовъ въ двѣнадцать. Прощай..

10 Февраля.

— Здравствуй, Шурокъ!

— Что? Ты сердиться?

— Но у меня много дѣла, оттого я и не могъ такъ долго увидѣться съ тобой...

— Прости, не сердись. Я заглажу свою вину...

— Ты хочешь прокатиться? Что-жъ, поѣдемъ, тамъ и поужинаемъ гдѣ нибудь.

— Поговорить? О чемъ?

— О какомъ письмѣ?

— Безъ подписи? Покажи мнѣ сегодня это письмо...

— Ну, тогда я не поѣду...

— Дай слово, что привезешь письмо съ собой. Дашь? да?

— Спасибо...

— Но нельзя же вѣрить анонимнымъ письмамъ. Я дѣйствительно былъ очень занятъ, на службѣ много дѣла, потомъ эти коммисіи, засѣданія и пр...

— Ты даже плакала? Ну какъ не стыдно не вѣрить мнѣ...

— Однако, какъ ты сегодня говоришь! Постоянно боялась, что тебя услышатъ, говорила намеками, полусловами; что это значитъ? Ты, должно быть, одна, никого нѣтъ?

— А-а! Ревность сдѣлала тебя смѣлой! Ну, тогда я благодаренъ автору анонимнаго письма. Я люблю смѣлость и свободу, особенно въ женщинѣ. А, милыя глазки, пролившія изъ за меня слезки, я сегодня ихъ зацѣлую...

— Ну, не буду, не буду, молчу. Такъ, значитъ, до-свиданья. Въ девять часовъ, тамъ-же?

— Хорошо...

20 Февраля.

— Это ты, Шура? Здравствуй.

— Я очень занятъ... Не надолго—могу...

— Часа на два...

— Нѣтъ, дольше не могу...

— Значитъ, тамъ же, въ 8 часовъ...

— Да всѣ эти дни я былъ тоже очень занятъ...

— Я сухо говорю? Нѣтъ, тебѣ такъ кажется...

— Ну, извини, я очень тороплюсь, вечеромъ поговоримъ.

— Ты, кажется, плачешь?

— Опять не вѣришь?—Какъ это скучно. Однако, до свиданья. Потомъ объяснимся.

28 Февраля.

— Здравствуй, Шура! Извини, но не могу увидѣться съ тобой сегодня.

— Я уѣзжаю въ командировку завтра утромъ...

— Нельзя, жена поѣдетъ провожать...

— А сегодня я долго буду сидѣть въ конторѣ, кончатъ дѣла...

— Также нельзя, за мною заѣдетъ жена, намъ необходимо поѣхать къ В.

— Какъ только вернусь, немедленно сообщу тебѣ...

— Я и самъ не знаю, это зависитъ отъ дѣла...

— Также не могу сказать, потому что придется переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Еще не выяснилось, куда я поѣду прежде всего...

— Ну, однако, до свиданья. Очень спѣшу. Жаль, что не могу лично проститься. Желаю тебѣ всего хорошаго...

— Что ты говоришь?

— Ну, что за пустяки, какое тамъ предчувствіе! Прощай!

Главная станція? Соедините, пожалуйста, съ № 000, квартира Липина.

— Дорогая Лида, ты?

— Я хочу предложить тебѣ поѣхать сегодня къ В...

— Да экстренная работа у меня кончилась, а остальные дѣла я отложу, надо же отдохнуть. Да и съ тобой мнѣ хочется побыть. Кстати, ты же знаешь, что мнѣ надо попросить В. помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ. Помнишь, я тебѣ говорилъ?

— Какъ! Ты уже была сегодня?

— И онъ общался! Bravo! Да ты у меня дипломатъ. Молодецъ, молодецъ! Цѣлую тебя.

— Ну, конечно же, буду... Да лучше заѣзжай за мной, поѣдемъ вмѣстѣ...

— Я очень любезенъ? Да я такъ счастливъ, что избавился отъ работы.

— Ну, до свиданья, голубка, пріѣзжай скорѣе.

— Иванъ,—обратился онъ къ курьеру, выходя въ переднюю,—если меня будетъ вызывать къ телефону вотъ эта дама, которая сегодня вызывала,—ты навѣрно узнаешь по голосу, она меня часто вызываетъ,—то говори, что я уѣхалъ въ командировку; если спросятъ, когда вернусь, скажи—не знаю, и хоть бы цѣлый годъ вызывали, говори, что я еще не вернулся.

Дз. Не—ря.

КЪ РИСУНКАМЪ.

За хворостомъ.—*Карт. Н. А. Касаткина.* Обыкновенная зимняя картинка деревенской жизни, въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсъ, пригодный на дрова, порубленъ и остается для топлива собирать хворостъ и валежникъ. Художникъ передаетъ въ своемъ произведеніи зимнее холодное настроеніе пейзажа и вѣрнымъ, правдивымъ рисункомъ—лохматую лошаденку съ нагруженными санными и крестьянина, отбирающаго болѣе толстые сучья.

Запорожцы.—*Карт. Н. Н. Чупруниско.* Картина наша изображаетъ запорожцевъ, управляющихся въ походѣ. Чубатые, вольные, казаки готовы къ отплытію. На первомъ планѣ группа запорожцевъ—полна энергіи: мускулистыя руки напряжены при столкновеніи тяжелыхъ струговъ. Еще нѣсколько минутъ и цѣлая флотилія будетъ, разсѣкая воды, слѣдовать за стягомъ своего гетмана. Картина „Запорожцы“ находится въ музеѣ Александра III-го.

Охота на кабановъ.—*Карт. Е. Гофмана.* Талантливый нѣмецкій художникъ избралъ довольно трудный сюжетъ для своихъ картинъ—передать помимо пейзажа цѣлыя сцены изъ жизни животныхъ. Для передачи животныхъ нужно много работать съ природы и долго изучать движенія не покойныхъ натурщиковъ. Въ слѣдующемъ №-рѣ мы рассчитываемъ помѣстить и другую, характеризующую жизнь кабановъ, картину этого же художника.

Въ чужомъ огородѣ.—*Ориг. рис. А. Ансита.* Молодая деревенская парочка, на свиданіи, должно быть запретномъ, забыла объ окружающемъ и не замѣчаетъ старой матери, тихонько слѣдящей за каждымъ движеніемъ и ловящей каждое слово влюбленныхъ. Очень легко и бойко набросанъ этотъ рисунокъ молодымъ художникомъ и вѣрно передаетъ красоту незатѣйливой обстановки деревенскихъ задворковъ.

А. С.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвор. Л. Афанасьева, „Ангель-Хранитель“, И. Н. Погапенко.—Выставка картинъ В. М. Васнецова.—Стихотвореніе Л. Афанасьева.—По телефону Дз. Не—ая.

Редакторъ *А. П. Жесторъ.*Предс. Администраціи *Д. Ж. Бородихъ.*

ПОВЪЗДЪ КРАЗОВЛЕЦЕЖЕ

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапенко.*

Исторія, которая никогда не кончается.

I.

Тысяча тысячъ верстъ.

(Продолженіе).

Зрѣлище, которое представилось моимъ глазамъ, было самое обыкновенное, какое я находилъ здѣсь каждое утро. Но это не мѣшало ему очаровать меня. Послѣ здороваго, крѣпкаго сна я всегда чувствовалъ великолѣпный аппетитъ.

Свѣжее масло, жирные сливки съ обольстительной пѣнкой янтарнаго цвѣта, кусокъ вчерашняго сытнаго ростбифа, все это хорошо, все это очень хорошо для пустого желудка, только что начинающаго свой день; но бѣленькая пухленькая булка, укутанная Марикой въ три салфетки, въ особенности послѣ того, какъ Марика раскутала ее и разрѣзала ножомъ пополамъ и изъ нея повалилъ вкусный превкусный паръ, — это было очаровательно.

Большая чашка, наполненная чаемъ со сливками, стоитъ передо мной. Марика подвязала мнѣ салфетку и, захвативъ на ножъ сливочнаго масла, прошлась имъ по булкѣ и масло сейчасъ же начало таять и я, глядя на эту картину, тоже таялъ.

Но, очевидно, я не совсемъ растаялъ, потому что сейчасъ же принялся улетать булку съ масломъ, запивая ее чаемъ.

А послѣ того, какъ первое приказаніе моего аппетита было исполнено и я успокоился, въ столовую влетѣлъ бѣлый Дусикъ, по породѣ — фоксъ-терьеръ, а по положенію въ домѣ — мой другъ и пріятель.

Дусикъ прямо лѣтѣлъ на меня и, ни секунды не размысливая, вскочилъ мнѣ на колѣни и началъ лизать меня, безжалостно пачкая мою одежду своими мокрыми и грязными лапами.

У Дусика были такіе же вкусы, какъ и у меня. Онъ тоже обожалъ свѣжую, пухлую булку, съ той разницей, что онъ никакъ не могъ ѣсть ее горячей. Если я давалъ ему горячій еще кусокъ, онъ съ грустью стоялъ надъ нимъ и какъ то жалостно подвывалъ до тѣхъ поръ, пока булка не остывала, и все время не спускалъ съ нея глазъ. Тогда онъ схватывалъ ее своимъ ртомъ и, даже и не подумавъ прожевать ее, въ тоже мгновенье проглатывалъ свою добычу.

И я, зная его вкусъ и признавая его права, всегда оставлялъ ему четверть булки, которую мнѣ подавали. Теперь онъ тоже получилъ ее и проглотилъ.

Марика отрѣзала мнѣ холоднаго ростбифа, сказала, чтобы я сидѣлъ смирно и не шумѣлъ и торопливо убѣжала. Я подѣлился ростбифомъ съ Дусикомъ и мы оба молча завтракали.

Но вдругъ Дусикъ, проглотивъ остатокъ ростбифа, поднялъ уши и вытянулъ свой коротенькій хвостикъ.

Дѣти. — Карт. Магнуса Эдварда.

Я, разумеется, не могъ сдѣлать ни того, ни другого, потому что уши у меня не двигались, а хвоста совсѣмъ не было: я только выпрямился и сталъ прислушиваться. Опять младенецъ, но, на этотъ разъ, гдѣ-то далеко, едва слышно.

Такъ какъ я уже вполне насытился, то мое любопытство, на нѣкоторое время заглушенное утреннимъ аппетитомъ, опять вступило въ свои права и я, не смотря на то, что меня просили сидѣть смирно и не шумѣть, взявъ самую высокую ноту, которая только была доступна моему голосу, нетерпѣливо крикнулъ.

— Марика! Мари-и-ка-а!

А Дусикъ, видя мое волненіе, началъ лаять.

Марика прибѣжала, глаза у нея были большіе, испуганные. Она замахала на меня руками и запищала.

— Тихи... Ай, панычекъ, что же это вы? Я жъ вамъ говорила... Ай-ай...

— Марика, кто это тамъ пищитъ?

А я жъ не знаю! почему я знаю, кто? Можетъ, кошка, а можетъ, и что другое.

— Неправда, это не кошка. Я хочу знать... Ты меня обманываешь, Марика!

— Ну, вотъ еще: обманываешь! Для чего же мнѣ обманывать васъ?

Но Марика говорила это безъ всякой увѣренности и по глазамъ ея я видѣлъ, что она говоритъ неправду. Марика знаетъ гораздо больше, чѣмъ говорить... О, какая хитрая Марика!

И почему это маленькихъ дѣтей всегда обманываютъ? Маленькія дѣти всегда чувствуютъ, что ихъ обманываютъ и я чувствовалъ, что Марика говоритъ мнѣ неправду, и даже больше: я сейчасъ же понялъ, что она и не скажетъ мнѣ правду, сколько бы я ни приставалъ къ ней; поэтому я и приставать пересталъ.

Я разсердился, подперъ свою голову руками и замолкъ. Дусикъ, какъ будто раздѣляя мое чувство, легъ на полу у моихъ ногъ, вытянулъ передъ собой переднія лапы и полѣжилъ на нихъ свою морду. Марикѣ оставалось уйти, сопровождаемой нашимъ презрѣніемъ.

— Ну, такъ сидите же смирно, панычекъ... Все узнаете, когда придетъ время...—Сказала она и ушла плотно притворивъ за собою дверь.

Я довольно долго сидѣлъ такимъ образомъ, глядя внизъ на бѣлую скатерть стола. Но, наконецъ, мнѣ это надоѣло, я поднялъ голову и взглянулъ въ окно.

Стекла оконъ были необыкновенно красиво разрисованы морозомъ. Какія-то причудливыя деревья съ тончайшими вѣточками, и среди нихъ—точно сказоч-

ный замокъ въ тысячу этажей, съ множествомъ башенокъ и трубъ. И все это блестяло отъ солнца, которое уже совсѣмъ выплыло изъ-за крыши сарая и ярко освѣщало весь дворъ.

Тамъ хорошо—во дворѣ. Онъ у насъ просторный. Для насъ съ Дусикомъ было достаточно мѣста, чтобы бѣгать и кувыряться безъ конца.

А когда я смотрѣлъ черезъ растворенныя ворота на улицу, то видѣлъ, что и рѣка, давно уже замерзшая, вся присыпана снѣгомъ, а это значить, что, еслибъ я попросился туда, то меня, пожалуй, пустили-бы. До этихъ поръ она блестяла, какъ зеркало, и я не умѣлъ по ней ходить. Ноги мои скользили и я, на каждомъ шагу, падалъ и отецъ запретилъ мнѣ это. Но по снѣгу ходить удобно и я это умѣлъ.

Да, все это хорошо. Можно бы выйти во дворъ и на улицу. Но это такая сложная исторія, и главное—надо, чтобы здѣсь была Марика. Она должна надѣть мнѣ на ноги поверхъ башмаковъ гамашы и теплыя калоши, обшитыя мѣхомъ, потомъ мой изящный кафтанчикъ на овчинномъ мѣху, съ переплетенными шнурами на груди и застегнуть его на всѣ пуговицы, которыхъ ужасно много. Затѣмъ она должна отыскать мою мѣховую шапку и мои рукавицы изъ мягкой козьей шерсти.

Самъ я никогда не зналъ, гдѣ все это лежитъ и даже не представлялъ себѣ этого, какъ будто Марика всякій разъ, когда снимала съ меня эти вещи, относил ихъ въ какое-то другое царство. Вообще, безъ Марики, я не могъ ступить шагу. А звать теперь Марикѣ, послѣ того оскорбленія, какое она нанесла мнѣ и Дусику, было бы унижительно.

И я отвелъ свои глаза отъ окна и той соблазнительной картины, которая развертывалась по ту сторону его и опять подперъ голову руками и сидѣлъ неподвижно.

Шаги въ снѣгахъ—тяжелые, твердые, увѣренные. Скринула дверь и—голосъ отца, очевидно встрѣтившаго все ту же Марикѣ, но какой голосъ! Тихій, сдержанный, уменьшенный по крайней мѣрѣ во сто разъ.

Я никогда не слышалъ, чтобы мой отецъ говорилъ такимъ голосомъ. Онъ всегда говорилъ громко, повелительно и я даже слегка побаивался этого голоса.

— Ну, что? проснулась?—спрашивалъ отецъ.

— Нѣтъ... Спать еще...—отвѣчала Марика.

— А Вова?

— Они кушаютъ чай въ столовой...

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Умъ у слоновъ.

Если вамъ случилось хоть разъ въ жизни побывать хотя-бы въ самомъ плохенькомъ звѣринцѣ, то вы навѣрно видѣли слона. Конечно, вы не были такимъ простодушнымъ зѣвакой, какъ любопытный, про котораго рассказывается въ баснѣ Крылова: ужъ вы-то непременно примѣтили слона.

И такъ какъ вы знаете, что нѣтъ такого провинціального городка, нѣтъ такой ярмарки—и не у насъ только, а и за границей—куда не заглянулъ-бы хоть маленькій звѣринецъ,—а звѣринецъ безъ слона почти не мыслимъ,—то вы легко можете себѣ представить, какое огромное количество этихъ животныхъ требуется, чтобы удовлетворить спросъ всѣхъ звѣринцевъ.

И, вѣдь, для этого ихъ надо поймать живыми, такъ, чтобы ни капли не повредить ихъ. Дѣло это не легкое и не всѣ туземцы тѣхъ мѣстъ, гдѣ водятся слоны, умѣютъ это дѣлать. Въ Африкѣ на нихъ охотятся большею частью ради мяса для туземцевъ и слоновой кости для торговли.

Эта кость получается изъ зубовъ, такъ называемыхъ «бивней», которые часто неправильно называютъ клыками, но у слона вовсе нѣтъ клыковъ, бивни-же вырастаютъ до огромныхъ размѣровъ и вѣса.

Правда и на африканскихъ слоновъ устраивается правильная охота, съ цѣлью забрать ихъ живыми, и иногда удается добыть цѣлое стадо, но особенной ловкостью въ этомъ отношеніи отличаются индусы, которые, держась отъ нихъ поодаль, идутъ за стадами слоновъ по пятамъ, пока обстоятельства не сложатся самымъ удобнымъ образомъ для ловли.

О самой ловлѣ мы скажемъ послѣ, а теперь насъ занимаетъ вопросъ, насколько справедлива слава слоновъ, какъ чрезвычайно умныхъ животныхъ. Благодаря этой славѣ, мы и подумали о нихъ послѣ того, какъ, въ предыдущемъ номерѣ, привели доказательства превосходныхъ умственныхъ способностей у обезьянъ. Вѣдь, если вѣрить рассказамъ, то слоны, по уму, пожалуй, оставляютъ обезьянъ далеко позади себя.

Да и не по рассказамъ только, а личнымъ наблюденіемъ многіе изъ насъ могли убѣдиться въ томъ, что ученые слоны продѣлываютъ удивительныя вещи. Недавно я видѣлъ слоновъ, изображавшихъ со своимъ хозяиномъ цѣлыя сцены: хозяинъ притворялся больнымъ, слонъ приносилъ и давалъ ему лѣкарство, гасилъ и зажигалъ свѣчу, игралъ на скрипкѣ и т. п.

Неужели-же это не есть проявленіе выдающагося ума? Въ томъ-то и дѣло, что есть огромная разница между тѣмъ, какъ продѣлываетъ свои умныя штуки

обезьяна и какъ слонъ. Вы помните, какъ искусно обезьяна устраиваетъ себѣ постель на вѣтвяхъ деревьевъ. Вѣдь, ее никто не училъ этому, она дошла до этого собственнымъ умомъ. Вы не забыли и ту обезьяну, которая обѣдала за столомъ, повязавъ себѣ салфетку, ѣла вилокъ и ножомъ, пила вино и пользовалась зубочисткой. Она, конечно, не изобрѣла все это, человекъ научилъ ее дѣлать все это. Но она усвоила не только внѣшніе приемы, но и смыслъ ихъ. Она поняла, что всѣ эти дѣйствія полезны ей и доставляютъ удовольствіе и она повторяла ихъ сама.

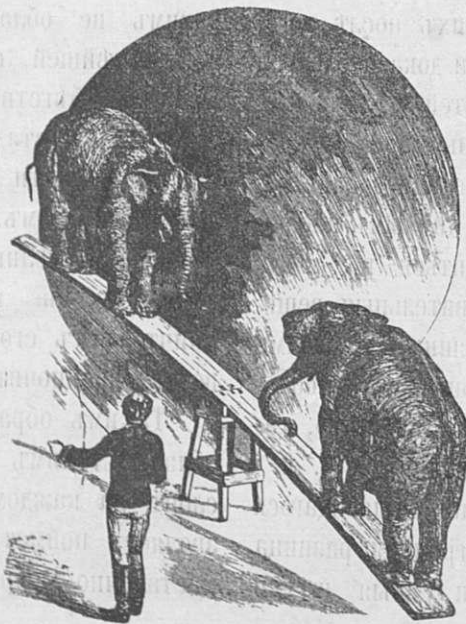
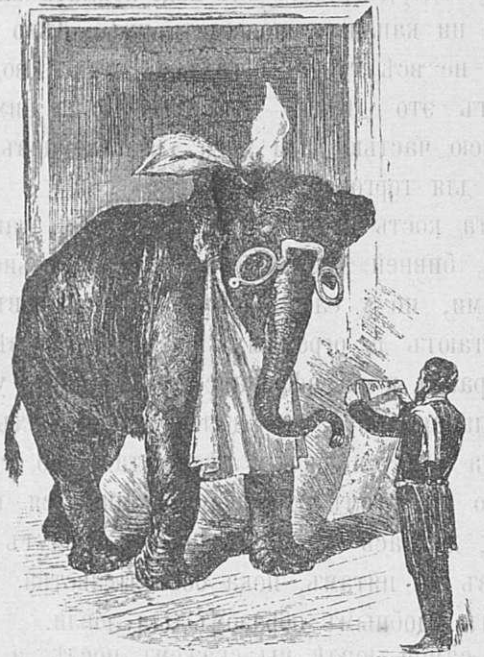
Слоны-же никогда по своей волѣ не дѣлаютъ тѣхъ, кажущихся разумными, дѣйствій, которымъ научилъ ихъ хозяинъ. Во время представленія они зорко слѣдятъ за его палочкой или просто движеніями руки и звуками голоса. Съ каждымъ движеніемъ его руки, съ каждымъ оттѣнкомъ въ его голосѣ, благодаря продолжительнымъ и частымъ повтореніямъ, въ ихъ представленіи связано известное дѣйствіе и они продѣлываютъ его машинально, какъ только видятъ и слышатъ условное движеніе или звукъ. Такой дрессировки поддаются лошади, свиньи и даже куры (напр., у клоуна Дурова), но въ меньшей степени, благодаря тому, что они не такъ ловки, какъ слонъ. Но отъ этого до добровольныхъ дѣйствій еще очень далеко.

А между тѣмъ про умъ слона, Богъ знаетъ, чего только не рассказываютъ. Говорятъ, наприимѣръ, что видѣли слоновъ, спасавшихъ дѣтей отъ пожара или отъ наводненія. Въ дѣйствительности все это вздорные рассказы.

Люди, наблюдавшіе слоновъ близко, утверждаютъ, что умственные способности слона не превышаютъ способности обыкновеннаго животного, а нерѣдко онъ оказывается просто глупымъ животнымъ.

Начать съ того, что онъ трусъ. Несмотря на свои могучіе размѣры, на свое вооруженіе—хоботъ, которымъ не обладаетъ никакое другое животное, онъ, при малѣйшей опасности, устремляется въ бѣгство. На такое бѣгство способны не только одинокіе слоны, но и цѣлыя стада. Правда, если его сильно раздражить и вывести изъ себя, слонъ дѣлается свирѣпымъ и безпощаднымъ. Не будучи хищникомъ (онъ питается травами и цѣликомъ съѣдаетъ вѣтви деревьевъ), онъ нападаетъ на врага и, при помощи своего хобота, уничтожаетъ его. Но, по первому впечатлѣнію, онъ всегда предпочитаетъ бѣгство.

Такимъ образомъ, вовсе не будучи кроткимъ, и обладая такимъ превосходнымъ оружіемъ, какъ хоботъ, слонъ на каждомъ шагу попадаетъ въ просакъ и позволяетъ поймать себя самыми простыми средствами. Достаточно вырыть глубокую яму и присыпать ее

сверху хвостомъ, и онъ ни за что не разберетъ, въ чемъ дѣло и непременно очутится на днѣ ямы.

Одиночныхъ слоновъ ловкіе индусы ловятъ при помощи простой петли, которою они, подобравшись къ животному, стягиваютъ ему ногу. Чтобы изловить живьемъ цѣлое стадо слоновъ, — а они ходятъ иногда сотнями, — совершаются настоящіе походы. Но и тутъ способы употребляются самыя незатѣйливыя: наскоро построенная изгородь, которой ихъ окружаютъ и, которую они, несмотря на ея непрочность, не рѣшаются перешагнуть, при самой слабой охранѣ, отсюда ихъ вытѣсняють при посредствѣ шума и зажженныхъ факеловъ въ загонъ, болѣе прочно огороженный и здѣсь уже ловятъ и связываютъ.

Иногда прибѣгаютъ къ помощи уже прирученныхъ слоновъ, которые, какъ-бы примиряя ихъ съ человѣкамъ, способствуютъ рабству своихъ, еще свободныхъ, родичей.

Все это никоимъ образомъ не говоритъ въ пользу выдающихся умственныхъ способностей слона. Но польза, какую онъ можетъ приносить человѣку, несомнѣнна. Въ Индіи и въ настоящее время ими пользуются для передвиженія. На спинѣ гигантскаго животного устраивается цѣлая палатка, въ которой помѣщаются путешественники. Его нагружаютъ, какъ палубу парохода.

Въ древности-жеслонами пользовались для военныхъ цѣлей. Изъ нихъ составлялась своего рода кавалерія. Ихъ, раздраженныхъ, гнали на непріятеля и они топтали людей своими тяжелыми ногами.

Сохранился рассказъ о томъ, какъ, во время битвы, слоны были обращены въ бѣгство, благодаря хитрости. Рассказывается, что они испытываютъ паническій ужасъ при крикѣ поросенка. Хитрость и состояла въ томъ, что воины вынесли на поле сраженія поросятъ, скрытыхъ въ мѣшкахъ. Они подняли крикъ, слоны въ страхѣ повернули назадъ и начали топтать своихъ хозяевъ, и битва при помощи поросятъ была выиграна.

Другъ.

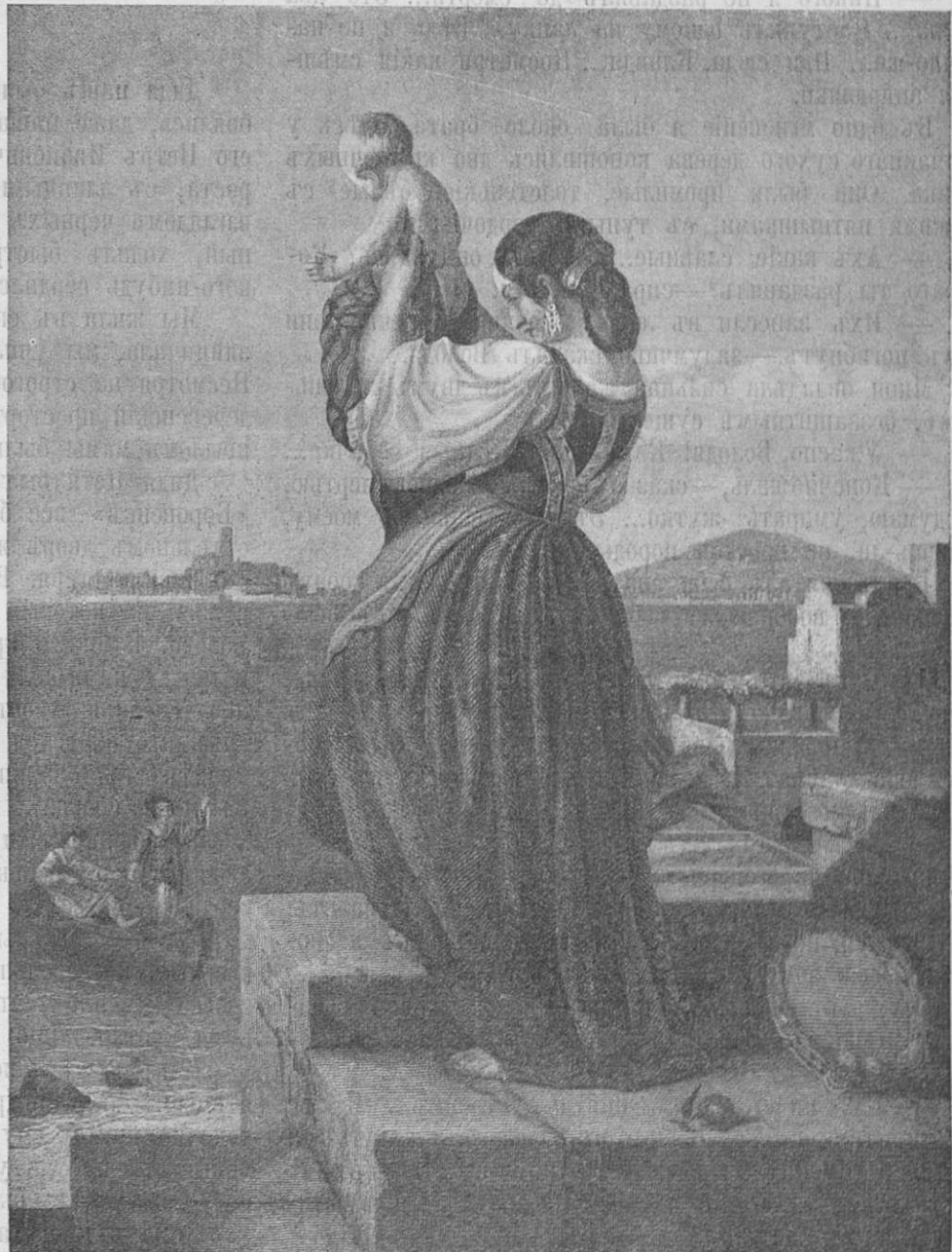
Маленькая жизнь.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

Это случилось ранней весной. День былъ ясный, теплый. По голубому небу плыли бѣловатые тучки, въ вышинѣ заливались жаворонки. Лѣсъ почернѣлъ и покрылся первою яркою зеленью. Шумѣли ручьи и закипала всяюду жизнь.

Мы съ братомъ, прыгая по кочкамъ, по валежнику и по старому моху, забѣжали далеко въ лѣсъ. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, такъ пахло весной и хотѣлось прыгать и кричать отъ радости. Приходъ весны радуетъ всякаго.

Володя прыгалъ и кричалъ, пѣлъ пѣсни; я ему вторила. Вдругъ, перескочивъ съ одного сухого дерева на землю, мы были испуганы, поражены и замерли отъ страха... По лѣсу пронесся пронзительный визгъ. Визгъ раздавался изъ подъ ногъ Володи. Онъ бросился въ сторону и крикнулъ:

Прощаніе съ отцомъ. — Карт. Поллако.

— Ой, Ой, раздавить кого-то!...

Я закрыла лицо руками и задрожала, какъ въ лихорадкѣ. Невозможно передать того мучительнаго чувства, если сознаешь, что кому-то причинилъ боль. Около меня кто-то заливался и взвизгивалъ. Это была чья-то несчастная, маленькая жизнь, которой мы причинили страданіе.

— Володя, кто это такъ пищитъ?—спросила я, отрывая рукъ отъ лица.

— Почему я знаю... Вѣдь я не нарочно... Прыгнулъ и придавилъ какихъ-то звѣрюшекъ... Не хотѣлъ-же я...—оправдывался сердито братъ.

— Посмотри... Я не могу... Такъ жаль... Можетъ ты совсѣмъ до смерти раздавить,—вздрагивая отъ одной мысли возможнаго несчастія, говорила я.

Пискъ умолкъ.

— Ну и трусиха ты, Клавдя... Однимъ словомъ дѣвчонка! Отойди въ сторону...

Я сдѣлала нѣсколько осторожныхъ шаговъ. Мнѣ казалось, что подъ ногами опять кто-нибудь запищитъ.

— Никого я не раздавить до смерти... Это два щенка... Наступилъ одному на лапку... Вѣдь я не нарочно-же... Иди сюда, Клавдя... Посмотри какія смѣшныя звѣрюшки.

Въ одно мгновеніе я была около брата. Здѣсь у сломаннаго сухого дерева копошились два крошечныхъ щенка. Они были премилые, толстенькіе, бѣлые съ рыжими пятнышками, съ тупыми мордочками.

— Ахъ какіе славные... Зачѣмъ они здѣсь? Котораго ты раздавилъ?—спрашивала я.

— Ихъ занесли въ лѣсъ нарочно. Конечно, они тутъ погибнуть,—задумчиво сказалъ Володя.

Мной овладѣла сильная жалость къ двумъ маленькимъ, беззащитнымъ существамъ.

— Ужасно, Володя! Какъ жаль! Бѣдныя собачки...

— Конечно жаль,—сказалъ братъ.. Голодной смертью, я думаю, умирать жутко... Эти собаченки по моему, знаешь-ли, не простой породы.

Братъ считалъ себя знатокомъ въ породахъ собакъ и лошадей, воображалъ себя охотникомъ. А мнѣ было все равно.

— Какъ мнѣ ихъ жаль! Возьмемъ ихъ, Володичка, домой,—попросила я и взяла щенковъ на руки. Одинъ изъ нихъ пронзительно завизжалъ: у него была повреждена лапка. Я положила его осторожно къ себѣ на колѣни и стала гладить.

— Да... Надо-бы ихъ взять. А что скажетъ дядя?—внушительно проговорилъ Володя.

Я забыла главное. Конечно дядя не похвалитъ, разсердится, не позволитъ держать дома собакъ и, пожалуй, еще застрѣлитъ ихъ изъ ружья.

Мы долго сидѣли въ раздумьи, поглаживая собачекъ. Наконецъ Володя очнулся и рѣшительно проговорилъ.

— Ну, ничего, какъ нибудь устроимъ... Я все принимаю на себя... Бери этого больнаго, а я другого... Пойдемъ домой... Я подожду съ ними въ старомъ саду у пруда, а ты сбѣгай и расскажи все мамѣ. Она что-нибудь придумаетъ.

Мы такъ и сдѣлали. Володя остался со щенятами

въ старомъ саду, а я, какъ ураганъ, промчалась черезъ рощу къ нашей усадьбѣ и съ воплями и жалобами ворвалась къ мамѣ въ мезонинъ. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рассказала я ей о случившемся. Наша тихая, кроткая мамочка печально качала головой и говорила:

— Дядя разсердится... Нельзя ихъ приносить къ намъ... Опять будутъ непріятности... Зачѣмъ вы это дѣлаете... Дядя не позволитъ...

Я просила, умоляла, рассказывала про печальное положеніе собакъ, про раздавленную лапку. Наконецъ, какъ и всегда, мама придумала и сказала:

— Поди, дѣточка, ма птичій дворъ и попроси птичницу Агафью отъ моего имени приютить вашихъ найденныхъ. Она добрая и для меня сдѣлаетъ. Дядя туда никогда не заходитъ.

Птичница Агафья согласилась принять на воспитаніе нашихъ щенятъ. Мы устроили ихъ въ ея ветхой избушкѣ на птичьемъ дворѣ, назвали ихъ «Комаръ» и «Муха».

II.

Дядя нашъ былъ человекъ очень строгій; его всѣ боялись, даже наша мама—его родная сестра. Звали его Петръ Ивановичъ. Это былъ человекъ высокаго роста, съ длинными сѣдыми усами и съ орлинымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Онъ былъ отставной военный, ходилъ быстро, говорилъ громко и всегда на кого-нибудь сердился и кричалъ.

Мы жили въ его усадьбѣ «Боровенкѣ». Мама хозяйничала, мы учились и жизнь наша проходила тихо. Несмотря на строгость и суровость дяди—мы любили деревенскій просторъ, лѣса и поля и подъ любовнымъ крыломъ мамы были счастливы.

Дядя Петя былъ страстный охотникъ и въ усадьбѣ «Боровенкѣ» все было приспособлено для охоты. На отдѣльномъ дворѣ жили породистыя собаки и за ними ухаживали егеря. Въ кабинетѣ у дяди висѣли дорогія ружья, на которыя съ завистью посматривалъ братъ Володя. Къ намъ пріѣзжали въ гости только охотники и между ними шли долгіе и горячіе разговоры и споры про собачьи хвосты и уши, кто кого подстрѣлилъ, какъ кто охотился и про разные случаи на охотѣ. Дядя и его товарищи очень часто уѣзжали на охоту. Во время сборовъ на охоту въ усадьбѣ поднималось необыкновенное оживленіе: сѣдлали лошадей, сутились люди, лаяли собаки, звучали охотничьи рога. Дядя сердился на всѣхъ и кричалъ. Когда онъ уѣзжалъ,—то всѣмъ легче дышалось и всѣ летали по усадьбѣ веселые и довольные; даже мамочка спускалась съ своего мезонина, чтобы побродить по саду, по двору и ея кроткое лицо оживлялось.

Какъ мы боялись, чтобы дядя не узналъ, что на птичьемъ дворѣ подростаютъ два щеночка. Въ усадьбѣ конечно никто ему объ этомъ не говорилъ, но онъ могъ какъ-нибудь узнать случайно или зайти на птичій дворъ... Это было бы большое несчастіе.

Комаръ и Муха подрастали. Это были премилыя, веселыя и умныя собаченки. Каждую свободную ми-

нутку братъ и я бѣжали на птичій дворъ поиграть съ нашими любимцами.

— Ну и собаки! Забавныя... Умственные,—говорила старушка Агафья.—Онъ меня давеча, барчатки, уморил со смѣху. Прихожу въ избу, а у нихъ все мое добро на полъ срыто... Этотъ, какъ бишь его, Комаръ,—въ мой лапотъ забрался, а Муха тащитъ его, какъ барина. А онъ сидитъ, ворчитъ и катается... Работникъ Василій мнѣ воду принесъ и тотъ надрылся отъ смѣха.

Мы гладили и ласкали нашихъ любимчиковъ, возились съ ними и приходили въ восхищеніе отъ ихъ проказъ. Они стали такіе хорошенькіе гладкіе, толстые, веселые... Они насъ узнавали, бѣжали къ намъ на ветрѣчу, виляли хвостиками, ласкались, лизали руки, лицо. Ихъ всѣ полюбили. Когда дядя убѣжалъ на охоту, даже мама приходила на птичій дворъ и любовалась на нашихъ щенятъ.

— Мамочка, посмотри какой хвостъ у Комара, именно такой, какой долженъ быть у охотничьей собаки. И уши у него замѣчательныя... Эти собаки, увѣряю васъ, хорошей породы.

— Ахъ, Володичка, ты отъ дяди перенимаешь страсть къ охотѣ. Это меня огорчаетъ... Я бы не желала, чтобы ты былъ охотникомъ,—съ грустью отвѣчала мама.

— Нѣтъ, барчукъ, твои собаченки простыя дворняжки,—вставляла свое слово птичница Агафья.

Но братъ оставался при своемъ мнѣніи и увѣрялъ всѣхъ, что собаки его будутъ «дѣлать стойку» и что онъ будетъ съ ними ходить на охоту.

— Погоди, вотъ узнаетъ дядя, покажетъ онъ тебѣ «стойку»—пугала Володю старуха Агафья.

Время шло. Все труднѣе и труднѣе было скрывать отъ глазъ дяди маленькую, шумную жизнь на птичьемъ дворѣ.

— Измучилась я съ ними... Не знаю, что и дѣлать... Все грызутъ, рвутъ, на всѣхъ лаютъ, чуть вырвутся на дворъ за птицей гоняются... И сержусь-то я, и жаль ихъ... — жаловалась старая птичница на Комара и Мушку.

— Ты прячь ихъ, запирай, Агафьюшка... Я такъ боюсь, что увидитъ дядя, ихъ прогонятъ, застрѣлятъ,—говорила я.

— Это охотничьи собаки... За птицею гоняются,—твердилъ свое братъ Володя и не могъ налюбоваться на собакъ.

— Будетъ намъ всѣмъ за этихъ собакъ. Вотъ узнаетъ дядя: пропадутъ наши головунки!—сокрушалась Агафья.

Однажды чуть было не случилось бѣды. Наша птичница не доглядѣла. Муха вырвалась и убѣжала съ птичьяго двора. Она возилась около конюшни въ ту самую минуту, когда изъ за угла показался дядя. Не помня себя отъ ужаса, схватила я собаченку на руки и помчалась. Я бѣжала такъ быстро, какъ только могутъ нести ноги человѣка. Я влетѣла на птичій дворъ, какъ стрѣла, и бросилась съ собакой на траву и отъ страха не могла говорить... Послѣ я горько упрекала Агафью за то, что она не доглядѣла за Мушкой.

Вечеромъ, за чаемъ, дядя спросилъ меня: «что это ты, душа моя, давеча убѣжала отъ меня какъ сумасшедшая?» Я не знала, что отвѣтить, вся покраснѣла и сказала: «я искала Володю». Дядя засмѣялся, закурилъ трубку и ничего больше не спросилъ.

Какое счастье, что онъ не замѣтилъ съ кѣмъ я бѣжала.

III.

Скоро дядя узналъ все. Это былъ самый несчастный день въ нашей жизни!

День склонялся къ вечеру. Мы были съ братомъ Володей на птичьемъ дворѣ и играли съ Комаромъ и Мушкой. Индюшки, цесарки, куры, гуси, утки собирались спать. Куры кудахтали и разсаживались по щестамъ, индюшки направились въ свой хлѣвъ, гуси и утки сѣли на травѣ. Вдругъ Комаръ и Муха точно взбѣсались, вырвались изъ нашихъ рукъ и съ громкимъ визгомъ и лаемъ бросились на индюшекъ. На птичьемъ дворѣ поднялся страшный крикъ, гоготанье, хлопанье крыльями. Старая птичница, Володя и я бѣжали за собаченками, старались ихъ утомонить, поймать. Не тутъ-то было! Онъ, какъ угорѣлая, гонялись по всему двору за птицами; поймать ихъ не удавалось.

— Что это такое? Это что за собаки?—раздался, вдругъ, страшный, громовой голосъ. У воротъ стоялъ дядя. Лицо у него было сердитое и онъ смотрѣлъ на всѣхъ грозно.

Мы замерли отъ страха и не могли произнести ни слова.

— Откуда эти щенки, спрашиваю я васъ?—повторилъ дядя.

— Это... это... я... Клавдя... мой—прошепталъ дрожащимъ голосомъ Володя.

— Какъ вы смѣли заводить у меня такую дрянь! Кто вамъ позволилъ? У меня въ усадьбѣ дорогія собаки... Я не потерплю этого!—кричалъ и сердился дядя. Ахъ, какъ онъ тогда сердился и передать невозможно.

Изъ дома, на крики, запыхавшись прибѣжала мамочка и заговорила тихо и кротко:

— Дѣти пожалѣли щенятъ... Спасли ихъ отъ смерти... Они никому не мѣшаютъ здѣсь... Ну что за бѣда, Петя... Не сердись, пожалуйста. Я ихъ отдамъ въ деревню. Успокойся! Не сердись!

Но дядя ничего не хотѣлъ слушать.—Застрѣлить этихъ дрянныхъ собаченокъ... Отказать Агафью... Что это за безпорядки въ моей усадьбѣ...—кричалъ дядя.

Я и Володя плакали навзрыдъ. Намъ представлялось, что вотъ-вотъ сейчасъ потащутъ нашихъ Комара и Мушку, дядя возьметъ ружье и застрѣлитъ ихъ на нашихъ глазахъ. Мама увела насъ къ себѣ въ мезонинъ и долго утѣшала,—но мы были безутѣшны.

На другой день утромъ мама шопотомъ сообщила намъ, что работникъ Василій отвезъ нашихъ щенятъ въ деревню за 8 верстъ къ одному хорошему старичку и что имъ тамъ будетъ хорошо. Мы погоревали, но всетаки это было лучшее для нашихъ друзей, что можно было тогда придумать.

отс Птичницу Агафью не прогнали. Забывая къ ней на дворъ, мы вспоминали нашихъ маленькихъ друзей и намъ становилось грустно, что они не встрѣчаютъ насъ, не ласкаются, не играютъ. Скучно было безъ нихъ. Даже наша старушка птичница горевала.

Каково-же было наше изумленіе, когда въ одинъ прекрасный день, на птичьемъ дворѣ насъ встрѣтили радостнымъ визгомъ Комаръ и Муха. Да это были они—наши милыя собачки. Какъ они похудѣли за недѣлю разлуки.

— Милыя, дорогія, какъ вы жили? Отчего такъ похудѣли? Откуда вы явились?—спрашивали мы, присѣвъ на траву и лаская нашихъ друзей. Онѣ бросались на насъ, визжали, перевертывались, лизали руки и лицо.

Агафья стояла тутъ-же, плакала и смѣялась.

— Что мнѣ съ ними дѣлать?!—говорила она,—Сегодня, чуть свѣтъ, прибѣжали... По чутью нашли... Вотъ онѣ какія!.. Онѣ умныя, преумныя...

Теперь для насъ настало тяжелое время: мы были въ вѣчномъ страхѣ за собакъ; глазъ не спускали съ дяди и постоянно были на сторожѣ. Если дядя узнаетъ, что Комаръ и Муха опять находятся въ усадьбѣ, то пощады не будетъ,—такъ думали и говорили всѣ.

Однажды дядя взялъ ружье и ушелъ на охоту. Въ этотъ день онъ былъ въ отличномъ настроеніи духа и, уходя, даже пошутилъ и посмѣялся съ мамой. А у насъ, между тѣмъ, случилось большое несчастье: съ птичьего двора пропали Комаръ и Мухка.

— Не знаю куда они дѣвались... И что это за напасть! Вѣдь сейчасъ, сейчасъ тутъ были...—бросалась во всѣ стороны и искала пропавшихъ птичница Агафья.

Володя и я обѣгали всѣ окрестности, но наши любимцы, какъ въ воду канули. Усталые, измученные мы прибѣжали домой. Мама сидѣла на крылечкѣ въ саду и что-то вязала.

— Пропали... Не нашли... Дядя придетъ и узнаетъ... Что теперь будетъ? Бѣдныя наши собачки! Гдѣ онѣ? Можетъ быть дядя ихъ убилъ!—горевали мы.

Мама, какъ и всегда насъ утѣшала. Мы присѣли около нее на крылечкѣ и намъ стало легче отъ ея ласковыхъ словъ.

Вдругъ недалеко отъ насъ въ березовой рошѣ раздался выстрѣлъ. Мы всѣ вздрогнули и замерли. Прошло мгновеніе. Снова раздался выстрѣлъ. Володя вскрикнулъ: „Это дядя! Онъ убилъ Комара и Муху.“—Я бросилась къ мамѣ въ колѣни и залилась горькими слезами. Даже мамочка не могла сказать въ эту минуту ни слова. Какъ тягостны были эти минуты.

Прошло не болѣе получаса, мы еще горевали...

Вдругъ на дорожкѣ показался дядя въ охотничьемъ костюмѣ и съ ружьемъ за плечами.

— Это что за пѣжняя сцена?—шутливо спросилъ онъ.

— Дѣти испугались, Петя... Ты выстрѣлил такъ

близко... Это было неожиданно...—Старалась оправдать насъ мама.

— У нихъ глаза на мокромъ мѣстѣ... Я убилъ въ березовой рошѣ какую-то птицу, искалъ ее искалъ, да такъ и не нашелъ,—сказалъ дядя и присѣлъ около мамы на крыльцо. Хорошее расположеніе духа его не покидало. Я перестала плакать и выглядывала на дядю изъ подъ локтя. Володя улыбался. Дядя хотѣлъ сказать что-то еще... Какъ неожиданно его вниманіе привлекла маленькая точка вдали... Точка эта двигалась по дорожкѣ и становилась все больше и больше... Черезъ мгновеніе къ ногамъ дяди упала птичка съ голубой головкой и передъ нимъ выросла собаченка... Это былъ нашъ Комаръ.

— Смотрите-ка! Каково! Щенокъ принесъ застрѣленную мною птицу!—Кажется тотъ самый котораго я велѣлъ застрѣлить—весело проговорилъ дядя.—Ну молодецъ! Это будетъ добрый песъ. Должно быть охотничья собака...

И нашъ суровый, строгій дядя погладилъ Комара. Мы еле сдерживали свою радость. Мамочка тоже улыбалась и сейчасъ-же заступилась за насъ.

— Дѣти рады, что ты хвалишь ихъ собаку,—проговорила она.

— Добрый песъ, охотничье чутье!—повторилъ дядя! Въ это время, откуда ни возмись, примчалась Муха.

Она виляла хвостомъ, вертѣлась, прыгала и бросалась ко всѣмъ. Она видѣла и поняла, что здѣсь происходило: Комара хвалили, ласкали, гладили, Комаръ былъ героемъ. Наша Мухка исчезла огорченная. Черезъ мгновеніе мы всѣ покатывались отъ смѣха. Умная Мухка, желая заслужить расположеніе дяди, прибѣжала и прицѣсла въ зубахъ мертваго воробья. Это было такъ неожиданно и смѣшно, что даже дядя смѣялся и похвалилъ собаченку.

— Пусть ихъ остаются и живутъ въ усадьбѣ!—сказалъ дядя.—Славныя собаченки!

Маленькая жизнь была спасена. Мы торжествовали.

Клавдія Лукашевичъ.

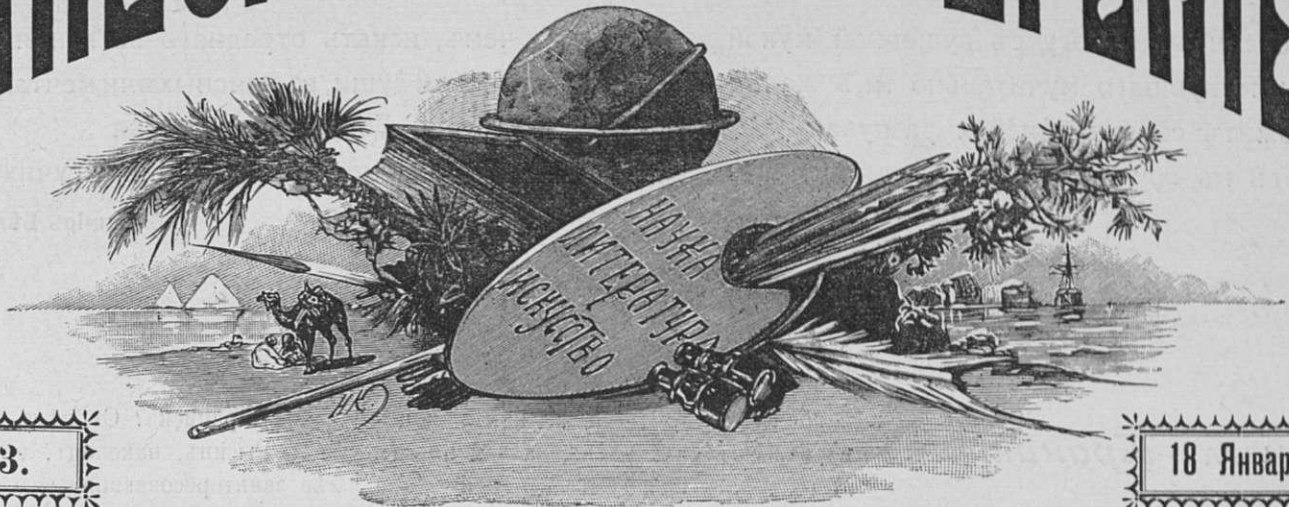
СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась А. Молодинъ.—Умъ у слоновъ. Другъ.—Маленькая жизнь. К. Лукашевичъ.

Редакторъ А. П. Хесторъ.

Предс. Администраціи Д. Х. Бородинъ.

ЖИВОПИСНОЕ ВЪЗРЪНІЕ

№ 3.

18 Января.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

1904 годъ.

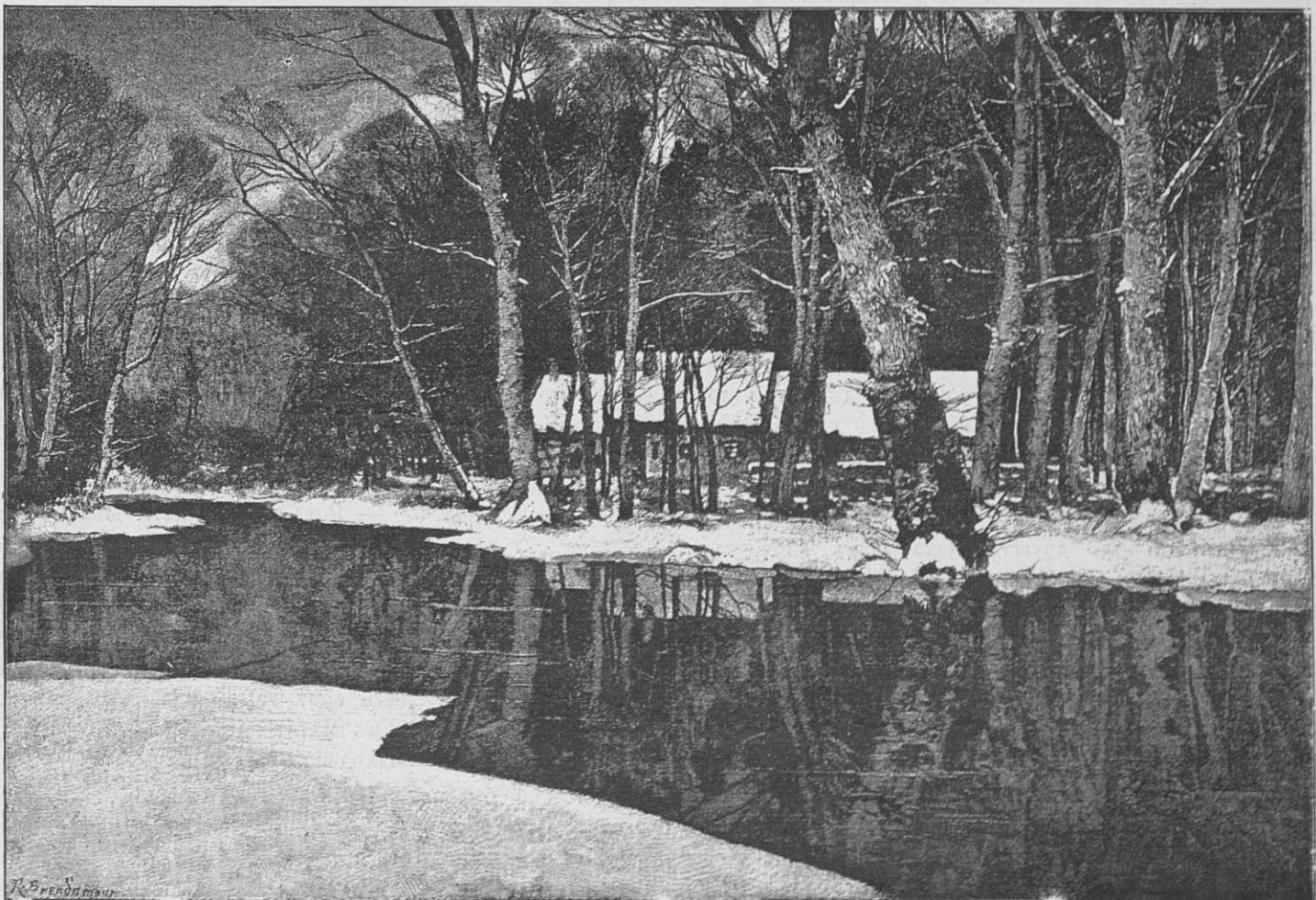
Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапехко.*

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается разсрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка непареля — 1 р (на стр. 4 столбца).

Контора и Редакція Журнала: С.-Петербургъ Невскій, 40. Отдѣленіе, Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Можаровскаго. Редакція Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

Оттепель. — Съ картины Н. Шмидта.

А сладить не могу съ душевной мукой,
Давно минувшаго мучительно мнѣ жаль,—
Тревожитъ сердце близкая разлука,
Живетъ въ груди моей незримая печаль.

Гдѣ, въ чемъ, искать отраднaго забвенья?—
Въ тревогахъ ли души, въ неясныхъ ли мечтахъ;
Кругомъ темно. Докучныя видѣнья
Вселяютъ въ сердце мнѣ сомнѣній жгучихъ страхъ.

Владиміръ Бѣльскій.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ.

II

(Продолженіе).

Сергѣй нервно передернулъ плечами и нетерпѣливо произнесъ:—а третья, должно быть,—сумасшедшій домъ, куда его и свезли?..

— Навѣрно, и, къ глубокому сожалѣнію, конечно, такъ. Ахъ, да, чтобъ не забыть: скажи пожалуйста, Сергѣй, почему ты запретилъ своей матери обратиться къ Буракиной? Въ подобномъ положеніи нельзя слишкомъ тщательно отбирать людей. Въ подобномъ положеніи бросаются на все... А Буракина не отказала-бы...

— Тебѣ это извѣстно достовѣрно? Съ какой то нехорошей усмѣшкой спросилъ Сергѣй.

— Нѣтъ основаній думать иначе...

— Ну, такъ имѣй терпѣніе; кстати у тебя его запасъ большой: до Буракиной дойдетъ очередь и ты поймешь это. Теперь о другомъ, о другомъ... говорилъ Сергѣй и шаги его сдѣлались еще болѣе нервными, а плечи чаще стали вздрагивать:—это другое... Оно желѣзнымъ клиномъ врѣзалось въ мою голову и я не знаю, какъ извлечь оттуда этотъ клинъ; какимъ молотомъ выбить его... Понимаешь ли, Иванъ, я почти, растерялся...

— Повѣдай. Можетъ быть, я окажусь не такимъ растеряхой...

— Я на это надѣюсь. Видишь ли... Ты помнишь, что я давно собирался познакомиться съ бумагами отца, которыхъ онъ оставилъ множество въ пись-

менномъ столѣ. Не знаю, какая непонятная мнѣ сила удерживала меня отъ этого... Мнѣ почему-то страшно было приступить къ этому... Но вотъ третьяго дня я, наконецъ, собрался, я рѣшился на это. Я думалъ, что онъ поправится и эта чаша пройдетъ мимо меня... Вотъ видишь-ли, я и тогда чувствовалъ, что это будетъ чаша... Ну, а вчера побывалъ въ больницѣ и доктора сказали мнѣ, что нѣтъ ни малѣйшей надежды... У него какая то проклятая форма... Мой отецъ приговоренъ...

— Ты успокойся немножко, а то, вѣдь, путаешь,—то объ отцѣ, то о бумагахъ! Замѣтилъ ему Рысинъ.

— Да вѣдь это такъ тѣсно связано... Ну, такъ вотъ: послѣ этого я рѣшился... Его бумаги—это какой-то невообразимый хаосъ. Вотъ мы думали, что онъ аккуратный дѣловой человѣкъ. И правда, въ своемъ служебномъ дѣлѣ онъ былъ необыкновенно точенъ, но, очевидно, когда онъ приходилъ изъ конторы домой, то переставалъ быть бухгалтеромъ и дѣлался человѣкомъ. Въ этомъ ящикѣ я нашелъ все смѣшаннымъ: и дѣловые записки и дневникъ и стихи... Онъ писалъ стихи и никто этого не зналъ... Онъ дѣлалъ это тайно... Впрочемъ, плохіе...

— Идеалисты всегда пишутъ стихи, развѣ ты этого не знаешь? И всегда плохіе, замѣтилъ Рысинъ:—это ужъ такъ полагается.

— Ну, слушай, слушай...—проходя мимо его словъ, продолжалъ Сергѣй:— между бумагами отца я нашелъ переписку... Да, если бы у него не было никакой порчи въ организмъ, то одна эта переписка была-бы способна свести его съ ума...

— Переписка? Съ кѣмъ же?—Спросилъ Рысинъ, наконецъ, нѣсколько болѣе заинтересовавшись его рассказомъ.

— Ты знаешь Жигулева... Этотъ человѣкъ, сдѣлавшій карьеру своей красивой бородой, открыто живущій на счетъ госпожи Буракиной...

— Знаю, знаю, конечно. Кто же этого не знаетъ!...

— Ну, такъ вотъ этотъ господинъ владѣлъ сердцемъ не одной Буракиной...

— О, навѣрное не одной. Онъ любитъ брать къ себѣ въ секретари хорошенькихъ женщинъ и мѣняетъ ихъ по нѣскольку разъ въ годъ.

— Я объ этомъ тоже слышалъ,—сказалъ Сергѣй.—Да, такъ вотъ видишь-ли, мнѣ очень трудно сказать тебѣ самое главное...

— Да ты попроще отнесись, тогда не будетъ трудно...

— Да, если-бъ я могъ такъ просто смотрѣть на жизнь, какъ ты... Но видишь ли ты, этой простоты я еще не достигъ...

— Достигнешь, братъ... Ты умный человѣкъ, значить—достигнешь. Умные всегда къ этому приходятъ, раньше или позже. Вотъ я поторопился, а ты запоздалъ. Ну, продолжай.

— Вотъ видишь ли... Моя мать постарѣла въ послѣднее время, послѣ болѣзни отца, но пять лѣтъ тому назадъ она была еще очень красива.

Рысинъ съ глубокимъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на пріятеля; никакъ не ожидалъ онъ, что Сергѣй заговоритъ объ Аннѣ Матвѣевнѣ. Какъ то совсѣмъ не подходило это сюда.

— Я это знаю. Но скажи, пожалуйста, съ какой стороны это можетъ сюда относиться?

— Ты не понимаешь? Это удиви-

Затопило.—Съ картины Н. Попова.

тельно... Ты хочешь, чтобы я назвалъ тебѣ вещи полвнымъ ихъ именемъ? Но, вѣдь, это тяжело... Ты могъ бы облегчить меня... Ну, будь же догадливѣе на этотъ разъ... Ну, ну...

Рысинъ опять взглянулъ на товарища и теперь въ его взглядѣ уже была замѣтна нѣкоторая подозрительность. Принявъ во вниманіе чрезвычайную нервность и даже какую-то болѣзненную взвинченность Сергѣи и взявъ въ расчетъ положеніе его отца въ больницѣ для умалишенныхъ и возможность наследственности, онъ смутно подумалъ о томъ, что Сергѣй въ эту минуту не совсѣмъ здоровъ.

— Послушай, мой другъ, я не могу быть догадливъ при такой странной постановкѣ вопроса!—промолвилъ онъ.— Анна Матвѣевна... и... Жигулевъ... Какъ же я могу примириться съ такимъ сопоставленіемъ?

— Да, моя мать и Жигулевъ...—Задумчиво промолвилъ Сергѣй.

— Можетъ-ли быть?—воскликнулъ Рысинъ и даже привсталъ съ мѣста.

— А, наконецъ-то ты удивился... Да, моя мать и Жигулевъ... Но я не сужу ее... Мой отецъ былъ человѣкъ высшего калибра... Она его не понимала... Никто не обязанъ понимать то, что выше его пониманія... Я не сужу ее. Это ихъ дѣло,—между нею и отцомъ. Но Жигулевъ... Зачѣмъ же Жигулевъ? Понимаешь-ли ты, какъ это оскорбительно! Зачѣмъ непременно онъ, этотъ продажный красавецъ, эта кокетка въ сюртукѣ? Если надо было выбирать, я говорю—если ужъ это было необходимо... То почему самого низкаго изъ людей? Иванъ, что же мнѣ съ этимъ дѣлать?

И онъ остановился передъ Рысинымъ, беспомощно смотрѣлъ на него и ждалъ отвѣта.

Рысинъ замедлилъ отвѣтомъ. Очень можетъ быть, что онъ понималъ всю серьезность этого вопроса, но умышленно хотѣлъ уменьшить его значеніе. Онъ видѣлъ, что Сергѣй слишкомъ подавленъ и потому самъ онъ не позволилъ себѣ выказать замѣтное волненіе. Онъ отвѣтилъ съ видомъ спокойствія, какое вообще было ему свойственно.

— Да вѣдь, этому давность прошла, мой милый... Сожги переписку и забудь объ этомъ навсегда.

— Забыть?—съ изумленіемъ воскликнулъ Сергѣй, очевидно не вѣря въ то, что даже Рысинъ способенъ отнестись къ этому такъ спокойно:—забыть то,

что, можетъ быть, свело съ ума моего отца или, по крайней мѣрѣ, было послѣдней каплей той горестной чаши, которую онъ пилъ, что доканало его!.. Нѣтъ, забыть этого нельзя. И я вижу, что ты не въ состояніи помочь мнѣ въ этомъ. Ну, такъ что-жъ, будемъ говорить о другомъ...

— Да, ужъ лучше о другомъ, Сергѣй... По крайней мѣрѣ теперь, сейчасъ—отвѣтилъ Рысинъ.—Теперь я къ этому не готовъ... И вотъ что—чтобъ не забыть: Анна Матвѣевна назвала мнѣ цѣлый рядъ взыскателей по векселямъ твоего отца. Ты знаешь эти почтенныя имена.

— Какъ не знать? Хотя между ними нѣтъ ни одного славнаго...

— Это неважно. Но дѣло въ томъ, что это все буракинскіе молодцы, а значить покорные рабы Жигулева и вѣрные исполнители его воли. И знаешь ли, что мнѣ пришло въ голову? что по всѣмъ векселямъ взыскиваетъ съ васъ никто иной, какъ тотъ-же Жигулевъ, только черезъ подставныхъ лицъ.

— Какъ это?—спросилъ Сергѣй, уже переставшій ходить и опустившійся въ кресло, съ видомъ глубокаго нервнаго утомленія.

— Да просто: онъ скупилъ всѣ векселя твоего отца.

— Зачѣмъ ему?

— Ну, мало ли зачѣмъ? Это дѣлается очень часто. Можетъ быть, дешево скупилъ и хочетъ заработать. Я думаю, что, когда стало извѣстно, что твой отецъ очень серьезно заболѣлъ душевной болѣзью, его шансы сразу упали и векселя, подписанные его именемъ, потеряли свою цѣнность... А такіе господа, какъ Жигулевъ, не пропускаютъ случая заработать безъ малѣйшаго риска... А, можетъ быть, онъ желаетъ держать васъ въ рукахъ, чтобы чего нибудь добиться отъ васъ... Словомъ, онъ знаетъ, зачѣмъ.

Сергѣй опять, вдругъ, съ живостью вскочилъ съ мѣста.—Послушай, а вѣдь, это такъ и есть. Мнѣ не приходило въ голову, но теперь я вижу, что это такъ... Тутъ что-то кроется—въ дѣйствіяхъ этого человѣка...

— Ужъ повѣрь, что такъ... У меня есть нюхъ на подлости... Я ихъ за три версты слышу... Ну, это мы разберемъ впоследствии, а теперь о Буракиной... Ты общалъ мнѣ и я тороплюсь. У меня есть дѣльце у мирового судьи...

Сергѣя вдругъ почему-то всего передернуло.—А, да, Буракина... Ха, ха,

ха, ха, ха, ха, Буракина... Почтенная дама. Интересная, оригинальная личность... Не правда-ли? Ха, ха, ха!

— Это что-нибудь очень веселое?—спросилъ Рысинъ.

— Очень, очень. Скажи, пожалуйста? ты какъ находишь: я красивъ?

— О, да. Если бы мнѣ была свойственна суетность, я завидовалъ бы тебѣ...

— Нѣтъ, я красавецъ, неправда ли. Спрашивалъ Сергѣй,—при этомъ онъ выпрямился и съ комическимъ видомъ сталъ закручивать кверху свои небольшие усики.

— Не въ строгомъ стилѣ, но несомнѣнно да... У тебя такое лицо, какія очень нравятся женщинамъ.

— Ну, вотъ. Госпожа Буракина находитъ тоже самое.

— Да? вотъ что!—сильно заинтересовавшись, промолвилъ Рысинъ,—а ты былъ у нея?

— Да, ровно недѣлю тому назадъ.

— По какому же поводу?

— Ну, поводъ не трудно найти,—впрочемъ, не я искалъ его, а она... госпожа Буракина почему-то вдругъ заинтересовалась ходомъ болѣзни моего отца и пригласила меня къ себѣ...

— И ты, конечно, пошелъ?

— Я не счелъ себя вправѣ отказаться и пошелъ. Вѣдь, она считается нашей благодѣтельницей... Ты ее знаешь? видѣлъ?

— Издали. Къ подобному свѣтилу простыхъ смертныхъ близко не допускаютъ.

— Она довольно еще молода, по, видно, не теряла даромъ времени. Это какъ я читалъ въ одной книжкѣ:—«она не щадила времени и время ее не пощадило»... И если бы кто-нибудь видѣлъ, какъ она приняла меня... Она смотрѣла на меня, глаза ея горѣли... Я докладывалъ ей о ходѣ болѣзни отца, а она не спускала съ меня глазъ и, наконецъ, у нея вырвалось, должно быть противъ воли, неудержимо: я не знала, что вы такой красавецъ! Понимаешь ли, это—прямо мнѣ въ лицо. Насколько, значить, интересовала ее болѣзнь моего отца:—да вы просто идеаль мужичины... Ха, ха, ха! Она тоже ищетъ идеала, но безъ всякихъ шансовъ сойти съ ума.

— Это очень, очень интересно, то, что ты рассказываешь...—Съ величайшимъ участіемъ промолвилъ Рысинъ.

— Еще бы! Борода Жигулева, оче-

Срѣзался.—Съ картины Н. Винцмана.

видно, надоѣла ей и она ищетъ чего-то новаго... Новаго идеала, конечно.

— Ну, дальше, дальше... Ты не философствуй, а рассказывай факты...

— Потомъ она жала мнѣ руку... О, что это было за пожатіе! Сколько въ немъ было намековъ и заманчивыхъ обѣщаній... И очень долго и основательно уговаривала меня поступить къ ней на службу, обѣщая, что я быстро пойму всѣ дѣла и буду получать большія деньги. Понимаешь ли, такъ и сказала вотъ этими самыми словами: будете получать большія деньги. А? Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь?

— Могу только сказать, что у тебя большіе шансы, замѣтилъ Рысинъ.

— Стать негодлемъ?

— Да, большіе шансы. Вѣдь, для большинства людей—которые въ концѣ концовъ дѣлаются негодьями—карьера негодяя дается трудно: приходится начинать съ маленькаго, гнуть спину, пролѣзая въ щелочку и рисковать, рисковать на каждомъ шагу... А тебѣ сразу открывается широкая дорога: приходи и бери.

— Значитъ, ты на моемъ мѣстѣ пошелъ бы, взялъ бы?

— На твоёмъ мѣстѣ—не знаю, трудно вообще представить себя на мѣстѣ другого,—а на своемъ—нѣтъ, не взялъ бы, или, по крайней мѣрѣ, долго думалъ бы. Дѣло въ томъ, что у меня есть семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ вѣрныхъ, постоянныхъ, а послѣ бабушки еще есть надежда получить сто тысячъ. Къ тому же я имѣлъ неосторожность влюбиться въ твою сестру, а это тоже обязываетъ...

Они оба повернулись къ двери изъ сосѣдней комнаты, такъ какъ въ эту минуту вошла Анна Матвѣевна, очень взволнованная.

— Сережа, къ намъ пришла Олимпиада Фаддеевна и непременно, непременно желаетъ тебя видѣть...—Сказала Анна Матвѣевна.

Сергѣй вскинулъ на нее вопросительный взглядъ:—кто это Олимпиада Фаддеевна? спросилъ онъ.

— Ты же знаешь ее. Она живетъ у Варвары Семеновны, у Буракиной...

— А, вотъ уже и депутация!—замѣтилъ Рысинъ.

— Ахъ, да... Олимпиада Фаддеевна... да, знаю, знаю,—сказалъ Сергѣй.—Такъ она хочетъ видѣть меня?

— Да, она говоритъ, что Варвара Семеновна узнала про наше бѣдствен-

ное положеніе и хочетъ, чтобы ты пришелъ къ ней. Она выручить. Такъ можно позвать ее сюда или ты придешь туда, къ намъ?

— Она хочетъ, чтобы я пришелъ къ ней? Непременно—я? какъ то загадочно спрашивалъ Сергѣй и этой загадки Анна Матвѣевна не понимала.—А, впрочемъ, прибавилъ онъ,—сдѣлайте милость. Я не держу себя въ тайнѣ. Олимпиада Фаддеевна можетъ разговоривать со мной, сколько ей угодно.

— Отлично, отлично,—промолвилъ Рысинъ.

— Такъ я сейчасъ позову ее,—сказала Анна Матвѣевна и ушла въ ту же дверь.

Сергѣй прошелся по комнатѣ и затѣмъ обратился къ Рысину:—вотъ ты увидишь, какой я пошлю поклонъ госпожѣ Буракиной...

— Однако, ты смотри, не промахнись—замѣтилъ Рысинъ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ произошло движеніе, оттуда доносились шаги и говоръ. Затѣмъ вошла Анна Матвѣевна, и вслѣдъ за нею гостья, а потомъ Надя, которая остановилась на порогѣ.

III

Олимпиада Фаддеевна казалась особой значительно старше средняго возраста, высокая, ширококостная, неуклюже сложенная. Цвѣтъ лица у нея былъ свѣжій, молодой, но вся кожа на этомъ лицѣ состояла изъ многочисленныхъ мельчайшихъ морщинокъ. Казалось, каждое событіе въ ея жизни, значительное и ничтожное, оставило на этомъ лицѣ свою бороздку.

Держалась она въ этомъ домѣ величественно, но въ то же время безъ спѣси, дробжелательно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Развѣи кошмары сна и силой вдохновенья
Усталый умъ для мысли пробуди;—
Пусть лира звонкая разгонитъ всѣ сомнѣнья,

Пусть съ пробужденныхъ струнъ
польются пѣснопѣнья,
Пусть вновь воскреснетъ жизнь въ
измученной груди!..

Владиміръ Бѣльскій.

ЦВѢТОКЪ СЧАСТЬЯ.

(легенда).

М. Л. де-Вальдена.

Давно, давно, въ странѣ сфинксовъ и пирамидъ, на берегу священнаго Нила, стоялъ величественный дворецъ, окруженный колоннадой. Стѣны дворца и колонны были раскрашены яркими красками и испещрены загадочными гіероглифами. Съ широкой мраморной террасы открывался прекрасный видъ на окрестность: на широкую рѣку, что тихо и величаво текла изъ невѣдомыхъ странъ къ голубому морю, на пальмовыя рощи, что темнозеленой лентой окаймляли ея противоположный берегъ, на древніе памятники сѣдой старины.

Дворецъ этотъ принадлежалъ верховному жрецу, мудрому и добродѣтельному Анаресу. Это былъ человекъ уже преклоннаго возраста, молчаливый, спокойный и вѣчно погруженный въ чтеніе древнихъ манускриптовъ, которые хранились въ одной изъ залъ дворца. Иногда только, въ ясные тихіе вечера, онъ выходилъ на террасу и тамъ глядя на ярко горящія на темносинемъ небѣ звѣзды, думалъ о тайнахъ мірозданія и бытія.

Въ роскошномъ дворцѣ Анареса было много разныхъ сокровищъ, было много необыкновенныхъ произведеній искусства, какъ собранныхъ имъ въ Египтѣ, такъ и присланныхъ ему въ даръ отъ владыкъ востока, но самымъ дорогимъ для него сокровищемъ, самой безцѣнной жемчужиной была его юная дочь, прелестная Диноэ.

Она была радостью и счастьемъ его уже клонящейся къ закату, жизни.

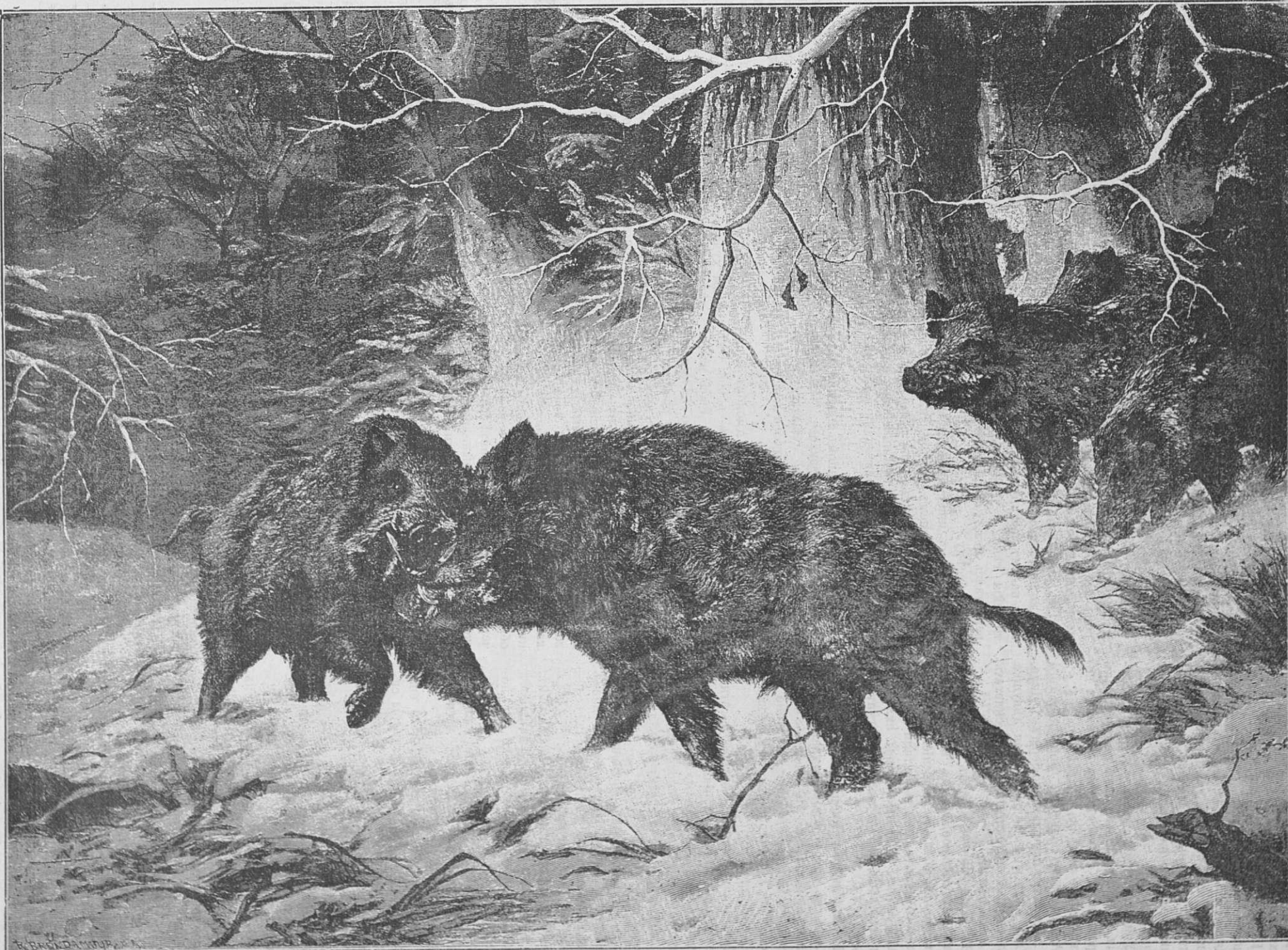
Высокая, стройная, съ глубокими, миндалевидными глазами цвѣта воды Средиземнаго моря, съ черными, шелковистыми, ниспадающими ниже колѣнъ волосами, она казалась волшебнымъ небеснымъ видѣніемъ.

Въ ея прекрасныхъ, словно изваянныхъ рѣзцомъ художника чертахъ лица было что-то чарующее, неземное, мистическое.

Диноэ и по характеру отличалась отъ другихъ женщинъ.

Сосредоточенная, мечтательная, она избѣгала общества, любила уединеніе и часто, въ золотыя утра и серебристыя лунныя ночи, уходила изъ своего дворца на берегъ Нила, гдѣ по долгу гуляла, погруженная въ глубокую задумчивость, время отъ времени срывая по дорогѣ цвѣты, что въ изобиліи росли на прибрежьи.

До сихъ поръ сердце дѣвушки было свободно, и дыханіе всеисильной любви ни

Бой кабановъ.—Съ картины Е. Дейкера.

разу еще не обвѣяло ея чистыхъ, невинныхъ грезъ.

Но вотъ однажды, когда юная Диноэ гуляла на берегу любимой рѣки и срывала водяныя лиліи, посреди Нила показалась великолѣпная, золотая, украшенная драгоценными камнями, ладья, въ которой обыкновенно, совершали прогулки богъ Амонъ.

Увидѣвъ чудную дѣвушку, онъ мановеніемъ руки остановилъ свою ладью и, какъ очарованный, съ восторгомъ созерцалъ необыкновенное видѣніе.

Амонъ сразу полюбилъ Диноэ и съ того дня постоянно блуждалъ по берегамъ Нила, ожидая минуты, когда прелестная дѣвушка придетъ срывать водяныя лиліи и сплестать изъ нихъ вѣнки.

Въ такія минуты Амонъ издали смотрѣлъ на нее, влюбленнымъ взоромъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ; по его мановенію передъ ней выросли прекраснѣйшіе цвѣты, а густыя травы склоняли свои стебельки, словно желая облегчить ей дорогу.

Но хотя любовь Амона постепенно разгоралась въ яркое пламя, однако онъ не рѣшался приблизиться къ Диноэ, ибо боялся смутить ее, боялся, что она, внезапно потревоженная убѣжитъ во дворецъ, убѣжитъ и не вернется болѣе.

Прекрасная дѣвушка скорѣ замѣтила Амона и инстинктивно поняла, что означали эти пламенные взгляды, но сердце ея попрежнему оставалось спокойнымъ и не раскрывалось, подобно цвѣтку подъ лучами горячаго солнца.

Такъ прошло не мало времени.

Наконецъ Амонъ, будучи не въ силахъ долѣе скрывать свое чувство, однажды подошелъ къ Диноэ и промолвилъ:

— О, чудная дѣвушка, скажи мнѣ, чѣмъ заслужишь твою любовь? Я дамъ тебѣ всякія сокровища, какія только ты пожелаешь.

Диноэ, сознавая свое обаяніе, окинула Амона загадочнымъ взглядомъ, и не то серьезно, не то шутя отвѣтила:

— Дай мнѣ такой цвѣтокъ, какого еще не видѣлъ міръ, который обладалъ бы силой давать людямъ счастье и безсмертіе. Когда я получу его, тогда и полюблю тебя.

Сказавъ это, Диноэ улыбнулась и медленно направилась во дворецъ, гдѣ тотчасъ исчезла въ тѣни испещренныхъ героглифами колоннъ.

Амонъ, услышавъ желаніе дѣвушки, очень смутился, ибо никакъ не ожидалъ его. Онъ могъ бросить къ стопамъ Диноэ сокровища и драгоценности всего міра, но цвѣтка такого у него не было.

Съ грустью опустился онъ на каменную скамью, что стояла у подножья высокой вѣерообразной пальмы и, склонивъ голову на руки, заплакалъ, а слезы его, падая, превращались въ прекрасныя чистыя жемчужины и яркимъ вѣнкомъ блестяли на цвѣтахъ и травѣ, подобныя каплямъ росы.

И вотъ, погруженный въ свое горе, Амонъ не замѣтилъ, какъ солнце скрылось на горизонтѣ, какъ на небѣ постепенно загора-

лись звѣзды и изумрудами отражались въ водахъ Нила, а изъ за гигантскихъ пирамидъ на темносинее небо выплыла луна.

Ея мягкій, нѣжный свѣтъ озарилъ и громаднаго сфинкса, и воды Нила, и пальмовыя рощи, окаймлявшія противоположный берегъ священной рѣки, и величественный дворецъ Авареса.

Настала тихая, свѣтлая ночь, и чары ея овладѣли землей, накиннули на нее свое прозрачное, волшебное покрывало, въ которомъ все казалось страннымъ, таинственнымъ, загадочнымъ.

Отъ пирамидъ, сфинксовъ, обелисковъ, отъ колоннъ дворца, отъ высокихъ роскошныхъ пальмъ протянулись длинныя, фантастическія тѣни, и чудилось, будто онѣ, переплетаясь между собой, вели тихую неуловимую бесѣду.

Воцарилась иная жизнь, не похожая на ту, что была днемъ, когда сіяло солнце. Міръ не спалъ, нѣтъ—онъ грезилъ, убаюкиваемый ласкающей тишиной ночи, нѣжно мерцающими на небѣ звѣздами и сладостнымъ свѣтомъ луны.

Въ воздухѣ, насыщенномъ опьяняющимъ ароматомъ цвѣтовъ, казалось, неслышно рѣяли какія-то дивныя существа, точно созданныя изъ легкой прозрачной мглы, эфира и луннаго свѣта.

Чары ночи овладѣли и Амономъ и послали его утомленной душѣ покой. Онъ поднялъ голову и, устремивъ свой взоръ на темносинее небо, мысленно блуждалъ среди далекихъ звѣздъ, словно розыскивая на нихъ желаннаго волшебнаго цвѣтка.

Въ то самое время юная Диноэ, соблазненная красотой ночи, вышла изъ роскошныхъ покоевъ дворца и медленно спускалась по мраморнымъ ступенямъ террасы, желая освѣжиться прохладой послѣ жаркаго знойнаго дня. Подъ блѣсною туникой изъ легкой прозрачной ткани неясно обрисовывались ея изящныя формы. Ея черные, съ синимъ отливомъ, волосы роскошными волнами разсыпались по плечамъ и еще болѣе усиливали красоту дѣвушки.

Чудная, лучезарная съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ, она казалось, не шла, а скользила по ступенямъ террасы.

Спустившись съ послѣдней ступени и дойдя до берега, Диноэ внезапно остановилась въ изумленіи. Тамъ, невдалекѣ, она замѣтила Амона подъ тою же вѣерообразной пальмой, возлѣ которой онъ обратился въ ней съ своимъ признаніемъ.

Но какъ онъ измѣнился! Никогда еще она его не видѣла такимъ, какъ въ эту минуту. Неподвижный, какъ изваяніе, съ глазами, устремленными къ небу, онъ былъ теперь божественно прекрасенъ,

Смутилась дѣвушка. Впервые присутствіе Амона заставило сильнѣе забиться ея сердце, впервые, дотошъ невѣдомое, сладостное чувство проникло въ ея душу и окрасило яркимъ румянцемъ лицо. Это чувство съ неудержимой силой влекло ее теперь къ прекрасному юношѣ, и она не могла уже противостоять ему.

Амонъ почувствовалъ присутствіе любимой дѣвушки, взоръ его съ невыразимой

нѣжностью обратился на Диноэ, и онъ со страстною мольбою простеръ къ ней руки.

Всесильная жажда любви пламенемъ выпыхнула въ сердце Диноэ, она забыла все и плѣнительная, трепещущая, упавъ въ объятія юноши, прижалась устами къ его устамъ.

И вотъ въ эту самую минуту у ногъ ихъ, точно струны арфы, съ тихимъ журчаніемъ плеснули волны священнаго Нила, и изъ его водъ, озаренныхъ луною, выступилъ невѣдомый доселѣ чудесной красоты цвѣтокъ.

То былъ цвѣтокъ счастья и безсмертія, рожденный поцѣлуемъ Амона и Диноэ. Люди назвали его лотосомъ.

М. Л. де-Вальденъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Оттепель.—*Карт. Н. Шмидта.* Въ настоящей картинѣ художникъ передаетъ теплый зимній день, съ небомъ свинцоваго цвѣта, черными отъ сырости силуэтами деревьевъ и разлившейся водой. Зимой дни оттепели напоминаютъ о веснѣ, а бѣлый свѣтъ говорить обратное—эти тонкости вѣрно подмѣчены художникомъ и увеличиваютъ впечатлѣніе оттепели.

Затопило.—*Карт. Н. Попова.* Картина почти ежегоднаго народнаго бѣдствія. Цѣлая деревня подъ водой, а жители ея столпившіеся на берегу громаднаго разлива, находятъ въ безвыходномъ положеніи и не знаютъ, что предпринять. Картина написана художникомъ замѣчательно реально и колоритно.

Срѣзаяся.—*Карт. Н. Винимана.* Большая тріемная въ училищѣ или гимназій. На первомъ планѣ поставлены главныя фигуры картины—мать, склонившая голову и со скорбью смотрящая на своего, не выдержавшаго экзаменъ, сынишку... а онъ, виновникъ горя матери, стоитъ смущенный и видимо сраженный неудачей. Вѣрность рисунка и гармоничность передачи деталей ставятъ картину эту на видное мѣсто среди другихъ жанровъ кисти Винимана.

Бой кабановъ.—*Карт. Е. Дейкера.* Нѣмецкій художникъ Дейкеръ, обративъ по искусству Гофману, трактуетъ тѣ же темы, но только беретъ для сюжетовъ болѣе трудные. Въ настоящей картинѣ Дейкеръ рисуетъ бой изъ за обладанія и надо прибавить—вполнѣ удачно. Два страшныхъ кабана, бьющіе другъ друга клыками, переданы неподобно, а стоящіе наблюдатели подинка полны выраженія и экспрессіи.

А. С.

СОДЕРЖАНИЕ: Стихотвореніе В. Бѣльскаго.—„Ангель-Хранитель“, романъ И. Потапенко.—Стихотвореніе В. Бѣльскаго.—„Цвѣтокъ счастья“, легенда М. Л. де-Вальденъ.—Къ рисункамъ.

Редакторъ *А. П. Хесторъ.*

Предс. Администраціи *Д. Х. Бородинъ.*

Иллюстрирующая неделя

При ближайшемъ участіи *И. Н. Потапенко.*

Текущая жизнь.

Зима перевалила на вторую половину... Дни становятся длиннѣе, уже не так рано темнѣетъ и какъ будто вмѣстѣ съ свѣтомъ дня и жизнь идетъ болѣе быстрымъ темпомъ. Замѣчательное явленіе. Весна и лѣто—періодъ, когда, какъ выражаются поэты, природа оживаетъ;—для столичнаго обывателя обычное время умиранія общественной дѣятельности и жизни. Для крестьянина это время работъ и заботъ;—для чиновника время отдыха и отпусковъ. И наоборотъ: сравните картину зимы въ деревнѣ и городѣ: тамъ—долгіе вечера при лучинѣ, что-то вялое; медленно тащится савраска въ лѣсъ, скрипятъ полозья, вяло лаютъ собаки, чуть свѣтятся огоньки въ избахъ... а тутъ оживленье съ утра и до глубокой ночи: ярко свѣтятъ окна ресторановъ, мчатся тройки на острова, сіяютъ огнями переполненные театры... засѣданія, коммисіи, рѣчи, балы, маскарады, ужины—жизнь въ полномъ разгарѣ. Лѣтомъ наоборотъ, въ деревнѣ кипитъ работа—всѣ элементы семьи, до самыхъ малыхъ ребятишекъ, заняты работой—косятъ, жнутъ, сѣютъ, пахутъ, ловятъ рыбу, рубятъ дрова, охотятся,—а въ городѣ жизнь замираетъ—чинятъ мостовыя, красятъ дома, ѣзды на улицахъ меньше, народъ разбѣзжается, ресторанъ пустуетъ, о балахъ, рѣчахъ, маскарадахъ, засѣданіяхъ и помину не остается... Но это еще придетъ, а сейчасъ наоборотъ—январь, февраль—это самые, можетъ быть, кипучіе мѣсяцы въ году столичнаго обывателя,—такъ называемый разгаръ сезона, появленіе, вмѣстѣ съ новымъ годомъ, и новыхъ настроеній, новыхъ журналовъ, газетъ, приближеніе картинныхъ выставокъ, новыя пьесы на сценахъ театровъ, разгаръ учебнаго сезона... Похвастать новыми журнальными предпріятіями намъ петербуржцамъ въ этомъ году пока еще не приходится. Одна большая ежедневная газета, одна театральная, нѣсколько неудавшихся уже журнальных попытокъ, одинъ-два новыхъ журнала или даже не новыхъ, а возобновленныхъ, какъ наше „Живописное Обозрѣніе“—право это не такъ много для громаднаго Петербурга—административнаго центра обширной Россіи. Осторожными шагами вошла въ семью русскихъ газетъ новая газета А. А. Суворина „Русь“.—Трудно ска-

зать какое мѣсто займетъ она въ ряду нашихъ газетъ, но интересъ къ ней со стороны публики былъ изрядный и ея дѣло будетъ стужать поддержать этотъ интересъ и порядочностью направленія и общою талантливостью въ веденіи самого дѣла... Промелькнула и скрылась „Русская Земля“, тихо и безъ рекламъ выплываетъ на свѣтъ Божій старинная фирма „Живописнаго Обозрѣнія“, а затѣмъ цѣлая фаланга старыхъ газетъ и

журналовъ становится въ рядъ дѣятелей русскаго печатнаго слова...

Закрываются одинъ за другимъ многочисленные съѣзды разнообразныхъ общественныхъ дѣятелей Россіи; освѣжившіеся взаимнымъ общеніемъ, подведеніемъ итоговъ значенія своей дѣятельности, разбѣзжаются они по своимъ медвѣжьимъ угламъ, чтобы продолжать мало замѣтное, но большое культурное дѣло на пользу своей родины... Воспо-

Жанна д'Аркъ видитъ видѣніе.

минанія о гостепрѣимной столицѣ останется на долго у нихъ въ памяти, они увидятъ, что эти дѣловитые, сухіе петербуржцы, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, умѣютъ оцѣнить отдать должное тягостной, честной, малозамѣтной работѣ всякаго культурнаго работника, любящаго свое дѣло. Не есть-ли это одинъ изъ главныхъ положительныхъ итоговъ, которыхъ достигаетъ устройство съѣздовъ культурныхъ дѣятелей, хотя-бы съѣздъ наглядно и не далъ кратическихъ разрѣшеній выставляемыхъ имъ желаній и ходатайствъ...

Въ литературѣ, какъ выражаются биржевики, обстоитъ все тихо, сезонъ пока еще не далъ ничего яркаго, сильнаго, поражающаго хотя уже кое-что и пробивается... Январь подарилъ насъ къ новому году очень интересной книгой: мы разумѣемъ книгу А. А. Волынского: „Книга великаго гнѣва“, которая, если бы даже она и не была замѣчена журнальной критикой, то все-таки, надо полагать, будетъ имѣть большой успѣхъ, какъ и всѣ вообще его сочиненія. Объ этой книгѣ намъ еще придется говорить подробнѣе, какъ она того заслуживаетъ, а пока перейдемъ къ остальному. Съ интересомъ ждемъ мы продолженія новаго романа Мережковского въ „Новомъ пути“;—будетъ ли онъ хуже или лучше двухъ предшествующихъ—Богъ вѣсть, но что чтеніе его будетъ интересно всякому,—за это можетъ поручиться имя романиста. Если правду говорилъ Бѣлинскій, что всякій человѣкъ „найдетъ свою палочку“, то про Мережковского смѣло можно сказать, что онъ нашелъ ее въ романѣ; его философскія, туманныя, расплывчатая, съ претензіей на оригинальность, статьи, его перебранія съ одного направленія, или вѣрнѣе настроенія, на другое (большею частью совпадающее съ стремленіемъ времени) поскольку все это выражалось и въ его поэтическихъ стихотворныхъ произведеніяхъ, все это не было его „истинной палочкой“—и только написавъ свой романъ „Отверженные“, а затѣмъ „Воскресшихъ Боговъ“, онъ показалъ намъ себя въ томъ лучшемъ, что и должно оставить въ будущемъ по немъ добрую память *)... Въ этомъ же мѣсяцѣ появились среди другихъ сборники стихотвореній Мазуркевича и И. А. Гринева—поэтовъ тонкихъ, изящныхъ, съ хорошою формою стиха, не всегда блещущихъ красотой содержанія, иногда повторяющихся, но оригинальныхъ и чистыхъ поэтовъ... Наши три самыхъ популярныхъ писателя не балуютъ насъ продуктами своего творчества и Л. Толстой и А. Чеховъ и М. Горькій молчатъ, а мы ждемъ. Скорѣе всего услышимъ мы Чехова и то благодаря театру Станиславскаго въ Москвѣ, гдѣ должна идти его пьеса „Вишневый садъ“... Но пусть они и не торопятся—это лучше, мы терпѣливо подождемъ, ибо знаемъ, что ужъ они ничего слабаго на журнальный рынокъ не выбросятъ, они не расточительны и когда уплачиваютъ свой долгъ родинѣ, то не по

гривеннику за рубль и платятъ полнымъ рублемъ.

Январь-же мѣсяцъ подарилъ насъ петербуржцевъ и новымъ составомъ думы, хоть немного приближающимся къ понятію объ общественномъ учрежденіи. Интересы большинства петербургскаго населенія во многихъ частяхъ должны были идти въ разрѣзъ съ интересами такъ называвшихся представителей города. То что полезно квартиранту часто бываетъ вредно домохозяину и, конечно, участіе этихъ двухъ элементовъ въ рѣшеніи городскихъ вопросовъ—это дѣло элементарной справедливости. Петербургъ дѣлаетъ опытъ и надо надѣяться, что благотворные результаты этого опыта будутъ въ послѣдствіи перенесены изъ столицъ во всѣ города Россійской имперіи. Цѣлый рядъ лицъ интеллигентныхъ, уважаемыхъ публикой за ихъ общественную дѣятельность—можетъ быть, именно благодаря этому и не накопившихъ нужныхъ капиталовъ, чтобъ стать домовладѣльцами, въ настоящее время уже вступилъ въ обновленную думу.

Предстоящіе выборы головы должны дать этому учрежденію лицо которое по крайней мѣрѣ и по образованію и по общественному положенію и по популярности въ городѣ не стояло-бы ниже тѣхъ, представителемъ которыхъ оно должно являться. Подождемъ увидимъ. Новая петербургская дума и ея дѣятельность въ виду сказаннаго несомнѣнно должна интересоваться не одинъ Петербургъ, а и всѣ города, гдѣ имѣется городское самоуправленіе.

Что касается всѣхъ интересующаго вопроса о предстоящемъ столкновеніи Россіи съ Японіей, то тутъ все попрежнему: точно два человѣка приготовились къ бою, засучиваютъ рукава и не хотятъ начинать боя—каждый чувствуетъ, что каковъ бы ни былъ исходъ этого боя нехорошо будетъ обоимъ, обоимъ будетъ больно и накладно... и они томительно выжидаютъ тяжелаго момента... Не съ меньшимъ напряженіемъ и остальные цивилизованныя страны ждутъ разрѣшенія столкновенія, одни съ злорадствомъ, другіе желая воспользоваться удобнымъ моментомъ и похозяйничать по сосѣдству, пока эти двое будутъ заняты борьбой, третьи ожидаютъ, что послѣ драки можно будетъ на землѣ подобрать уроненный портегарь, часы или выпавшій изъ кармана кошелекъ... чѣмъ-бы борьба ни кончилась, а сосѣдямъ она прибыльна, ибо они не получаютъ ни сныковъ, ни ссадинъ, а польза будетъ...

Не будемъ загадывать впередъ—пути политики неисповѣдимы, но пожелаемъ вновь, чтобъ мирно разошлись эти люди, приготовившіеся къ борьбѣ и каждый пошелъ-бы въ свой домъ, къ своей семьѣ и дѣтямъ устраивать свое личное благосостояніе А семейное, личное наше благосостояніе, охъ, какъ не благосостоятельно!—трепещитъ оно по всѣмъ швамъ... Загляните въ судъ за послѣднее полугодіе, кто герои крупныхъ процессовъ?—все молодежь, юноши и не только юноши, выброшенные на улицу, но юноши съ образованіемъ, иногда даже съ высшимъ образованіемъ, какъ въ процессѣ объ убійствѣ Томашевскаго... Вспом-

ните дѣло объ убійствѣ ростовщицы двумя юношами и многое другое... а эта быстрота въ рѣшеніи своей жизненной судьбы—самоубійство барышни-курсистки въ 19 лѣтъ узнавшей, что жизнь пуста и ничтожна, самоубійства гимназистовъ изъ за дурной отмѣтки. Ей-Богу, все это должно насъ навести на мысль, что въ нашей семьѣ не все ладно и что именно благосостояніе-то въ ней и нѣтъ. Конечно, жизнь усложняется вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи, конечно, жизненная борьба становится все труднѣе и труднѣе и людямъ слабымъ и тѣломъ и духомъ приходится гибнуть въ этой борьбѣ; не даромъ даже въ учебникахъ по душевнымъ болѣзнямъ въ числѣ прочихъ причинъ, предрасполагающихъ къ сумасшествію, всегда ставится и цивилизація. На первый взглядъ—странная комбинація: цивилизація въ роли затемнителя разсудка, но мало-ли какія въ жизни бываютъ комбинаціи и еще болѣе странныя, только съ ними бороться надо—на то человѣку и данъ разсудокъ. И съ изнанкой цивилизаціи человѣку приходится бороться—алкоголизмъ, проституція, сифилисъ, сумасшествіе—все это тѣсно связано съ великими благами, которыя несетъ въ міръ та-же цивилизація—и люди борются съ ними, собирая всѣ свои силы и физическія, и духовныя. Одними правительственными мѣрпріятіями не справиться съ этой борьбой—нуженъ и личный починъ каждого человѣка, а главное надо чтобъ всякій человѣкъ старался научиться отличать хорошей плодъ цивилизаціи отъ дурного—это во первыхъ, и во вторыхъ желаль-бы измѣнить тѣ условія, которые мѣшаютъ и ему и его братьямъ жить „по хорошему“, пользуясь добрыми плодами той-же цивилизаціи.

В. В. Чеховъ.

IX Пироговскій съездъ.

Работавшій въ Петербургѣ съ 5-го по 11-го января IX пироговскій съездъ отличался небывалымъ многолюдствомъ и обиліемъ серьезныхъ и важныхъ докладовъ и постановленій. Съездъ былъ разбитъ на пять группъ, составившихъ 26 отдѣловъ по различнымъ отраслямъ медицины. Засѣданія (кромя общихъ собраній) происходили въ многочисленныхъ аудиторіяхъ Императорской воено-медицинской академіи.

Результаты и постановленія по наиболѣе выдающимся вопросамъ выразились въ слѣдующимъ.

По илліи и общественной медицинѣ. — В. А. Левашевымъ сдѣлано было два сообщенія: о городскихъ обеззараживающихъ камерахъ и условіяхъ общественнаго пользования ими, и объ обеззараживаніи частныхъ жилищъ и общественныхъ учрежденій. Основныя идеи обоихъ докладовъ таковы: правильно устроенное городское дезинфекціонное учрежденіе, снабженное при

*) Не даромъ оба его первые романа пользуются извѣстностью не только у насъ, но и за границей, будучи переведены на всѣ главнѣйшіе европейскіе языки.

способностями для обеззараживанія паромъ и химическими веществами, составляетъ основное требованіе въ дѣлѣ организаціи борьбы съ заразными болѣзнями; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., во время взрывовъ эпидемическихъ заболѣваній и въ пригородахъ могутъ оказать помощь и подвижныя дезинфекціонныя камеры; дезинфекціонныя учрежденія должны находиться въ завѣдываніи врача и служить мѣстомъ для подготовки опытнаго персонала дезинфекторовъ; обеззараживаніе вещей въ городскихъ дезинфекціонныхъ камерахъ и перевозка ихъ должна производиться бесплатно; сохранность вещей, отправляемыхъ въ камеры, должна быть обезпечена; въ случаѣ уничтоженія вещей путемъ сожиганія, а равно и въ случаѣ ихъ порчи по винѣ учрежденія, не должно быть затрудненій въ выдачѣ соответственнаго вознагражденія; производство обеззараживаній частныхъ жилищъ и общественныхъ учреждений должно выполняться особыми санитарными или, такъ сказать, эпидемическими врачами, въ распоряженіи которыхъ долженъ быть для этой цѣли достаточный кадръ хорошо обученныхъ служителей-дезинфекторовъ, необходимый инвентарь приборовъ и достаточное количество химическихъ средствъ, нужныхъ при производствѣ обеззараживанія. Въ завѣдываніи каждаго врача-дезинфектора должно находиться дезинфекціонное бюро или камера; обеззараживаніе частныхъ жилищъ, производимое по требованію сани-

тарнаго надзора, равно какъ перевозка вещей въ камеру и обратно и больныхъ въ больницы должны производиться бесплатно за счетъ города; общественныя и казенныя учрежденія входят по этому предмету въ соглашеніе съ городскимъ управленіемъ. Въ виду важности и сложности этихъ вопросовъ детальная разработка ихъ поручена секціей особой комиссіи изъ врачей-членовъ съѣзда.

По отдѣлу наружныхъ и всерическихъ больницъ съѣздъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе, исходя изъ положенія о несомнѣнной пользѣ климатотерапіи въ дѣлѣ лѣченія сифилиса какъ наслѣдственнаго, такъ и приобрѣтеннаго, отдѣлъ признаетъ необходимымъ устройство на югѣ санаторій, хотя бы по началу для дѣтей-сифилитиковъ, а потому для всесторонняго изученія вопроса о климатотерапіи сифилиса ставить этотъ вопросъ въ число програмныхъ на ближайшемъ съѣздѣ въ память Н. И. Пирогова.

По отдѣлу дѣтскихъ больницъ. Отдѣлъ сдѣлалъ постановленіе о необходимости собиранія матеріаловъ объ искусственномъ и естественномъ вскармливаніи.

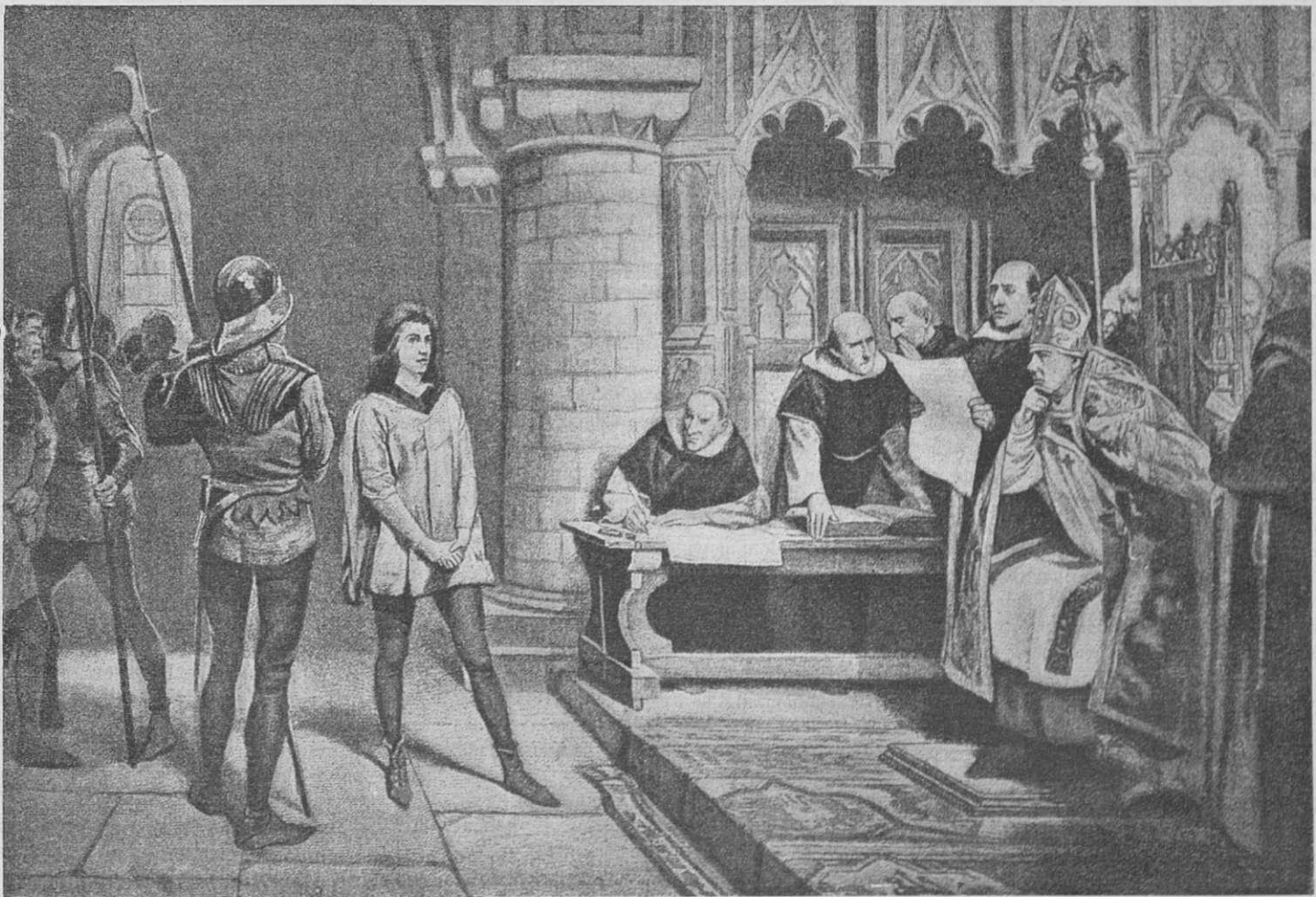
Въ отдѣлѣ медицинской статистики постановлено: довести съ одобренія общаго собранія съѣзда, до свѣдѣнія городовъ о желательности введенія правильной регистраціи смертности, хотя бы въ крупныхъ центрахъ при одновременномъ правильномъ устройствѣ въ городахъ врачебной помощи.

По борьбѣ съ туберкулезомъ, въ общемъ

смыслѣ, отдѣлъ пришелъ къ сознанію необходимости вывести туберкулезныхъ больныхъ изъ предѣловъ больницъ и городовъ. Для рѣшенія этого вопроса была избрана постоянная комиссія для борьбы съ хирургической бугорчаткой. Эта комиссія должна быть присоединена къ существующей уже при правленіи Пироговскаго общества комиссіи по туберкулезу.

По городской, земской, общественной, железнодорожной и фабричной медицинѣ. Секція признала необходимымъ: 1) чтобы земствамъ предоставлено было право издавать обязательныя постановленія по охраненію здоровья наемныхъ сельскихъ рабочихъ и вообще по условіямъ сельско-хозяйственнаго труда, и 2) продолжить разработку вопроса о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, въ какихъ цѣляхъ оставить вопросъ во всемъ его объемѣ програмнымъ и на будущій X съѣздъ.

По секціи городской медицины было сдѣлано нѣсколько сообщеній; изъ нихъ наибольшее вниманіе съѣзда обратили на себя доклады: А. Н. Рубеля — о хозяйственно-административномъ строѣ больницъ въ большихъ городахъ. Современный строй городскихъ больницъ слѣдуетъ признать неудовлетворительнымъ. Больницы должны быть органически связаны съ прочими санитарно-врачебными учрежденіями города и объединены въ одномъ, общемъ съ ними, коллегіальномъ органѣ; организація и общее руководство больничнымъ дѣломъ должны

Жанна д'Аркъ на допросѣ въ Руанѣ 1431 г.

находиться въ вѣдѣніи особаго органа—городскаго врачебно-санитарнаго совѣта, которому принадлежит право выбора лицъ на свободныя вакансіи и санкція и инструкцій и правилъ, вырабатываемыхъ хозяйственными совѣтами. Н. А. Ивановъ представилъ докладъ объ изоляціонныхъ убѣжищахъ для здоровыхъ людей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ острозаразными больными. Изоляціонныя убѣжища могутъ быть двухъ родовъ: 1) для изоляціи на весь инкубационный періодъ данной болѣзни и 2) на время, необходимое для дезинфекціи и ремонта зараженныхъ квартиръ; перваго рода убѣжища надо считать наилучшими, но невозможность отрывать рабочихъ людей, не возмѣщая имъ заработной платы, служить большимъ тормазомъ для устройства таковыхъ; убѣжища втораго рода тоже оказываютъ большое подспорье въ дѣлѣ пресѣченія и предупрежденія острозаразныхъ болѣзней; наилучшимъ типомъ изоляціонныхъ помѣщеній слѣдуетъ считать постройки корридорнаго характера со многими небольшими палатами, при томъ непремѣнномъ условиіи, чтобы поступающій попадалъ въ убѣжище черезъ особый входъ и выходилъ черезъ другой; санитарный обозъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество лошадей, каретъ, фургоновъ и платформъ.

Въ секціи общественной медицины состоялось соединенное засѣданіе по туберкулезу. Д-ръ Ф. М. Блюменталь сдѣлалъ сообщеніе о социальныхъ факторахъ туберкулеза и д-ръ А. И. Лапшинъ — о положеніи чахоточныхъ больныхъ въ городскихъ больницахъ. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, таковы: наряду съ санаторіями еще долго городскія больницы будутъ наполняться чахоточными въ разныхъ стадіяхъ заболѣванія; они являются источниками заразы для окружающихъ; если это справедливо вообще, то тѣмъ болѣе можно опасаться зараженія больныхъ, ослабленныхъ предшествующими заболѣваніями; въ больницахъ необходимо изолировать больныхъ чахоткою отъ больныхъ другими болѣзнями; изолированные чахоточные должны быть раздѣляемы по степени болѣзни—болѣе трудные отъ сравнительно болѣе легкихъ; большая смертность отъ чахотки въ больницахъ находится въ зависимости, съ одной стороны, отъ состава больныхъ: въ больницахъ идутъ умирать въ большинствѣ случаевъ въ послѣдней стадіи болѣзни; а съ другой стороны потому, что наши больницы по своимъ условіямъ, за рѣдкими исключеніями, не могутъ удовлетворить даже скромнымъ требованіямъ въ дѣлѣ лѣченія чахоточныхъ; имѣется крайняя нужда въ постройкѣ цѣлаго ряда специальныхъ больницъ для чахоточныхъ, но еще до осуществленія устройства новыхъ необходимо въ нѣкоторыхъ уже существующихъ больницахъ приспособить отдѣленія специально для чахоточныхъ; въ больничномъ лѣченіи чахоточныхъ работа о чистотѣ помѣщенія, обильномъ притокѣ свѣжаго воздуха, надлежащемъ питаніи и уходѣ должны быть обязательны для терапевта такъ же, какъ забота о чистотѣ операціонной комнаты и поля операціи и

объ асептикѣ, проведенія ея—обязательна для хирурга.

Д-ръ В. Г. Матвѣева сдѣлала докладъ о школьно-санитарномъ надзорѣ за начальными училищами въ большихъ городахъ и поставила слѣдующія положенія: 1) надзоръ долженъ быть возложенъ на особую группу врачей, обладающихъ специальными свѣдѣніями по вопросамъ школьной гигиены; 2) на обязанность школьныхъ врачей возлагается надзоръ за здоровьемъ учащихся, санитарнымъ состояніемъ училищныхъ помѣщеній, классной обстановкой и гигиеной преподаванія; 3) школьные врачи обязаны принимать соотвѣтствующія мѣры къ предохраненію училища отъ занесенія заразныхъ заболѣваній; 4) для болѣе дѣйствительнаго вліянія врачей на текущую школьную жизнь желательно участіе ихъ, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, во всѣхъ тѣхъ совѣщаніяхъ, гдѣ разсматриваются вопросы, имѣющіе отношеніе къ школьной гигиенѣ; 5) желательно выработать, при участіи школьныхъ врачей, обязательныя гигиеническія нормы, которыя должны лечь въ основу при рѣшеніи вопросовъ школьнаго быта.

По земской медицине было обсуждено сообщеніе Г. И. Ростовцева о санитарныхъ попечителяхъ и мѣрахъ къ поднятію ихъ практическаго значенія. Главнѣйшія положенія доклада выражены такъ: для того, чтобы дѣятельность попечительства была болѣе или менѣе оживлена и обширна, необходимо предоставить имъ болѣе широкія права и полномочія, чѣмъ дѣлается это теперь. Въ этихъ цѣляхъ въ кругъ функций попечительства слѣдовало бы поставить обсужденіе всѣхъ безъ исключенія мѣстныхъ врачебно-санитарныхъ вопросовъ, касающихся оздоровленія района попечительства. Безъ предварительнаго заключенія попечительства не должно разрѣшать врачебно-санитарныхъ вопросовъ района ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ думахъ, ни въ собраніяхъ уполномоченныхъ. Желательно также, чтобы попечительствамъ предоставлялись извѣстныя средства для осуществленія санитарныхъ мѣропріятій въ своемъ районѣ.

По вопросамъ врачебнаго быта д-ръ В. И. Гребенниковъ, основываясь на статистическихъ данныхъ, представилъ картину матеріальной необезпеченности русскихъ врачей и смертности среди нихъ. Секція постановила просить врачей поступать въ возможно большемъ числѣ въ кассу Чистовича, уставъ которой нынѣ подвергается переработкѣ.

Въ секціи душевныхъ и нервныхъ болѣзней д-ра Вырубовъ и Краинскій указали на недостатки современной системы призрѣнія душевно-больныхъ въ Россіи. Больницъ мало даже для помѣщенія острыхъ больныхъ, а патронажи предназначаемые для хрониковъ, вопроса не рѣшаютъ. Окружныя лѣчебницы также не удовлетворяютъ цѣли, особенно для населенія, отъ нихъ удаленнаго. Въ виду этого, необходимо озаботиться не расширеніемъ губернскихъ больницъ, а организаціей небольшихъ уѣздныхъ лѣчебныхъ заведеній. Д-ръ Грибоѣдовъ

сдѣлалъ сообщеніе о крайней недостаточности учреждений для эпилептиковъ и идиотовъ.

По алкоголизму, г. Ярошевскій представилъ проектъ небольшой простой лѣчебницы для алкоголиковъ, прочіе же настаивали на необходимости лѣчить алкоголиковъ амбулаторно, съ помощью гипноза. По обсужденіи докладовъ выяснилось, что гипнозъ не есть панацея для всѣхъ алкоголиковъ и что этотъ методъ лѣченія можетъ быть принятъ только какъ опытъ. Вопросъ о принудительномъ помѣщеніи алкоголиковъ въ спеціальныя лѣчебницы былъ рѣшенъ отрицательно; лучшимъ и единственнымъ средствомъ для борьбы съ алкоголизмомъ признано прекращеніе свободнаго обращенія алкоголя среди населенія.

В. В. Стасовъ.

На-дняхъ извѣстный археологъ и критикъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ празднуетъ свое восьмидесятилѣтіе. Маститый писатель пережилъ не одну эпоху эволюціи русскаго общества и его самосознанія. Дѣятельность В. В. началась еще до эпохи великихъ реформъ, расцвѣла вмѣстѣ съ нею, не ослабѣвая продолжалась въ эпоху реакціи и, будемъ надѣяться, продолжится до грядущей эпохи русскаго возрожденія. Мы не станемъ подробно останавливаться на біографіи В. В.—его личность слишкомъ популярна, —напомнимъ только нашимъ читателямъ, что первая его работа („Музыкальное обозрѣніе“ въ „Отеч. зап.“), появилась въ 1847 г., т. е. почти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Всѣ многочисленныя работы В. В., написанныя имъ до сихъ поръ, можно раздѣлить на четыре большія группы: 1) статьи и изслѣдованія по археологіи и исторіи искусствъ, 2) біографическія, 3) статьи по исторіи литературы и этнографіи и 4) критико-полемическія статьи о русской музыкѣ, живописи и другихъ изящныхъ искусствахъ, въ которыхъ лежитъ центръ тяжести всей критической дѣятельности писателя. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ В. В. обнаруживаетъ большой критическій талантъ (кстати сказать у насъ вообще довольно рѣдкій) и, что особенно важно, несомнѣнную искренность убѣжденій, которой могли бы позавидовать многіе изъ нашихъ критиковъ и именующихъ себя таковыми. Эта искренность и страстность, съ которой всегда и всюду выступалъ В. В., много разъ навлекали на него всевозможныя нареканія, насмѣшки, брань и даже клевету, и все это не охладило его юношескаго пыла. „Кто живетъ безъ печали и гнѣва, тотъ не любитъ отчизны своей“, говоритъ поэтъ, а В. В. всегда любилъ ее и никогда не измѣнялъ этой любви. Онъ всегда былъ націоналистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и вотъ почему почти всѣ его статьи и, главнымъ образомъ, статьи о русской музыкѣ

Carmen Sylva

XXXV

Кармень Сильва (Румынская королева Елизавета). По поводу 35 лѣтія ея литературной дѣятельности. Кармень Сильва у рояля; любимый уголокъ въ паркѣ; со своей дочерью; въ рабочемъ кабинетѣ и въ кругу семьи.

и живописи носят не только полемическій, а прямо таки *боевой* характеръ. Не вдаваясь въ тонкости техники исполненія того или иного произведенія искусства, В. В. прежде всего предъявлялъ къ нему требованіе содержательности и національной самобытности. Все молодое, новое и оригинальное онъ бралъ подъ свою защиту, жестоко обрушиваясь на всякое подражаніе, хотя-бы и талантливое. Особенно рѣзко сказалась эта черта В. В. въ его музыкально-критическихъ произведеніяхъ. Молодая русская музыка нашла себѣ въ лицѣ его сильнаго защитника. Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Бородинъ, Мусоргскій и мн. др. получили свое признаніе и оцѣнку въ значительной мѣрѣ благодаря его статьямъ. Многие русскіе художники и, въ особенности, композиторы пользовались его компетентными совѣтами, какъ наприм. Сѣровъ, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ, Кюи, Глазуновъ и др. Такое огромное вліяніе В. В. объясняется его дѣйствительно сильнымъ критическимъ дарованіемъ. Правда, благодаря своей страстности, онъ впадалъ иногда въ крайности, но главная мысль его была всегда вѣрна и онъ рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ историческаго или этическаго значенія того или иного произведенія искусства. Провозгласивъ историческую необходимость національнаго направленія въ искусствѣ, онъ ни разу не измѣнилъ этой основной идеи и неутомимо пропагандировалъ ее до тѣхъ поръ пока она не получила должнаго признанія, чѣмъ и связалъ навсегда свое имя съ исторіей русскаго искусства второй половины XIX столѣтія.

В. В. Стасовъ.

ченской области. А. В. много путешествовалъ по Туркестану и произвелъ много географическихъ изслѣдованій, за которыя и получилъ отъ Императорскаго географическаго общества 2 золотыя медали. Въ 1872 году онъ отправился въ качествѣ члена миссіи въ Кашгаръ, и три года спустя уже состоялъ начальникомъ штаба 8-й дивизіи. По окончаніи кампаніи 1877—78 гг., въ которой А. В. принималъ дѣятельное участіе, онъ былъ назначенъ членомъ разграничительной комиссіи Сербіи, Болгаріи и Албаніи. Въ 1882 г. сталъ военнымъ министромъ Болгаріи. Въ 1891 г., въ чинѣ

генераль-лейтенанта онъ сформировалъ 15-ю кавалерійскую дивизію, которой и былъ назначенъ командиромъ. Наконецъ, въ качествѣ командира 2-го сибирскаго армейскаго корпуса А. В. принялъ участіе въ китайской кампаніи 1901 г.; за отличія въ этой кампаніи А. В. былъ произведенъ въ чинъ генерала-отъ-кавалеріи. Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что А. В. написалъ нѣсколько книгъ по тактикѣ, изъ которыхъ одна „Передовые эскадроны“, переведена почти на всѣ иностранные языки.

Карменъ Сильва.

Въ концѣ декабря истекшаго года королева Румынская, Елизавета, вступила въ 61-й годъ своей многострадальной жизни и 35-й своей литературной дѣятельности, расцвѣтъ которой совпадаетъ съ временемъ величайшаго горя, обрушившагося на королеву. Въ 1874 г. умерла ея единственная, горячо любимая дочь и съ этой поры убитая горемъ мать стала искать утѣшенія въ литературныхъ занятіяхъ. Плодомъ этихъ занятій явились, отпечатанныя 1880 г., два стихотворенія „Sappho“ и „Hammerstein“, подписанная псевдонимомъ „Карменъ Сильва“. За этими произведеніями послѣдовалъ цѣлый рядъ рассказовъ, повѣстей и романовъ, обнаруживающихъ недюжинный литературный талантъ автора и сдѣлавшихъ имя Карменъ Сильва очень извѣстнымъ. Нѣсколько романовъ и одна трагедія („Anna Voleyn“) написана ею въ сотрудничествѣ съ г-жею Мите Кремницъ. Лучшими изъ многочисленныхъ произведеній Карменъ Сильвы являются, безспорно, „Lieder aus Dimbowitzathal“ (1889) и трагедія „Meister Napole“ (1892), въ которой ей очень удалась центральная фигура художника, страдающаго безграничнымъ честолюбіемъ.

Почти всѣ произведенія Карменъ Сильвы написаны на нѣмецкомъ языкѣ (исключеніе составляютъ: ея молитвы на румынскомъ языкѣ и „Pensées d'une reine“, 1882), но большинство ихъ переведено на всевозможные европейскіе языки.

Большимъ успѣхомъ въ Германіи пользуется ея переводъ (сдѣланный также совместно съ г-жею Мите Кремницъ) лучшихъ пьесъ крупнѣйшаго представителя современной румынской поэзіи.

Такова, въ общихъ чертахъ, литературная дѣятельность Карменъ Сильвы, совершенно заслоняющая другую, менѣе замѣтную, но не менѣе полезную и серьезную *общественную* дѣятельность румынской королевы. За время своего пребыванія въ Румыніи королева очень много сдѣлала для поднятія женскаго образованія и развитія различныхъ отраслей кустарной промышленности, — а въ войну 1876—77 гг. она была одной изъ самыхъ дѣятельныхъ сестеръ милосердія.

А. В. Каульбарсъ.

Александръ Васильевичъ Каульбарсъ, вновь назначенный командующій войсками одесскаго военного округа, родился въ 1844 г. А. В. воспитывался въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ въ Гатчинскій полкъ, а черезъ три года въ академію генеральнаго штаба, гдѣ онъ кончилъ курсъ по первому разряду. Въ 1863 году онъ принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа, а въ 1869 г. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба войскъ Семирѣ-

Н. П. РАЕВЪ.

Директоръ высшихъ женскихъ курсовъ.
(По поводу 25-ти-лѣтія его педагогической дѣятельности).

Н. П. Раевъ.

1 января исполнилось 25 лѣтъ служебной дѣятельности директора Высшихъ женскихъ курсовъ въ Спб. д. с. с. Николая Павловича Раева. Н. П. Раевъ, сынъ почившаго митрополита Палладія, обучался въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и поступилъ на службу 1 января 1879 г. Въ 1885 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ, а въ 1890 г. директоромъ народныхъ училищъ; въ 1894 г. Н. П. назначенъ на должность, занимаемую имъ нынѣ. Н. П. Раевъ много потрудился на пользу нашего женскаго университета. Число слушательницъ, за время его директорства, почти утроилось, его заботами помѣщеніе курсовъ расширено и окончившимъ курсъ предоставлены права преподавательницъ женскихъ гимназій и институтовъ. При немъ учреждено 10 новыхъ кафедръ и значительно расширена программа преподаваемыхъ на курсахъ предметовъ. Среди слушательницъ В. ж. к. Н. П. пользуется большой популярностью, главнымъ образомъ благодаря своей заботливости о нуждахъ курсовъ и своему такту, который онъ всегда проявлялъ въ трудныя для курсовъ времена.

Жанна Д'Аркъ.

Недавно, въ Ватиканѣ, уступая страстному желанію правовѣрныхъ французовъ, рѣшили, наконецъ, причислить Жанну Д'Аркъ къ лику святыхъ. Этотъ фактъ, не имѣющее важнаго значенія для насъ, интересенъ, однако, тѣмъ, что хорошо характеризуетъ консерватизмъ католическаго духо-

венства, которому понадобилось 473 года для того, чтобы отречься отъ своего несправедливаго отношенія къ исторической личности.

Жизнь Жанны Д'Аркъ представляетъ собою одну изъ наиболее романтическихъ и прямо-таки фееричныхъ страницъ исторіи Франціи и блистательно доказываетъ какія силы вдохновенія и творчества покоятся въ каждомъ народѣ и какъ неожиданно и сильно онѣ прорываются наружу въ трудныя времена.

Въ началѣ XV в. Франція была буквально предана „мечу и пожарамъ“. Раздоры и самовластіе феодаловъ, борьба двухъ династій, полная деморализація правящихъ классовъ, казалось, привели Францію на край гибели. Уже значительная часть Французской территоріи была занята иноплемениками-англичанами... Но вотъ, 23 Февраля 1429 г., передъ королемъ Карломъ VII, является простая крестьянская дѣвушка, побуждаетъ своимъ вдохновеннымъ патріотизмомъ короля и цѣлый сонмъ его совѣтниковъ и открываетъ, съ небольшимъ отрядомъ, противъ англичанъ, осадившихъ

Бюстъ н. и. пирогова.

Орлеанъ, военныя дѣйствія. 8 Мая Орлеанъ освобожденъ, 18 Юня Жанна Д'Аркъ разбиваетъ, при Патэ, на голову англичанъ, руководимыхъ искуснымъ полководцемъ Тальботомъ, увлекаетъ короля въ Реймсъ, несмотря на все возраженія самыхъ опытныхъ вождей французскаго войска, и добивается того, что 16 Юля Карлъ VII коронуется короной Франціи. Этимъ заканчивается блестящій періодъ служенія Жанны Д'Аркъ своей родинѣ. Религіозно-политическое воодушевленіе народа начинаетъ быстро падать, дѣйствія Жанны Д'Аркъ становятся все неудачнѣе и, наконецъ,

Ген. отъ кав. баронъ А. В. КАУЛЬБАРСЪ.

весною 1430 г., она попадаетъ въ руки англичанъ. Послѣдніе, руководясь политическими расчетами, предають Орлеанскую дѣву суду духовенства, какъ колдунью, и 30 Юня 1430 г. 18-ти-лѣтняя спасительница Франціи погибаетъ на кострѣ, оставивъ послѣ себя неизгладимый слѣдъ въ исторіи своей родины.

Съ теченіемъ времени эта рѣдкая историческая фигура становится идеальнымъ воплощеніемъ чистаго патріотизма, символомъ безкорыстнаго служенія родинѣ, вдохновительницей поэтовъ и лучшимъ достояніемъ народной памяти.

СОДЕРЖАНІЕ:

Текущая жизнь. В. В. Чехова.—IX Пираговскій сѣздъ.—В. В. Стасовъ.—А. В. Каульбарсъ.—Карменъ Сильва. Н. П. Раевъ.—Жанна Д'Аркъ.—Объявленія.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

10 РУБЛЕЙ ПРИБЫЛИ

для каждаго читателя этого объявленія. Въ виду несостоятельности нѣсколькихъ фабрикъ, простаивавшихъ платетки, мы поручено распродать большую партію сапогъ по цѣнамъ гораздо ниже фабричныхъ. Я продаю поэтому каждому 4 пары отличныхъ прочныхъ сапогъ, а именно: 2 пары лѣтнихъ элегантныхъ желтыхъ, легкихъ, и 2 пары прочныхъ зимнихъ черныхъ на подкладкѣ сапогъ,—все вмѣстѣ за 4 р. 80 к. Сапоги съ плотными подошвами и подходятъ какъ для мужчинъ такъ и для дамъ,—для улицы и для дома.

ДАРОМЪ.

Пара изящныхъ домашнихъ сапогъ прилагается къ каждому заказу. Выписывать, приложивъ 4 р. 80 к. (лучше всего почтовыми марка и; нал женнымъ платежомъ нельзя), можно отъ Kessler's Schuhexporthaus in Wien, 11/3. Krummbaumgasse, 10. NB. Для мѣрки нужно указаніе размѣра длины ноги въ сантиметрахъ.

М. 4201—101.

— 1 —

Часть отзывовъ русскаго музыкальнаго міра

о усовершенствов. Піанино фабрики „ОФФЕНБАХЕРЪ“

С.-Петербургъ, Глиняная ул., № 7.—ДЕПО: Невскій пр., № 66.

ОТДѢЛЕНІЯ

въ Москвѣ: Кузнецкій м., д. Межд. Банка, въ Одессѣ: Дерibasовская, № 17,
въ Варшавѣ: Маршалковская, 118.

Держора Московск. Императорск. оперы. И. К. Альтани.
Крайне было удивленъ слышать піанино, которое безусловно напоминает
мнѣ рояль по силѣ и красотѣ звука.

Композитора А. С. Арнскаго.
Я нахожу, что піанино Обффенбахеръ обладаетъ красивымъ и большимъ то-
номъ и превосходятъ своими качествами все піанино швейцарскихъ и др.
другихъ фабрикъ.

Профессора СПБ. Консерваторіи К. К. Фанъ-Аркъ.
Піанино Обффенбахеръ представляется наилучшими изъ всякихъ, которыя мнѣ
случалось слышать. Они вполне могутъ замѣнить хорошій рояль и не только
любителямъ, но и артисту. Цена ихъ сравнитъ лено умеренная.

Проф. СПБ. Конс., Солоиста Его Величества Л. С. Ауэръ.
Я съ удовольствіемъ присоединяюсь къ мнѣнію, высказанному моими то-
варищами по Консерваторіи.

Артиста Итальянской Оперы М. Баттистуни.
Піанино Обффенбахеръ имѣетъ чудный тонъ и прекрасный механизмъ и въ
то же время доступно по своей недорогой цѣнѣ.

Проф. музык. учил. Московск. филармоническаго Общества В. В. Безекирскаго
Упомянуто, что усовершенствованныя піанино Обффенбахеръ заслуживаютъ
полнѣйшаго одобренія.

Директора СПБ. Консерваторіи Проф. А. Бурггардъ.
Я съ удовольствіемъ присоединяюсь къ общему мнѣнію о прекрасныхъ каче-
ствахъ этихъ инструментовъ.

Директора СПБ. Музыкальной школы І. А. Боровка.
Меня поразила на неисчерпаемая мощь и сила звука, которая соот-
ветствуетъ только концертнымъ роялямъ.

Капельмейстера Придворнаго Оркестра Гуго Варлихъ.
Піанино Обффенбахеръ по силѣ и красотѣ звука превосходятъ все до сихъ
поръ существовавшее и могутъ вполне замѣнить рояль. Я никогда не былъ по-
клонникомъ піанино, но эти инструменты меня вполне очаровали.

Предсѣдателя Дирекціи Киевскаго Отдѣленія Императорскаго Музыкальнаго
Общества А. Виноградскаго.

Піанино Вашей фабрики освободились отъ всякаго недостатка, которымъ от-
личались до сихъ поръ піанино вообще и при этомъ все достоинства болѣе
голыхъ Піанино Ваше, несомненно, сослужитъ большую службу музыкальному
искусству.

Профессора СПБ. Консерваторіи Н. В. Галкина.
Безусловно могу каждому, покупателю піанино, рекомендовать инструменты
фабрики Обффенбахеръ, какъ наиболее приближающіеся къ роялямъ по силѣ
и красотѣ звука, а также и легкости туше.

Солоиста Его Величества Артиста Импер. Оперы въ СПБ. Марія Горленко-Долиной
Я поражена красотой и полнотою звука этого инструмента, вполне мо-
гущо замѣнить рояль.

Профессора СПБ. Консерваторіи, Композитора А. К. Глазунова.
Піанино Обффенбахеръ, отличающіяся съ необыкновенной тщательностью, отли-
чаются силой и пріятностью звука и легкостью клавишъ и при необыкновенной
послушности педалей, чья приближаются къ роялямъ превосходнѣй-
шаго качества, будучи въ то же время весьма доступными по цѣнѣ.

Артиста СПБ. Императорской Оперы А. М. Давыдова
Концертное піанино Обффенбахеръ обладаетъ удивительно пѣвучимъ и въ то
же время мощнымъ тономъ чуднаго тембра; такое счастливое сочетаніе въ
инструментѣ я слышу впервые.

Директора Тифлисской Консерваторіи Н. С. Кленовскаго.
Истинное удовольствіе доставило мнѣ знакомство съ усовершенствованными
піанино Обффенбахеръ, которыя въ отношеніи силы и прозрачности звука нисколько
не уступаютъ роялямъ и могутъ вполне ихъ замѣнить.

Профессора Одесскаго Отдѣленія Императорскаго Музык. Общества и Музык.
Училища Д. Климова.

Надѣюсь, что появленіе піанино фирмы Обффенбахеръ по-лучитъ назида-
тельнымъ примѣромъ всемъ русскимъ и заграницемъ фирмамъ, которыя,
фабрика великопальныя рояли, обращаютъ слишкомъ мало вниманія на выпускае-
мые ими въ свѣтъ піанино.

Предсѣдателя СПБ. Отдѣленія Русск. Музык. Общества Композитора
Цезаря Антоновича Кюи
Скромное піанино превратилось въ Вашихъ рукахъ въ блестящій инструментъ
въ верномъ и надежномъ другъ всякаго музыканта.

Профессора Московской Консерваторіи І. Левина.
Піанино Обффенбахеръ, на которомъ я ить клавио развѣчалъ, отличаются
прекраснымъ и большимъ тономъ и, въ содѣнгахъ смѣло могутъ замѣнить
рояль.

Профессора пѣвца Терезы Лешетиной.
Я никогда не слышалъ піанино съ такимъ чуднымъ, полнымъ тономъ,
до сихъ поръ присущимъ только большимъ роялямъ.
Профессора С.-Петербургской Консерваторіи, Композитора А. Н. Лядова.
На Піанино Обффенбахеръ хочется играть Шопена.—Это лучшая посѣлка,
которую я могу придумать.
Профессора Музык. училища Московск. Филармон. общества, пианиста Л. А.
Максимова

Играя на піанино „Обффенбахеръ“, я имѣю убѣжденіе, что по своей звуч-
ности и по механизму они безусловно должны считаться лучшими съ пи-
анино нынѣшняго времени.

Профессора СПБ. Консерваторіи С. А. Малоземовой.
Вполнѣ ризпалю мнѣніе Н. В. Галкина, К. К. Фанъ-Аркъ и другихъ моихъ
уважаемыхъ коллегъ о піанино Обффенбахеръ. Искренно желаю новому типу пол-
наго успѣха и процвѣтанія.

Старш. Преподав. СПБ. Консерваторіи Н. Д. Николаева.
Піанино фирмы Обффенбахеръ прекрасны по всякъмъ отношеніямъ. Обладаютъ силой
звука, полнотою тона, разнообразіемъ и богатымъ валомъ звука; они отличны
всѣмъ и впрямь заслуживаютъ вниманія. Мнѣ пріятно констатировать высокое
достоинство этихъ инструментовъ.
Профессора пѣвца, бывш. артиста Императ. Оперы въ СПБ. И. П. При-
нципинова.

Я былъ удивленъ полнотою, силой и ясностью съ тѣмъ мягкостью звука пи-
анино фабрики Обффенбахеръ, которыя вполне могутъ замѣнить рояль, оста-
ваясь въ то же время весьма доступными по цѣнѣ.
Директора музык. училища Киевскаго Отдѣл. Императорск. Русскаго Музы-
кальнаго Общества В. Пухальскаго

Концертное піанино Обффенбахеръ имѣетъ значительную силу пѣвучей,
красочный тонъ и однородный характеръ звука звуковъ. Туше отличается
хорошей ретентіей.

Профессора С.-Петербургской Консерваторіи Композитора Н. А. Римскаго-
Корсакова.

Піанино Обффенбахеръ отличаются прекраснымъ и сильнымъ то-
номъ, а также превосходнымъ механизмомъ. Нельзя не признать, что эти ду-
ши позволяютъ этимъ инструментамъ.

Директора Моск. Консер., Проф. В. И. Сафонова.
Отличный тонъ, прекрасный механизмъ, тщательная отделка, — вотъ
качества піанино Обффенбахеръ, на которомъ я съ большимъ удовольствіемъ се-
годня играю.

Проф. СПБ. Консерваторіи, Композитора Н. В. Соловьева.
Большой светлый красивый тонъ, очень легкая весьма выровненная кла-
виатура, выдѣляютъ піанино фабрики Обффенбахеръ изъ ряда піанино русскаго
производства. Изъ блестящаго будущее — несомненно, тѣмъ болѣе, что цѣна
ихъ сравнительно дешевая.

Профессора Московской Консерваторіи А. Н. Скрябина.
Имѣю удовольствіе играть на піанино Обффенбахеръ и имѣю самое лучшее
опечтленіе. Піанино имѣетъ прекрасный тонъ, ровное туше и отличную
ретентію.

Артиста Императорской Оперы въ СПБ. І. В. Тартанова.
Піанино Обффенбахеръ обладаютъ замѣчательнымъ тембромъ, большимъ
тономъ и въ то же время весьма пѣвучи.

Профессора СПБ. Консерваторіи В. П. Толстова.
Піанино Обффенбахеръ, какъ по красотѣ и силѣ звука, такъ и по удоб-
ству игры, могутъ съ успѣхомъ соперничать съ лучшими инструментами того
же типа заграницемъ фабрикъ, не уступаютъ роялямъ, ни въ силѣ, ни въ
красотѣ звука.

Солоиста Его Величества Н. Н. Фигнера.
Ваше піанино мнѣ не только понравилось своимъ мягкимъ звукомъ и ясностью
съ тѣмъ могучимъ тономъ, что прошу Васъ приготовить мнѣ такое же
піанино къ осени сего года; нахожу, что подобно піанино замѣнить любой
рояль.

Профессора Харьк. Музык. Училища А. Шульцъ-Эвлеръ.
Я считаю піанино Обффенбахеръ, — обидно, что въ лучшіе качествами
и тонкими не только для обыкновеннаго игра, но и для артистовъ, — превос-
ходнѣйшими и достойными высшей похвалы.

ПРЕИМУЩЕСТВА НАШИХЪ ПИАНИНО:

большая металлическая рама, двойная репетиція, тщательно выравненная клавиатура,

большой пѣвучій тонъ, пріятное туше,

такъ что вполне могутъ ЗАМѢНИТЬ РОЯЛЬ.

Одно изъ цѣнныхъ качествъ нашихъ піанино, это — продолжительное держаніе строя, что несомненно весьма важно для
каждаго покупателя, а въ особенности для тѣхъ, кто живетъ въ дали отъ города.

Артист. руков. известной пианистки Я. Ф. Залѣской.

Цѣна отъ 400 р. Облѣнъ. Разрочка. Гарантія за прочность. Сборникъ отзыв. и иллюстр. каталогъ бесплат.

Полъзакъ Разъясненіе

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапехко.*

Малюткамъ.

Изъ Альфонса Додэ.

Новорожденныхъ красота,
 Какъ прелесть ангеловъ, чиста.
 Какъ хрупко все, какъ нѣжно въ нихъ!
 Ихъ сонъ такъ радостенъ и тихъ,
 Какъ будто жизни первый день —
 Къ блаженству первая ступень...
 О, Боже, нѣгою любви
 Улыбки ихъ благослови!
 Они намъ счастье даютъ:
 Глаза невинные поютъ
 И отражаютъ небеса;
 Ихъ слезы—майская роса;
 Ихъ лепетъ слыша изъ пеленъ,
 Усталый духъ нашъ умиленъ
 И, сквозь туманъ грядущихъ лѣтъ,
 Предвидитъ будущій расцвѣтъ.
 Малютку спящаго храня,
 Незримый стражъ, на склонѣ дня,
 Съ небесъ нисходитъ въ полутьму
 И склоняется къ нему,
 И шепчетъ: „Спи, дитя мое!
 „Твое лелѣя забудь,
 „Дышу я лаской и тепломъ,
 „Я осѣнилъ тебя крыломъ“!
 Качаетъ ангелъ колыбель;
 Малютка грезить... О судьбѣ-ль
 Земныхъ и мимолетныхъ дней,
 О тайнѣ-ль рая? Связанъ съ ней
 Онъ легкой нитью золотой,—
 Его души, еще святой,
 Съ небесъ слетѣвшей, затемнить
 Не дастъ соблазну эта нить!
 О, гости новые земли!
 Вы цвѣтомъ вешнимъ зацвѣли.
 Безъ васъ семья, какъ небеса—
 Безъ свѣтлыхъ звѣздъ! Вы—какъ роса
 Въ тяжелый зной для блеклыхъ розъ!
 Но хрупкій цвѣтъ боится грозъ:
 Ненастьемъ чуть пахнетъ на васъ,
 Вы улетаєте отъ насъ.

К. Льдовъ.

Ангель-хранитель.

Исторія, которая никогда не кончилась.

I.

Тысяча тысячъ верстъ.

(Продолженіе).

— Ну, хорошо... Вѣра Васильевна свободна? Такъ попроси ее ко мнѣ въ кабинетъ.

И тяжелые паги замерли. Я сообразилъ, что отецъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Это была самая крайняя и самая отдаленная комната. А Вѣра Васильевна, это была тетя-Вѣра; отцу она приходилась родной сестрой. Она не жила у насъ, пріѣхала только недавно, съ недѣлю тому назадъ. Она была очень строгая на видъ дама, но я ее совсѣмъ не боялся. Она привезла съ собой большой ящикъ, въ которомъ было множество разнообразныхъ сластей и, такъ какъ въ домѣ у насъ, кромѣ меня, не было дѣтей, то очевидно все это предназначалось для меня.

Въ особенности доставляла мнѣ много счастливыхъ минутъ бѣлая, какъ снѣгъ, орѣховая халва, которую я не могъ видѣть равнодушно. И строгая тетя-Вѣра знала, что я обожаю это кушанье и навезла его много множество.

Отецъ запрещалъ мнѣ часто ѣсть сладкое, но тетя-Вѣра — съ необыкновенно строгимъ лицомъ — всегда находила какойнибудь уголокъ, манила меня туда пальцемъ и, вынувъ изъ кармана пару конфетъ, давала мнѣ. И я съ полнымъ довѣріемъ относился къ этой высокой фигурѣ съ такимъ строгимъ и такъ рѣдко улыбающимся лицомъ. Я думаю, что у тети-Вѣры только наружность была суровая, а сердце у нея было доброе.

И все я слышалъ, сидя въ столовой, въ своей позѣ оскорбленнаго человѣка: и то, что Марика побѣжала черезъ комнаты и пригласила тетю-Вѣру въ кабинетъ, и какъ тетя-Вѣра своими неторопливыми величественными шагами прошла къ отцу, и какъ Марика, на ципочкахъ подойдя къ затворенной двери кабинета, остановилась тамъ и подслушивала.

Я все это понималъ. Я думаю, что и Дусикъ понималъ это, потому что онъ ежеминутно поднималъ голову и прислушивался.

Но вотъ Марика отскочила отъ двери и, какъ брошенный сильной рукой резиновый мячикъ, вылетѣла въ сѣнцы. Тетя Вѣра вышла изъ кабинета и ея величественные паги раздавались все ближе и ближе къ столовой.

Вотъ отворилась дверь. Я и Дусикъ одновременно подняли головы и повернулись къ ней.

— А, ты уже позавтракалъ, Вова... Добраго утра, Вова, промолвила тетя-Вѣра, подойдя ко мнѣ и цѣ-

луя меня въ голову: — хорошо, хорошо... Здравствуй, Дусикъ... Да, да, я вѣрю твоимъ чувствамъ... Сказала она затѣмъ, глядя внизъ и обращаясь къ Дусику, который привѣтствовалъ ее, прыгая и стараясь испачкать своими лапами ея платье.

— Ну, какъ ты спалъ спросила меня тетя-Вѣра,

— Я хорошо спалъ... Я всегда хорошо сплю, тетя-Вѣра!

— Такъ и слѣдуетъ... А новости нашей ты еще не знаешь?

— Нѣтъ, ничего не знаю, — отвѣтилъ я и глаза мои загорѣлись, такъ какъ было очевидно, что новость дѣйствительно есть и что я ее, наконецъ, узнаю.

— Неужели? Марика тебѣ не сказала? Это съ ея стороны подвигъ. Ей такъ трудно удерживать въ себѣ то, что она знаетъ.

— Тетя-Вѣра, а развѣ что-нибудь случилось?

— Но ничего дурного, мой другъ. Напротивъ, очень пріятное, радостное событіе: тебѣ Богъ послалъ сестренку!

— Сестренку...

Мой голосъ, мои глаза и вся моя фигура, должно быть, выражали безконечное изумленіе и это, по всей вѣроятности, было смѣшно, потому что тетя-Вѣра, строгая тетя-Вѣра, которая такъ рѣдко смѣялась, улыбнулась...

— Ну, да... Сестренку... Она такая маленькая, маленькая..

— Меньше меня?

— О, да, гораздо меньше!

— И меньше Дусика?

— И меньше Дусика. Она совсѣмъ малютка...

— А мнѣ ее покажутъ?

— Разумѣется... Только не сейчасъ. Ты долженъ имѣть терпѣніе, она, вѣдь, пріѣхала къ намъ за тысячу тысячъ верстъ, ну и, конечно, она съ дороги утомилась и ей надо дать отдохнуть.

— А какъ ее зовутъ?

— Ее еще никакъ не зовутъ... По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ея имени. Вотъ, можетъ быть, ты и назовешь ее какъ-нибудь?..

— Я назову ее Дусей...

И опять тетя-Вѣра, строгая тетя-Вѣра, улыбнулась,

— Это потому, что у тебя уже есть Дусикъ? Ну, хорошо, ты будешь называть ее Дусей, это будетъ очень нѣжно, но это не имя. Имя надо придумать ей другое. Вотъ ты посиди здѣсь еще немного и придумай... Хорошо? А когда будетъ пора, я тебя позову и покажу тебѣ сестренку.

Тетя-Вѣра опять поцѣловала меня въ голову и ве-

лично удалилась. Я сидѣла и думала, но совсѣмъ не объ имени. Да кажется, я ни о чемъ не думала. Я просто переживала что-то новое,—никогда еще неизвѣданное состояніе человѣка, у котораго есть маленькая сестра.

Сердце у меня билось сильно. При малѣйшемъ шорохѣ въ сѣнцахъ я поднимала голову и Дусикъ, разумѣется, дѣлалъ тоже самое. Я съ нетерпѣніемъ ждала, когда тетя-Вѣра позоветъ меня, чтобы показать мнѣ неизвѣстную особу, знаменитую путешественницу, совершившую такой длинный путь—тысячу тысячъ верстъ.

II.

Завѣтная мечта.

И вотъ опять въ сѣнцахъ послышались знакомые шаги Марики, но уже не такіе сдержанные и осторожные, какъ прежде. Ея босые ноги ступали твердо. Дверь отворилась и вошла Марика.

И лицо у нея теперь было совсѣмъ другое. На немъ не было видно ни какой таинственности.

— Ну, пойдете, панычекъ, васъ тетюшка кличуть,—сказала она.

Я вскочилъ съ мѣста, отодралъ отъ своей шеи

Богоматерь у яслей.

салфетку и ее постигла ужасная судьба,—она полетѣла въ уголь. Дуеикъ тоже схватился и, очевидно вообразивъ, что произошло какое-нибудь несчастье, началъ метаться и лаять. Онъ только не зналъ, что ему дѣлать и какъ смотрѣть на Марику,—какъ на друга или какъ на врага.

Марика взяла меня за руку, очевидно воображая, что я въ эту минуту способенъ выдерживать какой-нибудь порядокъ. Я, разумѣется, вырвался отъ нея и стрѣлой помчался къ двери.

— Панычекъ, панычекъ... Куда же вы?.. не шумите такъ...

Но я не слушалъ, стремительно выбѣжалъ въ сѣни, отчаянно хлопнулъ дверью и ворвался въ гостинную, но здѣсь остановился, какъ вкопанный.

Здѣсь стоялъ, по всей вѣроятности поджидая меня, отецъ. Онъ приложилъ палецъ къ своимъ губамъ, очевидно этимъ давая знать мнѣ, чтобы я молчалъ и велъ себя тихо.

— Тихо, милый, тихо,—почти шепотомъ сказалъ онъ:—надо вести себя спокойно.

Я разумѣется,—тотчасъ же сталъ вести себя тихо и спокойно. Мой отецъ былъ высокаго роста, стройный и красивый. Онъ носилъ густые и очень длинные усы, а щеки и подбородокъ брилъ. Несмотря на то, что жилъ онъ въ деревнѣ, гдѣ не было никакихъ баловъ и вечеровъ, онъ всегда очень заботился о своей наружности. Почти каждый день я, приходя утромъ въ кабинетъ желать ему добраго утра, заставлялъ его за бритьемъ: щеки были намылены и въ рукахъ онъ держалъ остро наточенную бритву. Я считалъ его самымъ красивымъ человекомъ изъ всѣхъ людей во всемъ мірѣ.

На немъ была темно-сѣрая суконная блуза. Въ ней онъ обыкновенно работалъ въ своемъ кабинетѣ, а, когда онъ выходилъ во дворъ, чтобы дѣлать распоряженія по хозяйству, то сверхъ блузы надѣвалъ мѣховую пиджакъ.

— Добраго утра,—тихо сказалъ мнѣ отецъ.

— Добраго утра, папа,—отвѣтилъ я и у меня тотчасъ же явилась мысль, отравленная сомнѣніемъ: можетъ быть меня только и позвали для того, чтобы я пожелалъ добраго утра?

Но я ошибся. Отецъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери. Я даже не зналъ, что онъ умѣетъ ходить на цыпочкахъ. Я думалъ, что это умѣетъ только Марика, да пожалуй еще тетя-Вѣра, которая всегда ходила въ домъ очень осторожно. Отецъ же ступалъ тяжело, увѣренно, повелительно. Онъ все дѣлалъ повелительно и въ моихъ глазахъ онъ представлялся въ нашемъ домѣ какимъ то повелителемъ, по волѣ ко-

торого все дѣлалось. Остальные были только исполнителями его воли.

Онъ никогда не просилъ, а просто говорилъ: сдѣлайте это, и всѣ дѣлали это,—всѣ дѣлали такъ, какъ онъ хотѣлъ.

Онъ только матери говорилъ: «прошу тебя, сдѣлай это», но и то никогда я не видѣлъ, чтобы мать сказала ему: «нѣтъ».

Онъ очень близко придвинулся къ двери, приложилъ къ ней ухо и прислушивался. За дверью была глубокая тишина. Отецъ посмотрѣлъ на меня и съ улыбкой кивнулъ головой, потомъ онъ тихонько постучался въ дверь.

За дверью слышались легкіе, осторожные шаги тети Вѣры. Она подошла къ самой двери и медленно пріотворила ее.

— Можно, можно... сказала она,—она спитъ.

Отецъ взялъ меня за плечи, пропустилъ впереди себя въ дверь и мы вошли.

Это была маленькая гостинная, которая причислялась къ спальнѣ моей матери. Мать очень любила эту комнату и проводила въ ней большую часть своего времени. Здѣсь стоялъ широкій, низкій, мягкій диванъ, обложенный вышитыми подушками, по стѣнѣ. На этомъ диванѣ мать моя любила полулежать и читать книгу.

Теперь эта комната очень измѣнилась. Диванъ отодвинули куда-то въ сторону. На окнахъ повѣсили темныя шторы и комната потеряла свой веселый видъ.

Тетушка подошла къ окну и отвернула къверху уголь шторы. Въ комнатѣ полумракъ нѣсколько прояснился. Тогда я увидѣлъ, что на мѣстѣ дивана стояла теперь маленькая кровать съ высокимъ кисейнымъ пологомъ. Тетя Вѣра взяла меня за руку, подвела къ кровати и раздвинула пологъ.

На большой длинной подушкѣ лежало что-то свернутое, завернутое, какой-то длинный предметъ, весь укутанный въ бѣлое, съ множествомъ кружевъ. Я искалъ глазами, на чемъ бы мнѣ остановиться, гдѣ собственно находится то существо, которое называли моей сестренкой и, наконецъ, я увидѣлъ маленькое лицо, самое маленькое, какое я когда-либо встрѣчалъ въ жизни, совершенно красное, круглое, съ закрытыми глазами. Я впился своими глазами въ это лицо. Существо находилось въ глубокомъ снѣ, лицо было совершенно неподвижно.

Я смотрѣлъ на него минуты двѣ и увидѣлъ, что маленькіе губы сдѣлали какое-то движеніе, но потомъ опять все замерло на этомъ лицѣ.

— Вотъ это и есть твоя сестренка,—сказала мнѣ тетя Вѣра,—вѣдь правда, красавица? Не правда-ли, ты это находишь?

Я молчалъ. Не знаю почему, но у меня захватило духъ. Я не могъ ничего отвѣтить на вопросъ тети Вѣры.

— Какъ находишь, Вѣра, она здорова?—спросилъ отецъ.

— О, вполне, отвѣтила тета Вѣра,—она здорова-вечка!

— Ну, поцѣлуй ее,—сказалъ мнѣ отецъ,—только осторожно.

Я нагнулся и поцѣловалъ. Но долженъ сказать по чистой совѣсти, что при этомъ у меня не было никакого нѣжнаго чувства; я думалъ только о томъ, чтобы сдѣлать это какъ можно осторожнѣй: мнѣ казалось, что при малѣйшей неосторожности, маленькое существо, которое называли моей сестренкой, разобьется и рассыплется.

Я ощутилъ только теплую, пухлую щеку и больше ничего, но я покрайней мѣрѣ убѣдился въ томъ, что это живое существо.

— Теперь иди съ Богомъ, сказалъ мнѣ отецъ.

— А мама?—спросилъ я.

— Она еще спитъ. Ты пооди, побѣгай, потомъ увидишь и маму!—отвѣтила тета Вѣра.—Опъ хочетъ назвать ее Дусей, сказала она, обратившись къ отцу.

Отецъ улыбнулся.—Это было бы хорошее имя, но жаль, что такого нѣтъ... Ну, мы придумаемъ что-нибудь такое, чтобы ее можно было называть Дусей. Иди, иди, милый,—прибавилъ онъ, взявъ меня онятъ за плечи и осторожно, нѣжно вывелъ въ дверь.

Тамъ уже была Марика, онъ сдалъ меня ей и сказалъ:—пусть онъ побѣгаетъ во дворѣ!—и самъ вернулся обратно въ комнату и притворилъ за собою дверь.

Я чувствовалъ, что не получилъ никакого удовольвенія. Я ожидалъ чего-то необыкновеннаго и встрѣтилъ что-то неопредѣленное. И я былъ почти золъ.

Въ сѣнцахъ ожидалъ меня, вертя хвостомъ и слегка подвывая, Дусикъ. Онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что его не впустили въ комнату и, очевидно, жаловался мнѣ на это.

Урокъ танцевъ.—Карт. Т. Увкиса.

— Теперь надо одѣться, панычекъ,—сказала мнѣ Марика,—погуляете?

— Мнѣ все равно,—равнодушно отвѣтилъ я, потому что былъ обиженъ.

Марика повела меня въ мою комнату и начала готовить меня къ выходу во дворъ. Это было очень сложное занятіе, которое длилось не меньше четверти часа. Особенно много времени отнимало надѣваніе гамашъ. Но, въ концѣ концовъ, я былъ одѣтъ, и вотъ я во дворѣ.

Морозъ, хотя и небольшой, тишина, яркое солнце...

Дусикъ тотчасъ же закувыркался въ снѣгу, какъ бы приглашая и меня заняться тѣмъ-же. И мнѣ очень хотѣлось разогнаться, шлепнуться со всего размаха въ снѣжный бугоръ и выкататься въ немъ, чтобы быть такимъ же бѣлымъ, какъ и самый бугоръ. Но я былъ благовоспитанный мальчикъ. Я позволялъ себѣ только бѣгать по снѣгу да и это доставалось мнѣ съ большимъ трудомъ, потому что мнѣ мѣшали высокіе галоши.

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Богоматерь у яслей.

Изъ Альфонса Додэ.

Младенецъ Христосъ возлежалъ въ пеленахъ.

Баюкая, словно на теплыхъ волнахъ,

Пречистая Дѣва качала Его

И славилъ вѣчной любви торжество.

Младенецъ, какъ птенчикъ въ гнѣздѣ, щебеталъ,

Младенецъ не спалъ.

Онъ въ ясляхъ смѣется, восторгомъ объять...

Святые наѣвы такъ сладко звучать,—

Младенецъ имъ вторить, какъ въ церкви

левить,

Бьетъ ручками въ ладъ и на Дѣву глядитъ.

Она же въ свѣтильникѣ гасить огни:

— „Малютка, засни!

„Въ пещерѣ такъ мрачно, въ пещерѣ темно,

„Полуночный сумракъ сгустился давно

„И вихрь завываетъ въ степи, какъ шакаль:

„Мой мальчикъ прекрасный, засни, ты

усталь!“—

Такъ Сыну Пречистая Дѣва твердитъ,

Но мальчикъ не спитъ.

„Прелестные глазки, мой ангелъ, закрой:

„Ты звѣзды затмиль ихъ небесной игрой!

„Закрой свои глазки,—и чудные сны

„Къ Тебѣ прилетятъ изъ волшебной страны!“

Но тихая пѣсня напрасно звучитъ:

Малютка не спитъ.

И Дѣва Святая, чело преклоня,

Сказала Ему: „Пожалѣй же Меня,

„Я плачу слезами скорбящей души,—

„Мой ангелъ прелестный, заснуть поспѣши!“

И тотчасъ Младенецъ къ Пречистой прильнулъ,

Младенецъ заснулъ.

К. Льдовъ.

Душа дерева.

(разсказъ).

Мнѣ было девять лѣтъ. Я была маленькой-маленькой дѣвочкой, съ блѣднымъ лицомъ, съ большими темными глазами и черными локонами по плечамъ.

Я не любила проводить время съ старшими. У нихъ всегда какія-то дѣла, о которыхъ нельзя знать дѣтскимъ и, хотя мнѣ всегда хотѣлось узнать, въ чемъ ихъ дѣла, но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ я бросила объ этомъ думать и, вообще, не хотѣла разговаривать съ взрослыми: они всегда смотрятъ

на дѣтей какъ-то свысока и всегда говорятъ имъ: «не твое дѣло, ты еще мала, ты этого не поймешь...»

Днемъ всегда бывало жарко и душно и какъ-то не думалось. По вечерамъ же я садилась въ своей маленькой комнаткѣ передъ открытымъ окномъ и смотрѣла на большое дерево, которое росло какъ разъ противъ окна. Я много думала объ этомъ деревѣ. Оно казалось мнѣ чѣмъ-то таинственнымъ и загадочнымъ.

Потомъ я закрывала окно и ложилась спать. Иногда ночью я просыпалась, вдругъ вспоминала о деревѣ, векакивала съ кровати и бѣжала къ окну. Ночью было совсѣмъ темно, длинныя вѣтви моего дерева казались страшными, я пугалась, вскрикивала и, вся дрожа и оглядываясь, бѣжала къ кровати, заби-

ралась съ головой подъ одѣяло и прислушивалась къ малѣйшему шороху.

Утромъ, когда я просыпалась, въ комнатѣ уже бывало совсѣмъ свѣтло. Я вставала, подходила къ окну, и дерево теперь казалось мнѣ радостнымъ и привѣтливымъ и я упрекала себя за то, что такъ боялась его ночью.

Я часто подходила близко къ дереву и прислушивалась, — я читала, что деревья умѣютъ говорить, — но днемъ я ничего не слышала, а вечеромъ подходить къ этому огромному темному дереву мнѣ было страшно.

Однажды я сидѣла вечеромъ передъ открытымъ окномъ и смотрѣла на дерево. И вдругъ, сама не знаю почему, мнѣ стало жаль его, какъ будто моему дереву грозило несчастье. Я не могла удержаться отъ слезъ, (а плакать я считала для себя позоромъ).

Подъ утро я заснула, но не на долго. Я почему-то безпокоилась. Это было предчувствіе.

Въ тотъ же день. Я узнала отъ сестеръ, что мое дерево зачѣмъ-то хотятъ срубить. Я съ плачемъ понеслась въ столовую, гдѣ сидѣли мои родители. Я стала умолять всѣхъ оставить мнѣ мое дерево. Сначала мнѣ отвѣчали, что дерево необходимо срубить, что я чего-то не понимаю, что это уже рѣшено и что иначе никакъ нельзя.

— Но въ этомъ деревѣ все мое счастье, — воскликнула я: — имъ однимъ я живу...

— Ну, хорошо, хорошо... Его не тронуть, мы тебѣ это обѣщаемъ, только не плачь пожалуйста... — отвѣтили мнѣ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми, когда хотятъ, чтобы они не приставали съ глупостями...

Я повѣрила словамъ, но въ душѣ у меня было сомнѣніе, которое тревожило и мучило меня. Весь этотъ день я ничего не могла ѣсть. Напрасно усажи-

вали меня за столъ, приносили кушанье въ мою комнату, уговаривали, приказывали, — я ни за что не соглашалась и отказывалась. Наконецъ, рѣшили, что это — пустой капризъ и оставили меня въ покоѣ.

Уже вечерѣло. Я совсѣмъ отоцала, у меня кружилась голова. Я подошла къ окну и отворила его, чтобы освѣжить свою голову. Въ глазахъ у меня стоялъ туманъ, все застилавшій отъ меня. Только мое дерево я видѣла ясно.

И я вдругъ почувствовала, что въ немъ есть какая-то тайна, которой я не знаю.

Я сѣла къ окну. Дерево стояло передо мной и манило меня къ себѣ. Я, незамѣтно для самой себя,

Въ ожиданіи возвращенія отца. — Карт. П. Лооля.

спустилась черезъ окно въ садъ. Я хотѣла скорѣе подойти къ самому дереву, но мои ноги заплетались. Съ трудомъ я добрела до него.

Я приникла къ нему и старалась обнять его, но мои маленькія руки не доходили и до половины ствола. Я закрыла глаза и стала прислушиваться: и въ самомъ дѣлѣ, дерево что-то шептало. Мнѣ совсѣмъ не было страшно.

Я все ближе и ближе прижималась къ нему, какъ будто хотѣла проникнуть въ его глубину. Я шептала ему:

— „Ты—мой другъ... Тебя хотятъ срубить... Я тебя предупреждаю... Защищайся...“

Вдругъ въ деревѣ словно что-то задвигалось, кора на немъ треснула и вотъ оно заколыхалось и отбросило меня въ сторону.

Я въ испугѣ побѣжала къ окну. Я увидѣла слабый зеленоватый свѣтъ, проникавшій сквозь кору дерева. Свѣтъ все усиливался и вдругъ ярко освѣтилось дупло и изъ него вышла Дріада. Она была завернута во что-то тонкое, зеленое, прозрачное, какъ дымъ. Ея длинные, огненные волосы касались земли. Улыбаясь, она подошла ко мнѣ, сѣла рядомъ со мной, положила руки мнѣ на плечи и мнѣ показалось, что она обожгла меня своимъ прикосновеніемъ. На минуту я потеряла сознание.

Когда я очнулась, я боялась открыть глаза. Мнѣ было страшно подумать, что все это былъ сонъ, что, когда я открою глаза, не будетъ ни зеленого свѣта, ни Дріады.

Но я чувствовала вокругъ себя яркій свѣтъ и я открыла глаза.

Дріада была около меня, мы сидѣли съ ней рядомъ на окнѣ.

Сначала мы молчали и я вглядывалась въ ея лицо. Оно не было такимъ, какъ описываютъ лица Дріадъ въ сказкахъ; я не могла ясно разглядѣть его черты. Два яркихъ, зеленыхъ глаза почти касались моего лица и ослѣпляли меня. Странное чувство охватило меня: мнѣ захотѣлось никогда не разлучаться съ моей гостьей.

Она услышала мою мысль и сказала.

— „Такъ пойдемъ же со мной въ дупло: ты тоже станешь Дріадой и мы будемъ неразлучны... Ты сама называла меня своимъ другомъ... Я знаю, ты любишь меня и я буду любить тебя... Пойдемъ, пойдемъ...“

Она соскользнула съ окна и направилась къ дереву. Я крѣпко схватила ея руку и вмѣстѣ съ ней скользила по травѣ.

Мы стояли у самага дерева. Оно больше не казалось мнѣ живымъ. Жизнь его была Дріада и я дер-

жала ея тонкую руку съ длинными пальцами, — эта рука жгла меня.

Но вдругъ ея рука выскользнула изъ моей и Дріада, въ одно мгновеніе, очутилась въ самомъ дуплѣ. Я стремительно бросилась за ней, но она исчезала и я видѣла только зеленый свѣтъ и слышала ея какъ бы отдаленный голосъ:

— „За мной, за мной...“

Она совсѣмъ исчезла. Я старалась проникнуть въ дерево, обдирала кору, но ничто не помогало. Дріада исчезла, а я не могла проникнуть вслѣдъ за нею въ дерево. Я стучалась въ дерево, я прижималась къ нему...

— „Возьми меня, возьми...“

Наконецъ, я въ изнеможеніи упала на траву. Было совсѣмъ темно. Я быстро вскочила и, замирая отъ страха, побѣжала къ окну, съ трудомъ взобралась на него и, наконецъ, очутилась въ комнатѣ.

Я захлопнула окно, наскоро раздѣлась и легла. Чувство восторга охватило меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ меня мучила досада: „отчего я не Дріада?—думала я, — отчего она могла, а я не могла?..“

Я не умѣла разрѣшить эти вопросы: — „а, можетъ быть, завтра она опять явится?—думала я и заснула.

Рано утромъ меня разбудили странный шумъ, трескъ и голоса, слышавшіеся изъ сада. Я хотѣла встать и посмотрѣть, въ чемъ дѣло, но въ кровати было такъ тепло, а солнце еще не свѣтило, и въ саду, должно быть, было холодно.

Я долго валялась въ постели, потомъ, наконецъ, встала, одѣлась и хотѣла идти прямо въ столовую, но, проходя мимо окна, я невольно остановилась.

Какой ужасъ! мое дерево было срублено. Вокругъ пня валялись въ беспорядкѣ щепки... Такъ вотъ что разбудило меня сегодня утромъ! Я чувствовала, что для меня нѣтъ больше счастья, что всѣ мои радости кончились вмѣстѣ съ жизнью этого таинственнаго дерева.

И мнѣ показалось, что передо мной въ воздухѣ промелькнуло что-то зеленое, прозрачное, огненное и какъ будто раздался слабый, едва слышный голосъ:

— „Мнѣ больно... Мнѣ больно...“

Н. П.

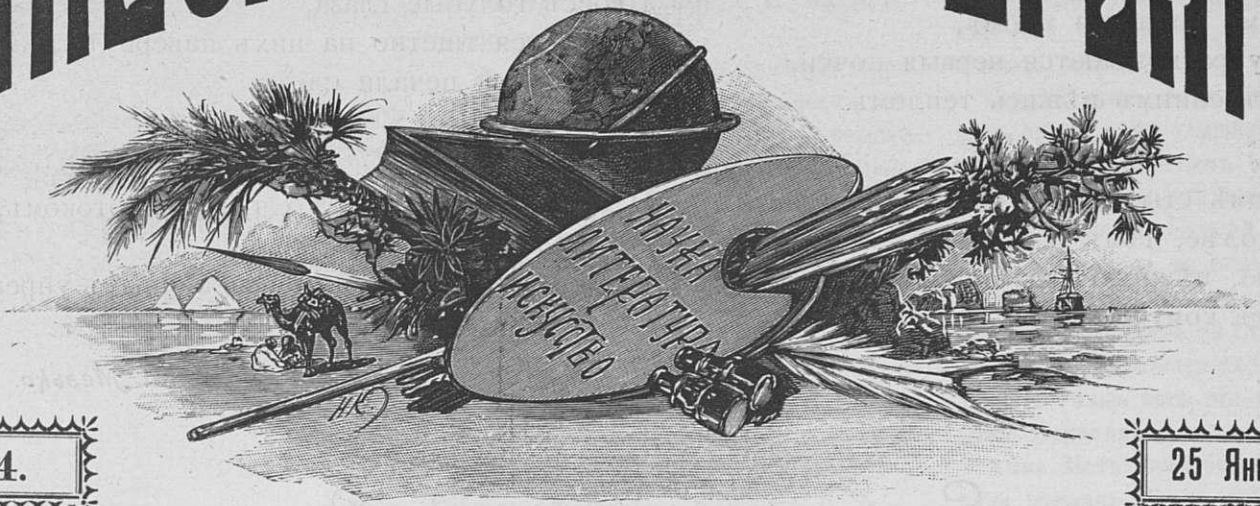
СОДЕРЖАНІЕ:

Малюткамъ. Стих. К. Льдовъ.—Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодина.—Богоматерь у яслей. Стих. К. Льдовъ.— Душа дерева. Н. П.

Редакторъ *А. П. Хесторъ*.

Предс. Администраціи *Д. Х. Бородинъ*.

ЖИВОПИСНОЕ ВЪЗРЪНІЕ

№ 4.

25 Января.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

1904 годъ.

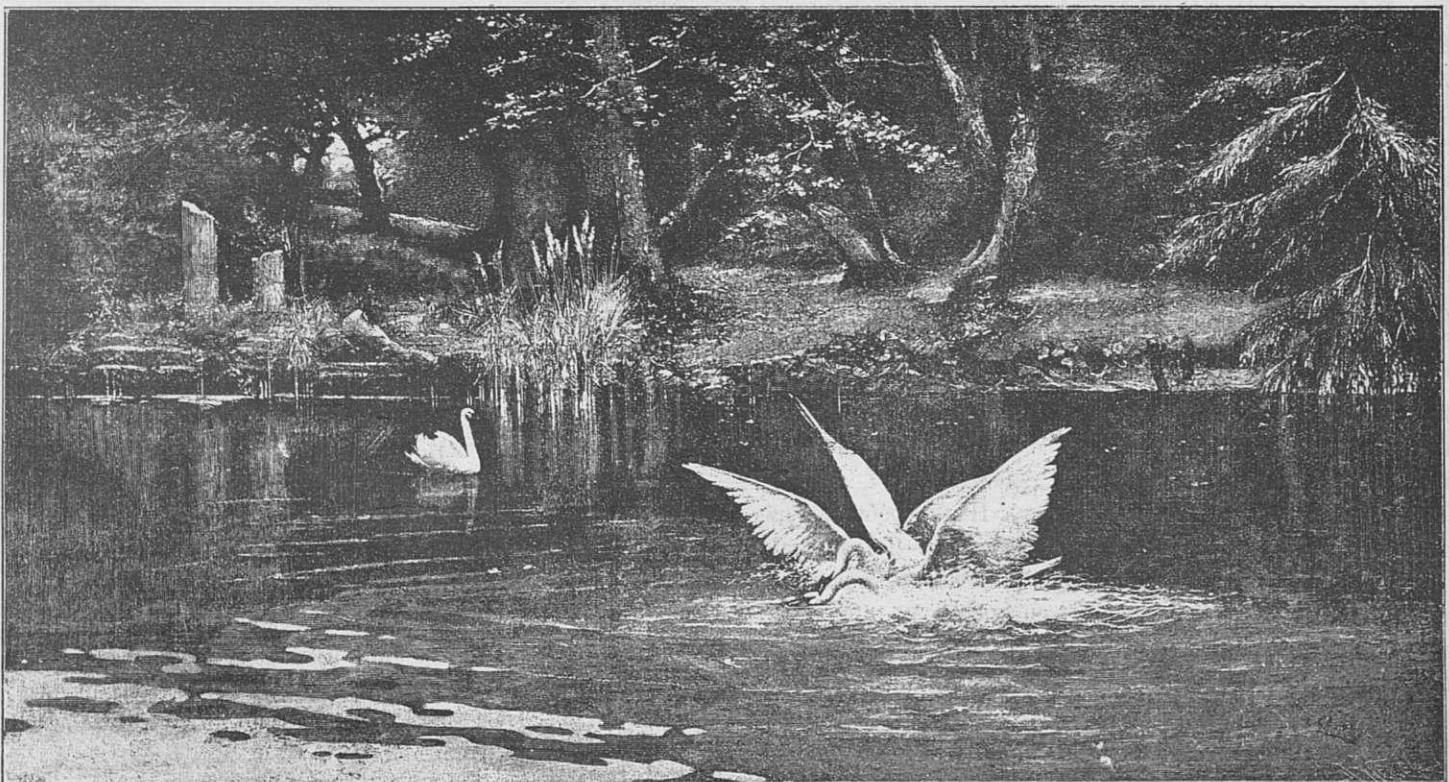
Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапехко.*

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается р зсрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка непареля — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редація Журнала: С.-Петербургъ Невскій, 90. Отдѣленіе. Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Можаровскаго. Редація: Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

Бой лебедей.—Карт. С. Беккера.

Какая картина! Росистыя кочки
Зеленымъ опушены мхомъ,
Въ саду раскрываются первыя почки,
Подъ утреннимъ нѣжась тепломъ.

* *
*

Въ истомѣ стыдливо скрываемой страсти
Чѣмъ долѣе, тѣмъ горячѣй
Весенюю, нѣжную сказку о счастья
Лепечеть кому-то ручей.

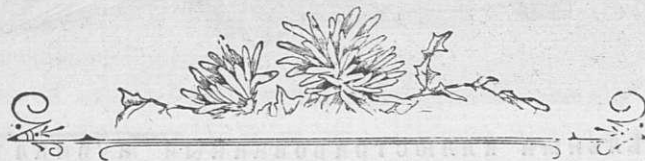
* *
*

Все это подмѣтивъ, украдкой смѣются
Небесъ голубые глаза,
И силится тщетно на нихъ навернуться
Притворной печали слеза.

* *
*

И сердце, чуть тронуту чувства потокомъ,
Готово повѣрить всему,
Какъ будто сомнѣнья съ ихъ вѣчнымъ упрекомъ
Совсѣмъ незнакомы ему?!

Николай Мезько.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ.

III

(Продолженіе).

Одежда на ней была видимо не на нее шитая и уже замѣтно устарѣваго фасона. Видно было, что это платье, прежде чѣмъ подарить ей для ношенія, долго держали въ шкафу, пока не убѣдились, что носить его уже нѣтъ возможности по совершенно измѣнившимся требованіямъ моды.

Слишкомъ много подборовъ, слишкомъ сложная отдѣлка, слишкомъ громкій шелестъ.

У Подгорцевыхъ она никогда не бывала и здѣсь знали, что она вообще являлась посломъ отъ Буракиной только въ экстренныхъ и притомъ только ея личныхъ дѣлъ касающихся случаяхъ.

Прежній бухгалтеръ Буракиной, Николай Васильевичъ Подгорцевъ, занимался только фабрично-коммерческими дѣлами своей хозяйки и никогда не касался ея личныхъ дѣлъ. Поэтому и Олимпіадѣ Фаддеевнѣ не было надобности появляться въ его домѣ.

И такъ какъ Олимпіада Фаддеевна, входя въ какой либо домъ по посылу Буракиной, являлась носителемъ ея достоинства, то считала необходимымъ высоко держать голову и вообще вести

себя такъ, чтобы какъ-нибудь не уронить это довѣренное ей достоинство.

Но тѣ же Подгорцевы, когда въ торжественныхъ случаяхъ—въ дни рожденія Буракиной или въ какой-нибудь праздникъ,—бывали въ домѣ Буракиной, видѣли Олимпіаду Фаддеевну въ совершенно другой роли. Тогда, при непосредственномъ исполненіи приказаній Буракиной, она вдругъ становилось и меньше ростомъ и уже въ костяхъ и легче и скромнѣе. Она ходила на ципочкахъ, ея шагъ почти не было слышно. Какъ пухъ, носимый легкимъ вѣтромъ, передвигалась она съ одного конца большого многокомнатнаго дома въ другой. Голосъ ея звучалъ тихо, а глаза выражали одну покорность.

Если бы Сергѣй могъ теперь наблюдать, то замѣтилъ бы, что и у матери его и у сестры лица вдругъ замѣтно оживились. Появленіе Олимпіады Фаддеевны въ качествѣ посланницы Буракиной, очевидно, пробудило въ нихъ надежды.

Надя сообщила ему радостнымъ голосомъ:—Ты знаешь, Сергѣй, Варвара Семеновна хочетъ принять въ насъ участіе.

Сергѣй изъ подлобья, мелькомъ взглянулъ на нее, потомъ перенесъ пытливымъ взглядомъ на гостью и сказалъ сумрачно, сквозь зубы:

— Я слышалъ объ этомъ...

— И хочетъ, и приметъ, значительнымъ голосомъ сказала Олимпіада Фад-

деевна, подавая ему руку:—мое вамъ почтеніе, Сергѣй Николаевичъ. Варвара Семеновна приказали вамъ кланяться. И ежели самолично пожалуете къ ней, такъ непременно выручить. Очень кланяются вамъ, Варвара Семеновна.

— Благодарю... Тронуть столь незаслуженной любезностью, по прежнему сумрачно и сквозь зубы отвѣтилъ Сергѣй.

— Садитесь же, Олимпіада Фаддеевна, стараясь быть наивозможно любезнѣе, пригласила Анна Матвѣевна:—садитесь вотъ здѣсь, на диванѣ...

Олимпіада Фаддеевна бережно поправила на себѣ платье и сѣла на диванѣ...

— Отчего же незаслуженной? Нѣтъ, заслуженной и даже вполне...—Говорила она, обращаясь непосредственно къ Сергѣю:—вашъ папаша у Варвары Семеновны двѣнадцать лѣтъ служилъ: ну, вотъ, значить, и заслужилъ.

— Мой отецъ за службу свою получалъ жалованье, а послѣ его болѣзни намъ выдали пособіе! Ни на іоту не мѣняя своего тона и глядя на нее безъ всякаго опредѣленнаго выраженія, отвѣтилъ Сергѣй:—мы не имѣемъ права рассчитывать на большее.

— И—и, пособіе! Полноте, что вы говорите? Да, вѣдь, доброта Варвары Семеновны прямо, можно сказать, безъ границъ...

— Надо поставить ей границы. И такъ, передайте Варварѣ Семеновнѣ, что мы довольны ея благодѣянiami и

отъ дальнѣйшихъ отказываемся!—сказала Сергѣй.

Анна Матвѣевна и Надя съ изумленіемъ, даже съ испугомъ взглянули на него.

— Сергѣй, какъ это можно? — воскликнула Анна Матвѣевна — что ты такое говоришь?

— Это просто безуміе какое то — злобно сверкнувъ на него глазами, промолвила Надя: — ты даже не имѣешь права отказываться за насъ.

Сергѣй посмотрѣлъ на нее долгимъ и много говорящимъ взглядомъ: — Надя, замолчи, — сказалъ онъ, не повышая голоса, — ты ничего не понимаешь...

Надя вспыхнула: — Да что это мнѣ всѣ говорятъ, что я ничего не понимаю, точно я младенецъ какой-нибудь! — произнесла она тономъ оскорбленнаго, капризнаго ребенка.

— Да это же такъ и есть, — замѣтилъ ей Рысинъ, стоявшій неподалеку отъ нея, у самаго окна: — вы и есть младенецъ, только сердитый.

— Отстаньте, — капризно вздернувъ плечами, бросила ему Надя.

— Вотъ ужъ этого я, извините меня, не понимаю! — сказала Олимпиада Фаддеевна, опять-таки обращаясь единственно къ Сергѣю. — Какъ же это можно отказываться отъ доброты человѣческой?

— Отъ доброты? И вы говорите это съ твердой увѣренностью?

И онъ теперь въ первый разъ послѣ ея прихода прямо посмотрѣлъ ей въ глаза. Можетъ быть, онъ ожидалъ, что Олимпиада Фаддеевна смутится, но этого не случилось.

— Отъ доброты, — тономъ глубокой убѣжденности подтвердила она. — Отъ чего же другого? До Варвары Семеновны дошло, что у васъ такое затрудненіе сдѣлалось, ну, и она по добротѣ своей души пожелала пособіе оказать. Не вижу, прямо не вижу, что тутъ есть обиднаго!

— Хорошо съ, — сказалъ Сергѣй, — значитъ Варварѣ Семеновнѣ извѣстно, что сегодня послѣдній срокъ уплаты по векселю и что, если не заплатимъ, то придетъ судебный приставъ и опишетъ, и что насъ гонять съ квартиры...

— Извѣстно. Стало быть, извѣстно, коли меня прислала. Иди, говоритъ, и скажи...

Сергѣй перебилъ ее: — Почему же она, въ виду такой крайности, не прислала

деньги или не дала записку въ контору? Повидаться можно успѣть и послѣ...

— А ужъ этого я не знаю. Свои поступки она мнѣ не объясняетъ, а только приказываетъ, а я должна исполнять. Должно быть, боялась, чтобы я не потеряла деньги-то... Я, вѣдь, растеряха...

— А почему-же, — съ замѣтно возрастающимъ внутреннимъ волненіемъ продолжалъ Сергѣй, — почему она пожелала, чтобы именно я пришелъ за деньгами, а не моя мать?

— А это очень просто, — объяснила Надя: — потому, что ты мужчина... А о дѣлахъ обыкновенно говорятъ съ мужчинами.

— Батюшки, какое глубокое знаніе жизни! — комически воскликнулъ Рысинъ по адресу Нади, но та сверкнула на него своими глазами и капризно отвернулась отъ него.

Олимпиада Фаддеевна видимо извлекла пользу изъ замѣчанія Нади. Она ухватила за него. — Вотъ, вотъ, потому — мужчина. Какой же разговоръ можетъ быть съ женскимъ поломъ объ дѣлахъ? Женщина, извѣстно, все перепутаетъ... Ахъ, ты, Боже мой! — прибавила она, неодобрительно качая головой, — какой несговорчивый молодой человѣкъ... Ахъ, молодой человѣкъ, — сказала она, какимъ-то многозначительнымъ вызывающимъ взглядомъ посмотрѣвъ Сергѣю въ лицо: — не будьте столь глупы, чтобы отъ счастья своего отказываться.

— Очень хорошо — сказалъ Сергѣй и затѣмъ вдругъ поднялъ тонъ и голосъ его началъ звучать какъ-то слишкомъ громко для этой комнаты: — послушайте, вы вотъ что отвѣтите госпожѣ Буракиной: что мы, то-есть я и моя семья, предпочитаемъ съ голоду помереть, нежели взять отъ нея помощь.

Анна Матвѣевна даже поднялась съ мѣста и съ недоумѣніемъ смотрѣла то на Сергѣя, то на Рысина: — Сережа, Сережа... Да ты съ ума сошелъ... Можно ли такъ говорить?..

— А по моему, это просто гадость, какимъ-то истерическимъ и потому некрасивымъ голосомъ воскликнула Надя: — ты не смѣешь, ты не имѣешь права...

Рысинъ подошелъ къ ней и съ мягкой усмѣшкой влюбленнаго заглянулъ ей въ лицо. — Милая Наденька, вы ничего изъ происходящаго вокругъ васъ не понимаете, — сказалъ онъ ей почти

любовно: — вѣдь, въ вашей головкѣ все превратно...

Надя рѣшительно вскипѣла и окатила его нешуточно враждебнымъ взглядомъ. — Если вы еще разъ скажете мнѣ это, я стану ненавидѣть васъ. А ты, Сергѣй поступаешь, какъ задорный мальчишка! — вся дрожая отъ негодованія, промолвила она.

Сергѣй даже не взглянулъ на нее, какъ будто и не слышалъ. Анна Матвѣевна съ волненіемъ обратилась къ нему: — Но ты прими же во вниманіе наше положеніе, Сергѣй.

— Я принялъ во вниманіе все и даже то, чего вы не знаете, мама — невозмутимо отвѣтилъ ей Сергѣй и затѣмъ сейчасъ-же обратился къ Олимпиадѣ Фаддеевнѣ: — такъ вотъ это и скажите госпожѣ Буракиной.

Анна Матвѣевна безпомощно всплеснула руками: — Боже мой, Боже мой... На что-жъ теперь надѣяться?

Вошла изъ передней Таня и всѣ обратили на нее взоры. А у Тани былъ видъ странный, какъ будто то, что она хотѣла сообщить, нѣсколько удивляло ее.

— Что тамъ? — спросила ее Анна Матвѣевна.

— Алексѣй Ивановичъ... Господинъ Жигулевъ прѣхали, сообщила Таня.

— Ахъ, проси, проси его, — видимо обрадовавшись, — промолвила Анна Матвѣевна.

Но когда она перевела взглядъ на гостью, то увидѣла, что та вдругъ смутилась и растерялась и торопливо поднялась съ мѣста.

— Охъ, ужъ нѣтъ, не хочу, чтобы онъ меня видѣлъ, я убѣгу сейчасъ... Не надо, чтобы онъ видѣлъ меня — многозначительно прибавила она... — Такъ и знайте, что я и не была тутъ. Ужъ вы меня проводите другимъ ходомъ.

Затѣмъ она конфиденціально взглянула къ Сергѣю и сказала ему нѣсколько пониженнымъ голосомъ: — а вы подумайте, молодой человѣкъ, крѣпко подумайте. Какъ я желаю вамъ добра, то ужъ такъ и передамъ: остался, молъ, въ раздумьи... Ну, прощайте, прощайте! — торопливо прибавила она. — Такъ я ужъ, черезъ эту комнату... Не провожайте меня, а принимайте гостя...

И она, пройдя мимо Нади, по прежнему стоявшей въ дверяхъ, торопливо ушла.

Сергѣй съ волненіемъ ходилъ по комнатѣ, а Анна Матвѣевна смотрѣла на

него глубоко недоумѣвающими глазами. — Жигулеву не надо говорить ни слова о предложении Буракиной — сказала Сергѣй.

— Вотъ глупости! — воскликнула Надя, — а я вотъ возьму и скажу; на зло тебѣ скажу.

Сергѣй остановился передъ нею и посмотрѣлъ на нее строго и повелительно: — я говорю: не надо! И ты не скажешь. Не должна. Слышишь, не должна.

— Да что-жъ это такое? — съ глазами, полными слезъ, промолвила Надя: — это насиліе, это хуже тюрьмы...

Рысинъ взглянулъ на часы. — Эхъ, какая досада, что пора уходить, — промолвилъ онъ, — очень ужъ занятно посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Впрочемъ, я сегодня забѣгу еще. — Онъ подошелъ близко къ Надѣ и сказалъ ей тихо: — да не плачьте вы, Надечка, стыдно!

И затѣмъ, ни съ кѣмъ не противившись, онъ пошелъ въ переднюю. Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ новымъ гостемъ. Это былъ Жигулевъ.

Алексѣй Ивановичъ Жигулевъ представлялъ собой необыкновенно видную и замѣтную фигуру. Высокій, высоко держащій голову и какую голову: красивую, гордую, съ отлично сохранившимися густыми кудрями, только чутьчуть отливавшими серебромъ на вискахъ.

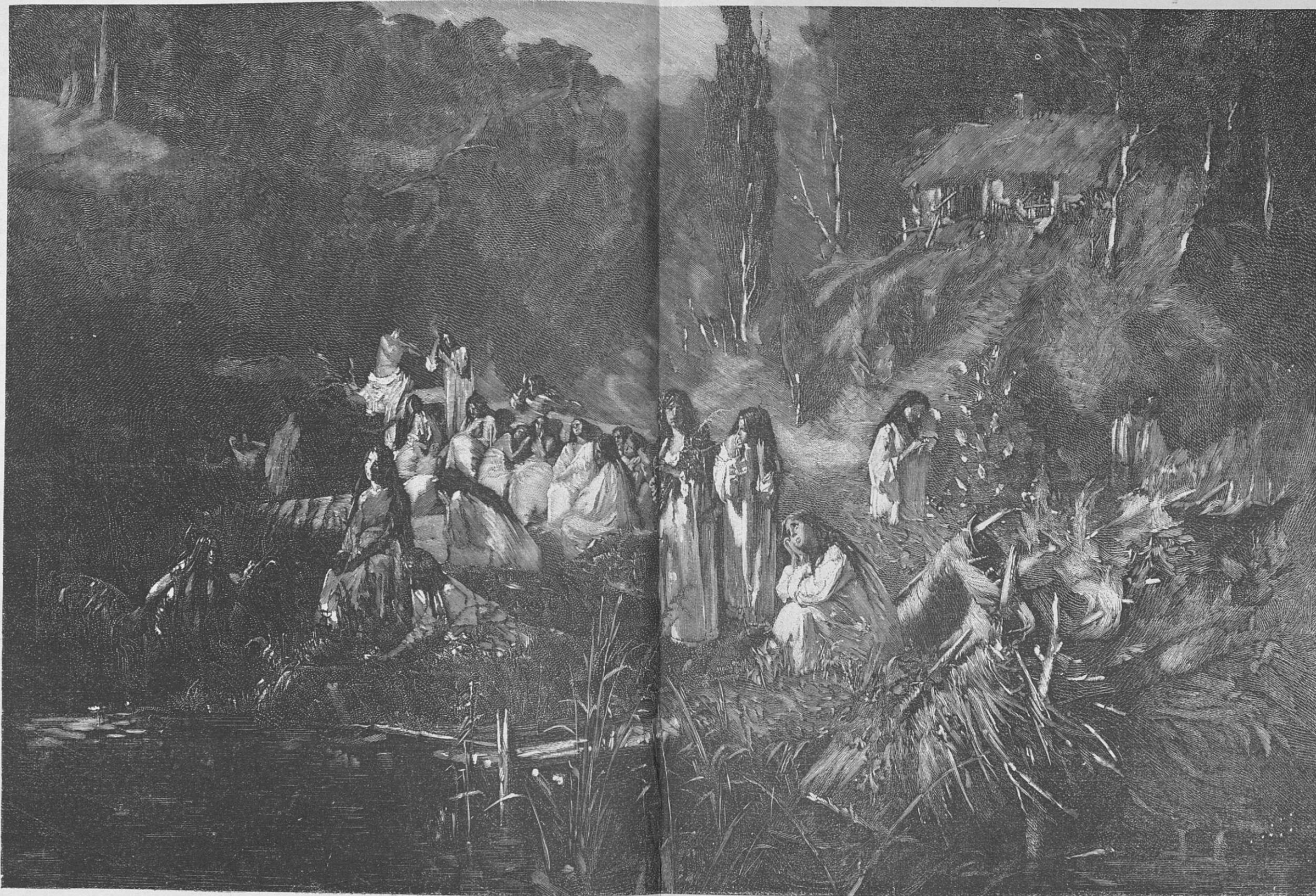
Крупная и рѣзкія черты его лица смягчались великолѣпной длинной шелковистой, бородой, тщательно расчесанной и закрывавшей всю его грудь. Другой такой бороды, можетъ быть не было во всей столицѣ. Довольно часто встрѣчавшіеся сѣдые волосы не только не портили ее, а даже украшали.

Глаза у него были небольшіе, красиво окаймленные длинными рѣсницами, но не особенно подвижные. Особеннаго ума въ нихъ не свѣтилось. И лобъ у него былъ небольшой, но выдающійся, крутой.

Одѣтъ онъ былъ изыскано, щепетливо, какъ челоуѣкъ, придающій значеніе всякой мелочи въ своей одеждѣ, старающійся, чтобы все было подобрано одно къ другому — и фасонъ сюртука, и

цвѣтъ галстука, и форма булавки, и цвѣтъ драгоценнаго камня въ этой булавкѣ. Пальцы его рукъ были навьючены перстнями съ крупными брилліан-

— Здравствуйте, — сказалъ онъ нѣсколько протяжнымъ басистымъ голосомъ и протянулъ руку Аннѣ Матвѣевнѣ. Сергѣю-же и Надѣ только кивнулъ

Русалки. — Картина И. Я. Крамского. — Трав. И. Павловъ.

тами и изумрудами. На жилетѣ висѣла массивная золотая цѣпь отъ часовъ. При его появленіи комната наполнилась запахомъ какихъ-то сильныхъ духовъ.

— А что, пристава еше не приходилъ? вы писали мнѣ, что сегодня зысканіе — прибавилъ онъ.

— Вотъ съ минуты на минуту ждемъ — отвѣтила Анна Матвѣевна. — Садитесь,

пожалуйста... Алексѣй Ивановичъ, — просящимъ голосомъ прибавила Анна Матвѣевна. — неужто нельзя помочь?

Жигулевъ сѣлъ на то самое мѣсто,

— Помочь — это значитъ надо дать денегъ, а у меня ихъ сейчасъ нѣтъ. А кромѣ денегъ тутъ, вѣдь, ничего и не нужно.

дѣвѣнадцать лѣтъ служилъ, надрывался, всего себя отдавалъ дѣлу, можетъ отъ этого и надорвался!..

— Позвольте, — мягко остановилъ ее Жигулевъ: — когда заблѣлъ вашъ мужъ, вамъ цѣлый годъ выдавалось жалованье его.

— Которое все пошло на уплату долговъ, — сказала Анна Матвѣевна.

— Что дѣлать... Если были долги, то ихъ надо было платить... — прежнимъ тономъ сказалъ Жигулевъ: — потомъ, по распоряженію Варвары Семеновны и по моей особой просьбѣ, вамъ выдали единовременное пособіе — три тысячи рублей. Это деньги, Анна Матвѣевна.

— Ну, да, — уже съ явнымъ раздраженіемъ сказала Анна Матвѣевна: — и эти деньги тоже съѣли векселя.

— Да позвольте, кто же въ этомъ виноватъ? — картинно перекинувъ ногу на ногу, говорилъ Жигулевъ: — вѣдь, не Варвара Семеновна и не я. Вольно же было Николаю Васильевичу раздавать векселя направо и налево, да еще заставлять васъ ставить бланки, что, по моему, ужъ было даже жестоко. Не будь этихъ бланковъ, теперь, можетъ быть, легче было бы отвертѣться... Да и что тутъ такого, если опишутъ? Ну, опишутъ, пусть даже продадутъ... Все равно вамъ надо перемѣнить и квартиру и обстановку, надо по одеждѣ протягивать ножки, Анна Матвѣевна... Вотъ, когда Сергѣй Николаевичъ, — иронически прибавилъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Сергѣя, — столь богатый проектами и планами, будетъ зарабатывать много денегъ, тогда вы, разумѣется, опять поднимитесь и снова сможете переѣхать въ квартиру о семи комнатахъ. А теперь, пока этого не случилось, я вамъ сдѣлаю одно предложеніе единственно, потому что мнѣ жаль васъ и хочется помочь вамъ. Это относится къ Надеждѣ Николаевнѣ. Ахъ, да она, кажется плачетъ? — промолвилъ онъ, взглянувъ на Надю и замѣтивъ, что глаза ея полны слезъ.

Надя до сихъ поръ еще не плакала, крѣпилась, но теперь слезы дѣйстви-

которое за минуту передъ этимъ занимала Олимпиада Фаддеевна, вынулъ изъ кармана золотой портсигаръ, медленно закурилъ папиросу и затѣмъ уже сказалъ.

Повидимому, и Анну Матвѣевну вывелъ изъ терпѣнія его спокойный и слегка насмѣшливый тонъ очень сытого челоуѣка. — Вотъ люди! — промолвила она: — и какъ говорить... Челоуѣкъ

тельно полились изъ ея глазъ и она закрыла лицо руками.

— У насъ не такія обстоятельства, Алексѣй Ивановичъ, чтобы смѣяться,—сквозь слезы отвѣтила она.

— Полноте. Въ жизни разныя обстоятельства бываютъ и они часто мѣняются... Сегодня горе, а завтра радость, въ этомъ и состоитъ жизнь—философски замѣтилъ Жигулевъ,—а вы лучше вытрите слезы и послушайте. Вотъ я по дѣламъ своимъ веду большую корреспонденцію, такъ нужно письма читать и отвѣчать на нихъ. И въ настоящее время у меня для этого дѣла нѣтъ никого. Такъ вотъ неужто ли вамъ будетъ, Надежда Николаевна, занять это мѣсто?

— Мѣсто секретаря?—саркастически сквозь зубы промолвилъ Сергѣй, до сихъ поръ оставшійся въ тѣни.

— Да, если хотите, секретаря, отвѣтилъ Жигулевъ и осмотрѣлъ его внимательнымъ пристальнымъ взглядомъ.

— Развѣ я умѣю что-нибудь?—спросила Надя и, вынувъ изъ кармана платокъ, вытерла имъ слезы, но плачевное выраженіе еще оставалось на ея лицѣ.

— Да тутъ ничего и не надо умѣть. Самое пустое дѣло!—объяснилъ Жигулевъ.—Читать письма и отвѣчать на нихъ. И знаете, всѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же, всѣ въ одномъ родѣ. Я дамъ вамъ за это сто рублей въ мѣсяцъ, деньги хорошія, на улицѣ не ва-

ляются... Пожалуй, даже сто двадцать пять могу предложить...

Надя вопросительно взглянула на мать, а затѣмъ перевела какой то опасливый взглядъ на брата.—Я не знаю... нерѣшительно промолвила она:—что-жъ... можетъ быть, это и хорошо... Въ нашемъ положеніи... Мама, что-жъ вы ничего не скажете?.. Не могу же я сама рѣшить это...

— Въ нашемъ положеніи все хорошо,—скорбнымъ и какъ бы обиженнымъ голосомъ отвѣтила Анна Матвѣевна:—конечно, не Богъ знаетъ это что, а все же мы должны только благодарить за это Алексѣя Ивановича.

— Ну, ротъ видите, сказалъ Жигулевъ, продолжая обращаться къ Надѣ,—ваша мама смотреть на дѣло благодарно. Что-же, согласны?

И онъ при этомъ поднялъ руку и медленно разгладилъ ею свою бороду.

— Я не знаю... Впрочемъ, разумѣется... Что-жъ намъ больше дѣлать?.. Придется согласиться...

Тогда Жигулевъ поднялся съ своего мѣста и подошелъ близко къ ней.

— Ну, вотъ и отлично,—промолвилъ онъ, дружелюбно и красиво улыбаясь,—ну, теперь, значить, и нѣтъ надобности вамъ плакать... Увѣряю васъ, что работа будетъ легкая...—онъ подошелъ къ ней еще ближе и взялъ ея руку. Онъ смотрѣлъ ей въ глаза, какъ бы стараясь смягчить ея горе и утѣшить

ее:—такъ вотъ сегодня же вечеромъ приходите ко мнѣ и мы начнемъ занятія.

— Послушайте, господинъ Жигулевъ,—вдругъ рѣзко, даже нѣсколько крикливо раздалось изъ того угла, гдѣ до сихъ поръ сидѣлъ Сергѣй.

Жигулевъ быстро обернулся къ нему и, поднявъ голову, окатилъ его презрительнымъ взглядомъ.

— Господинъ Жигулевъ? Чтожъ такъ? Кажется, у меня до сихъ поръ было и имя и отчество...

— Я ихъ не отнимаю у васъ, они при васъ и останутся,—рѣзко отвѣтилъ Сергѣй,—но я хочу задать вамъ одинъ философскій вопросъ,—это не совсѣмъ кстати, я знаю, что вы далеко не философъ, но ничего.

Но вмѣсто того, чтобы продолжать свою рѣчь, онъ вдругъ остановился и повернулся лицомъ къ двери, которая вела въ переднюю.—А, Даша... Ну, такъ я ужъ потомъ, господинъ Жигулевъ...

На порогѣ стояла дѣвушка—не высокая, худенькая, съ блѣднымъ и съ виду казавшимся очень незаметнымъ лицомъ. Она держала въ рукахъ довольно большую круглую картонку, въ какой портнихи приносятъ платья.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Поталенно.

ДУМА.

Посв. М. А. Н—ой.

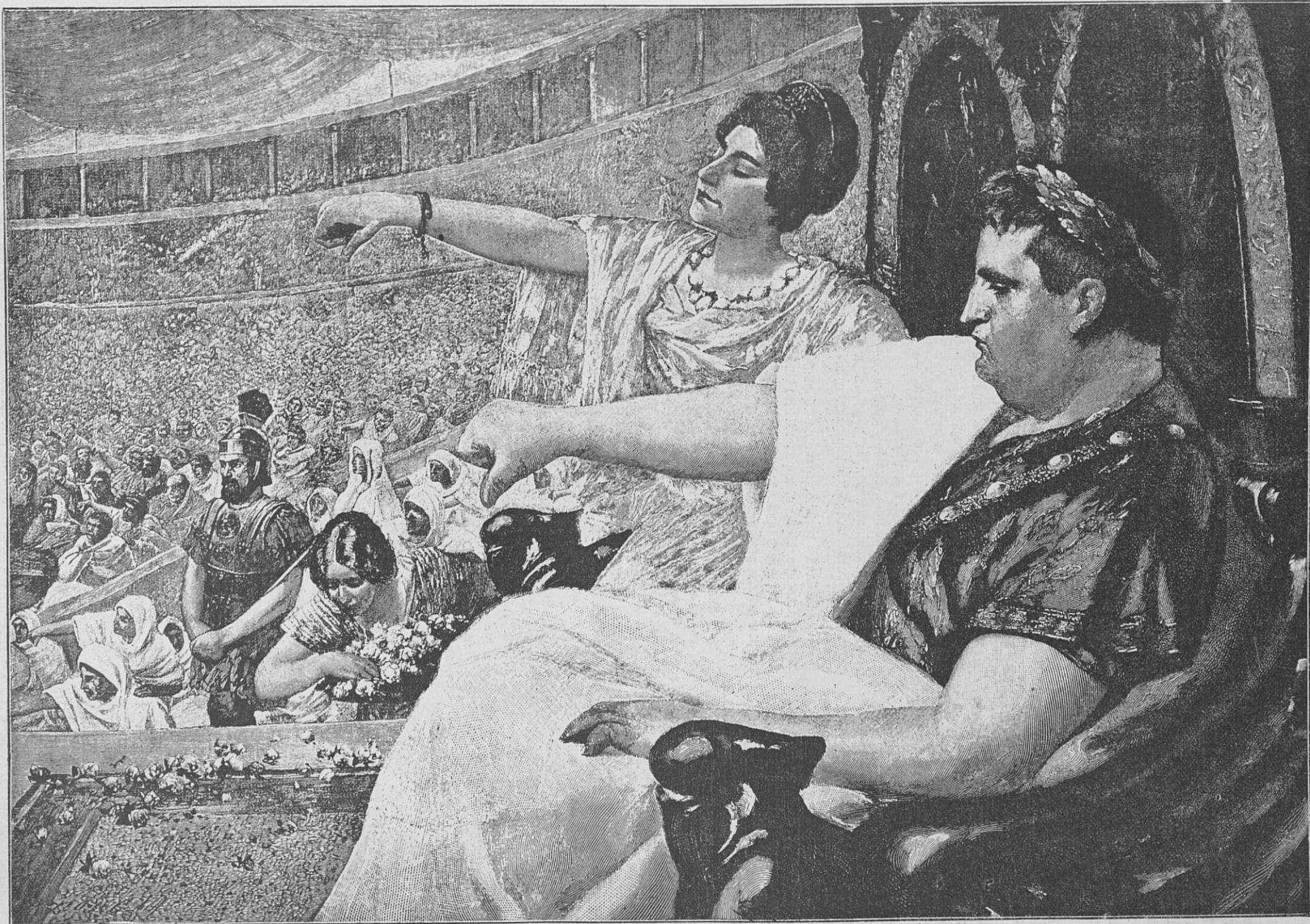
Въ ночи-ль я бодрствую, кипить ли жизнью
 день,
 Въ уединеньи-ль я, средь уличнаго-ль шума,
 Во храмѣ-ли стою, — вездѣ со мной, какъ
 тѣнь,
 Какъ сыщикъ за спиной—скептическая дума.
 Невѣдомъ съ нею мнѣ міръ беззаботныхъ
 грезъ;
 Съ ней не могу отдаться искренно веселью,

Труду, молитвѣ; все въ мозгу стоитъ вопросъ:
 Зачѣмъ ты?.. Почему?.. Куда?.. Съ какою
 цѣлью?..

И гдѣ найду отвѣтъ? Гдѣ—истина?.. Страшнѣй
 Гантала мукъ—твоя, разсудокъ бѣдный, мука:
 Чѣмъ ближе къ истинѣ стоитъ твоя наука,
 Тѣмъ дальше истина, загадочнѣй, темнѣй...

Владиміръ Чихачевъ.

Знакъ смерти.--Карт. Бонга.

ЛЮБОВЬ.

(Съ польскаго).

Въ снѣжной чашечкѣ лиліи, небрежно опираясь головкой о золотистый пестикъ цвѣтка, отдыхала любовь; ее окружалъ крылатымъ вѣнкомъ рой амуровъ, а въ глубинѣ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, стояла пышная свита.

Черезъ минуту начиналась аудіенція, единственный часъ, когда дозволено людямъ засвидѣтельствовать свои вѣрноподданичскія чувства у ногъ той, которая съ истинно королевской щедростью одаряетъ ихъ величайшимъ сокровищемъ: Любовью.

Почему же однако грустью покрыто дивно прекрасное лицо королевы, съ скульптурными чертами? Почему омрачены ея большіе, глубокіе какъ морская пучина, глаза? Или она предчувствуетъ человѣческую неблагодарность?

* * *

Вотъ сводъ небесный раздвигается—входитъ молодая, красивая дѣвушка и ломая руки, охваченная печалью, приноситъ жалобу.

О, королева! Зачѣмъ ты такъ долго загостила въ моемъ сердцѣ! Зачѣмъ, позволила мнѣ полюбить, вѣруя, что за сердце платятъ сердцемъ... А онъ покинулъ меня! Покинулъ!.. Помоги же мнѣ королева,—жалобно рыдала она,—возврати мнѣ милаго. Или, если это невозможно, дай и мнѣ забыть его, какъ онъ забылъ меня.

Едва только она вымолвила эти слова, какъ изъ свиты королевы выдвинулась странная фигура, съ неуловимыми очертаніями и начала вызывать передъ изумленными глазами дѣвушки все новые и новые, смѣняющіеся, чарующіе образы. Дѣвушка, вся дрожащая, полная страха и сомнѣній, оглянулась назадъ: о, чудо! прошлое блѣднѣло и исчезало, боль утихала!.. Несмѣло протянула она руки къ этому мелькавшему въ дали прошлому и улыбка полная надежды расцвѣла на ея губахъ...

И вотъ пошли онѣ вмѣстѣ: Покинутая и Завѣненіе.

Въ глазахъ королевы играло сочувствіе, проникнутое готовностью помочь.

Мрачный, какъ беззвѣздная ночь, грозный, какъ преступленіе, ворвался человѣкъ съ угрюмымъ взглядомъ и, остановясь передъ трономъ королевы, началъ шептать сдвоеннымъ голосомъ:

— А! это—ты! Ты, вкрадывающаяся въ сердца людей, подъ предлогомъ, что приносишь имъ счастье! обманъ и ложь!.. Горе и ненависть—вотъ твоё дѣло разрушенія!.. Будь же ты проклята, сводница! Тысячу разъ проклята!.. Любишь!.. ха! ха! ха! А потомъ что? Къ той, кого любишь, придетъ другой, а тебѣ говорить „забудь“.. Но я помню и жажду мести!.. мести безъ конца!..

И вотъ, рядомъ съ обезумѣвшимъ человекомъ, встала, послушная его призыву. Местъ съ крѣпко стиснутыми губами, съ судорожно сжатыми ладонями. Онъ бросился къ ней, ухватился за ея одежду и, соединенные такимъ образомъ, они оба исчезли въ омутѣ человѣческихъ страстей.

Въ глазахъ королевы мелькала печаль.

Вотъ пришелъ юноша съ блѣднымъ лицомъ, омраченнымъ печалью и, скрестивъ на груди руки, сталъ жаловаться печальнымъ голосомъ:

— О, королева! Ты приказала мнѣ любить, но напрасно: я не могу найти женщины, достойной моей любви. И вотъ я пришелъ, чтобы возвратить тебѣ твой драгоценный даръ!..

Королева вздрогнула. Какъ ея даръ отвергнуть! А! Наказать смѣльчака!.. Пусть же бродитъ по свѣту, вѣчно тоскующій и одинокій.

И тотчасъ изъ свиты выдвинулась окутанная серебристой мглой фигура, приподнявъ свое легкое покрывало, она мелькнула передъ глазами юноши своимъ чуднымъ обликомъ, полнымъ неземной красоты, и тотчасъ снова этотъ обликъ исчезъ подъ ея покрываломъ. Ослѣпленный юноша тревожно протянулъ ей руки и пошли они вмѣстѣ, на горе и радость, скованные на вѣки неразрывно: Поэтъ и Грусть.

Безнадежно печальна, склонивъ низко голову, вошла женщина вся въ черномъ и начала говорить тихимъ, покорнымъ голосомъ:

— Я любила горячо, любила больше жизни! Спасибо тебѣ, о, королева! Но зачѣмъ же ты позволила, чтобы безжалостная смерть отняла у меня милыхъ?! И вотъ я одна, и не для кого мнѣ жить!..

Съ полнымъ сочувствіемъ глядѣла на нее королева, а по данному знаку надъ осиротѣлой бѣдняжкой наклонилась свѣтлая лучезарная фигура, прижала ее къ груди и пошли онѣ вмѣстѣ соединенныя на вѣки: Одинокая женщина и Самоотверженіе.

Съ криками гнѣва ворвался къ королевѣ мужчина, еще не старый и громко кричалъ онъ:

— Ты приказываешь любить! Но какъ скупо надѣляешь ты насъ силами для любви! А на свѣтѣ такъ много женщинъ! И одна красивѣе другой, каждая хочетъ любви!.. Дай же мнѣ способность любить, полной, щедрой рукой!..

Съ отвращеніемъ отвернулась отъ него королева.

Такъ и это чувство люди называютъ любовью!.. подумала она. Пусть же въ наказаніе ему всюду сопутствуетъ эта отвратительная фигура съ чувственными губами и похотливымъ взглядомъ. Пусть она будитъ въ немъ постоянно неослабѣвающую страсть:

Соединенные нѣмымъ объятіемъ отошли вмѣстѣ: Мужчина и Желаніе.

— Гдѣ же ты, о, Любовь! раздался звучный и громкій отроческій голосъ, позволю же мнѣ взглянуть, наконецъ, на твой чудный обликъ, такъ прославленный людьми.

И подъ сводомъ небесъ остановился мальчикъ, почти дитя, и съ любопытствомъ сталъ озираться по сторонамъ. Но въ тотъ же мигъ, блестящая, легкая какъ пѣна, фигура загородила ему дорогу и они исчезли вмѣстѣ со смѣхомъ и веселой пѣсней на устахъ, держась за руки: Юноша и Пылкость.

А съ снѣжной чашечкѣ лиліи, небрежно опираясь головкой о золотистый пестикъ цвѣтка, отдыхаетъ любовь, но рой Амуровъ уже не окружаетъ ее золотымъ вѣнкомъ

тычинокъ, исчезла и пышная, переливающаяся всѣми цвѣтами радуги, свита.

Аудіенція кончилась, прошло время, единственное время, въ теченіе котораго людямъ позволено принести свои вѣрноподданичскія чувства къ ногамъ той, которая съ истинно королевской щедростью надѣляетъ ихъ наивысшимъ благомъ: Любовью.

Почему же, однако, лицо королевы открыто такой сильной печалью.

Ахъ! Она предчувствовала человѣческую неблагодарность. Слово осужденная сидѣла королева.

И думала она съ горечью:

— Развѣ ужъ никогда больше не сходить въ эту земную долину, а утонуть навѣки въ чашечкѣ лиліи.

Но вотъ, изъ глубины, выдвинулась маленькая сѣрая фигурка, она остановилась у трона, наклонилась надъ королевой и прошептала:

— О, госпожа, не печалься. И не говори что ты одинока. Я съ тобою. Я—Вѣрность.

И взявшись за руки, онѣ сошли снова на землю и все ходятъ, отыскивая сердца, гдѣ бы могли поселиться вмѣстѣ: Любовь и Вѣрность, но.... ницуть напрасно.

О—НН—ъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Бой лебедей.—*Карт. С. Беккера.* Два красивыхъ, бѣлыхъ лебедя бьютъ другъ друга крыльями, волнуя гладь тихихъ волнъ залива; а она,—виновница поединка, издали наблюдаетъ за исходомъ битвы, спокойно и гордо ожидая счастливаго побѣдителя. Картина полна красоты и выразительности.

Русалки.—*Карт. И. Н. Крамского.* Очень много художниковъ старались воплотить на полотнѣ поэтичные образы русалки и одною изъ удачныхъ картинъ, трактующихъ этотъ сюжетъ, можно считать русалокъ Крамского. Темная ночь съ матовымъ луннымъ освѣщеніемъ и группами русалокъ. Въ дали виднѣется малорусская хата, а на первомъ планѣ тоскующая о прерванной земной жизни, русалочка, дополняетъ грустное, меланхолическое общее настроеніе картины.

Знакъ смерти.—*Карт. Вома.* Картина переноситъ насъ въ отдаленное прошлое изъ жизни Рима и Нерона. Царь и богъ—того времени—Неронъ сидитъ на первомъ планѣ въ циркѣ и пальцемъ обращеннымъ книзу даетъ знакъ смерти поверженному, побѣжденному гладиатору. Фигура Нерона полна жестокости и непреклонности деспота. Жажда крови паритъ надъ всѣми. Въ данный моментъ предъ нами рисуется не человѣкъ, а звѣрь, незнающій милосердія. Выраженіе жестокости Нерона поразительно вѣрно передано художникомъ, какъ въ рисунокѣ головы, такъ и общей композиціи фигуры.

А. С.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе Н. Мезько.— „Ангель-Хранитель“, романъ И. Потапенко.— „Дума“, стихотвореніе В. Чихачева.— „Любовь“, (съ польскаго), чер. О—НН—ъ. Къ рисункамъ А. С.

РЕДАКТОРЪ *А. П. Хесторъ.*

ПРЕДС. АДМИНИСТРАЦІИ *Д. Ѳ. Бородинъ.*

МАСТЕРОВАЯ НЕДЕЛЯ

При ближайшемъ участіи И. Н. Потапенко.

25 лѣтіе Общества охраненія народнаго здоровья. 1) Остановка кровотеченія прижатіемъ сонной артеріи. 2) Отдѣлъ оспори-
виванія, Бюстъ Э. Джинета. 3) Основатель и первый предсѣдатель Н. Ф. Здекауеръ. 4) Остановка носового кровотеченія поднятіемъ
руки. 5) Наложеніе повязки при переломѣ предплечья. 6) Наложеніе повязки при переломѣ голени, исправленіе вывиха челюсти.

Текущая жизнь.

Многообразно и многообразно наше государство по составу своих подданных—развѣ только Австро-Венгрія может поспорить съ нимъ по пестротѣ населяющихъ ее народностей; чего только не входитъ въ составъ Россійской Имперіи!—и культурная Польша съ Финляндіей, Прибалтійскій край, Кавказъ, Туркестанъ съ Закаспійскимъ краемъ, и Дальній востокъ съ китайцами, и Сибирь съ инородческими племенами, и узанскіе татары, и нѣсколько искусственно созданное еврейское царство на югѣ и западѣ—все впитала въ себя Русская Имперія и не легко сообразовать интересы этихъ различныхъ по племенному составу людей, людей различныхъ религій и темпераментовъ съ общегосударственными русскими интересами.

Тамъ, гдѣ культура чужой народности, вошедшей въ составъ Русскаго Государства, стоитъ ниже нашей, тамъ и задачарѣшается проще. Возьмите—Туркестанъ—просто поражаешься, когда приходится тамъ быть, какъ быстро, какъ сравнительно легко достается тамъ намъ культурная побѣда.

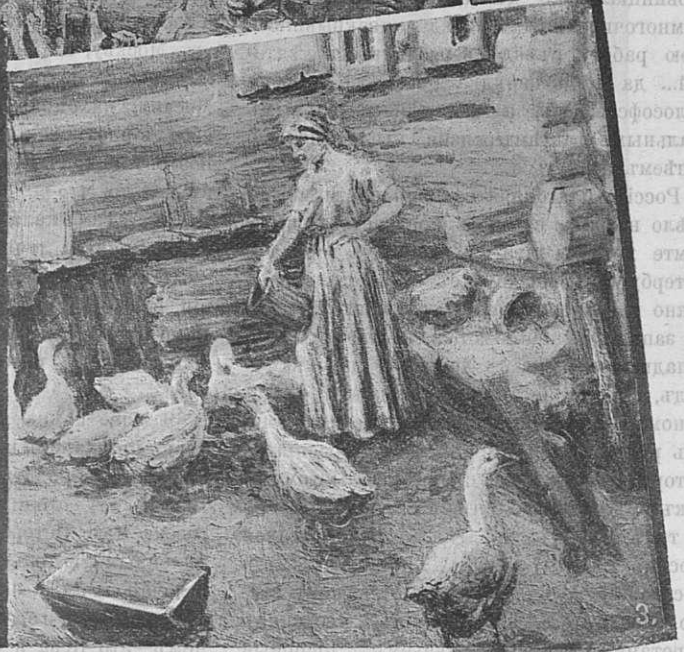
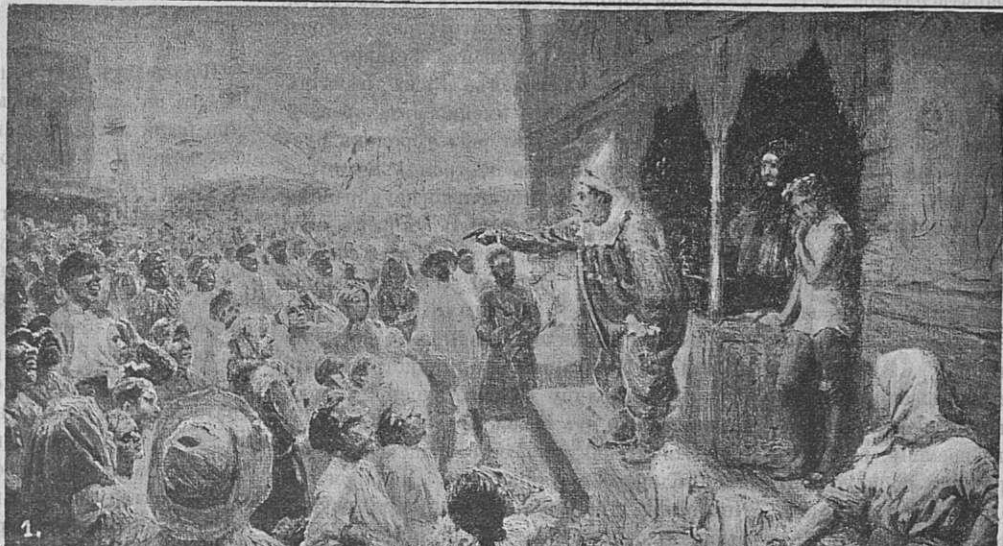
Въ бытность мою въ этомъ краѣ мнѣ не разъ приходилось слышать отъ мѣстныхъ жителей выраженіе, что Туркестанъ—это „Самарская губернія въ Азіи“... Если кочующія племена (киргизы, туркмены) и не такъ быстро усваиваютъ себѣ европейскую культуру, то осѣдлые жители Туркестана—сарты быстро идутъ ей на встрѣчу:—амбулаторіи и больницы въ туземномъ Ташкентѣ переполнены сартами, въ русскихъ школахъ учатся дѣти сартовъ, вся почти торговля въ рукахъ тѣхъ-же смѣтливыхъ, живыхъ сартовъ и только старики еще упорствуютъ и часто считаютъ неприятною когда имъ приходится посѣщать русскую часть столицы Туркестана... о дикихъ разбояхъ и нападѣніяхъ тамъ слышно не болѣе, чѣмъ въ той-же Самарской губерніи, съ которой почему-то мѣстные жители сопоставляютъ Туркестанъ. Всему этому нисколько не противорѣчитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникнувшее Андиджанское возстаніе, ибо оно вызвано было на чисто фанатическо-религіозной подкладкѣ и быстро окончилось... и вновь настала тишина. Во всякомъ случаѣ не мѣстные жители препятствуютъ дальнѣйшему мирному развитію края и усваиванію европейской культуры... Но сколь труднѣе и отвѣтственнѣе роль культуры дѣятелей Россіи на другихъ ея окраинахъ, преимущественно на западныхъ, сколько такту, сколько осторожности и политичности требуютъ эти культурныя части Россіи, чтобы не задѣвая и не оскорбляя ихъ національнаго самолюбія, ввести ихъ въ общегосударственные интересы Россіи... Такая работа требуетъ людей исключительныхъ качествъ, ума и дарованій и какъ хотѣлось-бы, чтобы не случайные представители, а лучшіе русскіе люди шли бы на окраины, чтобы личнымъ примѣромъ и отношеніемъ къ людямъ дать узнать то орошее, что есть въ русской душѣ: ея тер-

пимость къ чужимъ взглядамъ, уваженіе къ языку и религій, національности, къ характернымъ особенностямъ націи, къ темпераменту и быту, ея желаніямъ и нуждамъ. Только при такомъ отношеніи и при такихъ людяхъ, при такой работѣ задача взаимоотношенія Россіи и вошедшихъ въ ее составъ народностей приблизится къ разрѣшенію. Въ этомъ отношеніи я бы очень рекомендовалъ моему читателю добыть замѣчательную маленькую книжку о Григоріи Петровѣ „Люди-братья“ и внимательно проштудировать простыя и ясно выраженные мысли этого умнаго и талантливаго человѣка. Очень близко къ разрѣшенію этого вопроса подходитъ этотъ писатель въ своей небольшой, но глубокой книжкѣ... повѣрте, что времени, потраченного на ея чтеніе вы не пожалѣете—такія книжки не часто у насъ появляются... „Кому много дано—съ того много и спросится“—это можно примѣнить и къ Россіи—много ей дано и въ количественномъ отношеніи и въ качественномъ, за то и требованія къ ней должны быть предъявлены непремѣнно большія. Поменьше вражды, человѣконавистничества и кичливости—и жить намъ будетъ лучше—вѣмъ намъ, русскимъ подданнымъ разныхъ національностей, объединеннымъ подъ сѣнью общаго русскаго закона и общихъ государственныхъ интересовъ. Русскому человѣку, русской душѣ упомянутыя выше качества въ дѣйствительности и несвойственны—не будемъ-же ихъ искусственно въ себѣ воспитывать, поддерживать и питать и пусть будетъ стыдно тѣмъ, кто этого не желаетъ понимать...

А какъ многообразна и полна неожиданностей наша обширная Россія—трудно себѣ представить! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ, въ качествѣ врача, пришлось объѣздить съ цѣлью переписи душевнобольныхъ среди крестьянъ Царкосельскій уѣздъ, столичной Петербургской губерніи... въ 2—3 десяткахъ верстъ за Гатчиной (кажется недалеко!) я наткнулся на деревню, добраться до которой пришлось не безъ труда... припомните рассказъ Гл. Успенскаго „дохнуть некогда“—тамъ слѣдователь рассказываетъ, какъ онъ пробирался къ подобной же деревушкѣ—начала на тройкѣ, потомъ одиночкой въ виду неудобствъ дороги, а дальше пришлось добираться верхомъ, сначала на лошади, а послѣ и на плечахъ самого возницы... послѣднимъ способомъ я не добирался, правда, но въ виду свойствъ дороги телѣжку и мнѣ пришлось бросить и ѣхать верхомъ на выпряженной лошади... въ этой деревнѣ я нашелъ много любопытнаго—врача тамъ и не помнятъ—нѣсколько разъ въ годъ появляется фельдшеръ, больныхъ лечить не то знахарь, не то колдунъ—способы леченія совершенно фантастические: напримѣръ, дѣтей страдающихъ эпилепсіею (падучей) съ лечебными цѣлями сажаютъ въ ращепленное дерево, жгутъ рубашки больныхъ и съ тою же цѣлью бросаютъ на воду... и все это въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ самаго культурнаго центра Россіи—Петербурга... Отъѣзжайте отъ большого города, только не по желѣзной, а по про-

селочной дорогѣ и какъ часто такіа нежданности будутъ вамъ встрѣчаться и представлять себѣ нельзя... Какая большая, хорошая и нужная работа подъ руками каждаго изъ насъ такъ называемыхъ интеллигентовъ, накопляющихъ себѣ умственный капиталъ, сидя на тепленькомъ, покойномъ мѣстечкѣ въ большомъ культурномъ центрѣ! Если-бы каждый изъ насъ считалъ своею обязанностью въ теченіе жизни удѣлить часть времени на работу, не въ городѣ, а внѣ его черты—то какое-бы освѣженіе и сколько-бы добра онъ могъ принести и самому себѣ и окружающимъ, расходуя накопленный на тѣ же крестьянскія деньги свой умственный капиталъ... Недавніе съѣзды намъ наглядно показали какой свѣжестью, знаніемъ практической живой жизни и общимъ развитіемъ обладаетъ культурно не замерзшій человѣкъ, окунувшійся въ самое нутро Россіи—тотъ провинціалъ, съ представленіемъ о которомъ у петербургскаго человѣка соединялось прежде представленіе о небрежномъ, отсталомъ отъ моды покроеѣ платья, несвязной рѣчи, мѣшкватости, нерѣшимости, пожалуй грубости и общей умственной отсталости... въ дѣйствительности-же оказалось и уже давно что если онъ въ чемъ и отсталъ, такъ только въ покроеѣ воротничковъ, да въ незнакомствѣ съ дутыми столичными театральными знаменитостями, кафе-шантанами или ресторанными французско-нижегородскими названіями различныхъ блюдъ... Въ остальномъ же, въ остальномъ онъ потягается, да и очень потягается съ столичнымъ тоннымъ обывателемъ...

Столичный житель въ огромномъ большинствѣ рѣзко дѣлитъ свою жизнь на двѣ части—одна часть это официальная служба, другая часть, принадлежащая уже лично ему, это отдыхъ, развлеченіе или увлеченіе. Какъ рѣдко эти двѣ части гармонируютъ другъ съ другомъ, дополняютъ одна другую, а большую часть, посмотрите какъ онъ если не противоположны, то уже во всякомъ случаѣ мало имѣютъ между собою общаго. Специалистъ филологъ, учитель греческаго языка, въ то же время пишетъ рецензіи о балетѣ, тѣмъ-же занимается и горный инженеръ... профессоръ скажемъ.. ну по ушнымъ болѣзнямъ, свои свободные часы посвящаетъ скульптурѣ, чиновникъ финансоваго вѣдомства—коллекционируетъ лубочныя картины, или играетъ на любительскихъ спектакляхъ, какъ „опытный“ любитель врачъ—психіатръ выступаетъ на подмосткахъ концертныхъ эстрадъ въ качествѣ чтеца или рассказчика... Дурного во всемъ этомъ ничего нѣтъ—вѣдь вонъ умѣлъ-же покойный Вирховъ быть одновременно и специалистомъ профессоромъ патологической анатоміи—создателемъ целлюлярной патологій и извѣстнымъ археологомъ и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ... Конечно, Вирховъ личность исключительная, а мы—средніе обыватели, но дурно въ сказанномъ явленіи то, что значить, наше прямое дѣло, насъ всецѣло не захватываетъ мы живемъ имъ не духовно, а лишь постольку, поскольку оно даетъ намъ средства къ существованію... Среди провинціальныхъ дѣятелей

Выставка московскихъ художниковъ въ С.-П.Бургѣ. 1) У балчгановъ.—Съ карт. Ф. И. Рорберга. 2) Защита обители.—Съ карт. И. Г. Чугунова. 3) Гуси.—Съ карт. Ф. И. Рорберга. 4) Во саду ли въ огородѣ.—Съ карт. І. Спасскаго.

гораздо легче найти людей, для которых их непосредственное занятіе служба — есть въ тоже время и главный жизненный интересъ, а отдыхъ они понимаютъ въ смыслъ только той-же цѣли, въ кругу тѣх-же интересовъ своего главнаго дѣла... Думается, что такія люди и цѣльнѣе, и чувствуютъ себя болѣе удовлетворенными, счастливыми, да и дѣло самое у нихъ спорится и даетъ плоды стократъ лучше, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Да не удивится читатель, что въ вопросахъ „текущей жизни“ я мало занимаюсь фактической стороной этой жизни, а больше философствую по поводу окружающей дѣйствительности — мысли высказываемыя мною, навѣяны на меня только что окончившимся періодомъ праздничнаго времени, въ теченіе котораго въ Петербургѣ происходило все время столкновеніе, или вѣрнѣе встрѣча провинціального дѣятеля съ столичнымъ на многочисленныхъ, уже давно закрытыхъ свою работу, съѣздахъ различныхъ дѣятелей... да вѣдь изрѣдка отчего-же и не по философствовать, а къ дѣйствительнымъ реальнымъ фактамъ жизни мы всегда еще успѣемъ вернуться...

Россію, благодаря ея обширности, можно смѣло назвать странюю контрастовъ; возьмемте хотя-бы два ея главныхъ города — Петербургъ и Москву: съ одной стороны — „окно въ Европу“, городъ, сближающій насъ съ западной цивилизаціей, построенный на западный манеръ, съ другой — древній городъ, съ многочисленными церквями, съ ладонь и плѣсенью, но съ истинно русскими, изъ русскаго нутра идущими настроеніями, которыми онъ весь пропитанъ. Потому-то такъ умѣстны декадентскіе дома въ Питерѣ и такъ рѣжутъ они глазъ въ старинной Москвѣ: какъ коровѣ съдо, — такъ и эти постройки не идуть къ хаотическому стилю Москвы съ ея Кремлемъ, Иверскими воротами и Замоскворѣчьемъ. Чопорный „Вѣстникъ Европы“ съ одной стороны и хаотическая „Русская мысль“ — съ другой! — не знаменуютъ-ли даже самыя заглавія этихъ журналовъ и ихъ общій характеръ соответственное направленіе двухъ нашихъ столичныхъ городовъ?

Какъ часто, подѣзжая въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги къ Москвѣ, подъ утро, когда разговоръ случайныхъ знакомыхъ по вагону принимаетъ уже болѣе вялый тонъ, ибо черезъ нѣсколько минутъ они разойдутся и, можетъ быть, никогда болѣе не встрѣтятся, какъ часто, повторяю, мнѣ приходилось слышать эти параллели...

— Ну, какое-же сравненіе... въ Петербургѣ чистота, порядокъ... А Нева, Невскій, Зимній дворецъ, набережная... какая красота!

— Ну чтожъ, порядокъ... а у насъ, въ Москвѣ, возьмите: Кремль, Иванъ Великій, Красное крыльцо, Василій Блаженный, Царь-колоколь, Царь-пушка, Замоскворѣчье, Третьяковская галлерейя...

— А у насъ — Эрмитажъ, Исаакій, памятникъ Петру, острова...

— А у насъ — новые ряды.

— А у насъ — к т. д. и т. д.

Это почти обычный разговоръ, когда

приходится подѣзжать къ Москвѣ въ вагонѣ желѣзной дороги. А если тутъ еще найдется кievлянинъ — патриотъ своего города, то онъ тоже ввяжется въ разговоръ и станетъ утверждать, что прекраснѣе Кіева нѣтъ въ Россіи города и что именно этой древней столицѣ надо быть матерью городовъ русскихихъ и ея главнымъ центромъ. Въ томъ-же тонѣ, хотя и нѣсколько неувереннѣе выскажется и одесситъ... Я увѣренъ, что найдется и сибирякъ, который предложитъ свой Томскъ въ столицы Русской Имперіи... Жизненное чутье народа само говоритъ, что ему важнѣе, нужнѣе и цѣннѣе — и вотъ, не смотря на Петербургъ — административный центръ и столицу Россіи, русскій народъ не отказался отъ своей древней Москвы и попрежнему считаетъ ее столицей наравнѣ съ столицей официальной. Недаромъ и Чеховскія „три сестры“ мечтаютъ какъ о высшемъ центрѣ культуры не о Петербургѣ а тоскливо повторяютъ свою завѣтную мечту, „въ Москву, въ Москву, въ Москву“...

Сколько поэтовъ воспѣвало златоглавую Москву, находило въ ней источники для своихъ вдохновеній, начиная отъ крупныхъ поэтовъ и кончая такими, которые цѣнили въ ней то, что

„... Тамъ калачи пекутъ на славу,
Пекутся лучше блины...“

Петербургъ вызывать менѣе вдохновеній, если не считать одного только поэта... Надо правду сказать, что этотъ одинъ стоилъ многихъ, потому что это былъ Пушкинъ.

Я живо помню, какъ критиковалъ Петербургъ пріѣхавшій ко мнѣ въ началѣ 80-хъ гг. провинціалъ-родственникъ, впервые посѣтившій эту столицу. По его словамъ всѣ рассказы о Петербургѣ оказались преувеличенными и только двѣ вещи не вызвали разочарованія, а оказались выше того, что объ нихъ ему говорили въ далекомъ Воронежѣ — это Нева и Савина. Противъ первой московскій патриотъ ничего не можетъ выставить въ сравненіе у себя, но вторая по его мнѣнію, конечно, недостойна ремня развязать у обуви его московскихъ кумировъ — Ермоловъ и Федотовой.

Не будемъ спорить съ „патриотами своего отечества“, вѣдь и культурныя западныя страны не лишены этихъ черточекъ, такъ мѣтко названныхъ у насъ „кваснымъ патриотизмомъ“.

Во Франціи, напримѣръ, даже образованный французъ не въ силахъ допустить, чтобы въ чужой странѣ что-либо хорошее не было бы хорошо постольку, поскольку оно ему — французу подражаетъ. Въ французской прессѣ вы на каждомъ шагу встрѣтите взгляды, что Достоевскій — это просто подражатель Е. Сю, Зудерманъ — подражатель А. Дюма, Л. Толстой заимствовалъ свои философскіе взгляды у Руссо и т. п. и т. п.

Простимъ эту маленькую дѣтскую слабость французамъ, простимъ ее и москвичу-патриоту. Безъ всякаго сравненія и сомнѣнія намъ должны быть дороги и цѣнны обѣ столицы, какъ представители нашей культурной жизни, помимо уже тѣхъ историческихъ воспоминаній, которыя у насъ съ ними связаны.

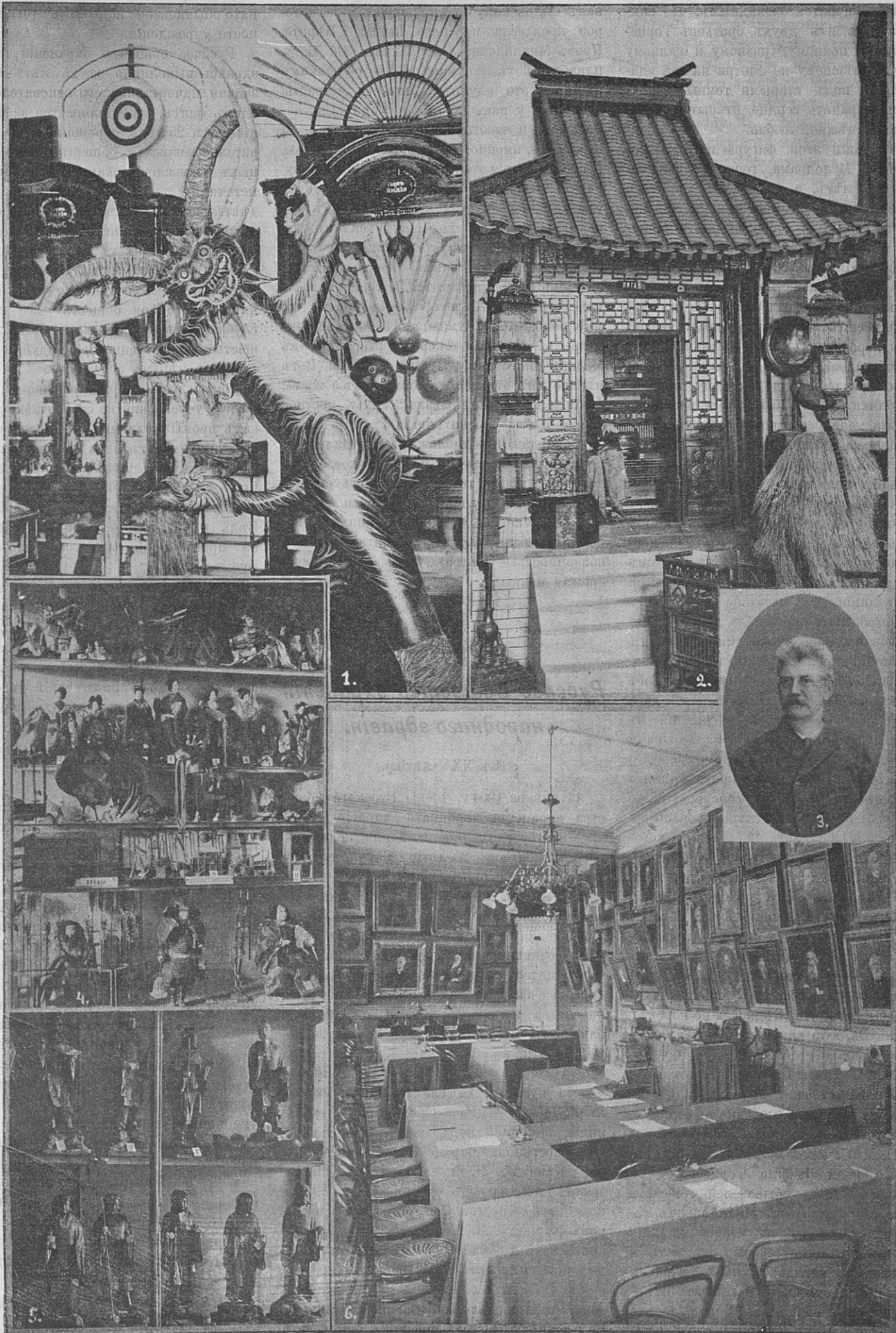
В. В. Чеховъ.

Пятидесятилѣтіе „Бѣдности не порокъ“.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 23 января 1854 г., на сценѣ московскаго Малаго театра была поставлена въ первый разъ новая комедія молодого драматурга, А. Н. Островскаго „Бѣдность не порокъ“. За годъ до этого, та же сцена познакомила московскую публику съ другой комедіей того же драматурга, „Не въ свои сани не садись“, поставленной первый разъ въ бенефисъ Л. П. Косицкой 14 января 1853 г., когда Островскій впервые испыталъ авторскія тревоги. Хотя и первая пьеса Островскаго прошла съ выдающимся успѣхомъ, но все таки положеніе всеми признаннаго драматурга, Островскій занялъ только въ слѣдующемъ году, когда поставилъ „Бѣдность не порокъ“. Эта пьеса съ технической стороны написана гораздо лучше и въ этомъ кроется причина ея успѣха.

Появленіе ряженныхъ во 2-мъ актѣ, веселыя подруги Любовь Гордѣвны, сцены святочнаго веселья — все это должно было вносить рѣдкое оживленіе и доставляло пьесѣ успѣхи въ самыхъ широкихъ кружкахъ московской публики. Способствовало успѣху пьесы также и то, что въ „Бѣдности не порокъ“ Островскій снялъ съ себя обвиненіе въ той односторонности, котораго не могла не вызвать его первая пьеса „Не въ свои сани не садись“, гдѣ авторъ выступилъ безусловнымъ защитникомъ стараго жизненнаго уклада, носителями котораго онъ выставлялъ только кушцовъ съ Русановымъ во главѣ. Выбравъ представителями интеллигенціи такіе отрицательные типы, какъ Вихоревъ и Баранчевскій, Островскій бросилъ вызовъ интеллигентному обществу и этимъ помѣшалъ успѣху пьесы среди тѣхъ лицъ, которыя не видѣли единственнаго спасенія Россіи въ народѣ и купечествѣ. „Бѣдность не порокъ“ показала публикѣ, что авторъ ея сумѣлъ найти отрицательные типы и среди излюбленнаго имъ купечества и Коршуновъ съ Гордѣемъ Торцевымъ должны были сняты съ Островскаго всякое обвиненіе въ одностороннемъ пристрастіи къ народу и кушцамъ. Но всѣ эти типы, несмотря на всю ихъ красочность и яркость, отступали на задній планъ при появленіи Любима Торцева, который на долгіе годы сдѣлался любимымъ героемъ русскаго театра. Любимъ Торцевъ принесъ съ собой на русскую сцену неслыханную до него проповѣдь, что человѣкъ, выбитый судьбой изъ жизненной колеи, не перестаетъ быть человѣкомъ и его уроки во многихъ отношеніяхъ могутъ быть полезнѣе уроковъ многихъ такихъ лицъ, которыя пользуются всеобщимъ уваженіемъ.

Пьяница Любимъ, на котораго въ первомъ дѣйствіи братъ Гордѣй и глядѣтъ не хочеть и котораго изъ жалости пріютилъ у себя сердобольный прикащикъ, въ послѣднемъ дѣйствіи своимъ любвеобильнымъ сердцемъ пристыдилъ Гордѣя, забывшаго въ нелѣпой гордости про свои отцовскіе обязанности. И авторъ такъ обрисовалъ

Къ открытію этнографическаго отдѣла при Академіи Наукъ. 1) Анамскій богъ охоты, собранъ изъ частей разныхъ животныхъ. 2) Подлинная китайская фанза. 3) В. В. Радловъ, директоръ этнографическаго отдѣла. 4) Японскія куклы. 5) Принадлежности Буддическаго культа изъ Японіи. 6) Заль Академіи Наукъ.

своего Любима, что для всякаго зрителя сразу же становится очевиднымъ, что симпатин автора изъ двухъ братьевъ Торцевыхъ отданы пьяному, грязному и жалкому Любиму, сумѣвшему не смотря на все удары судьбы подь старыми темными лохмотьями сохранить сердце, открытое порывамъ самой нѣжной любви.

Въ созданіи этой фигуры не было ничего новаго. Мелодрама, господствовавшая на сценѣ 40 лѣтъ, и занесенная къ намъ съ подмостковъ французской сцены, хорошо знала эту гордую и добродѣтельную по существу фигуру въ рубищахъ съ возвышающимъ девизомъ: „и въ рубищѣ почтенна добродѣтель“. Новшество Островскаго состояло въ томъ, что онъ вызвалъ эту фигуру изъ неестественной мелодраматической среды и перенесъ въ чисто реальную бытовую обстановку, которая была гораздо ближе и гораздо понятнѣе сердцу тогдашней публики. И попавъ въ эту реальную среду, эта мелодраматическая фигура Любима Торцева, можетъ быть, и не совсемъ естественная сама по себѣ, получила отъ окружающихъ ея чисто бытовыхъ фигуръ жизненное правдоподобіе и затушевала свою мелодраматичность. Герои „Бѣдности не порокъ“ были очень хорошо знакомы москвичамъ, которые стали чуть ли не на каждомъ шагу видѣть ихъ у себя въ знаменитой Ножевой линіи, гдѣ ихъ еще много лѣтъ послѣ Островскаго наблюдалъ другой крупный художникъ, покойный Прянишниковъ, зарисовавшій многихъ изъ нихъ своею правдивой кистью. Благодаря этому всякій могъ убѣдиться въ полнѣйшей реальности Островскаго и поэтому всякія обвиненія въ тенденціозномъ пристрастіи отпадали сами собой. Успѣхъ этой пьесы былъ чрезвычайный; въ теченіи всего остального зимняго сезона она не сходила со сцены. Въ это самое время въ Москвѣ гастролировала великая французская артистка Рашель, которая во время своихъ гастролей всегда привлекала вниманіе театраловъ. И вдругъ въ Москвѣ правдивая пьеса молодого автора, о которомъ Рашель раньше, вѣрно, никогда и не слыхала, оказалась сильнѣе прославленной французской актрисы и Рашель оказалась отъ непосильной конкуренціи и стала играть на утреннихъ спектакляхъ. Это доказываетъ, что „Бѣдность не порокъ“ привлекла къ себѣ вниманіе и интеллигенціи, которая одна составляла публику Рашель. Если „Бѣдность не порокъ“ отвлекла отъ гастролей Рашели интеллигенцію, то купцамъ она пришлась особенно по сердцу и они наперерывъ спѣшили высказать свой восторгъ П. М. Садовскому: гениальному исполнителю роли Любима Торцева. Одинъ изъ москворѣдскихъ обывателей говорилъ Садовскому: „Ну, Провъ Михайловичъ, такое ты мнѣ, московскому первой гильдіи купцу уваженіе сдѣлалъ, что въ ноги я тебѣ долженъ кланяться, какъ вышель ты, такъ я и ахнулъ, да и говорю женѣ—смотри, говорю—словно бы я! Борода только у меня короче была—ну вотъ, какъ есть. Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало: сижу въ ложѣ, да кругомъ и озираюсь, не смотрятъ ли думаю на меня“.

Другой купецъ еще краснорѣчивѣе рассказывалъ Садовскому про то впечатлѣніе, которое произвела на него пьеса: „Вѣрите, Провъ Михайловичъ, я плакалъ. Ей Богу, плакалъ! вотъ подумалъ я, что со всякимъ купцомъ это случиться можетъ... страсть! Мало ихъ у насъ по городу ходить: ну подать ему, а чтобы это жалтъ... А васъ я пожалтъ, именно говорю пожалтъ. Думаю, Господи, самъ я этому подверженъ былъ—ну вдругъ! Вѣрите Богу, страшно стало! Домъ у меня теперь пустой: одинъ въ немъ существую, какъ червь. И чудится мнѣ, что я ужъ и на наперти стою и руку протягиваю.. спасибо, голубчикъ! Многие, которые изъ нашихъ, оцвѣтываются. Я теперь, братъ, ничего не пью—будетъ! Все выпилъ, что мнѣ положено!.. Думаю, такъ: богадѣльно открыть... Которые теперича старички,—въ Москвѣ много ихъ! Пущай грѣются. Вотъ именно мнѣ эти ваши слова „какъ я жилъ, какія я дѣла выдѣлывалъ“!.. „Ну честное слово—слезы у меня пошли“.

Если даже предположить, что далеко не на всехъ пьеса эта имѣла такое благотворное вліяніе, то и въ такомъ случаѣ общественное значеніе „Бѣдности не порокъ“ велико и Островскій вполне выполнилъ ту задачу, которую считалъ прямой обязанностью—театра: „учить людей, изборажая нравы“.

Русское Общество охраненія народнаго здравія.

(Къ XXV-лѣтію).

14 января 1904 г. члены Русскаго Общества охраненія народнаго здравія собрались на торжественное засѣданіе по случаю исполнившагося 25-лѣтія научно-практической дѣятельности Общества. Передъ засѣданіемъ была отслужена панихида по лейбъ-медикѣ Н. Ф. Здекауерѣ. Это ученое учрежденіе съ такими симпатичными задачами возникло вслѣдъ за реформами Царя Освободителя, когда стали въ русскомъ обществѣ все болѣе и болѣе укореняться идеи равенства и справедливости и забота о ближнемъ. Въ 1876 г. Россія по приглашенію Бельгіи приняла участіе въ Брюссельской гигиенической выставкѣ. Во главѣ комитета русскаго отдѣла выставки стоялъ Н. Ф. Здекауеръ; по возвращеніи изъ заграницы, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ постановки охраненія народнаго здравія на западѣ, Н. Ф. сталъ горячо высказывать желаніе объ организаціи и у насъ подобнаго общества. Совмѣстно съ редакторомъ журнала „Здоровье“ А. П. Доброславинымъ и д-ромъ Ю. Ю. Гюбнеромъ былъ выработанъ проектъ устава новаго общества и въ 1877 году благодаря просвѣщенному содѣйствію тогдашняго товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго послѣдовало Высочайшее утвержденіе его. Прошло съ четверть вѣка съ тѣхъ поръ, какъ начало дѣйствовать это общество на

пользу здраво-охраненія. Къ юбилеямъ принято обыкновенно подводить итоги дѣятельности учреждений.

Русское общество охраненія народнаго здравія выполнило за 25 лѣтъ блестяще задачи, начертанныя его основателемъ. Уже одинъ фактъ, что въ общество за разъясненіями, за 25 лѣтъ, обращались до 700 правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учреждений, какъ къ компетентному, источнику достаточно характеризуетъ его дѣятельность. Неустанно слѣдило общество за улучшеніемъ санитарныхъ условий и выработывало мѣры къ физическому и нравственному возрожденію населенія. Понятіе о гигиенѣ, какъ о противодѣйствіи болѣзнямъ благодаря обществу все глубже и глубже стало проникать во все классы общества. Общественное равнодушіе къ санитарнымъ мѣрамъ исчезаетъ...

Важно очень то обстоятельство, что это ученое учрежденіе не строго корпоративное, какъ прочія медицинскія общества. Въ составъ его входятъ лица разныхъ профессій.

Сплотившись такимъ образомъ, лица разныхъ специальностей дружно работали четверть вѣка, насаждая древо здравія Россіи. Вѣдъ на здравіи народномъ, также какъ на просвѣщеніи зиждется благосостояніе государства.

Предсѣдателемъ общества состоитъ почетный лейбъ-хирургъ В. С. Кудринъ, товарищемъ его архитекторъ гр. П. Ю. Сюзоръ. Широкая программа, намѣченная обществомъ заставила разбить его дѣятельность на нѣсколько секцій. Такихъ секцій въ обществѣ пять: 1) біологическая; 2) статистики и эпидемиологіи; 3) оздоровленія населенныхъ мѣстъ; 4) гигиена воспитанія и образованія; 5) бальнеологіи и климатологіи. Кромѣ того при обществѣ работаютъ нѣсколько комитетовъ какъ то: для борьбы съ алкоголизмомъ, по питанію, по дѣтскимъ колоніямъ и пр.

Музей общества чрезвычайно интересенъ. Въ немъ собраны предметы по гигиенѣ оспопрививанію и по подачи первой помощи. Въ витринѣ, подь бюстомъ изобрѣтателя оспопрививанія Jenner'a (рис. 2), мы находимъ автографъ Александра Осеннаго и патентъ на чинъ, данный ему Екатериной II. Фигуры подачи первой помощи сдѣланы по указанію проф. Г. И. Турнера. Рис. на стр. 25, показываетъ намъ какъ надо поступать въ несчастныхъ случаяхъ. При ранѣ на ладонѣ, чтобы остановить кровь надо поднять пораненную конечность кверху. Тогда получается уменьшеніе притока артеріальной крови. Рис. 1 показываетъ остановку кровотечения прижатіемъ сонной артеріи къ шеѣ. На рис. 5 мы имѣемъ наложеніе повязки при переломѣ костей предплечья, и наконецъ, рис. 6 изображаетъ перевязку перелома голени, при чемъ шиной служатъ штора и зонтикъ. Здѣсь же показанъ вывихъ нижней челюсти и ея вправление.

В. Апухтинъ.

Музей этнографіи имени Императора Петра Великого, состоящій при Императорской Академіи Наукъ.

11-го Января текущаго года открылся для публики этнографическій музей Императорской Академіи Наукъ. Съ сентября 1901 г. допускъ посѣтителъ въ этотъ музей былъ прекращенъ и началось размѣщеніе новыхъ коллекцій, систематизація старыхъ и составленіе подробнаго инвентаря. Съ разрѣшенія директора музея для занятій допускались лишь ученые. Да и понятно, нельзя было допускать публику, когда предметы не были еще размѣщены по витринамъ. Еще задолго до Рождества музей уже былъ готовъ къ открытію, но администрація

Контр'-адм. А. А. ВИРЕНІУСЪ.

Командиръ эскадры, отплывшей на дальній востокъ.

музея рѣшила лишь тогда сдѣлать его доступнымъ для публики, когда выйдетъ изъ печати подробный каталогъ музея. Дѣйствительно, только имѣя въ рукахъ такой каталогъ можно ориентироваться и понять назначеніе каждой вещи. Надо отдать справедливость, что каталогъ составленъ идеально и съ такимъ путеводителемъ можно осмысленно ознакомиться съ бытомъ разныхъ народовъ. Много труда и энергіи было положено при составленіи этого научнаго каталога директорами музея академикомъ В. В. Радловымъ и его помощниками рис. на стр. 29, изображаютъ нѣкоторые отдѣлы этого интереснаго музея.

При входѣ въ индо-китайскій отдѣлъ васъ поражаетъ своимъ видомъ грозная фигура анамскаго идола, покровителя охот-

Генер. отъ инф. П. П. ДУРНОВО.

Избр. Предсѣдат. Петерб. Город. Думы.

никовъ. Сдѣланъ „богъ охоты“ изъ дерева, раскрашенъ на подобіе тигра и обшитъ леопардовыми и тигровыми шкурами. На страшномъ лицѣ его прикрѣплены вмѣсто волосъ, усовъ и бороды рога оленей, барановъ и буйволовъ, а изо рта торчатъ слоновые клыки. Китайскій отдѣлъ очень разнообразенъ, на рис. 2 представленъ китайскій домикъ (фанза), привезенный изъ Пекина въ разобранномъ видѣ; въ фанзѣ сидитъ китаецъ: около фанзы стоятъ носилки, далѣе китаецъ предлагаетъ сидящей въ домикѣ китаянкѣ продукты. Хороши очень игрушки въ японскомъ отдѣлѣ. Какимъ изяществомъ отличаются куклы, пѣтушки, собачки, лошадки и пр. Принадлежности религіознаго культа буддистовъ представлены очень богато. Въ этомъ отношеніи нашъ музей превосходятъ многіе европейскіе. Нельзя не упомянуть о служившемъ ранѣе въ музейѣ Д. Клеменцѣ (нынѣ старшемъ этнографѣ Русскаго музея Императора Александра III), много путешествовавшемъ по Востоку и собравшемъ для музея богатѣйшія коллекціи. На нашемъ рисункѣ изображены фигуры Будды японцевъ. Здѣсь же на рисункѣ представ-

В. И. ТУРЧИНОВИЧЪ-ВЫЖНЕКЕВИЧЪ.

Ветеринарный врачъ † 7 января.

лень малый конференцъ-залъ академіи Наукъ. Въ аркахъ надъ витринами помѣщены картины изъ жизни разныхъ народовъ работы талантливаго художника-путешественника С. М. Дудина. Много поучительнаго увидитъ здѣсь всякій посѣтитель и наглядно ознакомится съ бытомъ жителей Нового и Старога свѣта. Къ сожалѣнію второй отдѣлъ музея, посвященный антропологіи, за недостаткомъ мѣста пока останется недоступнымъ для публики.

МУТСУХИТО.

Императоръ Японіи.

† В. И. Турчиновичъ-Выжнекевичъ.

Длинный рядъ именъ ученыхъ и изслѣдователей, погибшихъ въ разное время при опасныхъ для жизни научныхъ работахъ, пополнился 7-го января еще однимъ именемъ—Владислава Ивановича Турчиновича-Выжнекевича, трагически погибшаго отъ чумы, которою онъ заразился во время опытовъ надъ живыми культурами этой страшной болѣзни.

Смерть этого мученика науки тѣмъ болѣе трагична, что она не является случайностью, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а какъ-бы прямымъ слѣдствіемъ его работы или, вѣрнѣе, печальнымъ исходомъ той борьбы, въ которую онъ вступилъ съ

чумою, съ самаго начала своей научной дѣятельности. Покойный, окончивъ Харьковскій ветеринарный институтъ, посвятилъ себя почти исключительно изученію чумы и борьбѣ съ нею. Началь онъ свою дѣятельность изслѣдованіями надъ чумой рогатаго скота и затѣмъ только перешелъ къ изученію чумы людей. Нѣсколько лѣтъ онъ трудился надъ ея изученіемъ, совмѣстно съ проф. Ненцкимъ, ассистентомъ котораго онъ состоялъ въ институтѣ экспериментальной медицины, пока, наконецъ, два года тому назадъ, онъ не былъ назначенъ завѣдывающимъ лабораторіей для изготовленія противочумныхъ препаратовъ, устроенной на Кронштадтскомъ фортѣ Александра I. Здѣсь Выжнекевичъ съ удвоенной энергіей принялся за свою любимую работу, пока не запечатлѣлъ ее своею смертію. Въ поискахъ средствъ борьбы съ чумою, онъ обратился къ изученію вліянія низкихъ температуръ на культуру чумныхъ бактерий. Растирая въ ступкѣ замороженныя культуры, онъ надыхался распыленной чумной заразы и захворалъ острой, легочной, формой чумы. Зараженіе было настолько сильно, что, несмотря на всѣ, очень своевременно, принятые мѣры, онъ скончался на четвертые сутки, наканунѣ того дня, когда долженъ былъ прочитать докладъ о своихъ послѣднихъ опытахъ въ микробиологическомъ обществѣ. До послѣдней минуты своей жизни Выжнекевичъ не измѣнилъ своей завѣтной идеѣ—идеѣ борьбы съ чумой и, незадолго до смерти, просилъ сжечь свой трупъ во избѣжаніе распространенія заразы.

Къ сожалѣнію опасенія покойнаго отчасти оправдались: два фельдшера, ухаживавшіе за нимъ, заразились чумой, но ихъ, повидимому, удалось спасти.—Въ настоящее время всѣмъ находящимся на фортѣ сдѣланы предохранительныя прививки и приняты мѣры для полного разобщенія форта съ берегомъ.

Выставка картинъ Московскихъ художниковъ.

Прочитавъ такую надпись при входѣ въ зданіе академіи художествъ, я предвкушалъ удовольствіе увидѣть что-нибудь мастерски-колоритное, національное, русское. Но, войдя въ залъ академіи, увидѣлъ *все то-же...* Никакъ не могу я понять это стремленіе нашихъ художниковъ къ номенклатурѣ. Во Франціи было одно время два салона, они разошлись направленіемъ. Салонъ Елисейскихъ полей былъ болѣе академическій, салонъ Марсоваго поля свободный и доступный. Въ немъ находили себѣ мѣсто, правда, не слишкомъ крайніе, символисты, импрессионисты, декаденты. Но, съ теченіемъ времени, различія сгладились и салоны, послѣ постройки для выставки 1900 г. новаго дворца искусства, соединились. И теперь тамъ ежегодно выставляется нѣсколько тысячъ картинъ. Возникаютъ, конечно, новыя направленія, потому что искусство идетъ впередъ, и устраиваются небольшія отдѣльныя выставки, но ихъ создаетъ только направленіе.

Парижанамъ показалось-бы смѣшнымъ, если-бы съ своей выставкой явились бордосцы и лионцы. Художникъ можетъ жить въ Бордо и Лионѣ, но вѣдь — это случайность.

У насъ есть „Петербургскіе“ художники, есть и „Московскіе“, есть „Одесскіе“, а есть и „Кіевскіе“ и вся разница между ними та, что одни живутъ въ Петербургѣ, другіе въ Москвѣ, третьи въ Кіевѣ и т. д. Нѣтъ замѣтной разницы и между „передвижниками“ и „академическими“. Все это случайно.

Въ частности — московскіе художники рѣшительно ничѣмъ своимъ не отличились. Но, что все-таки, до извѣстной степени, оставяетъ на себѣ вниманіе, впрочемъ больше своею курьезностью, чѣмъ положительными достоинствами, не имѣетъ никакого отношенія ни къ Москвѣ, ни даже къ Россіи. Вотъ этюды И. Калмыкова—сюжеты ихъ—природа южной Италіи. Вотъ работы Кандижскаго,—его вдохновили окрестности Мюнхена. Вотъ эскизъ К. Кузнецова,—„Рыбаки“, это плоды наблюденій художника въ юго-западной Франціи, и т. д. Разобраться на этой выставкѣ трудно. На ней нѣтъ ничего законченнаго, глубоко обдуманнаго и потому оставляющаго сильное впечатлѣніе. Все больше копіи—то пробы, точно худож-

ники еще не опредѣлили своего жанра и ищутъ, ищутъ. Но искать надо на воздухѣ и въ мастерскихъ, передъ публикой — же слѣдуетъ выступать съ фizioноміей. Вотъ именно фizioномія и нѣтъ у этой выставки. Она могла-бы присоединиться къ любой изъ существующихъ и остаться все-таки на заднемъ планѣ, кромѣ тѣхъ, рисунки которыхъ мы помѣщаемъ. Можно отмѣтить еще— „У лѣсопильного завода“, М. Боскина, изъ пейзажей—„Вечеръ“ (кажется, Ясинскаго), и „Сѣрый день“—Шишова.

И.

7-го января состоялось первое собраніе новой думы С.-Петербурга, посвященное жеребьевкѣ гласныхъ, выбывающихъ по закону черезъ три года и выборамъ предсѣдателя думы. Въ предсѣдателя предложены были П. П. Дурново—91-мъ и М. М. Стасюлевичъ—59-ю бюллетенями. Баллотировались оба и выбраннымъ оказался генераль-отъ-инфантеріи П. П. Дурново, получившій 100 избирательныхъ и 60 неизбирательныхъ шаровъ. М. М. Стасюлевичъ получилъ избирательныхъ шаровъ немногимъ меньше, а именно 91.

СОДЕРЖАНІЕ:

Текущая жизнь. В. В. Чехова.—Пятидесятилѣтіе „Вѣдности не порокъ“.—Русское общество охраненія народнаго здоровья. В. Алухтина.—Музей этнографіи.—В. И. Турчиновичъ-Выжнекевичъ.—Выставка Московскихъ художниковъ. И.—Выборы предсѣдателя С.-Петербургской думы.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

Для дѣтей

Живописное Обзорѣніе

ПОЛЪЗАНІЯ КРАЗОВАЦЕШЕ

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапехко.*

Два врага. — Съ карт. Лондзеера.

Исторія, которая никогда не кончилась.

И.

Завѣтная мечта.

(Продолженіе).

Какъ только я вышелъ во дворъ, меня сейчасъ же обдало пріятнымъ свѣжимъ холодомъ и я почувствовалъ себя въ плѣну у этого безконечнаго бѣлаго покрывала, застилавшаго всю землю. Я забылъ и о сестренкѣ, и о своемъ неудовлетворенномъ любопытствѣ, и предался своимъ обычнымъ утреннимъ занятіямъ, то-есть безъ конца бѣгалъ по двору, догоняя Дусика.

Я увидѣлъ Иону, который несъ огромную связку сѣна. Это было удивительное зрѣлище, на которое я всегда любилъ смотрѣть. Собственно Ионы не было. Внизу двигались двѣ ноги въ большихъ сапогахъ, а вверху—огромная связка сѣна, обхваченная двумя руками. Сѣно закрывало и животъ и грудь и лицо и казалось, будто оно живое и идетъ на двухъ ногахъ. Но я зналъ, что это Иона, потому что видѣлъ такую-же картину каждое утро.

— Здравствуй, Иона! сказалъ я.

— Здравствуйте, панычъ! отвѣтило сѣно, въ самомъ дѣлѣ—сѣно, потому что Иона тамъ гдѣ-то сзади говорилъ въ сѣно, а слова вылетали изъ сѣна.

— Ты куда?

— А развѣ не видите? Въ конюшню.

— А ты развѣ видишь чтонибудь? У тебя лицо закрыто.

— А зачѣмъ мнѣ видѣть, когда я и такъ знаю: нять лѣтъ хожу по этой дорогѣ.

И онъ шелъ увѣренно и правильно, прямо къ конюшнѣ. Я послѣдовалъ за нимъ. Конюшня, это было мое любимое мѣсто. Она раздѣлялась на двѣ неравныя части. Въ меньшей помѣщались три выѣздныя лошади. Здѣсь и стойла были шире и ясли новѣе. Отецъ страстно любилъ лошадей. Они были очень горячія, нетерпѣливыя и мнѣ не разрѣшалось близко подходить къ нимъ, но Иона, который всю свою жизнь провелъ съ лошадьми и хорошо зналъ ихъ характеръ, смотрѣлъ на это снисходительно. Онъ иногда, вслѣдствіе моихъ неотступныхъ просьбъ, подводилъ меня къ нимъ и позволялъ гладить ихъ морды.

Одного звали «Соколомъ», другого «Васюткой», а третья называлась «Мадамъ», а Иона называлъ ее Мадамой.

Рабочія лошади помѣщались въ другой части конюшни. Тамъ было и мѣста меньше и стойла и ясли не блистали такой чистотой. Лошади эти всегда стояли смиренно и угрюмо, меня они совсѣмъ не занимали.

Я любилъ смотрѣть, какъ Иона каждое утро вы-

чицалъ изъ конюшни навозъ. Онъ вывозилъ его въ тачкѣ, складывалъ въ кучу и говорилъ мнѣ:

— Вы думаете, панычъ, что это какойнибудь ненужный соръ? Вы думаете, что это я выбрасываю вонь? Вотъ и нѣтъ. Это не соръ, это хлѣбъ.

— Какъ это? Навозъ—хлѣбъ?—съ удивленіемъ спрашивалъ я.

— А хлѣбъ, хлѣбъ и есть. Вотъ мы его выведемъ, да недѣльки три онъ полежитъ, а потомъ заберемъ его въ поле, тамъ онъ перезимуетъ въ кучахъ,—вы видѣли эти кучи,—а потомъ, когда наступитъ весна, мы его запашемъ въ землю и отъ него хлѣбъ уродится.

— Развѣ отъ навоза хлѣбъ родится?—любопытствовалъ я.

— Хлѣбъ родится отъ зерна, которое высѣваютъ въ землю, а только безъ навоза онъ родится плохо, а съ навозомъ хорошо. Для того и навозъ Богъ даетъ, чтобы хлѣбъ хорошо родился.

Когда Иона кончилъ съ сѣномъ и навозомъ, онъ отправился въ рабочее отдѣленіе конюшни, подошелъ къ одной изъ лошадей и началъ отвязывать ее отъ яслей.

— Ты зачѣмъ ее отвязываешь?—спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ поѣду за камышемъ,—отвѣтилъ Иона.

— За камышемъ?

У меня заблестѣли глаза. За камышемъ ѣздили черезъ рѣку, на ту сторону ея. Тамъ расло его великое множество. И отсюда, изъ двора, видно было, какъ онъ росъ тамъ безконечной длинной стѣной. Лѣтомъ онъ стоялъ зеленый, а теперь уже пожелтѣлъ.

Камышъ привозили для топки печей. Изъ него же дѣлали крыши на сараяхъ и изгороди. Лѣсокъ у насъ былъ совсѣмъ маленькій и его очень берегли, дровъ въ немъ не рубили. Все это я зналъ.

И уже посрединѣ двора стояли дровни, на которыхъ обыкновенно привозили изъ за рѣки камышъ. Съ давнихъ поръ это было мечтой моей жизни: сѣсть на дровни и поѣхать черезъ рѣку въ глубину камышей; это казалось мнѣ такъ очаровательно.

— Иона, возьми меня съ собой—умолялъ я.

— Куда это?—спросилъ Иона, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ не понималъ, о чемъ я говорю.

— За камышемъ.

— Охъ, что это вы? Да васъ не пустятъ. Да и что вамъ тамъ дѣлать? Тамъ ничего нѣтъ.

— Какъ ничего? а камышъ?

— Ну, чтожъ камышъ? Онъ такой же самый, какъ и здѣсь, когда его привезутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не такой... Тамъ онъ

растетъ, онъ живой тамъ... А здѣсь срубанный... возьми меня, Иона...

— Да не пустятъ-же васъ! Сколько разъ уже просили, а папаша не пускаетъ...

Въ самомъ дѣлѣ меня не пустятъ. Уже не разъ просилъ я отца объ этомъ; но онъ ни за что не соглашался.

А Иона уже вывелъ сбрую рабочую лошадь во дворъ и повелъ ее къ дровнямъ.

— Иона, ты погоди. Я попрошусь,— сказалъ я.

было дорого, долго разговаривать не приходилось и я прямо сказалъ.

— Папа, пустите меня съ Ионой за камышемъ.

Отецъ поднялъ голову и лицо у него было такое ласковое.—А? Съ Ионой? Но ты замерзнешь...

Въ этихъ словахъ уже была для меня надежда. Прежде безъ всякихъ разговоровъ онъ говорилъ:—«это нельзя, ты останешься дома».

— Нѣтъ, я не замерзну; сегодня не холодно. Пустите, папа...

Между друзьями.—Съ кар. Лондзееера.

— А попроситесь, попроситесь.

Я побѣжалъ къ дому, но около крыльца остановился и оглянулся. У меня явилась мысль, что Иона надуетъ меня и уѣдетъ въ то время, какъ я буду въ домѣ.

— Ты, Иона, пожалуйста, пожалуйста не уѣзжай,— еще разъ попросилъ я его.

У меня не было никакихъ основаній думать, что меня пустятъ. И все таки я надѣялся. Я побѣжалъ прямо въ кабинетъ отца. Онъ уже былъ тамъ. Время

онъ подумалъ. Лицо его продолжало быть ласковымъ. Мнѣ уже казалось, что сегодня ни въ чемъ мнѣ не откажутъ.

— Ну, поѣзжай, пожалуй... сказалъ, наконецъ, отецъ.

— Можно?—съ радостнымъ крикомъ спросилъ я.

— Поѣзжай; только надо сказать Ионѣ, чтобы осторожно ѣхалъ.

Но я ужъ не слушалъ его и мигомъ выбѣжалъ во дворъ. Иона уже сидѣлъ на дровняхъ и держалъ возжи

въ рукахъ. Очевидно, у него было намѣреніе обмануть меня и, если бы я не выбѣжалъ, онъ уѣхалъ бы.

— Иона, стой! Папа позволилъ, папа позволилъ! крикнулъ я ему.

Иона махнулъ рукой. — Ну, гдѣ тамъ... развѣ можно?..

— Позволилъ, я тебѣ говорю, что позволилъ... Не уѣзжай, Иона.

А Иона уже дернулъ возжи и лошадь двинулась. Я былъ въ отчаяніи. Вѣдь уѣдетъ, и я, не смотря на позволеніе отца, останусь.

Но въ это время изъ дома вышелъ отецъ въ своемъ мѣховомъ пиджакѣ.

— Погоди, Иона,—сказалъ онъ.—Пусть мальчикъ поѣдетъ съ тобой... Только надо ему потеплѣе одѣться.

— Я одѣтъ, папа, мнѣ тепло...

— Нѣтъ, нѣтъ, надо потеплѣе... Марика!

Я не могъ представить, что такое еще можно надѣть на меня! Но Марика нашла. Въ моей комнатѣ она сняла съ меня кафтанъ, подъ него напялила на мои плечи теплый платокъ. На шею она навязала мнѣ шарфъ, а на ноги надѣла еще болѣе высокія галоши, до самыхъ колѣнъ. Я вышелъ во дворъ и почувствовалъ, что связанъ и ноги мои еле передвигаются.

На дровни наложили сѣна, а сверху коврикъ, меня усадили на все это, какъ мѣшокъ, набитый соломой.

— Смотри, Иона, не потеряй его,—сказалъ отецъ у смѣхнулся.

— Не беспокойтесь, баринъ, панычъ не иголка!—отвѣтилъ Иона.

Мы двинулись, выѣхали за ворота, Дусикъ, очевидно гордый моей побѣдой, прыгалъ и скакалъ вокругъ дровней. Онъ не нуждался ни въ какомъ разрѣшеніи.

— Ну, держитесь, панычекъ, сказалъ Иона и пустилъ лошадь.

Я чувствовалъ себя на вершинѣ блаженства. Я вспоминалъ о путешественницѣ, которая продѣлала тысячу тысячъ верстъ, и думалъ, что самъ теперь продѣлаю гораздо болѣе длинное путешествіе. Только я рѣшительно не могъ опредѣлить, сколько это будетъ верстъ—отъ нашего дома до камыша, который желтой стѣной стоялъ по ту сторону рѣчки.

Сидя на дровняхъ, я выполнялъ свою завѣтную мечту.

III.

Тамъ, гдѣ растетъ камышъ.

Лошадь, которая везла дровни, а на дровняхъ Иону и меня, была сильная, но не быстрая. Она тяжело ступала, погружая ноги глубоко въ снѣгъ и вся-

кій разъ, поднимая ногу, выбрасывала комъ сжатого снѣга съ отпечаткомъ ея кованной ноги. Мы ѣхали медленно, но я и не требовалъ скорости. Для меня главное было—ѣхать въ ту страну, гдѣ растетъ камышъ.

Вотъ уже близко крутой берегъ рѣки. О, это самое заманчивое мѣсто! Я много разъ видѣлъ, какъ осторожно спускалъ здѣсь лошадей Иона, когда съѣзжалъ на водовозной бочкѣ или просто везъ экипажъ, чтобы мыть его на берегу.

Онъ много разъ наворачивалъ на обѣ руки кожаные возжи, сильно притягивалъ ихъ къ себѣ, отчего лошадь чуть не становилась на дыбы и непрестанно произносилъ: «тшш... шш... шш»... Онъ очень ловко и невредимо спускался. Бывали, однако, и неудачи. Помню, разъ оборвалась возжа, и конь, не чувствуя удержу, помчался внизъ во весь духъ, за нимъ, налегая на него сзади, катилась двухколесная тачка съ пустой бочкой, на которой сидѣлъ, безпомощно размахивая руками, самъ Иона, и всѣ четверо, т. е. лошадь, тачка съ бочкой и Иона, очутились въ рѣкѣ.

Мы подѣхали къ берегу. Здѣсь былъ довольно крутой спускъ.

— Ну, панычекъ, держитесь ужъ за меня, а когда будете падать, такъ тогда держитесь уже за землю!—пощутилъ Иона и принялся наворачивать себѣ на руки возжи.

Я не только не сталъ держаться за него, а, съ презрѣніемъ отвергнувъ это предложеніе, отодвинулся нѣсколько назадъ и выпрямился, желая показать, что ничего не боюсь.

Пока мы, такимъ образомъ, готовились, Дусикъ успѣлъ разъ десять сбѣгать внизъ къ рѣкѣ и подняться обратно. Наконецъ, и мы стали спускаться.

До половины дороги я храбро держался, но тутъ подъ дровни попался небольшой камень, они пошатнулись и мнѣ вдругъ показалось, что я сейчасъ слечу въ снѣгъ, и я крѣпко ухватился обѣими руками за поясъ, которымъ Иона подпоясалъ свою свитку.

— Ага, струсили, панычекъ... — Сказалъ мнѣ Иона:—я же говорилъ вамъ,—надо держаться.

Обвиненіе въ трусости, казалось бы, должно-бы заставить меня отказаться отъ услугъ Ионина пояса, но увы! я не могъ оторвать отъ него рукъ, мнѣ казалось, что безъ пояса я сейчасъ свалюсь въ снѣгъ и погибну.

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Портретъ китаецца.

Китайскій сановникъ Ли-чун-лай, прїѣхавъ въ Европу, дивился всему и между прочимъ, посѣщая музеи, останавливался передъ портретами, написанными знаменитыми художниками; его поражало, что на полотнѣ онъ видитъ точно живыхъ людей, которые, какъ ему казалось, вотъ вотъ заговорятъ.

И у него явилось страстное желаніе имѣть свой собственный портретъ, чтобъ отвезти его въ Китай и показать своей роднѣ. Онъ приказалъ отыскать самаго лучшаго художника-портретиста и, когда тотъ явился къ нему, пообѣщавъ ему щедрую плату, если выйдетъ похоже.

— Только я желаю, чтобы вышло все... чтобы сразу было видно, кто я такой! сказалъ онъ художнику.

Художникъ согласился. Начались сеансы. Желая достигнуть наибольшаго сходства, онъ посадилъ его en face и, послѣ нѣсколькихъ сеансовъ вышелъ превосходный портретъ мандарина, замѣчательно похожій:

Долго смотрѣлъ мандаринъ на свое изображеніе и глаза его были полны восхищенія. — О, какъ это хорошо! воскликнулъ онъ: — это мое лицо. Это другой Ли-чун-лай! Теперь каждый можетъ сказать, что на свѣтѣ есть два Ли-чун-лая... Но только—гдѣ-же моя коса? Развѣ вы не знаете,

что китаецъ, а особенно мандаринъ, ничего не стоитъ безъ косы? Нѣтъ, вы нарисуйте меня такъ, чтобы была видна моя коса.

Художникъ согласился перерисовать его. Онъ посадилъ его въ профиль, а косу приподнял со спины и перевѣсилъ черезъ плечо. Опять сходство было поразительное.

Опять долго глядѣлъ на портретъ мандаринъ и съ восторгомъ замѣтилъ:

Это еще лучше, но почему-же я вижу только одно ухо, тогда какъ у меня ихъ пара? Всякій, кто взглянетъ на этотъ портретъ, скажетъ, что я одноухій... При томъ-же и коса моя какъ будто растетъ изъ плеча. Коса у китаецца должна спускаться внизъ. Пожалуйста сдѣлайте такъ, чтобы коса спускалась внизъ и чтобы всякій видѣлъ, что у меня два уха.

Художникъ готовъ уже былъ выйти изъ терѣнія и отказаться, но ему пришла въ голову мысль, что, очевидно, для китайскаго сановника самое главное—уши и коса. Тогда онъ рѣшилъ сдѣлать еще одинъ опытъ: онъ посадилъ Ли-чун-лая къ себѣ спиной и нарисовалъ портретъ, на которомъ коса и уши вышли великолепно.

Тутъ и мандаринъ рассердился.— Я вижу, сказалъ онъ, что въ Европѣ только хвастаютъ, а совѣмъ не умѣютъ рисовать. Вы можете нарисовать только половину человѣка.

Художникъ началъ объяснять ему законы перспективы и доказывать, что иначе нарисовать портретъ невозможно, но рассерженный Ли-чун-лай не далъ ему договорить.

— Все это пустяки, все это одно европейское невѣжество. У насъ въ Китаѣ все это умѣютъ дѣлать. Хотите я вамъ покажу?

— Я прошу васъ объ этомъ, сказалъ художникъ.

Ли-чун-лай взявъ уголь и на большомъ холстѣ нарисовалъ желанный для него портретъ мандарина.

А затѣмъ прибавилъ:

— Но можно еще и такъ:

Жизнь всѣхъ странъ свѣта.

Странъ свѣта много, вы ужь навѣрно знаете, сколько ихъ и какъ они называются. И, конечно, самый интересный житель всѣхъ странъ свѣта—человѣкъ. Но о немъ мы поговоримъ когда-нибудь послѣ, когда до него придетъ очередь, а теперь займемся „младшей братіей“—звѣрями и звѣрьками. Въ каждой странѣ свѣта они—хоть и съ родни тѣмъ, которые живутъ въ другихъ странахъ,—но все же различны и по виду, и по нраву, и по величинѣ. Мы начнемъ съ Новаго Свѣта т. е. съ Америки.

Сѣверная Америка.

Животныя Новаго Свѣта отличаются разнообразіемъ породъ и въ то же время, сравнительно съ животными Стараго Свѣта, въ которомъ мы живемъ, малыми размѣрами и слабосильностью. Напримѣръ, льва, въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ (конечно въ клѣткахъ звѣринца), въ Америкѣ совсѣмъ нѣтъ. Его замѣняетъ пума — жалкій котенокъ въ сравненіи съ царемъ звѣрей,—слабый, трусливый и лишенный гордой красоты и величія. Не найдете вы въ Америкѣ и тигра; вмѣсто него вамъ попадется тощій и сравнительно съ тигромъ слабый ягуаръ.

Нѣтъ тамъ ни слоновъ, ни бегемотовъ, ни носороговъ, ни верблюдовъ. Они тоже замѣнены болѣе мелкими породами. Тамъ не встрѣчается лошади въ

дикомъ состояніи. Лошадей, конечно, много въ американскихъ городахъ и селахъ; но это все — потомки вывезенныхъ изъ Стараго Свѣта — изъ Европы и Азіи.

Не водится въ Америкѣ и такихъ породъ коровъ, овецъ и козъ, которыя кормятъ насъ молокомъ. Тамъ доятъ ламъ, но молоко ихъ мало пригодно для пици.

На отдѣльныхъ рисункахъ самый отдаленный сѣверъ Америки представленъ съ одной стороны группой тюленей, расположившихся среди льдинъ въ обществѣ полярныхъ птицъ—пингвиновъ, съ другой—уголкомъ изображающимъ ѣзду на собакахъ. Полярныя собаки, замѣняющія сѣверному жителю лошадей, представляютъ

совсѣмъ особую породу. Не слѣдуетъ думать, что всякую собаку можно запретъ въ сани и она повезетъ ихъ, Тутъ же изображенъ полярный бѣлый медвѣдь—любитель вѣчныхъ льдовъ и никогда не тающего снѣга. Шерсть его также бѣла, какъ снѣгъ, среди котораго онъ живетъ.

На главномъ рисункѣ, въ серединѣ группы, вы найдете изображеніе охоты индѣйцевъ (гуземцы Америки) на бизонѣвъ. Во главѣ стада—молодой бизонъ и антилопа. Но картина эта относится къ прошлому Америки. Въ настоящее время и бизоны вывелись, ихъ осталось ничтожное число; да и индѣйцы отчасти слились съ новымъ образованнымъ населеніемъ, явившимся изъ Европы, отчасти вымерли, а оставшіеся еще въ дикомъ состояніи удалились въ дебри лѣсовъ. Налѣво отъ этого рисунка изображены овцы скалистыхъ горъ съ сильными крутыми рогами. Подъ ними—громандный сѣрый медвѣдь, пожирающій свою добычу. Ниже—сѣбака прерій—обширныхъ пространствъ, богатыхъ

разнообразными травами, тутъ же—сова, живущая въ норахъ и гремучая змѣя, часто оказывающаяся ея сѣждкой по подземному жилищу.

Еще ниже—лысоголовый орелъ, испугнувшій стадо дикихъ индѣекъ, отъ которыхъ произошли и наши, индѣйки—домашняя птица, нѣжное мясо которой вы такъ любите.

Справа отъ средней группы изображены, мускусные быки. Въ тѣлѣ этихъ животныхъ есть железа, выделяющая пахучую ароматную жидкость—мускусъ, который употребляется на мыло и духи.

Ниже—американскій олень, соответствующій нашему лосю. У него громадныя рога и своеобразный бѣгъ—съ перевалкой. Подъ нимъ—тетеревъ, который такъ замечтался, что не замѣчаетъ подкрадывающагося врага. И наконецъ—маленькая лѣсная сценка, которая непременно кончится очень плохо: семейство оленей, робкое и кроткое, не подозрѣвая опасности, наслаждается свободой. А хитрый пума, хотя и трусливый, но коварный, любящій нападать изъ-за угла, взобрался на дерево и готовъ прыгнуть оттуда прямо на мою довѣрчивому оленю.

Этимъ, конечно, не исчерпываются всѣ животныя, населяющія Сѣверную Америку. Здѣсь есть своеобразныя породы птицъ отъ крупныхъ до самыхъ маленькихъ, какъ танагры, трупалы, тиронсы и колибри. Опасныя гремучія змѣи здѣсь бываютъ разнообразны, также имѣются ящерицы. Водятся тутъ и крокодилы, аллигаторы, кайманы,—все такія существа, съ которыми лучше не встрѣчаться.

Но за то сѣверъ Америки очень богатъ пушными звѣрями, мѣха которыхъ употребляются на шубы. Здѣсь во множествѣ водятся: песцы, полярныя зайцы, куница, соболь, мускусная крыса, рѣчные и морскіе бобры. Мѣха этихъ звѣрей въ большомъ количествѣ доставляются изъ Америки въ Европу.

ШАРАДА.

Мой первый слогъ—простое слово,
Въ немъ буквъ найдется счетомъ пять.
Вамъ стоитъ въ памяти толково
Знакомыхъ вашихъ перебрать,
Чтобъ это слово отгадать.
Два слога дальше—къ повелѣнью
Того, кто слышитъ ихъ, зовуть.
Глаголь, подвергнутый спряженью;
Чтобъ знать, какая форма тутъ,
Уроки грамоты берутъ.
И наконецъ—мой слогъ послѣдній
Скрижаль исторіи хранитъ;
Живетъ имъ градъ тысячелѣтній,
Въ немъ слава древняя звенитъ
И въ глубь прошедшаго манитъ...
А вмѣстѣ—колоссъ необъятный,
Отчизны гордость и краса,
Чей геній свѣтлый, благодатный
Руси послали небеса.

СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодинъ.—Портретъ китайца.—Жизнь всѣхъ странъ свѣта. Сѣверная Америка.—Шарада.

Редакторъ *Н. П. Несторъ.*

Предс. Администраціи *Д. Ж. Бородихъ.*

Открыта подписка на 1904 годъ (изд. XIX годъ)

1 РУБ. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ РУБ. 6 за годъ съ дост. и перес.

Русскій Паломникъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

Отца Юанна Кронштадт.

52 ММЪ ЖУРН. до 2000 СТОЛБЦ. ТЕКСТА и до 300 ИЛЛЮСТР. Очерки, разскъ эв. сказованія, статьи благого, правдиваго и историческаго содержания, воспоминанія и предан. русск. старинн., отклики на вопросы современной жизни.

12 КНИГЪ до 2400 СТРАНИЦ. УБОРИСТО ПЕЧАТИ, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ истории русскаго народа и православной церкви, очерки расказа изъ истории ислѣбской, обшей и церковной, описание святыхъ и т. п.

И КРОМЪ ТОГО БЕЗПЛАТНО БУДЕТЬ ВЫДАНО:

6 КН. больш. форм. 50Ч. Ф. В. ФАРРАРА ЖИЗНЬ ИСУСА ХРИСТА

КОПИЯ СЪ ИКОНЫ НОВАЯВЛЕННАГО ЧУДОВОРЦА СЕРАФИМА САРОВСКАГО, исполненная НА МЕТАЛЛЪ въ рѣдѣной золотеной ризѣ. УПЛАТИТЬШЕ СПИМНА надѣи. сумку получить НЕМЕДЛЕННО при первомъ ММЪ, а подписавшеся съ разсрочкой—по уплатѣ послѣдующаго взноса.

Въ 12 книгахъ „Русскаго Паломника“ будетъ дано:

- 1) Черноморскіе богатыри. Картины Севастопольской обороны. В. А. Раичича.
- 2) Прельщеніе литовское. Церковно-историческая повѣсть. В. П. Лебедева.
- 3) Задушевные рѣчи. Очерки, бесѣды и странички изъ дѣтства. А. В. Кружалева.
- 4) Вокругъ собора. Повѣсть изъ истории Западной церкви XV в. Д. Алькока. Церков. Н. П. Давыдовскаго.
- 5) Лучъ Божьяго свѣта въ пустынь глухой. Повѣсть изъ жизни на Пелюсидской окрѣпѣ. О. Гомичева.
- 6) На сѣверѣ дикомъ. Церковно-историч. повѣсть. Д. А. Гессина.
- 7) Вопросы вѣры и жизни. Сбор. статей доц. Спб. Дух. Акад. Геромонаха Мавриана.
- 8) Русскій Саванарола. Историч. повѣсть. Н. О. Давыдова.
- 9) Волярыя Морозова. Повѣсть изъ исторіи русскаго раскола. Г. П. Стеревцева.
- 10) Братья на братѣ. Историч. повѣсть-хроника. Н. Н. Алексеева-Кургузова.
- 11) Въ добрыхъ сектантства. Выговоръ повѣсть изъ жизни сектаторовъ и хлыстовъ. Д. М. Березкина.
- 12) Свѣтъ. Повѣсть М. Моллора изъ временъ земной жизни Иисуса Христа. Переработка Кн. М. В. Волконской.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: быть доставленъ въ Спб. пять руб., съ доставкой и перес. во всея города Россіи по имеріи шесть руб., за границу 10 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальнѣе. Главная Контора: Спб., Стремянная ул., 12, собств. домъ.

Открыта подписка на 1904 г. на

„Живописное Обозрѣніе“

Администрація по дѣламъ Д-ра Мед. В. И. Рамма, признавъ въ порядокъ его обширное издательское и типографское дѣло, начинаетъ свою дѣятельность съ 1-го января 1904 г. издавая журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

При ближайшемъ участіи И. Н. ПОТАПЕНКО. Новая редакция журнала, озабочиваясь привлеченіемъ къ ближайшему участию въ ея дѣятельности лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, не желаетъ прибѣгнуть къ обычной рекламѣ и общаніямъ, полагая, что само издание журнала привлечетъ вниманіе читателей, если оно того будетъ заслуживать.

Въ теченіе 1904 г. каждый подписчикъ получитъ:

- 52 ММЪ: ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА. Снимки съ картинъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ художниковъ.—Выставки въ Россіи и за границей. Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія.
- 52 ММЪ: журнала ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НЕДѢЛЯ. —Событія недѣли въ Россіи и заграничій въ статьяхъ и въ рисункъ.
- 52 ММЪ: журнала ПОЛЬЗА И РАЗВЛЕЧЕНІЕ. —Популярная статья по вѣсьмъ вопросамъ знанія. Хроника новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній—Игры и забавы дома и на воздухѣ. Шутки, шарады, ребусы, задачи и загадки.
- 12 ежемѣс. книгъ литературнаго политическаго и общественаго журнала. Болѣе 2000 страницъ текста. Обозрѣніе: литературное, иностранное, внутреннее, экономическое, научное.—Воспоминанія и путешествія.—Большие романы и повѣсти.
- 12 вып. журн. Моды. Хроника модъ Письма изъ Парижа. Вѣны, Лондона, Моды дамскія и дѣтскія
- 12 вып. Выкройки и вышиванія по новѣйшимъ образцамъ русскихъ и иностран. авторовъ

52 КНИЖКИ полнаго иллюстрированнаго собранія романовъ знаменитаго англійскаго юмориста „ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА“ до 6000 страницъ текста. Болѣе 200 иллюстрацій.

Всѣ внесшіе подписные деньги на 1903 г. получаютъ въ размѣрѣ своего взноса журналъ и всѣ приложенія на 1904 г. БЕЗПЛАТНО. Привлашше въ 1903 г. на пересылку „Третьяковской Галлерей“ получать эту галерею БЕЗПЛАТНО по внесеніи полной подписной суммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 8 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 3 руб. къ 1-му апрѣля 3 руб. и къ 1-му іюня 2 руб. или первые 9 мѣсяцевъ по 1 руб. Подписка принимается въ Главн. Конт. Живописнаго Обозрѣнія. С.-Петербургъ, Невскій, 90. Редакторъ А. П. Несторъ. Предсѣд. Адм. Прис. Повѣр. Д. Н. Бородинъ.

Дозволено цензурой. Спб., 24 Января 1904 г.

Открыта подписка на 1904 г. НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВОСТЬ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ

модъ редакціей Присяжнаго Повѣреннаго Д. Н. Бородина.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА: I. Правительственныя распоряженія.—II. Статьи, обзоры корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ.—III. Питательное дѣло.—IV. Кредитъ и банковое дѣло.—V. Страховое дѣло.—VI. Профессиональное дѣло.—VII. Кустарное дѣло.—VIII. Артельное дѣло.—IX. Переселенческое дѣло.—X. Биржа, фондовая и вексельная бумаги.—XI Хроника.—XII. Обзоръ печати и библиографія.—XIII. Биографія, очерки и разсказы.—XIV. Отвѣты на вопросы читателей.—XV. Рисунки и чертежи.—XVI. Объявленія.

Подписная цѣна: Съ пересылкой и доставкой на годъ—3 руб. полгода—1 руб. 50 коп., четверть года—1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, улица Глинка, 6.—Телефонъ № 307.

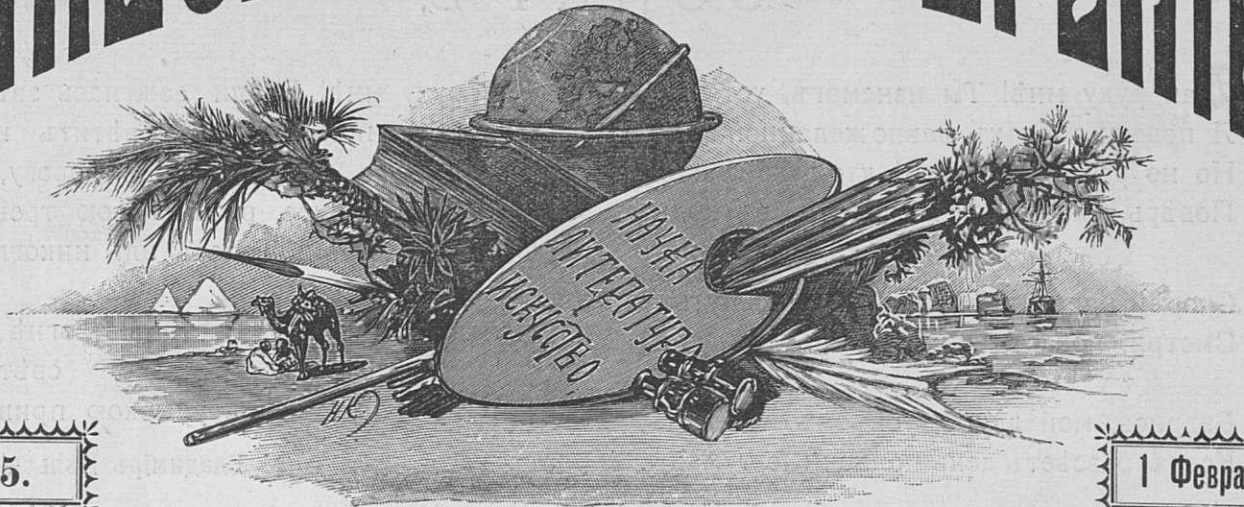
Въ концѣ 1904 г. всѣ гг. подписчики получаютъ:

Безплатную премію сочиненіе Д. Н. Бородина „Алкоголизмъ у дѣтей“.

Редакторъ-издатель Д. Н. Бородинъ.

„С.-Петербургская Электротпечатня“, Коломенская ул., 38—41.

ЖИВОНПИСНОЕ ВЪЗРЪНІЕ

№ 5.

1 Февраля.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапекко.*

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается р. зрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка непареля — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Конторъ и Редакція Журнала: С.-Петербургу Невскій, 90. Отдѣленіе. Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Мажаровскаго. Редакціи. Журнала открыта для личн. объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

На блинахъ у старосты.—Ориг. рис. *Т. В. Бълоусова.*

СОНЕТЪ,

Дай руку мнѣ! Ты изнемогъ, усталъ—
Я поведу тебя къ давно желанной цѣли,
Но не робѣй, въ борьбѣ кто духомъ палъ
Повѣрь, слабѣе тотъ дитяти въ колы-
бели.

Скорѣй, впередъ! Тяжелъ и дологъ путь,—
Смотри, погасъ закатъ, объять зарей
багряной,
Бодришь, мой другъ, успѣемъ отдохнуть,
Когда разсѣтъ день полночные туманы.

Дай руку мнѣ! Вдали зажглась звѣзда,
Она прогонитъ мракъ, освѣтитъ намъ
дорогу,—
Забудь минувшее, развѣй свою тревогу!
Скорѣй, скорѣй! Теперь иль никогда.—

Почти у цѣли мы. Востокъ въ огнѣ раз-
свѣта.
Даритъ измученныхъ улыбкою привѣта.

Владиміръ Бѣльскій.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ.

IV.

(Продолженіе).

Даша стояла неподалеку отъ порога съ своей картонкой въ правой рукѣ, худенькая, блѣдная, истощенная, но выраженіе лица ея было веселое и въ этой веселости было что-то дѣтское.

Благодаря своей худобѣ, она казалась очень маленькой, гораздо меньше своего настоящаго роста. А толстая картонка еще болѣе увеличивала это впечатлѣніе, какъ бы подавляя ее своей солидностью.

На видъ этой дѣвушкѣ съ перваго взгляда можно было дать больше лѣтъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ и это зависѣло отъ анемичнаго цвѣта ея лица, отчасти же отъ ея одежды, которая вся сплошь была одного темно-сѣраго цвѣта. Только плечи ея прикрывала бѣлая пелеринка изъ дешевыхъ рыночныхъ кружевъ.

Ея пепельные волосы,—тонкіе и шелковистые—казались преувеличенно густыми. Благодаря своей упругости, они не укладывались въ прическѣ и небольшими прядями выступали изъ нея, свѣшиваясь то надъ лбомъ, то надъ висками, то вдругъ выскакивая смѣлымъ завиткомъ гдѣ нибудь на макушкѣ.

Было что-то безпомощное въ ея, какъ казалось, не совсѣмъ сложившейся и слегка сутуловатой фигурѣ. Но когда смотрѣли въ ея ясные голубоватые сѣрые глаза, то видѣли въ нихъ самую настоящую молодость. Ей было всего восемнадцать лѣтъ. Голосъ ея былъ слабый, но не тонкій. Въ немъ чуть-чуть дрожала скорбная нотка.

Нѣсколько лѣтъ уже она постоянно работала въ домѣ Подгорцевыхъ.

— Извините, Анна Матвѣвна, какъ то конфузливо и неловко проговорила Даша:—у меня, видите, бабушка прихворнула, такъ я не кончила... Такъ я ужъ здѣсь dokonчу, если позволите... Ужъ извините, пожалуйста.

— Что это?—спросила Анна Матвѣвна, видимо стараясь припомнить какое то забытое обстоятельство:—Ахъ, да, да, платье... Ну, Даша, ужъ и не знаю... не до платья теперь. Надя, развѣ ты пойдешь на этотъ вечеръ?—обратилась она къ дочери такимъ тономъ, на который всегда отвѣчаютъ: нѣтъ.

Но Надя не отвѣтила—«нѣтъ». Несмотря на то, что недавно, въ разговорѣ съ Рысинымъ, она категорически отвергла предложеніе идти на студенческий вечеръ, тѣмъ не менѣе теперь, увидѣвъ воочию, что платье, которое въ послѣдніе дни было предметомъ ея мечтаній, находится такъ близко отъ нея, въ картонкѣ, она сильно заколебалась.

— Я не знаю...—нерѣшительно отвѣтила она. Мнѣ не очень хочется,—но... Но Иванъ Петровичъ купилъ билеты... Можетъ быть, неловко...

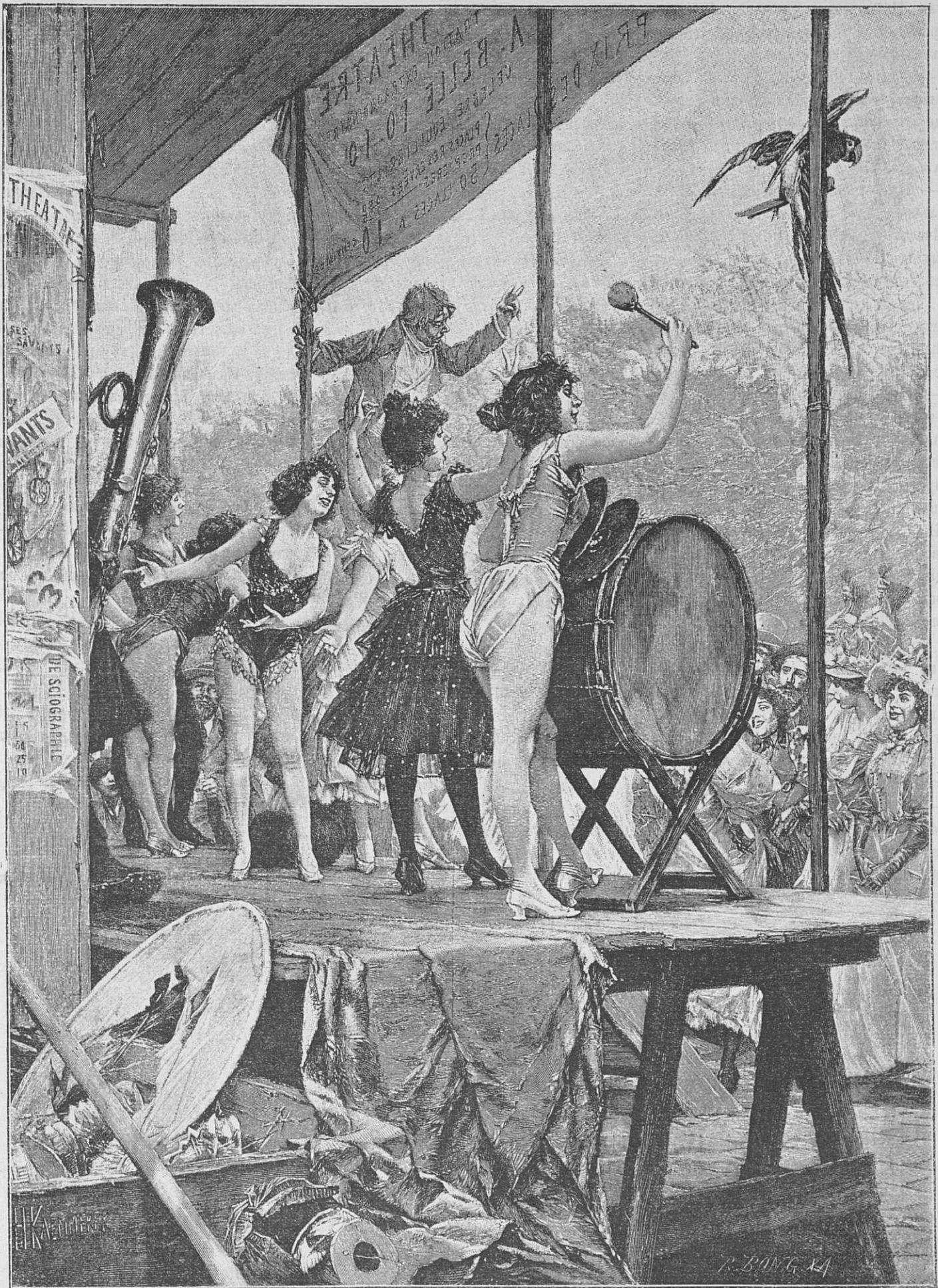
— Ну, конечно, Надечка, пойдете, конечно...—съ полной увѣренностью сказала Даша:—а платье какое вышло! Кофточка—одно очарованіе. И какъ вамъ пойдеть, Надечка, ахъ, какъ пойдеть!.. Вотъ смотрите-ка!

И она, какъ бы боясь, чтобы ее не остановили, чрезвычайно поспѣшно сняла крышку съ картонки и быстрымъ движеніемъ вынула оттуда лежавшую сверху кофточку. Нѣжно-розовый цвѣтъ матеріи точно освѣжилъ воздухъ въ комнатѣ и кака-то отрадная струя почувствовалась всѣми присутствующими. Надя забыла о недавнихъ слезахъ и о той бѣдѣ, которая нависла надъ ихъ семействомъ и радостно воскликнула:—Ахъ, какая прелесть, вотъ прелесть... Я примѣрю... Мама, позвольте мнѣ примѣрить...

— Да ужъ иди себѣ, пожалуй... Хотя... Ну, да иди, иди... Отвѣтила Анна Матвѣвна.

— Ну, конечно, пойдете и примѣримъ,—сказала Даша:—вы увидите, тогда всякій, кто ни посмотритъ на васъ, непременно влюбится въ васъ, вотъ увидите... Пойдете.

— А философскій вопросъ?—промолвилъ Сергѣй, останавливая ихъ,—погоди, Надя, это надо при тебѣ...

У балагановъ. Съ карт. Х. Кеммера.

— Ну, вотъ еще глупости!—воскликнула Надя:—при томъ Дашѣ нужно торопиться... Нельзя задерживать ее изъ за твоихъ пустяковъ.

— Да, я тороплюсь, Сергѣй Николаевичъ!—сказала Даша:—мнѣ нужно еще сегодня у Варвары Семеновны работать. Вы насъ отпустите, пожалуйста ста...

— Ну, вы всегда торопитесь, Даша. Только, вѣдь, это одна минута. Вотъ сейчасъ.—И онъ вдругъ обернулся лицомъ къ Жигулеву:—я хочу спросить васъ, господинъ Жигулевъ, такъ какъ вы человѣкъ опытный,—какъ вы думаете, честному человѣку большое надо сдѣлать усиліе, чтобы стать негодяемъ?

— Ну, вотъ, я же говорила, что изъ за такой глупости не стоитъ ждать!—промолвила Надя, совершенно не понявъ его намѣреній и принявъ его вопросъ за неудачную шутку:—пойдемъ, Даша.

Но Даша теперь уже не торопилась. Она, еще не зная обстоятельствъ сегодняшняго дня и всего того, что произошло здѣсь, не слыша предыдущаго разговора Сергѣя съ Жигулевымъ, тонко почувствовала, что здѣсь, между этими людьми, какія-то обостренныя отношенія и что свой вопросъ Сергѣй поставилъ не зря. Она слышала это въ тонѣ, какимъ онъ говорилъ, и видѣла въ выраженіи лица, съ какимъ Жигулевъ выслушалъ.

— Подождемте, Надечка, мнѣ хочется послушать,—сказала она, схвативъ Надю за рукавъ кофточки и удержавъ ее.

— Послушайте, Даша,—промолвилъ Сергѣй:—ну, такъ какъ же, господинъ Жигулевъ?

— Я не знаю,—презрительно отвѣтилъ Жигулевъ:—я никогда не испытала этого. Надѣюсь, никто въ этомъ не сомнѣвается,—прибавилъ онъ, осмотрѣвъ всѣхъ присутствующихъ.

— Гм... Жаль, что вы не знаете. А меня это очень интересуеъ.

— Почему это можетъ васъ интересовать?

— Да какъ вамъ сказать?—молвилъ Сергѣй въ высшей степени двусмысленно:—самъ хочу попробовать сдѣлаться негодяемъ... Конкуренцію сдѣлать господамъ специалистамъ желаю... Что же тутъ особеннаго? Не боги вѣдь горшки обжигали? А... Какъ вы думаете на этотъ счетъ, господинъ Жигулевъ? Такъ не знаете?

И Сергѣй съ открытой дерзостью посмотрѣлъ ему въ глаза.

— На подобные вопросы я считалъ бы для себя унизительнымъ отвѣчать!—промолвилъ Жигулевъ.

— А я могу вамъ отвѣтить, Сергѣй Николаевичъ,—неожиданно для всѣхъ сказала Даша, и голосъ ея звучалъ очень увѣренно и смѣло.

— Вы?—съ недоувѣрчивой усмѣшкой спросилъ Сергѣй:—ну, Даша, вы вѣдь ангель. Откуда вамъ знать это?

— Нѣтъ, я знаю,—съ видимой испѣшностью заявила Даша, какъ бы боясь, чтобы у нея не отняли право говорить:—я знаю. Честный человѣкъ никогда не можетъ сдѣлаться негодяемъ. Никогда, никогда...

— Почему же не можетъ?—спросилъ

Сергѣй, видимо вдумываясь въ ея слова.

— Потому что не выдержать!—отвѣтила Даша.

— Какъ не выдержать?

— Да вотъ какъ иные, которые хотя бы докторами сдѣлаться, анатоміи не выдерживаютъ. Идутъ-то храбро, а какъ начнутъ передъ ними рѣзать человѣка, тамъ имъ дурно дѣлается и они бросаютъ. Такъ и здѣсь...

Сергѣй съ необыкновенною живостью одобрительно захопалъ въ ладоши.— Хорошо, Даша, умно. Право, умно. Умная вы, Даша. Только наивно, поангельски. Я думаю, что эту анатомію легко превозмочь; какъ вы думаете объ этомъ, господинъ Жигулевъ?

Жигулевъ пренебрежительно отвернулся отъ него и обратился къ Аннѣ Матвѣевнѣ:—вашъ сынъ, Анна Матвѣевна, силится задѣть меня, но это ему не удастся.

— Вы думаете, господинъ Жигулевъ? вызывающе сказалъ Сергѣй,—а что, если удастся?

— Нѣтъ, не удастся!—рѣшительно заявилъ Жигулевъ.

— А, вѣдь, это такъ легко,—продолжалъ Сергѣй все тѣмъ же вызывающимъ тономъ,—стоитъ только на минуту сдѣлаться негодяемъ!

— Вотъ это-то вы и не сможете сдѣлать, еслибъ даже и захотѣли,—сказала Даша.

— Вы такъ увѣрены въ этомъ, Даша?—молвилъ Сергѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

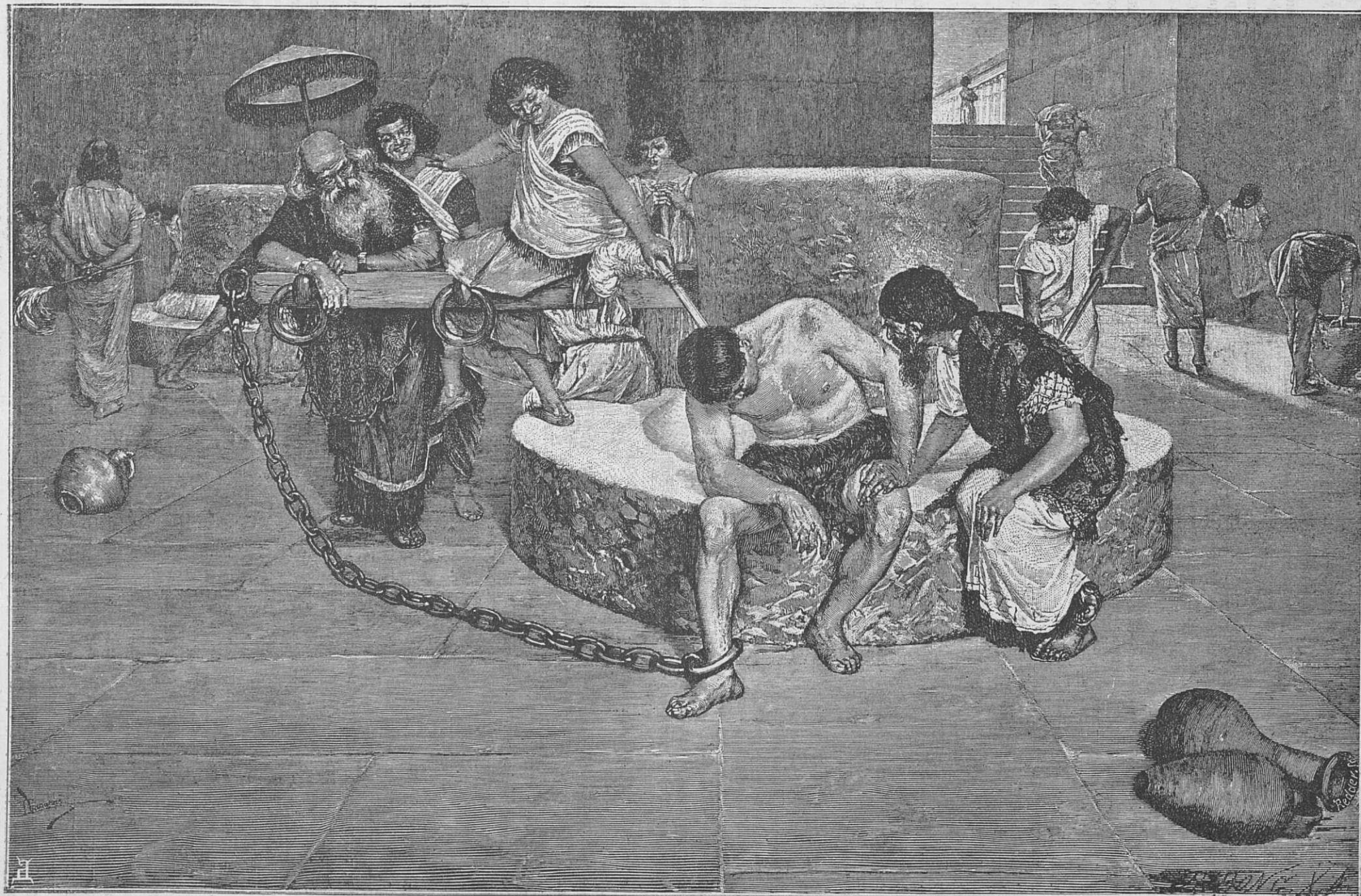

Въ одной изъ книгъ моихъ случайно
увидала
Ты память прошлыхъ дней, засохшіе
цвѣты.
Ревнуя къ нимъ меня, ихъ выбросила ты
И злобно лепестки сухіе растоптала...
Цвѣты рассыпались, сломались... И пе-
чаль

Сдавила сердце мнѣ—мнѣ стало ихъ
такъ жаль...
Вотъ такъ же сломаны надежды дней
счастливыхъ
И блекнуть день отъ дня картины лож-
ныхъ сновъ,
То мертвые тона засушенныхъ цвѣтовъ,
Когда то молодыхъ, душистыхъ и кра-
сивыхъ.

Николай Урванцовъ.

Самсонъ у жернова.— Съ карт. J. Вазарна.

Изъ за собаки.

(Рассказъ).

Двѣнадцатый часъ яснаго весенняго дня. На Демидовомъ мосту толпа народа. Всѣ стоятъ, вытянувши шею, и смотрятъ въ воду.

— Что тутъ случилось?—спросила Елена Борисовна Грохотова, подходя.

При видѣ элегантно одѣтой молодой женщины, толпа разступилась.

— Собаку посмотримъ; тамъ, вишь ты, въ трубѣ сидитъ,—отозвался кто-то изъ близъ стоявшихъ, уступая дорогу Еленѣ Борисовнѣ.

Грохотова подошла къ рѣшеткѣ и заглянула въ каналъ. Около водосточной трубы плавали двѣ связанныя доски, спущенныя на веревкахъ съ набережной. На доскахъ валялись куски хлѣба, булки, колбасы.

— Какже она туда попала?—спросила Елена Борисовна, ни къ кому не обращаясь.

— Да вчера еще это было: она плыла по канавѣ, ее стали ловить на лодкахъ, она испугалась, да и залѣзла въ трубу,—отвѣчалъ молодой парень, повидимому мастеровой.—Ужъ туда лазали ее спасать, да убѣгаютъ, не дается. Наголодалась, вѣрно, и одичала.

У Грохотовой скалось сердце. Она съ дѣтства любила животныхъ и особенно заботилась всегда о несчастныхъ искалѣченныхъ и голодныхъ собакахъ и кошкахъ.

— Господи, какъ бы ей помочь, думала она, не спуская глазъ съ трубы, въ надеждѣ увидѣть собаку, но собака не показывалась.

— А вы видѣли собаку?—спросила она у парня.

— Нѣтъ, я только что пришелъ, а тутъ мой землякъ былъ, такъ, говорить, видалъ. Говоритъ, махонькая бѣленькая собачка.

— Что ты врешь-то, перебила его дѣвушка, въ бѣломъ передникѣ, нашъ курьеръ говорилъ, что большая рыжая собака, онъ самъ видѣлъ.

— Да и Гаврило самъ видѣлъ, что махонькая, бѣленькая.

Парень и дѣвушка заспорили.

— А я вотъ пойду папѣ скажу, онъ покровитель животныхъ, сейчасъ велитъ полѣзть туда комунибудь и вытащить ее,—вдругъ заявила дѣвочка-подростокъ, съ книжками въ ремняхъ.

— Да какъ туда полѣзть-то, тутъ берега нѣтъ, туда и спуститься-то нельзя,—сказалъ кто-то изъ толпы.

— А вы, барышня, скажите вашему папашѣ, что я полѣзу за ней. Вѣдь ежели онъ покровитель, то мнѣ тогда трехрублевку дадутъ и медаль за это,—произнесъ чей-то хриплый голосъ.

Елена Борисовна съ любопытствомъ оглянулась на говорившаго. Это былъ парень лѣтъ 25, съ одутловатымъ лоснящимся лицомъ, съ плутоватыми красными и слезящимися глазами, съ небольшою рыжеватой борошкой. Одѣтъ онъ былъ въ рваный люстриновый пиджакъ, поверхъ грязной розовой рубашки, въ оборванныхъ брюкахъ

и опоркахъ на босую ногу. На головѣ было надѣто какое-то подобіе шляпы. Его носъ можно было бы съ успѣхомъ продемонстрировать на какомънибудь ученномъ засѣданіи, посвященномъ вопросу о привычныхъ алкоголикахъ.

— Я сейчасъ пойду скажу папѣ,—съ важностью произнесла дѣвочка, направляясь по Демидову переулку.

— А развѣ туда можно слазить?—робко спросила Грохотова оборванца.

— Отчего же-съ, сударыня, сколько угодно, туда только влѣзть трудно, узковатая труба, поворачиваться нельзя, а тамъ оченно хорошо, широко, высоко, гуляй, что въ твоей гостинной. Я уже два раза лазилъ туда, да убѣгаешь отъ меня собака, никакъ не словить. Надо будетъ приманить чѣмънибудь.

— А сколько вамъ надо заплатить за это? спросила Грохотова, отходя съ оборванцемъ въ сторону.

— Да за пятишницу можно слазить.

Грохотовой не нравилось его лицо.

— А кто мнѣ поручится, что вы дѣйствительно будете спасать собаку?

Едва замѣтная улыбка пробѣжала по губамъ оборванца.

— Что вы, барынька, помилуйте. Неужто-жъ я буду обманывать васъ? Вѣдь и мнѣ животинку-то жалко. Вы посмотрите, какъ туда лѣзть-то страшно, вѣдь я жизни могу рѣшиться. Я бы не полѣзъ туда, кабы собачки не жалѣлъ. Давеча выглядываетъ это она изъ трубы-то, а глаза-то скушныя, скушныя. Такъ жалко мнѣ ее стало, что страсть, я и полѣзъ за ней, да убѣгла она отъ меня.

— Ну хорошо, я вамъ заплачу пять рублей, но только ужъ вы постарайтесь поймать собаку.

— Ну, сударыня, я сбѣгаю переодѣться, а вы пообождите меня маленько.—

Въ толпѣ захохотали.

— Завѣщаніе пошелъ писать, кому капиталы свои оставить.—

— Бумажникъ понесъ домой, какъ-бы въ воду не обронить,—послышались голоса.

— Пошелъ галоши надѣтъ, боится ноги промочить.—

— Да ужъ больно у него костюмъ то хорошъ, жалко, все таки, оборваться можетъ.—

Оборванецъ быстро скрылся въ воротахъ ближайшаго къ мосту дома, предварительно шепнувъ что-то, двумъ или тремъ такимъ же оборванцамъ. Тѣ утвердительно кивнули головою и остановились около Елены Борисовны.

Минуть черезъ пять оборванецъ возвратился. Онъ былъ босой, въ синихъ съ большими заплатами портахъ. Грязное тѣло выглядывало изъ подъ красныхъ ключевъ, замѣнявшихъ ему рубашку, на головѣ ничего не было надѣто. Его сопровождалъ человѣкъ шесть такихъ же оборванцевъ.

— Пожалуйте, сударыня, станьте здѣсь, сказалъ Грохотовой, указывая ей мѣсто. Здѣсь вамъ повиднѣе будетъ.—

Грохотова повиновалась. Пришедшіе съ

Ершомъ оборванцы, стали полукругомъ сзади нея. Только что Ершъ началъ объявлять себя веревками, какъ къ нему подошелъ городской.

— Безъ разрѣшенія господина пристава я не могу позволить тебѣ спуститься туда, заявилъ онъ.—Пожалуйте, сударыня; въ участокъ,—обращаясь къ Еленѣ Борисовнѣ,—продолжалъ онъ,—вамъ тамъ дадутъ разрѣшеніе, а то, Боже сохрани, случится тамъ съ нимъ чтонибудь, мнѣ тогда нагорить.—

— Нельзя ли обойтись безъ этого,—дрожащимъ голосомъ, спросила Грохотова.

— Никакъ нѣтъ-съ,—коротко отвѣтилъ городской, отходя къ своему посту.

— Заварила кашу, такъ расхлебывай,—грубо сказалъ кто-то.

Елена Борисовна растерянно оглядѣлась. Тѣснымъ кольцомъ вокругъ нея столпилось человѣкъ десять оборванцевъ.

— Пожалуйте за мной, сударыня,—сказалъ Ершъ, выступая впередъ.

Грохотова повиновалась. Оборванцы отъ нея не отставали. Смущенная, едва владѣя собою, шла она среди своей необычайной свиты. Къ счастью, въ участкѣ, дежурный окологородный, уже знавшій о происшествіи съ собакой, немедленно выдалъ разрѣшеніе.

Оборванцы ликовали. Въ томъ же порядкѣ возвратились они на мостъ.

— Ну теперь вяжи меня да крѣпче держи,—весело сказалъ Ершъ, боясь за веревки.

Его перепоясали веревками, спустили лѣстницу, однимъ концомъ прикрѣпленную къ рѣшеткѣ набережной, а другимъ спускающуюся на привязанныя доски, и Ершъ ловко сталъ спускаться внизъ.

— Какой молодчина,—раздалось въ толпѣ.

И дѣйствительно, надо было имѣть очень большую смѣлость и ловкость, спускаясь по этой неустойчивой лѣстницѣ. При каждомъ движеніи доски уходили въ воду, лѣстница качалась изъ стороны въ сторону и онъ рисковалъ упасть въ каналъ.

Спустившись на доски, онъ всталъ на колѣни и заглянулъ въ трубу. Нижняя часть трубы была покрыта водой.

— Ужъ такое здѣсь амбре, что мое проживаешь,—закричалъ онъ, поднимая голову, а собачки не видать.—Ну, адью-съ,—закончилъ онъ, снимая съ себя веревки и съ трудомъ, медленно сталъ вползать въ трубу. Наконецъ онъ скрылся.

Все затихло. Глаза всѣхъ были устремлены на трубу. Прошло довольно продолжительное время.

— Что это такъ долго онъ не показывается? слышались разговоры въ толпѣ.

— Ужъ не случилось ли чего съ нимъ?

— Онъ можетъ заблудиться, вѣдь трубы то проходятъ подъ всею Петербургомъ, онъ и выхода не найдетъ.—

— И впрямь, можетъ онъ погнался за собакой то и запамитовалъ дорогу.—

— Еще хуже могло быть, онъ тамъ могъ задохнуться отъ скопленія газовъ,—сказалъ какой-то господинъ.

— Господи помилуй, грѣхъ-то какой,— крестясь, запамкала старуха-богадѣлка,— изъ за поганой собаки, губить человѣческую душу! Царица небесная, спаси и сохрани, народъ то какой непутевый нонѣ сталъ.—

— Что же, господамъ собака завсегда дороже человѣка.

А толпа между тѣмъ все прибывала и никто не обращалъ вниманія на уговоры городского и дворниковъ расходиться. Вновь приходящій спрашивалъ, что случилось и узнавая въ чемъ дѣло недружелюбно по-сматривалъ на блѣдную, дрожащую Елену Борисовну. Проходили томительныя минуты.

Елена Борисовна инстинктивно чувствовала, какъ съ каждой секундой возрастала къ ней враждебность толпы.

Среди нея тѣснымъ кольцамъ стояли пріатели Ерша.

— Ей вотъ пришла въ голову блажь, и полѣзай за собакой, хошь издыхай тамъ, ей все равно, только собаку подай,—говорили они.

— А вдругъ и правда онъ задохнулся тамъ,—пронеслось въ головѣ Елены Борисовны.—Господи, что я сдѣлала, я погубила человѣка,—съ ужасомъ думала она.

Она оглянулась назадъ. Оборванцы съ угрожающимъ видомъ смотрѣли на нее. Холодный потъ выступилъ у нея на лбу.

— Они разорвутъ меня,—подумала Елена Борисовна—Боже, спаси его и меня,—прошептала она.

Она вся дрожала, мысли ея путались.

— Надо бы спуститься, посмотрѣть въ трубу,—сказалъ кто-то.

Но никто не рѣшался. Обратились къ городовому, но тотъ отрицательно покачалъ головою.

— Я другого участка.—Это меня не касается.—Наконецъ, какой то прилично одѣтый старикъ рѣшился спуститься внизъ.

Заглянувъ въ трубу, онъ моментально отшатнулся; отвратительный запахъ пахнулъ ему въ лицо. Зажавъ носъ и не приближая лица къ трубѣ, вновь попробовалъ онъ заглянуть туда,—но тамъ царилъ полнѣйшій мракъ.

Отъ дурного воздуха у него закружилась голова и онъ поспѣшилъ подняться наверхъ.

— Тамъ невозможно дышать,—заявилъ старикъ. Я думаю, онъ не прошелъ и десяти шаговъ, какъ лишился чувствъ. И дѣйствительно, какъ можно было посылать туда человѣка,—сказалъ онъ съ укоромъ глядя на Елену Борисовну.

На мгновение въ толпѣ воцарилась злобѣщее молчаніе. Грохотова съ ужасомъ оглянулась кругомъ, судорожно ухватившись за рѣшетку моста, но встрѣтила блѣдныя, угрожающія лица. Она быстро отвернулась и едва переводя дыханіе, низко опустила голову.

Началось всеобщее смятеніе.

— Человѣкъ погибаетъ, помогите, помогите, спасите,—раздавались возгласы.

Всѣ безтолково бѣгали, кричали, суетились, но оставались безпомощны.

— Лѣзетъ, лѣзетъ,—вдругъ радостно закричалъ кто-то.

Бросились къ периламъ.

Дѣйствительно, изъ отверстія трубы медленно выползали, словно выплывали босые ноги.

— Показавшись до колѣнъ, они вдругъ остановились.

Прошло нѣсколько мгновений. Ноги неподвижно лежали на доскахъ, туловище не показывалось.

— Да никакъ онъ мертвый,—сказалъ кто-то.

— И впрямь мертвый.

Старуха-богадѣлка заголосила.

У Елены Борисовны потемнѣло въ глазахъ, ей казалось, что она сейчасъ лишится чувствъ.

— Погоди-жь ты,—услышала она голось одного изъ оборванцевъ,—раздѣлаемся мы съ тобой.

— А что, вали ее туда.

— Подожди маленько, все равно не уйдетъ Елена Борисовна хотѣла заговорить и не могла; хотѣла сдѣлать движеніе, но ноги не повиновались ей.

— Шевелится, братцы, шевелится,—раздался крикъ.

Изъ трубы медленно выползаль Ершъ. Вставъ на доску онъ поднялъ кверху голову.

— Наше вамъ,—ослабляясь закричалъ онъ.

— Что ты вылѣзти не могъ, что-ли,—послышался вопросъ.

— Папирску курилъ, отдыхалъ-съ.

Толпа загоготала.

Елена Борисовна пришла въ себя.

— А собачки не нашель, барыня, закричалъ ей Ершъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Ужь я ходилъ, ходилъ, нигдѣ нѣтъ, должно быть далеко ушла,—ухмыляясь сказалъ онъ.

Всѣ радостно привѣтствовали его и тутъ же собрали ему три рубля.

Елена Борисовна готова была броситься на шею. Она заплатила ему пять рублей и съ облегченнымъ сердцемъ направилась домой.

Ерша сейчасъ же окружила толпа оборванцевъ и весело пересмѣиваясь начала о чемъ то совѣщаться.

Около Сѣнной они перегнали Елену Борисовну,

— Ловко работаемъ,—услышала она.—Эхъ, кабы каждый день собачку ловить!...

Дзюбенко-Несвицкая.

КЪ РИСУНКАМЪ.

На блинахъ у старосты.—*Ориг. рис. I. В. Бѣлоусова.* I. В. Бѣлоусовъ извѣстенъ, какъ опытный рисовальщикъ на камнѣ и хорошій колоритный пейзажистъ. Въ настоящемъ же рисункѣ сказывается и талантливый жанристъ, сумѣвшій сочетать въ реально-правдивомъ рисункѣ игру освѣщеній отъ окна и отъ печи. Традиционная картинка деревенской масляницы. Въ глубинѣ хаты, въ красномъ углу, сидитъ самъ представитель сельской власти—староста и угощаетъ почетныхъ гостей: батюшку, діакона и волостнаго писаря. На первомъ планѣ хозяйка за печеніемъ блиновъ, окруженная пострѣльями—дѣтками, урывающими горяченькіе кусочки.

У балагановъ.—*Съ карт. X. Кеммера.* Группа акробатовъ громкой музыкой своего импровизированнаго оркестра и разными мимическими жестами заманиваютъ гуляющую публику въ свой театръ, въ которомъ за грошовую плату люди, вынужденные голодомъ, ежеминутно рискуютъ своею жизнью и здоровьемъ. Вотъ незатѣйливый сюжетъ картины нѣмецкаго художника.

Самсонъ у жернова.—*Съ карт. I. Вазарна.* Самсонъ, лишенный своей силы, съ обрѣзанными волосами въ безысильной злобѣ склонилъ голову и сидитъ на жерновѣ, къ которому прикованъ. Съ насмѣшками во взорахъ окружаютъ несчастнаго силача его мучители. Картина написана очень недурно и вполне передаетъ эпоху того времени.

А. С.

Отъ Редакціи:

Редакція „Живописнаго Обозрѣнія“ доводитъ до свѣдѣнія подписчиковъ, что по независимымъ отъ нея обстоятельствамъ, январская книжка „Приложенія“ (№ 1) нѣсколько запоздала и будетъ разослана съ № 6 журнала.

СОДЕРЖАНІЕ: Сонетъ. Вл. Бѣльскаго.— „Ангель Хранитель“. Романъ. И. Потапенко.—Стихотвореніе. Николая Урванцова.—Изъ за собаки. Разсказъ. Дзюбенко-Несвицкой.—Отъ редакціи.—Объявленія.

Редакторъ *А. П. Хесторъ.*

Предс. Администраціи *Д. Х. Бородинъ.*

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ!

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ при письменныхъ заявленіяхъ въ Контору, запросахъ и вообще всякаго рода справкахъ **обязательно** прилагать **печатный адресъ**, по которому высылается журналъ или, въ крайнемъ случаѣ, **точную съ него копию**. При **перемѣнѣ** адреса необходимо сообщать какъ **новый**, такъ и **старый** адресъ.

Контора журнала.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1904 г. на

„Живописное Обозрѣніе“

Администрація по дѣламъ Д-ра Мед. В. И. Рамма, приведя въ порядокъ его обширное издательское и типографское дѣло, начинаетъ свою дѣятельность съ 1-го января 1904 года *издатель журнала*

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

При ближайшемъ участіи **И. Н. ПОТАПЕНКО**.

Новая редакція журнала, озабочиваясь привлеченіемъ къ ближайшему участію въ ея дѣятельности лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, тѣмъ не менѣе не желаетъ прибѣгнуть къ обычной рекламѣ и обшчаніямъ, полагая, что *само издание журнала* привлечетъ вниманіе читателей, если оно того будетъ заслуживать.

Въ теченіе 1904 г. каждый подписчикъ получитъ:

156 №№ журнала. ↑ 12 книгъ журнала.
12 №№ Моды. ↓ 12 листв. выкроекъ.

52 КНИЖКИ ПОЛНАГО ИЛЛЮСТРИР. СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ
знаменитаго англійскаго юмориста
„ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА“
до 6000 страницъ текста, болѣе 200 иллюстрацій.

Всѣ внесшіе подписныя **деньги на 1903 г.** получаютъ въ размѣръ своего взноса журналъ и всѣ приложенія на 1904 г. **БЕЗПЛАТНО**. Приславшіе въ 1903 г. на пересылку „Третьяковской Галлерей“ **получать** эту галерею **БЕЗПЛАТНО** по внесеніи полной подписной суммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 8 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му юня 2 р. или первые 9 мѣсяцевъ по 1 руб. Подписка принимается въ Глав. Конт. „Живописнаго Обозрѣнія“ **С.-Петербургъ, Невскій, 90.**

Редакторъ А. П. Несторъ. Предсѣд. Адм. Прис. Повѣр. Д. Н. Бородинъ.

Дозволено цензурой. Спб., 30 Января 1904 г.

МОНЕТЫ

Россія, древнія, покупаю. Плачу до 3000 р. за монету. Полный каталогъ всѣхъ рѣдкихъ монетъ и древностей за 56 к. (марками) **Г. Ровно**, Волынк. губ. Нумизматику **Тине**, с. д. № 50.

К.

103 - P.2-3.

ЗА 2 РУБ.

съ пересылкой копировальной прессы съ копировальной книгой. Копіи получ. моментал. Нуженъ всѣмъ коммер. воен. и чинов. **г. Ровно**, Волынк. г. п. Ш. **Тине**, Вокзал. ул. № 70.

К.

102 - P.2-2.

НОВОЕ ЗАНЯТІЕ.

Какая масса людей разнаго званія и состоянія ищетъ какого-либо дѣла, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ постоянный заработокъ, и не знаетъ за что взяться, за что ухватиться и къ чему пристать. Сколько поэтому рискованныхъ дѣлъ ежедневно затѣвается и они лопаются впоследствии какъ мыльные пузыри. Есть, правда, масса специальностей, — которыя можно было-бы кое какъ усвоить и такимъ образомъ примкнуть къ коллегіи специалистовъ, но послѣднихъ-то развелось такое громадное количество, что невольно возникаетъ сомнѣніе о цѣлесообразности той или другой специальности въ будущемъ. Совсѣмъ другое дѣло съ избравшими своей специальностью стенографію, которая все болѣе и болѣе распространяется у насъ, такъ-же какъ и за границей, даетъ своимъ adeptамъ (какъ видно изъ нижеслѣд. отзыва) хорошій заработокъ, такъ какъ пока въ Россіи стенографовъ-практиковъ очень мало, а потребность въ нихъ распространяется очень быстро. Такъ: стенографы нужны и приглашаются во всѣ земскія управы Россіи; во всѣ думы и судебныя учрежденія, во всякія публичныя засѣданія, съѣзды, собранія и пр., въ редакціи газетъ, для записыванія лекцій, какъ преподаватели стенографіи. такъ какъ послѣдняя вводится во многія учебныя заведенія какъ обязательный предметъ, и т. п. Стенографія особенно благодарный трудъ для женщинъ, ищущихъ самостоятельнаго труда, какъ для молодыхъ, такъ и для пожилыхъ, какъ видно изъ слѣдующаго, полученнаго нами, засвидѣтельствовааннаго нотаріусомъ отзыва о нашей системѣ стенографистки Воронежской губернской земской, управы, жены (такъ-же совѣтника, **Л. И. Лѣпневой** (Воронежъ. Поповъ рынокъ, д. Трощенко):

„Я изучала стенографію по упрощенной системѣ **И. Животовскаго** заочно по присылаемымъ мнѣ лекціямъ, будучи уже не молодою и имѣя громадную семью. Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ заявить, что система эта въ высшей степени проста, составлена такъ разумно, что все слѣдующее логически вытекаетъ изъ предыдущаго, и поэтому изученіе ея не представляетъ никакихъ затрудненій; напротивъ того, мнѣ занятія стенографіей положительно доставляли удовольствіе и служили отдыхомъ. Послѣ 9-й лекціи (всѣхъ 12) я стала очень усердно писать подъ диктовку, имѣя ввиду получить практическія занятія въ земствѣ, и послѣ изученія 11-й лекціи, я уже выступила въ качествѣ признанной стенографистки и работала вдвоемъ съ другою въ комитетахъ онуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ Воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, такъ что потребную для полученія 12-й лекціи практическую работу я посылала г. Животовскому такую, за которую уже получала деньги. Для замужней женщины стенографія представляетъ самое удобное занятіе, потому что она отнимаетъ какой нибудь мѣсяцъ въ годъ во время сессіи земскаго собранія и даетъ за этотъ мѣсяцъ хорошій заработокъ, а все остальное время можно вполне посвятить своей семьѣ. Я глубоко убѣждена, что, когда система г. Животовскаго получитъ доступъ въ среднія учебныя заведенія, стенографія станетъ достояніемъ большинства образованныхъ людей и стенографъ не будетъ такой рѣдкостью, какъ былъ до сихъ поръ, когда изученіе стенографіи по прежнимъ системамъ (Габельсбергера, Штольце и друг.) было дѣйствительно неимовѣрной трудностью.“

Окончившіе, съ разрѣшенія начальства, удастанываютъ аттестатовъ на званіе стенографа-практика и рекомендуются курсами на свободныя должности стенографовъ. По окончаніи курса получается возможность стенографировать на какомъ угодно языкѣ. Стенографія преподается и заочно, по популярно изложеннымъ лекціямъ, вполне замѣняющимъ преподаваніе на курсахъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ автора. Проекты, программы и условія курсами стенографіи **И. Животовскаго** (Одесса, Дерibasовская, д. Ж. О. Санца) высылаются бесплатно.

К.—104.—P.3—2.

ИМПЕРИРОВАЩАЯ ЦЕДЛА

При ближайшемъ участіи *И. Н. Потапекко.*

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЮ ПОСПѢШСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫИ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ.

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волинскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдныи Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востоку. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ Правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими Имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были однако приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего, извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россією.

Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, Японское Правительство отдало приказъ своимъ миноносцамъ внезапно атаковать нашу эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артура.

По полученіи о семъ донесенія Намѣтника Нашего на Дальнемъ Востоку, Мы тотчасъ-же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи.

Объявляя о такомъ рѣшеніи Нашемъ, Мы съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, встать вмѣстѣ съ Нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ въ двадцать седьмый день Января въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“

ВОЙНА.

ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА Министра Иностраннѣхъ Дѣлъ Императорскимъ росейскимъ представителямъ за границую.

С.-Петербургъ, 24 января 1904 г.

По порученію своего правительства японскій посланникъ при Высочайшемъ Дворѣ, передалъ ноту, въ коей доводится до свѣдѣнія Императорскаго Правительства о рѣшеніи Японіи прекратить дальнѣйшіе переговоры и отозвать посланника и весь составъ мисіи изъ Петербурга.

Вслѣдствіе сего Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы росейскій посланникъ въ Токио со всѣмъ составомъ Императорской мисіи безотлагательно покинулъ столицу Японіи.

Подобный образъ дѣйствій токійскаго правительства, не выждавшаго даже передачи ему отправленнаго на-дняхъ отвѣта Императорскаго Правительства, возлагаетъ на Японію всю отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ перерыва дипломатическихъ сношеній между обѣими Имперіями.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ минувшемъ году токійскій кабинетъ, подъ предлогомъ установленія равновѣсія и болѣе прочнаго порядка вещей на берегахъ Тихаго океана,—обратился къ Императорскому правительству съ предложеніемъ о пересмотрѣ существующихъ договоровъ по дѣламъ корейскимъ,—на что Россія изъявила согласіе.

По Высочайшему Государю Императора повелѣнію, въ виду учрежденія къ тому времени намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ, составленіе проекта новаго соглашения съ Японією поручено было генераль-адъютанту Алексѣеву, при участіи росейскаго посланника въ Токио, на коего возложено было веденіе переговоровъ съ японскимъ правительствомъ.

Несмотря на то, что возбужденный по сему предмету съ августа минувшаго года обмѣнъ взглядовъ съ токійскимъ кабинетомъ сохранялъ дружественный характеръ, какъ извѣстно, японскіе общественные кружки, мѣстная, а также иностранная печать всячески старались вызвать воинственное броженіе среди японцевъ и побудить правительство къ вооруженной борьбѣ съ Россією.

Подъ влияніемъ такового настроенія токійскій кабинетъ сталъ проявлять все болшую и болшую притязательность въ переговорахъ, принимая одновременно самыя широкія мѣры къ приведенію страны въ боевую готовность.

Всѣ обстоятельства эти не могли, конечно, нарушить спокойствія Россіи, но побудили ее сдѣлать и съ своей стороны соответствующія военно-морскія распоряженія. Тѣмъ не менѣе, одушевленная искреннимъ желаніемъ сохранить миръ на Дальнемъ Востокѣ—поскольку то позволяли ей неоспоримые права и интересы,—Россія съ должнымъ вниманіемъ отнеслась къ заявленіямъ токійскаго правительства и выразила готовность признать, на основаніи условій соглашения, преимущественное торгово-экономическое положеніе Японіи на Корейскомъ полуостровѣ, съ предоставленіемъ ей права охраны такового военною силою, въ случаѣ безпорядковъ въ странѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, строго придерживаясь основнаго начала своей политики по отношенію къ Корѣѣ, независимость и территориальная неприкосновенность коей обезпечивались какъ предшествующими соглашениями съ Японією, такъ и договорами, заключенными другими державами,—Россія не могла не настаивать:

1) на взаимномъ и безусловномъ обезпеченіи этого основнаго начала; 2) на обязательствѣ не пользоваться никакою частью корейской территоріи для стратегическихъ цѣлей, ибо допущеніе подобнаго дѣйствія со стороны какой-либо иностранной державы прямо противорѣчило бы принципу самостоятельности Кореи, и, наконецъ, 3) на охранѣ полной свободы плаванія черезъ Корейскій проливъ.

Выработанный въ этомъ смыслѣ проектъ соглашения не удовлетворилъ, однако, японское правительство, которое въ послѣднихъ своихъ предложеніяхъ не только уклонилось отъ принятія условій, являвшихся гарантією независимости Кореи, но вмѣстѣ съ тѣмъ стало настаивать на включеніи въ помянутый проектъ постановленій, касающихся маньчжурскаго вопроса.

Таковыя притязанія Японіи, конечно не могли быть допустимы.

Вопросъ о положеніи Россіи въ Маньчжуріи касается прежде всего самого Китая, а затѣмъ и всѣхъ державъ, имѣющихъ торговые интересы въ Поднебесной имперіи; посему Императорское правительство не видѣло рѣшительно основаній включать въ отдѣльный договоръ съ Японією по корейскимъ дѣламъ какія либо постановленія, относящіяся къ занятой русскими войсками области.

Императорское правительство, къ тому же, не отказывается признавать, во время

военной оккупаціи Маньчжуріи, какъ верховную власть богдыхана въ этой области такъ и преимущества, приобретенныя державами, въ силу заключенныхъ ими договоровъ съ Китаемъ, о чемъ уже было сдѣлано соответствующее заявленіе иностраннымъ кабинетамъ.

Въ виду сего Императорское правительство, поручая представителю въ Токио передать свой отвѣтъ на послѣднія японскія предложенія, въ правѣ было разсчитывать, что токійскій кабинетъ приметъ во вниманіе значеніе вышеизложенныхъ соображеній и оцѣнитъ проявленное Россією желаніе придти къ мирному соглашенію съ Японією.

Между тѣмъ, японское правительство, не выждавъ даже полученія этого отвѣта, рѣшило прекратить переговоры и порвать дипломатическія сношенія съ Россією.

Возлагая на Японію всю отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія отъ такового образа дѣйствій ея,—Императорское правительство будетъ выжидать развитія событий и при первой же необходимости приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. „П. В.“

ТЕЛЕГРАММЫ.

Всеподданнѣйшая телеграмма,
полученная

Его Императорскимъ Величествомъ
отъ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ.

«Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что около полуночи съ 26-го на 27-е января японскіе миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на въѣздѣ въ Портъ-Артура. При чемъ броненосцы «Ретвизанъ», «Цесаревичъ» и крейсеръ «Паллада» получили пробитыя,—степень ихъ серьезности выясняется. Подробности представлю Вашему Императорскому Величеству дополнительно».

Генераль-Адъютантъ Алексѣевъ

I.
Въ дополненіе телеграммы отъ сего числа всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что всѣ три поврежденныя судна держатся на водѣ, котлы и машины исправны. «Цесаревичъ» получил пробитыя въ рулевои отдѣленіи, руль поврежденъ. На «Ретвизанѣ» пробитыя въ отдѣленіи подводныхъ носовыхъ аппаратовъ. На «Палладѣ» пробитыя въ серединѣ борта близъ машины. Послѣ взрыва къ броненосцамъ немедленно подошли дежурные

крейсера оказать помощь и, не взирая на темную ночь, приняты были мѣры ввести потерѣвшія суда на внутренней рейдъ. Потери въ офицерахъ нѣтъ; нижнихъ чиновъ убито двое, потонуло пять, ранено восемь. Непрительскіе миноносцы своевременно были встрѣчены сильнымъ огнемъ съ судовъ. По окончаніи атаки найдены двѣ невзорвавшіяся мины.

II.

Сего числа японская эскадра, въ составѣ пятнадцати броненосцевъ и крейсеровъ, начала бомбардировку Портъ-Артура. Крѣпость отвѣчаетъ. Эскадра снялась съ якоря для принятія участія въ бою.

III.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: послѣ бомбардировки, продолжавшейся около часа, японская эскадра прекратила огонь и отошла къ югу. Наши потери: во флотѣ—офицеровъ ранено 2, нижнихъ чиновъ убито—9, ранено—51, на береговыхъ батареяхъ—нижнихъ чиновъ убито—1, ранено—3.

Въ происшедшемъ бою броненосецъ „Полтава“ и крейсера „Диана“, „Аскольдъ“ и „Новикъ“ получили по одной подводной пробоинѣ у ватерлиніи. Поврежденія, причиненныя крѣпости, незначительны.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШЕЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Для скорѣйшаго, въ случаѣ надобности, приведенія на военное положеніе войскъ Намѣстничества, а также состава сибирскаго флота, Мы признали необходимымъ предоставить Намѣстнику Нашему на Дальнемъ Востокѣ право:

1) Привывать въ районѣ Намѣстничества на дѣйствительную службу проживающихъ тамъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота по дѣйствующимъ въ этомъ районѣ частнымъ мобилизаціоннымъ распоряженіямъ,—и

2) Распорядиться приобрѣтеніемъ отъ Намѣстничества числа лошадей, согласно имѣющихся на сей предметъ особыхъ соображеній. Близжайшія по сему указанія даны Нами военному министру и управляющему морскимъ министерствомъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Въ С.-Петербургѣ.

24-го января 1904 года.

Телеграмма отъ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ военному министру, № 347.

Отправлена изъ Портъ-Артура 26 января 1904 г., въ 4 ч. 30 м. утра; получена въ С.-Петербургъ 26 января 1904 г., въ 3 ч. дня.

«Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, крѣпости Портъ-Артуръ и Владивостокъ и мѣстности, состоящія въ пользованіи Китайской восточной дороги, съ двадцать восьмого сего января объявляются на военномъ положеніи. Сдѣлано распоряженіе о производствѣ опытной мобилизаціи четырехъ льготныхъ полковъ и двухъ батарей Забайкальскаго войска».

Генераль-адъютантъ *Алексѣевъ.*

Телеграмма генераль-адъютанта Алексѣева военному министру изъ Портъ-Артура, отъ 27 января 1904 г., за № 363.

Сего числа, на основаніи Высочайшаго указа 24 января, сообщеннаго мнѣ телеграммой начальника Главнаго Штаба отъ 25 января, мною объявлена мобилизація войскъ Намѣстничества, а также Приморской и Квантувской областей и острова Сахалина. Первый день мобилизаціи—28 января».

Генераль-адъютантъ *Алексѣевъ.*

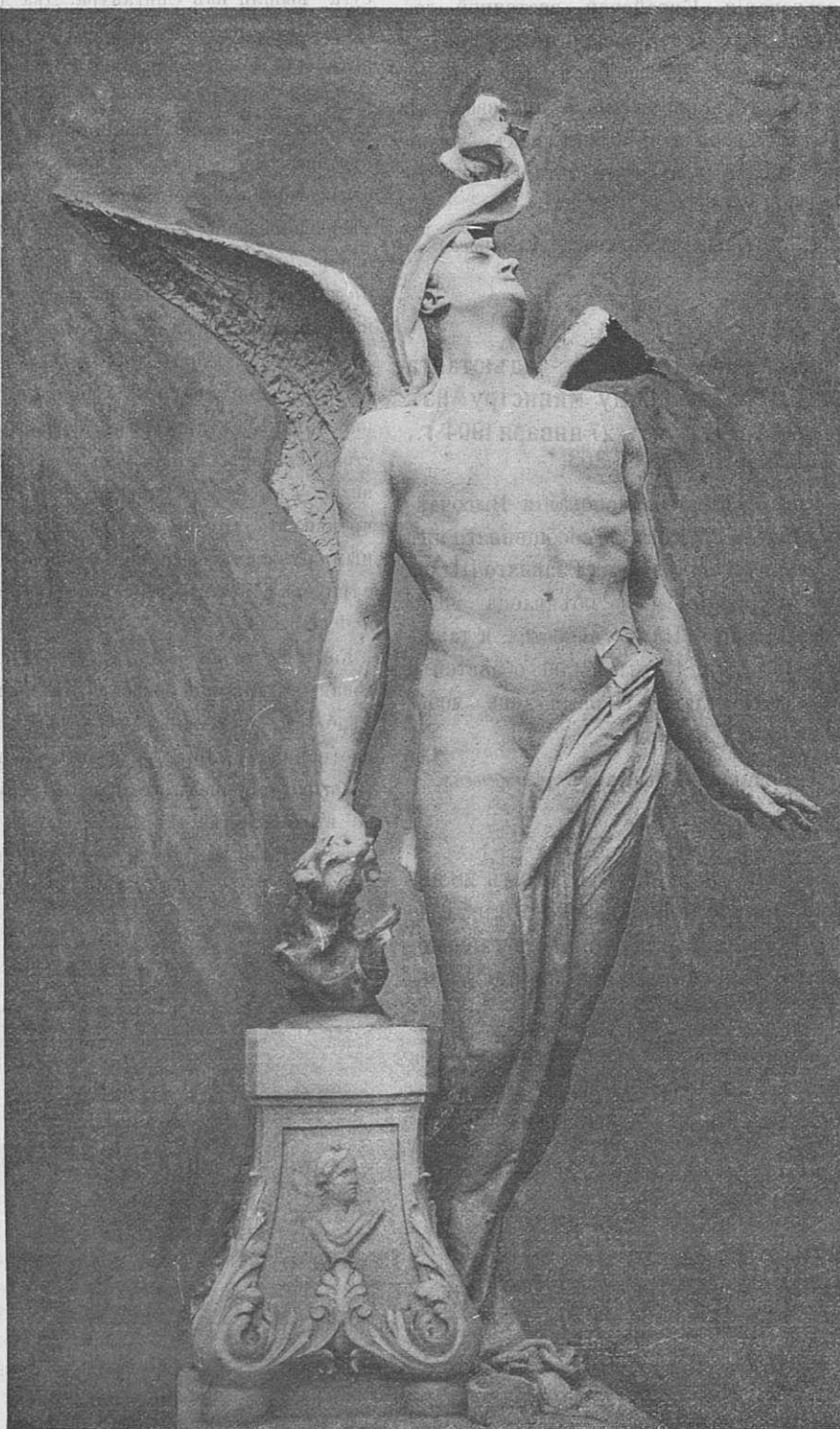
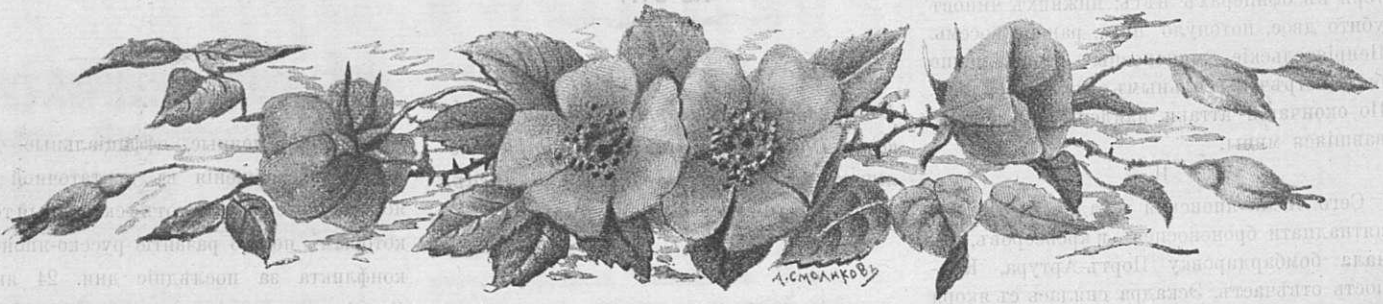
Главнымъ Морскимъ штабомъ 28 января получено слѣдующее извѣстіе изъ временнаго морского штаба намѣстника Его Величества на Дальнемъ Востокѣ.

При бомбардировкѣ Портъ-Артура ранены: подполковникъ корпуса морской артиллеріи Заіончковскій и мич-

манъ Василій Петровъ II-й, оба легко; послѣдній остался въ строю.

Вышеприведенные официальные документы и сообщенія въ достаточной мѣрѣ ясно характеризуютъ тотъ ускоренный темпъ, которымъ пошло развитіе русско-японскаго конфликта за послѣдніе дни. 24 января Японія порвала дипломатическія сношенія, въ день, когда два недавно купленные ею у Аргентины крейсера „Нисинъ“ и „Касуга“ вышли изъ Сингапура. Два дня спустя, когда оба эти крейсера вступили въ китайскія воды, японскій флотъ былъ уже сосредоточенъ въ Вей-ха-вей (портъ на китайской территоріи, находящійся какъ разъ противъ Портъ-Артура и недѣлю тому назадъ любезно предоставленной англичанами въ распоряженіе японцевъ) и въ Чемульно, а черезъ нѣсколько часовъ, въ ночь 26 на 27 января японскіе миноносцы уже атаковали русскую эскадру въ Портъ-Артурѣ. Утромъ слѣдующаго дня атака повторилась и одновременно изъ Моджи отошло 40 парходовъ съ японскимъ десантомъ, состоящимъ изъ гвардіи и 2 армейскихъ дивизій. Гдѣ будетъ произведенъ десантъ предвидѣть трудно, но наиболѣе вѣроятными пунктами высадки японскихъ войскъ слѣдуетъ считать корейскіе порты Чемульно и Фузанъ.

Какъ бы то ни было, но уже первые дни военныхъ дѣйствій показали, что мѣримъ дѣло съ энергичнымъ и рѣшительнымъ противникомъ. На долго ли хватитъ этой энергіи у японцевъ это покажетъ будущее, но въ чемъ дѣйствительно нельзя сомнѣваться, такъ въ томъ, что конечный результатъ будетъ весьма плачевнымъ для Японіи.

Освобожденный гений.—Скульптура Я. И. Адамсона.

Текущая жизнь.

Жизнь есть постоянная, непрерывная борьба и никогда, может быть, никакая страна не доказывала этого положенія такъ ясно, какъ наша родина въ данный моментъ. Сражаются устарѣлые взгляды съ новыми, и во всѣхъ областяхъ жизни—и въ обществѣ, и въ литературѣ, и въ театрѣ, и въ семьѣ, и въ школѣ, всѣ борются за лишній глотокъ свѣжаго воздуха, за желаніе жить свободнѣе, чище, счастливѣе борется даже отдѣльная личность сама съ собою... временно побѣждаетъ, можетъ быть, старое чувство, но съ тѣмъ большей энергіей накопляетъ силы новое, иногда само еще ясно себя не опредѣлившее, иногда увлекаясь и опрокидывая хорошее старое, замѣняя его дурнымъ новымъ, смѣняя одну новую мысль другой, но непременно новой... и все это въ порядкѣ вещей—стоять на одномъ мѣстѣ человѣкъ не можетъ—тѣмъ болѣе мысль человѣческая—она идетъ либо впередъ, либо назадъ, но не стоитъ на точкѣ замерзанія.

Возьмемъ хотя-бы нашу школу. Последніе годы она переживаетъ періодъ исканія. Исчезла, кажется, навсегда вѣра въ спасительную силу классицизма, перенесеннаго на русскую почву дѣликомъ изъ Германіи, съ учителями-чехами, царствованіе которыхъ въ школѣ поистинѣ можно-бы назвать „періодомъ анекдотическимъ“—этими удивительными учителями съ ихъ педантизмомъ и возмутительнымъ кощунственнымъ коверканіемъ нашего русскаго языка... Исчезаетъ, повидимому, вѣра въ спасительность школьнаго чиновничества, когда еще какъ на моей памяти учителя при выставленіи годовой отмѣтки тщательно занимались ариеметикой и выводили средніе баллы за четверти и за годъ путемъ точнаго подсчета отмѣтокъ; ученикъ получалъ отмѣтку $3\frac{7}{8}$ или $4\frac{1}{4}$, и т. п. Да и самыя отмѣтки—баллы теперь какъ-то впадаютъ въ немилость, а прежнюю непримиримую войну между учителемъ и ученикомъ, гдѣ первый „ловилъ“, а второй изощрялся въ „увертываніи“, стремятся замѣнить человѣческими отношеніями—отношеніями педагога къ воспитываемому... Школа хочетъ всѣми силами стать на новую

Д. И. Адамсонъ.—Адамсонъ за работой, набросокъ съ природы.—Каминъ, собств. Солдатенкова.—Стершилосъ.—Встрѣча утренней и вечерней зари.—Начало и конецъ.—Сафо.

Головка.—Съ рис. Треза.

почву и ведетъ борьбу съ старыми схоластическими взглядами. Съ какими знаніями кончалъ ученикъ прежней классической школы это мы все знаемъ — это сейчасъ-же обнаруживалось при поступленіи его въ высшее учебное заведеніе и, что замѣчательно, обнаруживалось прежде всего его полное незнаніе въ области древнихъ классиковъ — онъ съ грѣхомъ пополамъ зналъ грамматику языка, умѣлъ переводить отрывки изъ авторовъ, совершенно не зная самихъ авторовъ. Классики ничего не говорили ни его уму ни сердцу — они напоминали только ужасы, творившіеся „греками“ и латинистами“, которые не стѣснялись изъ-за плохого знанія аориста или *ablativus absolutus* выбрасывать юношу за борть школы, предоставляя ему право идти въ сапожники и закрывая дорогу къ высшему образованію. По русской литературѣ гимназія выпускала человѣка съ знаніемъ какихъ-то отрывковъ, причемъ курсъ исторіи русской литературы сводился къ долбленію чуть не наизусть. Въ нашей гимназіи — и буквально наизусть, причемъ учитель, спрашивая урокъ, скажемъ, біографію и литературное значеніе Фонъ-Визина, стоялъ рядомъ съ ученикомъ и, водя пальцемъ по книгѣ Галахова, слѣдилъ не за мыслью ученика, а затѣмъ не пропустилъ-ли онъ какой-нибудь фразы изъ этого достопочтеннаго учебника! Этотъ учитель наивно объяснялъ намъ свой методъ, тѣмъ, что „лучше книжечки не скажете“, а посему... долбите ее безъ разсужденія.

Курсъ этотъ обычно останавливался на эпхѣ Фонъ-Визина, иногда прихватывалъ Карамзина, Жуковскаго и въ рѣдкихъ случаяхъ Пушкина. Далѣе гимназія не учила... знаніе позднѣйшей русской литературы предоставлялось уже личной инициативѣ семьи или ученика.

области естествознанія оканчивали мы — классики гимназію — страшно и вспомнить! На экзаменѣ при переходѣ съ 1-го на 2-й курсъ Медицинской Академіи я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ эти бывшіе „классики“, ничтоже сумняшеся, смѣшивали термометръ съ барометромъ, а спорыню называли мухой, портящей хлѣбные злаки... Новые языки были уже совершенно въ загонѣ.

Однако, не думайте, что я лично такой ярый противникъ классицизма — ничуть. Мнѣ думается, что виновата была во всемъ эта система, а не сами классики. Въ новый міръ столь многимъ обязанъ античному греко-римскому міру — въдь во многихъ частяхъ нашей жизни мы считаемъ его идеаломъ — возьмите хоть сферу искусства, правовыхъ понятій, общественного устройства, за исключеніемъ рабства, конечно, героическихъ характеровъ... во многомъ мы даже какъ будто возвращаемся къ нему, и вотъ ничего въ этомъ отношеніи прежняя классическая система и не давала юношѣ. Можетъ быть я скажу парадоксъ, но мнѣ кажется въ средней школѣ изучать классическій древній міръ, его писателей, героевъ, его жизнь и философію надо безъ изученія грамматики этихъ языковъ — все на русскомъ языкѣ, а самые древніе языки и ихъ изученіе предоставить специальнымъ факультетамъ высше-учебныхъ заведеній.

И вотъ, наконецъ, пала старая система классическихъ гимназій и надо думать въ прежнемъ видѣ ей не возродиться — новые запросы, выставленные самой жизнью сдѣлали это доброе дѣло, но борьба еще идетъ — еще новый типъ средней школы не выработанъ и мы въ этомъ отношеніи находимся въ періодъ броженія...

Тожѣ можно сказать и о нашей литературѣ — пусть эти странные для большинства журналы „Новый Путь“, „Міръ Искусства“, „Вѣсы“, „Сѣверные Цвѣты“, и др. — кажутся намъ временами чуть что не нелѣпыми, но въ нихъ есть зерно истины, они ищутъ новыхъ путей, нащупываютъ уже, можетъ быть, ихъ — они хотятъ выбраться на свободу изъ тѣхъ пеленокъ, которыми ихъ окутала ихъ заботливая няня — реализмъ. Они вдаются въ утрировку, въ крайности но въдь это, право не такъ страшно, какъ кажется — кое-что они оставляютъ и истиннаго въ результатѣ своихъ исканій и для будущаго поколѣнія. Въдь и самый крупный современный русскій писатель А. П. Чеховъ — ихъ родственникъ, хотя можетъ быть и отдаленный и самъ этого не сознающій; онъ тоже ищущій всю жизнь новой формы писателя, что онъ наиболѣе ярко доказалъ своими драматическими произведеніями... Л. Андреевъ съ его исканіемъ ультра — исключительныхъ темъ и коллизій, М. Горькій съ его безотчетною любовью къ ломкѣ старыхъ обывательскихъ традицій, съ его безшабашными героями, которыхъ не удовлетворяютъ старыя, привычныя формы жизни — въдь они тоже не такъ далеки отъ тѣхъ странныхъ людей, которыхъ обывательская философія

для простоты пониманія окрестила одною кличкою „декадентовъ“...

Тѣже исканія нового и борьба характеризуютъ положеніе и другихъ сферъ русскаго искусства: живопись, музыка и сценическое искусство, архитектура — все находится въ періодѣ исканій, жажды новаго и ломки старыхъ традиціонныхъ регламентовъ и правилъ...

Почти на моихъ глазахъ, напримѣръ, происходила борьба старой школы музыкальныхъ романтиковъ съ новыми теченіями реализма въ русской музыкѣ. Я не засталъ уже въ живыхъ ближайшаго родоначальника этого направленія — Даргомыжскаго — но ростъ значенія музыкальныхъ реалистовъ — его учениковъ шелъ на моихъ глазахъ. Какъ живо помню я все тѣ издѣвательства, хулы и полупрезрѣніе и въ обществѣ и у специалистовъ по отношенію къ такъ называемой „могучей кучкѣ“. Странно вспомнить теперь, что цвѣтъ нашей музыки въ настоящее время — такіе композиторы, какъ Бородинъ, Глазуновъ, Кюи, Римскій-Корсаковъ, Балакиревъ, Мусоргскій — были постоянной мишенью газетныхъ музыкальныхъ рецензентовъ и даже специалистовъ — профессоровъ музыки! — теперь за бавно читать эти статьи и рецензіи, когда направленіе это уже побѣдило, когда одинъ только Мусоргскій у большой публики все еще подѣлъ сомнѣніемъ (отчасти потому, что оперы его не идутъ по особымъ причинамъ на Императорской сценѣ), когда оперы Бородина, Римскаго-Корсакова, Кюи, симфоническая музыка Глазунова и Балакирева признаны не только Россіей, но и во всемъ музыкальнымъ міромъ... А еще такъ недавно только одна іерихонская труба В. В. Стасова гремѣла въ ихъ честь, объясняя ихъ значеніе, да только страстный ихъ почитатель недавно скончавшіяся М. Бѣляевъ давалъ намъ возможность слушать ихъ произведенія, ибо имъ не было мѣста ни на симфоническихъ собраніяхъ ни на оперной сценѣ... Не легко достала

8. 1919.

Этюдъ.—Съ рис. Треза.

имъ побѣда, да еще и до сихъ поръ борьба эта продолжается, ибо большая публика все еще не впитала въ себя ихъ взгляды и идеи... все еще Пиковая дама, Карменъ и Гугеноты ей ближе и доступнѣе, чѣмъ произведенія такъ называемой новой русской школы въ музыкѣ...

Въ живописи исканія новыхъ путей въ настоящее время вызываютъ, пожалуй, еще большее, чѣмъ въ литературѣ глумленіе и издѣвательство — публика ходитъ на выставки „мира искусства“ и подобныя не для того, чтобы отыскать зерно прекраснаго, новаго, оригинальнаго въ этихъ странныхъ на первый взглядъ картинахъ, а чтобы посмѣяться... Вообще надо сказать, что въ критикѣ гораздо легче быть отрицателемъ, хулить и находить недостатки, чѣмъ доискиваться причинъ, ловить, подчеркивать и отмѣчать интересное, хорошее и оригинальное. Чѣмъ рѣзче критикъ бранится, тѣмъ его считаютъ талантливѣе и тѣмъ больше его читаютъ. Недаромъ и самое слово критикъ въ публикѣ почти синонимъ ругателя и ядовитаго человѣка... А вѣдь надо же признать, что новыя направленія въ живописи не смотря на свои часто уродливыя проявленія уже дали кое-что и истинное — импрессионизмъ, напримѣръ, пробилъ уже дорогу и занялъ въ искусствѣ довольно устойчивое положеніе. Гола 2—3 тому назадъ я встрѣтился въ Петербургѣ съ одной художницей, воспитавшей свой талантъ за границей на новыхъ теченіяхъ искусства. Она сказала мнѣ при свиданіи одинъ парадоксъ, въ которомъ, какъ и во всякомъ парадоксѣ (какъ и въ каррикатурѣ) всегда есть зерно истины. Рассказывая о своихъ Московскихъ впечатлѣніяхъ и объ осмотрѣ ею между прочимъ Третьяковской галлерей, она выразилась про нее, что это „прекрасная, величественная гробница русскаго искусства“... — по ея мнѣнію реализмъ въ живописи тутъ сказалъ свое послѣднее слово и въ дальнѣйшемъ ему придется лишь повторять самого себя, но жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, надо идти и идти впередъ — и вотъ откуда исканіе новыхъ формъ, новыхъ задачъ для искусства...

Ту-же фазу борьбы и исканія переживаетъ и русское сценическое искусство, только тутъ, какъ нигдѣ, схоластическія традиціи стараются удержать за собою позицію. Первою ласточкой, первымъ толчкомъ къ обновленію русскаго сценическаго искусства за послѣдніе годы были нѣмцы. Въ два прѣзда труппа мейнингенцовъ заставила и насъ призадуматься надъ тѣми путями условности, которыми мы окружили нашу русскую сцену.

То-же зерно они заронили и не къ однимъ намъ, а и въ такую страну условности, какъ Франція — и тамъ на нихъ воспиталась новая школа артистовъ, новый театръ — мы разумѣемъ театръ Антуана въ Парижѣ и его послѣдователей (во главѣ съ нынѣ играющимъ на Петербургскомъ Михайловскомъ театрѣ актеромъ Жемье). Но это было лишь дуновеніе чего то новаго, измѣнившее лишь кое что въ постановкѣ пьесъ въ большихъ столичныхъ театрахъ, провинціи это дуновеніе слабо коснулось. Гораздо

болѣе замѣтную роль сыгралъ въ этомъ отношеніи Московскій художественный театръ и неразрывно связанное съ нимъ имя актера Станиславскаго, что-бы про него ни толковали, уже вписавшаго свое имя на страницу исторіи русскаго сценическаго искусства. Мы объ этомъ уже немного упоминали въ № 2 „Иллюстрированной недѣли“, почему не будемъ снова мотивировать сказанное, но отмѣтимъ лишь, что самая ожесточенность нападокъ на него со стороны большинства прессы и артистовъ „старыхъ традицій“ указываетъ, что это явленіе не заурядное и что позиція его — боевая позиція... Можетъ быть не мало ошибокъ было сдѣлано и дѣлается въ этихъ современныхъ броженіяхъ, исканіяхъ, въ этой борьбѣ новаго со старымъ, борьбѣ которая, конечно, вѣковѣчна какъ миръ; — люди медленно по ступенькамъ пробираются къ своимъ идеаламъ, и мнѣ думается незачѣмъ подкладывать палки подъ ноги тому человѣку, который лѣзетъ вверхъ,

который ищетъ осуществленія своихъ идеаловъ, который борется за нихъ, который хочетъ вообще идти впередъ, а не назадъ... Вѣдь не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Надо только желать одного, чтобы это стремленіе къ новому проистекало изъ дѣйствительной потребности души человѣка — чтобы оно почти стихійно толкало его впередъ, чтобы онъ побуждался вообще говоря поменьше своими личными интересами и выгодами, а болѣе и почаще заглядывалъ-бы и въ то отдаленное будущее, которое ему лично не придется увидѣть...

В. В. Чеховъ.

Мать и сынъ.— Съ карт. Треза.

Выставка картинъ и рисунковъ Ж. Б. Греза.

Въ настоящее время открыта въ залахъ Академіи художествъ выставка Греза. Жанъ-Батистъ Грезъ принадлежитъ къ французскимъ художникамъ эпохи возрожденія. Родился Грезъ въ 1725 году и умеръ въ 1805 г. Его считаютъ первымъ народнымъ художникомъ, хотя по техникѣ стоящимъ ниже „фламандцевъ“. Его вещи театрально красивы и полны граціи. Грезъ много путешествовалъ по Италіи и много рисовалъ, благодаря чему и приобрѣлъ большое знаніе пластики. Лучшая изъ картинъ Греза „Деревенская помолвка“ находится въ „Луврѣ“, въ Парижѣ, а у насъ въ Эрмитажѣ „Умирающій старикъ“ и нѣсколько этюдовъ головокъ. Грезовскія головки исполнены въ свѣжей и тонкой манерѣ, напоминающей работы Буше, хотя Грезъ всегда остается оригинальнымъ въ своихъ краскахъ, въ рисункѣ, въ смѣлой, хотя и аффектированной, трактовкѣ жизни. Онъ былъ добродушнымъ человѣкомъ, страдавшимъ всю жизнь отъ матеріальныхъ недостатковъ, и умеръ на 80-мъ году въ большой нуждѣ, забытый своими почитателями и стяжалъ славу лишь послѣ смерти. Мы печатаемъ одну изъ его выдающихся картинъ и двѣ его головки.

А. Смоликовъ.

Скульпторъ А. И. Адамсонъ.

По поводу 40-лѣтія его художественной дѣятельности.

Аманъ Ивановичъ Адамсонъ родился въ 1855 году въ городѣ Балтійскомъ портѣ. Образование получилъ въ Академіи Художествъ, которую былъ награжденъ много разъ медалями; благодаря же нетерпимости въ то время къ индивидуальнымъ художественнымъ взглядамъ, Академія не нашла возможнымъ въ достаточной мѣрѣ выдѣлить Адамсона изъ ряда другихъ, болѣе податливыхъ режиму старой школы скульпторовъ. Выйдя изъ Академіи и будучи не-

удовлетвореннымъ въ поискахъ эстетической красоты формъ, молодой скульпторъ отправился для окончанія художественнаго образованія въ Парижъ, гдѣ болѣе широко и свободно могъ проявить свое дарованіе и остаться вѣрнымъ своимъ сердечнымъ влеченіямъ. Скоро затѣмъ стали появляться въ Парижскихъ салонахъ его скульптурныя произведенія и, надо сказать, ни одно изъ нихъ не осталось незамѣченнымъ. Такъ напр. за группу „Вѣчно торжествующая любовь“ данъ былъ почетный отзывъ Обществомъ Французскихъ художниковъ, затѣмъ послѣдовательно появлялись на выставкахъ „Геній лирической музыки“, каминъ, заказанный Солдатенковымъ, „Первая трубочка“, „Волна“, о послѣдней съ особеннымъ восторгомъ писалъ Арманъ Сильвестръ.

Возвратившись на родину въ Россію, Адамсонъ съ особенной любовью и энергіей отдался своему влеченію передавать въ своихъ талантливыхъ группахъ поэтическіе образы, навѣянные жизнью моря. На выставкахъ Академіи появились „Встрѣча утренней и вечерней зари“, „Шумъ моря“, „Свершилось“, „Ино“ и „Власть любви“. На выставкѣ въ Чикаго имѣли большой успѣхъ „Умирающій Циципъ“ и группа „Голодающіе“. Затѣмъ Академіей художествъ купленъ „Шевалье“ (рѣзьба изъ дерева) и Музеемъ Александра III-го заказаны фризы. На Нижегородской выставкѣ обращали на себя общее вниманіе „Торжество правды“ и „Освобожденный геній“. „Умирающій корабль“, по изготовленіи Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ въ бисквитѣ, подаренъ Государемъ Императоромъ Президенту французской республики Лубе. Затѣмъ талантливымъ скульпторомъ Адамсономъ изваяны бюсты Императора Александра II-го для Тульскаго дворянскаго собранія, памятники Александру II-му для Курской губерніи, памятники Севастопольской обороны и памятникъ погибшимъ морякамъ на броненосцѣ „Русалка“, удостоенный особаго милостиваго вниманія Государя Императора. Въ настоящее время А. И. занятъ лѣткой группъ для фарфороваго завода и состоитъ преподавателемъ скульптуры въ Пажескомъ корпусѣ.

А. Смоликовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Высочайшій Манифестъ.—Война.—Текущая жизнь. В. В. Чеховъ.—Скульпторъ. А. И. Адамсонъ. А. Смоликовъ.—Выставка картинъ и рисунковъ. Ж. Б. Греза. А. Смоликовъ.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на 1904 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВОСТЬ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ

подъ редакціей Присяжнаго Повѣреннаго

Д. Н. Бородина.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

I. Правительственныя распоряженія.—II. Статьи, обзоры и корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ.—III. Питетное дѣло.—IV. Кредитъ и банковое дѣло.—V. Страхование дѣло.—VI. Профессиональное дѣло.—VII. Кустарное дѣло.—VIII. Артельное дѣло.—IX. Переселенческое дѣло.—X. Биржа, фондовая и вексельная бумага.—XI. Хроника.—XII. Обзоръ печати и библиографія.—XIII. Биографіи, очерки и рассказы.—XIV. Ответы на вопросы читателей.—XV. Рисунки и чертежи.—XVI. Объявленія.

Подписочная цѣна:

Съ пересылкой и доставкой на годъ—3 р.
полгода—1 р. 50 к., четверть года—1 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, ул. Глинки, 6.—Телефонъ № 307.

Въ концѣ 1904 г. всѣ гг. подписч. получатъ:

Бесплатную премію сочин. Д. Н. Бородина „АЛКОГОЛИЗМЪ У ДѢТЕЙ“.

Редакторъ-издатель Д. Н. Бородинъ.

ПОЛЫЗЬ ДРОВА РАЗВЛЕЧЕНІЕ

При ближайшемъ участіи И. Н. Потапенко.

Исторія, которая никогда не кончилась.

III.

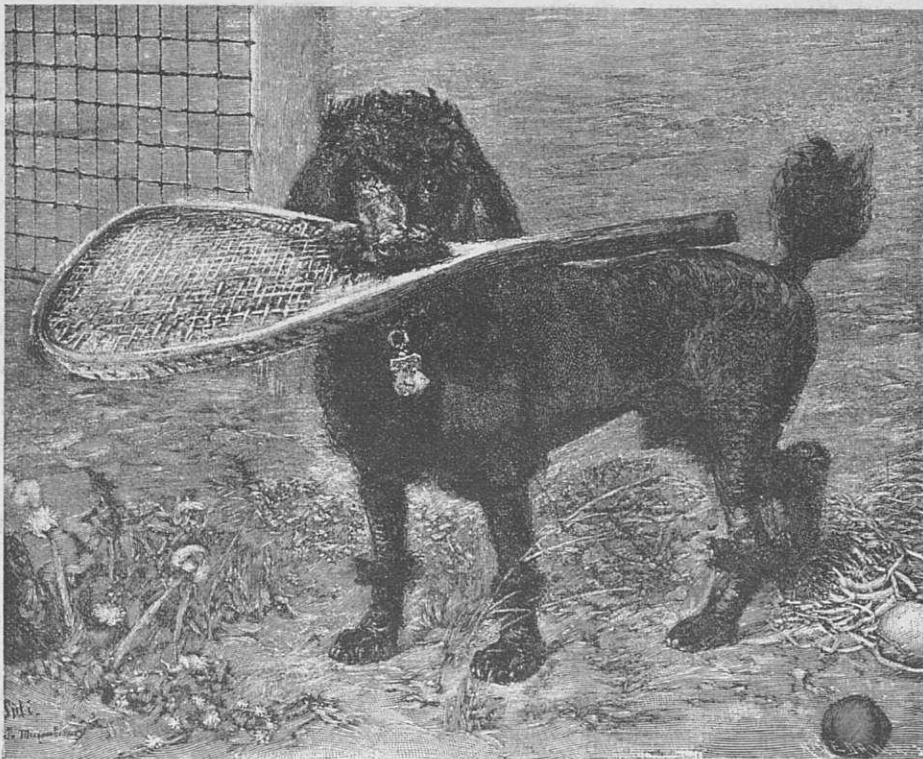
Тамъ, гдѣ растетъ камышь.

(Продолженіе).

Однако, ничего дурного не случилось. Мы благополучно спустились и вѣхали на ледъ. Иона остановилъ лошадь и раскрутилъ возки.

— Что? Хорошо? Довольны?—ухмыляясь, спрашивалъ меня Иона, который тоже въ сущности былъ доволенъ, что моя завѣтная мечта, наконецъ, исполнилась.

Я только улыбался во весь ротъ и жадно впивалъ въ себя свѣжій, морозный воздухъ, несійся съ той стороны рѣки. Рѣка была не широкая, но мы ѣхали не прямо на ту сторону, а вдоль рѣки, къ тому

Господинъ Баронъ. (См. стр. 40).

Ѣхать по льду рѣки, это—совсѣмъ особенное, ни на что другое не похожее, ощущеніе. Полызя дровней гладко скользятъ по зеркальной поверхности рѣки. Если бы не тяжелые шаги лошади и трескъ отъ нихъ, можно бы думать, что летишь надъ землей, по воздуху.

мѣсту, гдѣ бралъ камышь Иона: это было гораздо дальше.

— Тутъ камышь не хорошъ. Тутъ онъ не любитъ расти. Вонъ какой приземистый да чахлый!—говорилъ Иона, указывая кнутомъ на ближній камышь, который дѣйствительно, почему то былъ малорослый и рѣдкій.

— А отчего онъ тутъ не любитъ расти?—полюбопытствовалъ я.

— Отчего? Да оттого, что на людяхъ, у всѣхъ на виду... Всякій за нимъ поглядываетъ.

— Такъ что же изъ этого? Вѣдь, камышъ не чувствуетъ и не понимаетъ,—неувѣренно возразилъ я.

— Да ужъ тамъ чувствуетъ или нѣтъ, это дѣло другое, а только вотъ поглядите, панычекъ,—близко отъ деревни камышъ всегда чахлый и рѣдкій, а подалее такая гущина, все одно какъ лѣсъ дремучій... и всегда такъ. Сколько ни видѣлъ, всегда. Такъ не безъ причины это!

Я сталъ думать и мнѣ казалось очевиднымъ, что камышъ чувствуетъ, что постоянное наблюденіе людского глаза стѣсняетъ его и онъ ищетъ, гдѣ бы подалее вырасти.

Въ тоже время я смотрѣлъ на Дусика. Онъ даволью своимъ быстрымъ ногамъ и выдѣлывалъ на льду такія штуки, которыя могли-бы развлечь и заставить улыбнуться самаго сердитаго человѣка: онъ бѣжалъ то справа, то слѣва, онъ забѣгалъ впередъ и начиналъ весело лаять на лошадь. Разогнавшись, онъ вдругъ начиналъ скользить по льду и это его самого, повидимому, удивляло, онъ вытягивалъ шею, поднималъ морду и лаялъ въ воздухъ.

— Вотъ хорошо, что васъ пустили. По крайней мѣрѣ, и Дусикъ вашъ разомнетъ себѣ кости: а то онъ, сидя въ домѣ, разжирѣлъ... Собакѣ тоже нужно прогуливаться,—сказалъ Иона.

— Иона,—спросилъ я:—а сколько это будетъ верстъ?

— Куда это?

— А вотъ туда, куда мы ѣдемъ: до камыша.

— А, вотъ куда! Да порядочно. Версты двѣ съ половиной будетъ.

— Что?

Я смотрѣлъ на него безконечно невѣрящими глазами:—двѣ съ половиной версты? Вотъ ужъ не правда!

— Для чего же неправда, когда это есть правда? Конечно, никто не мѣрялъ; а такъ говорится, на глазъ.

— Неправда, неправда. Ты меня нарочно обманываешь.

— Да сколько же, по вашему?

— По моему, тысяча тысячъ верстъ—ужъ это, по крайней мѣрѣ.

Звонкій неудержимый смѣхъ огласилъ воздухъ.—Тысяча тысячъ... Ой, ой, ой, панычекъ! Ну и насмѣшили же вы меня... Охъ, охъ! Тысяча тысячъ! Это до камыша-то, до камыша!.. Глядите, даже Дусикъ вашъ смѣется,—прибавилъ онъ, указывая кнутомъ на

Дусика, который въ это время, должно быть, набивъ себѣ носъ снѣгомъ, фыркалъ и чихалъ и это, въ самомъ дѣлѣ, имѣло такой видъ, будто онъ смѣется.— Не знаю, панычекъ,—сказалъ, наконецъ, успокоившись отъ смѣха, Иона:—будетъ ли тысяча тысячъ, или нѣтъ, а ужъ двѣ съ половиной версты, такъ ужъ это навѣрняка будетъ! Вотъ тутъ мы свернемъ да прямо въ камышъ и поѣдемъ... Видите, какой онъ густой тутъ!

Въ самомъ дѣлѣ, камышъ здѣсь былъ точно совсѣмъ другой породы: густой, ровный, прямой. Мы свернули налѣво и скоро очутились почти въ самомъ камышѣ.

— Ну, вотъ и проѣхали тысячу тысячъ верстъ!—Ухмыляясь, сказалъ Иона.—Теперь за дѣло возьмемся.

И онъ началъ браться за дѣло. Для этого онъ вынулъ изъ-за пазухи толстыя кожанныя рукавицы и надѣлъ ихъ, потомъ вытащилъ изъ-за голенища сапога серпъ, взялъ его за рукоятку и подошелъ къ камышу. Онъ нагнулся и раздавался странный звукъ, какъ будто рѣзали ножомъ толстую бумагу.

Разъ, другой, третій... Иона, медленно ступая, двигался впередъ, а позади его съ шумомъ пучками падалъ срѣзанный камышъ.

Я смотрѣлъ на это минуты двѣ, но затѣмъ мнѣ это скоро надоѣло. Тогда я замѣтилъ, что Дусикъ давно уже сидѣлъ около меня и самымъ вызывающимъ образомъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Стоило мнѣ только сдѣлать движеніе, какъ онъ шарахнулся въ сторону и началъ дѣлать на льду, чуть чуть присыпанномъ снѣжкомъ, самые замысловатые прыжки.

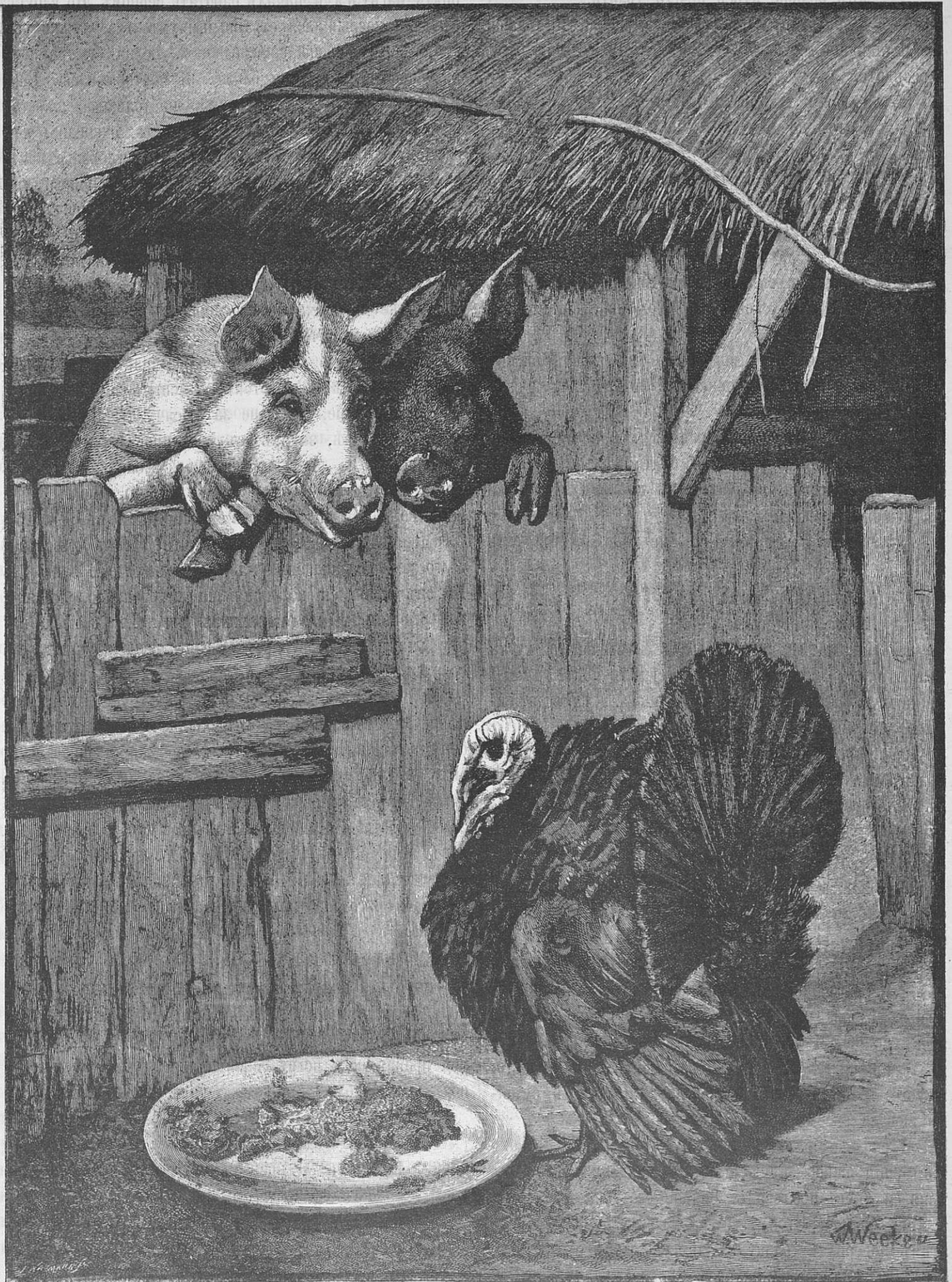
Я готовъ былъ дѣлать тоже самое и двинулся за нимъ, но сейчасъ же почувствовалъ, что я скованъ большими балошами, моимъ кафтаномъ, гамашами и всѣмъ тѣмъ, что напялила на меня Марика. Тѣмъ не менѣе я не остановился и дѣлалъ, что могъ, скользя по льду, падая и поднимаясь, словомъ наслаждаясь свободой.

А передо мной безконечной лентой извивалась рѣка—вся ровная, бѣлая, окаймленная съ одной стороны высокимъ берегомъ, а съ другой—стѣной камыша. Удивительно легко и сладостно дышалось.

Но скоро я почувствовалъ, что мнѣ жарко и я больше не могу слѣдовать призывамъ Дусика. Тогда мнѣ вдругъ сдѣлалось скучно и захотѣлось вернуться домой. Всѣ наслажденія свободы въ камышахъ были исчерпаны.

— Иона, поѣдемъ домой,—сказалъ я.

— Ну, вотъ. Какъ разъ для того я собрался, чтобы катать васъ туда да обратно... Не успѣли пріѣхать, уже и домой...

Лакомое блюдо.

— Мнѣ больше здѣсь нечего дѣлать.

— А рвались какъ сюда, страсть! Не бойсь, когда папаша пустиль, думали, что цѣлый день здѣсь просидите.

— А развѣ ты еще долго?

— Долго—не долго, а надо все-таки камыша нажать. Затѣмъ и прѣехали...

— Да ты уже нажалъ...

— Это? Ну, тутъ и четвертой доли нѣтъ... За этимъ не стоило ѣздить. Нѣтъ, вы, панычекъ, уже потерпите, а въ другой разъ не проситесь у папаша. Да и я не соглашусь уже брать васъ. Пускай вамъ наймутъ для этого особеннаго работника, а мнѣ вы только мѣшаете.

Говорилъ онъ это, впрочемъ, не сердясь, вполне добродушно, просто по привычкѣ ворчать, и продолжалъ свою работу.

Но вдругъ онъ выпрямился и весь насторожился. Дусикъ тоже на минуту какъ будто сталъ въ тупикъ, а потомъ пустился во весь духъ по льду и скрылся въ гущинѣ камыша.

— Что это?—спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Да развѣ не видали?

— Нѣтъ, я не видалъ.

— Да это же заяцъ... Изъ камышоваго куста выпрыгнуль, сѣлъ на снѣжку, увидѣлъ насъ, да какъ махнеть обратно..., а Дусикъ за нимъ... Такъ не видали? Ай, ай, ай...

— Нѣтъ, я не видѣлъ...—Безконечно жалобнымъ, подавленнымъ голосомъ промолвилъ я, безнадежно глядя въ ту сторону, гдѣ еще пошатывался камышъ, раздвинутый убѣгавшимъ зайцемъ и гнавшимся за нимъ Дусикомъ.

Состояніе мое было, въ самомъ дѣлѣ, безотрадное. О зайцахъ я много слышалъ. Я зналъ, что зимой они попадаются на снѣгу, скачутъ, прыгаютъ, играютъ на солнцѣ. Я видѣлъ ихъ, когда отецъ приносилъ ихъ съ охоты, но они были уже недвижимы и холодны. Я даже ѣлъ ихъ, нерѣдко, и очень любилъ это кушанье. И все-таки я не могъ сказать, что видѣлъ зайца. Нѣтъ, я не видѣлъ зайца,—настоящаго, живого, который прыгаетъ и играетъ на солнцѣ, смѣшно шевеля своими подвижными ушами.

И сколько разъ я мечталъ объ этомъ! И вотъ настоящій живой заяцъ былъ въ двадцати шагахъ отъ меня и я его прозѣвалъ. Видѣли его Иона и Дусикъ, а я не видѣлъ. Стояло мнѣ только за минуту передъ этимъ повернуть голову въ другую сторону и я увидѣлъ бы. Я чуть не плакалъ отъ досады.

И казалось, уже не было никакой надежды. Иона

опять нагнулся и началъ работать серпомъ. Но вдругъ въ дали послышался странный шумъ и верхушки камыша волнообразно зашевелились. Волна быстро подвигалась все ближе и ближе. Я насторожился. Еще минута и вотъ я вижу зайца, настоящаго, живого, неподдѣльнаго. Выбѣжалъ онъ на ледъ, очевидно, неожиданно для самого себя и тутъ на мгновенье какъ будто растерялся, смѣшно повертѣлся и попрыгалъ, но сейчасъ же овладѣлъ собой и, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Дусикъ или отсталъ или, какъ любопытный и разсѣянный пестъ, можетъ быть, тамъ, въ камышахъ, встрѣтилъ какое-нибудь другое явленіе, болѣе интересное, чѣмъ заяцъ,—шмыгнуль опять въ камышъ и исчезъ.

Но все равно: я видѣлъ живого зайца. Сердце у меня стучало, какъ молотокъ. Я испытывалъ восторгъ. Мое путешествіе, если не за тысячу тысячъ, то, во всякомъ случаѣ, за двѣ съ половиной версты, было предпринято не даромъ. Правда, не всякому-же человеку удается видѣть настоящаго живого зайца. Большинство людей только ѣсть его жаренымъ въ сметанѣ.

Меня нѣсколько тревожило, что Дусикъ довольно долго не возвращался: ужъ не заѣли-ли его зайцы?.. Но онъ появился изъ камыша неторопливо, легонькой рысцой, весело помахивая хвостомъ и неся во рту длинную хворостину, которая почему-то заинтересовала его и отвлекла отъ зайца.

Но теперь мнѣ уже было недостаточно того, что я видѣлъ. Мнѣ захотѣлось проникнуть въ самую глубину камыша, туда, куда такъ свободно проникъ Дусикъ и гдѣ, очевидно, живутъ и зайцы. Пользуясь тѣмъ, что Иона, низко нагнувшись, былъ очень занятъ своей работой, я подошелъ къ камышу и проскользнулъ туда. Я сразу же очутился въ гущинѣ его. Съ верхушекъ всколыхнутаго камыша падалъ снѣгъ, сыпавшійся мнѣ на плечи и на лицо. Но это было приятно.

Я двинулся дальше— шагъ, другой, третій... И вдругъ я вскрикнуль въ смертельномъ страхѣ:—подъ моими толстыми тяжелыми калошами затрепалъ обламывавшійся ледъ. Тонкая скорлупа его сломалась и моя правая нога погрузилась куда-то въ глубь и изъ-подъ нея выползла на ледъ черная жидкая грязь.

— Иона! Иона-а-а-а! Кричалъ я, что было мочи.

— Гдѣ вы тамъ, панычекъ?

— Я здѣсь... Я провалился...—и въ моемъ голосѣ уже слышалась слеза.

— Да ну-те! Не вижу!..

Онъ, очевидно, потерялъ мой слѣдъ и мое воображеніе уже рисовало мнѣ, что я останусь здѣсь, въ гущинѣ камыша, покинутый, одинокій, на вѣчныя

времена. Но Дусикъ помогъ. Услышавъ мои крики, онъ быстро догадался, гдѣ именно я, и показалъ это Іонѣ и онъ пришелъ съ серпомъ въ рукѣ и съ такимъ свирѣлымъ видомъ, какъ будто собирался этимъ серпомъ перерѣзать меня пополамъ.

— Куда же это вы залѣзли, паньчекъ?... Ай, ай, ай, какъ вамъ не стыдно... Какъ же вы не знали, что въ камышахъ ледъ всегда бываетъ рыхлый и тонкій, потому тутъ болото. Вотъ теперь и испачкались и достанется вамъ отъ папани и больше васъ никогда не пустиять.

И, говоря это, Іона охватилъ меня обѣими руками и вытащилъ изъ болота, въ то-же время обѣими ногами погрузившись въ него самъ. Но для него это было ничего. Его высокіе сапоги позволяли ему это.

Онъ вынесъ меня на ледъ, посадилъ на скатый уже камышъ и, взявъ съ дровней сѣна, началъ вытирать мою калошу. Оказалось, что грязь до-верху калоши не дошла и на сапоги не попала.

Затѣмъ онъ принялся накладывать скатый камышъ на дровни и вывелъ цѣлое зданіе. Меня онъ усадилъ на самую верхушку, а самъ уже вовсе не сѣлъ, а шелъ пѣшкомъ, рядомъ съ лошадыю, держа въ рукахъ возжи.

— Іона, ты, пожалуйста, не говори, что я попалъ въ болото...—Сказалъ я, когда мы возвращались.

— Гм... Не говори...—ворчалъ Іона:—а вы думаете, если я скажу, такъ только вамъ достанется? Васъ еще, можетъ по головкѣ поглядятъ, пожалбуютъ,—а Іону такъ ужъ непременно выбранятъ... Вотъ оно что! Не говори...

Изъ этого объясненія я сдѣлалъ выводъ, что Іона ни въ какомъ случаѣ не скажетъ отцу о постигшей меня неудачѣ.

Мы доѣхали до берега, благополучно, хотя и съ большимъ трудомъ, выбрались на гору и, только подѣзжая къ дому, я вдругъ вспомнилъ, что сегодня у насъ день совсѣмъ особенный, что у меня есть маленькая сестра, и мнѣ стало немножко стыдно за то, что я во время моего далекаго путешествія ни разу не вспомнилъ объ этой особѣ, съ которой, впрочемъ, я былъ знакомъ еще слишкомъ мало.

Съ слѣдующаго дня въ нашемъ домѣ начались торжества. Они, правда, не блистали внѣшностью и участниками ихъ были почти исключительно члены нашей семьи. Но для меня, привыкшаго жить въ тиши нашего дома, гдѣ все совершалось чинно и тихо, гдѣ каждый новый день удивительно походилъ на вчерашній, это были настоящія торжества.

Началось это съ того, что я наконецъ увидѣлъ свою маму. Меня впустили къ ней съ такими предо-

сторожностями, къ какимъ я не привыкъ. Я былъ остороженъ съ отцомъ. Его я побаивался, въ его присутствіи я никогда не дѣлалъ рѣзкихъ движеній, не бѣгалъ, не прыгалъ. Онъ не запрещалъ мнѣ это, но я самъ на это не рѣшался. Поэтому и въ кабинетъ его я входилъ тихо, стараясь не стучать дверью и говорилъ съ нимъ голосомъ сдержаннымъ, скучнымъ. Онъ казался мнѣ слишкомъ серьезнымъ человѣкомъ, чтобы признавать мои дѣтскія шалости.

Но съ матерью я велъ себя иначе. Къ ней я вбѣгалъ, какъ вихрь, нисколько не обращая вниманія на то, что сапоги мои мокры и грязны, что дверь осталась растворенной настежь и поэтому вслѣдъ за мной вбѣгалъ Дусикъ, столь же мокрый и грязный, какъ и мои сапоги.

Заливаясь звонкимъ смѣхомъ, я вскакивалъ прямо къ ней на колѣни и громко рассказывалъ то, что въ это время меня занимало. И она никогда не запрещала мнѣ этого. Она принимала ласково и съ улыбкой мою болтовню.

Но теперь меня ввели къ ней съ тысячею предосторожностей и, когда я вошелъ, то и самъ сейчасъ же понялъ, что моя мать нуждается въ этомъ. На широкой своей кровати она лежала подъ голубымъ шелковымъ одѣяломъ, поверхъ котораго ноги ея были прикрыты теплымъ пледомъ. Лицо ея, страшно похуѣвшее, было блѣдно. Шея и руки ея были открыты и они показались мнѣ такими тонкими и хрупкими, что при всякомъ ея движеніи я боялся, какъ бы они не сломались.

Увидѣвъ меня, она ласково улыбнулась и въ глазахъ ея засвѣтилась та безконечная доброта, которая такъ привязывала меня къ ней.

— Вовокъ!.. Милый мой мальчикъ!..—слабенькимъ тихимъ голосомъ сказала она.

Я подошелъ къ ней, схватилъ ея слабыя руки и крѣпко прильнулъ къ нимъ губами. Мое сердце наполнилось жалостью и сильно забилося. Мнѣ хотѣлось плакать. Я никакъ не думалъ, что мама такъ больна. Мнѣ даже стало досадно, что [я весь вчерашній день могъ весело бѣгать по двору, даже ѣздить въ камыши, въ то время, какъ моя обожаемая мама страдаетъ.

— Ты здоровъ?—спрашивала она меня. — Бѣгаешь? Играешь? Ну вотъ это хорошо. А сестричка тебѣ нравится? Ты ее любишь? Ну, конечно, конечно, еще бы у Вовока доброе сердце. Вовокъ мой славный, милый...

Но Вовокъ молчалъ. Впрочемъ, и не надо было говорить. Мама сама рѣшила, что Вовокъ навѣрное любитъ сестренку. Я и самъ не зналъ, почему я молчалъ: потому ли, что, по чистой совѣсти, не могъ

сказать, что питаю нѣжныя чувства къ тому, завернутому въ кружевное покрывало и лежавшему на большой подушкѣ въ сосѣдней комнатѣ «нѣчто», которое называлось моей сестренкой, — я, признаться, ничего къ ней не питалъ еще, — или потому, что мнѣ было слишкомъ хорошо прижиматься къ моей худенькой слабенькой мамѣ. Я наслаждался и, конечно, хотѣлъ наслаждаться какъ можно дольше.

Но въ это время вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался дѣтскій плачь, сперва слабый, чуть слышный, а затѣмъ все громче и громче. Мама подняла голову и все лицо ея выразило тревогу. Дверь отво-

рилась и появилась теть Вѣра, неся на рукахъ «нѣчто», завернутое въ кружевное покрывало и это «нѣчто» теперь уже кричало во все горло.

— Она голодна, — сказала теть Вѣра, — ее надо покормить — бѣдняжку!

Мама съ усиленіемъ приподнялась, и, выпустивъ мои руки и шею, которыя держали обѣими руками, легонько, осторожно отстранила меня и протянула руки по направленію къ тетѣ Вѣрѣ.

— Иди, Вовокъ, поиграй. А послѣ приходи ко мнѣ опять! — сказала мнѣ мама.

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

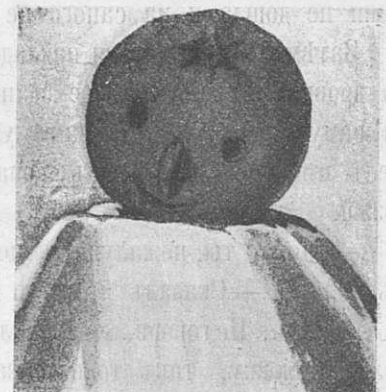

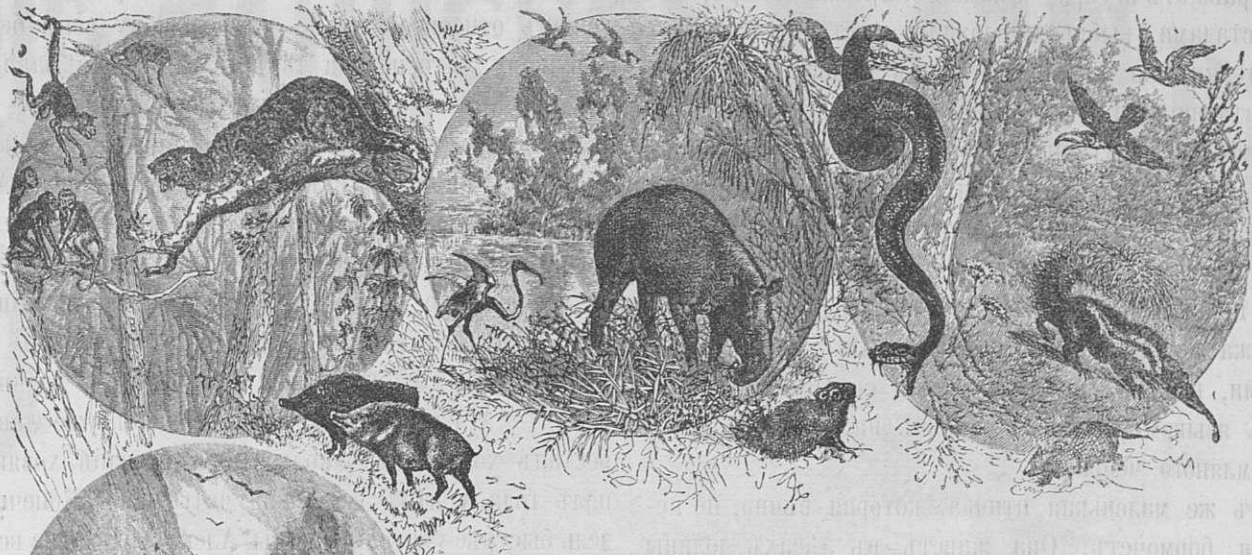
Синьора Оранжеда.

ШУТКА.

У меня есть для дѣтей пріятный сюрпризъ. «Примадонна Оранжеда» споетъ вашимъ маленькимъ гостямъ пѣсню. Сообщу вамъ по секрету, что у дамы этой есть только голова. Чтобы скрыть отсутствіе остальныхъ частей тѣла, вы положите апельсинъ на накрытый салфеткой стаканъ, такимъ образомъ: воткнувъ въ голову половину миндаля и два перченыхъ зерна, вы получите носъ и глаза: сдѣлайте разрѣзъ и получите какъ будто полукрытый ротъ. И вотъ голова покоится на салфеткѣ, точно на красивомъ бѣломъ платѣ. Тяните медленно салфетку въ разныя стороны и примадонна будетъ двигаться, то тоскливо смотря вверхъ, то улыбаясь на право и на лѣво, то стыдливо оглядываясь, при этомъ, закрывая и открывая во время пѣнія свой прелестный ротикъ. Во время движенія она поетъ, это значитъ, конечно, что поетъ представляющій. Госпожа «Оранжеда» поетъ и при этомъ выдѣлываетъ рулады:

L'aria-a e-e se-re-e-ena,
La lu-una e-e pie-e-na,
L'onda-a be-a-a-ta...
Canta o Sirena-a-a
Canta o Sirena-a-a
La serena-a-ta-a-a-a...

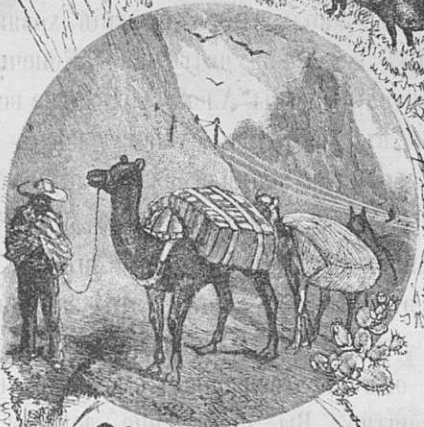

Жизнь всѣхъ

странъ свѣта.

Южная Америка.

В. БАРД
Д. ДИЛ

На самомъ верху съ лѣвой стороны изображенъ ягуаръ — самый крупный изъ американскихъ хищниковъ. Онъ прижался къ вѣткѣ тропическаго дерева, нацѣливаясь на свою любимую добычу. Обезьянки сидятъ всего на одинъ шагъ отъ него. Сила ягуара такова, что онъ въ состояннн утащить лошадь, хотя самъ ростомъ меньше лошади.

Снизу въ кругъ врѣзываются два маленькихъ кабана — злѣйшіе враги ягуара. Они невелики ростомъ, но обладаютъ страшно злымъ характеромъ и острыми клыками, при помощи которыхъ они легко справляются съ врагами, гораздо болѣе крупными, чѣмъ они сами.

Рядомъ идетъ лама, родина его — склоны Андъ. Тамъ онъ водится въ дикомъ состояннн. Въ государствѣ Перу его употребляютъ въ такой же роли, какъ наша лошадь. Тамъ онъ возитъ тяжести и людей. Особенно же полезенъ онъ для горныхъ путешествій, потому что очень выносливъ, позволяетъ навьючивать себя значительной тяжестью и безъ усталнн проходить по 15 миль въ день.

Пониже — небольшая группа шеншелей; шеншеля — маленькій звѣрекъ, отъ котораго получается нѣжный сѣрый мѣхъ, чрезвычайно красивый и цѣнный. Онъ водится на сѣверѣ государства Чили и въ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ.

Въ самомъ низу изображена охота дикихъ патагонцевъ — за американскими страусами. Ихъ оружіе — два мяча, привязанные къ концамъ веревки; они очень ловко этими мячами попадаютъ въ свою добычу.

Направо отъ ягуара—фламинго, а также тапиръ, живущій стадами, выбирая влажныя мѣста въ тропическихъ лѣсахъ на западной сторонѣ Андъ. Страшный боа, обитающій въ лѣсахъ Бразиліи, приготовился наброситься на испуганную морскую свинку и проглотить ее. Онъ имѣетъ въ длину отъ 20 до 30 футовъ. Свою жертву онъ опоясываетъ, обертываясь вокругъ нея все тѣснѣе и тѣснѣе, пока не задушитъ.

Въ правомъ углу изображенъ армадилло, у котораго кожа покрыта роговой чешуей. Онъ питается насекомыми, выбирая ихъ изъ земли своимъ длиннымъ, гибкимъ языкомъ, который похожъ на большого красного земляного червя.

Тутъ же маленькая птичка, которая вѣчно, не переставая бормочетъ. Она живетъ въ лѣсахъ долины рѣки Амазонки и отличается своими блестящими перьями.

Кромѣ этихъ животныхъ въ Южной Америки водятся многочисленныя породы цѣпкохвостыхъ обезьянъ, вампиры — особый родъ кровожадныхъ летучихъ мышей, лѣнницы — изъ породы грызуновъ, броненосцы, кожа которыхъ покрыта броней, муравьи. Изъ птицъ здѣсь живутъ, маленькій колибри—безконечное разнообразіе сортовъ, туканы съ яркоокрашенными клювами, попугаи, — арары, замѣчательные своими крупными размѣрами королевскій грифъ, великаны кондоры и страусы.

Среди рыбъ въ Южной Америкѣ водится чудо: электрическій угорь, который издаетъ свѣтъ.

Перечислить всѣхъ животныхъ Южной Америки нѣтъ возможности. Они—безконечно разнообразны по формамъ, гораздо разнообразнѣе, чѣмъ животныя Старого свѣта. Но зато они уступаютъ животнымъ нашего полушарія—въ ростѣ и силѣ.

„Господинъ Баронъ“

«Господинъ баронъ» — такъ называютъ его во всемъ городѣ, настоящее имя его—Троль и принадлежитъ онъ крестьянину Алексу. Произошло это оттого, что пудель такъ представителенъ, что нѣтъ возможности назвать его иначе. Взгляните на него хоть разъ и вы сами согласитесь съ этимъ. Проходя мимо множества собакъ, хотя-бы и любезныхъ съ нимъ, онъ гордо

квиваетъ головой. Онъ знаетъ себя цѣну. Онъ съ уваженіемъ относится только къ большому сенъ бернару, живущему у господина тайнаго совѣтника; завидя его, онъ вытягивается въ струну, какъ рекрутъ—«глаза налѣво», до тѣхъ поръ, пока великанъ не скроется изъ виду. Во всемъ свѣтѣ онъ любитъ только Алекса, своего маленькаго господина. Онъ слѣдуетъ за нимъ, какъ вѣрный преданный пудель. Онъ ненавидитъ школу, но единственно потому, что Алексъ въ теченіи многихъ лѣтъ долженъ ежедневно по нѣсколько часовъ учиться въ старомъ зданіи. «Глунышъ», ворчитъ баронъ,—«А самъ я такъ много знаю и уже давно пересталъ ходить въ школу. Мой прежній хозяинъ въ полъ года успѣлъ всему научить меня. Конечно, пудель быстрѣе учится, чѣмъ ты, Алексъ!» Больше всего барону нравилось въ среду и субботу послѣ обѣда. Тогда Алексъ со своими друзьями игралъ въ лаун-теннисъ, а барону позволено нести ракету, хотя самую игру баронъ находить нелѣпой. Къ чему такая бѣготня? только потѣшь при этомъ! Но Алекса это занимаетъ и потому баронъ тоже здѣсь и наблюдаетъ серьезно. Въ промежуткахъ онъ благосклонно смотритъ вокругъ себя; и это понятно. Вы, собственно, должны знать, что въ своей молодости баронъ не былъ такъ гордъ.

Но подумайте! каждую весну его приводятъ къ господину, въ совершенствѣ умѣющему стричь собакъ. Онъ оставляетъ ему на головѣ и шеѣ длинные волосы, какъ львиную гриву; туловище онъ выстригаетъ, оставляя прелестный пушокъ на хвостѣ и коротенькіе брюки и чулки на ногахъ. Это выходитъ красиво и всякій говоритъ: «великолѣпно.» Единственно плохо только то, что за каждую стрижку платятъ по два рубля. Подумайте! Вѣдь это цѣна только одной его шерсти, а сосчитать стоимость всего барона! Онъ просто неоцѣнимъ. (см. рис. на первой стр.).

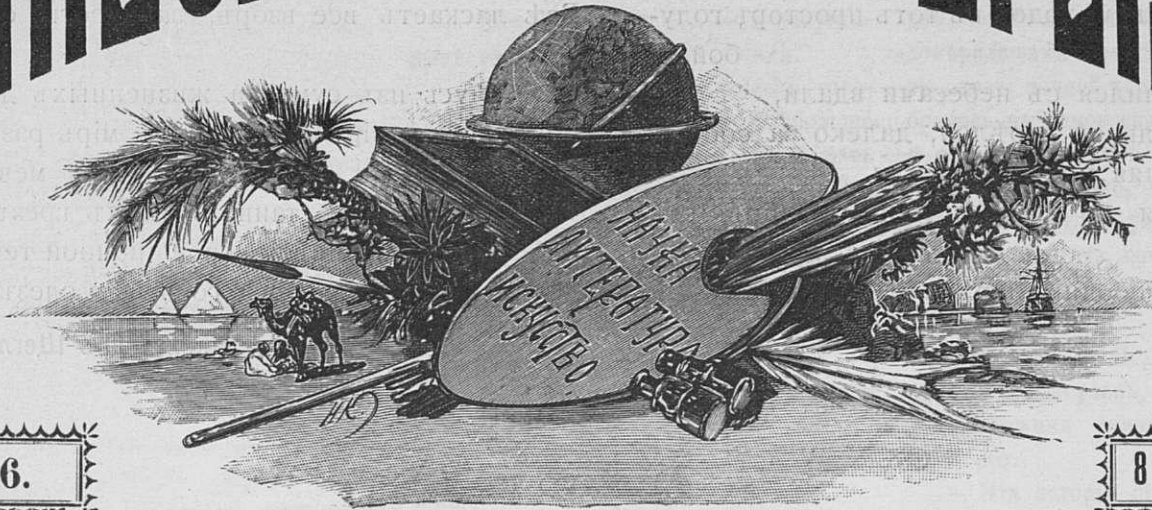
СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодинъ.—„Синьора Оранжеда.—Жизнь всѣхъ странъ свѣта. Южная Америка.—„Господинъ Баронъ“.

Редакторъ *А. П. Несторъ*

Предс. Администраціи *Д. Х. Бородинъ*.

ЖИВОПИСНОЕ ВЪЗРѢНІЕ

№ 6.

8 Февраля.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапенко*.

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается р. зрочна. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка непарелла — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редакція Журнала: С.-Петербургъ Невскій, 90. Отдѣленіе. Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Ложаровскаго. Редакці: Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

Чистый понедельник.—Рис. Бѣлоусова.

Какъ орелъ молодой въ тотъ просторъ голубой,

Что слился съ небесами вдали,
Мчится вольной стрѣлой, далеко за собой
Оставляя предѣлы земли.
Сердцемъ я съ давнихъ поръ въ міръ, гдѣ
грезѣ просторъ,
Гдѣ свободны и рѣчи и умъ,

Гдѣ ласкаетъ все взоръ, за хребты синихъ горъ

Мчусь изъ сумрака жизненныхъ думъ.
Мчусь я въ міръ красоты, въ міръ разцвѣта
мечты,
Лучезарныхъ, таинственныхъ грезъ,
Гдѣ не гибнуть цвѣты, среди ночной темноты
Не сверкаетъ роса горькихъ слезъ.

Александръ Щегловъ.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ.

(Продолженіе).

О, увѣрена, увѣрена, какъ въ самой себѣ.

— Ну, еслибъ вы знали мои мысли... А впрочемъ, увидимъ, увидимъ...

Въ комнатѣ появилась горничная Таня. Она прошла прямо къ Аннѣ Матвѣевнѣ и, подойдя къ ней, сказала ей тихонько на ухо:—барыня, тамъ пришли... Приставъ, или какъ его...

Анна Матвѣевна пришла въ величайшее замѣшательство, поднялась съ мѣста и громко воскликнула:—ну, вотъ, ну, вотъ... Дождались таки... вотъ и приставъ пришелъ...

— Ахъ, приставъ?—промолвилъ Сергѣй, —ну такъчтожъ,—милостивпросимъ.. все равно, рано или поздно ему придется выполнить свою обязанность. Попросите его сюда, Таня.

Анна Матвѣевна такъ растерялась, что даже не возразила и не остановила Таню, а Надя, повидимому, еще не вполне освоилась съ этимъ новымъ фазисомъ ихъ положенія и молча смотрѣла, въ ожиданіи того, что произойдетъ.

Даша же глядѣла на всѣхъ глубоко недоумѣвающими глазами.

— Приставъ? Какой же это? Зачѣмъ?—спрашивала она у всѣхъ.

Въ это время вошелъ судебный приставъ, чрезвычайно скромный на видъ, приличный и замкнутый, а вслѣдъ за

нимъ появился широкоплечій мужчина въ длинномъ русскомъ кафтанѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ очень темной клинообразной бородкой, съ виду похожій на торговца или прикащика. Фамилія его была Авловъ. Онъ и былъ взыскатель по сегодняшнему векселю.

— А вотъ какой, Даша, сказалъ Сергѣй, указывая глазами на вошедшаго пристава:—тотъ, который описываетъ имущество. Видите, вотъ вы рассчитывали за платье получить что-нибудь, вамъ, можетъ быть, на обѣдъ надо для васъ и для вашей слѣпой бабушки, а у насъ не только платить нечѣмъ, а можетъ быть завтра жить негдѣ будетъ.

Даша вдругъ какъ то вся заметалась, на щекахъ ея появился румянецъ, она замахаала руками:—ахъ, такъ это ничего, ничего, поспѣшно заговорила она,—вы не беспокойтесь, я подожду сколько угодно. Мы не первый день знакомы съ вами... Право... Это ничего, я подожду...

— Зачѣмъ же вамъ ждать? Такой пустой расходъ, сказалъ Жигулевъ,—это я готовъ заплатить.

И онъ уже сдѣлалъ движеніе, чтобы подѣзть въ карманъ за кошелькомъ. Въ это время Сергѣй крутымъ движеніемъ повернулся къ нему и рѣзкимъ грубымъ голосомъ сказалъ:—вы, вы? Да какъ же вы смѣете?

— Нѣтъ, нѣтъ, отъ васъ я не возьму, взволнованнымъ дрожащимъ голосомъ сказала Даша:—вы не имѣете права платить за Наденьку.

— Ага! Вотъ гдѣ правда, господица Жигулева! воскликнулъ Сергѣй:—слышали? не имѣете права. Вотъ за такую правду ручки вамъ поцѣлую, Даша.

И онъ съ необыкновенной быстротой, такъ, что Даша не успѣла этого предсудомръ, порывисто схватилъ ея руки и поцѣловалъ ихъ.

Даша вся зардѣлась и какъ то затрепетала:—о, что вы, что вы? Какъ можно это, Сергѣй Николаевичъ! Ахъ, Боже мой, какъ вамъ не стыдно.

— Боюсь, Анна Матвѣевна, строго замѣтилъ Жигулевъ,—что и вашего сына придется свезти въ больницу.

— Не бойтесь, сказалъ ему Сергѣй въ то время, какъ Анна Матвѣевна, окончательно растерявшись, не могла промолвить на это ни слова. Затѣмъ онъ обратился къ приставу:—извините пожалуйста, намъ надо кончить тутъ одно дѣло, такъ можетъ быть повремените тамъ, въ сосѣдней комнатѣ.

— Пожалуй, извольте. Мнѣ все равно, сказалъ приставъ, очевидно начавшій понимать, что здѣсь происходитъ какая-то драма, и сейчасъ же ушелъ въ сосѣдную комнату. Авловъ тоже хотѣлъ было идти за нимъ и даже сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ, но Сергѣй остановилъ его:—а вы, господица Авловъ, останьтесь, сказалъ онъ:—можетъ быть, вы попросите у господина Жигулева позволенія отсрочить взысканіе?

— Я-съ? промолвилъ Авловъ и ви-

димо замылся и не зналъ, какъ ему быть.

— Позвольте, сказалъ Жигулевъ,— при чемъ же здѣсь я?

— Ну, это же ясно. Для всякаго понятно, что взыскиваете вы, а господинъ Авловъ только подставное лицо... Вы можете идти теперь, сказалъ онъ Авлову, и тотъ необыкновенно поспѣшно воспользовался разрѣшеніемъ и ушелъ вслѣдъ за приставомъ.

Тогда Сергій съ чрезвычайной нервозностью прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, затѣмъ остановился и началъ говорить такимъ повышеннымъ голосомъ, какъ будто это была проповѣдь:— слушайте, мать, сестра и вы, милая Даша... Этотъ господинъ, разыгрывающій здѣсь благодѣтеля, скупилъ векселя моего отца и теперь разоряетъ насъ. Да, да, да... Не усмѣхайтесь такъ, господинъ Жигулевъ. Я говорю правду. Этотъ Авловъ — подставное лицо. Гдѣ ему покупать векселя? Онъ жалованья получаетъ сорокъ рублей въ мѣсяць. Вы спросите, для чего? Для того, чтобы прижать насъ и потомъ вить изъ насъ веревки. Веревки онъ умѣетъ вить славныя, онъ вилъ ихъ всю жизнь, это его спеціальность... Первую веревку хочетъ онъ свить изъ моей сестры Нади... Она, глупая, обрадовалась хорошему жалованью, которое точно съ неба свалилось... Да развѣ сто двадцать пять рублей платятъ первому встрѣчному за писанье писемъ? Да знаешь ли ты, глупая сестра, для какой надобности служить ему его молоденькія хорошенькія секретари, которымъ онъ черезъ полгода даетъ отставку? А знаете ли вы еще... Нѣтъ, какъ бы вдругъ спохватившись, остановилъ онъ себя:—нѣтъ, это я скажу только ему, а вы уходите, оставьте насъ...

— Если только я пожелаю слушать сумасшедшаго, — сказалъ Жигулевъ, быстро поднялся и взявъ свою шляпу.

— Пожелаете, господинъ Жигулевъ, потому что сейчасъ узнаете, что вы въ моихъ рукахъ! Да, вы въ рукахъ сумасшедшаго, господинъ Жигулевъ.

— Да? любопытно!—промолвилъ Жигулевъ, видимо очень заинтересовавшись его сообщеніемъ, и положилъ шляпу обратно, дѣлая видъ, что имъ руководитъ одно любопытство.

— Ага... Значитъ, заинтересовались... Сейчасъ поговоримъ, сказалъ Сергій.— Хотите, мама, господинъ Жигулевъ сію

минуту заплатить по векселю,—хотите, онъ озолотитъ васъ?

— Я не понимаю, не понимаю... Съ глубокой разсѣянностью, почти прошептала Анна Матвѣевна.

— Онъ сумасшедшій...—Съ испуганными глазами воскликнула Надя.

— Эхъ, Даша, — нервически говорилъ Сергій, все больше и больше впадая въ тонъ отчаянія:—вы у насъ святая и я цѣловалъ ваши ручки... Да, только вотъ сейчасъ, когда вы сюда вернетесь, послѣ нашего разговора съ господиномъ Жигулевымъ, я уже не буду достоинъ прикоснуться къ вамъ.

— Полноте, Сережа,—этому я не вѣрю. Этого не будетъ!—промолвила Даша.

— Будетъ, Даша, будетъ. Идите же себѣ.

— Не понимаю, не понимаю, шептала Анна Матвѣевна и, взявъ за руку Надю, вмѣстѣ съ нею ушла.

А Даша не двинулась съ мѣста.—Сережа, позвольте мнѣ остаться,—тихимъ голосомъ промолвила она:—я тамъ, въ уголку... Я не помѣшаю... Я даже закрою уши, чтобы не слышать...

— А что-жъ, это хорошо!—Отвѣтилъ Сергій,—это даже еще лучше... господину Жигулеву все равно, потому что у него совѣсть чиста.

— Безъ сомнѣнія, мнѣ все равно,—съ полной презрѣнія самоувѣренностью сказалъ Жигулевъ.

— Даша отошла въ самый дальній уголокъ и, опустившись на стулъ, сидѣла тамъ неподвижно.

V.

Сергій уже нѣсколько спокойнѣй, чѣмъ прежде, прошелся по комнатѣ и, не останавливаясь, на ходу, заговорилъ, обращаясь къ Жигулеву:— послушайте, вамъ выгоднѣе принимать меня за сумасшедшаго, потому что я начну прямо съ того, что вы негодяй.

Жигулева всего какъ то передернуло.—Но, однако, всему есть мѣра...—замѣтилъ онъ нетерпѣливо.

— Нѣтъ, не всему, господинъ Жигулевъ... Вы, напримѣръ, негодяй безъ мѣры... Погодите, я приведу доказательства: скупивъ векселя моего отца, вы рассчитывали сперва постепенно, шагъ за шагомъ, довести мою семью до нищеты, и потомъ купить мою сестру за безцѣнокъ....

— Боже мой!—въ своемъ дальнемъ углу прошептала Даша.

Сергій продолжалъ не останавливаясь:—обязанный моему отцу всѣмъ вашимъ благополучіемъ, потому что онъ вытащилъ васъ изъ грязи, обмылъ и одѣлъ и представилъ Буракиной, которая, ослѣпленная вашей вѣнностью, довѣрила вамъ свои дѣла и себя самое,—вы, какъ ночной воришка, тайкомъ пробрались въ самое святое для него мѣсто и осквернили его... Мое презрѣніе къ вамъ такъ велико, что я, единственно для того, чтобы унижить васъ, раздавить, обезчестить, готовъ сдѣлаться худшимъ негодяемъ, чѣмъ вы. Вы меня понимаете?

— Н-нѣтъ... Я... не понимаю...—отвѣтилъ Жигулевъ, и уже видно было, что прежняя самоувѣренность покинула его.

— Эта исторія произошла пять лѣтъ тому назадъ,—грубо и не спуская съ него глазъ, подсказалъ ему Сергій.

— Пять лѣтъ тому назадъ,—какъ эхо, повторилъ Жигулевъ.

— Да. Послѣ того, какъ она раскрылась, эта гнусная исторія, отецъ мой началъ впадать въ задумчивость, и дѣло его пошло все хуже и хуже.

— Откуда вы можете это знать?—Съ неподдѣльнымъ изумленіемъ спросилъ Жигулевъ.

—А—а, откуда? отъ васъ! Вы сами рассказали эту исторію.

— Значитъ, я былъ лишень ума или мертвецки пьянъ.

— Нѣтъ, вы обдумали и взвѣсили каждое слово.

Жигулевъ опасливо оглянулся на Дашу, затѣмъ подошелъ близко къ Сергію и сильно пониженнымъ голосомъ сказалъ:—ну, такъ объясните же, что такое?

— Я вамъ объясню, только отойдите подальше. Я вамъ не вѣрю.

Жигулевъ какъ то машинально отодвинулся отъ него; тогда Сергій, вынувъ изъ кармана исписанный листъ почтовой бумаги и развернувъ его, издали показалъ Жигулеву.—Вотъ письмо, писанное вашей рукой.

— Я ничего не вижу отсюда...—Сказалъ Жигулевъ—и опять сдѣлалъ попытку приблизиться къ нему, но Сергій ровно на столько же отступилъ отъ него.

— Оно начинается такъ, продолжалъ Сергій и затѣмъ, глядя въ бумагу, прочиталъ:—«Многоуважаемый Николай Васильевичъ. Полагаясь на вашу испытанную честность, я рѣшаюсь расска-

затъ вамъ все, какъ оно было, чтобы вы въ самомъ чистосердечіи моемъ увидѣли глубокое раскаяніе». — Вы понимаете? — Когда вамъ эта подлая близость надоѣла и вы захотѣли отдѣлаться отъ нея, тогда вы рѣшили посвятить въ эту тайну мужа... — Вы рѣшили, что это лучший способъ отдѣлаться отъ жены... — Вы вѣдь человѣкъ изобрѣтательный на подлость!

Жигулевъ, очевидно не будучи въ состояніи сдержать себя, съ видомъ отчаянія, обѣими руками схватился за голову: — это письмо... ужасно!... какъ вы его достали?... Но послушайте, послушайте... — прибавилъ онъ, опять оглянувшись на Дашу, — вѣдь мы здѣсь не одни...

— Ничего, ничего, сказала Сергѣй, — вѣдь ваша совѣсть чиста...

Въ это время Жигулевъ успѣлъ уже овладѣть собой, и опять въ лицѣ его появилось выраженіе увѣренности, и голосъ его началъ звучать съ виду спокойно и холодно: — впрочемъ, что же это я... — безъ сомнѣнія, это поддѣлка, не больше! — Сказалъ онъ.

— Поддѣлка? а вы посмотрите, развѣ это не ваша рука? сказала Сергѣй и, крѣпко держа письмо обѣими руками, онъ подошелъ къ Жигулеву близко и поднесъ къ его глазамъ письмо.

Жигулевъ внимательно смотрѣлъ, очевидно быстро прочитывая строки; затѣмъ вдругъ, неожиданно для Сергѣя, быстрымъ движеніемъ крѣпко схватилъ его за руку.

— Отдай письмо, — грубо, хотя и замѣтно сдерживая голосъ, воскликнулъ онъ: — оно мое, оно принадлежитъ мнѣ...

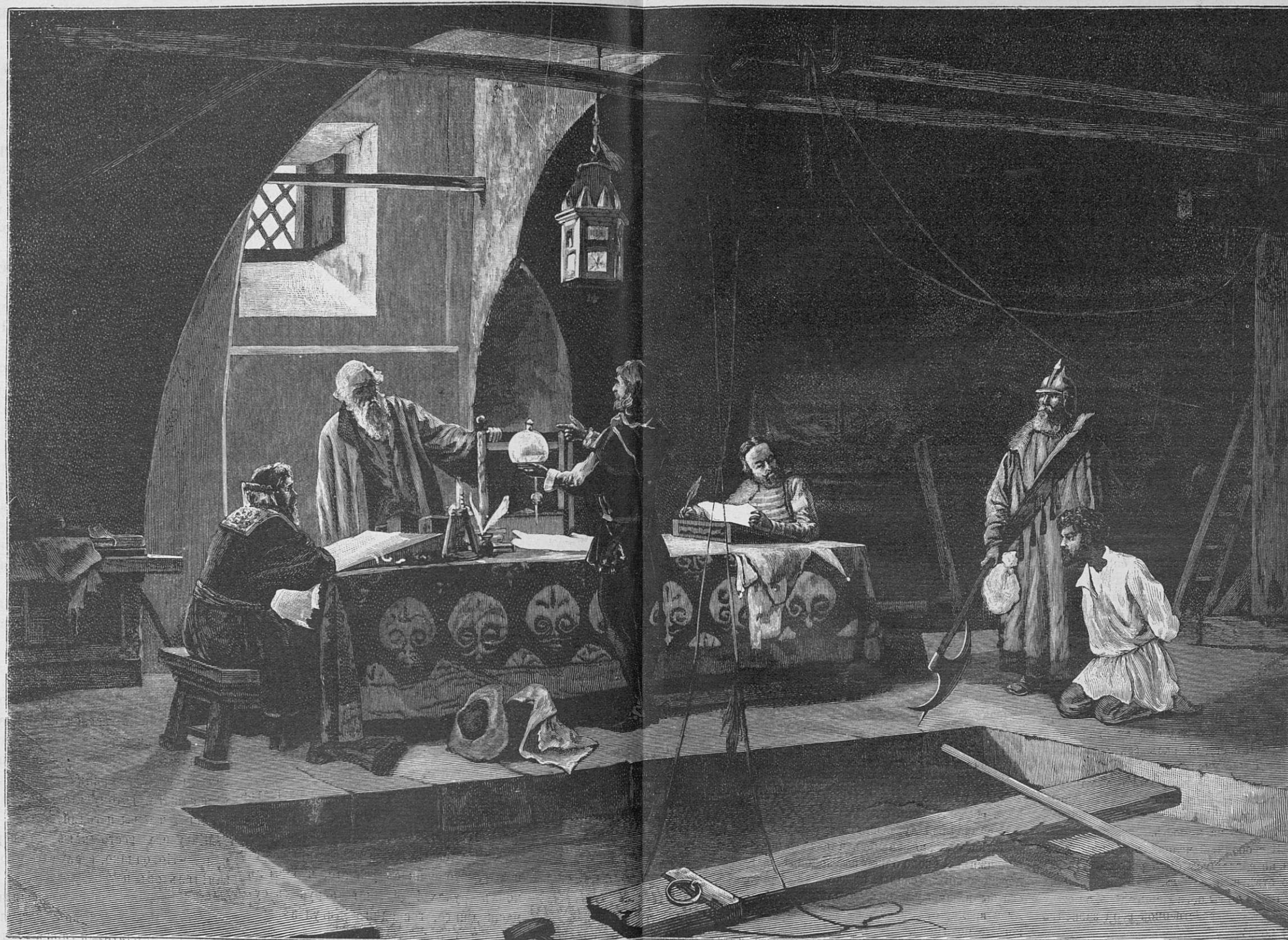
— Ну, нѣтъ, до этого еще далеко, промолвилъ Сергѣй и между ними завязалась отчаянная борьба. Жигулевъ, конечно, былъ сильнѣе Сергѣя, но у него не хватало темперамента для того, чтобы побѣдить противника нервной силой, которой у молодого человѣка было въ этотъ моментъ слишкомъ много. Сергѣй сильнымъ движеніемъ грубо оттолкнулъ его, такъ что Жигулевъ полетѣлъ къ дивану и невольно опустился на него. Сергѣй спряталъ письмо въ карманъ.

— Нѣтъ, господинъ Жигулевъ, — промолвилъ онъ отъ нервнаго волненія охрипшимъ голосомъ, — это вамъ гораздо дороже обойдется. Предоставляю вамъ догадаться, кому будетъ показано это письмо. Впрочемъ, вы уже догадались, и это вижу по вашимъ глазамъ. Это

письмо спихнетъ васъ съ той высоты, на которую помогло вамъ подняться ваше низкое продажное ремесло.

— Какъ? вы, вы рѣшаетесь играть

— Да, да, да, дѣйствительно... Потому что на негодая нужень негодай... О, честными средствами васъ не проймешь, я въ этомъ убѣдился въ послѣд-

З а с т ѣ н о к ѣ. — Гравюра И. Н. Павлова.

на интимнѣйшей тайнѣ вашей матери, позорить имя вашего отца! — воскликнулъ Жигулевъ съ видомъ оскорбленнаго благородства. — Такъ, значитъ, вы дѣйствительно негодай?

не дни: я исчерпалъ всѣ честныя средства.

Вдругъ Сергѣй невольно оглянулся; позади его стояла и держала свою маленькую руку на его плечѣ

Даша. Лицо ея выражало безконечное волненіе, глаза пылали.

— Сергѣй Николаевичъ, Сережа... дрожащимъ умоляющимъ голосомъ про-

таясь за это слово, — воскликнулъ Жигулевъ: — вотъ и она этого просить...

— Она просить совсѣмъ по другому,

было что-то переломиться, и оно переломилось съ трескомъ и съ болью...

Да, отецъ училъ меня честности и эту науку я хорошо знаю, и мнѣ легко было жить по ея правиламъ, пока я зависѣлъ только отъ отца, а не отъ людей. Но какъ только столкнулся съ людьми, я узналъ, что честны только овечки, покорно отдающія себя волкамъ на съѣденіе. Это и называется честностью — отдавать себя на съѣденіе. А чтобы жить, надо быть волкомъ.

— Неправда, Сережа, неправда... — Говорила Даша, продолжая держать свою руку на его плечѣ, — и вы не выдержите, все равно — вы не выдержите, вы надорветесь.

— Ахъ, полноте, Даша, повторять старья сказки. Надорветесь вы, убивающая свою молодость на грошовый трудъ, чтобы честно кормить себя и слѣпую старуху — бабушку, надорвется честные грузеники, брезгующіе кривыми путями и идущіе прямо, Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ зачѣмъ. Но никто еще не слышалъ, чтобы надрывались отъ подлости. Это легкое ремесло. Тутъ не надо ни ума, ни знаній, ни характера, ни совѣсти... Все это бремя, которое только мѣшаетъ. Вспомните моего отца, который ради интересовъ госпожи Буракиной надрывался въ работѣ по четырнадцати часовъ въ сутки, изсушалъ свой мозгъ надъ цифрами, надъ чужими цифрами, отъ которыхъ ему не было ни тепло ни холодно. Онъ теперь въ больницѣ. И взгляните на этого господина, сдѣлавшаго себѣ завидное положеніе одной только своей бородой. Что за цвѣтущій видъ! Сколько самоувѣренности, самодовольства, сознанія своего превосходства надъ другими! какимъ побѣдителемъ онъ смотритъ! и все это не стоило ему ни малѣйшихъ усилій. Капельку хитрости, чтобы правильно рассчитать, и капельку ловкости, чтобы знать, гдѣ надо улыбаться и кланяться, а гдѣ грозить и приказывать. Отъ этого не надрываются, милая Даша, нѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Миниатюра,

Испали чары сна. Въ тревогѣ пробужденія. Гляжу съ тоской мучительной вперед. Прости, любви мгновенное виднѣе, Прости, надеждъ погаснувшихъ восходъ.

Николай Рябовъ.

молвила она: — сожгите это письмо, сожгите... Не его вѣдь, нѣтъ, не его, а себя вы опозорите, обезчестите, уничтожите...

— Сожгите, сожгите, видимо хва-

чѣмъ вы: — вы для своей шкуры, а она для честности... Но, Даша, то, что говорить честность, уже мнѣ не годится, я уже началъ, я переступилъ грань. Для этого, Даша, въ моей душѣ должно

Кто побѣдилъ?

Посв. О. И. Ивановой.

Разсказъ М. Л. де Вальдена.

Въ царствованіе Каракаллы въ Римѣ жилъ богатый и знатный патрицій Кай Тулліи Агриппа. Ему принадлежали обширныя латифундіи, расположенныя въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи, а также роскошныя виллы въ окрестностяхъ столицы. Его дворецъ въ Римѣ съ величественнымъ перистилемъ отличался пышностью и великолѣпіемъ. Кругомъ дворца тянулся садъ съ мраморными фонтанами и бассейнами. Внутри дворца, между колоннами съ іоническими капителями стояли на постаментахъ красивыя статуи и вазы съ пахучими миртами, лаврами и широколиственными кактусами.

Но Кай Тулліи Агриппа рѣдко пребывалъ въ своемъ роскошномъ жилищѣ, такъ какъ, большей частью, находился въ походахъ противъ варваровъ, надвигавшихся то съ сѣвера, то съ востока на Римскую имперію.

Агриппа велъ довольно безпорядочную жизнь и въ промежуткахъ между походами отдавался всемъ чувственнымъ удовольствіямъ, какія могла доставить ему столица міра. Пресытившись ими, онъ отправлялся на войну и тамъ искалъ новыхъ впечатлѣній и славы.

Въ характерѣ этого человѣка уживались рядомъ самыя противоположныя черты, онъ могъ быть и добръ, и жестокъ, смотря по тому, въ какомъ находился настроеніи.

Однажды, возвратившись изъ побѣдоноснаго похода противъ лигійцевъ, Агриппа привелъ въ Римъ въ числѣ плѣнныхъ одного юношу, отличавшагося необыкновенной красотой и сложеніемъ.

Когда молодой лигіецъ со связанными руками слѣдовалъ за триумфальной колесницей побѣдителя, многіе, собравшіеся полюбоваться зрѣлищемъ, были поражены стройностью его тѣла, точно изваяннаго рѣзцомъ художника и его удивительно правильными чертами лица.

Не одно восклицаніе восторга вырвалось изъ устъ зрителей, не одинъ взглядъ женскихъ глазъ съ наслаженіемъ остановился на немъ.

Это былъ высокій, статный юноша съ длинными спускающимися на плечи свѣтлыми волосами, съ мягкой задумчивостью и вмѣстѣ съ кѣмъ съ какой то благородной гордостью во взорѣ.

Онъ шелъ впереди другихъ плѣнныхъ, выдѣляясь мужественной осанкой, поступью и довольно богатымъ, оригинальнымъ нарядомъ. Лигіецъ по временамъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ поглядывалъ на толпы римской черни, жадно глазѣвшей на триумфальное шествіе, иногда же глаза его съ задумчивымъ выраженіемъ скользили по лицамъ уличныхъ зѣвакъ и точно не видѣли ихъ.

Шествіе направилось къ старинному дворцу цезарей, гдѣ находился въ кругу чвоихъ приближенныхъ Каракалла.

Императоръ милостиво принялъ Агриппу и вскорѣ отпустилъ домой съ богатыми дарами, частью состоявшими изъ захваченной войсками добычи и нѣкоторыми выбранными Агриппой плѣнными.

Среди нихъ находился и красивый юноша.

Агриппа, вернувшись въ свой дворецъ, велѣлъ своему довѣренному вольноотпущеннику изъ рабовъ вифинцу Саргону привести плѣннаго къ себѣ въ атриумъ и когда черезъ минуту Саргонъ вошелъ съ лигійцемъ, сказалъ послѣднему:

— По волѣ цезаря ты отнынѣ принадлежишь мнѣ, и твоя судьба въ моихъ рукахъ. Если будешь для меня вѣрнымъ слугою, я облегчу твою тяжкую участь.

— Хотя я твой узникъ, но никогда не буду слугою, — смѣло отвѣтилъ лигіецъ, — ибо всегда былъ свободнымъ человѣкомъ.

— Ты такъ думаешь? — гнѣвно и нахмуривъ брови спросилъ Агриппа.

— Да, — твердо отвѣтилъ тотъ.

— Наказать его плетью и на время заточить въ подземелье! — крикнулъ развирпѣвшій патрицій Саргону — пока этотъ варваръ не смирится и не станетъ покорнѣе.

Вифинецъ увелъ плѣннаго и съ точностью исполнилъ приказаніе.

Юноша очутился въ подземельѣ. Туда лишь днемъ еле проникалъ слабый свѣтъ; тамъ было глухо, сыро и темно.

Пища плѣннаго, которую ему по распоряженію Саргона приносилъ ежедневно невольникъ, состояла только изъ хлѣба и воды.

Въ первые дни пребыванія въ подземельѣ плѣнный метался, какъ дикій звѣрь, попавшій въ клетку, а потомъ съ виду сталъ какъ будто немного спокойнѣе и часто по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на камнѣ у колонны, погруженный въ глубокую задумчивость.

Увы, неволя и лишенія постепенно подтачивали силы лигійца. Его нѣжное, окрашенное легкимъ румянцемъ лицо съ каждымъ днемъ становилось все блѣднѣе, голубые, вдумчивые глаза впали и тускнѣли.

Время отъ времени его навѣщала Саргонъ, который въ глубинѣ души жалѣлъ плѣннаго и каждый разъ совѣтовалъ покориться своей участи.

— Упорствомъ ты только ухудшишь свое положеніе, — говорилъ вифинецъ, — тогда какъ если покорись, мой господинъ переложитъ гнѣвъ на милость.

— Я свободный человѣкъ и никогда въ жизни не соглашусь быть рабомъ, — неизмѣнно отвѣчалъ лигіецъ.

— Но вѣдь ты погибнешь здѣсь, а между тѣмъ отъ твоей собственной воли зависишь твоя участь.

— Какъ бы она ни была страшна, но облегчать ее цѣною униженій не желаю.

Вифинецъ уговаривалъ, грозилъ даже смертью, но все было тщетно.

Спусти нѣкоторое время Агриппа привалъ къ себѣ Саргона и спросилъ:

— Ну, что же плѣнный варваръ? Надѣюсь, онъ сталъ благоразумнѣе и, вѣроятно, готовъ примириться съ своей судьбой?

— Нѣтъ, господинъ, юноша твердъ въ своемъ рѣшеніи, и упорно отказывается быть твоимъ слугою.

— Я тоже буду твердъ, — проговорилъ Агриппа. — Носить ему хлѣбъ и воду черезъ день, голодъ заставитъ его покориться моему волѣ.

Преходили дни за днями, но варваръ оставался непреклоненъ.

Надъ сводами его темницы кипѣла жизнь, къ нему смутно долетали ея отголоски и щемящей болью отдавались въ сердцѣ.

Молодой лигіецъ въ мрачномъ подземельѣ съ глубокой грустью вспоминалъ свою далекую родину, съ которой его разлучилъ злой, неумолимый рокъ.

Часто ночью ему снились дремучіе лѣса, охоты на туровъ и медвѣдей, кровавые бои съ враждебными племенами, пиры при заревѣ костровъ на полѣ, усеянномъ трупами, и шумныя тризны на могилкахъ павшихъ героевъ; снились родныя рѣчки, озера, окаймленныя гигантскими деревьями, а надъ ними парящіе высоко въ небѣ орлы и коршуны, глубокіе темные овраги и таинственные древніе курганы, надъ которыми въ полночный часъ несутся на коняхъ блѣдныя тѣни некогда погибшихъ въ бояхъ воиновъ.

Иногда, просыпаясь, онъ слышалъ надъ собою неясные звуки цитры и арфы, слабо доносившіеся во время пировъ Агриппы сквозь толстые своды подземелья.

Въ такія минуты ему, подъ вліяніемъ свидѣній, чудились мелодіи родныхъ напѣвовъ, чудились сладостныя пѣсни юныхъ дѣвъ съ глубокими, какъ ясное небо, глазами.

Эти нѣжные, мягкіе звуки, проникавшіе въ темницу, казались плѣнному головами его далекой родины, въ ихъ мелодіяхъ юношѣ слышались и нѣжный шопотъ листьевъ въ дубравѣ, и журчанье ручейка, струящагося по дну поросшаго кустарникомъ оврага, и трели жаворонка при яркомъ свѣтѣ солнца.

Голодный, истомленный пребываніемъ въ душной темницѣ и тоской по утраченной отчизнѣ юноша постепенно угасалъ, какъ гаснетъ лампа, когда въ ней изсякнетъ масло, но духомъ былъ подобенъ орлу и предпочиталъ смерть неволѣ.

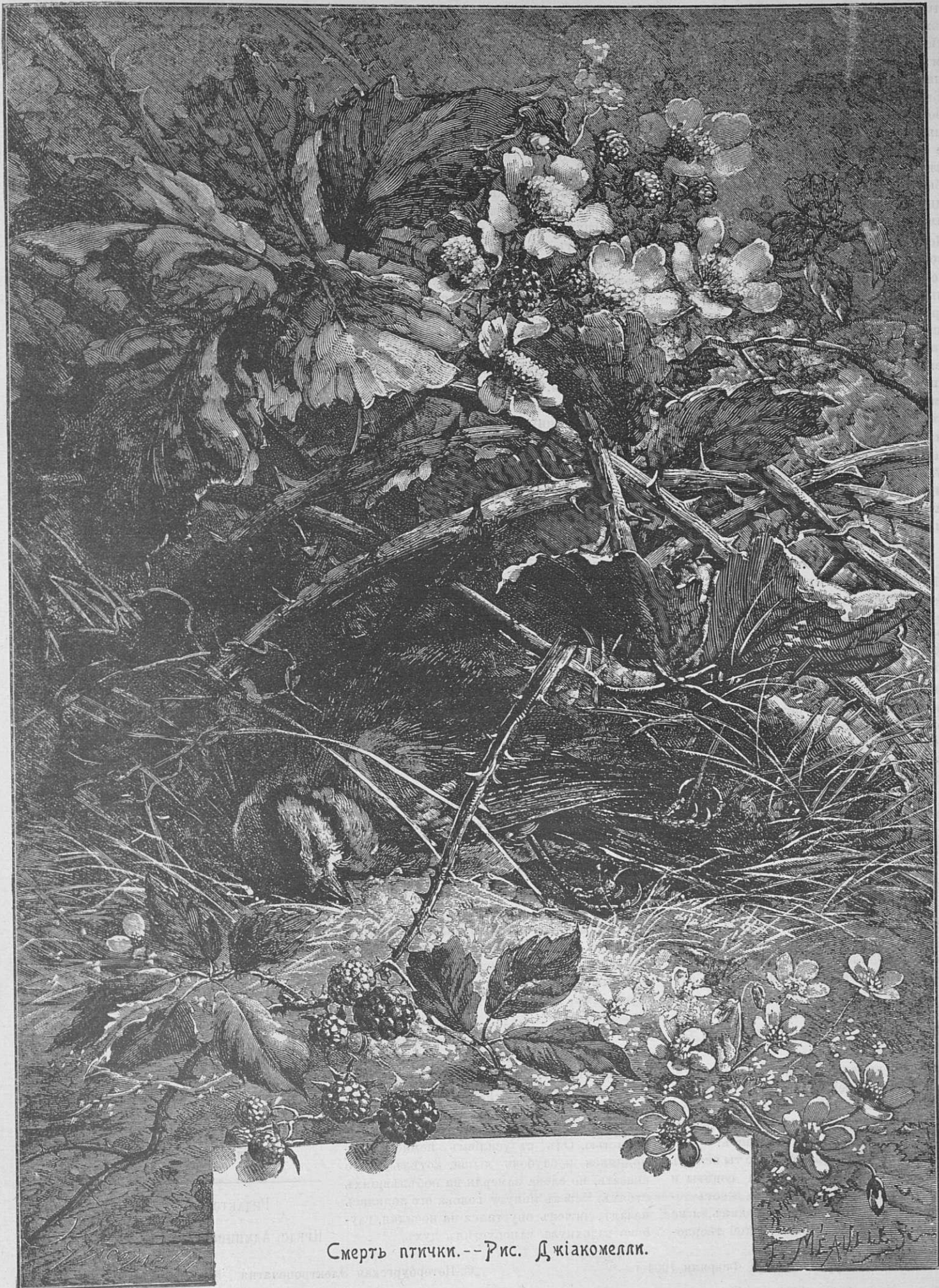
Молодой лигіецъ теперь уже страстно желалъ умереть и въ душѣ часто призывалъ грознаго духа смерти.

И сумрачный духъ внялъ его мольбамъ.

Лигіецъ тяжело занемогъ и лежалъ почти недвижимый около одной изъ колоннъ, поддерживавшихъ своды подземелья. Глаза его были закрыты, онъ находился въ бреду и время отъ времени какъ бы звалъ кого-то по имени.

Почти въ это самое время Агриппа вспомнилъ про молодого варвара и опять приказалъ Саргону привести плѣннаго.

Вифинецъ въ сопровожденіи невольниковъ спустился въ подземелье. Увидѣвъ лежащаго на землѣ варвара въ полусознательномъ состояніи, онъ грустно понурилъ голову и послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ окружающимъ:

Смерть птички.--Рис. Джіакомелли.

— Возьмите больного на носилки и несите его скорѣе наверхъ, быть можетъ, на свѣжемъ воздухѣ ему станетъ легче.

Вскорѣ невольники съ большимъ лигйцемъ вступили уже на усаженный платанами дворъ возлѣ атріума.

Быль ясный солнечный день. На лазоревомъ небѣ лишь кой-гдѣ виднѣлись маленькія перистыя облачка, вѣтерокъ еле еле покачивалъ верхушки деревьевъ, скользили по кустамъ миртъ и розъ и легкой зыбью пронесился по травникамъ окаймленнымъ гіацинтами, нарциссами и левкоями.

Полуденное солнце яркими лучами озарило величественный дворецъ и высокія колонны портика съ ионическими капителями и мраморный фонтанъ, находившійся посреди двора. Лучи солнца, прорикая сквозь вѣтви деревьевъ, золотыми блестками ложились на травѣ, создавая на этомъ зеленомъ коврѣ причудливые узоры.

Агриппа въ блѣднѣющей съ красной каймой тогѣ полулежалъ на мраморной, открытой шкурой леопарда, скамьѣ подъ тѣнистымъ платаномъ и, глядя на бѣлыя облачка, медленно плывшія по голубому небу, казалось, былъ погруженъ въ тихую сонную задумчивость. На его лицѣ лежала печать меланхоліи, вызванная очевидно утомленіемъ жизнью. За послѣднее время ему пришлось пережить тяжелыя испытанія. Онъ впасть въ немилость у цезаря, разочаровался во многихъ друзьяхъ и наконецъ потерялъ единственнаго сына, который умеръ въ плѣну у парянъ. Все это наполняло душу горечью и тоской, а иногда погружало въ какую-то странную апатію.

Теперь Агриппа находился въ созерцательномъ настроеніи и почти не слышалъ звуковъ арфъ и лютней, на которыхъ играли невольницы, скрытыя за вѣтвями деревьевъ, желавшія усладить слухъ могущественнаго патриція.

Но вотъ во дворѣ послышались голоса и черезъ минуту появился Саргонъ въ сопровожденіи невольниковъ. Они осторожно несли на носилкахъ молодого лигйца. Плѣнный находился въ предсмертной агоніи и лежалъ недвижимый съ закрытыми глазами.

Вифинецъ велѣлъ невольникамъ поставить носилки недалеко отъ скамьи, на которой находился патрицій, а самъ, подойдя, съ почитательнымъ поклономъ сказалъ:

— Господинъ! Приказъ твой исполненъ, варваръ передъ тобой, но увы, онъ уже умираетъ.

Слова эти вывели Агриппу изъ задумчивости. Онъ провелъ рукой по лицу, точно желая отогнать овладѣвшія имъ мысли, и какъ бы съ удивленіемъ переспросилъ:

— Что ты сказалъ? кто умираетъ?

— Плѣнный лигйецъ, котораго ты велѣлъ привести изъ подземелья. Мои совѣты и угрозы не дѣйствовали на него и вотъ теперь минуты его сочтены. Господинъ, я не мало прожилъ на свѣтѣ, но такой твердо-

сти и мужества еще ни въ комъ не встрѣчалъ.

Агриппа съ удивленіемъ выслушалъ Саргона, затѣмъ встала со скамьи и, подойдя къ носилкамъ, пристально смотрѣла на умирающаго лигйца.

— Что это за странный человѣкъ! — думалъ патрицій. — Вѣдь жизнь есть драгоценнѣйшій даръ боговъ, и каждый дорожитъ ею болѣе чѣмъ богатствомъ, славой и даже свободой. Всѣ стараются поболѣе сохранить свою жизнь, какъ бы она ни была жалка, ничтожна, позорна, бояться перешагнуть за грань ея, бояться хотя переходъ этотъ въ царство тѣней неизмѣримо легче ихъ существованія. А вотъ этотъ юноша, несмотря на всѣ мученія, не примирился съ неволей, не могъ понять жизни безъ свободы; онъ умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ, и однако въ его лицѣ не видно ни тѣни страха, напротивъ, на немъ выражается какое-то величавое спокойствіе. О, если бы многіе люди, духомъ были подобны этому молодому варвару.

Въ эту минуту изъ-за деревьевъ снова зазвучали смолкнувшія, было, на время арфы и лютни. Мягкіе, нѣжные звуки въ сладостной гармоніи соединились въ этотъ полуденный часъ съ тихимъ шелестомъ древесныхъ листьевъ, ароматомъ цвѣтовъ, журчаніемъ фонтана, свѣтомъ солнца, и лазурью неба.

Чистый свѣжій, благоухающій воздухъ проникъ въ грудь умирающаго. Онъ медленно открылъ глаза, и взглядъ его встрѣтился съ устремленнымъ на него взглядомъ патриція.

Во взглядѣ лигйца выразился такой глубокой невыразимый укоръ, что Агриппа не выдержалъ и въ смущеніи отвернулся. Въ его душѣ зашевелились чувства жалости, состраданія и даже какой-то отцовской нѣжности къ юному лигйцу, ибо онъ вспомнилъ умершаго въ неволѣ у парянъ своего сына.

Эти добрыя чувства волной нахлынули на него и овладѣли всѣмъ его существомъ. Ему захотѣлось во что бы то ни стало если ужъ не удержать эту угасающую жизнь, то по крайней мѣрѣ усладить ея послѣднія минуты.

Агриппа какъ бы преобразился, въ его поблѣднѣвшемъ лицѣ появилось новое, необычное выраженіе. Въ необыкновенномъ волненіи тяжело дыша, онъ не твердыми шагами приблизился къ лигйцу, и, протянувъ ему руку, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Юноша, я дарю тебѣ свободу.

При этихъ словахъ плѣнный вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, на изможденномъ лицѣ вспыхнулъ слабый румянецъ, точно отблескъ угасающей на небѣ зари, а глаза сверкнули радостью и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавистью. Онъ съ усиліемъ немного приподнялся и глубоко дыша, хотѣлъ что-то сказать, но слова замерли на поблѣвшихъ губахъ. Черезъ минуту голова его подалась назадъ, лигйецъ опустился на носилки, глубоко вздохнулъ и испустилъ духъ.

Теперь лигйецъ былъ вполне свободенъ, надъ нимъ не тяготѣли мрачныя своды подземелья, надъ нимъ опять сіяло благодарное солнце и яркимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ заливало міръ.

М. Л. де-Вальденъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Чистый понедѣльникъ. Ориг. рис. Г. В. Вьлюсова. Послѣ угарной масляницы идетъ усиленная деревенская уборка хаты и посуды, которую выжигаютъ съ цѣлью уничтожить даже слѣды скоромни. Художникъ очень удачно передалъ настроеніе чистаго понедѣльника въ деревнѣ.

Застѣнокъ. Граюра И. Н. Павлова. Картина эта переноситъ насъ въ прошлое нашей родины, когда Россія переживала смутныя времена и правительство, въ лицѣ бояръ, должно было прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ острастки при допросахъ и пытать имена заговорщиковъ. Картина въ общемъ довольно реальна, хотя въ темныхъ и полутемныхъ мѣстахъ не ясно вырисована.

Смерть птицы. — Рисунокъ Джіакомелли. Никто изъ художниковъ не изучилъ такъ глубоко природу, какъ Джіакомелли. Каждая травинка, каждый листокъ въ чудныхъ по красотѣ формахъ дышутъ правдой и знаніемъ подножнаго пейзажа. Въ цвѣтахъ, за вѣтвями ежевики, лежитъ умершая птичка — дитя природы, мимолетный, веселый гость нашихъ садовъ и лѣсовъ. Сколько поэзіи и сколько меланхоличной грусти въ этой картинкѣ природы!

А. С.

Отъ редакціи:

При этомъ № прилагаются:
1) 6-ой выпускъ полнаго собранія романовъ Ч. Диккенса, и
2) Январская книжка (№ 1) Приложенія.

СОДЕРЖАНІЕ: Стих. А. Щегловъ. — „Ангель-Хранитель“. Романъ. И. Потапенко. — Миниатюра. Стихотв. Николай Рябова. — Кто побѣдилъ! Разсказъ М. Л. де-Вальденъ. — Къ рисункамъ. — Отъ редакціи.

Редакторъ А. П. Хесторъ.

Предс. Администраціи Д. А. Бородинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НЕДЕЛЯ

При ближайшемъ участіи М. Н. Потапенко.

ВОИНА.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Всеподданнѣйшая телеграмма,
полученная

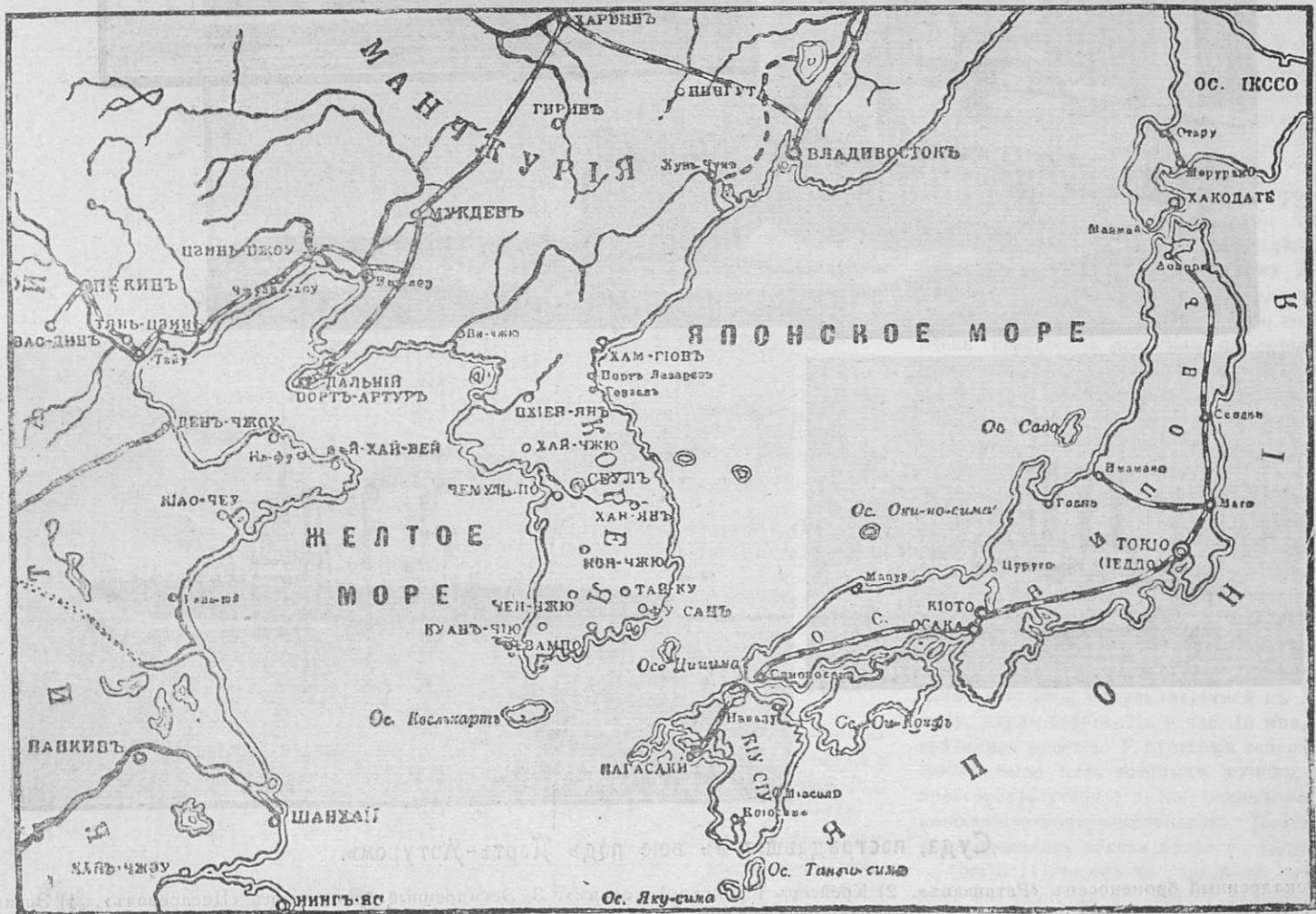
Его Императорскимъ Величествомъ
отъ намѣстника на Дальнемъ Востоѣ.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что „Цесаревичъ“ и „Паллада“ 27-го января введены на внутренней рейдъ. „Ретвизанъ“ временно задѣлывается пробонну. Исправленіе броненосцевъ представить сложную работу;

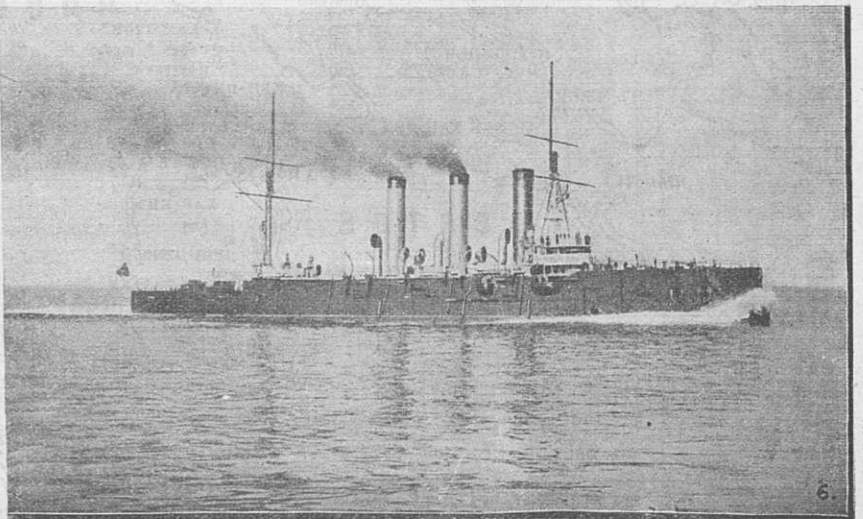
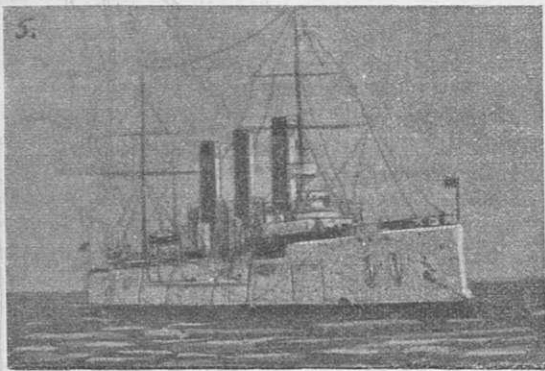
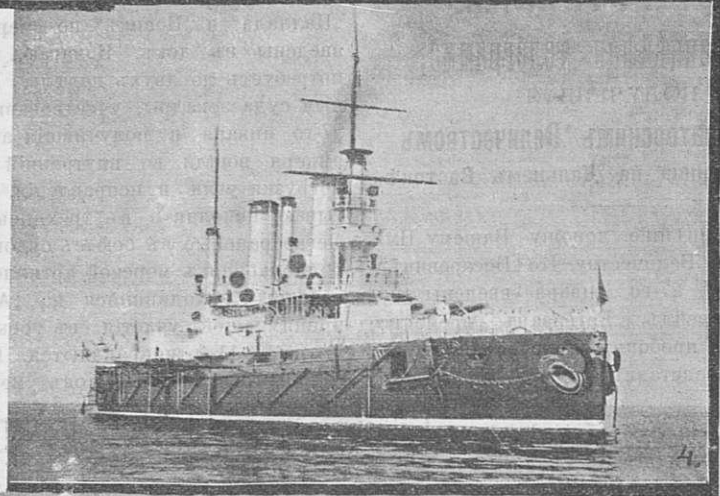
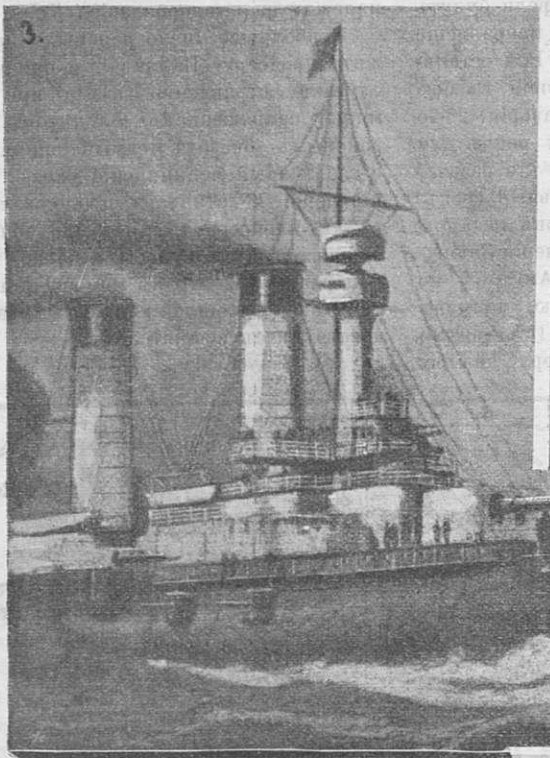
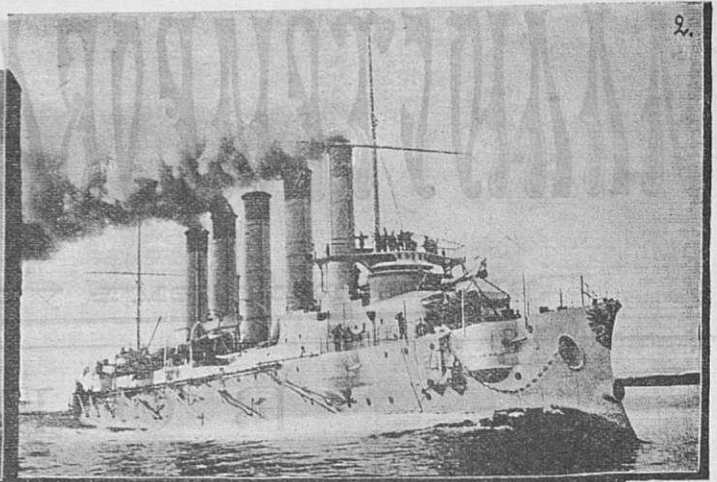
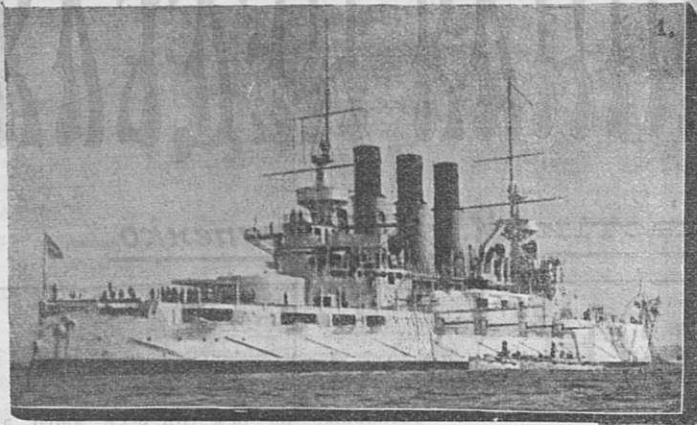
трудно опредѣлить срокъ готовности. „Паллада“ и „Новикъ“ по очереди будутъ введены въ докъ. Полагаю, исправленіе потребуетъ до двухъ недѣль. Всѣ остальные суда эскадры, участвовавшія въ бою 27-го января и получившія аваріи, 28-го января вошли во внутренней рейдъ для догрузки угля и исправленія, что рассчитываю исполнить въ трехдневный срокъ. Легко раненые въ бою съ судовъ эскадры подполковникъ морской артиллеріи Заіончковскій и находившійся на „Ангарѣ“, не принимавшей участія въ бою, мичманъ Петровъ 11-й поправляются. Изъ тяжело раненыхъ нижнихъ чиновъ умерло четыре;

остальные по осмѣтрѣ ихъ мною, даютъ надежду на выздоровленіе.

Наибольшее число раненыхъ принадлежитъ крейсеру „Паллада“ и причиною послужило отравленіе газами при взрывѣ мины, снаряженной меллинитомъ. Всѣмъ раненымъ оказанъ самый внимательный и заботливый медицинскій уходъ. Вчерашній день, 28-го января, продолжались развѣдки крейсерами и не было обнаружено неприятельскихъ судовъ, а равно и ночью при усиленной охранѣ миноносцами и лодками не произошло никакихъ случайностей и встрѣчи съ неприятелемъ.

Карта театра военныхъ дѣйствій.

Суда, пострадавшія въ бою подъ Портъ-Артуромъ.

- 1) Эскадренный броненосецъ «Ретвизанъ». 2) Крейсеръ I ранга «Аскольдъ». 3) Эскадренный броненосецъ «Цесаревичъ». 4) Эскадренный броненосецъ «Полтава». 5) Крейсеръ I ранга «Діана». 6) Крейсеръ I ранга «Паллада».

Отъ Главнаго Морского Штаба.

По полученнымъ въ главномъ морскомъ штабѣ свѣдѣніямъ, въ портъ-артурскомъ сраженіи шесть японскихъ кораблей получили поврежденія; убито 50 человекъ, ранено 150.

Отъ Главнаго Штаба.

Нашъ военный агентъ въ Китаѣ генералъ-маіоръ Десино телеграфируетъ, что кабель между Владивостокомъ и Нагасаки прерванъ; телеграфъ Сеулъ — Мозампо и Сеулъ—Генсанъ тоже.

Отъ намѣстника на Дальнемъ Востоку изъ Портъ-Артура.

Всподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что 29-го января находившійся на линіи миннаго загражденія минный транспортъ „Енисей“, подъ командой капитана 2-го ранга Степанова, затонулъ отъ взрыва. „Енисей“, замѣтивъ всплывшую мину, подошелъ ее разстрѣлять и былъ нанесенъ на сосѣдную мину, которая взорвалась подъ его носовую часть. Успѣли спустить шлюпки. Погибли при взрывѣ: командиръ, механикъ Яновскій, мичмана: Хрущевъ и Дриженко. Нижнихъ чиновъ 92.

Отъ намѣстника на Дальнемъ Востоку.

Всподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что за послѣдніе дни перемѣны въ общемъ положеніи не произошло.

Телеграмма генер.-маіора Флуга изъ Портъ-Артура въ Главный штабъ, отъ 31-го января 1904 г.

Доношу: за послѣдніе дни никакихъ перемѣнъ въ положеніи не произошло. По полученнымъ свѣдѣніямъ, въ Инкоу вечеромъ 29-го наблюдались на взморьѣ огни непріятельскихъ судовъ.

30-го числа получены свѣдѣнія о появленіи шести непріятельскихъ броненосцевъ на рейдѣ въ Татунгоу; были слышны орудійные выстрѣлы. Семьи служащихъ русскаго поселка Юнампо на корейскомъ берегу перешли въ Шахедза. Приняты мѣры для производства развѣдки. Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Корей, полученные изъ Шанхая и Тянь-Цзиня, въ общемъ неопредѣленны и сводятся къ высадкѣ японскихъ отрядовъ въ различныхъ пунктахъ побережья. По свѣдѣніямъ, въ Чемульпо ожидается на 29-е большой десантъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Чифу, японская эскадра послѣ столкновенія у Портъ-Артура понесла значительныя поврежденія и подошла къ Чифу, имѣя три большія судна на буксирѣ, а два подъ креномъ.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШЕЙ УКАЗЪ.

Правительствующему Сенату.

Признавъ необходимымъ привести на военное положеніе войска и учрежденія сибирскаго военного округа, а также довести до полныхъ военныхъ составовъ тыловыя части Намѣстничества, Мы повелѣли Указомъ Нашимъ, сего числа даннымъ военному министру, сдѣлать нынѣ же, по указаніямъ Нашимъ, все надлежащія по сему распоряженія.

Вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ:

1) Призвать на дѣйствительную службу нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота, согласно нынѣ дѣйствующему мобилизационному росписанію, изъ всѣхъ областей и губерній сибирскаго военного округа, а также въ потребномъ числѣ изъ уѣздовъ казанскаго военного округа:

Вятской губерніи—Котельничскаго и Пермской губерніи—Верхотурскаго, Ирбитскаго, Камышловскаго и Шадринскаго.

2) Призвать на дѣйствительную службу всѣхъ тѣхъ, проживающихъ въ предѣлахъ Имперіи, офицерекихъ чиновъ запаса, кои, согласно нынѣ дѣйствующимъ распределеніямъ, предназначены поименно на укомплектованіе войскъ сибирскаго военного округа,—и

3) Приобрѣсти отъ населенія потребное число лошадей, согласно соображеніямъ, разработаннымъ на сей предметъ на мѣстахъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ С.-Петербургѣ,
28-го Января 1904 года.

Извѣстія о боѣ подъ Портъ-Артуромъ.

(Разсказъ очевидца).

ПАРИЖЪ, 30 (12 февраля). (Вольфъ). Здѣшнее изданіе «New-York Herald» сообщаетъ, будто японскія миноноски, которыя въ понедѣльникъ вечеромъ проникли въ наружную гавань Портъ-Артура, воспользовались при этомъ русскими сигналами. Три японскія миноноски пошли ко дну, большая часть команды потонула.

Парижское изданіе «New-York Herald» сообщаетъ слѣдующій разсказъ очевидца о нападеніи японцевъ на Портъ-Артуръ. Разсказъ присланъ по телеграфу изъ Чифу.

Я былъ въ ночь съ понедѣльника на вторникъ въ карантинѣ на пароходѣ «Колумбія» индо-китайской компаніи стоявшемъ между входомъ въ гавань Портъ-Артура и русскимъ флотомъ вблизи отъ послѣдняго.

Намъ говорили, что японскій флотъ ожидаетъ черезъ три или четыре дня. Фонарь

на маякѣ горѣлъ, также мерцали и входные сигнальные буи. Въ 8 часовъ русскіе моряки пропѣли молитву. Погода стояла великолѣпная, не было холодно, небо ясное. Вѣялъ легкій южный бризъ. Горизонтъ былъ туманный.

Настала полная тишина. Часовъ въ 11 вечера я хотѣлъ уже ложиться спать, какъ вдругъ услышалъ одинъ за другимъ три глухихъ взрыва. Ясно, что они произошли подъ водой, ибо „Колумбія“ сильно закачалась. Тотчасъ же открылся огонь изъ двѣнадцати и тридцатифунтовыхъ орудій, и заиграли электрическіе лучи. Я былъ свидѣтелемъ этихъ дѣйствій, которыя считалъ простыми маневрами, до полуночи, когда пальба почти прекратилась. Но совсѣмъ прекратилась она только къ 3 часамъ утра.

Въ часъ прошли мимо насъ ко входу въ гавань два военныхъ судна— „Пересвѣтъ“ (въ дѣйствительности же это былъ броненосецъ „Ретвизанъ“) и „Цесаревичъ“ и большой крейсеръ „Паллада“. Военныя суда стали поперекъ пролива, не тѣсно одинъ возлѣ другого, не загораживая входа въ гавань, только судамъ съ большою осадкою „Пересвѣтъ“ („Ретвизанъ“) получилъ ударъ торпедоу въ носовую часть, а „Цесаревичъ“ — въ кормовую. Поврежденный крейсеръ („Паллада“?) стоялъ въ сторонѣ, внѣ гавани. Онъ подвергся также удару минъ. Въ три четверти третьяго прибыли на бортъ „Колумбіи“ очень взволнованные русскіе офицеры и объявили намъ приказаніе намѣстника не дѣлать ни малѣйшей попытки къ отбѣзду. Явно они имѣли въ виду помѣшать намъ сообщить японцамъ о значительности поврежденій.

До сихъ поръ мы думали, что происходитъ только маневръ или простая демонстрація. Но теперь, когда мы увидѣли необыкновенную трагическую картину двухъ пробитыхъ минами военныхъ судовъ, мы догадались въ чемъ дѣло. Возшло солнце, очень красное, и освѣтило на горизонтѣ двойныя трубы трехъ крейсеровъ, на мачтахъ которыхъ мы различили флаги съ восходящимъ солнцемъ, т. е. японскіе флаги. Они смѣло приблизились, въ одной линіи и ожидали мирно два часа.

Я видѣлъ, съ помощію бинокля, повара на „Пересвѣтѣ“ („Ретвизанѣ“), спокойно выливавшего кипятки, и команду съ другихъ кораблей, которая была занята старательною чисткою якорныхъ цѣпей, поднятыхъ ими наверхъ.

Наконецъ, въ 8 час. 20 мин., подошли съ моря японцы. Они остановились передъ русскимъ флотомъ, направлявшимся къ Дальнему, вдоль берега. Въ 9 час. 15 мин. возвратились русскіе. У русскихъ теперь внѣ гавани было пять военныхъ судовъ, пять крейсеровъ, учебное судно, семнадцать миноносковъ и контръ-миноносковъ. Послѣднія сгруппировались вблизи входа въ гавань.

Около 11 часовъ на горизонтѣ показались шестнадцать японскихъ кораблей, между ними пять броненосцевъ. Плыли они въ превосходномъ порядкѣ. Около половины двѣнадцатаго съ одного японскаго судна мелькнулъ огонь. Это была цущена двѣнадцатидюймовая граната, упавшая вблизи ми-

носокъ. Прицѣлка была удивительно точная. Русскій крейсеръ „Новикъ“ доблестно сражался, держась почти рядомъ съ японскими кораблями, до тѣхъ поръ, пока сильнымъ огнемъ не принудилъ ихъ отступить.

Остальные русскія суда сражались въ одной милѣ отъ берега, подъ прикрытіемъ фортовъ. Каждый разъ, когда пролетали надъ нашими головами тяжелыя снаряды береговыхъ батарей, воздухъ сильно сотрясался и необычайный свистъ звучалъ около насъ. Бомбардировка фортовъ продолжалась до трехъ четвертей двѣнадцатаго. Японцы цѣпились вѣрно, два выстрѣла попали въ вершину одного форта, другіе—въ траншею. Снаряды были крупнаго калибра и при взрывѣ давали желтоватый, а большею частью чернѣйшій дымъ. Я могъ опредѣлить, что оба флота были удалены другъ отъ друга на три мили. «Севастополь» и другой русскій корабль получили пробиты отъ тяжелаго снаряда подъ ватеръ-линіей, три броненосца—посреди броневой обшивки.

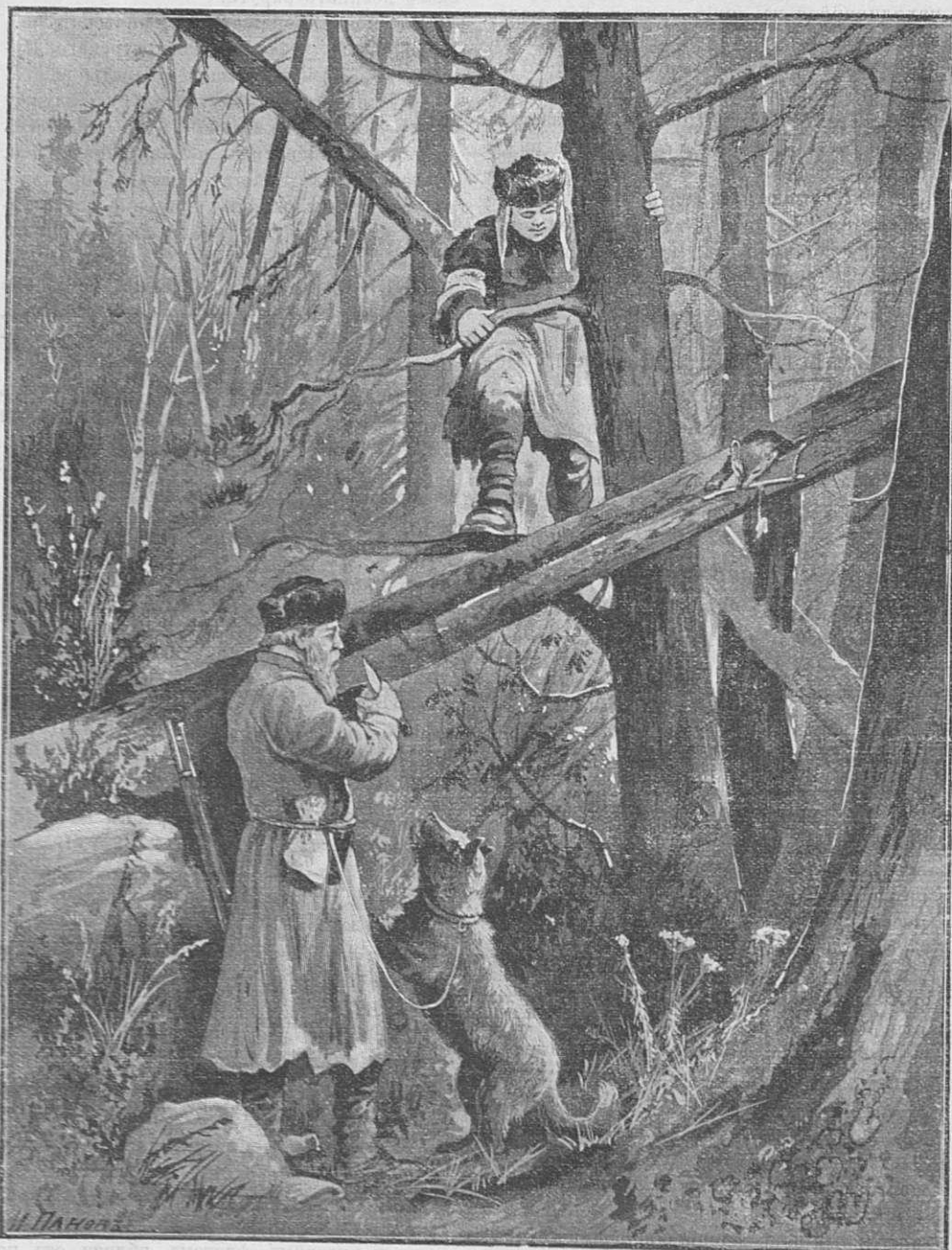
Какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ мѣстомъ высадки японскихъ войскъ оказался портъ Чемульпо. Еще наканунѣ первой высадки, 27-го января здѣсь же разыгралась тяжелая драма. Въ гавани Чемульпо стояли два нашихъ военныхъ судна крейсеръ „Варягъ“ и канонерская лодка „Кореецъ“. Подошедшая къ Чемульпо 27-го января японская эскадра въ составѣ 15—20 бронированныхъ крейсеровъ закрыла выходъ изъ бухты. Командиръ японской эскадры предложилъ русскимъ судамъ сдаться. вмѣсто отвѣта русскія суда вышли изъ гавани, вступили въ неравный бой и погибли, причѣмъ одно пошло ко дну, другое взорвалось на воздухъ.

Съ уничтоженіемъ этихъ двухъ судовъ высадка непріятельскихъ силъ въ Чемульпо пошла безпрепятственно, тогда какъ всѣ попытки японцевъ высадиться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Портъ-Артуромъ не удалась, а попытка высадиться въ самомъ узкомъ мѣстѣ Ляодунскаго полуострова (очевидно съ намѣреніемъ зайти въ тылъ Портъ-Артуру), повидимому обошлась японцамъ очень дорого. По мѣрѣ того какъ японскія войска высаживаются въ Чемульпо они, насколько можно судить на основаніи скудныхъ извѣстій, направляются черезъ Сеуль въ Ви-джю, на берегу р. Ялу, гдѣ и концентрируются. 30 января Сеуль былъ уже занятъ японцами и корейскій императоръ былъ вынужденъ бѣжать во французское посольство.

Между тѣмъ пока владивостокская эскадра не остается въ бездѣйствіи и уже 28-го во льду замерзшаго порта былъ прорубленъ каналъ, по которому вышли въ открытое море крейсера „Рюрикъ“, „Громобой“, „Россия“, „Богатырь“ и транспорты „Лена“. На слѣдующій день эта эскадра уже успѣшно бомбардируетъ г. Хакодате и пускаетъ ко дну одно изъ двухъ встрѣченныхъ ею япон-

скихъ торговыхъ судовъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ея дѣйствіяхъ мы не имѣемъ, но, повидимому, она наблюдаетъ за сѣверо-восточнымъ побережьемъ Кореи.

29-го нашъ флотъ понесъ чувствительную потерю. Минный транспортъ „Енисей“, устанавливая мины въ бухтѣ Талиенванъ, наткнулся на свою собственную мину и влетѣлъ на воздухъ.

Охотники Восточной Сибири. Ловля соболей.—Ориг. рис. И. И. Ланова.

Е. Н. Клокачева и ея этюды.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых древних и вечных. Искусство — это не просто ремесло, это способ познания мира и себя. Оно рождается в душе и обретает форму в материале. В искусстве всегда есть нечто новое, что заставляет зрителя задуматься и чувствовать. Искусство — это мост между прошлым и будущим, между разными культурами и народами. Оно учит нас видеть красоту там, где другие не замечают. Искусство — это наша память, это наша совесть, это наша надежда. Оно помогает нам справиться с трудностями жизни, оно дает нам силы и вдохновение. Искусство — это то, что делает нас людьми.

В искусстве всегда есть нечто новое, что заставляет зрителя задуматься и чувствовать. Искусство — это мост между прошлым и будущим, между разными культурами и народами. Оно учит нас видеть красоту там, где другие не замечают. Искусство — это наша память, это наша совесть, это наша надежда. Оно помогает нам справиться с трудностями жизни, оно дает нам силы и вдохновение. Искусство — это то, что делает нас людьми.

НАШИ ХУДОЖНИЦЫ.

Е. Н. Клокачева.

Подписчики „Живописнаго Обозрѣнія“ за 1902 годъ навѣрно помнятъ картины „Икаръ“ и „За кулисами“, напечатанныя въ № 1 журнала и авторомъ которыхъ является Клокачева. Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ этюды этой талантливой, начинающей художницы и ея портретъ. Этюды написаны ею въ Мюнхенѣ, гдѣ Елена Никандровна заканчивала свое художественное образованіе. Картины и этюды Клокачевой отличаются вѣрностью рисунка, которымъ въ настоящее время многіе изъ молодыхъ художниковъ, увлекшихся исканіемъ новыхъ путей, пренебрегаютъ. Овладѣть рисункомъ дано не каждому, для этого нужно умѣть видѣть и потратить много, много времени, настойчивости, а главное — любви къ дѣлу. Познакомившись съ картинами и этюдами Е. Н. Клокачевой, можно выразить даровитой художницѣ — пожеланіе продолжать идти по избранной ею вѣрной дорогѣ.

А. Смоликовъ.

Д. И. Менделѣевъ.

Существуютъ два рода ученыхъ: — къ одному относятся всѣ солидные изслѣдователи, работы которыхъ представляютъ собою „цѣнный вкладъ въ науку“, т. е. болѣе или менѣе прочный кирпичъ въ зданіи систематизированнаго запаса научныхъ фактовъ; ко второму, гораздо менѣе многочисленному, относятся только тѣ, которые по удачному выраженію нѣмцевъ, „сдѣлали эпоху въ наукѣ“. Къ этому немногочисленному (а у насъ, въ Россіи, прямо-таки рѣдкому) разряду ученыхъ можно и должно отнести и нашего популярнѣйшаго изъ современныхъ ученыхъ Дмитрія Ивановича Менделѣева, только что вступившаго въ 71 годъ своей жизни. Имя Д. И. настолько популярно, что мы считаемъ совершенно излишнимъ подробно останавливаться на его заслугахъ. Вѣдь это имя давно уже стало самымъ сильнымъ аргументомъ защитниковъ самостоятельности русской науки. Стоитъ только усумниться въ этой самостоятельности и вамъ сейчасъ же возражаютъ: „Ну, хорошо, пусть такъ, пусть мы въ своихъ изслѣдованіяхъ всецѣло зависимъ отъ западной Европы и разрабатываемъ ея идеи, — но что-же дѣлать тогда съ Менделѣевымъ?“ — и вамъ поневолѣ приходится умолкнуть, ибо что въ самомъ дѣлѣ прикажете дѣлать съ человекомъ, который, первый систематизировалъ факты громадной научной области и создалъ первую теорію, обнимающую все до него извѣстные химическіе феномены и этимъ самымъ предопредѣляя на извѣстное время направленіе дальнѣйшихъ изслѣдованій?

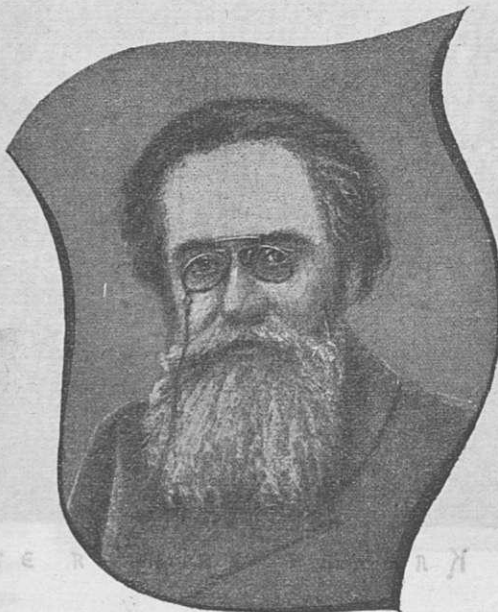
Д. И. Менделѣевъ. Къ 70-лѣтію рожденія.

Такимъ изслѣвателемъ, самостоятельнымъ мыслителемъ, классикомъ философіи экспериментальныхъ наукъ, въ частности гордостью русской науки, является Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ. Его, всѣмъ извѣстная, „периодическая система элементовъ“, основная идея которой выражается (какъ и всѣ гениальныя идеи) очень кратко: „физическія и химическія свойства элементовъ суть функціи ихъ атомнаго вѣса“, — создала

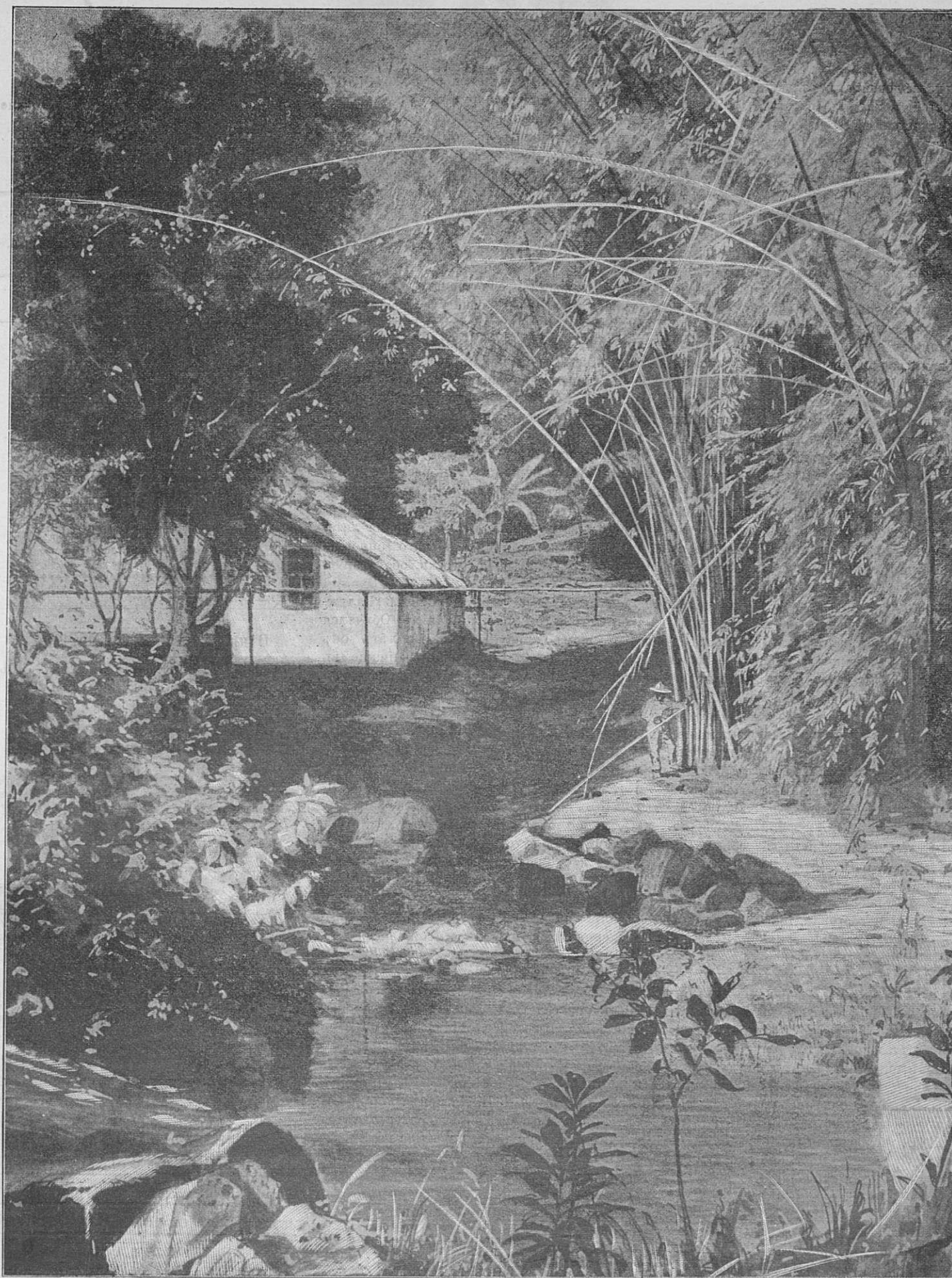
въ исторіи химіи цѣлую главу и одной этой теоріи было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать имя Д. И. безсмертнымъ. Но научная дѣятельность его далеко не исчерпывается этой работой которую даже нѣмцы, слишкомъ патріотичные въ наукѣ, считаютъ классической. Онъ издалъ цѣлый рядъ очень важныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ инныя, какъ напримѣръ „Объ удѣльныхъ объемахъ“, „О температурѣ абсолютнаго кипѣнія“ и др. слѣдуетъ также причислить къ классическимъ.

Но дѣятельность Дмитрія Ивановича не ограничена одной только сферой чистой науки и имя его пользуется еще и почетной извѣстностью въ области прикладныхъ знаній, въ различныхъ отрасляхъ технологии, педагогики и въ исторіи русской промышленности.

Дмитрій Ивановичъ родился 27 января 1834 года въ гор. Тобольскѣ; десятилѣтнимъ ребенкомъ лишился отца и остался на исключительномъ попеченіи своей матери Маріи Дмитріевны, женщины рѣдкаго ума, очень много сдѣлавшей для развитія богатыхъ способностей будущаго свѣтила науки. 15 лѣтъ Д. И. поступилъ въ Педагогическій Институтъ въ С.-Петербургѣ и здѣсь еще студентомъ написалъ свою первую работу „Объ изоморфизмѣ“. Въ 1856 году онъ уже приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета и защищаетъ свою замѣчательную диссертацию на степень магистра химіи и физики „Объ удѣльныхъ

Н. К. Михайловскій. † 27 Января.

Южная Корея. Лейзажъ. — фото-этюдь.

объемахъ“. Въ 1859 году онъ ѣдетъ за границу, гдѣ занимается сначала подъ руководствомъ проф. Реньо, въ Парижѣ, а затѣмъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ производитъ свои изслѣдованія надъ капиллярностью жидкостей и пишетъ работы „О расширеніи жидкостей“ и „О температурѣ абсолютнаго кипѣнія“. Въ 1861 году онъ снова поступаетъ въ С.-Петербургскій университетъ и публикуетъ курсъ „Органической химіи“ и работу „О предѣльныхъ углеводородахъ“. Въ 1863 году, уже въ качествѣ профессора Технологическаго Института, онъ ѣдетъ въ Баку для изученія нефти, занимается по порученію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества агрономическими опытами и издаетъ цѣлый рядъ техническихъ руководствъ. Въ 1863 году пишетъ докторскую диссертацию „Изслѣдованіе растворовъ спирта по ихъ удѣльному вѣсу“, которую блестяще защищаетъ въ слѣдующемъ году и занимаетъ кафедру неорганической химіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Въ періодъ 1868—1870 г. пишетъ свои замѣчательныя „Основы химіи“, въ которыхъ впервые излагаетъ свою знаменитую „периодическую систему“. Въ 1871—1875 г.г. занимается изслѣдованіемъ упругости газовъ и публикуетъ свою работу „Объ упругости газовъ“. Въ 1876 году командированъ правительствомъ въ Пенсилванію для изученія нефтяного дѣла, возвращается въ Петербургъ, печатаетъ цѣлый рядъ изслѣдованій нефтяныхъ углеводородовъ и высказываетъ свою извѣстную всему міру гипотезу о происхожденіи нефти. Въ 80-хъ годахъ опять возвращается къ изученію растворовъ. Въ 1887 году для наблюденія солнечнаго затмѣнія поднимается въ Клинъ одинъ на воздушномъ шарѣ, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, наблюдаетъ солнечное затмѣніе, чинитъ испорченный клапанъ аэростата и благополучно спускается. Въ 1880 году изучаетъ на мѣстѣ экономическія условія до-немецкаго каменноугольнаго бассейна. Въ 1890 году Д. И. вынужденъ прекратить чтеніе лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ и отдается, въ качествѣ члена совѣта мануфактуры и торговли, преимущественно дѣятельности административной и насажденію фабрично-заводской промышленности въ Россіи и печатаетъ свой „Толковый тарифъ“. Одновременно по порученію военнаго и морского министерствъ вырабатываетъ типъ бездымнаго пороха. Съ открытіемъ въ министерствѣ палаты мѣръ и вѣсовъ въ 1893 году Д. И. опредѣляется въ ней ученымъ хранителемъ, каковымъ состоитъ и понынѣ.—Нѣтъ никакой возможности въ предѣлахъ этой замѣтки перечислить всѣ работы Д. И. по различнымъ отраслямъ человеческого знанія. Довольно сказать, что ихъ насчитывается свыше 140.

† Н. К. Михайловскій.

Оригинальныя условія, въ которыхъ родилось и развивается русское общество, заставляютъ его къ каждому русскому писателю относиться двояко, оцѣнивать въ немъ двѣ стороны. Во-первыхъ оно оцѣниваетъ писателя, какъ такового, т. е. его произведенія, а во-вторыхъ, и его личность, опредѣляя ее по даннымъ его жизни, по степени устойчивости его убѣжденій и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже по его частной жизни. Вотъ почему наше общество, теряя какого-нибудь представителя ученаго или литературнаго міра, несетъ зачастую двойную утрату, разъ этотъ писатель или ученый былъ цѣльной, нравственно сильной личностью со стойкими убѣжденіями и идеалами.

Въ лицѣ скончавшагося 27-го января Николая Константиновича Михайловскаго, наше общество понесло именно такую двойную потерю. Умеръ не только серьезный, крупный публицистъ, — умеръ еще и стойкій гражданинъ, ни разу не измѣнившій свѣтлымъ идеаламъ и завѣтамъ шестидесятихъ годовъ. И эта утрата особенно чувствительна въ наше время литературнаго и публицистическаго опортунизма, или точнѣе, по русски, оборотничества.

Родился Н. К. въ г. Мещовскѣ Калужской губ., 15 ноября 1842 г. Обучался въ горномъ корпусѣ. Уже 18 лѣтъ онъ выступилъ на литературное поприще въ журналѣ „Разсвѣтъ“. Затѣмъ послѣдовательно онъ сотрудничалъ въ „Книжн. Вѣст.“, „Гласномъ судѣ“, „Недѣлѣ“, „Невск. сборникѣ“, „Сѣвер. обозрѣніи“. Съ 1869 г. Н. К. постоянный сотрудникъ „Отч. Зап.“ а послѣ смерти Некрасова (1877) редактируетъ этотъ журналъ совмѣстно съ Салтыковымъ и Елисеѣвымъ. Послѣ закрытія „От. Зап.“, онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ сотрудникомъ и членомъ редакціи „Сѣвер. Вѣст.“ и одновременно писалъ въ „Русск. Мысли“, а съ 1890 г. сталъ во главѣ „Русск. Богатства“.

Здѣсь не мѣсто перечислять его многочисленныя критическія и социологическія статьи. Напомнимъ только что онъ, какъ въ той, такъ и въ другой области, былъ всегда самостоятельнымъ мыслителемъ и блестящимъ писателемъ-публицистомъ, полемическій талантъ котораго причинилъ не мало непріятныхъ минутъ многимъ изъ нашихъ самозванныхъ генераловъ отъ литературы и критики.

30 января тѣло Н. К., при громадномъ стеченіи представителей литературнаго міра и учащейся молодежи, опустили на Волковомъ кладбищѣ въ могилу, которая исчезла подъ колоссальной грудой всевозможныхъ вѣнковъ. Надписи на лентахъ этихъ вѣнковъ могли-бы составить лучшій некрологъ покойнаго.

СОДЕРЖАНІЕ:

Война.—Наши художницы. Е. Н. Клокачева.
А. Смоликовъ.—Д. И. Менделѣевъ.—Н. К. Михайловскій.—Объявленія.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗА 2 РУБ. съ пересылкой копировальныя прессы съ копировальными книжками. Копія получ. моментал. Нуженъ вѣст. коммер. воен. и чинов. г. Ровно, Волын. г. Ш Тине, Вокзал. ул., № 70.
К. 102 - Р. 1-2.

МОНЕТЫ Россіи, древнія, покупаю. Плачу до 3000 р. за монету. Полный каталогъ всѣхъ рѣдкихъ монетъ и древностей за 56 к (марками) Г. Ровно, Волынск. губ. Пумизматикъ Тине, с. д. № 50.
К. 103 - Р. 1-3.

Открыта подписка на 1904 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НАУЧНО ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВОСТЬ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ

подъ редакціей Присяжнаго Повѣреннаго

Д. Н. Бородина.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

I. Правительственныя распоряженія.—II. Статьи, обзоры и корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ.—III. Питетное дѣло.—IV. Кредитъ и банковое дѣло.—V. Страхование дѣло.—VI. Профессиональное дѣло.—VII. Кустарное дѣло.—VIII. Артельное дѣло. IX. Переселенческое дѣло.—X. Виржа, фондовый и вексельный бумаги.—XI. Хроника.—XII. Обзоръ печати и библиографія.—XIII. Биографіи, очерки и рассказы.—XIV. Отвѣты на вопросы читателей.—XV. Рисунки и чертежи.—XVI. Объявленія.

Подписная цѣна:

Съ пересылкой и доставкой на годъ—3 р.
полгода—1 р. 50 к., четверть года—1 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, ул. Глинки, 6.—Телефонъ № 307.

Въ концѣ 1904 г. всѣ гг. подписч. получаютъ:

Бесплатную премію сочин. Д. Н. Бородина „АЛКОГОЛИЗМЪ У ДѢТЕЙ“.

Редакторъ-издатель Д. Н. Бородинъ.

ПОЛЪЗАНКЪ РАЗВЛЕЧЕНІЕ

При ближайшемъ участіи М. Н. Потапенко.

Исторія, которая никогда не кончилась.

III.

Тамъ, гдѣ растетъ камышъ.

(Продолженіе).

Я отошелъ отъ кровати и — отлично это помню — взглянулъ на тетю Вѣру и на ея кричавшій свертокъ съ негодованіемъ. Въ эту минутту въ мое сердце проникла капелька яду, которая долго еще потомъ отравляла его: я почувствовалъ вражду къ маленькому существу, принесенному на рукахъ тетей Вѣрой.

Мнѣ стыдно сознаться въ этомъ, но я хочу раз-

сказывать только одну правду. И это было такъ. И въ особенности худо то, что это не былъ одинъ моментъ, мимолетное чувство, которое скоро проходитъ; это осталось во мнѣ на долго. Я почувствовалъ, что мѣсто, которое до сихъ поръ безраздѣльно принадлежало одному мнѣ, — мѣсто на груди моей матери, — у меня отняли для кого-то другого. Раньше, когда моя мать была здорова и я видѣлся съ нею, сколько хотѣлъ, стоило мнѣ забраться къ ней на колѣни, и ужъ она ни за что не хотѣла отпустить меня. И даже, когда я рвался отъ нея, чтобы бѣжать во дворъ или на улицу, когда мнѣ приходила въ голову какая-нибудь блестящая мысль, она удерживала меня и говорила:

— Ну, посиди, посиди еще минутку! Успѣешь набѣгаться. Миѣ такъ пріятно съ тобой!

А теперь, послѣ того, какъ я не видѣлъ ее цѣлыя сутки, для меня нашлось у нея всего какихъ-нибудь пять минутъ. Стоило только защищать этому неизвѣстному существу, про которое никто не знаетъ, что изъ него выйдетъ, какъ меня, уже любимаго и привыкшаго къ ласкѣ, изгоняють.

Я вышелъ глубоко оскорбленный, отправился въ свою комнату и, когда скоро послѣ этого Марика пришла ко мнѣ и любезно предложила простокваши, я гнѣвно посмотрѣлъ на нее и сказалъ.

— Оставь меня пожалуйста... Не хочу я никакой простокваши...

Разумѣется, это настроеніе держалось недолго. Какія нибудь четверть часа—и я почувствовалъ, что сидѣть одному въ комнатѣ, въ то время какъ на дворѣ яркое солнце такъ очаровательно играетъ своими лучами въ бѣлыхъ блестящихъ снѣжинкахъ, и Дусикъ, который былъ большимъ поэтомъ въ душѣ, визжитъ подь моимъ окномъ, приглашая меня принять участіе въ зимнихъ наслажденіяхъ,—очень скучно.

Къ тому же вдругъ, внезапно, вспомнилось предложеніе Марики и нестерпимо захотѣлось простокваши. Я отворилъ дверь и крикнулъ:

— Марика!

Неизмѣнная Марика тотчасъ же пришла.

— Есть еще тамъ простокваша?

— А то какъ же? Куда же ей дѣваться? Ужъ не я съ Дусикомъ поѣли ее... А что, небось, захотѣлось!— отвѣтила Марика, которая никогда не умѣла обойтись однимъ словомъ, а всегда говорила ихъ кучу.

— Дай пожалуйста.

— Такъ пожалуйста въ столовую... Тамъ уже она давно стоитъ и дожидается. Даже спрашивала меня: скоро ли панычекъ придетъ, чтобы меня скушать?

Я отправился въ столовую, и простоквашу, къ которой я былъ равнодушенъ, постигла ея неизбѣжная участь:—она была съѣдена мной до послѣдней капли. Маленькій, очень изящный кувшинчикъ былъ опустошенъ. Затѣмъ я принялъ приглашеніе и Дусика и, облекшись въ теплыя одежды, вышелъ во дворъ и предался тѣмъ особеннымъ дѣтскимъ радостямъ, какія возможны только зимой въ деревнѣ.

Въ этотъ день къ намъ пришелъ старый священникъ, служившій въ нашей деревенской церкви. Его звали отецъ Петръ и я зналъ его хорошо. Высокій, сгорбленный, съ совершенно бѣлой длинной бородой и рѣденькими сѣдыми локончиками вокругъ головы, онъ производилъ на меня впечатлѣніе «сѣдой старины» а,

когда я потомъ читалъ это выраженіе въ книжкахъ: «сѣдая старина», я всегда представлялъ ее въ видѣ отца Петра.

Священникъ этотъ служилъ въ нашей деревнѣ, кажется, всю свою жизнь и былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что вѣнчалъ, крестилъ и хоронилъ всѣхъ моихъ предковъ. Онъ же крестилъ и вѣнчалъ моего отца, а меня только крестилъ.

Сегодня онъ пришелъ читать молитву. Я отъ Марики зналъ, что крестить мою сестру будутъ дня черезъ три.

Я былъ совершенно увѣренъ, что меня не позовутъ. Ужъ я началъ привыкать къ таинственности, которой окружали все, что касалось новорожденной.

Но, къ моему удивленію вышла Марика и сообщила:— Васъ, панычекъ, кличуть папаша...

Я засталъ отца, тетю Вѣру и стараго священника въ гостиной. Всѣ они сидѣли за круглымъ столомъ и лица ихъ были чрезвычайно серьезны.

— Ага... Ну, вотъ... Онъ-то намъ и нуженъ!— сказалъ священникъ, когда я появился въ гостиной.— Самый важный человѣкъ въ этомъ дѣлѣ... Ага... М-да...

Онъ вообще говорилъ много ненужныхъ словъ и это меня всегда удивляло. Но на этотъ разъ меня гораздо больше удивило то, что я оказывался самымъ важнымъ человѣкомъ и на что-то нужнымъ.

— Да, да, батюшка, сказала тетя Вѣра,—онъ непременно хочетъ, чтобы дѣвочку можно было называть Дусей... У него уже есть одинъ другъ—Дусикъ, это—его собаченка.

— Ага... Такъ вотъ... Хе-хе-хе. Слѣдственно примѣнительно къ собаченкѣ... М-да... Хе-хе... Что-жъ... Собака есть тово... Лучшій другъ человѣка... М-да...

— Какое же имя дать, батюшка?—спросилъ отецъ слегка нетерпѣливо, потому что онъ не любилъ лишнихъ разговоровъ.

— А какое же? Да вотъ... Тово... Напримѣръ... Э-э... Евдокія... М-да... Обыкновенно бываетъ Дуся... А можно тово... Можно сказать Дуся...

— А въ самомъ дѣлѣ, да, это хорошо,—сказалъ отецъ...

— Евдокія—не особенно благозвучно!—замѣтила тетя Вѣра.

— Нѣтъ, это весьма благозвучно... Собственно—Евдоксія... Это, какъ бы сказать, по-гречески выходитъ: благородная... То есть, гм. Э-э... буквально. Ибо слово это греческое. М-да... При томъ—Евдокія была тово... Мм... была царица... Нѣтъ, это хорошо... Имя достойное... Благородное...

— А ты какъ находишь, Вова:—Евдокія—Дуся... Тебѣ нравится?

— Нравится!—отвѣтилъ я, больше впрочемъ изъ изъ любезности, потому что мнѣ было рѣшительно все равно, какъ назовутъ этотъ кружевной свертокъ. А между тѣмъ мое мнѣніе имѣло рѣшающее значеніе.

— Мы такъ и назовемъ. Надо только спросить твою маму,—сказала тетя Вѣра, поднялась и ушла къ мамѣ.

Черезъ двѣ минуты она вернулась: мама согласна. Евдокія и Дуся показали ей очаровательными именами.

— Ну теперь можно... Того... Гм... Помолитесь можно...—сказалъ священникъ и поднялся.

Только теперь я замѣтилъ, что подъ мышкой у него былъ узелокъ; онъ развернулъ его и вынулъ оттуда церковную одежду и надѣлъ ее себѣ на шею. Въ такомъ видѣ онъ, подъ предводительствомъ тети Вѣры отправился къ мамѣ, а отецъ и я остались.

— Мы не пойдемъ туда,—сказалъ мнѣ отецъ.—Мамѣ вредно, когда много народу. Тебѣ, кажется, хочется бѣгать? Такъ иди себѣ, милый мальчикъ... Иди!

Отецъ сказалъ это ласково, но я не воспользовался его разрѣшеніемъ и остался. Мнѣ хотѣлось знать, что же будетъ дальше?

А дальше ничего замѣчательнаго не было. Отецъ Петръ вышелъ вмѣстѣ съ тетей Вѣрой, снявъ свой церковный уборъ и, завертывая его въ коленкоръ, говорилъ.

— Прекрасный младенецъ!... Гм... Мда... Того... Вродѣ ангела... Подлинно ангель... Мда...

А тетя Вѣра сказала:—ну, слава Богу, теперь по крайней мѣрѣ у нея есть имя.

И это было все. А дня черезъ три новорожденную Евдокію крестили. Стоялъ морозный день, нечего было и думать о томъ, чтобы везти ее въ церковь. И старый отецъ Петръ, въ видѣ исключенія, согласился окрестить ее у насъ въ домѣ.

И это было уже совсѣмъ торжественно. Приѣхали къ намъ сосѣди,—цѣлая семья помѣщиковъ, жившая верстахъ въ семи отъ нашей усадьбы.—Ихъ фамилія была Авшаровы. Въ семьѣ была дѣвочка Катя, но она была старше меня на два года и потому считала для себя оскорбительнымъ играть со мной. Она даже держалась поближе къ взрослымъ, а когда оставалась со мной, то говорила такимъ высокомернымъ тономъ, что я ее возненавидѣлъ.

— Дѣти, вы поиграли бы,—говорила тетя Вѣра, обращаясь ко мнѣ и къ ней.

Катя дѣлала кислую гримасу.—Я не люблю бѣгать. Это только мальчишки бѣгаютъ!—отвѣчала она.

Я давно уже рѣшилъ, что Катя глупа и пересталъ

обращать на нее вниманіе. Отецъ Кати человекъ не-большаго роста, плечистый и толстый. Шея у него была толстая, а лицо мясистое, красное, лоснящееся и на головѣ большая лысина.

Отецъ называлъ его Сашей и говорилъ ему *ты*, а онъ ему отвѣчалъ тѣмъ-же. И это меня поражало. Я рѣшительно не могъ переварить мысли, что мой отецъ—величественный, изящный, стройный, красивый, въ дружбѣ съ такимъ некрасивымъ, толстымъ человекомъ. Но они были товарищи, когда-то вмѣстѣ гдѣ то учились и, должно быть, тогда еще привыкли говорить другу другу *ты*. Явился и отецъ Петръ и на этотъ разъ вмѣстѣ съ нимъ старый дьякъ Пахомій—длинный, тонкій, въ темносѣромъ кафтанѣ, ужасно засаленномъ, съ тонкой косичкой на затылкѣ. Пахомій, при помощи церковнаго сторожа, тащилъ мѣдную купель, похожую на огромную чашу. Я подумалъ, что изъ такихъ чашъ, должно быть, пьютъ воду великаны. Эту чашу поставили въ гостиной, налили въ нее тепловатой воды и начали крестить мою сестру.

Около купели стоялъ отецъ Петръ въ церковномъ облаченіи, а позади его тетя Вѣра и рядомъ съ нею Катинъ отецъ. Сперва «нѣчто», завернутое въ кружева, держалъ онъ, а потомъ передалъ тетѣ Вѣрѣ. Дьякъ Пахомій пѣлъ. Я никогда не видѣлъ этого обряда и съ удивленіемъ смотрѣлъ на то, какъ сестренку развернули, какъ ее выкупали въ теплой водѣ, какъ стригли ея свѣтлые коротенькіе волосы, а она при этомъ смѣшно перебирала ручонками и ноженками и кричала что было мочи. Затѣмъ отецъ Петръ пошелъ впереди, а тетя Вѣра и Катинъ отецъ, въ парѣ, позади его и они ходили вокругъ большой чаши, а сестренка все продолжала кричать.

Наконецъ, Пахомій пропѣлъ послѣднее «аминь». Отецъ Петръ далъ всѣмъ поцѣловать крестъ, и снявъ облаченіе, поздравилъ моего отца. Затѣмъ былъ обѣдъ, сравнительно съ обыкновеннымъ—торжественный. Былъ пирогъ, много разныхъ блюдъ и коньякъ, который усердно пилъ Катинъ отецъ и съ каждой рюмкой все становился краснѣе и лицо его больше лоснилось. Послѣ обѣда отецъ Петръ ушелъ, а къ вечеру и сосѣди уѣхали.

Вечеромъ, когда Марика укладывала меня въ постель, у насъ съ нею произошелъ разговоръ.

— Ну, вотъ слава Богу, панычекъ, ваша сестрица теперь христіанка!—сказала Марика.

— А раньше что-же она такое была?

— А раньше, пока ее не окрестили, она была язычница.

— А что это значитъ язычница?

— А это значитъ, которые не одному Богу-Христу молятся, а разнымъ многимъ богамъ.

— Да развѣ Дуся молилась? Она и не умѣла молиться.

— Какъ не умѣла? У младенцевъ душа ангельская, младенцы постоянно молятся, само собою-когда окрещены.... И душа его, ежели чего избави Боже, онъ помретъ, прямо въ рай летитъ....

— А если не окрестили?

Марика съ испугомъ посмотрѣла на меня.

— И лучше и не говорите этого.... Тогда прямо въ адъ... Слава Богу, что окрестили вашу сестрицу!

И высказавъ такое убѣжденіе, Марика ушла, пожелавъ мнѣ пріятнаго сна, а я предался размышленіямъ о томъ, какая печальная судьба ожидала душу новорожденной Евдокіи, если бы, чего избави Боже, она умерла, не будучи крещеной.

IV.

Жизнь маленькаго человѣка, такого, какимъ былъ тогда я, бываетъ полна самыхъ горькихъ обидъ, иногда — настоящаго горя, но никто этого не знаетъ, потому что никто не вѣритъ, чтобъ это могло быть.

Взрослые — умны и знаютъ жизнь, а дѣти не знаютъ жизни и оттого глупы. Но взрослые думаютъ, что дѣти, оттого, что они глупы, не имѣютъ права страдать. А если къ тому еще о дѣтяхъ много заботятся, такъ что у нихъ есть всегда и теплая мягкая постель, и чистая удобная одежда, и вкусная сытная пища, и сласти, и игры, то ужъ они должны всегда быть веселы и не имѣютъ ни малѣйшаго права хмуриться.

У меня были и теплая мягкая постель, и чистая удобная одежда, и вкусная сытная пища, и сласти, и игры, у меня, кромѣ того, были еще — Марика, которая всегда была къ моимъ услугамъ, и Дусикъ, который обожалъ меня, — и я все-таки хмурился, потому-что страдалъ, но никто — ни отецъ, ни мама, ни тетя Вѣра, не хотѣли признавать этого.

Я страдалъ уже больше года, потому что съ той поры, какъ появилась на свѣтъ моя сестра, которую старый священникъ называлъ Евдокіей, но весь домъ называлъ Дусей, прошли уже зима, весна, лѣто, осень и наступила новая зима.

За это время въ моей жизни случилась важная переменна. Прозошло это осенью. Когда кончились всѣ главные полевые работы, пошли частые дожди и повѣяло холодомъ, отецъ однажды сказалъ:

— Я думаю, что мальчику пора начать по настоящему учиться!

До сихъ поръ я учился «не по настоящему». Въ свободные часы — а ихъ у нея было много — мама

научила меня читать. Читалъ я очень плохо: медленно, съ остановками, поэтому изъ моего чтенія никогда не выходилъ никакого смысла. Оттого я не любилъ читать, мнѣ больше правилось, когда мама брала книжку и читала громко, а я слушалъ. Я умѣлъ также разбирать несложныя цифры, но этимъ и ограничивались мои познанія. Писанныя буквы были моими врагами. Я никакъ не могъ научиться разбирать ихъ, а ужъ о томъ, чтобы писать самому, не могло быть и рѣчи. Изъ всего этого можно заключить, что ученость моя была не велика и, такъ какъ мнѣ уже было семь лѣтъ, то отецъ былъ правъ, что мнѣ было пора учиться «по настоящему».

Слѣдствіемъ этого явилось новое лицо въ нашемъ домѣ. Прислала его, конечно, тетя Вѣра, которая зимніе сезоны жила обыкновенно въ городѣ. И все, что нужно намъ было изъ города, присылала тетя Вѣра. Отецъ иногда говорилъ шутя: «на что ни взглянешь, все у насъ тетино—Вѣрино».

Учитель мой былъ студентъ, до того молодой, что я никакъ не соглашался считать его учителемъ и слушаться его.

Я привыкъ слушаться людей, гораздо болѣе взрослыхъ. У него было совѣтъ мальчишеское лицо безъ бороды и усовъ; у него даже голосъ былъ не вполне еще мужской. Мундирчикъ на немъ былъ чистенькій, очевидно только что сшитый, а самъ онъ былъ — скромный, тихій и застѣнчивый. Звали его Иваномъ Васильевичемъ, а фамилія его была Замятинъ.

Онъ только этой весной кончилъ курсъ въ гимназіи и сдѣлавшись студентомъ, сейчасъ-же поѣхалъ къ намъ въ деревню — моимъ учителемъ. Тетя Вѣра вмѣстѣ съ нимъ прислала моему отцу письмо и я слышалъ, когда отецъ громко читалъ это письмо мамѣ.

Помню, что тамъ было сказано: «Иванъ Васильевичъ — очень порядочный молодой человѣкъ, еслибы я этого не знала, то, конечно, не послала-бы его къ вамъ. Увѣрена, что онъ будетъ имѣть хорошее вліяніе на нашего, нѣсколько одичавшаго, мальчика. Онъ изъ хорошей фамиліи, которая лишилась всякихъ средствъ, благодаря несчастнымъ обстоятельствамъ. Ты можешь отнестись къ нему съ полнымъ довѣріемъ и безъ колебаній поручить ему мальчика»...

Еще многое писала тетя Вѣра, но я запомнилъ только это. Лицо у Ивана Васильевича было пріятное, даже красивое, но мнѣ не правилось, что онъ слишкомъ часто краснѣлъ и тогда, отъ волненія, у него на лбу появлялись маленькія капельки пота, онъ поспѣшно вынималъ изъ кармана платокъ и вытиралъ ихъ.

Но это, разумѣется, были пустяки. Главное, за

что я не взлюбилъ Ивана Васильевича, было совсѣмъ другое. Это было нѣчто такое, въ чемъ онъ ни капли не былъ виноватъ.

Дѣло въ томъ, что весь этотъ годъ, который прошелъ отъ рожденія Дуси до пріѣзда Ивана Васильевича, я терпѣлъ обиды. Все, что прежде мнѣ принадлежало по праву, было у меня отнято и ради кого? Ради этого маленькаго существа, которое только недавно начало еле-еле становиться на ноги и произносить: «мама», «папа».

Моя мама давно уже выздоровѣла и встала съ постели, но все равно, она уже больше мнѣ не принадлежала. Маленькая кроватка такъ и осталась въ ея будуарѣ и не было уже той уютной комнатки, гдѣ мама обыкновенно располагалась на диванѣ, съ книгой въ рукахъ, и гдѣ я такъ любилъ прыгать и шумѣть и мѣшать ей, сколько угодно. Мама теперь почти не читала книгъ. Она сама говорила: «Ахъ, я, кажется, скоро забуду грамоту!» Она все свое время отдавала маленькой Дусѣ.

Я негодовалъ, я жаловался.—Мнѣ никогда, никогда нельзя побыть съ тобой... Ты всегда съ Дусей...

А она на это улыбалась.—Дуся малютка. Она такая слабенькая, такая безпомощная... Ей еще нужна вся моя забота... И ты, Вовокъ, тоже долженъ о ней заботиться...

— Я не хочу заботиться о ней!.. отвѣчалъ я, сердито сверкая глазами, съ тѣхъ поръ, какъ она появилась, меня точно нѣтъ на свѣтѣ...

— Вовокъ! Вова! Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить... У тебя есть все, что нужно мальчику. Я и папа тебя любимъ. Мы всегда о тебѣ думаемъ...

— Да, вы думаете обо мнѣ, а всегда возитесь съ дѣвочкой...

— Ай-ай-ай, Вова!.. Ты не справедливъ, ты жестокъ!..

Вы понимаете, что послѣ этого жизнь уже не могла казаться прекрасной. Вова только и слышалъ о томъ, что онъ несправедливъ, что онъ жестокъ и что—какъ ему «не стыдно». Вова не могъ теперь влетѣть въ комнату, какъ вихрь, все перевернуть, что попало на дорогѣ, надѣлать беспорядка и шума, и на полу мокрыхъ слѣдовъ отъ сапогъ и громко рассказывать тотъ вздоръ, какой приходилъ ему въ голову. Вова долженъ былъ входить тихонько въ сѣнцы и затворять за собой каждую дверь, заходить въ свою комнату, снимать тамъ теплую одежду, да еще хорошенько обогрѣться около печки и только тогда ему позволялось входить въ другія комнаты гдѣ царило это маленькое существо, которое называлось Дусей.

И то—надо было сперва войти на ципочкахъ и

удостовериться, что царственная особа не спитъ. А иначе сейчасъ со всѣхъ сторонъ раздавалось:

— Тш... Тш... Тше... Она спитъ...

И Вова долженъ былъ убираться вонъ. Но положеніе его становилось невыносимымъ, когда маленькая Дуся получала кашель или разстраивала себѣ желудокъ. Надо сказать, что въ обычное время она была очень спокойна, никогда не плакала; ея единственнымъ занятіемъ было—лежать на спинѣ и перебирать ножками и ручками или спать. Но когда она бывала больна то дѣлалась нестерпимой плаксою. Съ утра до вечера тогда раздавался ея жалобный пискъ; даже ночью она никому не давала спать. И весь домъ въ такіе дни точно дѣлался больнымъ. Мать не выходила изъ спальни, я не видѣлъ ее по нѣсколько дней; Марика переставала обращать на меня вниманіе и бѣгала изъ дома въ кухню и обратно—цѣлый день; отецъ дѣлался сосредоточенъ и суровъ. Я злился и иногда, забравшись въ свою комнату, плакалъ отъ злости.

Но для меня нисколько не лучше были и счастливые дни маленькой Дуси. Въ особенности меня выводили изъ терпѣнія тѣ необыкновенные успѣхи, какіе она дѣлала.

Ко мнѣ бѣгала Марика съ удивительно глупымъ радостнымъ лицомъ и сообщала:—Панычекъ, панычекъ... Васъ мамаша кличутъ! Идите!

Я шелъ въ бывшую маленькую гостиную. Мама стояла около кровати, а Дуся лежала на перинкѣ. Мама манила меня пальцемъ.—Иди сюда, Вовокъ, скорѣй, скорѣй...

Я подходилъ.—Смотри, смотри, Дуся улыбается... Сегодня первый разъ... Вотъ смотри: Ду-ся-а... Му-му-му... Ту-ту-ту... Пу-а!.. Видишь? Я видѣлъ. Дѣйствительно маленькая Дуся граціозно скривила свой беззубый ротикъ, вышло что-то похожее на улыбку. Мама была въ восторгѣ, но мнѣ это не доставило ни малѣйшаго удовольствія. Потому было еще безчисленное множество восторговъ:

— Дуся сегодня начала ползать!..

— Дуся съѣла первую котлетку!..

— Дуся встала на ноги!..

— Дуся выговорила «ма-ма»...

— Дуся прошла три шага...

Все Дуся, Дуся и Дуся,—а Вова—ничего. Еслибъ Вова въ это время совершилъ какой-нибудь самый необыкновенный подвигъ, то, я увѣренъ, это осталось бы незамѣченнымъ.

Но, наконецъ, произошло прямо таки трагическое событіе.

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

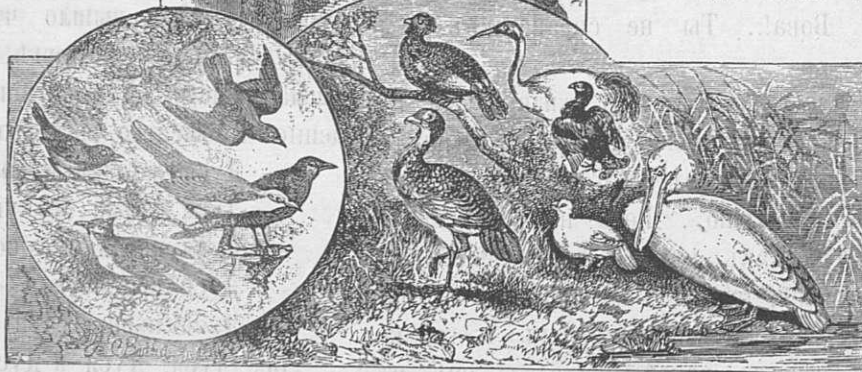
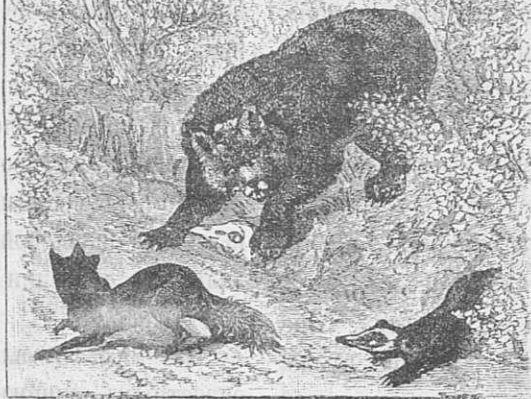
Жизнь всѣхъ странъ свѣта.

ЖИВОТНЫЯ ЕВРОПЫ.

Царь природы — человекъ, непримиримый врагъ животныхъ. У него нѣтъ ни острыхъ клыковъ, ни хобота, ни роговъ, ни ядовитого жала, ни большой физической силы, — орудія, при посредствѣ которыхъ другія животныя нападаютъ и защищаются, словомъ борются за свое существованіе. Единственное его орудіе — умъ, при помощи котораго онъ обращаетъ въ свою пользу силы природы и беретъ къ себѣ на службу животныхъ.

Но за то тамъ, гдѣ появился человекъ, въ особенности образованный, животныя мало по малу уступаютъ ему мѣсто. Отчасти онъ истребляетъ ихъ, пользуясь ихъ мясомъ для пищи, шкурами для одежды, рогами для украшеній; отчасти же они сами вымираютъ, лишенные своихъ лѣсовъ, степей, горъ, прибрежныхъ пространствъ, потому что все это понадобилось человеку, все это онъ занялъ и расчистилъ для постройки своихъ городовъ и деревень, для своихъ нивъ, дорогъ и кораблей.

Ни въ одной странѣ свѣта человекъ не занялъ такого преобладающаго положенія, какъ въ Европѣ. Если земля — царство человека, то Европа, это его столица. Животныя въ этой странѣ свѣта живутъ по столько, по сколько позволяетъ имъ человекъ. Онъ оставляетъ ихъ потому, что они нужны ему для охоты,

для пищи, для мѣховъ и шкуръ. Но многія породы звѣрей уже здѣсь вымерли, какъ напримеръ — рысь и куница, а медвѣдь встрѣчается только еще въ Россіи, гдѣ осталось много нетронутыхъ лѣсныхъ пространствъ да на далекомъ сѣверѣ, гдѣ человекъ селится неохотно.

На нашемъ рисункѣ изображены самыя характерныя для Европы животныя. Въ среднемъ кругѣ, наверху, представлены волки, преслѣдующіе дикаго кабана. Волки живутъ въ лѣсахъ Европы, на всемъ ея пространствѣ, а кабаны водятся главнымъ образомъ въ Германіи, Венгріи, Италіи и Греціи.

Направо отъ круга — олень, а надъ нимъ хитрая росомаха, обыкновенно прыгающая на свою добычу съ наклоненной вѣтви дерева. Олени составляютъ богатство лапландцевъ; мясо и молоко ихъ они употребляютъ въ пищу, а мѣхъ — на

одежду. Пищей для оленей служитъ преимущественно мохъ, который они отыскиваютъ подъ снѣгомъ.

Возлѣ оленя — сибирскія мышки — пеструшки. Эти маленькіе звѣрьки отъ времени до времени, собираясь большими стадами, совершаютъ путешествія по сѣверной Европѣ, истребляя все на своемъ пути; ихъ большими стаями сопровождаютъ хищныя птицы,

тоже поживляясь отъ ихъ разрушительною истребительствомъ.

Налѣво отъ круга—пятнистая рысь съ своей любимой добычей—зайцемъ. Тутъ-же—горностаи, бѣлый мѣхъ котораго цѣнится очень дорого.

Подъ кругомъ изображенъ бурый медвѣдь,—обычный житель гористыхъ мѣстностей. На него обернулся звѣрекъ съ острой мордочкой—лисица, а позади ея—барсукъ,—оба распространены повсюду въ Европѣ.

Подъ ними альпійская сцена: орелъ—ягнятникъ гонитъ испуганную серну прямо въ пропасть, чтобы потомъ полакомиться ея мясомъ. Осторожная серна (изъ ея кожи готовятъ мягкую замшу) и каменный козель, на рисункѣ несущійся впереди ея, водятся на вершинахъ Альпъ, Пиринеевъ и въ горахъ Кавказа.

Внизу, налѣво, въ кружкѣ—сладкоголосый соловей, который зимуетъ въ Сѣверной Африкѣ, а лѣтомъ встрѣчается по всей Европѣ, за исключеніемъ дальняго сѣвера. Выше его—черный дроздъ, на вѣткѣ—драчливый балабанъ, котораго изрѣдка дрессируютъ въ Россіи,—для ловли крысъ и мышей. На землѣ—луговой жаворонокъ, а на ближней вѣткѣ—малиновка.

Рядомъ въ группѣ собраны: большая дрохва, стоя-

щая на одной ногѣ и живущая въ сухихъ травянистыхъ степяхъ. На заднемъ планѣ видѣны длинноногий журавль, на переднемъ—пеликанъ съ своимъ широкимъ клювомъ. Остальныя птицы принадлежатъ къ различнымъ породамъ тетеревей: на землѣ сидитъ бѣлая куропатка, выше—тетерка, а на верхней вѣткѣ—глухарь.

Кромѣ этихъ животныхъ, въ Европѣ встрѣчаются: кротъ, землеройка, ежъ, барсукъ, выдра, косуля, лось, бѣлка, ласка, водяная крыса, соня, обыкновенныя крысы и мыши и др. Изъ птицъ—камышевки, синицы, трясогузки, клесты, воробьи, овсянки, подорожники, сороки, вороны и др., а на сѣверѣ—сова и кречетъ. Большая часть птицъ, живущихъ въ Европѣ, на зиму улетаютъ на югъ, въ Сѣверную Африку, а на лѣто возвращаются.

Пресмыкающіяся, земноводныя и змѣи—водятся въ незначительномъ количествѣ.

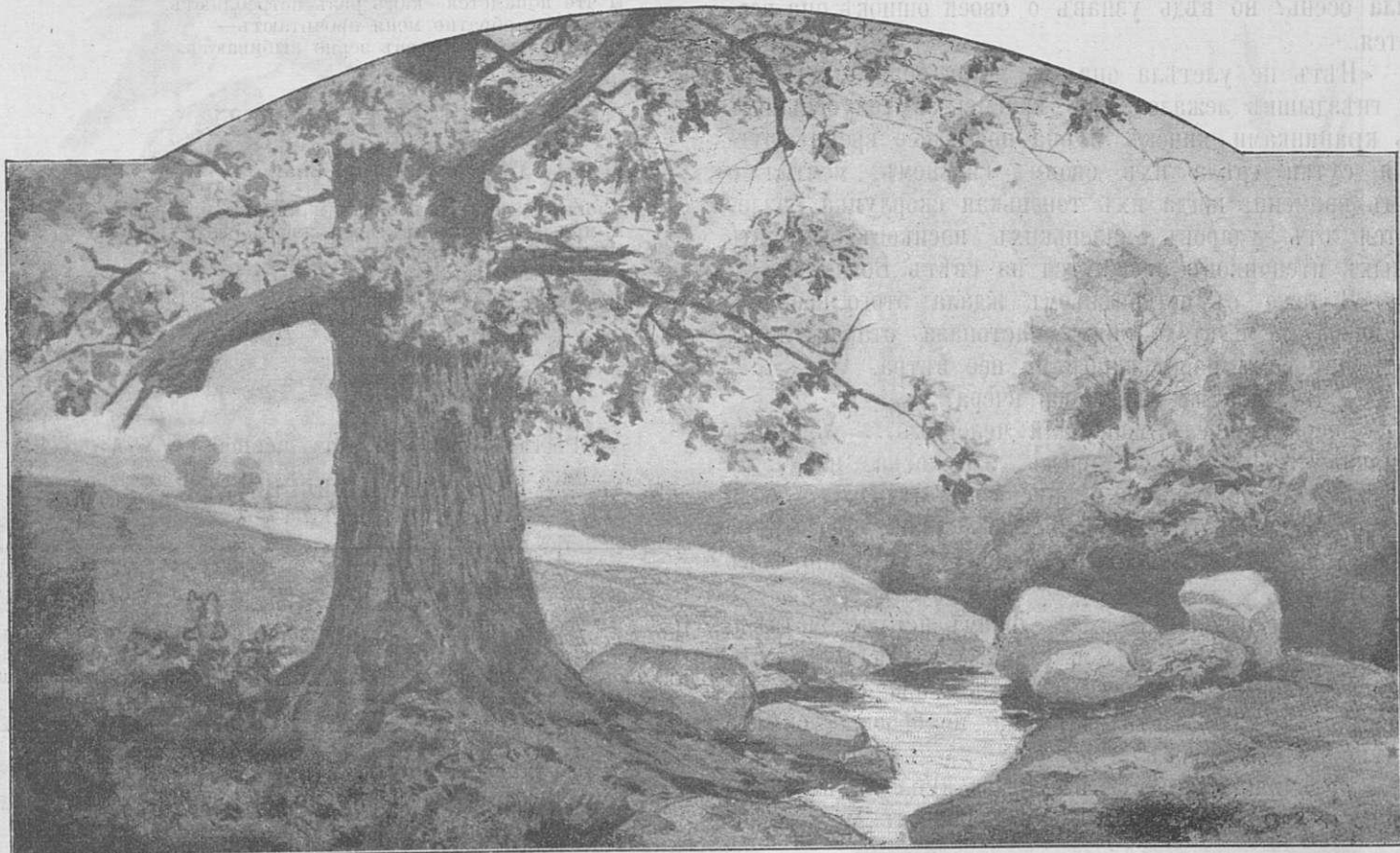
Изъ рѣчныхъ рыбъ—карпы, лососи, угри, сомы, щуки и осетры. Изъ морскихъ въ Европейскихъ водахъ попадаются: тресковые (навага и треска), сельдевыя (сельди, щиромы, сардины) и различные виды камбалы (соль, тюрбо, камбала).

О чемъ плакала липа.

Уныло шумѣлъ вѣтеръ, перебирая вѣтвями деревьевъ, потемнѣвшее небо роняло тяжелыя капли дождя. Такъ печально было въ старой роуцѣ!.. Куда дѣвались пестрыя бабочки, перепархивавшія съ цвѣтка на цвѣтокъ, куда спрятались мохнатые гусеницы, спорившія

яркостью цвѣтовъ своихъ шубокъ съ голубыми незабудками и желтыми, блестящими, словно лакомъ покрытыми, золотистыми лютиками? Ни одной божьей коровки, ни одной жужелицы не было въ мокрой травѣ.

И это продолжалось уже третій день!..

Неужели это осень? шептали деревья. Нѣтъ, рано еще: еще листья наши свѣжи и зелены, еще цвѣтутъ анютины глазки и одуванчики, еще на далекихъ поляхъ видна несжатая рожь; нѣтъ, это не осень.

Старая дуплистая липа стонала тоскливѣе всѣхъ другихъ деревьевъ при каждомъ порывѣ вѣтра, налетавшемъ на нее предательски изъ за угла и жестоко трепавшемъ ее раскинутыя во всѣ стороны вѣтви.

— О чемъ ты такъ вздыхаешь, старуха? говорила ей молоденькая, стройная липка, ея дочь, росшая по сосѣдству.

— Неужели тебя такъ пугаетъ вѣтеръ, неужели ты не вѣришь, что еще будутъ ясные теплые дни?

«Ахъ, ясные теплые дни еще будутъ», отвѣчала старая липа, «я не объ нихъ горюю».

— Ты, значитъ опять вспомнила наше прошлогоднее горе? Ты вспомнила, что въ такой же день, какъ сегодня, пришли сюда люди и острыми топорами срубили моихъ старшихъ сестеръ, а твоихъ дочерей, но вѣдь ихъ не вернешь своими слезами.

«Нѣтъ и не это» отвѣчала, поникнувъ верхушкой, дуплистая липа: «то горе всегда живо въ моей памяти: безобразные пеньки, оставшіеся отъ твоихъ красавицъ сестеръ, всегда предо мною, всегда напоминаютъ о нашей утратѣ. Нѣтъ, это у меня совсѣмъ новое горе, оно постигло меня вчера подъ вечеръ, когда ты уже заснула».

«Ты помнишь, какъ радовалась я весной, что въ моемъ дуплѣ свила себѣ гнѣздышко красногрудая веселая птичка. Я привыкла къ ней за это время, я полюбила ее. Вѣдь она жила внутри меня, вся ея жизнь была предо мною. Да ты и сама любила, когда милая птичка весной, порхая по цѣлымъ днямъ, присаживалась порою отдохнуть къ тебѣ на вѣточку».

— Что же, она улетѣла? Испугалась, что наступила осень? но вѣдь узнавъ о своей ошибкѣ она вернется.

«Нѣтъ не улетѣла она, не могла она улетѣть: въ ея гнѣздышкѣ лежало пять красивыхъ голубенькихъ съ крапинками яичекъ и она послѣднее время круглыя сутки грѣла ихъ своимъ тѣльцемъ, мечтая о томъ времени, когда ихъ тоненькая скорлупка разлетится отъ ударовъ маленькихъ носиковъ, и пять юныхъ птенчиковъ покажутся на свѣтъ Божій».

«Я тоже съ нетерпѣньемъ ждала этого времени, но вчера»... и глухо опять застонала старая липа, подъ напоромъ налетѣвшаго на нее вѣтра.

— Ну, что же случилось вчера?

«Вчера пришелъ маленькій человѣкъ... У, какъ ненавижу я ихъ. Золь хорекъ, зла ласка, но тѣ не могутъ жить не убивая звѣрушекъ и птичекъ, а люди отымаютъ жизнь безмысленно изъ дикой, ничѣмъ не оправдываемой жестокости... О какъ это грѣшно, какъ это дурно!»

«Бѣдная птичка въ смертельномъ испугѣ смотрѣла ему въ глаза. Боже! какой страхъ, какая тоска свѣтились въ ея крохотныхъ, умныхъ глазкахъ, но она не выпорхнула изъ гнѣзда, она не бросила своихъ будущихъ птенчиковъ».

«Мальчишка запустилъ руку въ дупло и вытащилъ птичку. Отвернуть ей головку, оборвать у мертвой

крылышки и бросить ихъ въ мѣшокъ за плечами, — было дѣломъ одной минуты. Потомъ онъ опять запустилъ руку въ дупло, забралъ тепленькія маленькія яички и швырнувъ ихъ на траву, растопталъ ногою... Слыхала ли ты о такой безмысленной жестокости среди звѣрей? Я не видала и неслыхала ничего подобнаго. Потомъ мальчишка убѣжалъ дальше... Вотъ и все, а мнѣ теперь грустно, и я плачу всю ночь и весь день».

— Зачѣмъ ему крылышки?—спросила молодая липа.

«Я догадываюсь зачѣмъ. Помнишь въ началѣ лѣта пріѣзжала сюда молодая дѣвушка рвать цвѣты на опушкѣ. У нея на головѣ было надѣто какое то снимающееся украшеніе: вѣдь люди всегда обвѣшиваютъ себя какими то посторонними вещами, этотъ обычай не извѣстенъ другимъ животнымъ. Въ этомъ украшеніи торчало пестренькое птичье крыло. Я еще тогда подумала, какимъ вѣтромъ занесло его туда, а теперь я поняла: люди ловятъ и убиваютъ милыхъ, беззащитныхъ птичекъ, не ради ѣды, какъ другіе звѣри, а что бы ихъ крылышками украсить свои головы. Фу, какъ глупо, какъ глупо»!.. И опять жалобно, жалобно застонала старая липа.

Вл. Рюминъ.

Анаграмма.

Вс. Попова.

Съ большими когтями, съ пушистымъ хвостомъ,
Я вашимъ домашнимъ животнымъ бываю,
И васъ отъ звѣрьковъ небольшихъ избавляю,
Которые бѣгаютъ ночью и днемъ,
И что попадется—какъ разъ истребляютъ.
Когда же обратно меня прочитають—
На мнѣ изъ колосевъ зерно выбивають.

ШАРАДА.

Вс. Попова.

Слогъ *первой* мой вредитъ и нивамъ и садамъ,
А многіе изъ насъ въ немъ жизнь свою проводятъ,
Но это лишь тогда
Какъ смыслъ другой ему дають.
Второй есть у мужчинъ, но никогда почти у дамъ.
А мѣрой *цѣлаго* пространство сферъ находятъ.

Разгадка шарady, помѣщенной въ № 4:

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодинъ.—Жизнь всѣхъ странъ свѣта. Животныя Европы.—О чемъ плакала липа. Вл. Рюминъ.—Анаграмма.—Шарада.—Разгадка шарady, помѣщ. въ № 4.

Редакторъ *А. П. Несторъ*

Предс. Администраціи *Д. Х. Бородинъ*.

ЖИВОПИСНОЕ БЕЗВРАТНОЕ

№ 7.

15 Февраля.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

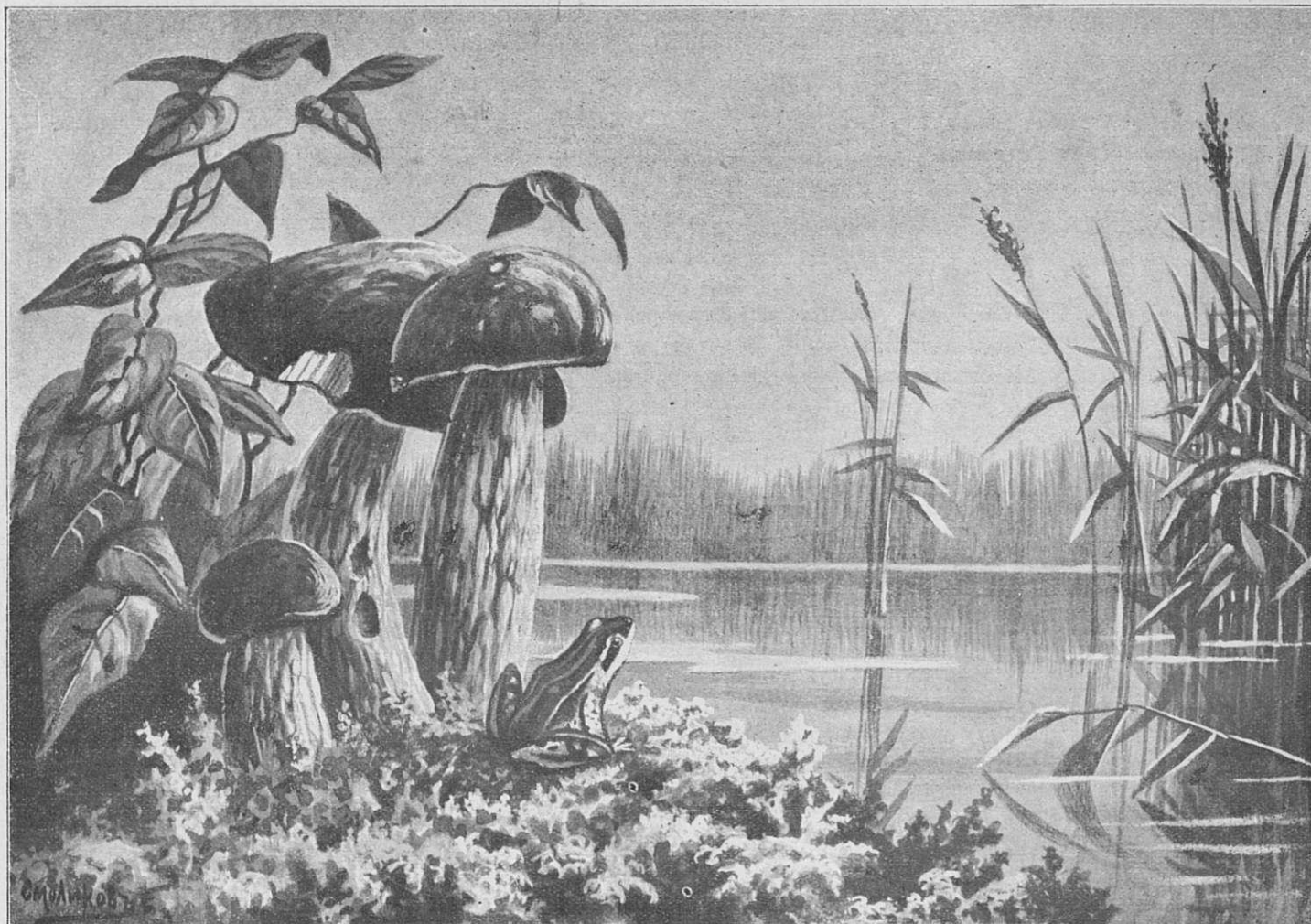
1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапенко*.

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается разсрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка nonpareil — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редакція Журнала: С.-Петербургъ, Невскій, 90. Отдѣленіе, Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Мажаровскаго. Редакція Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ, отъ 3 до 5 час. пополудни.

Осенняя идиллія. Ориг. рис. Я. К. Смоликова.

Воспоминаніе.

Вѣтеръ ставнями бьетъ, вѣтеръ злобно гудитъ—
Невеселую пѣсню поетъ.
Непогодная ночь въ мою душу глядитъ,
И уснуть не даетъ.

* * *

И былого картины, одна за другой,
Выплываютъ изъ сумрака лѣтъ;
Въ нихъ отвага и пламень надежды благой
И усталому сердцу привѣтъ.

* * *

Лучезарнаго неба безбрежный просторъ.
Отчій домъ, скрытый въ зелени ивъ,
И кивающій гордо вершинами боръ,
И рѣки прихотливый извивъ.

* * *

Надъ зеркальной рѣкой рѣзвыхъ чаекъ игра.
Тихій ропотъ дремотной волны,
И повитые блѣдною мглой вечера
Ароматной весны.

* * *

И все рѣже и рѣже встаетъ предо мной
Милый образъ, волнуя мечты;
И блѣднѣютъ, подернуты сумрачной мглой,
Дорогія черты!..

* * *

Билось сердце. Любовь молодая цвѣла,
Озаренная вѣрой слѣпой
И, какъ сонъ, невозвратная юность прошла—
Мимолетною, знойной мечтой!..

* * *

Злобно вѣтеръ гудитъ, ставни бѣшено рветъ—
Невеселую пѣсню поетъ.
Непогодная ночь и долга и черна!..
Отцвѣла золотая весна!..

Николай Рябовъ.

И волненіе первыхъ—неясныхъ, какъ бредъ,
И желаній и пламенныхъ грезъ,
И мятежнаго сердца горячій привѣтъ,
И отрада восторженныхъ слезъ.

* * *

Стройной дѣвушки легкой и скромный нарядъ,
И привѣтливость глазъ голубыхъ—
Полный нѣги и ласки чарующій взглядъ
Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ золотыхъ.

* * *

Какъ во снѣ,—какъ въ неясномъ, плѣнительномъ снѣ—
Небеса, отчій домъ и рѣка,
Образъ дѣвушки кроткой, мечты по веснѣ,
И любовь и тоска!..

* * *

Какъ во снѣ—старый садъ, сумракъ душныхъ аллей,
Ароматъ расцвѣтающихъ розъ...
И бывшее въ душѣ все блѣднѣй и блѣднѣй—
Какъ видѣнье неясное грезъ!

* * *

Бѣгство Елены и Заглоты. Ориг. рис. Е. Сулиманъ-Трудзинскаго.

Ангель-Хранитель.

РОМАНЪ.

(Продолженіе).

Выслушавъ эту горячую тираду, Даша взяла отъ него свою руку, отошла въ сторону и, склонившись надъ этажеркой, какъ будто замерла.

Но зато вдругъ воспрянулъ Жигулевъ. Онъ поднялся съ дивана и заговорилъ тономъ чловѣка, какъ бы ожившаго: — послушайте, будемъ говорить на чистоту: сколько вы хотите за это письмо?

Сергѣй сперва пристально поглядѣлъ на него, потомъ усмѣхнулся и затѣмъ сказалъ: — слишкомъ много. Вамъ не по средствамъ, господинъ Жигулевъ.

— Я не пожалѣю большой суммы. Я сейчасъ дамъ вамъ три тысячи.

— Мало, господинъ Жигулевъ, — видимо издѣваясь надъ нимъ, отвѣтилъ Сергѣй: — оно стоитъ гораздо больше.

— У меня съ собой больше нѣтъ. Ну, хорошо... Я дамъ вамъ эти три тысячи и еще вексель на... какую же сумму вы хотите?..

— А вотъ какую: идите сейчасъ на улицу, станьте на самомъ видномъ мѣстѣ и созовите народъ и скажите ему громко, какъ только можете: я, Жигулевъ, негодяй. Я продажная душа. Я такихъ-то разорилъ, такихъ-то предалъ, столько-то невинныхъ соблазнилъ, я подлець изъ подлецовъ...

— Но это невозможно. Это сумасшествіе. Послушайте, — обратился онъ къ Дашѣ, — образумьте его, просите его, онъ васъ послушаетъ...

Даша на минуту подняла голову и, сурово нахмуривъ брови, промолвила: — мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла, господинъ Жигулевъ. — И опять опустила голову надъ этажеркой.

— Видите, ей до васъ нѣтъ никакого дѣла, господинъ Жигулевъ: ну, такъ прощайтесь съ вашей карьерой, съ ва-

шимъ могуществомъ, которое доставила вамъ ваша красивая борода... Это письмо черезъ полчаса будетъ у Буракиной. Она мнѣ за него дороже заплатитъ. Ахъ, да...

И онъ быстро направился налѣво и растворилъ дверь въ сосѣдную комнату: — господа, пожалуйста. Наше дѣло кончено.

Вдругъ Даша быстро выпрямилась, потомъ побѣжала въ переднюю, схватила тамъ свою накидку и, остановившись на порогѣ, сказала: — до свиданія, Сережа!

— Куда вы? — спросилъ Сергѣй.

— Мнѣ нужно къ спѣху... — съ величайшимъ волненіемъ сказала Даша.

— Вы туда? Вы хотите помѣшать мнѣ?

— Я буду мѣшать вамъ... Какъ хотите, Сережа, — я буду...

— Вы дѣлаетесь моимъ врагомъ?

— Нѣтъ, другомъ, Сережа, другомъ... Ангеломъ хранителемъ вашимъ буду. Такъ и знайте! — промолвила Даша голосомъ, въ которомъ дрожали слезы, и, быстро повернувшись, убѣжала.

— Ни къ чему это не поведетъ, — промолвилъ Сергѣй вслѣдъ ей, затѣмъ опять обратился по направленію къ сосѣдней комнатѣ: — идите-же, господа.

На этотъ зовъ разомъ вошли Анна Матвѣевна и Надя, съ растерянными лицами, подавленныя, а вслѣдъ за ними судебный приставъ и Авловъ, который ступалъ какъ-то нерѣшительно и робко.

— Господинъ судебный приставъ, — промолвилъ Сергѣй, — вы можете приступить къ описи. Денегъ у насъ нѣтъ и, сколько бы ни ждали, все равно не будетъ... Я пойду, мама... По своимъ дѣламъ...

Онъ на минуту зашелъ въ свою комнату, которая помѣщалась справа, захватилъ тамъ шляпу и, вернувшись, направился къ выходной двери.

— Погодите, остановитесь, — промолвилъ Жигулевъ, кинувшись къ нему.

Сергѣй остановился и насмѣшливо взглянулъ на него: — а что, согласны идти на улицу?

— Н-нѣтъ... но... Послушайте, вы все-таки подумайте...

— Ахъ, нѣтъ? Ну, а дешевле я не возьму.

И онъ пошелъ прямо къ передней, но на порогѣ встрѣтилъ Рысина, который только что вернулся.

— Куда это ты? — спросилъ Рысинъ, съ изумленіемъ осматривая и его и всѣхъ присутствовавшихъ здѣсь.

— По своимъ дѣламъ, — отвѣтилъ Сергѣй и быстро вышелъ изъ квартиры.

Рысинъ вошелъ въ гостиную и нѣсколько секундъ простоялъ молча, съ глубокимъ непониманіемъ присматриваясь къ страннымъ лицамъ хозяекъ и Жигулева.

— Что это значить! — спросилъ онъ, наконецъ, — что здѣсь произошло? Встрѣтилъ Дашу, бѣгущую по улицѣ, потомъ Сергѣй съ этими странными глазами...

— Ничего не понимаю, — ломая руки произнесла Анна Матвѣевна: — ничего, ничего...

— Они оба съ ума сошли! — сказала Надя.

— Послушайте, — промолвилъ Жигулевъ, обращаясь къ приставу, — я прошу васъ... Прошу васъ отложить опись.

— Хорошо-съ, я могу! — отвѣтилъ приставъ, поклонился и началъ собирать свой портфель.

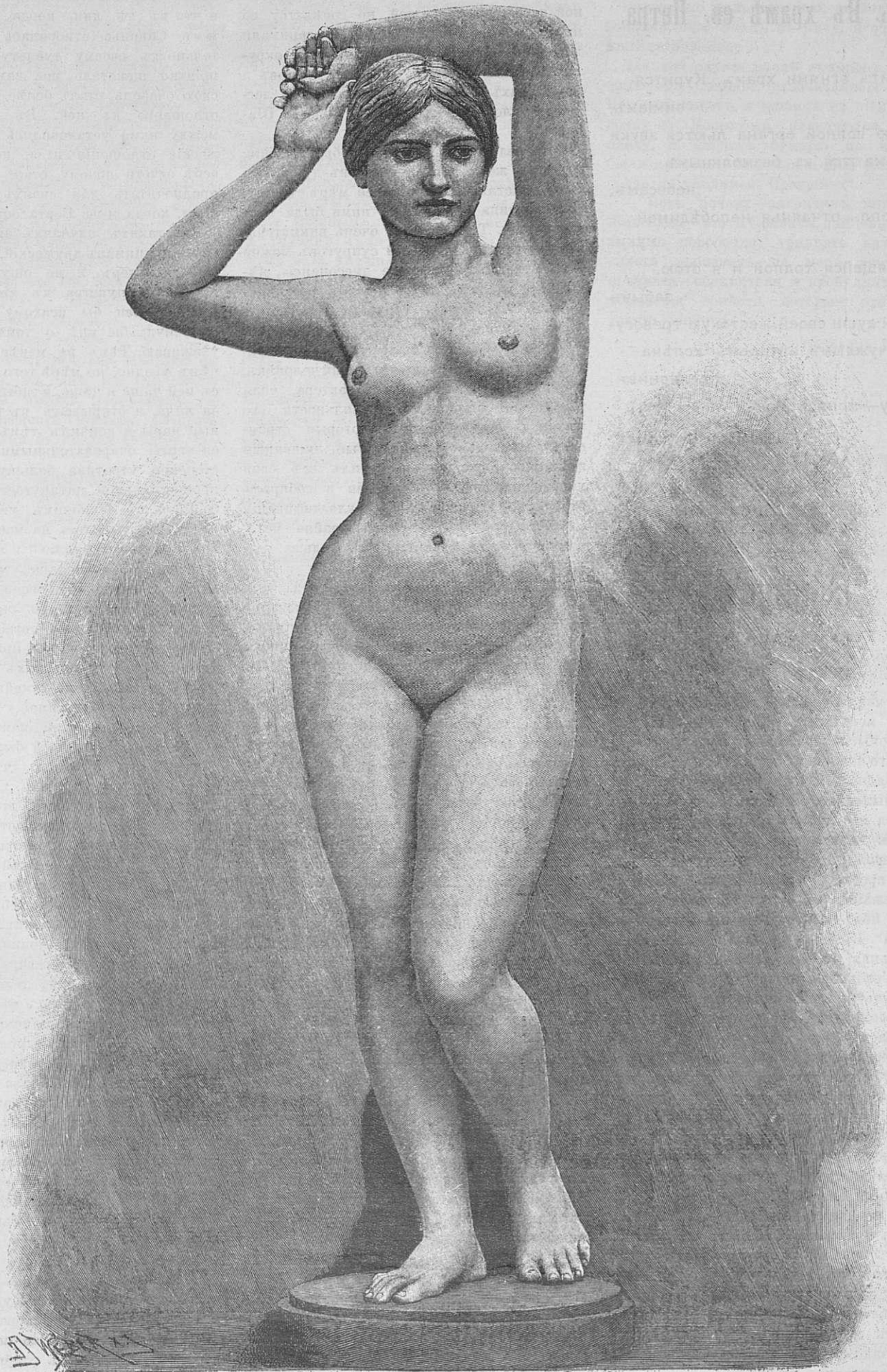
Жигулевъ взялъ свою шляпу и, ни съ кѣмъ не простившись, молча вышелъ изъ квартиры.

— А!.. я, кажется, начинаю понимать въ чемъ дѣло! — промолвилъ Рысинъ. Судебный приставъ и Авловъ ушли вслѣдъ за Жигулевымъ, Анна Матвѣевна, совершенно обезсиленная, опустилась въ кресло и начала рыдать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенно.

Афродита. Скульптура Родена.

Римъ. Въ храмѣ св. Петра.

Блестить огнями храмъ. Курится
 еиміамъ,
 Могучею волной органа льются звуки
 И подымаются къ безмолвнымъ
 небесамъ,
 Какъ вопль отчаянья непобѣдимой
 муки.
 Съ молящейся толпой и я стою,
 забывъ
 Больной души своей жестокою тревогу,
 Предъ чуждымъ алтаремъ колѣна
 преклонивъ,
 Единому—моляся Богу.

Александръ Богдановъ

СФИНКСЪ.

Разсказъ Андрѣ Терье.

(съ французскаго).

— Въ концѣ каждаго года—началье свой разсказъ мой другъ Жакюбъ—я всегда дѣлаю попытку привести бумаги моего холостецкаго письменнаго стола въ нѣкоторый порядокъ, и вотъ сегодня, роясь въ кучѣ запыленныхъ бумагъ и писемъ, скопившихся въ глубинѣ одного изъ ящиковъ, я нашелъ плотно закрытую коробочку, на днѣ которой, на булавкѣ воткнутой въ кусочекъ пробки, сидѣла ночная бабочка, принадлежащая къ отряду Smerinthes, извѣстная подъ обыкновеннымъ названіемъ „Сфинкса“. Крылья ея были порваны, ея трехугольная головка была лишена усиковъ, а брюшко ея порядочно источено червями. Тѣмъ не менѣе и крылья и тѣлце бабочки сохранили свою чуть потускнѣвшую окраску и все тонкіе оттѣнки олівковаго, лиловаго, чернаго и розоваго цвѣта. При видѣ этого трупики я ощутилъ вновь угрызения совѣсти, которыя, какъ мнѣ казалось до этой минуты, я забылъ навсегда. Зелено-розовый Сфинксъ пробудилъ во мнѣ одно горькое и отдаленное воспоминаніе о трагической исторіи, причиною которой былъ въ сущности онъ самъ.

Мнѣ было двадцать пять лѣтъ, когда случай, а можетъ быть капризъ начальства, забросилъ меня въ крохотный городокъ въ Пуату, гдѣ я тосковалъ отчаянно, ибо здѣсь ни умъ мой, ни чувства не находили того удовлетворенія, въ которомъ нуждался холостякъ моего типа и возраста. Понемногу, однако, у меня явились обычныя въ такихъ случаяхъ знакомства, черезъ посредство которыхъ я довольно близко со-

шелся съ одной простой, милой, буржуазной челою, проживавшей по сосѣдству со мной. Савинье—такъ звали ея—занимали довольно обширный домъ, который окружалъ большой садъ, полный цвѣтовъ и фруктовыхъ деревьевъ, спускавшійся легкимъ уклономъ къ самому берегу Шаранты.

Чета вела очень скромный образъ жизни; мужъ и жена жили душа въ душу, оба были счастливы, по крайней мѣрѣ съ виду, хотя разница лѣтъ между ними была внушительная. Только при очень внимательномъ изученіи отношеній супруговъ можно было открыть нѣкоторые диссонансы, нѣкоторыя различія въ воспитаніи и характерахъ, угрожавшія гармоніи ихъ супружеской жизни.

Эваристу Савинье было минимумъ пятьдесятъ лѣтъ. Это былъ холодный челоуекъ, спокойнаго и уживчиваго характера, если только не нарушали правильности его жизни и уважали его нѣкоторыя странности. Нѣсколько мужиковатый, лишенный вѣшняго лоска, онъ посвятилъ все свои умственные силы энтомологіи и собиралъ бабочекъ. Упражненія въ классификаціи сдѣлали изъ него челоука крайне методичнаго, почти педанта, что сильно раздражало мадамъ Савинье.

Веденіе хозяйства въ этой средѣ, гдѣ все было предусмотрено и чрезвычайно добросовѣстно урегулировано, гдѣ принимали лишь ограниченное число знакомыхъ, отнимало очень мало времени у Берты Савинье, которая имѣла свободнаго времени больше чѣмъ нужно и убивала его на вышиванье, на чтеніе романовъ, взятыхъ изъ мѣстной библіотеки, а иногда и на мечты, которымъ она отдавалась, меланхолически прогуливаясь по аллеямъ своего сада.

Мои визиты къ нимъ, сначала рѣдкіе, стали незамѣтно учащаться. Въ дѣтствѣ я самъ увлекался ловлей и собираніемъ бабочекъ, а потому по старой памяти очень интересовался коллекціями Эвариста Савинье, чѣмъ и заслужилъ его особое расположеніе. Какъ настоящій уроженецъ Пуату, онъ имѣлъ страсть поговорить, а потому, чтобъ имѣть возможность поболтать въволю, онъ приглашалъ меня время отъ времени къ обѣду въ тѣсномъ домашнемъ кругу, причемъ, замѣчу въ скобкахъ, столъ у него всегда былъ отличный. Мадамъ Савинье сначала было испугалась вторженія новаго лица въ ихъ домъ и чувствовала себя въ моемъ присутствіи несовѣмъ ловко, но затѣмъ она понемногу перестала дичиться и принимала меня даже не безъ удовольствія. Даже больше, по ея нѣсколько чрезмѣрной возбужденности, по тому какъ она жала мнѣ руку, встрѣчая меня, я начиналъ догадываться, что присутствіе мое ей болѣе чѣмъ приятно. Впрочемъ удивительнаго въ этомъ ровно ничего не было: я вносилъ въ ея монотонное существованіе немного юности и непредвидѣнныхъ ощущеній; я создавалъ между нею и вѣшнимъ міромъ нѣсколько болѣе непосредственныхъ сношеній и освѣжалъ воздухъ снотворной среды, въ которой она грустила. Вскорѣ я могъ уже замѣтить, что визиты мои ожидались

все съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ и что въ тѣ дни, когда меня ожидали, м-мъ Савинье относилась болѣе внимательно къ своему туалету. Это открытіе пріятно щекотало мое самолюбіе и я, въ свою очередь, сталъ болѣе внимателенъ по отношенію къ ней. Въ короткое время между нами установились пріятныя дружескія отношенія и я, не отдавая самъ себѣ отчета почему, сталъ безсознательно предпочитать для своихъ посѣщеній тѣ часы, когда м-мъ Берта оставалась одна.

Въ такихъ случаяхъ нашъ разговоръ сразу принималъ дружескій, почти задушевный характеръ. Я не ощущалъ никакого любовнаго чувства къ этой женщинѣ и расхохотался бы всякому въ лицо, кто намекнулъ бы мнѣ о томъ, что я за ней ухаживаю. Тѣмъ не менѣе, объясните это чѣмъ угодно, по мѣрѣ того какъ я видѣлся съ ней чаще и чаще, я забывалъ недостатки ея лица, я открывалъ въ ней едва замѣтныя чары и кончилъ тѣмъ, что находилъ ея черты очаровательными. Она сама постепенно утратила большую долю своей провинціальной натянутости; она говорила со мной съ большимъ увлеченіемъ, свободно откидываясь на мое плечо, а когда наши руки встрѣчались и я жалъ ея пальчики нѣсколько дольше, чѣмъ слѣдовало, она не отдергивала своей руки и не сердилась. Наоборотъ, въ нервномъ порывѣ она отвѣчала на мое пожатіе, отвѣчая на ласку лаской, и лицо ея при этомъ пылало.

Въ одинъ изъ іюльскихъ вечеровъ, послѣ обѣда въ интимномъ семейномъ кругу, она и я сидѣли въ гостиной, куда намъ подали кофе. Окна этой комнаты выходили на террасу, съ которой былъ видѣнъ весь садъ; несмотря на то, что еще только чуть смеркалось, Г-нъ Савинье зажегъ лампы. По его словамъ, это было вѣрнѣйшее средство привлечь мотыльковъ и другихъ сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ. Берта сѣла рядомъ со мной, облокотившись на ручку моего кресла. Наши плечи соприкасались и теплое дуновение лѣтней ночи, ароматъ летуній и жасмина, въ которыхъ утопала терраса, наполняли насъ чувствомъ безграничной нѣги. Савинье стоялъ позади насъ и внимательно наблюдалъ кусты, надъ цвѣтущими вѣтвями которыхъ начинали уже порхать ночныя бабочки.

Мы молчали и въ безмолвіи вечера ясно услышали слабое жужжаніе, а черезъ минуту нашихъ головъ едва коснулись мохнатая крылышки. Мы увидѣли вьющуюся около насъ бабочку изъ породы Сфинксовъ, которая, чуть коснувшись моей и ея головы, внезапно повернула обратно и направила свой полетъ въ садъ.

— Да это роскошнѣйшій экземпляръ Сфинкса!—воскликнулъ Савинье—постойте я устрою сейчасъ охоту за нимъ и посажу его на его мѣсто...

Черезъ минуту появилась на сцену его сѣтка, онъ схватилъ ее и умчался въ садъ. Вскорѣ его шаги, то ускоренные, то замедленные, скрипѣвшіе по песку садовыхъ дорожекъ, затихли въ глубинѣ сада.

— Онъ исчезъ на долго! пробормотала Берта съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи;—

когда онъ носится за своими бабочками онъ забываетъ все на свѣтъ, даже вернуться домой..

Она отошла отъ окна, въ глубину комнаты. Не говоря ни слова, я взялъ ее за руки; внезапно ее голова склонилась на мое плечо. Непреоборимое желаніе охватило меня, я крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, унесъ ее, дрожащую, въ уголь, на диванъ и сталъ покрывать ее страстными поцѣлуями... она не сопротивлялась. Какъ долго длилось все это! Я не знаю, но насъ вернулъ къ дѣйствительности чей-то сдавленный возгласъ, раздавшійся за окномъ. Въ одно мгновеніе мы оба были на ногахъ и, оба одновременно, услышали совѣмъ близко около насъ странное трепетаніе крылышекъ; мы стали искать и, въ полусумракѣ, съ ужасомъ увидали стоящую на столѣ коробочку, на днѣ которой былъ прикрѣпленъ на пробкѣ посаженный на булавку зелено-розовый Сфинксъ, который бился крылышками въ предсмертныхъ судорогахъ.

Мы не смѣли подѣлиться мыслями, обуявшими насъ; онъ былъ слишкомъ ужасен. Но мы прекрасно отдавали себѣ

отчетъ въ томъ, что произошло. Поймавъ Сфинкса, Савинье вернулся на террасу, съ гордостью неся въ рукахъ коробочку со своей добычей, посаженной на булавку. Подойдя къ окну, онъ сдѣлался свидѣтелемъ нашей гнусной пзмѣны. Уязвленный въ самое сердце, онъ бѣжалъ, испустивъ глухой крикъ скорби и гнѣва, который насъ разбудилъ.

Мы продолжали стоять на мѣстѣ, пригвожденные стыдомъ и ужасомъ передъ нашимъ дряннымъ поступкомъ, какъ вдругъ въ глубинѣ сада послышался всплескъ, звукъ тѣла упавшаго въ воду.

— О! простонала несчастная женщина, — онъ бросился въ рѣку..

И это была правда... Когда мы, запыхавшись и растерянные, выбѣжали на берегъ рѣки, мы не нашли того, кого мы искали. Но при свѣтѣ взошедшей луны мы увидѣли на самомъ краю крутого обрыва шляпу и тщательно сложенную куртку того, кто сталъ нашей жертвой.

На другой день тѣло Савинье было извлечено изъ рѣки, покрытое иломъ и водорослями. Истинная причина его смерти такъ и осталась неизвѣстной обществу.

Нѣкоторые полагали, что, гоняясь за бабочками, онъ упалъ въ рѣку, и очень сожалѣли покойнаго.

Два дня спустя послѣ похоронъ я получилъ отъ Савинье запечатанный пакетъ. Вскрывъ пакетъ, я нашелъ въ немъ коробочку со Сфинксомъ, наколотымъ на булавку, и клочекъ бумаги, на которомъ были написаны эти слова: „Мы больше никогда не увидимся. Прощайте“.

— Вотъ почему—закончилъ мой другъ Жакобюсъ—этотъ Сфинксъ, найденный мною на днѣ коробочки, тридцать пять лѣтъ спустя произвелъ на меня впечатлѣніе призрака—обвинителя и пробудилъ во мнѣ угрызения совѣсти, которыя отнынѣ не уснутъ никогда.

Перевелъ Г. К.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Осенняя идиллія. Ориг. рис. А. К. Смоликова. Подножный пейзажъ. Тихо—спокойно на озеркѣ... тростникъ—отражается въ тихихъ водахъ и кажется любующейся природою лягушкѣ, громаднымъ лѣсомъ, а группа грибовъ надъ нею колоссальнымъ зданіемъ.

Въ циркѣ Нерона. Гравюра Бонга. Художникъ изображаетъ травлю христіанъ въ циркѣ. Сколько ужаса испытали несчастные мученики передъ смерью! Вотъ одинъ изъ нихъ карабкается на стѣну, силясь спастись отъ полосатаго хищника, а люди на столько уподобились звѣрямъ, что безжалостно сталкиваютъ несчастную жертву обратно.

Бѣгство Елены и Заглобы. Ориг. рис. Е. Сулиманъ-Грудзинскаго. Иллюстрація къ извѣстному произведенію Г. Сенкевича. Художникъ довольно удачно передаетъ бѣшеную скачку бѣглецовъ и зловѣщую картину далекаго пожара.

Афродита. Скульптура Никса. Въ настоящее время мало скульпторовъ, вдохновляющихся классической красотой. „Афродита“ — произведеніе классическаго искусства, но болѣе въ реальной передачѣ. Болѣе чувствуется тѣло, чѣмъ духовная сторона вдохновившей художника женщины.

А. С.

Въ циркѣ Нерона. Гравюра Бонга.

СОДЕРЖАНІЕ: „Воспоминанія“, стих. Н. Рябова—„Ангель-Хранитель“. Романъ. И. Н. Потепенко.—„Римъ. Въ храмѣ св. Петра“. Стих. А. Богданова.—„Сфинксъ“. Разсказъ Андрэ Терье.—Къ рисункамъ. А. С.—Объявленія.

Редакторъ А. П. Хесторъ.

Предс. Администраціи Д. Х. Бородихъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: При этомъ № прилагается 7-ой выпускъ полнаго собранія романовъ Ч. Диккенса.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

!! НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ !!

⇒ Вмѣсто 23 руб. только за 7 руб. 25 коп. ←

Изящные и прочные карманные часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ ⇒ не позолоченные, ← глухие съ 3-мя массивными крышками, заводъ безъ ключа, ручательство за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 рублей. Часы награждены медалями. Такіе же дамскіе—цѣна 8 руб. Высылаю вывѣренные часы до минуты, съ налож. плат. безъ задатка. Адресъ: Главный складъ часовъ Т-ва „ТАВАНЪ“ Варшава, Лешно 22.

БЕЗПЛАТНО: прилаг. къ часамъ цѣпочка „Вѣкъ“ и брелокъ „Бинокль“ съ интересными видами.

106.—М. Р. 5—4.

ЧУДНЫЙ ТОВАРЬ!! НЕБЫВАЛО ДЕШЕВО!

Для подавленія конкуренціи высылаемъ 11 слѣд. предметовъ вмѣсто 20 р. только за 9 р. съ пересылкой.

1) Мужскіе часы чер. вор. стали зав. безъ ключа, прочный механизмъ и звучный ходъ съ ручат. за вѣрность хода на 6 лѣтъ. 2) Цѣпь панч. массив. работа америк. зол. 3) Брелокъ америк. зол или „бинокль“. 4) Элегантный кожаный портмоне. 5) 6 штукъ карточекъ очень интересныхъ. 6) Дамскіе часы чер. вор. стали вывѣрен. 7) Цѣпь дамская шейная америк. зол. 8) Молный кошелекъ изящной работы. 9) Золотое 56 пр. кольцо съ камнемъ. 10) Серьги золотые 56 пр. крупные.

Всѣ вышеупомянутые предметы съ часами глухими (закрытыми) 2 руб. дороже. Требования исполняются немедленно, налож. платеж. можно безъ задатка, присылающіе задатокъ получаютъ 11-й бесплатно карм. ножикъ настоящ. англ. стали въ перламур. оправѣ. Адресъ: фабричный складъ часовъ Т-ва „ЭКСПОРТЪ“ Варшава, Теплая, 5.

107.—Р. 6—2 К.

ФИСГАРМОНИИ

собственной фабрики и лучшихъ американскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ; пре-краснаго тона и прочной конструкціи. Для шк лѣ: въ 45, 65, 85, 100, 110, 130, 150, 160 руб.

Для дома: въ 150, 160, 175, 185, 200, 275, 300, 375, 400, 600 руб.

Концертныя: въ 750, 1000 руб. и дор.

Новаго типа фисгармоніи подъ названіемъ

ЭОЛІАНЪ

исполняютъ пьесы съ приблизительно оркестровыми оттѣнками. Предназначены для лицъ, неусвоившихъ клавиатурную технику. Работу пальцевъ исполняютъ бумажныя нотныя ленты, играющій же выдвигаетъ регистровъ, придающій выразительность. Игра получается артистическая. Можно играть по клавиатурѣ какъ на обыкновенной фисгармоніи. Цѣна 225, 300, 600, 1000, 1200, 1500 руб. и дороже, нотныя ленты отъ 2 руб. до 6 руб. въ громадн. выборѣ.

Прежъ-курранты и списки пьесъ безплатно.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.
С.-Петербургъ, Морская 34. Москва, Кузнецкій мостъ.

108. Ц. Р. 7—К.

ЗА 2 РУБ. съ пересылкой, кой копируются въ книжечку. Копія получ. моментал. Нуженъ всѣмъ коммерс. воен. и чинов. г. Ровно, Волын. г. Ш. Тине, Вокзал. ул., № 70.

102.—Р. 1—2.

МОНЕТЫ Россіи, древнія, покупаю. Плачу до 3000 р. за монету. Полный каталогъ всѣхъ рѣдкихъ монетъ и древностей за 56 к. (марками) Г. Ровно, Волынянск. губ. Нумизматику ТИНЕ, с. д. № 50.

103.—Р. 1—3.

НОВОЕ ЗАНЯТІЕ.

Какая масса людей разнаго званія и состоянія ищетъ какого-либо дѣла, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ постоянный заработокъ, и не знаетъ за что взяться, за что ухватиться и къ чему пристать. Сколько поэтому рискованныхъ дѣлъ ежедневно затѣвается и они лопаются въ послѣдствіи какъ мыльные пузыри. Есть, правда, масса специальностей,—которыя можно было-бы кое какъ усвоить и такимъ образомъ примкнуть къ коллегіи специалистовъ, но послѣднихъ-то развелось такое громадное количество, что невольно возникаетъ сомнѣніе о цѣлесообразности той или другой специальности въ будущемъ. Съвѣсь другое дѣло съ избранными своей специальностью стенографію, которая все болѣе и болѣе распространяется у насъ, такъ-же какъ и за границей, даетъ своимъ adeptамъ (какъ видно изъ нижеслѣд. отзыва) хорошій заработокъ, такъ какъ пока въ Россіи стенографовъ-практиковъ очень мало, а потребность въ нихъ распространяется очень быстро. Такъ: стенографы нужны и приглашаются во всѣ земскія управы Россіи, во всѣ думы и судебныя учрежденія, во всякія публичныя засѣданія, съѣзды, собранія и пр., въ редакціи газетъ, для записыванія лекцій, какъ преподаватели стенографіи, такъ какъ послѣдняя вводится во многія учебныя заведенія какъ обязательный предметъ, и т. п. Стенографія особенно благодарный трудъ для женщинъ, ищущихъ самостоятельнаго труда, какъ для молодыхъ, такъ и для пожилыхъ, какъ видно изъ слѣдующаго, полученнаго нами, засвидѣтельствованнаго нотариусомъ отзыва о нашей системѣ стенографистки Воронежской губернской земской управы, жены статскаго совѣтника, Л. И. Лѣбневой (Воронежъ, Поповъ рынокъ, д. Трошенко):

„Я изучала стенографію по упрощенной системѣ Л. Животовскаго заочно по присылаемымъ мнѣ лекціямъ, будучи уже не молодою и имѣя громадную семью. Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ заявить, что система эта въ высшей степени проста, составлена такъ разумно, что все послѣдующее логически вытекаетъ изъ предыдущаго, и поэтому изученіе ея не представляетъ никакихъ затрудненій; напротивъ того, мнѣ занятія стенографіей положительно доставляли удовольствіе и служили отдыхомъ. Послѣ 9-й лекціи (всѣхъ 12) я стала очень усердно писать подъ диктовку, имѣя ввиду получить практическія занятія въ земствѣ, и послѣ изученія 11-й лекціи, я уже выступила въ качествѣ признанной стенографистки и работала вдвоемъ съ другою въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ Воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, такъ что потребную для полученія 12-й лекціи практическую работу я посылала г. Животовскому такую, за которую уже получала деньги. Для замужней женщины стенографія представляетъ самое удобное занятіе, потому что она отнимаетъ какой нибудь мѣсяцъ въ годъ во время сессіи земскаго собранія и даетъ за этотъ мѣсяцъ хорошій заработокъ, а все остальное время можно вполне посвятить своей семьѣ. Я глубоко убѣждена, что, когда система г. Животовскаго получитъ доступъ въ среднія учебныя заведенія, стенографія станетъ достояніемъ большинства образованныхъ людей и стенографъ не будетъ такой рѣдкостью, какъ былъ до сихъ поръ, когда изученіе стенографіи по прежнимъ системамъ (Габельсбергера, Штольце и друг.) было дѣйствительно немнѣвнѣйшей трудностью.“

Окончившіе, съ разрѣшенія начальства, удостоиваются аттестатовъ на званіе стенографа-практика и рекомендуются курсами на свободныя должности стенографовъ. По окончаніи курса получается возможность стенографировать на какомъ угодно языкѣ. Стенографія преподается и заочно, по популярно изложеннымъ лекціямъ, вполне замѣняющимъ преподаваніе на курсахъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ автора. Прогрессныя, программы и условія курсовъ стенографіи Л. Животовскаго (Одесса, Дерibasовская, д. Ж. О. Санца) высылаются безплатно.

К.—14.—Р. 3—2.

Иллюстрированная Неделя

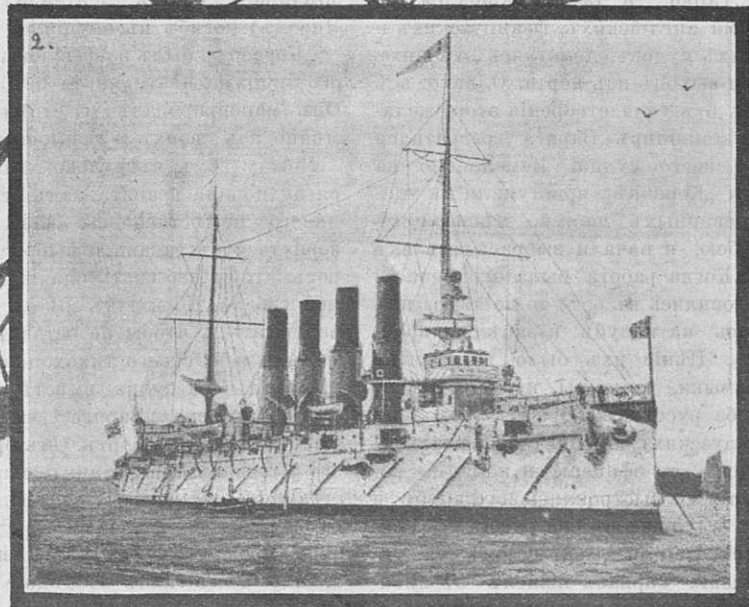
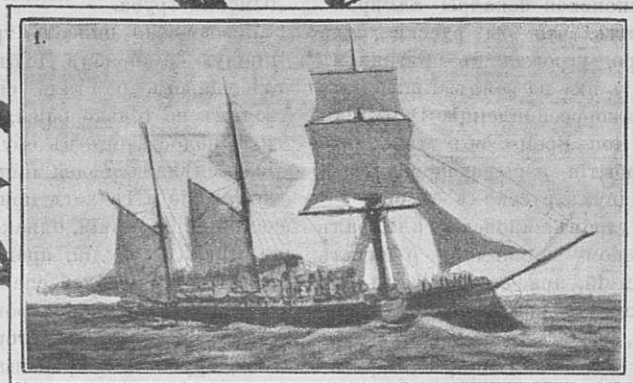
При ближайшемъ участіи *И. Н. Потапехко*

Хроника войны.

Главнѣйшими событіями начавшейся войны слѣдуетъ считать морское сраженіе 27 января подъ Портъ-Артуромъ и нападеніе японской эскадры, состоявшей изъ 6 броненосныхъ крейсеровъ и 8 миноносковъ, того же числа, при Чемульпо, на русскія суда — крейсеръ „Варягъ“ и канонерскую лодку „Кореецъ“. Что касается боя подъ Портъ-Артуромъ, то, какъ видно изъ послѣднихъ телеграфныхъ извѣстій, поврежденія, полученныя судами нашей эскадры „Десаревичемъ“, „Ретвизаномъ“ и „Палладой“ на столько успѣшно исправляются, что суда эти вскорѣ вновь вступятъ въ строй (Кор. Нов. Вр. изъ Портъ-Артура 5 февраля). Тогда же подъ Портъ-Артуромъ испыталъ боевое крещеніе и пароходъ Добровольнаго флота „Казань“, стоявшій въ восточномъ бассейнѣ; двѣнадцатидюймовый снарядъ пробилъ надводный бортъ, но остался въ грузѣ не взорвавшись; снарядъ былъ извлеченъ, несчастій съ людьми не было, хотя въ грузѣ произошелъ пожаръ, который вскорѣ былъ потушенъ. По сообщенію Русс. Тел. Аг. отъ 4 февраля, японская эскадра послѣ боя подъ Портъ-Артуромъ потеряла три судна.

Изъ Портъ-Артура сообщаютъ подробности о гибели миннаго транспорта „Енисей“, устанавливавшего минныя загражденія на рейдѣ порта Дальняго, „судно нанесло вѣтромъ и теченіемъ на мину, причинившую огромную пробоину въ носу. Командиръ, увидавъ, что судно должно погибнуть, приказалъ командѣ спасаться. Были быстро спущены шлюпки. Команда упрашивала любимаго командира сѣсть въ шлюпку, но онъ категорически отказался, пригрозивъ стрѣлять въ тѣхъ, кто не будетъ торопиться спасаться. Послѣднимъ бросился въ воду часовой денежнаго сундука. Командиръ остался на своемъ мѣстѣ до послѣдней минуты и пошелъ ко дну вмѣстѣ съ судномъ. Послѣднія его слова были: „Спасайтесь, ребята, кто можетъ; обо мнѣ не заботьтесь“.

Вернувшійся съ берега вельботъ спасъ часового. Командира не было на водѣ. Такъ

1) Мореходная канонерская лодка „Кореецъ“.
2) Крейсеръ I-го ранга „Варягъ“.

погибаютъ герои, жертвы роковой случайности, исполняя свой долгъ передъ родной и Государемъ. (Р. Т. А. 4 февр. Портъ-Артуръ). Нападеніе японской броненосной эскадры при Чемульпо на крейсеръ „Варягъ“ и канонерскую лодку „Кореецъ“ до объявленія войны 27 января представляетъ собою исключительное явленіе въ исторіи по нарушенію примитивныхъ основъ международного права. Чемульпо—большой торговый портъ на южномъ берегу независимаго нейтральнаго государства Кореи.

На рейдѣ этого порта стояли военные стаціонеры разныхъ государствъ: французскій крейсеръ „Паскаль“, англійскій „Тальботъ“, итальянскій „Эльба“, американскій „Виксбургъ“ и русскіе „Варягъ“ и „Кореецъ“. До объявленія войны, т. е., въ то время, когда русскія военныя суда еще не имѣли основаній считать себя въ исключительномъ положеніи сравнительно съ другими иностранными военными судами, находясь на рейдѣ дружественнаго нейтральнаго государства Кореи, японская эскадра подошла къ Чемульпо и заперла такимъ образомъ выходъ для русскіхъ судовъ въ открытое море, для соединенія съ другими морскими силами.

Командиръ японской эскадры адмиралъ Уриу потребовалъ, что бы русскіе суда вышли въ море, угрожая въ противномъ случаѣ атаковать ихъ на рейдѣ. Приводимъ въ подлинникъ корреспонденцію Daily Mail изъ № 10033 «Нов. Врем.» объ этомъ безпримѣрномъ событіи и выдающемся героизмѣ экипажа двухъ русскіхъ судовъ.

„9 февраля, утромъ, японскій адмиралъ сообщилъ русскому командиру о началѣ военныхъ дѣйствій, при чемъ заявилъ, что если оба русскіхъ судна не покинутъ порта до полудня, то онъ атакуетъ ихъ тутъ же въ гавани. Тогда командиръ „Варяга“ въ 7 час. утра явился на бортъ англійскаго крейсера „Talbot“ и тамъ совѣщался съ командирами англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ судовъ, домогаясь отъ нихъ охраны при выходѣ изъ порта. Однако, всѣ уклонились отъ удовлетворенія этого желанія. Тогда командиръ „Варяга“ возвратился на бортъ своего судна. Немедленно на „Варягъ“ и „Корейцъ“ приступили къ удаленію деревянныхъ частей, мѣшающихъ судну въ бою, и начали выбрасывать ихъ за бортъ. Когда работа была окончена и суда изготовились къ бою, то команды ихъ выстроились на палубѣ и запѣли народный гимнъ. Пѣніе ихъ было подхвачено хорами музыки, команды кричали «ура», и когда оба русскіхъ корабля проходили мимо французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ судовъ, то офицеры и команды послѣднихъ также выстроились на палубѣ и провожали идущихъ въ бой русскіхъ громкими привѣтствіями. При самомъ началѣ боя англійскій баркасъ пошелъ къ японскому флагманскому кораблю, чтобы заявить протестъ противъ поступка японцевъ.

Японскій флотъ подѣ командой контръ-адмирала Уриу стоялъ внѣ рейда по другую сторону острова въ разстояніи 6¼ морскихъ миль отъ двухъ русскіхъ судовъ. Въ 11 ч. 50 мин. раздался первый выстрѣлъ

съ японскаго броненоснаго крейсера „Асата“ изъ 8-ми дюймоваго орудія. 7 минутъ спустя послѣ 3-го выстрѣла японскаго крейсера, послѣдовалъ отвѣтъ со стороны русскіхъ, съ дистанціи 8 километровъ (—7 в). Японскій флотъ построился въ боевой порядокъ. Непрерывный огонь японской эскадры сосредоточился почти исключительно на одномъ „Варягѣ“. Русскіе быстро маневрировали, чтобы по возможности избѣжать выстрѣловъ, однако пять снарядовъ пролизили „Варяга“, а непрерывный градъ шрапнели уничтожилъ всѣ защитныя приспособленія при орудіяхъ. Однимъ снарядомъ разомъ убило и переранило всю прислугу при орудіи на бакѣ судна. Другая граната разбила въ куски заднее шестидюймовое орудіе, взорвала приготовленный снарядъ и произвела пожаръ, пламя котораго поднялось въ уровень съ заднею боевою мачтой. Слѣдующая граната разбила переднюю рубку, зажгла обломки и произвела такой пожаръ, что весь экипажъ „Варяга“ въ теченіе пяти минутъ долженъ былъ заниматься только его тушеніемъ. Два снаряда пробили бортъ судна около передней мачты. Обѣ рубки были снесены выстрѣлами и кромѣ того снесена третья дымовая труба.

Невозможно описать трагедію, происходившую на кораблѣ. До бѣла раскалявшіеся отъ ударовъ о сталь снаряды наносили людямъ не только раны, но ужасные ожоги, а недостатокъ въ орудійныхъ прикрытіяхъ сдѣлалъ людей мишенью выстрѣловъ. Сотрясеніе и грохотъ приводили людей въ состояніе одурѣнія, однако прислуга отважно стояла у орудій, продолжая свое дѣло. Одинъ русскій лейтенантъ рассказывалъ мнѣ: „Вокругъ была кровь, кровь и кровь; ничего, кромѣ крови, оторванныхъ кусковъ тѣла, труповъ, и кровавыхъ кусковъ человѣческаго мяса. Это было наводящее ужасъ зрѣлище“. Одинъ лейтенантъ (мичманъ Ниродъ) погибъ въ орудійной башнѣ.

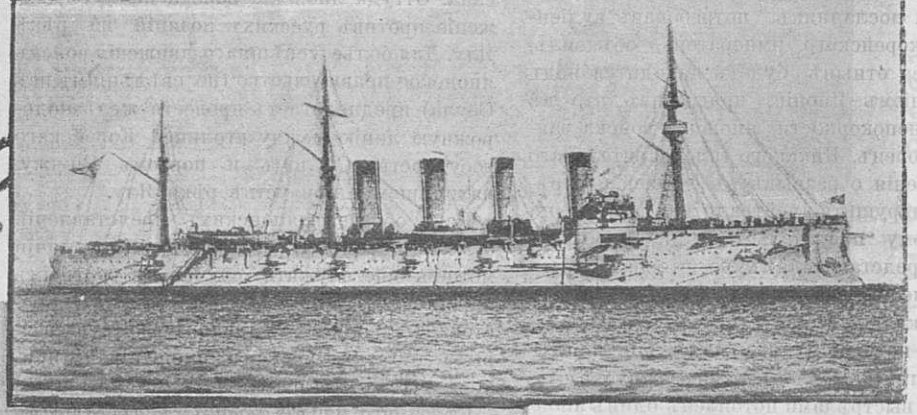
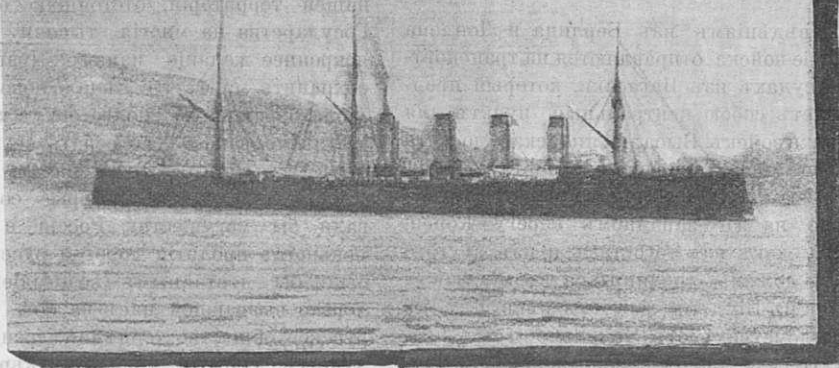
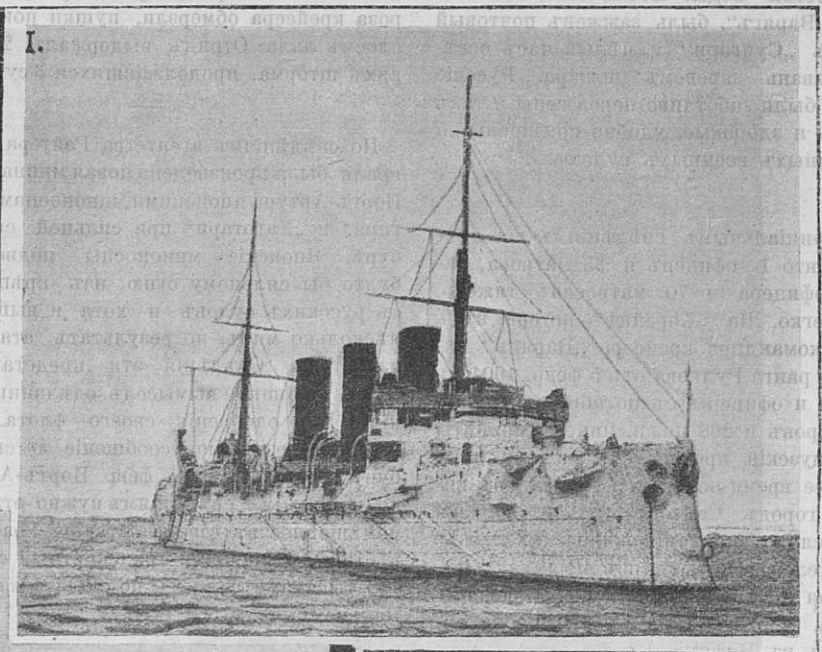
„Кореецъ“ былъ поврежденъ мало, среди его экипажа почти никто не былъ раненъ. Онъ маневрировалъ и стрѣлялъ попеременно изъ своихъ 8-дюймовыхъ орудій.

Между тѣмъ въ рулевой аппаратъ „Варяга“ попала граната, такъ что командиру ничего не оставалось, какъ попытаться вернуться въ гавань и выброситься на берегъ, чтобы избѣжать сдачи и окончательной гибели. Но и тутъ „Варягу“ пришлось задержаться, чтобы не оставить на произволъ судьбы своего тихоходнаго товарища. Наконецъ оба судна вмѣстѣ достигли гавани, при чемъ „Варяга“ уже сильно накренило на одинъ бортъ. Онъ бросилъ якорь въ 300 шагахъ отъ англійскаго крейсера „Talbot“, „Кореецъ“ же прошелъ глубже въ портъ. Оба судна, входя въ гавань, все еще продолжали стрѣлять по японцамъ, между тѣмъ какъ послѣдніе уже прекратили огонь.

При приближеніи русскіхъ судовъ на англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ судахъ пробили боевую тревогу и изготовились къ бою; и какъ только русскія суда бросили якорь, командиръ „Talbot'a“ послалъ на шлюпкѣ врача и отдѣленіе амбу-

латоріи. Прочія суда также послали врачебную помощь. Сцены, происходившія при свозѣ раненыхъ, совершенно неопишутельны по своему ужасу. Большая часть раненыхъ имѣла по нѣскольکو поврежденій. Между людьми господствовалъ полный порядокъ. Даже для самыхъ бывалыхъ людей было тягостно присутствовать при переносѣ раненыхъ на шлюпки. На „Варягѣ“ оказалось 40 матросовъ и 1 офицеръ убитыхъ и 64 матроса и 2 офицера раненыхъ. Капитанъ Рудневъ получилъ легкое пораненіе. „Кореецъ“ былъ поврежденъ лишь слегка. Русскіе офицеры очень хвалили точность японской стрѣльбы, между тѣмъ какъ британскіе спеціалисты были того мнѣнія, что съ обѣихъ сторонъ много снарядовъ было истратено напрасно. Японцы утверждали, что русскій огонь совсѣмъ не достигалъ ихъ судовъ, и они не понесли никакихъ потерь.

Когда русскіе вернулись въ портъ, японцы оставили ихъ здѣсь въ покоѣ. Командиръ „Варяга“ объявилъ о рѣшеніи взорвать свои суда, и команды ихъ были свезены на иностранныя суда. „Talbot“ принялъ на бортъ 242 человека, въ этомъ числѣ 214 матросовъ, изъ которыхъ шестеро умерло въ ту же ночь. Раненые и 49 человекъ пассажировъ и команды съ стоящаго въ гавани русскаго парохода „Сунгари“ нашли пріютъ на французскомъ крейсере „Pascal“. Затѣмъ 179 русскіхъ были приняты на бортъ итальянскаго военнаго корабля „Elba“. Американцы не принимали участія ни въ совѣщаніи командировъ передъ боемъ, ни въ манифестаціи во время прохожденія русскіхъ на неравную битву, однако и они приняли нѣсколько русскіхъ раненыхъ на „Vicksburg“. Ровно въ 4 ч. пополудни „Кореецъ“ взлетѣлъ на воздухъ. Раздались два сильныхъ взрыва—одинъ на носу судна, другой въ кормѣ. Вырвался огненный столбъ вышиною въ 300 метровъ и затѣмъ поднялись чудовищныя столбы дыма и пара. Когда мало-по-малу пламя и дымъ разсѣялись, на зеркальной поверхности бухты раздалось пѣніе русскаго національнаго гимна, сопровождаемое громкими всплесками обломковъ, падавшихъ кругомъ со всѣхъ сторонъ въ воду. Экипажъ на „Варягѣ“ поступилъ иначе: тамъ открыли кингстоны, и вода медленно наполняла судно. Въ 5 часовъ на немъ сталъ раздаваться рядъ слабыхъ взрывовъ и начался пожаръ. Командиръ „Варяга“, опасаясь, что японцы, могутъ явиться раньше, чѣмъ его судно затонетъ, просилъ командира „Talbot“, что бы онъ произвелъ по немъ выстрѣлъ на уровнѣ ватерлиніи, но англійскій командиръ не согласился на это. Мало по-малу пожаръ усиливался и достигъ капитанской каюты; послѣдовалъ новый рядъ взрывовъ: это рвало помѣщенные тамъ двѣнадцатифутовые снаряды. Наконецъ горящій корабль началъ все больше и больше накрениваться, и при послѣднемъ закатномъ лучѣ чуднаго весенняго дня сначала задняя часть, а потомъ и весь кузовъ горящаго корабля медленно погрузился на дно. Дымовыя трубы и мачты еще видны надъ

Владивостокская эскадра.

- 1) Крейсер 1-го ранга «Богатырь».
- 2) Крейсер 1-го ранга «Россия».
- 3) Крейсер 1-го ранга «Громобой».
- 4) Крейсер 1-го ранга «Рюрик».

поверхностью воды. Послѣ того, какъ затонулъ „Варягъ“, былъ зажженъ почтовый пароходъ „Сунгарн“ и цѣлый часъ освѣщала гавань зарево пожара. Русскіе раненые были заботливо перевезены и такъ же, какъ и здоровые, удобно помѣщены на иностранныхъ военныхъ судахъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ на „Варягъ“ убито 1 офицеръ и 33 матроса, ранено 3 офицера и 70 матросовъ тяжело, много легко. На „Корейцъ“ потерь нѣтъ (телегр. командира крейсера „Варягъ“ капитана 1 ранга Руднева отъ 5 февр. 1904 г.). Команды и офицеры съ погибшихъ судовъ 16 офицеровъ и 268 нижн. чиновъ приняты на французскій крейсеръ „Паскаль“ и въ настоящее время находятся на пути въ китайскій городъ Сайгонъ, гдѣ и должны оставаться до окончанія войны. Въ газету Temps телеграфируютъ изъ Шанхая, что послѣ боя у Чемульпо 1 японскій крейсеръ затонулъ, а другой съ сбитыми мачтами отступилъ въ Чифу“.

Изъ телеграммы нашего дипломатическаго агента Павлова изъ Шанхая отъ 5 февраля 1904 года видно, что 26 января онъ послалъ лодку „Кореецъ“ съ почтой въ Артуръ, но послѣдній вынужденъ былъ тотчасъ по выходѣ съ рейда вернуться, т. е. встрѣтилъ японскую эскадру, одинъ изъ крейсеровъ которой сталъ его преслѣдовать, а миноносцы окружили его и сдѣлали три выстрѣла минами. Ночью высадились японскіе войска и заняли Сеулъ; 27 января японскій посланникъ, потребовавъ аудіенцію у корейскаго императора, объявилъ, что Корея отнынѣ будетъ находится подъ управленіемъ Японіи, пригрозивъ, что въ случаѣ непокорности японскіе войска займутъ дворецъ. Никакого предварительнаго увѣдомленія о разрывѣ съ Россіей и о рѣшеніи нарушить нейтралитетъ Кореи ни корейскому правительству, ни иностраннымъ представителямъ со стороны японской миссіи сдѣлано не было. Затѣмъ подтверждая всѣ извѣстныя уже подробности боя подъ Чемульпо нашъ дипломатическій агентъ Павловъ телеграфируетъ что, нашими выстрѣлами потопленъ одинъ японскій миноносецъ, поврежденъ крейсеръ „Асама“, затонулъ крейсеръ „Токачимо“ и что утромъ на слѣдующій послѣ боя день отправлено въ Японію около 80 убитыхъ и раненыхъ.

Изъ всеподданнѣйшей телеграммы Намѣстника на Дальнемъ Востокѣ отъ 4 февраля видно, что капитанъ 1 ранга Рейценштейнъ начальникъ отряда крейсеровъ въ Японскомъ морѣ 29 января, утромъ, уничтожилъ японскій пароходъ „Naqouiri Maru“ причѣмъ съ этого парохода имъ было спасено 41 человекъ. Другой небольшой пароходъ потопленъ не былъ, такъ какъ велѣдствіемъ сѣльнаго шквала спасти людей не представлялось возможнымъ. Отрядъ крейсеровъ направился къ корейскому берегу,

испытывая штормъ; при 9 градусахъ мороза крейсера обмерзли, пушки покрылись слоемъ льда. Отрядъ выдержалъ 2 жестокихъ шторма, продолжавшихся 3 сутокъ.

По свѣдѣніямъ агентства Рейтера 1 февраля была произведена новая минная атака Портъ-Артура японскими миноносцами „Асагири“ и „Хаготари“ при сильной снѣжной бурѣ. Японскіе миноносцы подверглись будто бы сильному огню изъ крѣпости и съ русскихъ судовъ и хотя и выпустили нѣсколько минъ, но результатъ атаки неизвѣстенъ. Свѣдѣнія эти представляютъ собою сплошной вымыселъ, сдѣланный Японіей для одобренія своего флота. Единственно правильно сообщеніе о снѣжной бурѣ (Рос. Тел. Аг. 8 февр. Портъ-Артуръ). Къ такимъ же свѣдѣніямъ нужно отнести и помѣщенное въ газетѣ Morning Leader извѣстіе, что японскія транспортныя суда съ 100 тысячами солдатъ подходятъ къ порту Дальнему.

По свѣдѣніямъ изъ Берлина и Лондона японскіе войска отправляются на транспортныхъ судахъ изъ Нагасаки, который представляетъ собою центральный пунктъ для отправкой войскъ. Высадки японскаго десанта производятся въ корейскихъ портахъ—Генсанъ на сѣверо-восточномъ берегу и Чемульпо на юго-западномъ берегу Кореи. Войска какъ изъ того такъ и изъ другого пункта должны соединиться въ мѣстности около Ень-Шю, къ югу отъ рѣки Ялу, въ 150 километрахъ отъ Чемульпо и отъ Генсана. Оттуда японскіе войска начнутъ движеніе противъ русскихъ позицій на рѣкѣ Ялу. Для болѣе успѣшнаго движенія войскъ японское правительство (по свѣдѣніямъ изъ Сеула) предполагаетъ провести желѣзнодорожную линію между столицей Корейскаго государства Сеуломъ и портомъ Ви-чжу, находящемся при устьѣ рѣки Ялу.

Какъ образецъ японскихъ представленій о международномъ правѣ и даже приличіи можетъ еще служить случай съ частнымъ пароходомъ „Шилкой“, который былъ арестованъ японцами 21 января утромъ до разрыва дипломатическихъ сношеній по приходѣ его въ Нагасаки.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ сердцахъ русскаго общества успѣхъ и слава русскаго оружія связывались неразрывно съ именемъ нашего героя прежнихъ войнъ генерала Куропаткина. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, отъ 7 февраля 1904 г., генералъ Куропаткинъ назначенъ командующимъ Манчжурской дѣйствующей противъ японцевъ арміей съ отчисленіемъ отъ должности военнаго министра и съ предоставленіемъ по званію командующаго арміею правъ, опредѣленныхъ въ ст. 101—140 положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время. Всѣ вышедшія газеты единодушно привѣтствуютъ этотъ призывъ Монарха какъ залогъ славнаго отраженія нашего врага.

Въ «Прав. Вѣстникѣ» напечатано:

Прошла недѣля, какъ вся Россія обуравается чувствами самого глубокаго негодованія на врага, который неожиданно прервалъ шедшіе переговоры и ударомъ изъза угла хотѣлъ пріобрѣсти дешевый успѣхъ въ давно желанной имъ войнѣ. Все русское общество съ понятнымъ нетерпѣніемъ желаетъ скората возмездія и съ лихорадочнымъ чувствомъ ждетъ извѣстій съ Дальняго Востока. Единеніе и мощь русскаго народа наврядъ-ли позволяютъ кому-либо на свѣтѣ сомнѣваться въ томъ, что Японія понесетъ достойную кару за свое вѣроломство и за нарушеніе мира, сохраненіе котораго для всѣхъ народовъ являлось всегдашнимъ желаніемъ нашего обожаемаго Монарха. Но вся обстановка войны заставляетъ насъ терпѣливо ожидать извѣстій объ успѣхахъ нашего оружія, которые могутъ сказаться не ранѣе начала рѣшительныхъ дѣйствій русской арміи.

Нападеніе на самую отдаленную часть нашей территоріи, отстоящую отъ центра Государства на многія тысячи верстъ, и искреннее желаніе нашего Правительства сохранить миръ, что дѣлало невозможнымъ заблаговременную подготовку къ войнѣ, заставляетъ насъ употребить не мало времени для того, чтобы начать наносить Японіи такіе удары, которые соотвѣтствовали бы могуществу Россіи и при наименьшемъ пролитіи дорогой русской крови были бы достойнымъ возмездіемъ націи, дерзко вызвавшей насъ на бой. Пусть же русское общество терпѣливо ожидаетъ грядущихъ событій, вполне увѣренное, что наша армія заставитъ сторицею заплатить за брошенный намъ вызовъ. Серьезныя операціи на сушѣ начнутся еще не скоро, и мы не должны и не можемъ ожидать быстрыхъ извѣстій о нашихъ дѣйствіяхъ на театрѣ войны. Напрасно проливать русскую кровь для быстрой оплаты нашимъ врагамъ было бы недостойно величія и мощи Россіи. Наше Отечество выказало въ эти дни такое единеніе и такое желаніе жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ на пользу дорогой Родины, что, безъ сомнѣнія, всякое достовѣрное извѣстіе съ театра войны будетъ немедленнымъ достояніемъ всего русскаго общества.

По извѣстіямъ изъ Японіи въ англійскихъ газетахъ какъ видно изъ телеграммъ Р. Т. А. отъ 10 февраля небольшой отрядъ русской кавалеріи появился близъ Анжу, и Сіонъ-Чіона а нѣсколько сотъ русскихъ стрѣлковъ прибыли въ Касанъ; по тѣмъ же свѣдѣніямъ передовые русскіе отряды достигли Пэй нь-Яна. Города Анжу, Сіонъ-Чіонъ, Касанъ и Пхіонъ-Янь лежатъ по дорогѣ къ Сеулу, столицѣ Кореи. Городъ Пхіонъ-Янь находится по серединѣ между Сеуломъ и городомъ Ы-чжоу, находящемся при устьѣ рѣки Ялу, составляющей естественную границу между Манчжуріей и Кореей. Изъ всѣхъ перечисленныхъ городовъ Пхіонъ-Янь представляется болѣе значи-

Общій видъ г. Владивостока.

тельнымъ. По свѣдѣніямъ изъ англійскихъ источниковъ слѣдуетъ отрицать движенія японскихъ войскъ въ Корею по направленію къ тому же Пхюнь-Яну.

Циркулярное сообщеніе министра иностранныхъ дѣлъ россійскимъ представителямъ за границу, отъ 9-го февраля 1904 года.

Съ минуты разрыва, послѣдовавшаго между Россіей и Японіею, — образъ дѣйствій токійскаго правительства представляетъ собою явное попраніе общепринятыхъ постановленій, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между цивилизованными государствами.

Не входя нынѣ въ разсмотрѣніе вообще всѣхъ отдѣльныхъ нарушеній Японіею упомянутыхъ постановленій, Императорское Правительство считаетъ необходимымъ привлечь самое серьезное вниманіе державъ на насильственныя мѣропріятія, къ которымъ прибѣгло японское правительство по отношенію къ Корей.

Независимость и неприкосновенность Кореи, какъ вполне самостоятельнаго государства, была признана всѣми державами. Незыблемость этихъ основныхъ принциповъ подтверждена статьею первою симонсекскаго трактата, договоромъ, специально съ этой цѣлью заключеннымъ между Англіею и самой Японіею 17-го (30-го) января 1902 года, а также франко-русскою деклараціею 3-го (16-го) марта того же 1902 года.

Предвидя опасность возможнаго столкновенія между Россіею и Японіею, корейскій императоръ въ самомъ началѣ минувшаго января обратился циркулярно по телеграфу ко всѣмъ державамъ съ заявленіемъ о принятіи имъ рѣшенія соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Заявленіе это было сочувственно встрѣчено и принято къ свѣдѣнію большинствомъ державъ, въ томъ числѣ и Россіею. Великобританское правительство, подписавшее совместно съ Японіею вышеупомянутый договоръ 17-го (30-го) января 1902 года, какъ сообщаетъ россійскій посланникъ въ Корею, поручило черезъ своего представителя въ Сеулѣ официально потою передать корейскому императору благодарность за сдѣланное лондонскому кабинету заявленіе о сохраненіи Корею, въ случаѣ разрыва между Японіею и Россіею, строгаго нейтралитета.

Не взирая на всѣ эти обстоятельства, японское правительство, вопреки всѣмъ договорамъ, своимъ собственнымъ обязательствамъ и въ противность основнымъ законамъ международнаго права, какъ это выяснилось нынѣ на основаніи точныхъ, вполне повѣренныхъ данныхъ:

1) Приступило, даже до открытія военныхъ дѣйствій противъ Россіи, — къ высадкѣ своихъ войскъ въ предѣлы независимаго Корейскаго государства, заявившаго о соблюденіи имъ нейтралитета,

2) Совершило отрядомъ своей эскадры внезапное нападеніе 26-го января, т. е. за три дня до объявленія войны, на находившіеся въ нейтральномъ портѣ Чемульпо два русскихъ военныхъ корабля, командиры коихъ не могли быть извѣщены о разрывѣ сношеній съ Японіею, вслѣдствіе злоумышленнаго передъ тѣмъ прекращенія японцами передачи русскихъ телеграммъ по кабелю, принадлежащему датскому обществу, и порчи корейскихъ правительственныхъ телеграфныхъ проводовъ.

Подробности возмутительной атаки, коей подверглись вышеозначенныя русскія суда, заключаются въ опубликованной официальной телеграммѣ россійскаго посланника въ Сеулѣ.

3) Вопреки существующимъ на сей предметъ международнымъ постановленіямъ и за нѣсколько времени до открытія военныхъ дѣйствій, захватило въ качествѣ военной добычи, русскія коммерческія суда, находившіеся въ нейтральныхъ корейскихъ портахъ.

4) Заявило корейскому императору черезъ японскаго посланника въ Сеулѣ, что отнынѣ Корея будетъ находиться подъ управленіемъ Японіи, предупредивши, что, въ случаѣ непокорности, японскія войска займутъ дворець.

5) Обратилось черезъ французскаго посланника къ русскому официальному представителю при корейскомъ императорѣ съ предложеніемъ о выѣздѣ изъ страны со всѣмъ составомъ миссіи и консульства.

Признавая, что всѣ перечисленные факты составляютъ вопіющее нарушеніе общепринятыхъ законовъ международнаго права, Императорское правительство нынѣ же считаетъ долгомъ передъ всѣми державами заявить о своемъ протестѣ противъ образа дѣйствій японскаго правительства, въ полной увѣренности, что всѣ государства, которыя дорожатъ началами, обеспечивающими ихъ взаимныя отношенія, раздѣлятъ точку зрѣнія Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императорское Правительство находитъ необходимымъ заранѣе предупредить, что, вслѣдствіе незаконнаго захвата Японіею власти въ Корею, — оно признаетъ недѣйствительными всѣ тѣ распоряженія и заявленія, которыя послѣдовали бы отъ имени корейскаго правительства.

Благоволите сообщить объ этомъ правительству, при коемъ вы аккредитованы.

11-го февраля были опубликованы слѣдующія Всеподданнѣйшія донесенія Генераль-Адъютанта Алексѣева.

I.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству о полученномъ сейчасъ донесеніи: ночью была попытка японцевъ заградить входъ въ Артуръ коммерческими пароходами, направленными на „Ретвизанъ“. Попытка не удалась: оба парохода разбиты снарядами и лежатъ на берегу у Золотой горы и Тигроваго полуострова. Потерь нѣтъ. Подробности ожидаю отъ командующаго флотомъ.

II.

Въ дополненіе телеграммы отъ 11-го февраля всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству слѣдующее: 11-го февраля съ 2 час. 45 мин. ночи до разсвѣта непріятель сдѣлалъ попытку атаковать „Ретвизанъ“ многими миноносцами и затопить въ проходѣ большіе пароходы съ горючими матеріалами. Обнаруживъ сперва миноносцы и открывъ по нимъ сильный огонь, „Ретвизанъ“, поддерживаемый батареями, уничтожилъ близъ входа шедшіе прямо на него два парохода, изъ которыхъ одинъ выскочилъ на камни подъ маякомъ Тигроваго полуострова, другой затонулъ подъ Золотой горой. Стрѣльба по миноносцамъ продолжалась до разсвѣта, когда на рейдѣ обнаружены всего четыре погибшіе парохода и восемь медленно удалявшихся миноносцевъ, которые направлялись къ ожидавшимъ ихъ въ морѣ кораблямъ. Спасшіяся на шлюпкахъ команды пароходовъ частью утонули и можетъ быть подобраны непріятельскими миноносцами. Произойдется обыскъ береговъ. Проходъ въ портъ чистъ. Полное разстройство плана непріятеля отношу къ молодецкому отпору и убійственному огню „Ретвизана“. Пароходъ горитъ еще теперь. На рейдѣ усмотрѣны плавающие мины. На горизонтѣ двумя отрядами держится непріятель. Возвращаю посланные въ погоню 3 крейсера, дабы предварительно очистить рейдъ отъ плавающихъ минъ.

Завершаемъ ходъ событій минувшей недѣли сообщеніемъ опубликованнымъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ 12-го февраля.

Русское правительство передало Великобританскому выраженіе искреннѣйшей признательности за участіе, оказанное англійскимъ крейсеромъ „Тальботъ“ въ спасеніи экипажа русскихъ военныхъ судовъ „Варяга“ и „Корейца“ въ Чемульпо.

Прощальный бенефисъ М. Ф. Кшесинской.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія нашъ петербургскій балетъ влачилъ самое скромное существованіе. Его посѣщала только немногочисленная горсть преданныхъ балетомановъ, да еще на Святки и Масляную туда возили дѣтей. Въ остальное время балетъ пустовалъ и не было ничего легче какъ достать билетъ на балетное представленіе. О балетѣ говорили очень мало и большинство смотрѣло на него точно такъ же, какъ на циркъ. Теперь все это измѣнилось. За послѣдніе годы въ дни балетныхъ представленій нашъ Маринскій театръ переполненъ и, чтобы попасть на балетный спектакль приходится за нѣсколько дней дежурить у „предварительной“ кассы ничуть не меньше, чѣмъ прежде, когда въ оперѣ грѣмѣли бывые кумиры Фигнеръ и Яковлевъ, дежурили тѣ, кто хотѣлъ попасть въ оперу. Теперь о балетѣ легко услышать разговоръ, и притомъ самый сживленный, страстный въ такой гостинной, гдѣ еще недавно ни за что не снизошли бы до разговора о такой „легкомысленной“ вещи какъ балетъ. Петербуржцы помнятъ, какихъ размѣровъ достигла года два тому назадъ борьба двухъ партій, возникшихъ вокругъ двухъ балеринъ-соперницъ. За этой борьбой многіе слѣдили съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ въ иномъ городѣ слѣдятъ ну хотя бы за городскими выборами. Однимъ словомъ отъ прежняго пренебрежительнаго отношенія къ балету не осталось и слѣда.

Надо ли радоваться этому? Конечно, надо. Въ нашей скромной жизни, которая такъ бѣдна проявленіями красоты, необходимо привѣтствовать всякій лишній ея проблескъ. Въ толпѣ, большинство которой состоитъ изъ мрачныхъ нытиковъ, нужно поддерживать всѣми силами здоровое, жизнерадостное настроеніе, а оно-то и царитъ въ нашемъ Маринскомъ театрѣ въ дни балетныхъ

Капитанъ 2-го ранга С. П. Бѣляевъ 2-й, командиръ мореходной канонерской лодки „Кореецъ“.

Генераль-лейтенантъ Н. И. Линевицъ, новый командующій войсками Приамурскаго округа.

спектаклей. Въ балетѣ нѣтъ мѣста тѣмъ дохлымъ и кислымъ неврастеникамъ, которые заполнили нашу драму и которыхъ такъ много встрѣчаешь въ повседневной жизни, что является насущная потребность, чтобы хоть гдѣ-нибудь существовало царство здоровыхъ, ничѣмъ не тронутыхъ людей. Только въ одномъ балетѣ, кажется, и торжествуетъ еще добродѣтель и всегда наказуется порокъ: балетнымъ пастушкамъ

Капитанъ 1-го ранга Всеволодъ Рудневъ 1-й, командиръ крейсера „Варягъ“.

и рыбачкамъ всегда удается при всеобщемъ сочувствіи кордебалета избѣжать козней коварныхъ маркизовъ и сохранить свое сердце для бѣдныхъ, но прекрасныхъ пастушковъ. Хорошо, что хоть въ балетѣ сохранились добрыя феи, волшебный жезлъ которыхъ позволяетъ вѣрить въ торжество добродѣтели.

Наша балетная труппа по заслугамъ добила то, что разбила ледъ равнодушія петербуржцевъ, которые въ самомъ дѣлѣ имѣютъ полное право гордиться своимъ балетомъ. У насъ всегда были выдающіяся танцовщицы, но только за послѣднее время подъ руководствомъ такого художника, какъ Мариусъ Петипа, нашъ балетъ досроч до степени совершенства лучшихъ иностранныхъ труппъ, который теперь часто съ удовольствіемъ приглашаютъ нашихъ балеринъ къ себѣ на гастролы. Прежде рѣдко какой сезонъ мы обходились безъ иностранной прима-балерины, а теперь вотъ уже третій сезонъ довольствуемся „домашними силами“ и не имѣемъ никакого основанія жаловаться объ отсутствующихъ иностранкахъ.

Этой „реабилитаци“ балета больше всего способствовала та самая Матильда Феликсевна Кшесинская, съ которой Петербургъ такъ трогательно простился 4 февраля въ день ея прощальнаго бенефиса. Съ тѣхъ поръ, какъ Кшесинская стала занимать видное положеніе въ нашей балетной труппѣ, интересъ къ балету сталъ все расти и расти. Красивая, полная силъ и энергіи Кшесинская соединила въ себѣ силу и ловкость итальянской балетной школы съ поэтической граціей и художественной пластикой лучшихъ французскихъ балеринъ. Всякое ея движеніе, порой достигавшее чистого акробатической трудности и сложности, оставалось безусловно изящнымъ и легкимъ, произвольнымъ. Громадному механическому труду придавалась обманчивая оболочка шаловливой забавы. Кто видѣлъ Кшесинскую въ „Эсмемальдѣ“ или „Дочери Фараона“, тотъ знаетъ, какую великолѣпную драматическую мимикку потерялъ нашъ балетъ въ лицѣ Кшесинской.

Ученица Льва Иванова и Мариуса Петипа, Матильда Феликсевна дебютировала на сценѣ еще воспитанницей въ апрѣлѣ

Полковн. Б. В. Заіончковскій, раненный при бомбардировкѣ Портъ-Артура 27 января.

1890 г., а первого ноября 1891 г. она уже выступила исполнительницей главной роли въ балетѣ „Калькарино“, честь—которая на долю другихъ танцовщицъ выпадаетъ только послѣ многихъ лѣтъ театальной службы. Съ тѣхъ поръ она выступила приблизительно въ 30 балетахъ, вездѣ исполняя съ выдающимся успѣхомъ самыя отвѣтственныя роли. Кромѣ Москвы и Петербурга, Матильда Феликсевна выступала еще и за границей: въ Вѣнѣ и Монте Карло и вполне поддержала честь русскаго искусства.

Прощальный бенефисъ 4-го февраля производилъ впечатлѣніе самыхъ теплыхъ, самыхъ трогательныхъ проводовъ всеобщей любимицы. Глядя на оживленную игру полной силъ и энергіи бенефициантки, не хотѣлось вѣрить, что Петербургъ больше никогда не увидитъ своей любимицы: тор-

жественныя депутаціи, прочувственныя адреса и рѣчи, дождь цвѣтовъ и цѣлое море подношеній должны были убѣдить Кшесинскую въ искренней любви къ ней и товарищей и публики. Послѣдней осталась одна надежда, что Кшесинская соскучится по своей публикѣ и снова появится передъ ней хотя бы какъ желанная гастролерша. Въ составѣ нашей труппы осталось не мало очень хорошихъ танцовщицъ, и конечно съ уходомъ Кшесинской, интересъ къ балету не ослабѣетъ, но посѣтители балетныхъ спектаклей, навѣрное, глядя на игру будущиxъ балеринъ, не разъ вспомнятъ съ тоской про изящную, полную граціи и поэзіи Кшесинскую

Б. В.

СОДЕРЖАНИЕ:

Хроника войны.—Прощальный бенефисъ

М. Ф. Кшесинской. Б. В.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Открыта подписка на 1904 г. на

„Живописное Обозрѣніе“

Администрація по дѣламъ Дра Мед. В. И. Рамма, приведя въ порядокъ его обширное издательское и типографское дѣло, начинаетъ свою дѣятельность съ 1-го января 1904 г. издавая журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

При ближайшемъ участіи И. Н. ПОТАПЕНКО.

Новая редакция журнала, озабочиваясь привлеченіемъ къ ближайшему участию въ ея дѣятельности лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, не желаетъ прибѣгнуть къ обычной рекламѣ и общаніямъ, полагая, что само издание журнала привлечетъ вниманіе читателей, если оно того будетъ заслуживать.

Въ теченіе 1904 г. каждый подписчикъ получитъ:

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА. Снимки съ картинъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ художниковъ.—Выставки въ Россіи и за границей.

52 №№ журнала ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НЕДѢЛЯ. —Событія недѣли въ Россіи и за границей въ статьяхъ и въ рисункѣ.—Фельетоны: Столичные этюды. Провинціальныя мелодіи. За рубежомъ. Юбилей. Некрологи.

52 №№ журнала ПОЛЬЗА и РАЗВЛЕЧЕНІЕ. —Популярныя статьи по всемъ вопросамъ знанія. Хроника новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній.—Игры и забавы дома и на воздухѣ. Шутки, шарадки, ребусы, задачи и загадки.

12 ежемѣс. книгъ литературнаго политическаго и общественаго журнала. Больше 2000 страницъ текста. Обозрѣніе: литературное, иностранное, внутреннее, экономическое, научное.—Воспоминанія и путешествія.—Больше романы и повѣсти.

12 вып. журн. Моды. Хроника модъ Письма изъ Парижа, Вѣны, Лондона, Моды дамскія и дѣтскія

12 вып. Выкройки и вышиванія по новѣйшимъ образцамъ русскихъ и иностран. авторовъ

52 книжки полного иллюстрированнаго собранія романовъ знаменитаго англійскаго юмориста „ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА“ до 6000 страницъ текста. Больше 200 иллюстрацій.

Всѣ внесенныя подписныя деньги на 1903 г. получаютъ въ размѣръ своего взноса журналъ и всѣ приложенія на 1904 г. **БЕЗПЛАТНО**. Пришедшіе въ 1903 г. на пересылку „Третьяковской Галлерей“ **получать** эту галерею **БЕЗПЛАТНО** по внесеніи полной подписной суммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 8 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 3 руб. къ 1-му апрѣля 3 руб. и къ 1-му іюня 2 руб. или первые 9 мѣсяцевъ по 1 руб.

Подписка принимается въ Главн. Конт. Живописнаго Обозрѣнія. С.-Петербургъ, Невскій, 90.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предсѣд. Адм. Прис. Повѣр. Д. Н. Бородинъ.

Открыта подписка на 1904 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВОСТЬ И
БЕРЕЖЛИВОСТЬ

подъ редакціей Присяжнаго Повѣреннаго

Д. Н. Бородина.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА:

I. Правительственныя распоряженія.—II. Статьи, обзоры и корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торговопромышленнымъ вопросамъ.—III. Питетное дѣло.—IV. Кредитъ и банковое дѣло.—V. Страхое дѣло.—VI. Профессиональное дѣло.—VII. Кустарное дѣло.—VIII. Артельное дѣло.—IX. Переселенческое дѣло.—X. Виржа, фондовыя и вексельныя бумаги.—XI Хроника.—XII. Обзоръ печати и библиографія.—XIII. Біографіи, очерки и рассказы.—XIV. Отвѣты на вопросы читателей.—XV. Рисунки и чертежи.—XVI. Объявленія.

Подписная цѣна:

Съ пересылкой и доставкой на годъ—3 р.
полгода—1 р. 50 к., четверть года—1 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, ул. Глинки, 6.—Телефонъ № 307.

Въ концѣ 1904 г. всѣ гг. подписч. получатъ:

Безплатную премію сочин. Д. Н. Бо-

родина „АЛКОГОЛИЗМЪ У ДѢТЕЙ“.

Редакторъ-издатель Д. Н. Бородинъ.

Для дѣтей

Живописное Обзорѣніе

П О Я В Л Е Н І Е

При ближайшемъ участіи *И. Н. Потапенко.*

Исторія, которая никогда не кончилась.

IV.

Событія.

(Продолженіе).

Событіе, о которомъ я говорилъ, произошло слѣдующимъ образомъ:

Объ успѣхахъ Дуси у насъ говорилъ весь домъ. Послѣ того, какъ ей удалось произнести «мама» и «папа», она сдѣлала еще одинъ огромный шагъ впередъ.

Однажды ко мнѣ вѣбжала Марика съ торжествующимъ лицомъ и сообщила, что меня зоветъ мама. Я отправился. Мать была въ маленькой комнаткѣ, превратившейся теперь въ жилище моей сестры. Дуся по обыкновенію лежала на тюфячкѣ, произносила какіе-то непонятные звуки и была въ превосходномъ настроеніи.

— Подойди сюда, Вова, поближе, позвала меня мама.

Я приблизился къ кроваткѣ. — Представь себя, Дуся уже говоритъ—«Вова»!

Я ни малѣйшимъ радостнымъ восклицаніемъ не откликнулся на это извѣстіе. — Подойди къ ней.

Я подошелъ еще ближе и наклонился. Дуся увидѣла меня, улыбнулась и издала странный звукъ.

— Уа Уа...

— Слышишь?—промолвила мама.

— Развѣ это «Вова»?—съ большимъ сомнѣніемъ покачавъ головой, спросилъ я.

— Ну, конечно... Неужели ты не понимаешь?.. Она же не можетъ вполнѣ какъ слѣдуетъ.

Что дѣйствительно подъ этими странными звуками разумѣлось мое имя, это было доказано послѣдующимъ поведеніемъ Дуси. Всякій разъ при моемъ появленіи она улыбалась, протягивала ко мнѣ руки и произносила:— Уа уа... Ясно, что она этимъ хотѣла сказать «Вова».

Все это было бы ничего, это даже могло бы льстить

Съ исторіи!

моему самолюбію, такъ какъ послѣ самыхъ важныхъ словъ «папа» и «мама», маленькая сестра научилась называть именно меня, но дѣло въ томъ, что Дуся воспылила ко мнѣ необыкновеннымъ пристрастіемъ. Всякій разъ при моемъ появленіи она начинала улыбаться и даже смѣяться. Благодаря этому, меня все чаще и чаще звали къ ней. Это меня раздражало, я чувствовалъ, что изъ за Дуси меня лишаютъ свободы.

Меня заставляли торчать около нея, разговаривать съ нею и вызывать ея улыбку, которая всѣмъ казалась очаровательной. Кромѣ того, у нея явилась довольно неприятная привычка: она любила, чтобы я нагибалъ къ ней голову, запускала свои ручки въ мои волосы и начинала теревить ихъ. Иногда мнѣ было даже больно. Поэтому я неохотно шелъ къ ней и всячески старался избѣжать этого.

Однажды Марина вошла ко мнѣ съ лицомъ тревожнымъ и печальнымъ.

— Панычекъ, васъ мамаша кличуть! Пожалуйте къ сестрицѣ.

— Зачѣмъ? — спросилъ я, съ тайной мыслью избѣжать этого визита. У меня были совсѣмъ другіе планы. Какъ разъ въ въ это время я собирался отправиться въ садикъ и тамъ заниматься окапываніемъ деревьевъ.

— Сестрица ваши что-то очень расплакались. Никакъ не могутъ ихъ унять.

— Ну, она поплачетъ и перестанетъ, — довольно легкомысленно сказалъ я.

— Такъ и сказать? — спросила Марина.

— Такъ и скажи.

Это былъ первый актъ моего упорства. Онъ не имѣлъ еще должныхъ послѣдствій, потому что черезъ минуту Марика опять пришла.

— Мамаша приказали вамъ непременно придти, — заявила она, — они сказали, что разсердятся, если не придете.

Но я уже самъ разсердился. Конечно, я долженъ былъ пойти, но въ душѣ своей я рѣшилъ ничего не сдѣлать для Дуси, которая такъ безжалостно покушается на мое время.

Я пришелъ къ матери. Она ходила по комнатѣ съ Дусей на рукахъ. Дѣвочка громко плакала.

— Вова, поговори съ ней, — сказала мнѣ мать, — у нея желудочекъ разстроень. Никакъ не могу успокоить ее.

— Не хочу я, — довольно твердо отвѣтилъ я.

— Ну что ты, какъ можно? Почему же ты не хочешь?

— Такъ не хочу.

— Ну, Вова милый... Какъ же можно...

— Не хочу, не хочу и не хочу, — все съ большимъ и большимъ упорствомъ повторялъ я.

А Дуся между тѣмъ плакала безпрерывно. Въ гостиной послышались поспѣшные шаги и вошелъ отецъ.

— Что это съ дѣвочкой, чего она плачетъ — спросилъ онъ.

— Не знаю... Кажется, у нея желудочекъ разстроень, — отвѣтила мать. — Я прошу Вову поговорить съ ней, она это любить... А онъ не хочетъ.

— Не хочетъ? — спросилъ отецъ и съ величайшимъ удивленіемъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. — Почему-жъ ты не хочешь?

Я отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ.

— Отвѣчай мнѣ сейчасъ: почему ты не хочешь поговорить съ малюткой?

— Такъ! — отвѣтилъ я низко опустивъ голову.

— Но если я попрошу тебя объ этомъ, — промолвилъ отецъ такимъ тономъ, какимъ не просятъ.

Я на это не отвѣтилъ, а голова моя опустилась еще ниже.

— Въ такомъ случаѣ я приказываю тебѣ. Слышишь?

Въ голосѣ моего отца прозвучала такая строгая нотка, что я невольно на секунду поднялъ глаза и взглянулъ на него. Брови его были сердито сдвинуты. Но я и на это промолчалъ.

— Послушай, — уже совсѣмъ строго сказалъ мнѣ отецъ: — Я тебѣ говорю: что если ты не исполнишь желанія моего и твоей мамы, ты будешь наказанъ.

Можетъ быть, до этой фразы еще не все было потеряно. Можетъ быть, я еще согласился бы, поломавшись нѣкоторое время. Но теперь когда мнѣ грозили наказаніемъ, въ томъ состояніи души, въ какомъ я находился, я уже не могъ согласиться. Я почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Дуся неистово ревѣла, мама безпомощно подошла къ кроваткѣ и положила ее на перину, а сама отошла къ окну. Отецъ подождалъ нѣсколько секундъ моего отвѣта и, не дождавшись его, окончательно вышелъ изъ себя. Я никогда еще не видалъ его такимъ. Онъ часто сердился, но всегда былъ сдержанъ и никогда слишкомъ не возвышалъ голоса. Лицо его сдѣлалось блѣднымъ, брови какъ-то вздрагивали и мнѣ даже показалось, что онъ сжалъ кулаки.

— Мальчикъ будетъ пить чай, завтракать и обѣдать отдѣльно, — какимъ-то желѣзнымъ голосомъ произнесъ онъ. — Все это пусть носятъ въ его комнату. Онъ не желаетъ принадлежать къ нашему обществу... Ну, такъ и не надо, пусть живетъ одинъ! — Произнесъ

отецъ, повернулся и убѣжалъ въ гостиную, потомъ къ себѣ, сильно хлопнувъ дверью.

Я ясно понялъ, что произошла еще никогда не бывавшая въ нашемъ домѣ катастрофа. Я взглянулъ на мать. Она отвернулась къ окну и вытирала слезы. Дуся продолжала реветъ. Но ничто уже не было способно тронуть меня,—я чувствовалъ себя каменнымъ.

Точно изъ-подъ земли выросла передо мной Марика. По всей вѣроятности, ее послалъ сюда отецъ. Она схватила меня за руку и быстро потащила въ мою комнату, хотя я все-таки сопротивлялся и упирался ногами.

Она привела меня въ мою комнату, говорила какія то укоризненные слова, но я ее не слушалъ.

Наконецъ, я остался одинъ. Я сѣлъ въ углу, насушился, подперъ голову ладонью и смотрѣлъ настоящимъ волкомъ. Думалъ ли я въ это время о чемъ-нибудь, право не знаю; я чувствовалъ только одно,— что былъ оскорбленъ.

Никогда никто меня не наказывалъ. Самымъ большимъ наказаніемъ для меня было, когда мать объявляла, что разсердится на меня и дѣйствительно сердилась нѣкоторое время. Теперь же ко мнѣ было примѣнено наказаніе, про которое я только слышалъ, что его примѣняютъ къ другимъ дѣтямъ. Было ясно, что причина такой перемѣны была все та же Дуся, потому что произошло это изъ нея.

Марика все-таки оставалась на моей сторонѣ. Нѣсколько разъ она осторожно открывала дверь, входила въ мою комнату и таинственнымъ шопотомъ сообщала о ходѣ дѣлъ въ томъ мѣрѣ, изъ котораго я былъ удаленъ.

— Папаша страсть какъ разсердился, — говорила она, — ходятъ по кабинету все одно какъ звѣрь въ клеткѣ...

Мысли мои понемногу приходили въ порядокъ и я думалъ о томъ, что отецъ еще можетъ сердиться, ему это не въ новинку. Онъ умѣлъ сердиться по нѣскольку дней. Но мама, мама... Она даже не обернулась ко мнѣ. Прежде она совсѣмъ не умѣла быть такой жестокой.

Но пришла опять Марика и сообщила мнѣ нѣкоторое утѣшеніе: мамаша ходила въ кабинетъ и просила папашу, чтобы простили... Такъ они сказали: ни за что. И просили ихъ, чтобы и они не ходили къ вамъ! просто бѣда, паньчекъ!

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жизнь всѣхъ странъ свѣта. Животныя Азіи.

Обширѣйшая страна свѣта — Азія заключаетъ въ себѣ всѣ климатическіе пояса, отъ жаркаго тропическаго до полярнаго; соотвѣтственно этому и животный міръ здѣсь безконечно разнообразенъ. Представленный на сѣверѣ — оленемъ, песцомъ, лемингомъ, бѣлымъ медвѣдемъ, россомахой, горностаемъ и сободемъ, въ средней лѣсной полосѣ — лисицей, куницей и бѣлкой, шкурки которой составляютъ важный предметъ торговли, въ степной — волкомъ, антилопой, въ гористой же якомъ и кашмирской козой (въ Тибетѣ); — въ южной части материка и на островахъ Азія изобилуетъ обезьянами (орангъ-утангъ, гиббонъ) и тиграми; здѣсь водится малайскій медвѣдь, губачъ и др., а также — слонъ и носорогъ.

На нашемъ рисункѣ на правой сторонѣ изображенъ двугорбый верблюдъ Бактрийской пустыни, котораго часто называютъ «кораблемъ пустыни»: онъ очень цѣненъ для народовъ Центральной Азіи, Тибета и Китая въ качествѣ выючнаго животнаго, дающаго въ то-же время хорошую шерсть и молоко. Обезьяна, сидящая на деревѣ — орангъ-утангъ; величиною онъ почти съ человѣка и встрѣчается въ юго-восточной Азіи, главнымъ образомъ, на островахъ Суматра и Борнео. Слѣва виденъ слонъ, котораго легко приспособить ко всякой работѣ. Неподалеку отъ него лежитъ зебу со своимъ теленкомъ, — порода священныхъ быковъ въ Индіи, отличающаяся порядочнымъ жировымъ горбомъ на спинѣ; у индусовъ зебу ходитъ и въ упряжкѣ и подъ сѣдломъ, но тѣ-же индусы считаютъ величайшимъ грѣхомъ убить это животное. Ниже, на суку, сидитъ павлинъ, съ своимъ роскошнымъ хвостомъ и гордымъ видомъ, — уроженецъ Индіи.

Слѣдующая сцена представляетъ буйвола направляющаго свои рога противъ королевскаго тигра Бенгаліи. Зачастую одинъ тигръ наводитъ ужасъ на цѣлую округу, нападая на домашній скотъ деревень и даже на человѣка, благодаря чему онъ и получилъ названія «тигра-людоѣда». Еще ниже представлена цѣлая группа антилопъ; множество породъ этого животнаго разбросаны по лицу всей Азіи.

Наконецъ, въ самомъ низу мы видимъ туземца Тибета, сидящаго на якѣ, своеобразномъ животномъ, которое свойственно исключительно Центральной Азіи. Само названіе якъ происходитъ отъ его отрывистаго мычанія, которое очень похоже на это слово; все тѣло яка покрыто очень

длинными, толстыми и густыми волосами, которые туземцы часто стригутъ и продаютъ въ качествѣ шерсти. Пушистые хвосты яковъ служатъ украшеніемъ туземныхъ чиновниковъ, рангъ которыхъ опредѣляется количествомъ хвостовъ. Китайцы окрашиваютъ ихъ въ красный цвѣтъ и носятъ ихъ въ качествѣ головного убора.

Только кошка.

Въ одной изъ узкихъ улицъ стараго города собралась небольшая толпа. Любопытствующіе окружили тачку двухъ подметальщиковъ улицъ. Что случилось? Въ мусоръ и лошадиномъ навозѣ, наполнявшемъ тачку, робко оглядывая окружающихъ, сидѣла маленькая сѣрая кошка. Мужчины въ синихъ блузахъ допрашивали бѣдно одѣтаго мальчика.

— Почему ты хочешь бросить кошку въ каналъ?

— Мой отецъ велѣлъ бросить ее, она надѣла ему.

— Такъ!— и потому бѣдное животное должно очутиться въ каналъ и погибнуть! Этого, вѣроятно, не

— Такъ пожалуйста,— извольте,— при этомъ добродушный рабочій снялъ кошку съ тачки.— Но, погодите, я долженъ на прощанье дать ей кое-что:— все еще держа въ рукахъ бѣдную кошечку, онъ вынулъ изъ ящика тачки свой завтракъ, открылъ карманный ножъ и отрѣзаль для нея кусокъ колбасы съ чеснокомъ. Маленькое существо заворчало, какъ-бы боясь лишиться жирнаго куска и принялось жадно уплетать его. Наконецъ, сіяя отъ радости, женщина взяла легкое, какъ перышко создание. Въмѣсто того, чтобы положить кошку въ кошелку, она спрятала ее подъ свой длинный воротникъ, изъ подъ котораго торчала только маленькая голова.

Что это такое?

сказаль твой отецъ. Видишь, твой отецъ добръе тебя; отправляйся домой—передай твоему отцу, чтобы онъ не забрасываль кошекъ большими, а ужъ если ему необходимо, пусть дѣлаеть это тогда, когда они еще слѣпы. Теперь иди.

При этомъ мальчику дали подзатыльника, и онъ рыдая убѣжалъ. Изъ толпы выступила бѣдная женщина и обратилась къ допрашивавшему подметальщику:

— Вы хотите взять кошку съ собой?

— Что же съ ней дѣлать-то!—отвѣтилъ онъ.— Я знаю, моя жена будетъ этимъ недовольна, но бѣдное животное не должно же погибнуть.

— Я охотно взяла-бы ее,—покраснѣвъ, робко проговорила женщина.

— Смотрите же за ней хорошенько—крикнулъ старый рабочій съ сѣдой бородой велѣвъ быстро уходящей женщинѣ. Такимъ образомъ, швея приобрѣла кошку. Бѣдная швея, она жила за городомъ на дачѣ, во дворѣ. Много лѣтъ тому назадъ умеръ ея мужъ, а зимой умеръ Ваня, красивый мальчикъ, со свѣтлыми локонами. Будучи одинокой, она часто роняла слезы на холстѣ, изъ котораго шила бѣлье для заказчиковъ. Ей давно уже хотѣлось взять себѣ кошечку, но покойный мужъ предостерегалъ ее: «кошку погубять ей многочисленныя враги. Для пныхъ дачниковъ составляетъ удовольствіе убивать воробьевъ и кошекъ. Пришлось-бы держать ее взаперти; такъ ужъ лучше вовсе не имѣть ее». Теперь у швеи была кошка. Она хотѣла провѣрить, впрямь-ли люди такъ плохи? Никто

не зная, сколько въ этомъ маленькомъ и слабомъ чловѣкѣ скрывалось нѣжнаго чувства...

Сначала швеѣ немного было радости отъ ея питомца. Она сразу замѣтила, что ея тощая кошечка, темносѣрая съ выпуклыми глазами,—некрасива и къ тому же нечистоплотна. Последнее обстоятельство, впрочемъ, не удивляло ее, потому что она знала происхожденіе кошечки. Помимо всего этого кошечка проявляла еще и дурныя наклонности. Она не только ворчала, когда швея приносила ей пищу, но даже выплевывала ее: совсѣмъ какъ маленькій ребенокъ. Конечно, все это было не хорошо, но швея размышляла такъ: «съ ней должно быть плохо обращались, не любили ее, поэтому она такъ озлоблена противъ всѣхъ; но это измѣнится». И въ самомъ дѣлѣ, она сумѣла приобрести благорасположеніе кошечки. Она давала ей для забавы клубокъ нитокъ и разогрѣвала маленькому звѣрьку молоко. Она часто брала бѣдненькое животное къ себѣ на колѣни и осторожно расчесывала старымъ гребнемъ ея еще рѣдкую шерсть. Сначала киска это какъ будто и не нравилось. Но потомъ, когда она замѣтила, какъ это ей полезно, она перестала сопротивляться и даже лизала руку своей хозяйки. Всѣ въ предмѣстьи удивлялись, какъ въ какіе-нибудь полгода, прежде взѣрошенная кошечка покрылась густой, черной и какъ шелкъ блестящей шерстью. Она совершенно перестала плевать, какъ это дѣлала раньше, и вмѣсто этого часто лизала руку своей хозяйки; а ворчанье у нея смѣнилось добродушнымъ мурлыканьемъ. Жизнь швеи тоже измѣнилась. Правда, это была только кошка, но все же одинокая женщина чувствовала около себя живое существо. Это была только кошка, но у швеи было уже съ кѣмъ бесѣдовать: конечно, кошечка отвѣчала ей на своемъ языкѣ. Какъ хорошо было въ комнатѣ, когда киска садилась на рабочій столъ или подоконникъ и забавлялась клубкомъ, въ то время какъ на дворѣ завывалъ вѣтеръ и кружилъ снѣжныя хлопья. Конечно, швея часто еще вспоминала объ умершемъ мужѣ и о сынѣ, но при этомъ она уже не такъ долго плакала. Она часто громко смѣялась надъ тѣмъ, какъ кувырталась кошка или какъ смѣшно она ловила мухъ, которыя хотѣли остаться до весны въ теплой комнатѣ. Какъ привязалась кошечка къ своей хозяйкѣ! Какъ только она выйдетъ изъ дома, кошечка сейчасъ бѣжитъ за нею. Весной киска обыкновенно лежала въ саду; въ кустахъ; когда же въ садъ приходила хозяйка, преданный звѣрекъ мгновенно вставалъ и слѣдовалъ за ней. Конечно, не было ничего удивительнаго въ томъ, что дѣти кучера, жившаго въ томъ же дворѣ, какъ то сказали швеѣ: «вотъ бѣжитъ вашъ

вѣрный песъ». Разумѣется, кошка не далеко бѣжала за своей хозяйкой, обыкновенно до угла. Здѣсь она останавливалась и жалобно мяукала вслѣдъ уходившей женщинѣ. А когда швея возвращалась домой, то заставляла кошку лежащей у двери на соломенномъ коврикѣ.

Но все проходить. Увы, наступаетъ моментъ, когда всякій союзъ, будь онъ между людьми, или между чловѣкомъ и животнымъ—долженъ быть расторгнутъ!

Наканунѣ Троицы кошка ушла и не возвратилась. Послѣ исчезновенія кошечки, на слѣдующій день швея была у всѣхъ сосѣдей и спрашивала о кошечкѣ. Она бѣгала по саду, по улицѣ, искала, звала ее—никакого отвѣта. Послѣ тщетныхъ поисковъ она вернулась въ свою комнату, въ ея глазахъ были слезы. Здѣсь стояла кошечкина корзинка, въ которой она спала.

— Вернется ли она? Можетъ быть она уже погибла?

Наконецъ, на шестой день, жившая по сосѣдству молодая дѣвушка принесла въ своемъ передникѣ кошку. Увидавъ ее, хозяйка сначала очень обрадовалась, но, взглянувъ на исхудалую грязную кошку, она вскрикнула:

— Что вы сдѣлали съ бѣднымъ животнымъ?

Когда швея вынула киску изъ передника и поставила на полъ, она замѣтила, что задняя нога кошки ранена, а хвостъ изрѣзанъ. Кошка еле ходила. Дѣвушка рассказала: «Кошка попала въ ловушку, которой ей защемило хвостъ. Мой отецъ недавно нанялъ ее подъ заборомъ сада госпожи Штейнъ. Кошка лежала на улицѣ, задняя же, которую она никакъ не могла протащить черезъ заборъ, находилась еще въ саду».

— Въ саду госпожи Штейнъ?—прервала ее швея. Госпожа Штейнъ, богатая дама, жившая напротивъ, въ роскошномъ особнякѣ, была лучшей заказчицей бѣдной швеи.

— Ахъ, мой отецъ былъ внѣ себя! онъ сказалъ: если бы кошка принадлежала ему, онъ не знаетъ что сдѣлалъ-бы съ этой госпожей. Подумайте только, когда онъ освободилъ кошку изъ ловушки, она волокомъ протащила до середины улицы, гдѣ стояла дождевая вода и съ жадностью локала изъ нея грязную воду; такъ хотѣлось ей пить.

Дѣвушка ушла. Чтобы осмотрѣть рану, швея осторожно взяла къ себѣ на колѣни стонущее животное. Она ужаснулась. Ловушка при захлопываніи пробила въ хвостъ дыру толпиною въ палець. Рана была чернаго цвѣта и полна червяками.

— Господи, помилуй! — воскликнула женщина,—

моя бѣдная, бѣдная кошечка! Она погладила дрожащую кошку, но та не приласкалась къ ней, какъ дѣлала это раньше.

Сколько вытерпѣла кошка! Пять дней въ западнѣ безъ пищи, безъ воды, подѣ знойными солнечными лучами, во власти больно кусающихся назойливыхъ мухъ.

Къ тому же въ послѣдніе дни лили сильные проливные дожди; но они то какъ разъ и способствовали освобожденію измученнаго животнаго. Благодаря имъ, почва настолько размякла, что кошка, попавшая въ западню, могла вытащить ее изъ земли и кое-какъ протаскаться съ ней до забора.

Швея предложила ей молока, даже мяса, но кошка ничего не тронула. Она положила лишь немного воды. Швея не знала, что дѣлать. Она одѣлась, положила все еще дрожащее животное въ корзиночку, предвзительно постеливъ ей нѣсколько мягкихъ платковъ, и понесла ее въ ветеринарную лечебницу. Сильно билось у нея сердце, когда она стояла передъ большимъ домомъ, въ которомъ лѣчили звѣрей. Вылѣчатъ ли здѣсь ея бѣдную кошечку?

Спустя нѣкоторое время она вышла съ пустой корзинкой въ рукахъ и вытирала заплаканные глаза.

— Спасенія нѣтъ, — сказали ей тамъ; — у нея уже сдѣлалась гангрена. Тогда она попросила какъ можно скорѣе и безъ боли умертвить кошечку.

Когда швея возвратилась въ свою бѣдную комнату, въ которой она отнынѣ опять обречена была на одиночество, глаза ея наполнились слезами. Она опустилась на скамейку около стола и обѣими руками закрыла лицо. Передъ вечеромъ она вышла изъ дома, пошла къ сосѣду, нашедшему ея кошечку, поблагодарила его и попросила у него западню. Съ ней она направилась въ участокъ.

— А вотъ и западня! — воскликнулъ городовой. Отъ него она узнала, что госпожа Штейнъ заявила сегодня полиціи о томъ, что у нея украли западню, которую она третьяго дня поставила въ своемъ саду для поимки кротовъ. Это была неправда и швея рассказала, какъ было дѣло. Но городовой пожалъ плечами и возразилъ:

— Тутъ рѣшительно ничего нельзя подѣлать. Само собой понятно, что со стороны госпожи Штейнъ очень жестоко, что она такъ долго не посмотрѣла въ западню. Но, скажите, почему никто не слышалъ криковъ кошки?

— Насколько мнѣ извѣстно, — возразила швея, — госпожа Штейнъ на Троицу намѣревалась уѣхать, а ея прислуга по всей вѣроятности не заглядывала въ садъ. Возвратясь домой, швея взяла перо и напи-

сала письмо. Потомъ позвала старшаго сына къ себѣ и просила его снести это письмо къ госпожѣ Штейнъ; письмо было слѣдующаго содержанія:

Милостивая Государыня!

Я не могу больше работать у васъ послѣ того, какъ моя кошка погибла по вашей винѣ. Я знаю, что пишу, но Господь поможетъ мнѣ и дальше. Вы, конечно, думаете, что вы въ правѣ разставлять ловушки въ своемъ саду. Но кто такъ думаетъ и дѣлаетъ это, тотъ долженъ вовремя смотрѣть, не попалось ли въ западню животное, а не дѣлать это лишь черезъ пять дней. Это была только кошка, но съ ней вы взяли у меня самое дорогое въ мірѣ, единственное живое существо, которое дѣлило со мной мою бѣдность и было ко мнѣ привязано».

ШАРАДА.

Вс. Попова.

Начало—буква или звукъ,

Второе—будетъ восклицанье,

Въ предлогахъ *третье* возьмемъ,

Послѣднее—въ мѣстоимѣніяхъ поимемъ,

Когда же цѣлое отыщемъ,

Имъ женщину или городъ назовемъ.

Анаграмма.

Вс. Попова.

Я знаменитая во Франціи рѣка,

При этомъ широка и очень глубока,

А буквы вы во мнѣ *перемѣшайте*

И снова прочитайте—

Жилищемъ теменькимъ явлюсь я для сурковъ.

Для крысъ, мышей, рысей, кротовъ.

Разгадка шарады, помѣщенной въ № 6—град(ъ)—ус(ъ).

„ анаграммы „ „ —котъ—токъ.

Вѣрныя рѣшенія шарады, помѣщенной въ № 4 прислали: Ученикъ Протопоповъ, Соломонъ Марголинъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СОДЕРЖАНІЕ: Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодинъ.—Жизнь всѣхъ странъ свѣта. Азія.—Только кошка.—Шарада.—Анаграмма.—Разгадка шарады и анаграммы.—Присланные вѣрныя рѣшенія шарады въ № 4.—Объявленія.

Редакторъ *А. П. Хесторъ.*

Предс. Администраціи *Д. Ж. Бородихъ.*

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ уважаемыхъ г.г. подписчиковъ при высылкѣ въ Контору **доплатныхъ взносовъ** подписной суммы **обязательно** упоминать, что деньги **высылаются** въ счетъ подписки **за получаемый журналъ**, во избѣжаніе зачисленія вторыхъ и т. д. взносовъ въ счетъ новой подписки и неизбѣжной въ такихъ случаяхъ проволоочки въ непрерывномъ полученіи журнала.

РУССКАЯ ПОЧТОВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

МОДНЫХЪ МАНУФАКТУРНЫХЪ ТОВАРОВЪ

Фирмы ЛЬВА РУБАШКИНА въ ЛОДЗИ предлагаетъ:

Готовое платье собственного производства и отрѣзы.

Отдѣлъ I для дамъ.

За 14 руб. Готовы роскошные зимніе, осенніе, весенніе: „Сакъ-жакетъ“ („Гейша“) съ рукавами, послѣднее слово моды, изъ новѣйшаго пушистаго моднаго драпа съ сѣдиной, съ красивою клѣтчатою подкладкою со стоячими или отложными воротниками, убранные богатою аппликаціею, шитые по послѣдней парижской модѣ.

За 20 руб. Также-же „Сакъ-жакетъ“ („Гейша“) съ рукавами изъ новѣйшаго драпа англійскаго вкуса темно-сѣраго цвѣта, съ сѣдинами могеровой шерсти, производящими своей шелковитостью серебристый отливъ.

За 11 руб. Готовую роскошную зимнюю или весеннюю пелерину (накидку „Гейшу“) изъ новѣйшаго пушистаго моднаго драпа съ сѣдиной, цвѣтовъ: черныя, маренго, свѣтло-сѣрый, бордо, шоколадный, синій и фрезъ, съ красивою клѣтчатою подкладкою, со стоячими или съ отложн. воротниками.

За 12 руб. Такая-же пелерина и тѣхъ-же цвѣтовъ, но убранныя богатою аппликаціею.

За 18 руб. Также-же пелерины изъ новѣйшаго драпа, англійскаго вкуса, темно-сѣраго цвѣта, съ крупными сѣдинами искрами могеровой шерсти.

За 16 руб. Также-же пелерину изъ драпа наивысшаго сорта только темно-сѣраго цвѣта съ сѣдинами шелковистой могеровой шерсти, производящихъ серебристый отливъ.

При заказѣ саковъ, слѣдуетъ обозначить въ сантиметрахъ или верш. слѣд. мѣры: длину сака, длину рукавовъ, ширину и длину плечъ, объемъ груди. Пелеринъ: длину и ширину въ плечахъ. Пелеринъ изготовляются, согласно указываемой въ заказѣхъ длины и ширины въ плечахъ.

За 3 руб. 75 к. готовые элегант. ниж. юбки изъ шерстян. мат. рин „морс“ съ воланами, украшен. затѣйлив. узорами изъ ленточекъ рави, цвѣтовъ, какъ-то: черн., темн. и свѣтло-синій, темн. и свѣтло-зеленый, бордо, малин., фрезъ, коричн., шоколадн., лиловый и т. п.

Прим.: Юбки изготовлены согласно указ. въ зак. длины и ширины въ бедрахъ.

Нарядные и въ высш. степени элегант. дамскія блузы (не шитыя) съ изящными шелковыми многоцвѣтными ажурными прошивками на воротникѣ, передѣ и рукавахъ, по послѣднему парижскому фасону, въ всѣхъ цвѣтахъ (до 100 цвѣтовъ и оттѣнковъ) по крайне доступнымъ фабричнымъ цѣнамъ.

Бархатныя	по 4 р. 50 к.	Шелковыя	по 7 р. — к.
Суконныя	„ 4 „ 50 „	Батистовыя	„ 3 „ 50 „
Альпаговыя	„ 4 „ — „	Сатиновыя	„ 4 „ 50 „
Шерстяныя	„ 4 „ 50 „		

Каждая блуза уложена въ изящн. коробкѣ и приложена модель для фасона. Материалъ рассчитанъ на самый большой размѣръ. При требованіи слѣдуетъ обозначить желаемый цвѣтъ матеріи.

Прим.: Предлагаемая блузы вырабатывались до сихъ поръ исключительно заграницей и по своей цѣнѣ не были доступны большинству публики.

За 5 р. 25 к. Большой пуховый чисто-шерстяной мягкой зимній платокъ съ изящной каймой и богатой самородной (не пришивной) бахромой, фонъ можетъ быть гладкій въ полоскахъ и въ клѣткахъ до 100 цвѣтовъ и оттѣнковъ.

За 5 руб. 8 арш. дамской шерстяной матеріи „Гомсонъ“ съ сѣдиной, практичной для модныхъ элегантныхъ дамскихъ костюмовъ, цвѣтовъ: маренго, чернаго, кубоваго, коричневаго, свѣтло-синяго, бордо и зеленаго. Тотъ-же товаръ въ отрѣзахъ по 5 арш. для юбки — 3 р. 10 к.

За 3 руб. 40 коп. 8 арш. матеріи, тканой изящными шелковыми узорами (ткань значитъ улучшена), цвѣта: бордо съ чернымъ, синій съ чернымъ, зеленый съ чернымъ, голубой съ золотымъ, черныя съ золотымъ, стальная, несочный, розовый, голубой и кремовый, за отрѣзъ для платья д. дамскаго платья.

За 4 руб. 80 коп. 8 арш. „Могеръ“ черныя съ блестящ. шелков. узорами; за 5 арш. на юбку — 3 руб.

За 5 руб. 40 коп. отрѣзъ для платья дамскаго платья 8 арш., новѣйшаа гладкая и весьма практичная ткань „Сатинъ-шевиотъ“, тканая изъ чистой шерсти „Шевиотъ“ безъ примѣси; цвѣта: черныя, темно-синія, бордо, коричневаго, стальная, оливоваго, несочный и цвѣтъ башни Эйфеля — за отрѣзъ для юбки въ 5 арш. — 3 руб. 50 коп.

За 5 руб. 50 коп. Отрѣзъ въ 8 арш. всѣмъ извѣст. своею элегант. и практ. матеріи „альпага“, отл. своимъ шелк. блескомъ цвѣтовъ: черныя, синія, сѣрыя и несочныя для изящн. дамскаго лѣтняго костюма. Отрѣзъ въ 5 арш. для юбки 3 р. 75 к.

За высланный товаръ фирма удостоена многими благодарностями.

Требованія прошу адресовать:

◆ **ЛЬВУ РУБАШКИНУ, ЛОДЗЬ** ◆

Прошу убѣдиться, что мое предложеніе — не пустая реклама.
110. P. S. —

Готовое платье собственного производства и отрѣзы.

Отдѣлъ II для мужчинъ.

За 12 р. Готовый, элегантный и солидный мужской поджачный костюмъ (одно-бортный или двухъ-бортный), сшитый изъ практичнаго и прочнаго „Трико-Шевиотъ“, цвѣта: черныя, темно-синія, коричневаго и оливоваго или изъ трико англійскаго вкуса, цвѣтовъ: черныя съ бѣлыми искрами, коричневаго съ бѣлыми искрами, за весь костюмъ, т. е. пиджакъ, брюки и жилетъ.

За 16 р. Готовый мужской костюмъ высшей сорты, сшитый изъ весьма прочнаго „Трико-шевиотъ“ чистой шерсти безъ примѣси, цвѣта: черныя, черно-синія, коричневаго и оливоваго, за весь костюмъ.

За 20 р. Готовый мужской костюмъ, сшитый изъ трико гребеной шерсти, черно-сѣраваго цвѣта, за весь костюмъ.

За 18 р. Готовое осеннее или зимнее мужское пальто, сшитое изъ драпа, цвѣта: черныя, черно-синія или черно-сѣраваго, съ подкладкой шерстяного атласа чернаго цвѣта на шерстяной ватѣ (воротникъ бархатный).

За 32 р. Такое-же самое пальто, но изъ драпа высшаго сорта съ подкладкой шерстяного плюша.

При заказѣ мужского пальто: прошу обозначить слѣдующія мѣры: объемъ въ груди, ширину плечъ, длину рукава и желательную длину всего пальто: костюма; для фигуры обыкновеннаго сложения: объемъ въ груди, длину рукава, длину брюкъ и длину въ шагъ. Для фигуры необыкновеннаго сложения, — болѣе подробную мѣру.

„Шевиотъ Меланжъ“: послѣдняя новостъ, гладкая и весьма практичная ткань, тканая съ бѣлыми, чуть видными, искрами, производящими на матеріи сѣраваго отливъ, за отрѣзъ въ 4¹/₂ арш. для платья костюма 8 руб., въ 2 арш. 2 верш. для пиджака и жилета 4 руб.

За 6 руб. отрѣзъ въ 4¹/₂ аршина очень практичной, легкой и чисто шерстяной матеріи „Трико-шевиотъ“ прима, цвѣтовъ: черныя, черно-синія, коричневаго, оливоваго. Эти-же цвѣта съ бѣлыми крапинками для солидн. костюма. За отрѣзъ той-же матеріи для пиджака или брюкъ и жилета въ 2 арш. 2 верш. 3 руб.

По 1 руб. 15 коп. „Ученическое сукно“ цвѣта: черныя, маренго, темно-сѣрыя и свѣтло-сѣрыя.

Драпъ для зимнихъ пальто, цвѣтовъ: черныя, черно-синія, оливоваго, коричн. и черн.-маренго по 2 р. 25 к. за арш. Лучш. сорта по 3 р. 40 к. за арш. Наивысше-же сорта по 4 р. 60 к. за арш. Всѣ означенныя матеріи въ отрѣзѣ для мужч. имѣютъ шир. около 2-хъ арш.

Отдѣлъ III (для бѣлья).

За 4 р. 50 к. „Русское полотно“: настоящее полотно, тканое изъ такихъ нитокъ, что каждая нитка въ отдѣльности особо прочна и, въ общемъ, получается такая прочность ткани, что трудно повредить безъ употреби. пожимки. Превосходи въ употреби. и чисто-льняное полотно, настоящее полотно годно, какъ для мужскаго, такъ и для дамскаго бѣлья. Ширина около 20 верш.; кусокъ 25 арш. длины.

За 5 р. „Мадаполама“: специальная ткань для всевозможн. дамск. бѣлья, наволокъ, кофточекъ, передниковъ и т. п. Отличаются своей необыкновенн. тонкостью, бѣлизною и практичностью Кус. 25 арш.

За 6 р. 25 к. Настоящій жирардовскій „Тирольскій холстъ“ для мужскаго и дамскаго бѣлья, кусокъ въ 24 аршина длины и около 20 верш. ширины, отличающийся тонкостью, элегантностью и искусной выдѣлкой, и лучше котораго въ продажѣ нѣтъ.

За 5 р. Бѣлая ткань въ зигагахъ, отличающаяся своей особенной прочностью, специальная ткань для мужскихъ кальсоновъ, шириною около 18 вершковъ, за кусокъ 24 аршина длины.

За 6 р. Простыни, съ красн. или син. каймами, шир. около 2 арш., дл. около 3 арш., 6 простынь.

Батистовыя бѣлыя платки за 3 дож. 3 р. 60 к. за одну дож. 1 р. 20 к. (при зак. одного изъ вышеозн. предм., ибо одна дож. отд. не выс.). Полотенца бѣлыя, тканья узорами, длина полоттенца 2 арш., ширина 12 верш. — за дожину 5 руб.

Салфетки ³/₄ стол., бѣл., ткан. узорами за дож. 2 р. 25 к. Кофейныя ¹/₂ съ бахромою, за дож. 1 р. 50 к.

Скатерти стол. бѣл., ³/₄ ткан. узорами, за шт. 1 р. 50 к.

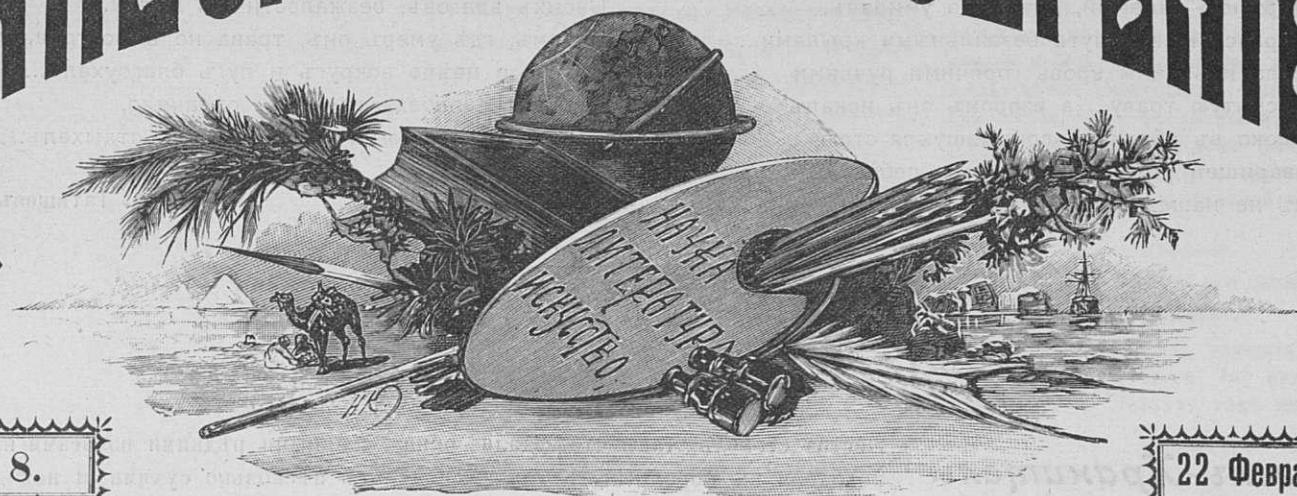
За 5 р. 50 к. Пара большихъ зимнихъ теплыхъ одеялъ, тканыхъ изящн. узорами, равн. цвѣтовъ.

За 3 р. 50 к. Синельно-плюшевая скатерть съ красивыми узорами очень удобная для гостинныхъ.

Заказы исполняются немедленно, аккуратно и безъ всякаго задатка.

Упаковка и пересылка по почтѣ за счетъ фирмы; наложеннымъ платежомъ на 2 коп. съ každого рубля дороже (почт. такса). Въ Западн. Сибирь и Туркестанскій край присчитывается 5%, въ Восточную Сибирь — 15%.

ЖИВОПИСНОЕ БЕОЗРЪКІЕ

№ 8.

22 Февраля.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ.

1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапекко*.

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается разсрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка nonpareil — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редакція Журнала: С.-Петербургъ, Невскій, 90. Отдѣленіе, Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Можаровскаго. Редакція Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

Звѣзда моря. Съ карт. Демонть-Бретона.

Стрѣлю раненый, онъ тихо умиралъ,
Стараясь шевельнуть безсильными крылами...
Текла изъ раны кровь горячими ручьями
На смятую траву... а взоромъ онъ искалъ
Высоко въ облакахъ сокрывшуюся стаю
Товарищей родныхъ, могучихъ лебедей...
Онъ не нашель ея и умеръ проклиная

Своихъ враговъ, безжалостныхъ людей.
А тамъ, гдѣ умеръ онъ, трава не выростала,
Хоть все цвѣло вокругъ и лугъ благоухаль...
Проклятѣ лебедя то мѣсто охраняло,
Что бъ взоръ людской на немъ не отдыхаль.

А. Татищевъ.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ

(Продолженіе).

VI

Квартира Варвары Семеновны Буракиной помѣщалась въ одной изъ линий Васильевского острова неподалеку отъ набережной въ собственномъ двухэтажномъ особнякѣ.

Весь домъ былъ занятъ самой Буракиной и необходимыми службами. Обстановка огромной квартиры, заключающей въ себѣ больше двухъ десятковъ комнатъ, обнаруживала и богатство и хороший вкусъ хозяйки. Здѣсь не было ничего яркаго, вульгарнаго, чѣмъ наполненъ былъ этотъ домъ во времена самого Буракина, когда еще не вошла сюда Варвара Семеновна, а наполняли его многочисленные родственники стараго ветхозавѣтнаго промышленника. Тогда здѣсь преобладали первобытныя удобства, рассчитанныя на то, чтобы было тепло, какъ въ банѣ, мягко, какъ на перинѣ, всюду были устроены теплыя лежанки, разставлены старомодныя глубокия кресла и диваны, все углы были завѣшены иконами въ тяжелыхъ драгоценныхъ ризахъ, въ праздники зажигались передъ ними лампы. Въ домѣ пахло деревяннымъ масломъ, воздухъ былъ спертъ, потому что все боялись простуды и рѣдко открывали форточку.

Самыя окна въ этомъ домѣ свидѣтельствовали о томъ, что они были вмѣстѣ съ домомъ давно построены и при томъ на невзыскательный вкусъ владѣльцевъ. Рамы состояли изъ мно-

жества стеколъ, такъ что издали окна походили на тюремныя. Когда же полновластной хозяйкой вошла сюда Варвара Семеновна, все подверглось переделкѣ: въ окнахъ выросли зеркальныя стекла, внутри появились изящныя обои, выписанные изъ Англій, каждая комната была отдѣлана въ особомъ стилѣ, во всемъ были видны гармонія, изящныя линии, нѣжныя полутона.

И внутренній порядокъ жизни тоже измѣнился. Мигомъ, какъ по шучьему велѣнью, выселились изъ этого дома дальніе родственники, разогнали старосвѣтскую неряшливую лѣнливую прислугу, появились прилично одѣтыя горничныя, ливрейный лакей и швейцарь. Безформенныя колымаги, въ которыхъ до этого времени ѣздилъ старикъ Буракинъ, превратились въ изящныя экипажи,—словомъ, стали жить въ этомъ домѣ со вкусомъ, по послѣдней модѣ.

Обширная комната, въ которую безъ особаго доклада вошелъ Акимъ Акимовичъ Вавилоновъ, представляла собой нѣчто среднее между заломъ и гостиной. Здѣсь Варвара Семеновна принимала по дѣламъ, но только болѣе приближенныхъ изъ своихъ служащихъ. Акимъ Акимовичъ Вавилоновъ служилъ еще при покойномъ Буракинѣ и пользовался безусловнымъ довѣріемъ его. По смерти Буракина онъ сумѣлъ своей дѣйствительно вѣрной службой, оставить за собой и довѣріе молодой вдовы, сдѣлавшейся полновластной распорядительницей всего огромнаго Буракинскаго дѣла.

Это былъ высокій худощавый мужчина съ аккуратными сѣдыми баками, съ тщательно причесанными и пригла-

женными рѣдкими волосами на головѣ, съ нѣсколькими сухими и неподвижными чертами лица, съ осторожностью во взглядѣ, какъ у человѣка, привыкшаго присматриваться и прислушиваться, и примѣняться къ обстоятельствамъ. На немъ былъ длинный черный сюртукъ, далеко уже не первой свѣжести, но вполне исправный. Сразу было видно, что этотъ сюртукъ не былъ парадной одеждой, а носился всегда и при всехъ случаяхъ. Вмѣстѣ съ нимъ вошла въ комнату горничная.

— Нельзя-ли доложить?—съ озабоченнымъ видомъ обратился онъ къ горничной.—Мнѣ къ спѣху.

— Не смѣю-съ...—почтительно отвѣтила горничная.—Сами знаете, однѣ только Олимпіада Фаддѣвна могутъ, а ихъ нѣту... Онъ съ утра посланы...

— Ну, что-жъ дѣлать, подожду... Мнѣ непременно надо видѣть... Ты ступай, я посижу здѣсь... Ахъ, да, нѣтъ ли какой нибудь газеты, что-ли? А, ну, вотъ нашель, ступай себѣ.

Онъ дѣйствительно отыскалъ на столѣ газету, взявъ ее, усѣлся и началъ просматривать хронику. Горничная вышла, но не прошло и двухъ минутъ, какъ въ ту же дверь, куда вышла горничная, вошла Олимпіада Фаддѣвна. Вавилоновъ поднялъ голову и съ большимъ любопытствомъ осмотрѣлъ ея нарядное, шуршавшее шелкомъ платье. Позади ея вошла и остановилась въ дверяхъ горничная и сказала:—тутъ Акимъ Акимовичъ дожидается, чтобы доложить.

— Ладно, ступай...—сказала ей Олимпіада Фаддѣвна и, когда горничная скрылась, затворивъ за собою дверь, она обратилась къ Вавилонову:—Доложимъ, Акимъ Акимовичъ, доложимъ, здравствуй

те...—она протянула ему руку. Акимъ Акимычъ привсталъ и поздоровался съ ней. — Доложить-то можно... Только не знаю, будетъ-ли успѣхъ,—прибавила Олимпіада Фаддѣвна.

— Да вѣдъ я не посвоимъ дѣламъ... сказала Вавилоновъ.

— А хотя бы и не по своимъ... Не тѣмъ заняты, Акимъ Акимычъ... Окончательно не тѣмъ...

— Вотъ какъ! А чѣмъ же это?

Олимпіада Фаддѣвна, прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, приняла надлежащія мѣры. Она подошла къ одной двери, потомъ къ другой и къ третьей, раздвинула портьеры и убѣдилась, что двери основательно притворены. Тогда она подошла къ Вавилонову и, сильно понизивъ голосъ, заговорила.

— Вамъ, Акимъ Акимовичъ, скажу, потому вы человѣкъ твердый, а при томъ, можетъ, еще и мнѣ совѣтъ дадите... Въ меланхоліи находятся!

Вавилоновъ вопросительно поднялъ брови: — Въ меланхоліи? Съ чего это?

— Такъ. Жизнь, значить, имъ не удовлетворительна показывается.

Олимпіада Фаддѣвна взяла стулъ, придвинула его поближе къ Вавилонову и, расправивъ свою шелковую юбку, присѣла.

— Ей-то?—сказалъ Вавилоновъ, покачавъ головой:—при ея средствахъ, при свободѣ? А что же намъ тогда?

— Намъ, Акимъ Акимычъ, который уголокъ при рожденіи назначенъ, такъ того мы и должны держаться, и ужъ дальше нини! А имъ, которые избранныки, вся вселенная предоставлена, да и той оказывается мало. Примѣрно вотъ вы: черезъ ваши руки, Акимъ Акимычъ, всѣ какъ есть дѣла проходятъ. Можетъ, не на одинъ и не на два милліона... И безъ вашего вѣрнаго глаза, будемъ такъ ужъ прямо говорить, Варвару Семеновну, можетъ, давно уже до самой до ниточки обобрали бы. Сами видѣли, сколько охотниковъ на это находилось... Варвара Семеновна женщина молодая, красивая, сочная и со вкусомъ... Шутка сказать:—на моихъ глазахъ уже четыре владѣтельныхъ принца перемѣнилось и каждый въ дѣлахъ вродѣ хозяина былъ. Вѣдъ помните, Акимъ Акимовичъ... А особенно отставной гвардіи капитанъ Бамбуковъ, который раньше Алексѣя Ивановича Жигулева состоялъ... Такъ тотъ, ежели бы не ваша сдержка, Акимъ Акимычъ, въ одинъ годъ Бу-

ракинскій домъ въ трубу пустилъ бы. Развѣ я не правду говорю? И за такое сбереженіе вамъ всего четыре тысячи платится, да тамъ еще квартира не Богъ знаетъ какая. Развѣ это справедливо? Или, напримѣръ, я: мой мужъ былъ коллежскій совѣтникъ, кажется—звание почтенное. Не умри онъ, можетъ, я теперь дѣйствительной статской совѣтницей была бы, выходить—ваше превосходительство. А вмѣсто того на посылкахъ состою. Да иной разъ по такимъ дѣламъ, что вслухъ порядочному человѣку и высказать нельзя. А платится мнѣ за это, какъ вамъ очень хорошо извѣстно, тридцать пять цѣлковыхъ въ мѣсяць и, хотя бы я отъ усердія пополамъ разорвалась, все будетъ тридцать пять, не больше, потому такой штатъ по моей должности полагается.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Надъ тихой водой.

Клубятся туманы прозрачные
Надъ сонною ширью рѣки,
Свиваются въ призраки блѣдные,
И слышатся вздохи неясные,
Какъ шорохилистьевъ—чуть слышные,

Надъ тихой водой.

И небо съ холодными звѣздами
Глядится въ зеркальную глубь,
И слышитъ тѣ вздохи неясные,
И видитъ тѣ призраки блѣдные

Надъ тихой водой.

И мѣсяцъ стыдливый таинственно
Лучи серебристыми нитями
До самой рѣки протянулъ—
И легкою сѣтью серебряной
Окуталь туманы прозрачные

Надъ тихой водой.

Николай Рябовъ.

Весенняя картинка.

Альфонса Додэ.

Поле. Шестъ часовъ вечера.—Солнце заходитъ.—Голубой мотылекъ и молодой муравей, разговариваютъ, сидя на листѣ папоротника. Они познакомились поутру и провели весь день вмѣстѣ. Такъ какъ уже поздно, то муравей дѣлаетъ видъ, будто хочетъ распрощаться.

Мотылекъ.

Какъ? ты ужъ уходишь?

Муравей.

Что дѣлать! я долженъ вернуться домой. Уже такъ поздно!

Мотылекъ.

Подожди немного,—что за спѣшка! Никогда не бываетъ слишкомъ поздно... вернуться домой. Я, напримѣръ, всегда скучаю дома,—а ты? Какъ глупо выглядятъ двери, стѣны, окна, когда ты на волѣ, когда вокругъ тебя солнце, роса, цвѣты полевого мака, и столько разныхъ прелестей! Скажи откровенно, неужели полевой макъ тебѣ не по вкусу?

Муравей.

Увы, другъ мой, я его обожаю.

Мотылекъ.

Въ такомъ случаѣ, глупышъ, не уходи еще. Побудь со мною. Ты видишь, какъ хорошо здѣсь! Воздухъ такъ мягокъ.

Муравей.

Да, но...

Мотылекъ (толкая его въ траву).

Поваляйся въ травѣ, она наша.

Муравей (барахтаясь)

Нѣтъ, оставьте меня! Мнѣ, право же, надо уйти.

Мотылекъ.

Тине! Слышишь?

Муравей (испуганно)

Что такое?

Мотылекъ.

Какъ распѣлась маленькая перепелка! Она, должно быть уже захмѣлѣла... Прелестная пѣсня—для такого чуднаго лѣтняго вечера! и какъ хорошо слышно отсюда!

Муравей.

Конечно, но...

Мотылекъ.

Молчи.

Муравей.

Ну, что еще?

Мотылекъ.

Вотъ—люди!..

(Проходятъ крестьяне).

Муравей (шепотомъ, помолчавъ немного).

Люди очень злы не правда-ли?

Мотылекъ,

Очень злы...

Муравей.

Я всегда опасаясь, что одинъ изъ нихъ наступитъ на меня—и раздавитъ. У нихъ такія большія ноги, а я—такъ хрупокъ! Вы тоже небольшого роста, но у васъ есть крылья. Съ ними я не побоялся-бы и слона.

Мотылекъ.

Ну, что-же, братецъ,—если эти увальни-мужики такъ напугали тебя, полѣзай ко мнѣ на спину. У меня-то спина прочная. Мои крылья—не изъ луковичной шелухи, какъ у стрекозъ. Я могу снести тебя, куда хочешь и никогда не устану.

Муравей.

Ахъ, нѣтъ! благодарю васъ... Я никогда не поемъю...

Мотылекъ.

Неужели такъ трудно взобраться на меня?

З и м о и. Съ карт. Сиднея Лика.

Муравей.
Нѣтъ! но...

Мотылекъ.
Такъ полѣзай-же скорѣе, мямля!

Муравей.
Вы, конечно, доставите меня обратно домой? Иначе вы понимаете...

Мотылекъ.
Не успеешь и глазомъ моргнуть, какъ будешь на мѣстѣ.

Муравей. *(карабкаясь на товарища).*
Дѣло видите-ли въ томъ, что по вечерамъ мы собираемся на молитву.

Мотылекъ.
Будь спокоенъ... Отодвинься немного назадъ! Ну-съ теперь держись! Да, помалкивай тамъ, на палубѣ! Айда!
Они улетаютъ. Мотылекъ самодовольно заявляетъ:

А я и не воображалъ, что такъ силенъ!

Муравей. *(испулненно).*
Ай-ай-ай!

Мотылекъ.
Что съ тобой?

Муравей.
У меня потемнѣло въ глазахъ... Голова кружится... я хотѣлъ бы сойти...

Мотылекъ.
Какой ты глупый! Если кружится голова, надо зажмурить глаза. Ты зажмурился?

Муравей. *(закрываетъ глаза).*
Да...

Мотылекъ.
Тебѣ лучше?

Муравей. *(переводя духъ).*
Да, немного лучше.

Мотылекъ. *(улымаясь).*
Не въ обиду будь сказано,—ваша семья не обладаетъ особенной способностью къ воздухоплаванию...

Муравей.
Какія мы аэронавты!

Мотылекъ.
И ужъ конечно, не ваша вина, что управление воздушнымъ шаромъ еще не изобрѣтено.

Муравей.
О, нѣтъ!

Мотылекъ.
Ну-съ, ваша свѣтлость,—вы прибыли.
(Садится на ландышъ)

Муравей. *(раскрывая глаза).*
Извините, я живу не здѣсь.

Мотылекъ.
Я знаю. Но, такъ еще очень рано, я привезъ тебя къ одному изъ моихъ знакомыхъ ландышей. Не мѣшаетъ промочить горлышко, въ этомъ нѣтъ ничего зазорнаго...

Муравей.
О, у меня нѣтъ времени.

Мотылекъ.
Пустьяки! мы завернемъ всего на минутку.

Муравей.
Кромѣ того, я не вхожъ въ это общество...

Мотылекъ.
Не стѣсняйтесь, пожалуйста! Я тебя представляю въ качествѣ моего побочнаго сына: увидишь, какъ тебя примутъ!

Муравей.
Кромѣ того—уже поздно!

Мотылекъ.
Вовсе не поздно,—послушай, какъ трещитъ кузнечикъ!

Муравей. *(шепотомъ).*
И потомъ... у меня... нѣтъ денегъ.

Мотылекъ. *(улыкаясь ей).*
Пойдемъ, ландышъ угостить.
(Они входятъ къ ландышу.—Занавѣсъ падаетъ).

Во второмъ дѣйствіи, когда занавѣсъ поднимается, на сценѣ уже почти ночь. Двое пріятелей выходятъ изъ ландыша... Муравей слегка опьянѣлъ.

Мотылекъ. *(подставляя стипу).*
А теперь—нѣ дорогу!

(Пррръ!.. Они улетаютъ... Диалог продолжается на воздухъ),

Муравей. *(бодро усаживаясь).*
Въ дорогу.

Мотылекъ.
Ну, что? каковъ ландышъ?

Муравей.
Очарователенъ, дружище! Предоставляетъ свой погребъ и все—въ ваше распоряженіе, даже не зная васъ.

Мотылекъ.
Эге, луна уже выглянула въ свое окошко. Падо поторопиться...

Муравей.
Поторопиться? зачѣмъ?

Мотылекъ.
Развѣ ты больше не торопишься домой?

Муравей.
Мнѣ бы только поспѣть во время къ молитвѣ... Притомъ же, до насъ недалеко. Мы живемъ вонъ тамъ, за этими кустами.

Мотылекъ.
Если ты не спишишь, такъ я и подавно.

Муравей. *(съ восторгомъ).*
Ты—славный малый! Я, право, не возьму въ толкъ, почему весь свѣтъ не дружитъ съ тобою? Про тебя говорятъ: „онъ—непосѣда! вольнодумецъ! поэтъ! прыгунъ!“

Мотылекъ.
Неужели? И кто же говоритъ это?

Муравей.
Ахъ, Боже,—да вотъ хоть-бы жукъ...

Мотылекъ.
Ну, тогда я не удивляюсь. Этотъ брызга

обзываетъ меня прыгуномъ, потому что у него—неповоротливое брюхо.

Муравей.
Но не одинъ онъ не долюбливаетъ тебя...

Мотылекъ.
Неужели!

Муравей.
Улитки также неважнаго мнѣнія о тебѣ, скорпионы и даже мы, муравьи... Это все твои враги.

Мотылекъ.
Въ самомъ дѣлѣ?

Муравей. *(конфиденціально).*
Никогда не ухаживай за наукомъ: онъ находитъ тебя отвратительнымъ.

Мотылекъ.
Меня оклеветали передъ наукомъ.

Муравей.
Ну, какъ тебѣ сказать: гусеницы почти такого же мнѣнія.

Мотылекъ.
Я вѣрю тебѣ! Но, скажи, пожалуйста, неужели ко мнѣ такъ-же худо относятся и то общество, среди котораго ты живешь? Вѣдь ты же возвращаешься не среди гусеницъ!..

Муравей.
Не все семейства думаютъ о тебѣ одинаково. Молодежь за тебя. А вотъ старики... тѣ находятъ, что нравственность твоя прихрамываетъ.

Мотылекъ. *(печально).*
Повидимому, меня, въ самомъ дѣлѣ, но очень-то долюбливаетъ.

Муравей.
Ты не ошибаешься, бѣдняга. Крапива смотритъ на тебя косо. Жаба тебя ненавидитъ. Даже сверчокъ—и тотъ трещитъ про тебя: „Этотъ м... м... мотылекъ!“

Мотылекъ.
Неужели и ты ненавидишь меня, какъ все эти глупцы?

Муравей.
Я!.. Я тебя обожаю; кататься на твоей спинѣ такъ весело! И, кромѣ того, ты водишь меня къ ландышамъ,—это очень забавно!.. Послушай-ка, если тебѣ тяжело, мы могли бы сдѣлать еще одинъ небольшой привалъ... Ты, надѣюсь, не усталъ?

Мотылекъ.
По правдѣ говоря, ты тяжеловатъ. Не стѣсняйся, однако.

Муравей. *(указывая на ландыши).*
Въ такомъ случаѣ, завернемъ сюда; ты отдохнешь.

Мотылекъ.
Ландыши? Слуга покорный! Они мнѣ уже надоѣли. *(Тяжело раздувающимъ тонкомъ).* Я предпочитаю заглянуть по сосѣдству.

Муравей. *(стыдливо вспынувшись).*
Къ розѣ? Нѣтъ! ни за что!..

Мотылекъ. *(улыкаясь ей).*
Пойдемъ пойдемъ! Насъ никто не увидитъ. *(Они, крадучись, пробираются къ розѣ.—Занавѣсъ опускается).*

Л и л і я. Съ карт. ф. Вобринга.

Третье дѣйствіе происходитъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Пріятели выходятъ вмѣстѣ отъ розы... Мотылекъ хочетъ проводить муравья въ его муравейникъ но тотъ упрямится. Онъ совершенно пьянъ, прыгаетъ по травѣ, бунтуетъ... Мотылекъ принужденъ отнести его домой. У дверей они разстались, обѣщая другъ другу вскорѣ увидѣться.

Мотылекъ продолжаетъ свой путь одинъ, среди сумрака и безмолвія. Онъ также немного захмѣлѣлъ, но въ опьяненія его нѣтъ веселости. Онъ вспоминалъ, что говорилъ муравей и, съ горечью, недоумѣваетъ, почему столь многіе ненавидятъ его, хотя онъ никогда не причинялъ зла кому бы то ни было?.. Безлунная ночь! Завываетъ вѣтеръ, даль совсѣмъ почернѣла. Мотылку страшно, онъ дрогнулъ; его утѣшаетъ лишь мысль, что товарищъ—въ безопасности и отдыхаетъ на теплой постелькѣ.

Ночныя птицы безшумно пролетаютъ по стемнѣвшей сценѣ. Сверкаетъ молнія! Гады, притаившіяся подъ камнями, взорадствуютъ, указывая другъ другу на мотылька. „Теперь-то онъ отъ насъ не уйдетъ!“—шипятъ они. Въ то время какъ несчастный испуганно мечется изъ стороны въ сторону, большая синяя муха прокалываетъ его жаломъ. Скорпіонъ стискиваетъ его клѣщами; жирный, мохнатый паукъ отрываетъ полу у атласнаго синяго плаща. Летучая мышь добываетъ его ударомъ крыла. Мотылекъ падаетъ, пораженный на смерть... Крапива торжествуетъ, жабы восклицаютъ: „такъ ему и надо!“

На зарѣ, муравьи, выйдя на работу, находятъ останки мотылька у края дороги. Они пренебрежительно удаляются, и не по-

думавъ похоронить его. Муравьи не работаютъ даромъ. На бездыханное тѣло, къ счастью, набрели проходившіе мимо жуки-могильщики. Жуки, какъ извѣстно, даютъ обѣтъ хоронить умершихъ. Въ мистическомъ экстазѣ везуть они покойнаго мотылька на кладбище... Толпа любопытныхъ тѣснится около процессіи; многіе напутствуютъ усопшаго высказываемыми велухъ размышленіями. Коричневые сверчки, грѣясь на солнцѣ у своихъ дверей, назидательно произносятъ: „онъ чрезмѣрно увлекался... цвѣтами!“ Улитки добавляютъ: „и любилъ шататься по ночамъ!“ Пузатые жуки, въ золотистой одеждѣ, ворчатъ: „этакий непосѣда!“

Никто изъ всей толпы не пожалѣлъ о злополучномъ мотылкѣ. Лишь стройныя ліліи въ сосѣдней долигнѣ свернули лестники да стрекозы прервали свою однообразную цѣсию,

Послѣднее явленіе—на кладбищѣ мотыльковъ. Когда могильщики выполнили свое дѣло, майскій жукъ, важно слѣдовавшій за процессіей, приблизился къ могилѣ и, расположившись на спинѣ, началъ похвальное слово въ честь усопшаго. Къ несчастію, память ему измѣнила; онъ беспомощно шевелилъ лапками, продолжалъ около часу мямлить что-то тоскливо-скучное и безсвязное. Когда ораторъ кончилъ, всѣ разошлись. Кладбище опустѣло. Тогда изъ-за сосѣдней могилы выползъ молодой муравей. Онъ опустился весь въ слезахъ, на колѣни и трогательно помолился, надъ свѣжею насыпью, за своего бѣднаго маленькаго мотылька.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Звѣзда моря. Карт. Демонъ-Бретона.
Аллегорическая картина передаетъ въ яркихъ краскахъ ничтожность человѣческаго существованія передъ мощью стихій и свѣтлую звѣзду будущей жизни въ лицѣ Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ. Впечатлѣніе ужаса смерти уничтожается предъ лучезарнымъ свѣтлымъ видѣніемъ, призывающимъ къ себѣ.

Зимю. Карт. Сиднея Пика. Очень талантливо переданы художникомъ грусть и меланхолія зимняго пейзажа, оживленнаго лишь стадомъ овецъ, бредущихъ домой по недавно выпавшему, пушистому, снѣгу.

Лилія. Карт. Ф. Вобрини. Въ искусствѣ употребляется два пріема увеличенія впечатлѣнія красоты. Сопоставленіе съ безобразіемъ и сопоставленіе съ еще большей красотой. На нашей картинѣ примѣненъ пріемъ послѣдній и надо сказать очень удачно. Ліліи, служа эмблемой невинности, гармонично подходятъ къ фигурѣ молодой дѣвочки и увеличиваютъ ея красоту.

А. Смоликовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: стихотвореніе А. Татищева—„Ангель-Хранитель“. Романъ. И. Н. Поталенко—„Надъ тихой водой“. Стих. Н. Рябова—„Весенняя картинка“ А. Додэ.—Къ рисункамъ. А. Смоликова—Объявленія.

Редакторъ *А. П. Жесторъ.*

Предс. Администраціи *Э. Х. Бородинъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАМЯТЬ: ЯЗЫКИ:

Для кажд. возр. укрѣпляетъ. Новый орг. мет. (осн. ван. на мнем. принц.) Легк., быстр. и осн. науч. иностр. яз. преподаетъ постр. письм. ур. профес. мнем. яз. Париж. академіи, С. Файнштейна, Одесса.—17 лѣти. успѣш. практ. въ Россіи. Методъ заочн. преп. трижды преміи Париж. Акад. Усл. и брош. сод. многог. благодарн. уч. лѣст. отъ. газ. о сист. и т. п. высыл. за одну 7 к. м.; вмѣстѣ ст. кн. о памяти (13 изд.)—за шесть 7 к. м.; на вел. бум. за восемь 7 к. м.—Адресъ: Одесса, „Глави. бюро курс. укр. пам. и науч. иностр. яз.“ Пушкин. д. проф. мн. С. Файнштейна № 485—53.

111—Р.9.

9—1. К.

БЕЗОПАСНУЮ БРИТВУ

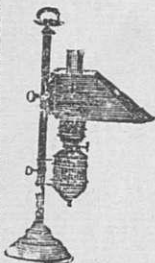

рекоменд. емъ възмъ, желающимъ безъ всякаго труда и опасности гарантировать себя отъ столь частыхъ зараженій въ парикмахерскихъ, сокративъ при этомъ значительно свои расходы. Цѣна съ перес. въ Европ. Россію 3 р.; съ приборомъ, состоящимъ изъ кисточки, никел. чашечки и коробки порошка 3 р. 75 к. Нал. пл. 10 к. дорож. Адресовать: Фабричный складъ Л. Б. Айзенберга, Варшава, Дикая 38—п.

112—Р.10.

10—1. К.

МИНИСТЕРСКАЯ ЛАМПА

по своей конструкціи превосходить всѣ другія до сихъ поръ извѣстныя. Благодаря ея устройству можно регулировать свѣтъ въ желаемомъ направленіи, причемъ при работѣ не нужно напрягать зрѣніе. А потому она необходима въ домашнемъ обиходѣ: на письменномъ столѣ, при чтеніи, въ ма- стеровскихъ, заводахъ и т. п. Цѣна съ упаковкой и пересылкой въ Европ. Россію 5 руб., налог. платеж. 12 коп. больше.

Адресовать:

Фабричный складъ Л. Б. АЙЗЕНБЕРГА, Варшава, Дикая, 38-к.

113—Р.10.

10—1. К.

МОНЕТЫ

Россіи, древнія, покупаю. Плачу до 3000 р. за монету. Полный каталогъ всѣхъ рѣдкихъ монетъ и древностей за 56 к. (марками) Г. Ровно, Волыск. губ. Нумизматикъ Тинѣ, с. д. № 50.

К.

103—Р.1—3.

!! НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ !!

Вмѣсто 23 руб. только за 7 руб. 25 коп. Изящные и прочные карманные часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ не позолоченные, глухіе съ 3-мя массивными крышками, заводъ безъ ключа, ручательство за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 рублей. Часы награждены медалями. Такіе же дамскіе—цѣна 8 руб. Высылаю вывѣренные часы до минуты, съ наклад. плат. безъ задатка. Адресъ: Главный складъ часовъ Т-ва „ТАВАНЪ“ Варшава, Лешно 22.

БЕЗПЛАТНО:

прилаг. къ часамъ цѣпочка „Вѣкъ“ и брелокъ „Бинокль“ съ интересными видами.

106—М. Р.5—4.

Гитары

съ механизмомъ для струнъ хорошаго тона и работы: 6, 7, 10, 15, 20 руб. Лучшаго тона, очень изящной работы: 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125 руб. и дорож. Дешевые сорта, съ колками 3, 4 и 5 руб.

Мандолины

лучшихъ итальянскихъ мастеровъ отличнаго тона, дешевые сорта: итальянскія: 8, 12 и 15 р.

Балалайки

лучшей работы, звучнаго тона, съ провѣренными ладами: 5, 7, 10, 15 руб. и дорож. Дешевые сорта: 1½, 2, 3 и 4 руб.

Самоучители и ноты въ большомъ выборѣ.

Иллюстрированный каталогъ—*бесплатно.*

Юліи Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 34.—МОСКВА, Кузнечскій м., д. Захарьина, 109. Ц. Р. 7—К.

Живописное Обзорѣніе

МММСТРИРОВАННАЯ МЕДЕЛА

При ближайшемъ участіи М. Н. Лопатенко.

Хроника войны.

Типы японской арміи.

Всеподданѣйшая телеграмма

полученная 12 февраля

Его Императорскимъ Величествомъ
отъ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ.

Всеподданѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству о полученіи отъ коменданта крѣпости Портъ-Артуръ донесенія что сего 12 февраля съ часу до трехъ съ половиною часовъ по полуночи непріятель снова атаковалъ, но повсюду отбитъ. Подробности ожидаю дополнительно.

Телеграмма генераль-майора Флуга
отъ 12 февраля въ главный штабъ.

Сегодня съ часу и до трехъ съ половиною часовъ ночи непріятель снова атаковалъ Портъ-Артуръ, но повсюду отбитъ. Подробности донесу.

Всеподданѣйшая телеграмма,

намѣстника генераль-адыютанта
Алексѣева на имя Его Императорскаго
Величества отъ 13-го февраля
1904 г.

Всеподданѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: Днемъ 11 февраля подъ Портъ-Артуромъ держались 17 непріятельскихъ боевыхъ кораблей, 12 миноносцевъ и пароходы, не подходя, однако, подъ выстрѣлы. Въ этотъ день выходили въ море крейсера: „Баянъ“, „Аскольдъ“, „Новикъ“. Съ послѣднимъ вернулись въ Артуръ наши миноносцы изъ Голубиной бухты, причемъ на „Новикъ“ повернули два японскихъ крейсера, но остались далеко позади. Вечеромъ крейсера вошли въ гавань; ночью 12 февраля вышли въ море наши миноносцы. Ночью на рейдѣ снова появились японскіе миноносцы, по которымъ стрѣляли „Ретвианъ“ и батарея. Батарея № 18 доноситъ, что потопила одинъ непріятельскій миноносець. Въ 9 часовъ утра на горизонтѣ вид-

нѣлась японская эскадра въ числѣ 14 судовъ. На потопленныхъ послѣ ночной атаки 11 февраля непріятельскихъ пароходахъ найдены карты Портъ-Артура Адамса и Желтаго моря. На одномъ же изъ пароходовъ, которыи горѣлъ, обнаружены проводники (батареи). Проводники обрѣзаны портовымъ минеромъ. Пожаръ потушенъ.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя генераль-адыютанта, генерала-отъ инфантеріи Куропаткина.

Алексѣй Николаевичъ. Съ 1898 года стоя во главѣ военнаго вѣдомства, вы со свойственнымъ вамъ трудолюбіемъ и настойчивостью усердно работали надъ выполніемъ цѣлаго ряда одобренныхъ Мною преобразованій въ дѣлѣ усовершенствованія арміи и ея управления, и были на стражѣ боевой готовности вооруженныхъ силъ Россіи, обеспечивающихъ мирное преуспѣяніе Государства.

Трудъ вашъ еще не законченъ. Но приблизь часъ, когда Мнѣ суждено было признать часть Моей доблестной арміи на за-

цтву чести достоинства Россіи и ея Державныхъ правъ на Дальнемъ Востокѣ.

Зная ваши блестящія военныя дарованія, стратегическую подготовку и выдающуюся боевую опытность, Я призналъ за благо ввѣрить вамъ отвѣтственное командованіе Моею арміею, дѣйствующею въ Манчжуріи противъ японцевъ, освободивъ васъ для сего отъ обязанностей военнаго министра.

Да поможетъ вамъ Богъ успѣшно совершить возлагаемый Мною на васъ тяжелый, съ самоотверженіемъ принятый вами подвигъ.

Разставаясь съ вами и желая выразить вамъ Мою глубокую признательность за шестилѣтній просвѣщенный трудъ вашъ на пользу Моей дорогой арміи, жалую вамъ брилліантовые знаки ордена святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, кои повелѣваю вамъ носить по установленію.

Напутствуя васъ на Дальній Востокъ въ дѣйствующую армію, поручаю вамъ передать Моимъ доблестнымъ войскамъ Мой Царскій привѣтъ и Мое благословеніе.

Да хранятъ васъ Господь.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

си благодарный
НИКОЛАЙ.

12 февраля 1904 года.

Въ С.-Петербургѣ.

Телеграмма генер.-майора Флуга отъ 12 февраля 1904 г.

Эскадра противника изъ 16 судовъ подошла по направленію отъ Дальняго къ крѣпости Портъ-Артуръ около 11 часовъ утра 12 февраля и открыла бомбардировку по находящимся на наружномъ рейдѣ: „Аскольду“, „Баяну“ и „Новику“, и по крѣпости. Огонь продолжался полчаса, и тогда наши крейсера ушли въ гавань. Противникъ пострѣлявъ нѣсколько минутъ по одной изъ батарей, сталъ удаляться, но оставаясь въ виду крѣпости въѣхъ выстрѣла.

Въ это время четыре неприятельскихъ крейсера отдѣлились и пошли въ Голубиную бухту, гдѣ вскорѣ и открыли огонь по укрывавшемуся въ этой бухтѣ нашему миноносцу и сильно обстрѣливали берегъ, послѣ чего комендантъ направилъ туда войска. Стрѣльба по Голубиной продолжалась 20 минутъ. Высадки не было. Потеря наша за этотъ день—одинъ раненый на батарее. Изъ Владивостока комендантъ донесъ, что 11 февраля утромъ къ югу отъ Русскаго острова были замѣчены 10 неприятельскихъ судовъ, которые къ вечеру болѣе въ предѣлахъ горизонта не наблюдались.

Всепоподаннѣйшая телеграмма

намѣстника генераль - адъютанта
Алексѣева на имя Его Императорскаго
Величества отъ 13-го февраля 1904 г.

Въ дополненіе телеграммы отъ 13 сего февраля, всепоподаннѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству о нижеслѣдующемъ:

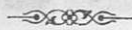
Въ Портъ-Артурѣ 12 февраля, послѣ захода луны, „Ретвизанъ“ отразилъ нѣсколько разъ неприятельскіе миноносцы, причѣмъ считаеъ два уничтоженными.

Въ морѣ наши миноносцы, съ капитаномъ Гранга Матусевичемъ и капитаномъ 3 ранга княземъ Ливеномъ, встрѣтили и гнались только за миноносцами неприятеля, большихъ же судовъ не нашли.

Утромъ того же 12 февраля были посланы крейсера „Баянъ“, „Діана“, „Аскольдъ“ и „Новикъ“ отвлечь японскіе крейсера отъ погони за частію возвращавшихся нашихъ миноносцевъ. Изъ нихъ одинъ миноносецъ былъ отрѣзанъ 4 японскими крейсерами и укрылся въ Голубиной бухтѣ, гдѣ съ большого разстоянія былъ обстрѣленъ неприятелемъ. Убитыхъ и раненыхъ на немъ нѣтъ.

Японскій флотъ, замѣтивъ наши крейсера, приблизился къ фортамъ, которые вмѣстѣ съ судами открыли огонь въ 10 ч. 50 м. Отстрѣливаясь, крейсера вошли въ гавань послѣ миноносцевъ. Неприятельскіе снаряды, преимущественно не долетали. Кромѣ одного раненаго матроса, другихъ потерь нѣтъ.

Японскій флотъ блокируетъ Артуръ 17 боевыми судами. При немъ 8 миноносцевъ, тогда какъ вчера, 12 февраля, было 12.

Изъ официальныхъ телеграммъ видно, что послѣ ночной атаки 11 февраля, когда были затоплены неприятельскіе брандеры, японцы 12 февраля эскадрой въ 16 судовъ открыли бомбардировку по находящимся на наружномъ рейдѣ крейсерамъ „Аскольду“, „Баяну“ и „Новику“ и по крѣпости, не причинивъ имъ никакого вреда; кромѣ того четыре японскихъ крейсера вошли въ Голубиную бухту, открыли огонь по находившемуся тамъ нашему миноносцу и сильно обстрѣливали берегъ около 20 минутъ, но высадки не произвели, а удалились. Ночью 12 февраля на рейдѣ снова появились японскіе миноносцы, по которымъ стрѣляли „Ретвизанъ“ и батареи, одна изъ коихъ потопила неприятельскій миноносецъ; предполагается, что „Ретвизанъ“ также уничтожилъ два миноносца. Наши потери одинъ раненый матросъ.

Такимъ образомъ слѣдуетъ считать, что всѣ атаки 11 и 12 февраля окончились для японцевъ неудачно.

По официальнымъ сообщеніямъ японскаго правительства по поводу атаки въ ночь на 12 февраля нашими выстрѣлами было затоплено пять старыхъ, нагруженныхъ камнями торговыхъ судовъ, направ-

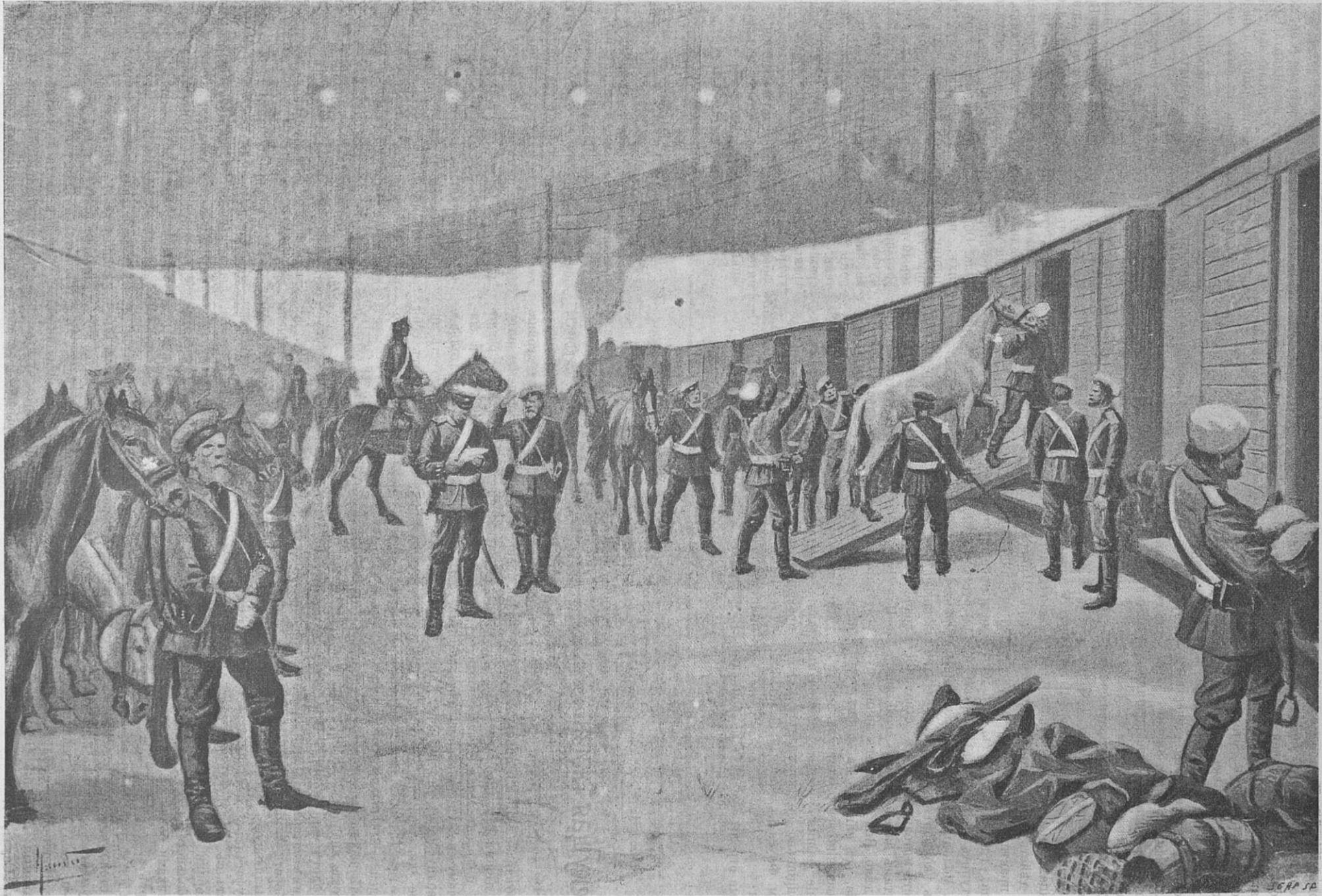
ленныхъ ко входу въ гавань съ цѣлью загражденія его; на каждомъ изъ нихъ находилось по 5 человекъ команды, спасенныхъ флотиліей миноносцевъ, сопровождавшей брандеры; пароходы были затоплены ранѣе достиженія ими намѣченнаго мѣста и по этому попытка считается неудавшейся. Потеря двухъ миноносцевъ однако оспаривается. При бомбардированіи японскимъ флотомъ внутренней гавани японская эскадра уничтожила вблизи „Ретвизана“ свой собственный миноносецъ. По сообщенію Токийскаго корреспондента «Berliner Localanzeiger'a» японское правительство признаетъ вообще атаку на Портъ-Артуръ въ четвергъ 12 февраля *неудавшейся*.

Что касается до движенія японскихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, то по иностраннымъ источникамъ многія транспортныя суда, доставившія войска къ берегамъ Кореи, уже возвратились въ Нагасаки для перевозки войскъ, предназначенныхъ къ высадкѣ въ окрестностяхъ Дальняго. Со времени начала войны изъ Нагасака отправлено болѣе сорока транспортныхъ пароходовъ. Городъ Хиросима, находящійся на восточномъ берегу острова Хонсю является мѣстопробываніемъ главной квартиры арміи и флота.

По сообщенію агентства Вольфа изъ Токио отъ 14 февраля (Р. Т. А.) между Японіей и Кореей заключенъ договоръ, въ силу коего: 1) корейское правительство обязывается оказывать полное довѣріе правительству Микадо, совѣты котораго по управленію страной оно будетъ принимать. 2) Японское Правительство должно заботиться о безопасности и спокойствіи корейскаго императорскаго дома. 3) Японское Правительство принимаетъ на себя охрану территоріальной неприкосновенности Кореи. 4) Если благу императорскаго дома или неприкосновенности Кореи будетъ угрожать опасность со стороны третьей державы или вѣдствіе внутреннихъ волненій, японское правительство обязано принять мѣры, которыя потребуются данными обстоятельствами, и корейское правительство должно оказать этимъ мѣропріятіямъ содѣйствіе. Для достиженія этой цѣли японское правительство можетъ занимать позиціи, насколько это потребуются стратегическими соображеніями. 5) Правительства обѣихъ державъ безъ взаимнаго согласія не будутъ вступать въ договоры съ какой либо третьей державой, если таковыя будутъ находиться въ противорѣчій съ основными положеніями настоящаго договора.

Извѣстіе агентства Рейтера изъ Сеула отъ 14 февраля (Р. И. А.) о рѣшеніи корейскаго правительства послать свои войска для содѣйствія дѣйствій съ японцами вполнѣ гармонируетъ съ сообщеніемъ о заключеніи договора.

И такъ Корея потеряла фактически свою независимость и отдалась подъ полную опеку Японіи. Какъ отнесутся къ этому другія державы покажетъ будущее. Не послужитъ ли захватъ Кореи Японіей предостереженіемъ Европѣ, что настоящая война

Посадка русских войск на поездъ въ Манчжуріи.

не представляет собою одно только столкновение Японіи съ Россіей на почвѣ интересовъ воюющихъ государствъ, что приближается историческій моментъ жизни чело-вѣчества, борьба желтой и бѣлой расы.

Россія, какъ оплотъ культурнаго міра запада, исполняетъ свою историческую миссію. Какъ одинъ чело-вѣкъ встала она и всѣ что могутъ, по мѣрѣ силъ своихъ, несутъ на общее дѣло защиты отечества и всего цивилизованнаго христіанскаго міра. Всѣ газеты переполнены сообщениями о пожертвованіяхъ на нужды арміи, флота, Краснаго Креста и семействъ, отправившихъ своихъ кормильцевъ на Дальній Востокъ защищать общее дѣло. Добровольцы во всѣхъ концахъ нашего отечества рвутся въ ряды дѣйствующей арміи. Доктора бросаютъ практику, положеніе, семью и идутъ туда, гдѣ ихъ ждуть, гдѣ они должны вступить въ бой съ смертью и болѣзнями. Молодыя дѣвушки и женщины оставляютъ комфортъ, занятія, обычную жизнь и стремятся облегчить страданія тѣмъ, кто тамъ далеко отдаетъ свою жизнь за общее дѣло. Всѣ забываютъ личное существованіе, всѣ слились въ одномъ чувствѣ, въ сознаніи своего единства.

Вступленіе нашихъ конныхъ частей въ Корею официально подтверждается телеграммой г.-м. Флуга въ главный штабъ отъ 13 февраля

Передовые отряды русскихъ и японцевъ

имѣли уже столкновение, окончившееся для послѣднихъ неудачей. Казаки взяли японскихъ лошадей, и японцы бѣжали. Генералъ Линевичъ двинулъ вслѣдъ за конницей корпусъ пѣхоты, чтобы укрѣпиться въ Сѣверной Корей (Р. Т. А. Ляоянь, 15 (28) февраля).

Какъ видно изъ телеграммъ, заключеніе японско-корейскаго договора въ Лондонѣ встрѣчено сочувственно. Въ парламентскихъ группахъ Парижа отмѣчается поспѣшность, съ которой японское правительство сообщило о договорѣ, оформливающимъ захватъ Кореи Японіей.

Въ «Kölnische Zeitung» телеграфируютъ изъ Вашингтона сообщеніе русскаго посла въ Вашингтонскому правительству, что Государь Императоръ глубоко тронутъ участіемъ американцевъ въ дѣлѣ организаціи медицинской помощи русскимъ раненымъ, но русское правительство принуждено отклонить содѣйствіе американскихъ гражданъ въ виду большого числа русскихъ врачей, отправившихся на театръ войны.

Изъ Чифу телеграфируютъ, что къ берегу прибило 57 неприятельскихъ судовъ.

По свѣдѣніямъ изъ Ляояня, японскій флотъ получилъ приказаніе 17 февраля, непременно штурмовать и взять Портъ-Артуръ. Приводимъ по этому поводу въ подлинникъ телеграмму изъ Портъ-Артура отъ 15 февраля Рос. Тел. Аг., въ которой опу-

бликованъ приказъ коменданта крѣпости генерала Стесселя отъ 14 февраля:

ПОРТЪ-АРТУРЪ. 15 февраля (Соб. кор.). Опубликованъ приказъ коменданта Стесселя отъ 14 февраля; „Славные защитники крѣпости и укрѣпленнаго района и населеніе области, обращаюсь къ вамъ со слѣдующимъ: по назойливости, съ которой неприятель ведетъ атаки и бомбардировки противъ крѣпости и различныхъ бухтъ полуострова, заключаю, что онъ намѣренъ высадиться на полуостровъ и попытаться захватить крѣпость, а въ случаѣ неудачи, попортить желѣзную дорогу и уйти. Помните, что захватъ Портъ-Артура они считаютъ вопросомъ національной чести. Врагъ ошибется, какъ уже во многомъ ошибся. Войска твердо знаютъ, а населенію я объявляю, что отступленія не будетъ. Потому, во-первыхъ крѣпость должна драться до послѣдняго, такъ какъ я, комендантъ, никогда не отдамъ приказъ объ отступленіи; а во-вторыхъ потому, что отступать некуда. Обращая на это вниманіе болѣе робкихъ, призываю всѣхъ къ тому, чтобы прониклись твердымъ убѣжденіемъ необходимости драться до смерти. Чело-вѣкъ, который рѣшился на это, страшень. Онъ дорого продаетъ жизнь. Кто же безъ драки, думая спастись, уйдетъ, тотъ самъ себя не спасетъ. Идти некуда: съ трехъ сторонъ море, съ четвертой будетъ неприятель. Драться надо. Тогда противникъ со срамомъ уйдетъ и будетъ вѣчно помнить трепку отъ русской доблести, при которой, увѣренъ, каждый русскій будетъ биться, забывъ о возможности отступленія. Помните: вѣчная память убитымъ, вѣчная слава живымъ“.

Текущая жизнь.

Война объявлена. Врагъ приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Волненіе охватило чопорный и скептически настроенный, точно ничему не удивляющийся и рѣдко отъ чего волнующийся Петербургъ... Давно невиданное движеніе на улицахъ, рвутъ изъ рукъ газеты, на Невскомъ толпятся кучки людей у вывѣшенныхъ телеграммъ... при встрѣчѣ черезъ слово толки о далекомъ востокѣ, японцахъ, Корей, Англии и русскомъ флотѣ или арміи... Всѣ захвачены общимъ интересомъ; вотъ извозчикъ въ польборота къ барину-сѣдоку, погоняя свою ковыляющую лошадку, толкуетъ о Корей, буфетчикъ за стойкой ресторана дебатировать съ посѣтителемъ о роли Англии и Америки въ нашей войнѣ, врачъ у постели больного о томъ же толкуетъ съ родственниками болящаго, за винтомъ при сдачѣ картъ тѣже рѣчи, что и въ театрѣ во время антракта, на вечеринкахъ, за чайнымъ столомъ, за обѣдомъ, въ кулуарахъ Окружнаго Суда, тѣже бесѣды, толки и споры—и всюду война, японцы, Корея, англичане, Портъ-Артуръ, флотъ... Доселѣ мало знакомыя названія Чемульпо, Фузанъ, Ялу, Сеулъ,—дѣлаются близкими—точно толки касаются Тулы, Твери, Казани или Астрахани... Газеты полны интересами

войны, столбцы ихъ сплошь заполнены извѣстіями и статьями о ней же, въ швейцарскихъ, дворничьихъ, кухняхъ, на конкѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги оживленные толки—и вездѣ у всѣхъ на устахъ—война, война и война... Въ этомъ общемъ интересѣ, захватывающемъ всѣхъ безъ различія общественнаго положенія, чина и знанія—есть что-то стихійное, значительное и въ высшей степени цѣнное—это есть народное самосознаніе—всѣ чувствуютъ себя членами одной большой семьи, имя которой „отечество“...

До начала войны можно было быть о ней различнаго мнѣнія, желать или нежелать, можно было становиться на космополитическую точку зрѣнія, пытаться смотреть на себя сбоку, со стороны, выдѣляя себя на время отъ общерусской семьи, но теперь... геперь часто помимо воли вы чувствуете себя членомъ этой русской семьи, часто помимо воли чувство общей солидарности, патриотизма вспыхиваетъ въ вашей душѣ и вы съ гордостью, съ личнымъ совершенно чувствомъ самолюбія читаете про защиту Портъ-Артура и про разбитыя японскія миноноски, высчитывая сколько изъ нихъ уже пущено нами ко дну...

Это—не квасной патриотизмъ съ его „шапками закидаемъ“,—это стихійный, общій порывъ національнаго чувства и уже по одному этому серьезное, важное, значительное явленіе. Нѣтъ презрѣнія или злобы къ врагу—есть грозящая опасность,

вызванная не нами, а надвинувшаяся на насъ со стороны. Русскій солдатикъ всегда понималъ, что солдатъ противной стороны самъ по себѣ не личный его врагъ, что его тоже выдвинула государственная необходимость, что онъ также толкается на войну, движимый солидарностью съ національнымъ движеніемъ своей страны. Вотъ почему всѣ наши войны почти всегда характеризуются удивительно добродушнымъ отношеніемъ къ плѣннымъ, даже къ турецкимъ солдатамъ внѣ сраженія русскій солдатикъ относился добродушно и покурявалъ съ ними трубочку...

Издѣвательство и презрѣніе къ врагу не въ характерѣ русскаго солдата—они не въ характерѣ и русскаго народа вообще. Слова нашего Державнаго Вождя—Государя о томъ, что „врагъ нашъ храбръ, смѣлъ и хитеръ“ подтверждаютъ, что Русскій Царь солидаренъ и въ этомъ отношеніи съ своимъ народомъ...

Патриотическія манифестаціи, происшедшія послѣднее время въ Петербургѣ—явленіе въ такомъ видѣ рѣдкое для холодныхъ петербуржцевъ—самые различные слои общества принимали участіе въ этихъ манифестаціяхъ и явленіе это также знаменательно для настоящаго настроенія...

Слухи и вѣсти съ театра войны съ быстротою молніи облетаютъ Петербургъ и служатъ предметомъ оживленныхъ дебатъ... Самые не военные люди настроены воинственно... Штатскіе врачи, въ жизни

Русскія войска въ Манчжуріи.

свою никогда не державшіе в руках огнестрѣльнаго оружія, призванные изъ запаса арміи, переряжаются въ военное платье, нацѣпляютъ на себя пашку, запакаются револьверами и ѣдутъ группами или въ одиночку въ разныя мѣста назначенія на Дальній Востокъ... Дальній Востокъ вдругъ почти для всѣхъ сталъ „ближнимъ“—навѣрное многіе уже и теперь изъ книгъ, картъ и газетъ болѣе освѣдомлены въ географіи этого Дальняго Востока чѣмъ своей Архангельской или Оренбургской губерніи...

Ростетъ и литература по географіи и этнографіи Японіи, Кореи, Манджуріи и Уссурийскаго края—книжки и брошюры расхватываются жадными читателями, букинисты вытащили залежавшіеся у нихъ книжки о томъ же на витрины и окна своихъ магазиновъ... Рядомъ, конечно, съ дѣльными сочиненіями о Дальнемъ Востокѣ, масса хламу вскорѣ наводнитъ книжный рынокъ и не легко будетъ незнакомому съ вопросомъ читателю выбрать лучшее достойное вниманія, чтобъ отдѣлать его отъ этого хламу... Вотъ почему намъ думается будетъ не лишнимъ указать по этимъ вопросамъ то, что достойно вниманія, вовсе не претендуя дать полный библиографическій списокъ многочисленныхъ книгъ и брошюръ о Дальнемъ Востокѣ. Не касаясь сочиненій о Японіи, имѣющихъ теперь лишь историческое значеніе мы отмѣтимъ лишь то, что можетъ дать читателю понятіе о современномъ или близкомъ къ современному ея положенію. Прежде всего упомянемъ о солидномъ трудѣ *Бониславскаго* „Японія“ (изд. при содѣйствіи Главнаго Штаба, 411 стр. Цѣна 3 рубля. Спб. 1904 г.)—сочиненіе это какъ слишкомъ специальное, нѣсколько сухо и нелегко среднему читателю въ немъ разобраться. Упоминаемъ объ этой книгѣ въ виду того, что это одно изъ самыхъ позднѣйшихъ сочиненій о Японіи.

Сочиненіе *Д. И. Шрейдера*, озаглавленное „Японія и Японцы“ (изданіе Девриена, стоитъ 5 рублей. Спб. 1896 г.)—сочиненіе это живо и даже увлекательно написано, снабжено многочисленными прекрасными рисунками и представляетъ капитальный трудъ среди другихъ книгъ о томъ же имѣющихся на русскомъ языкѣ. Тоже сочиненіе имѣется и въ краткомъ изложеніи, озаглавлено оно „Страна восходящаго солнца“—разсказы о Японцахъ (съ 26 рисунками пополюшеніе и съ картою)—имѣется въ изданіи *О. Н. Поповой* 1902 года (выходитъ уже третьимъ изданіемъ)—представляетъ брошюру въ 83 стр. и стоитъ 25 копеекъ. Въ такомъ-же родѣ довольно полное представленіе о Японіи даетъ и компилятивная книжка подъ заглавіемъ „Японія и Японцы“ (изданіе ред. журнала „Русская мысль“ Москва 1901 г. 178 стр. цѣна 35 копеекъ)—авторъ книжки анонимный, рисунковъ нѣтъ, но приложена плохенькая карта Японіи, въ книжкѣ удѣлено нѣсколько главъ Японской литературы, искусству и описанію главнѣйшихъ городовъ этой страны—изложеніе простое и ясное. Книга *Григорія де-Воллана*, озагла-

вленная „Въ странѣ восходящаго солнца“ (изд. Суворина Спб. 1903 г. 503 стр. цѣна 2 рубля) снабжена многочисленными прекрасными рисунками, очень легко читается и даетъ полное представленіе объ Японіи; авторъ прожилъ въ Японіи въ сложности около 6 лѣтъ въ періодъ переходнаго времени этой страны (въ началѣ 90-хъ годовъ)—отдѣльными статьями книга эта печаталась въ журналахъ въ 93-97 г. Въ высшей степени интересна какъ дополненіе къ книгамъ объ Японіи брошюра профессора *К. Ратена* „Возрожденіе Японіи“ (перев. съ нѣмецкаго Спб. 1904 г. 24 стр. цѣна 20 копеекъ)—авторъ очень интересно освѣщаетъ ростъ культуры и общественнаго устройства Японіи, его основы и причины. О томъ-же, но гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе трактуетъ и небольшая книжка *Барона А. фонъ Зиболда*. „Эпоха великихъ реформъ въ Японіи“ (Общобразоват. библ. ред. Н. А. Рубакина. перев. А. Мезіеръ. 82 стр. цѣна 35 коп. Спб. 1902 г.) Интересна, хотя и менѣе предыдущихъ, книга *В. Фрома* „Японія и Корея“, изданная „въ пользу нашихъ воиновъ на Дальнемъ востокѣ“ (изд. Сытина. Москва 1904 г. 154 стр. цѣна 50 к.)—книжка снабжена рисунками и картами, собственно Японіи въ ней посвящено 86 стр; изложена довольно плохимъ языкомъ, нѣсколько поверхностно и компилятивно составлена.

Любопытно именно въ виду современныхъ военныхъ дѣйствій Японіи является и книжка, озаглавленная „Китайско-Японская война“—краткое описаніе военныхъ дѣйствій съ картами и рисунками (изд. ред. „Чтеніе для Солдатъ“ Спб. 1895 г. 89 стр.)—въ ней много неправильнаго что касается этнографической стороны, но изложеніе способа борьбы японцевъ и именно на тѣхъ-же мѣстахъ гдѣ теперь они сражаются или будутъ сражаться съ нами представляеть, конечно особенный интересъ; особенно любопытно описаніе взятія Портъ-Артура у китайцевъ и его защиты. Въ 4-мъ томѣ сочиненій доктора *А. В. Елмстева* („По бѣлу свѣту“ изд. П. Соѣкина Спб. 1898 г. 3 рубля) около 80 страницъ посвящено живо написаннымъ впечатлѣніямъ отъ путешествія въ Японію въ 1889 году—книга снабжена оригинальными иллюстраціями Каразина, Овсянникова и др., очень оживляющими самое чтеніе текста. Особенное вниманіе можно порекомендовать обратить на книгу *А. А. Черевковой* „Очерки современной Японіи“ (изд. Карабасникова Спб. 1903 г. 248 стр. цѣна 1 р. 50 к. съ 12 гравюрами. 2-ое изданіе). Авторъ ея женщина врачъ, прожившая въ въ промежуткѣ между 1888-1893 г. около 3 лѣтъ въ Японіи въ этой книгѣ авторъ главнымъ образомъ останавливается на внутренней, частной жизни японцевъ—ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и особенностяхъ. Много мѣста удѣлено положенію японской женщины.

Изъ небольшихъ компилятивныхъ брошюръ съ плохенькими иллюстраціями отмѣтимъ книжки: *Колокольцовой* „Страна восходящаго солнца“ (Москва 1898 г. 90 стр. цѣна 25 коп.) *Булаковой* „Японія и японцы“

(Москва 1899 г. 150 стр. цѣна 35 коп.) и изданіе „досугъ и дѣло“—„Японія и японцы“ (Спб. 97 г. 100 стр. цѣна 25 коп.)

Многочисленные разсѣянные по русскимъ журналамъ статьи о Японіи, конечно здѣсь нѣтъ возможности перечислить. Среди описаній Японіи русскими путешественниками упомянемъ еще слѣдующихъ.

В. Черевковъ „Изъ новѣйшей исторіи Японіи“ (В. Е. 94 г. кн. 11)

А. Красновъ „У японцевъ“ (Недѣля 93 г. 10)

Ело-же „Чайныя плантаціи субтропическихъ округовъ Азіи“ 1897 г.

Алексеевъ „Путевыя замѣтки по Японіи“ (Русс. Вѣстн. 1900 г. кн. 1).

Пелликанъ „Очерки Японіи“ (Ист. Вѣстн. 1891 г. 8 и 9).

Танъ „По Японіи“ изъ путевыхъ очерковъ (Міръ Божій 1902 г. 3).

Варинны „Неизвѣстная Японія (Міръ Божій 95 г. № 10).

Что касается Кореи, то на русскомъ языкѣ объ этой еще такъ недавно абсолютно закрытой для европейцевъ и таинственной странѣ вродѣ Тибета написано, конечно, значительно менѣе. Слѣдующія сочиненія и статьи могутъ однако дать довольно цѣльное представленіе объ этой поистинѣ несчастной странѣ, вся исторія которой протекаетъ въ періодическихъ оустошеніяхъ ея то монголами, то китайцами то японцами... Трехтомное изданіе канцеляріи Министерства Финансовъ «Корея» недоступное большинству по цѣнѣ (8 рублей) представляетъ конечно, капитальнѣйшій въ этомъ отношеніи трудъ, издано оно въ 1900 году, снабжено картами Кореи, почитается трудно и среднему читателю, не специалисту мало доступно и по содержанию.

Изъ остальныхъ книгъ о Корей.

Прежде всего слѣдуетъ указать на книгу *М. А. Поджіо*, около 5 лѣтъ проведеннаго съ дипломатическими миссіями на Дальнемъ Востокѣ (съ 1875 по 1881 гг.): „Очерки Кореи“ (Спб. 1892 г. 391 стр. цѣна 2 р. 50 коп. съ картою Кореи). Книга эта составлена по запискамъ нынѣ уже покойнаго автора и представляетъ, пожалуй, лучшее, что есть въ русской литературѣ по поводу жизни и природы у корейцевъ—„народа во всякомъ случаѣ оригинальнаго и выдающагося своею особенностью даже на востокѣ“... Очень ясное представленіе о Корей даетъ также небольшая книжка *И. Ю. Шмидта* „Страна утреннаго спокойствія“ (изд. О. Поповой. Спб. 1903 г. 108 стр. цѣна 40 коп. съ рисунками и картою Кореи). Въ упоминавшейся уже нами книгѣ *В. Фрома* „Японія и Корея“—последней удѣлено лишь 64 стр. и составлена она по тому-же сочиненію *М. А. Поджіо*, снабжена недурными иллюстраціями, издана опротно и стоитъ дешево (50 копеекъ). Въ упомянутомъ уже нами также 4 томѣ путешествій д-ра *Елмстева* („По бѣлу свѣту“) нѣсколько страницъ посвящено корейцамъ (гл. VI стр. 62—81.) и его замѣтки могутъ представить интересъ, но лишь какъ дополненіе къ предшествующимъ книгамъ. Изъ

журнальныхъ статей можно отмѣтить статью *А. Краснова*. Корея и Японскія колоніи (Недѣля 1894 г. кн. 9.). Интересно также описаніе Кореи *Гариннымъ* („Карандашомъ съ натуры“—Р. Бог 1900—1901 гг.) О Манчжуріи, кромѣ специальныхъ изслѣдованій и во главѣ ихъ двухтомнаго сочиненія *Позднѣева* (изд. канцеляріи Министерства финансовъ цѣна 5 рублей) и кромѣ массы журнальныхъ статей, появившихся за послѣдніе годы, можно указать на книжку *А. Верещагина*

санію Японіи, остр.—Кореѣ и 16 стр.—Манджуріи. Наконецъ припомнимъ, что художественныя описанія Дальняго Востока читатель можетъ найти раскрывъ сочиненія *Гончарова* („Фрегатъ Паллада т. II. и *В. Крестовскаго* („Въ дальнихъ водахъ и странахъ“).

Нечего и говорить какъ оживится для интересующагося текущими событіями чтеніе газетныхъ извѣстій и телеграммъ если онъ дастъ себѣ трудъ хоть немного ознакомиться по лучшимъ изъ перечисленныхъ сочиненіямъ съ географіей и этнографіей тѣхъ странъ, съ которыми русскій народъ въ настоящее время роковымъ стеченіемъ исторической необходимости пришелъ въ ближайшее соприкосновеніе. Мы должны желать знать съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, чего мы можемъ ждать отъ нашихъ сосѣдей, каковы они, какія у нихъ

Генераль-адъютантъ **А. Н. Куропаткинъ**, командующій манчжурской арміей.

Мичманъ графъ **Алексѣй Михайловичъ Ниродъ**, убитый на «Варягѣ» во время боя у Чесмульпо.

Мичманъ **Борисъ Александровичъ Хрущевъ**, погибшій при взрывѣ миннаго транспорта «Енисей»

Ген.-майоръ **П. К. фонъ Ренненкампфъ**, командиръ забайкальской казачьей дивизіи.

въ свою очередь чаянія, и желанія, надежды и задачи. Буду радъ, если я хоть немного своимъ краткимъ очеркомъ помогу въ этомъ дѣлѣ провинціальному читателю нашего „Живописнаго обозрѣнія“.

В. В. Чеховъ.

„По Манчжуріи“—воспоминанія и разеказы за время 1900—1901 г.г. (СПБ. 1903. стр. 198. цѣна 1 р. 25 коп. съ рисунками)—книжка написана чрезвычайно бойко, читается легко и, хотя больше касается нашихъ военныхъ дѣйствій за время войны съ Китаемъ, однако попутно знакомитъ и съ Манчжуріей и съ ея обитателями.. Тѣмъ же авторомъ выпущена въ 1903 года и другая книжка, главнымъ образомъ посвященная Манчжуріи, а именно „Въ Китаѣ“—воспоминанія и разеказы 1901—1902 г.г. съ рис. и портретами (изд. Березовскаго 228 стр. цѣна 1 р. 25 коп.) Чрезвычайно изящно изданный „Путеводитель по китайской восточной желѣзной дорогѣ“ (снб. 1903 г. т-во Голике и Вильборгъ. цѣна 75 коп. съ рисунками), хотя и только путеводитель, однако краткое описаніе Манджуріи, служащее ему какъ бы вступленіемъ, снабженное прелестными иллюстраціями художественно исполненными заставляеть насъ и его предложить вниманію читателя, какъ дающаго нѣкоторыя свѣдѣнія объ интересующемъ теперь насъ всѣхъ краѣ. О томъ-же можно найти свѣдѣнія и въ походныхъ письмахъ г.-м. *Грекова* „На дальній востокъ“ (СПБ. 1901 г. 50 стр. цѣна 1 р.), а также

въ прелестно изданномъ но дорогомъ сочиненіи *Яглицевицкаго* „У стѣнъ недвижнаго Китая“ (Портъ-Артуръ. изд. Артемьева. 615 стр. съ массою иллюстрацій 1903 г. г. цѣна 8 рублей)—книга издана на рѣдкость роскошно, иллюстраціи—фотографіи и портреты многочисленныхъ и превосходно выполнены, содержаніе интересно и литературно изложено.

Заканчивая свой краткій библиографическій обзоръ мы считаемъ долгомъ напомнить читателямъ, что свѣдѣнія по Японіи, Кореѣ, Манчжуріи и др. частямъ Дальняго Востока можно найти въ сог. *Э. Реклю*. Земля и люди (т. VI. Спб. 1885 г.) и въ иллюстрированномъ географическомъ сборникѣ „Азія“ 2-е изд. Кушнерова Москва 1904 г. съ рис. цѣна 2 рубля)—Этотъ прекрасный сборникъ, составленный преподавателями географіи, посвящаетъ 48 стр. опи-

СОДЕРЖАНІЕ:

Хроника войны.—Текущая жизнь **В. В. Чеховъ**.

Редакторъ **А. П. Несторъ.**

Предс. Администраціи **Д. Н. Бородинъ.**

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше просить уважаемыхъ г.г. подписчиковъ—при высылкѣ въ Контору доплатныхъ взносовъ подписной суммы—**обязательно** упоминать, что деньги высылаются въ счетъ подписки за получаемый журналъ, во избѣжаніе зачисленія вторыхъ и т. д. взносовъ въ счетъ новой подписки и неизбѣжной въ такихъ случаяхъ проволоочки въ непрерывномъ полученіи журнала.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Открыта подписка на 1904 г. на

„Живописное Обозрѣніе“

Администрація по дѣламъ Д-ра Мед. В. И. Рамма, приведа въ порядокъ его обширное издательское и типографское дѣло, начинаетъ свою дѣятельность съ 1-го января 1904 г. издавая журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

При ближайшемъ участіи И. Н. ПОТАПЕНКО.

Новая редакція журнала, озабочиваясь привлеченіемъ къ ближайшему участию въ ея дѣятельности лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, не желаетъ прибѣгнуть къ обычной рекламѣ и обещаніямъ, полагая, что *само издание журнала привлечетъ вниманіе читателей, если оно того будетъ заслуживать.*

Въ теченіе 1904 г. каждый подписчикъ получить:

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА. Снимки съ картинъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ художниковъ.—Выставки въ Россіи и за границей.

52 №№ журнала ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НЕДѢЛЯ. Романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія. —Событія недѣли въ Россіи и за границей въ статьяхъ и въ рисункѣ.—

52 №№ журнала ПОЛЬЗА И РАЗВЛЕЧЕНІЕ. Фельетоны: Столичные этюды. Провинціальныя мелодіи. За рубежомъ. Юбилей Некрологи. —Популярныя статьи по всемъ вопросамъ знанія. Хроника новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній—Игры и забавы дома и на воздухѣ. Шутки, шарady, ребусы, задачи и загадки.

12 ежемѣс. книгъ литературнаго политическаго и общественаго журнала. Больше 2000 страницъ текста. Обозрѣніе: литературное, иностранное, внутреннее, экономическое, научное.—Воспоминанія и путешествія.—Больше романы и повѣсти.

12 вып. журн. Моды. Хроника модъ Письма изъ Парижа, Вѣны, Лондона, Моды дамскія и дѣтскія

12 вып. Выкройки и вышиванія по новѣйшимъ образцамъ русскихъ и иностран. авторовъ

52 КНИЖКИ полного иллюстрированнаго собранія романовъ знаменитаго англійскаго юмориста

„ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА“

до 6000 страницъ текста. Больше 200 иллюстрацій.

Всѣ внесенныя подписные деньги на 1903 г. получаютъ въ размѣрѣ своего взноса журналъ и всѣ приложенія на 1904 г. **БЕЗПЛАТНО.** Прислашшіе въ 1903 г. на пересылку „Третьяковской Галлерей“ **получатъ** эту галлерей **БЕЗПЛАТНО** по внесеніи полной подписной суммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 8 р. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 3 руб. къ 1-му апрѣля 3 руб. и къ 1-му июня 2 руб. или первые 9 мѣсяцевъ по 1 руб.

Подписка принимается въ Главн. Конт. ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ. С.-Петербургъ, Невскій, 90.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предст. Адм. Прис. Повѣр. Д. Н. Бородинъ.

Открыта подписка на 1904 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВОСТЬ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ

подъ редакціей Присяжнаго Повѣреннаго

Д. Н. Бородина.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

I. Правительственныя распоряженія.—II. Статьи, обзоры и корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торговопромышленнымъ вопросамъ.—III. Пятельное дѣло.—IV. Кредитъ и банковое дѣло.—V. Страхование дѣло.—VI. Профессиональное дѣло.—VII. Кустарное дѣло.—VIII. Артельное дѣло.—IX. Переселенческое дѣло.—X. Биржа, фондовый и вексельныя бумаги.—XI Хроника.—XII. Обзоръ печати и библиографія.—XIII. Биографіи, очерки и рассказы.—XIV. Ответы на вопросы читателей.—XV. Рисунки и чертежи.—XVI. Объявленія.

Подписная цѣна:

Съ пересылкой и доставкой на годъ—3 р.
полгода—1 р. 50 к., четверть года—1 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, ул. Глинки, 6.—Телефонъ № 307.

Въ концѣ 1904 г. всѣ г.г. подписч. получатъ:

Безплатную премію сочин. Д. Н. Бо-

родина „АЛКОГОЛИЗМЪ У ДѢТЕЙ“.

Редакторъ-издатель Д. Н. Бородинъ.

Для дѣтей

Живописное Обзоріе

ПОЛЪЗАНКА РАЗВЛЕЧЕНІЕ

При ближайшемъ участіи И. Н. Потапенко.

Исторія, которая никогда не кончилась.

IV.

Событія.

(Продолженіе).

И началось мое заточеніе. Это случилось часовъ въ одиннадцать утра, въ двѣнадцать у насъ обыкновенно завтракали и къ этому времени Марика привнесла мнѣ завтракъ. Я, разумеется, даже и не прикоснулся къ нему. У меня было страстное желаніе

умереть съ голоду. Конечно, желаніе это происходило отътого, что я хотѣлъ во что бы то ни стало отмстить за оскорбленіе и причинить всею самую большую неприятность. А я зналъ навѣрное, что если бы я дѣйствительно умеръ съ голоду, то это было бы всею неприятно.

Мое воображеніе рисовало мнѣ самыя злостныя картины. Мнѣ казалось, что проходятъ дни за днями, я сижу въ одиночествѣ и не прикасаюсь къ пищѣ. Марика уноситъ все въ цѣлости. Я худѣю, блѣднѣю, я становлюсь похожъ на спичку, я превращаюсь въ

Начальная школа.

скелетъ: кости, обтянутыя кожей. И вотъ, узнавъ объ этомъ, приходитъ ко мнѣ отецъ, потомъ мать, даже тетя Вѣра прѣзжаетъ изъ города и всѣ начинаютъ оплакивать меня. Я все это вижу и наслаждаюсь. Но затѣмъ я уже больше ничего не вижу, потому что я умеръ...

Характера у меня хватило на то, чтобы не ѣсть цѣлый день. Марика приносила мнѣ кушанья и, когда черезъ нѣкоторое время приходила, чтобы убрать посуду, то крайне неодобрительно качала головой:—да что это вы, панычекъ? вы умрете съ голоду...

Она, конечно, не понимала, что я къ этому именно и стремился. Но наступилъ вечеръ, а смерть ко мнѣ не приходила. Часовъ въ десять, когда обыкновенно меня укладывали спать, я захотѣлъ провѣрить результаты моего поста. Я взглянулъ въ зеркало. Это было страшное разочарованіе. Щеки мои были чуть-чуть блѣдны, но я даже не похудѣлъ.

Я легъ въ постель и отъ перваго утомленія очень скоро заснулъ. Но ночью я вдругъ проснулся и вскочилъ съ постели. Я зажегъ свѣчу. Всѣ въ домѣ спали. Я почувствовалъ, что меня разбудилъ нестерпимый голодъ. Ужъ право, не знаю, какъ это вышло, что на это время я совершенно забылъ и о полученномъ оскорбленіи и о моемъ твердомъ намѣреніи умереть съ голоду.

Я взялъ свѣчу, тихонько отворилъ дверь, вошелъ въ сѣни, отыскалъ тамъ очень хорошо мнѣ знакомый шкафъ, въ которомъ хранилась провизія, отворилъ его и нашелъ тамъ кусокъ холоднаго жаренаго мяса, должно быть тотъ самый кусокъ, который вчера подавала мнѣ Марика. Съ этой добычей я вернулся къ себѣ и съ необыкновеннымъ аппетитомъ съѣлъ все до послѣдней крошки.

Послѣ этого я сейчасъ же опять заснулъ и спалъ великолѣпнымъ сномъ до самого утра. Когда же я проснулся утромъ, то, — увы — чувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Опять стали приносить мнѣ въ комнату чай, потомъ завтракъ, и обѣдъ. Я, конечно, отъ всего этого отказывался. Я не могъ понять только одного: неужели мама можетъ такъ долго сердиться? Она ни разу даже не заглянула ко мнѣ въ комнату.

Опять на этотъ вопросъ отвѣтила мнѣ Марика, хотя я и не спрашивалъ ее объ этомъ.

— Мамаша хотѣли придти къ вамъ, такъ наша страшно разсердилась... ни за что не позволили...

Прошелъ и этотъ день. Я настолько уже утвердился въ своемъ новомъ положеніи, что вечеромъ, не смотря на страшный голодъ, не уступилъ, ночью не ходилъ болѣе въ сѣни, чтобы достать изъ шкапа

съѣтное и дѣйствительно въ теченіи цѣлыхъ сутокъ ничего не ѣлъ. На другой день голодъ чувствовался сильно, а главное мнѣ было нестерпимо скучно. Ко мнѣ даже не пускали Дуся и я слышалъ, какъ онъ жалобно вылъ подъ окномъ моей комнаты.

И мнѣ уже начало казаться, что въ самомъ дѣлѣ меня рѣшили окончательно забросить, что никогда уже не вернется моя прежняя жизнь, въ которой, не смотря на обиды послѣдняго времени, все таки было очень много пріятнаго.

На меня напало отчаяніе. Я началъ ломать голову: какъ бы заставить мать и отца обратить на меня вниманіе? И вдругъ меня осенила гениальная мысль: заболѣть.

Марика и на этотъ разъ унесла чай и сухари нетронутыми, но когда она вошла потомъ, то увидѣла, что я, безпомощно разметавшись, лежу поперекъ кровати.

— Что это съ вами, панычекъ?—озабоченно спросила она.

— Не знаю,—слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ отвѣтилъ я:—голова... принеси мокрое полотенце.

Марика мгновенно исполнила мою просьбу. Вѣрила-ли она въ мою болѣзнь, не знаю. Но мнѣ показалось, что въ то время, какъ она обвязывала мою голову мокрымъ полотенцемъ, въ глазахъ ея была почти радостная усмѣшка. Кажется, и она видѣла въ моей болѣзни единственный путь къ примиренію.

— Вы раздѣньтесь, панычекъ, да ложитесь въ постель; постоитъ-ка, я помогу вамъ...

И она раздѣла меня, уложила въ постель и прикрыла одѣяломъ.

Не могу точно описать моего душевнаго состоянія въ то время, но, кажется, я до того вошелъ въ роль, что чувствовалъ и головную боль и слабость и даже тихонько стоналъ не только тогда, когда около меня была Марика, но и тогда, когда оставался одинъ.

Такъ пролежалъ я минутъ десять, внимательно прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ домѣ. И я слышалъ, какъ Марика своими босыми ногами перебѣгала изъ одной комнаты въ другую и какъ тамъ шли какіе то переговоры.

И вотъ отворилась дверь и вошла ко мнѣ мама. Въ это время мои слабые стоны сдѣлались явственнѣе, хотя я долженъ сказать, что я объ этомъ не старался. Это вышло какъ то само собой. Вѣдь больше сутокъ я уже ничего не ѣлъ, отъ этого я дѣйствительно ослабѣлъ и чувствовалъ головокруженіе. Кромѣ того, у меня было сильное воображеніе, которое поддѣйствовало на меня. И по всей вѣроятности, лицо мое было очень блѣдно, можетъ быть я походилъ на умирающаго.

Мать подошла ко мнѣ, сѣла на моей постели, приложила руку къ моей щекѣ, потомъ поцѣловала меня и глаза ея наполнились слезами. Ей очевидно было жаль меня. И, конечно, она глубоко раскаивалась въ своей жестокости. Я вѣдь очень хорошо зналъ ея безконечно мягкое сердце.

Мнѣ это было приятно, но все же жестокость еще не вполне покинула меня и я, не смотря на ласки моей матери, и ея слезы, рѣшился еще причинить ей маленькую боль.

— Что съ тобою, Вовокъ? Ай, ай, ай, какъ не стыдно!—говорила мать.

— О, какъ я хотѣлъ бы умереть! — промолвилъ я, должно быть въ самомъ дѣлѣ умирающимъ голосомъ, потому что мать сейчасъ же начала плакать.

Отца въ это время не было дома, но онъ скоро прѣбхалъ. Разумѣется, ему сейчасъ же сказали о моей болѣзни, и вотъ слышались его твердые, но видимо тревожные шаги. Онъ вошелъ въ мою комнату.

— Что это такое? Что съ нимъ?—спросилъ онъ.

— Боленъ, вотъ видишь...—съ чуть слышнымъ укоромъ произнесла мама.

Отецъ подошелъ ко мнѣ, взялъ мою руку и началъ слушать пульсъ.

— Пульсъ слабый, — сказалъ онъ...— Не слѣдовало отказываться отъ пищи, мой другъ. Вотъ ты и ослабѣлъ... Надо измѣрить температуру.

Онъ говорилъ это довольно ласково. Онъ отправился къ себѣ въ кабинетъ и принесъ оттуда термометръ. Этотъ инструментъ положили мнѣ подъ мышку.

Отецъ сѣлъ на стулъ и, держа въ рукахъ часы, слѣдилъ по нимъ за минутами. Потомъ онъ вынулъ термометръ и взглянулъ на него.

— Ну, температура, слава Богу, нормальная,—сказалъ онъ,—значитъ жару нѣтъ у него... Я думаю, что это пройдетъ... Но все-таки на всякій случай надо растереть его спиртомъ.

И меня начали растирать спиртомъ. Побѣда была

полная, потому что самъ отецъ теръ мнѣ спину. Когда все это кончилось, было рѣшено дать мнѣ нѣкоторый покой; мнѣ принесли бульону и еще чего-то, очень невкуснаго, чего мнѣ совѣмъ не хотѣлось, но я, въ качествѣ больного, все это ѣлъ. А вечеромъ я, сильно ослабѣвшій отъ всѣхъ этихъ операций, уснулъ и проснулся только утромъ.

Я чувствовалъ себя не дурно, такъ какъ съ вечера подкрѣпился бульономъ.

Ко мнѣ пришла мать и ласково спросила меня,— выйду ли я въ столовую?

О, конечно выйду, потому что это будетъ означать мою полную побѣду. И я дѣйствительно быстро одѣлся и, чувствуя еще нѣкоторую слабость, отправился въ столовую и жадными глазами изголодавшася человѣка окинулъ столъ, на которомъ было много вкуснаго. Мнѣ налили чаю и я въ это утро истребилъ безчисленное множество маленькихъ булочекъ, которыя были моимъ любимымъ кушаньемъ.

Больше уже не было и рѣчи о моемъ заточении и объ изгнаніи меня изъ общества. Но я съ своей стороны тоже сдѣлалъ уступку. Въ то-же утро, послѣ того, какъ я плотно набѣлся булочекъ и другихъ вкусныхъ вещей, я, по приглашенію мамы, отправился въ маленькую комнату, подошелъ къ Дуся и поцѣловалъ ее. Желудокъ ея былъ уже теперь въ поряд-

кѣ. Въ сущности она ничего себѣ: мила и забавна, когда не плачетъ.

Но однако это не значило, чтобы я простилъ ей всѣ обиды, какія претерпѣлъ изъ за нея. Это было просто благодушное настроеніе человѣка, который не ѣлъ больше сутокъ и, наконецъ, плотно поѣлъ.

Результатомъ этого событія и было окончательное рѣшеніе отца взять мнѣ учителя. Онъ сказалъ:

— Мальчикъ слишкомъ много времени проводитъ зря... Отъ этого у него развиваются нѣкоторыя нежелательныя чувства... Отъ этого онъ даже болѣетъ...

И когда онъ, сказавъ эти слова, взглянулъ на

Назидникъ.

меня, то мнѣ показалось, что въ его глазахъ играетъ какая то странная усмѣшка. Я почему то подумалъ въ это время, что онъ не особенно вѣритъ въ мою недавнюю болѣзнь.

Но все равно, побѣда была совершена, и я вернулся къ прежней пріятной жизни. Скоро было послано письмѣ тетѣ Вѣрѣ и пріѣхалъ къ намъ Иванъ Васильевичъ.

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Умница.

Мнѣ говорили, что это анекдотъ, но могло случиться и въ дѣйствительности. При томъ-же, развѣ это не все равно: анекдотъ или дѣйствительность? Главное—чтобы было занимательно и остроумно. А въ этой исторіи, кажется, есть и то и другое.

Дѣло было такъ: въ одинъ изъ любимыхъ публичной кафе, на Парижскихъ бульварахъ, въ часъ завтрака, вошелъ господинъ, ведя на цѣпочкѣ великолѣпнаго крупнаго чернаго пуделя, который походилъ на льва.

Пудель былъ такъ красивъ, что завтракавшая за отдѣльными столиками публика сейчасъ-же обратила на него вниманіе. Къ тому-же онъ былъ очень уменъ и необыкновенно воспитанъ. Это стало всѣмъ ясно черезъ минуту.

Господинъ выбралъ себѣ свободный столикъ и сѣлъ на стулъ.—Садись, Гастонъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ пуделю и вмѣстѣ съ тѣмъ отцѣпляя отъ его шеи цѣпочку.

Гастонъ, (какъ очевидно звали пуделя), спокойно, неторопливо взобрался на другой стулъ и сѣлъ противъ господина. Морда его приплась какъ разъ надъ столикомъ.

Господинъ подозвалъ гарсона и спросилъ у него карту.

— Для меня закажите телячью котлету и зеле-

ный горошекъ,—сказалъ онъ гарсону и затѣмъ обратился къ пуделю:—А ты что будешь ѣсть, Гастонъ? Пудель открылъ ротъ и совершенно явственно произнесъ:—Биштексъ по англійски!

Публика, которая все время слѣдила за этой парой, въ первое мгновеніе окаменѣла отъ изумленія. Всѣ оставили вилки и ножи и устремили глаза на господина и его пуделя.

Гарсонъ принялъ заказъ и повернулся, чтобъ уйти, но вдругъ пудель повернулъ голову въ его сторону и сказалъ:—Только съ кровью, прошу васъ! Терпѣть не могу поджареннаго!

Публика ахнула. Въ особенности англичане, которые какъ, извѣстно, отличаются необыкновенной любознательностью. Но это было только начало.

Господинъ съ пуделемъ, казалось, не обращали ни малѣйшаго вниманія на изумленную публику и такъ спокойно разговаривали, какъ будто это было въ порядкѣ вещей.

— Какъ тебѣ нравится этотъ кафе?—спросилъ господинъ.

— Не особенно!—отвѣтилъ пудель.—Тамъ, гдѣ мы завтракали вчера, было красивѣе.

— А публика?

Пудель повернулъ голову и обвелъ взглядомъ публику.—Она очень прилична,—отвѣтилъ онъ:—но они, кажется, никогда не видѣли умной собаки.

Въ это время гарсонъ принесъ завтракъ и поставилъ передъ господиномъ котлету и горошекъ, а передъ пуделемъ биштексъ.

— Надѣюсь, ты мнѣ подвяжешь салфетку и нарежешь на куски мясо!—сказалъ пудель.

Господинъ взялъ вилку и ножъ, разрѣзалъ на большіе куски мясо и подвязалъ пуделю салфетку. Пудель бралъ зубами кусочки биштекса, жевалъ ихъ и проглатывалъ одинъ за другимъ. Зрѣлище было необыкновенное.

Вдругъ одинъ изъ завтракавшихъ англичанъ вскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ къ господину.

— Извините,—любезно сказалъ онъ,—я прерву вашъ завтракъ. Но умоляю васъ, скажите, гдѣ вы взяли такую удивительную собаку! Я любитель собакъ, у меня, въ Лондонѣ, ихъ десятки всевозможныхъ породъ. Но такой... Такой у меня нѣтъ...

— О,—отвѣтилъ господинъ:—это дѣйствительно замѣчательная собака. Могу сказать смѣло, что она умнѣе очень многихъ людей, изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ. Но все-же, чтобы научить ее нашему языку, для этого я долженъ былъ приложить бездну искусства и труда...

— Сколько вы хотите за вашу собаку? Я не пожалѣю большихъ денегъ!—сказалъ англичанинъ.

— О, что вы, что вы?—возразилъ господинъ: развѣ я могу разстаться съ такой собакой? Гастонъ, неужели ты могъ-бы разстаться со мной?

— Никогда!—отвѣтилъ пудель, дождавшись послѣдній кусочекъ мяса.

Но англичанинъ былъ неукротимъ. Ему казалось, что вся его коллекція собакъ, которая была въ Лондонѣ, ничего не стоитъ безъ этого пуделя.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—я очень богатъ! Я въ состояніи заплатить вамъ большія деньги. Хотите десять тысячъ франковъ?

— Ни въ какомъ случаѣ!—отвѣтилъ господинъ.

— Ну, двадцать!..

— Нѣтъ.

— Тридцать, пятьдесятъ... Наконецъ—сто тысячъ!

— Сто тысячъ? Гм... Объ этомъ надо подумать. Гастонъ, какъ ты думаешь, если я продамъ тебя за сто тысячъ?..

Пудель не отвѣтилъ ни слова, а только съ негодованіемъ отвернулся отъ него.

— Да,—сказалъ господинъ,—сто тысячъ большія деньги, а я человѣкъ не богатый. И что-же, вы могли-бы заплатить ихъ сейчасъ-же?

— Сію минуту. Я только что изъ банка, гдѣ получилъ крупную сумму...—Вотъ они!

— Это соблазнительно!—сказалъ господинъ:—Ну, хорошо! я беру эти деньги, а пудель вашъ.

Онъ взялъ цѣлую кипу денегъ и спряталъ ихъ въ карманъ. Глаза англичанина блестѣли радостью. Онъ справедливо былъ увѣренъ, что ни одинъ англичанинъ въ цѣломъ свѣтѣ никогда еще не сдѣлалъ такой замѣчательной покупки.

Тогда господинъ всталъ и подошелъ къ пуделю.— Ты сердись, Гастонъ,—сказалъ онъ, пѣжно потрепавъ его по головѣ.— Я тебя понимаю. Но что дѣлать! Я человѣкъ не богатый, а сто тысячъ на улицѣ не валяются. Прощай, Гастонъ. Погоди, я придѣлаю тебѣ цѣпъ. Вотъ такъ.

— Возьмите цѣпъ и держите его, онъ вашъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ счастливому англичанину и передалъ ему цѣпъ.— Однако,—прибавилъ онъ,—прошу васъ, позвольте ему проводить меня до порога!.. Вѣдь мы расстаемся навсегда.

Англичанинъ охотно согласился и, держа въ рукѣ цѣпъ, позволилъ пуделю дойти до порога. Господинъ приподнял шляпу, поклонился и вышелъ изъ ресто-

рана. Пудель сидѣлъ на порогѣ и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Но, сдѣлавъ пять шаговъ, господинъ остановился, повернулся лицомъ къ пуделю и долго смотрѣлъ на него, какъ-бы желая навсегда запечатлѣть въ своей душѣ его образъ, и вдругъ пудель—сказалъ громко и отчетливо:

— А, такъ вотъ какъ! Я служилъ тебѣ вѣрой и правдой, а ты продалъ меня первому встрѣчному... Такъ вотъ же тебѣ за это: съ этого момента я во всю жизнь не произнесу ни одного слова!..

Господинъ еще разъ поклонился, быстро смѣшался въ толпѣ и исчезъ, а англичанинъ остался съ пуделемъ, который дѣйствительно потомъ во всю жизнь не произнесъ ни одного слова.

Потомъ это объяснилось. Пудель былъ дѣйствительно очень уменъ и очень ученъ. Онъ понималъ каждое движеніе своего хозяина. Но говорить онъ все-таки не умѣлъ, а говорилъ за себя и за него—хозяинъ, который былъ искусный чревоушатель.

Маленькій художникъ.

(См. рис. на стр. 62)

Его никто не заставляетъ, онъ самъ беретъ доску и старательно водить по ней грифелемъ. Линіи идутъ у него вкривь и вкось, но онъ этого не замѣчаетъ, ему кажется, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше и что изъ подъ его грифеля выйдетъ настоящая рука со всѣми пятью пальцами. Выйдетъ-ли?

Едва-ли, потому-что рука его еще не тверда, грифель плохо повинуется ему. Но это ничего. Не бѣда, если не выйдетъ, если даже подъ его грифелемъ, вмѣстѣ руки, окажется что-нибудь, похожее на деревцо съ сухими вѣтками. Важно, что ему захотѣлось рисовать, что его *потянуло*...

Искусство не дается съ перваго раза, оно тре-

буеть работы, упражненія. Если онъ, видя, что сразу у него ничего не вышло, бросить, значить — у него нѣтъ призванія, значить — и жалѣть нечего.

Но если онъ будеть добиваться, сто разъ начинать сначала, зачеркивать, стирать и опять начинать, если ему это не надоѣтъ скоро, значить — въ немъ есть *что-то*... Сперва онъ надѣлаетъ множество ошибокъ, но будеть присматриваться, изучать, постепенно замѣчать ошибки. И ихъ будеть все меньше и меньше,

и, — и вдругъ смотришь — всѣмъ на удивленье, онъ любилъ, рука, которую онъ нарисовалъ — живая.

А когда онъ потомъ начнетъ рисовать что-нибудь другое, ужъ онъ не надѣлаетъ прежнихъ ошибокъ и ему уже будетъ легче.

Такъ начинали многіе художники, которые потомъ сдѣлались большими. Тѣ, которымъ сразу надоѣло и они тотчасъ бросили, не сдѣлались художниками.

Сперва онъ рисуеть грифелемъ на доскѣ, — это легче всего: ошибки легко стираются губкой. Потомъ онъ перейдетъ къ карандашу, это уже труднѣе. И, наконецъ, онъ возьметъ въ руки кисть и будетъ писать красками. Это очень трудно, но за то — какъ интересно!

ПТИЦЫ.

(Изъ Беранже).

Зима близка. Заслыша вьюгу,
Готовятъ птицы свой отлетъ;
Онѣ умчатся скоро къ югу,
Гдѣ знойный лѣсъ ихъ пѣсенъ ждетъ.
Но тѣнь полуденной денницы
Не омрачить земли родной:
Пускай зимою въ ссылкѣ птицы, —
Онѣ вернуться къ намъ весной.

* * *

Когда судьба ихъ шлетъ въ изгнанье,
Бѣда покинутой странѣ:
Дворцовъ и хатъ очарованье —
Живыя пѣсни — гдѣ онѣ?
Несутъ крылатыя пѣвицы
Чужбинѣ даръ свой неземной, —
Но, пусть зимою въ ссылкѣ птицы,
Онѣ вернуться къ намъ весной

* * *

Когда надъ гранью голубою
Сгустится тучъ холодный дымъ,
Къ землѣ прикованы судьбою,
На васъ мы съ завистью глядимъ.
Несутъ васъ крылья, чаровницы,
Въ счастливый край въ предѣль иной...
Но улетающія птицы
Вернутся съ новою весной.

* * *

Настанетъ часъ, — промчится вьюга,
Родимый дубъ, соперникъ бурь,
Вновь пріютитъ изгнанницъ юга,
И просвѣтлѣетъ вновь лазурь.
Поющихъ вѣстницъ вереницы
Предскажутъ нивамъ блескъ и зной, —
Пускай зимою въ ссылкѣ птицы,
Онѣ вернуться къ намъ весной!

К. Львовъ.

Жизнь всехъ странъ свѣта.

Животныя Африки.

Неуклюжій гишшотамъ (рѣчная лошадь) или какъ его еще называютъ — бегемотъ, представляетъ собою центральную фигуру въ верхней части этого рисунка.

Нѣкогда онъ встрѣчался во всехъ крупныхъ рѣкахъ Африки, но нынѣ его можно найти только въ немногихъ уединенныхъ мѣстностяхъ. За нимъ охотятся люди ради его мяса, которое по вкусу напоминаетъ свинину, а также ради шкуры и зубовъ, которые идутъ на разные подѣлки до человѣческихъ зубовъ включительно. Летающія вокругъ него птицы — ибисы, которыя считались въ древнемъ Египтѣ священными,

такъ какъ всегда являлись предвѣстниками урожая. Дѣло въ томъ, что они всегда прилетаютъ передъ самымъ разлитіемъ Нила. А рѣка эта, разливаясь, дѣлаетъ плодородными береговья поля. Не менѣе священнымъ въ глазахъ Египтянъ былъ и крокодилъ (изображенъ рядомъ съ ибисами): крокодиловъ держали въ храмахъ, гдѣ ихъ кормили жрецы и гдѣ имъ поклонялся народъ; послѣ смерти такихъ крокодиловъ тщательно бальзамировали и сохраняли въ видѣ мумій.

Ниже изображенъ верблюдъ съ наѣзникомъ арабомъ; безъ этого животнаго, которое можетъ нести большія тяжести, и двигаться быстрымъ шагомъ, оставаясь безъ питья по нѣскольку дней, движеніе каравановъ по раскаленнымъ пескамъ Сахары было бы

невозможно. Верблюдъ можетъ пройти до 70 верстъ въ день, неся на себѣ тяжесть до 500 фунтовъ. Въ центрѣ рисунка изображенъ левъ, напавшій на антилопу—сайгу; другія животныя въ ужасѣ бѣгутъ

передъ страшнымъ царемъ звѣрей; львы въ настоящее время истреблены человѣкомъ въ значительной степени, но все-же область ихъ распространенія довольно обширна. Южная и центральная Африка изобилуютъ разными видами антилопъ, изъ которыхъ самымъ крупнымъ является синяя сайга, за которой особенно любятъ охотиться туземцы изъ-за ея вкуснаго мяса. Правѣ сайги, поваленной львомъ, мы видимъ гну, странное животное съ головой быка, тѣломъ лошади и ногами антилопы. Въ перспективѣ налѣво видны бѣгущіе страусы, правѣ испуганное стадо зебръ.

Въ самомъ низу рисунка изображена цѣлая группа животныхъ. Слонъ, встрѣчающійся въ Сенегамбіи и на Оранжевой рѣкѣ. Африканскій слонъ больше своего азіатскаго сородича, но въ противоположность послѣднему совершенно неспособенъ приручиться и стать домашнимъ животнымъ. По этому за нимъ охотятся только ради его мяса и бивней; пара бивней старого слона можетъ дать до 125 фунтовъ слоновой кости. Рядомъ съ нимъ стоитъ жираффа съ удивительной длинной шей и щиплетъ листья деревьевъ; рядомъ толстокожій носорогъ утоляетъ свою жажду. Молодая гориλλα, на вѣтвяхъ сосѣдняго дерева дополняетъ картину. Гориλλα самая крупная изъ всѣхъ обезьянъ. Встрѣчается она въ Африкѣ близъ экватора и по отзывамъ путешественниковъ отличается силой и свирѣпостью.

Какъ гирипотамъ, такъ и жираффа и гориλλα встрѣчаются только въ Африкѣ.

Въ начальной школѣ.

(см. рис. на стр. 1).

Ты хочешь знать, что у насъ дѣлается въ подготовительномъ классѣ? О, это трудно рассказать. Чтобъ понять это, надо много воображенія. Наша учительница — Марья Гавриловна. Все ея вниманіе, вся забота устремлены на то, чтобъ въ классѣ былъ хоть какой-нибудь порядокъ и чтобы мы чему нибудь научились.

Но какъ установить порядокъ среди сорванцовъ, которымъ именно это и нравится, чтобъ былъ безпорядокъ...

И вотъ всѣ встаютъ съ своихъ мѣсть, окружаютъ ее и поднимаютъ шумъ.

— Марья Гавриловна, я посадилъ кляксъ вмѣсто точки надъ буквой *i*...

— Марья Гавриловна, у меня грифель сломался...

— Марья Гавриловна, мнѣ сапогъ жметъ ногу...

— Марья Гавриловна, я никакъ не могу вывести дугу надъ буквой *й*...

— Марья Гавриловна, я былъ на берегу моря... Тамъ такъ хорошо...

— У меня кончилась тетрадь... Что мнѣ дѣлать теперь?

— Я хочу домой... У меня голова болитъ...

— Мнѣ жарко!

— Мой сосѣдъ толкаетъ меня...

— Марья Гавриловна... Марья Гавриловна...

Марья Гавриловна смотритъ то на одного, то на другого. Ей хочется всѣмъ отвѣтить, всѣхъ успокоить. Но вѣдь это невозможно.

Бѣдная женщина! И вѣдь это повторяется каждый день. Все одно и то же.

— Садитесь по мѣстамъ и говорите по очереди, иначе я не могу отвѣчать вамъ... говорить она, выбившей изъ силъ.

Нѣтъ, право, если кто достоинъ уваженія, такъ это наша учительница: эту толпу неучей она постепенно превращаетъ въ порядочныхъ учениковъ, которые переходятъ въ старшіе классы и потомъ дѣлаются людьми...

Анаграмма.

Вс. Попова.

Въ странѣ одной
Вливаюсь въ море я большой рѣкой;
Рѣкой другой теку въ иной странѣ
Лишь только буквы *перестав* во мнѣ.

ШАРАДА.

Вс. Попова.

Слогъ *первой* мой — увеселенье,
Второй — есть божество,
А *третья* — стихотворенье.

Рѣшеніе анаграммы, помѣщенной въ № 7 Рона — нора.

„ Шарады „ „ Се — о — до — сія.

Вѣрное рѣшеніе Анаграммы, помѣщенной въ № 7, прислала:
Е. Я. Капралова.

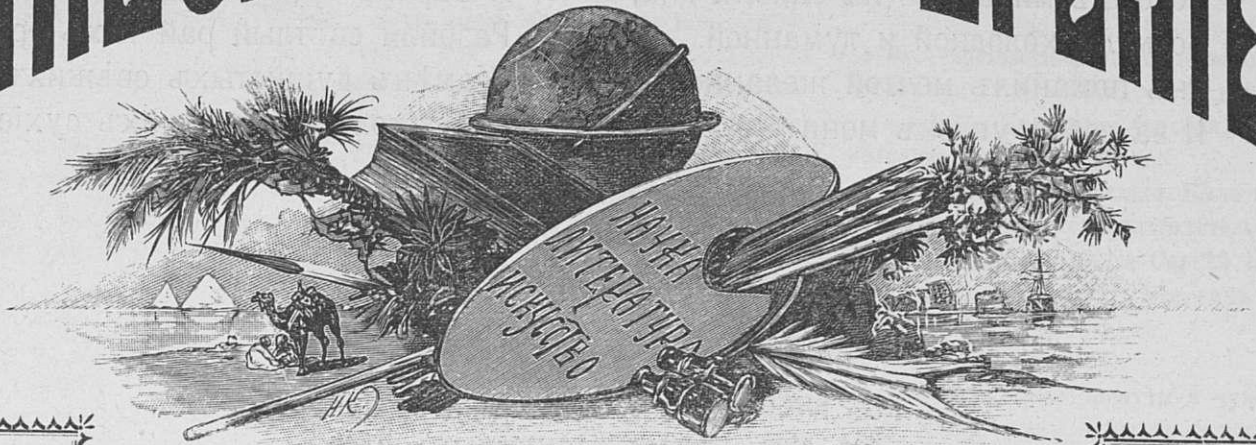
СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодинъ. — Умница. — Маленькій художникъ. — Птицы. Изъ Беранже. — Жизнь всѣхъ странъ свѣта. Животныя Африки. — Въ начальной школѣ. — Анаграмма. — Шарада. — Рѣшеніе анаграммы и шарады помѣщ. въ № 7. — Присланныя вѣрные рѣшенія анаграммы помѣщ. въ № 7 — Объявленія.

Редакторъ *А. П. Хесторъ.*

Предс. Администраціи *Д. Н. Бородинъ.*

ЖИВОПИСНОЕ ВЪЗРЪНІЕ

№ 9.

29 Февраля.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

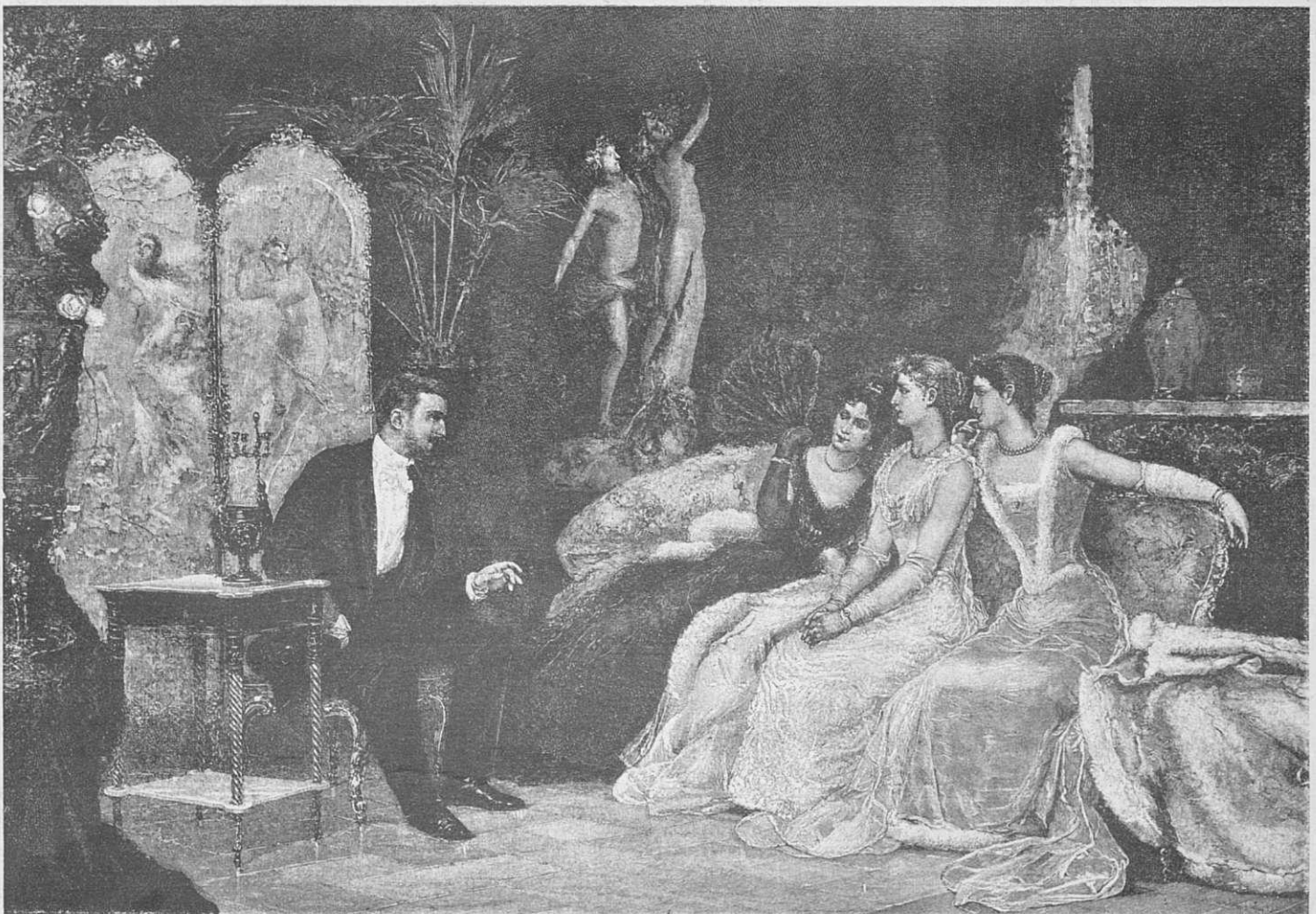
1904 ГОДЪ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапехко.*

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается разсрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка нонпареля — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редація Журнала: С.-Петербургъ, Невскій, 90.
Отдѣленіе. Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Можаровскаго.
Редація Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

Въ салонѣ. Съ карт. Р. Салинаса.

Сонетъ.

То былъ миражъ,—на склонѣ дня,
Во мглѣ холодной и туманной
Онъ поманилъ мечтой желанной
И за собой увлекъ меня.

Я вѣрилъ грезамъ; думы злыя
Разбили свѣтлый рай тѣхъ грезъ—
Взамѣнъ душистыхъ свѣжихъ розъ
Здѣсь только листья ихъ сухіе.

Затмился ясный сводъ небесъ.
Я вѣрилъ призрачной надеждѣ
Миражъ обманчивый исчезъ

Увяль букетъ душистыхъ розъ.
Я вновь одинъ, одинъ, какъ прежде
Съ тоской невыплаканныхъ слезъ.

Владиміръ Бѣльскій.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ.

(Продолженіе).

VI

Акимъ Акимычъ слушалъ ее съ виду довольно внимательно, но по глазамъ его было видно, что вся эта историческая справка его мало интересовала. Все это онъ и самъ хорошо зналъ, да и отъ Олимпіады Фаддѣвны, въ минуты ея откровенности, не разъ выслушивалъ.

Онъ помолчалъ, а потомъ сказалъ:— все это, Олимпіада Фаддѣвна, справедливо, а все таки неясно, чѣмъ недовольна Варвара Семеновна!

Олимпіада Фаддѣвна опять приняла нѣкоторыя мѣры, внимательно осмотрѣла всѣ углы комнаты, на этотъ разъ впрочемъ не вставая съ мѣста, и голось ея сдѣлался въ высшей степени конфиденціальнымъ. — Эхъ, что тутъ! Прямо сказать, наскучилъ ей Алексѣй Ивановичъ. Вѣдь седьмой годъ. Этакого постоянства даже не запомнимъ. Предшественникъ его, Бамбуковъ, всего на всего одиннадцать мѣсяцевъ правилъ. Ну, значить, перемѣна требуется, чередъ пришелъ.

— Такъ. Въ порядкѣ вещей! — Оклик-

нулся на это Вавилоновъ и видно было, что сообщеніе Олимпіады Фаддѣвны нисколько не удивило его.

— И имѣется избранникъ, прибавила собесѣдница.

— Да? Кто же этотъ счастливецъ? — слегка иронически промолвилъ Вавилоновъ.

— Да ужъ имѣется. Подгорцева Николая Васильевича сыночка знаете? Красивый такой изъ себя...

Вавилоновъ съ протестующимъ видомъ выпрямился. — Сергѣй Николаевичъ? Вотъ ужъ никогда, никогда! Я лично съ нимъ не говорилъ, но отца его хорошо зналъ. Честный человѣкъ былъ. И сынъ такого отца на этукую должность не пойдетъ. Это вы ужъ, извините меня, Олимпіада Фаддѣвна, прямо клеветеете...

Олимпіада Фаддѣвна укоризненно покачала головой. — Вотъ вы какъ, Акимъ Акимовичъ: клеветеете!.. Да вѣдь въ томъ то и вся меланхолия, что не идетъ. Затѣмъ и посылаю меня. У нихъ тамъ въ домѣ прямо бѣда: за долги описываютъ, съ квартиры гонять и денегъ въ домѣ ни одного гроша. Такъ вотъ, подъ видомъ какъ бы помощь оказать желаютъ, было велѣно сказать, чтобы пришесть... Поговорить, значить, о дѣлахъ. А молодой человѣкъ не промахъ: по-

нялъ, должно быть, въ чемъ тутъ сила, да такъ и отрѣзалъ: очень, говорить, за добрыя чувства благодарны, а въ помощи ихней не нуждаемся; даже скорѣй, говорить, съ голоду помереть согласны.

— А,—а... Догадался, значить...

— Видимо догадался. Мамаша его и сестрица съ руками и съ ногами согласны. Не понимаютъ, значить. Такъ онъ и мамашу и сестрицу такъ и осѣкъ: вы, говорить, ничего не понимаете, такъ и не суйтесь и я вамъ, говорить, этого не позволю.

— Молодецъ!—съ живостью и съ выраженіемъ удовольствія сказалъ Вавилоновъ.

— Молодецъ-то онъ, молодецъ, ежели по честному посмотрѣть. А только что же я ей теперь скажу, Акимъ Акимовичъ? Какой отвѣтъ дамъ? Вѣдь у насъ, ежели посылаютъ, такъ это значить, чтобы дѣло было сдѣлано, а тутъ выходитъ, что дѣло это самое ни на шагъ не подвинулось. Вѣдь она у насъ, Акимъ Акимовичъ, вродѣ Ивана Грознаго: тотъ копье въ ногу вонзалъ рабу своему или примѣрно посланцу, а она, своимъ взглядомъ ежели вонзится въ человѣка, такъ хуже всякаго копья... Тутъ правды никакъ сказать нельзя,— только себѣ навредишь.

— Да, — философски замѣтилъ Вавилоновъ, — правда вредная штука.

— Вредная, именно вредная — для нашего брата. Пускай ее кто другой говорить, а мы повременимъ.

— Повременимъ, повременимъ, Олимпіада Фаддѣвна...

— Дѣло не къ спѣху, оно и соврать еще можно.

— Можно... Отчего не соврать, хе, хе, хе... слегка подсмѣиваясь надъ нею, замѣтилъ Акимъ Акимовичъ.

— Можетъ, молодой человѣкъ и одумается...

Вавилоновъ очень твердо покачалъ головой. — Нѣтъ, не одумается. Сыпъ Николая Михайловича не одумается, это ужъ я вамъ навѣрняка скажу...

Олимпіада Фаддѣвна поднялась. Вавилоновъ прибавилъ: — вы туда, что-ли, врать-то пойдете? Такъ доложите обо мнѣ. Дѣло важное.

Но Олимпіадѣ Фаддѣвнѣ идти съ докладомъ не пришлось. Вошла горничная, но не прежняя, а другая, изъ двери, которая вела налѣво, во внутреннія комнаты. — Сюда барыня идутъ, сообщила горничная и Олимпіада Фаддѣвна вдругъ страшно засуетилась. Она вся преобразилась и въ этотъ моментъ уже нисколько не походила на ту важную особу, которая часъ тому назадъ расточала благодѣянія въ квартирѣ Подгорцевыхъ. Видъ у нея вдругъ сдѣлался робкій, приниженный, какъ у человѣка, во всякое время готоваго принять заслуженную казнь.

— Неужто идетъ? Вы, Акимъ Акимовичъ, ужъ въ столовой посидите, суетливо заговорила она: — я сперва свой докладъ сдѣлаю, а потомъ и объ васъ скажу...

Вавилоновъ поднялся, и двинулся направо, гдѣ была столовая, — только не тяните, сдѣлайте милость, мнѣ некогда — сказалъ онъ, остановившись около двери и затѣмъ скрылся за портьерой.

— Ступай себѣ, ступай, — строго сказала Олимпіада Фаддѣвна горничной. Та тоже скрылась. Вошла Варвара Семеновна.

Высокаго роста, стройная, она держалась прямо, смотрѣла на все съ выраженіемъ какой то повелительной гордости. Широкий капотъ съ длиннымъ треномъ, перехваченный въ талии, нѣжно облегалъ ея изящныя упругія формы, открывая слегка чудной бѣлизны красивую шею и плечи. Нѣкоторая полнота какъ нельзя болѣе шла къ ея фигурѣ.

Ея прекрасное лицо дышало свѣжестью, въ свѣтлыхъ глазахъ часто вспыхивалъ жгучій огонекъ молодости. Но было что-то холодное въ ея движеніяхъ и въ голосѣ, какъ будто легкое презрѣніе къ тѣмъ, на кого смотрѣла она и съ кѣмъ говорила.

При ней всегда хотѣлось держаться осторожно, слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, потому что чувствовалось, что и она не проститъ ни одного лишняго движенія, ни одного неосторожно сказаннаго слова.

Варвара Семеновна вошла, приблизилась къ дивану и сѣла. Нѣкоторое время она молчала, затѣмъ, не подымая головы и не взглянувъ на Олимпіаду Фаддѣвну, промолвила: — Ну?

— Все — исполнила, Варвара Семеновна, — чрезвычайно неувѣреннымъ голосомъ произнесла Олимпіада Фаддѣвна.

— Все? — Спросила Буракина, искоса мелькомъ взглянувъ на нее.

— Все, какъ приказали. Была тамъ. О намѣреніи вашемъ благодѣтельствовать объяснила и чтобы Сергѣй Николаевичъ самъ явился. Все какъ слѣдуетъ.

— И что-жъ?

— Очень были тронуты и чувствительно благодарны, — все съ большей и большей неувѣренностью говорила Олимпіада Фаддѣвна.

Она замолчала, нѣкоторое время промедлила и Варвара Семеновна, затѣмъ спросила: — и все?

— И какъ въ то время Алексѣй Ивановичъ позвонились къ нимъ...

— Жигулевъ? — перебила ее Варвара Семеновна.

— Они... Такъ я обязана была скрыться и даже отвѣтъ получить не успѣла. Но, само собою, онъ придетъ... Не сегодня такъ завтра придетъ, потому съ квартиры ихъ гонять, а на Алексѣя Ивановича мало надежды, ужъ это непремѣнно, что придетъ, Варвара Семеновна.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко

Въ открытое окно весеннею порой
Влетѣла ласточка... испугана стѣнами,
Небесный сводъ не видя надъ собой,
Она металась... и легкими крылами
Слегка коснулась струнъ висящей на стѣнѣ,
Бездарными людьми заброшенной, забытой,
Старинной скрипки пылью покрытой,
И тихій чудный звукъ раздался въ тишинѣ.
И ясно видѣлъ я, какъ скрипка содрогнулась,
Съ себя роняя пыль и въ солнечномъ лучѣ,
Та радостно, отъ сердца улыбнулась
Не бѣдной птичкѣ, нѣтъ, а милой старинѣ.

Л. Татищевъ.

Концертъ. Съ карт. Л. Смуглера.

Два берега.

Индійская легенда

Генриха Сенкевича.

Были двѣ страны, лежащія рядомъ, какъ бы два необозримыхъ берега, раздѣленныхъ только свѣтлымъ ручьемъ.

Берега этого ручья привѣтливо расширялись въ одномъ мѣстѣ, представляя мелкій бродъ въ формѣ озера съ тихими и прозрачными водами.

Подъ голубой поверхностью виднѣлось золотистое дно, съ котораго поднимались стебли лотоса, разцвѣтавшаго надъ зеркальною водъ розовыми и бѣлыми цвѣтами; разноцвѣтныя бабочки и мотыльки вились вокругъ цвѣтовъ, а среди прибрежныхъ пальмъ и выше, въ блестящемъ воздухѣ, птицы звенѣли, какъ серебряные колокольчики.

И это былъ переходъ изъ одной страны въ другую.

Первая звалась — Берегъ Жизни, вторая — Берегъ Смерти.

Обѣ сотворилъ всевышній и всемогущій Брами, который въ странѣ Жизни повелѣлъ царствовать доброму Вишну, а въ странѣ Смерти мудрому Шивѣ.

И сказали.

— Дѣлайте, какъ признаете лучшимъ.

И вотъ, въ странѣ, принадлежавшей Вишну, появилась Жизнь. Начало входить и заходить солнце, настали дни и ночи, морская поверхность стала подниматься и опускаться; на небѣ показались тяжелые отъ дождя облака, земля поросла лѣсами, появилось множество людей, звѣрей и птицъ.

Чтобы все живущія творенія могли плодиться и множиться, добрый богъ сотворилъ Любовь, которой приказалъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и счастьемъ.

И тогда Брами призвалъ Вишну предъ свое лицо и сказалъ.

— Ничего болѣе лучшаго ты не съумѣлъ придумать на землѣ, а такъ какъ я еще прежде сотворилъ небо, то остановись и пусть тѣ творенія, которыхъ ты назвалъ людьми, прядутъ далѣе нить Жизни безъ всякой твоей помощи.

Вишну послушался приказанія Брами и съ того времени люди стали сами о себѣ думать. Изъ ихъ добрыхъ помысловъ родилась радость, а изъ злыхъ — печали и они съ изумленіемъ увидѣли, что Жизнь не составляетъ непрерываго веселья, но что та нить, о которой говорилъ Брами, прядется какъ бы въ двѣ прядки, изъ которыхъ у одной на лицѣ улыбка, а у другой на глазахъ слезы.

Тогда они пошли къ трону Вишну и стали жаловаться.

— Господи, тяжела жизнь въ печали.

А онъ сказалъ.

— Пусть васъ утѣшитъ Любовь.

Услышавъ это они отошли успокоенные, такъ какъ Любовь дѣйствительно разбивала печали, которыя, въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ, которое давала она, казались такъ незначительны, что можно было не обращать на нихъ вниманія.

Но Любовь вмѣстѣ съ тѣмъ была великою матерью Жизни, такъ что сколь ни велика была та страна, въ которой царствовалъ Вишну, вскорѣ для массы людей не хватило ни лѣсныхъ ягодъ, ни меду живущихъ въ скалахъ, пчелъ, ни плодовъ на деревьяхъ. Въ это время болѣе разумные стали корчевать лѣса, обрабатывать поля, сѣять хлѣбъ и собирать плоды.

Такимъ образомъ появилась на свѣтъ Работа. Вскорѣ все должны были обратиться къ ней, такъ что она стала не только подспорьемъ для Жизни, но почти самой Жизнью.

Но изъ работы Трудъ, а изъ труда Усталость.

Толпы людей снова стали предъ трономъ Вишну.

— Господи! — зывали они, простирая руки — трудъ ослабилъ наши дѣла, усталость поселилась въ нашихъ костяхъ и хотѣли бы мы отдохнуть, но жизнь принуждаетъ насъ работать.

На это Вишну отвѣтилъ.

— Великій Брами не позволилъ мнѣ развивать далѣе нить Жизни, но я могу сотворить нѣчто, что будетъ ея перерывомъ, и такимъ образомъ отдохомъ.

И сотворилъ Сонъ.

Люди съ радостью приняли этотъ новый даръ и скоро признали его за одинъ изъ величайшихъ, какіе получали изъ рукъ бога.

Во снѣ успокоивались печали и заботы, во снѣ подкрѣплялись силы утомленныхъ, сонъ осушалъ, какъ добрая мать, слезы тоски и окружалъ головы спящихъ, какъ бы тихой мглой забвенія.

И люди хвалили сонъ, говоря:

— Будь благословенъ, потому что ты лучше, чѣмъ Жизнь на яву.

И только за одно они могли укорить его, за то, что онъ не продолжается вѣчно, что наступаетъ пробужденіе, а за пробужденіемъ работа — и новые труды и усталость.

Мысль эта такъ крѣпко стала заботить ихъ, что они въ третій разъ пошли къ Вишну.

— Господи — говорили они — ты далъ намъ великое и невыразимое благо, но не постоянное. Сдѣлай, чтобы сонъ былъ вѣченъ!

Вишну нахмурилъ свои божественныя брови, какъ бы разгнѣванный надоѣдливостью людей, и отвѣчалъ.

— Этого я вамъ дать уже не могу, но идите къ рѣчной переправѣ и на другой ея сторонѣ найдете то, чего ищете.

Люди послушали глосу божества, толпы ихъ тотчасъ потянулись къ озеру и, остановившись надъ нимъ, стали смотрѣть на другую сторону.

За тихой и ясной, украшенной цвѣтами водою тянулся Берегъ Смерти, или страна Шивы.

Не всходило и не заходило солнце, не было дня и ночи, но все пространство наполняла лилейная, однородная ясность.

Ни одинъ предметъ не бросалъ тамъ тѣни, потому что эта ясность проникала всюду, такъ что, казалось, составляла неотъемлемую принадлежность всѣхъ вещей.

Страна не была пустыня: на сколько хватало око, виднѣлись въ ней долины и возвышенности, поросшія красивыми группами деревьевъ, вокругъ которыхъ вились ползучія растенія, стебли плюща и винограда свѣшивались со скалъ.

Но и скалы, и стволы деревьевъ, и красивые стебли растеній были почти прозрачны, какъ бы сотворены изъ сгущеннаго свѣта.

Листья плюща имѣли мягкіе, розоватыя оттѣнки утренней зари и все было такое чудное, проникнутое какой-то неизвѣстной на Берегу Жизни лаской, такое чистое, какъ бы погруженное въ свѣтлую мглу, какъ бы усыпленное сномъ легкимъ, непробуднымъ.

Въ прозрачномъ воздухѣ не было ни малѣйшаго дуновенія, не качался ни одинъ цвѣтокъ, не дрожало ни одинъ листъ.

Люди, пришедшіе на берегъ съ шумомъ и громкимъ разговоромъ, притихли при видѣ этихъ лилейныхъ, неподвижныхъ пространствъ и только шепотомъ стали повторять.

— Какая тамъ тишина и какъ все почиваетъ въ свѣтѣ!

— О, да! тамъ покой и вѣчный сонъ...

Нѣкоторые, наиболѣе утомленные, сказали черезъ минуту.

— Пойдемъ искать вѣчнаго сна.

И вошли въ воду. Играющая всеми цвѣтами радуги глубина тотчасъ разступилась передъ ними, какъ бы желая облегчить имъ переходъ. Тѣ, которые остались на берегу, охваченные сильной печалью, стали звать ихъ назадъ, но никто изъ нихъ не повернулъ головы и они шли далѣе легко и охотно, очевидно все болѣе привлекаемые видомъ чудной страны.

Толпа, смотрящая съ Берега Жизни, замѣтила также, что тѣла ихъ, по мѣрѣ отдаленія, становились болѣе прозрачными, болѣе легкими, болѣе свѣтлыми, болѣе блестящими и какъ бы расплывающимися въ той всеобщей ясности, которая наполняла Берегъ Смерти.

А когда они перешли, они легли на отдыхъ среди цвѣтовъ и деревьевъ или у подножія скалъ. Очи ихъ были закрыты, но лица имѣли выраженіе не только полнѣйшаго покоя, но и такого счастья, какого на Берегу Жизни не давала даже Любовь.

Видя это, оставшіеся при Жизни, говорили другъ другу.

— Страна Шивы лучше и пріятнѣе.

И стали переходить на другую сторону все въ большемъ числѣ.

Или какъ бы хоромы старцевъ, и людей полныхъ силъ, и мужей съ женами, и матерей, ведущихъ за руку маленькихъ дѣтей, и юношей, и дѣвушекъ, а потомъ тысячи и милліоны людей стали толпиться у Тихаго Перехода, такъ что наконецъ Берегъ Жизни опустѣлъ почти совершенно. Въ это время Вишну, обязанностью котораго было охранять Жизнь, испугался своего, сказаннаго въ гнѣвѣ, совѣта и, не зная что дѣлать, пошелъ къ всевышнему Брамѣ.

— Творецъ, — сказалъ онъ — спасай Жизнь! Зачѣмъ владѣніе Смерти ты сотворилъ такимъ яснымъ, такимъ прекраснымъ и

Поцѣлуй. Скульптура Т. Стретена.

счастливымъ, что всё покидаютъ мое царство.

— Неужели никто у тебя не остался?— спросилъ Брама.

— Только одинъ юноша и одна дѣвушка, которые, чрезмѣрно любя другъ друга, пожелали лучше отказаться отъ вѣчнаго блаженства, чѣмъ закрыть очи и не смотрѣть на себя болѣе.

— Чего же ты хочешь?

— Сдѣлай страну Смерти менѣ прекрасной и счастливой, потому что иначе и эти двое покинутъ меня вслѣдъ за другими, когда минуетъ весна ихъ любви.

Брама на минуту задумался, потомъ сказалъ.

— Нѣтъ! Я не отниму красоты и счастья отъ страны Смерти, но сдѣлаю нѣчто другое, чтобы спасти Жизнь. Съ этого времени люди могутъ переходить на другую сторону, но уже не будутъ переходить охотно.

Сказавъ это, онъ соткалъ изъ мрака толстую, непроницаемую завѣсу, а потомъ сотворилъ двухъ страшныхъ существъ, изъ которыхъ одно звалось Боль, а другое Тревога, и приказалъ имъ повѣсить эту завѣсу у перехода.

И съ этой минуты Берегъ Вишну зацвѣлъ снова Жизнью, потому что, хотя страна Смерти осталась такой же ясной, тихой и счастливой, какъ прежде, люди боялись Перехода.

Пер. Г. Сапожниковъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Въ салонѣ. *Карт. П. Саминаса.* Въ этой картинѣ все изящно, начиная съ фигуръ и кончая обстановкой. Красивый молодой человекъ рассказываетъ нѣчто очень интересное, а три красавицы внимательно его слушаютъ, особенно блондинка, очевидно болѣе другихъ заинтересованная или разговоромъ или рассказчикомъ.

Концертъ. *Карт. Л. Смуллера.* Талантливо передана сцена домашняго концерта. Молоденькая пѣвица вся отдалась исполняемому ею романсу и увлекла прекрасныхъ слушательницъ. Хороша очень фигура аккомпаниатора, взявшаго звучный аккордъ и прислушивающагося къ солисткѣ.

Пощлуй. *Статуя Стретена.* Скульптурное произведение „Пощлуй“ принадлежитъ къ послѣднимъ твореніямъ старыхъ мастеровъ, преслѣдовавшихъ идеалы красоты и усердно изучавшихъ рисунки.

А. Смоликовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Сонетъ В. Бѣльскаго. — „Ангель-Хранитель“. Романъ. И. Н. Потепенко — „Въ открытое окно...“ стихотвореніе Л. Тетищева — „Два берега“. Легенда Генриха Сенкевича. Пер. Сапожникова. — Къ рисункамъ. А. Смоликова — Объявленія.

Редакторъ *А. Л. Хесторъ.*

Предс. Администраціи *Д. М. Бородинъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БЕЗОПАСНУЮ БРИТВУ

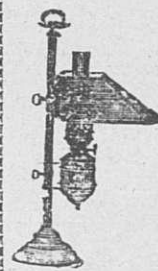

рекомендуемъ взѣмъ, желающимъ безъ всякаго труда и опасности гарантировать себя отъ столь частыхъ зараженій въ парикмахерскихъ, сокративъ при этомъ значительно свои расходы. Цѣна съ перес. въ Европ. Россію 3 р.; съ приборомъ, состоящимъ изъ вѣсточки, „икел“ чашечки и коробки порошка 3 р. 75 к. Нал. пл. 10 к. дорож. Адресовать: Фабричный складъ Л. Б. Айзенберга, Варшавъ, Дикая 33-к.

112.—Р. 10

10.—Л. К.

МИНИСТЕРСКАЯ ЛАМПА

по своей конструкціи превосходить всѣ другія до сихъ поръ извѣстныя. Благодаря ей устройству можно регулировать свѣтъ въ желаемомъ направленіи, причемъ при работѣ не нужно напрягать зрѣнія. А потому она необходима въ домашнихъ условияхъ; на письменномъ столѣ, при чтеніи, въ мастерскихъ, заводахъ и т. п. Цѣна съ упаковкой и пересылкой въ Европ. Россію 5 руб., налогъ, платеж. 12 коп. больше.

Адресовать:

Фабричный складъ Л. Б. Айзенберга, Варшава, Дикая. 38-к.

113.—Р. 10

10.—Л. К.

!! НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ !!

Вмѣсто 23 руб. только за 7 руб. 25 коп.

Изящные и прочные карманные часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ не позолоченные, глухіе съ 3-мя массивными крышками, заводъ безъ ключа, ручательство за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 рублей. Часы награждены медалями. Также же дамскіе—цѣна 8 руб. Высылаю вывѣренные часы до минуты, съ налогъ, плат. безъ зататка. Адресъ: Главный складъ часовъ Т-ва „ТАВАНЪ“ Варшава. Лешно 22.

БЕЗПЛАТНО: при аг. къ часамъ цѣпочка „Вѣкъ“ и брелокъ „Бинокль“ съ интересными видами 106.—М. Р. 5—4.

ЧУДНЫЙ ТОВАРЬ!! НЕБЫВАЛО ДЕШЕВО!

Для подавленія конкуренціи высылаемъ 11 слѣдъ предметовъ вмѣсто 20 р. только за 9 р. съ пересылкой.

1) Мужскіе часы чер. вор. стали зав. безъ ключа, прочный механизмъ и звучный ходъ съ ручат. за вѣрность хода на 6 лѣтъ. 2) Цѣль панц. массив. работа америк. зол. 3) Брелокъ америк. зол или „бинокль“. 4) Элегантный кожаный портмоне. 5) 6 штукъ карточекъ очень интереснхъ. 6) Дамскіе часы чер. вор. стали вывѣрен. 7) Цѣль дамская шейная америк. зол. 8) Модный кошелекъ изящной работы. 9) Золотое 56 пр. кольцо съ камнемъ. 1) Серьги золотые 56 пр. крупныя.

Всѣ вышеупомянутые предметы съ часами глухими (закрытыми) 2 руб. дорож. Требования задатокъ получаютъ 11-й бесплатно карм. ноникъ настоящ. англ. стали въ перламутр. оправѣ. Адресъ: фабричный складъ часовъ Т-ва „ЭКСПОРТЪ“ Варшава, Театральная, 5. 107.—Р. 6—2 К.

ФИСГАРМОНІИ

собственной фабрики и лучшихъ американскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ; прекраснаго тона и прочной конструкціи. Для школы: въ 45, 65, 85, 100, 110, 130, 150, 160 руб.

Для дома: въ 150, 160, 175, 185, 200, 275, 300, 375, 400, 600 руб.

Концертныя: въ 750, 1000 руб. и дорож.

Новаго типа фисгармоніи подъ названіемъ

ЗОЛІАНЪ

исполняютъ пьесы съ приблизительно оркестровыми оттѣнками. Предназначены для лицъ, неусвоившихъ клавиатурную технику. Работу пальцевъ исполняютъ бумажныя лентя, играющій же выдиганіемъ регистровъ придаетъ выразительность. Игра поддается артистической. Можно играть по клавиатурѣ какъ на обыкновенной фисгармоніи. Цѣна 225, 300, 600, 1000, 1200, 1500 руб. и дорож. лентя отъ 2 руб. до 6 руб. въ громаднѣмъ выборѣ.

Прейсъ-курранты и списки пьесъ бесплатно.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

С. Петербургъ, Морская 34. Москва, Кузнецкій мостъ.

108. Ц. Р. 7—К.

Иллюстрирующая Неделя

При ближайшемъ участіи И. Ж. Потапенко.

Хроника войны.

Всеподданнѣйшія телеграммы
намѣстника генераль - адъютанта
Алексѣяна имя Его Императорскаго
Величества изъ Мундена отъ 22-го
февраля 1904 г.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу: комендантъ владивостокской крѣпости телеграфируетъ, что

сего числа, въ 8 час. 50 мин. утра, къ югу отъ острова Аскольдъ показалось 7 кораблей; въ 9 час. 45 м. утра опредѣлилось, что это военныя суда и держатъ курсъ на островъ Аскольдъ. Въ полдень непріятельская эскадра находилась въ половинѣ разстоянія между берегомъ и островомъ Аскольдъ, направляясь на Усурийскій заливъ вѣи огня приморскихъ батарей. Въ часъ 30 мин. дня непріятельская эскадра открыла огонь. Выянилось, что въ составѣ ея имѣ-

ются, повидимому, крейсера перваго класса „Изумо“ и „Якумо“. Названія прочихъ судовъ не опредѣлены.

Отъ 23-го февраля 1904 г.:

I.

Въ дополненіе телеграммы отъ 22 февраля Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: въ часъ 25 мин. пополудни изъ 7 непріятельскихъ судовъ—

Японскій краснй крестъ. Братья милосердія.

5 открыли огонь по фортам Суворова, Ливеня, по городу и рейду вдоль долины рѣчки Объясненія. Огонь продолжался до 2 час. 15 мин., послѣ чего японская эскадра стала отходить на юг и въ 5 час. 30 мин. скрылась изъ виду. На батареяхъ и укрѣпленіяхъ потерь нѣтъ; въ городѣ раненъ 1 матросъ, убита женщина. Согласно только что полученнаго донесенія, непріятельская эскадра сегодня въ 8 ч. утра снова показала въ виду крѣпости.

П.

Командиръ Владивостокскаго порта доноситъ сего числа слѣдующее: вчерашняя бомбардировка сколько-нибудь серьезныхъ поврежденій порту не нанесла. На огонь непріятели крѣпость не отвѣчала. Сегодня около полудня непріятель, войдя въ Уссурийскій заливъ, подошелъ къ мѣсту, съ котораго обстрѣливалъ вчера портъ, и повернулъ обратно въ море. О вышеизложенномъ въ дополненіе телеграммъ отъ 22 и 23 февраля всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Отъ 24 февраля 1904 г.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу подробности дня 22-го февраля. Во Владивостокѣ около 11 часовъ утра непріятельская эскадра, пройдя траверсъ острова Аскольда, послѣ нѣсколькихъ перестроеній, оставила оба крейсера къ сѣверу отъ острова. Остальные суда направились, въ строѣ киль-ватера, по Уссурийскому заливу, параллельно берегу въ разстояніи не ближе 15 верстъ. Выйдя на створъ горы св. Іосифа и Уссурийской батареи, эскадра въ томъ же строѣ, взяла курсъ на эту батарею, открывъ огонь съ обоихъ бортовъ, повидимому холостыми выстрѣлами для прогреванія орудій. Въ 1 час. 35 мин. подошла на разстояніе около 8 верстъ, головной корабль открылъ огонь изъ носовыхъ орудій, а затѣмъ вся эскадра направилась вдоль берега стрѣляя съ лѣваго борта. Во время циркуляціи на правомъ галѣхъ непріятель огня не открывалъ. Послѣ третьей циркуляціи эскадра, въ 2 часа 20 мин., прекратила огонь, взяла курсъ на югъ въ миляхъ 10-ти правѣе острова Аскольда, и въ 5 час. 30 мин. скрылась съ горизонта береговыхъ батарей. Всего непріятеlemъ выпущено отъ 150 до 200 снарядовъ. Результаты попаданія ничтожны. Въ крѣпостяхъ и сооруженіяхъ поврежденій нѣтъ. Въ прочихъ частяхъ города и крѣпости пораженія незначительнаго состояніе духа войскъ гарнизона превосходное, подготовка батарей къ бою совершилась въ образцовомъ порядкѣ. По донесеніямъ отъ 23-го февраля, въ 8 час. утра, непріятельская эскадра вновь появилась у Владивостока, вошла въ Уссурийскій заливъ, прошла вдоль побережья и, не открывая огня, повернула назадъ держа курсъ на мысъ Гамова. Въ 3 часа 40 минутъ дня эскадра находилась на высотѣ этого мыса и, повернувъ передъ рейдомъ Паллада, удалась къ югу.

Владивостокъ, 23 февраля Подробности вчерашней бомбардировки. Серьезныхъ поврежденій никакихъ нѣтъ, а лишь снарядомъ 12-ти дюймоваго орудія пробить деревянный домикъ мастера Кондакова. Снарядъ вошелъ черезъ крышу и вышелъ черезъ противоположную стѣну на дворъ при чемъ въ самомъ домѣ убитъ жену Кондакова, беременную и мать четверыхъ дѣтей. Въ гниломъ углу снарядъ пробилъ, тоже не разорвавшись, домъ полковника Жукова, прошелъ чрезъ спальню, разрушилъ на пути печь и вещи, пробилъ противоположную стѣну и разорвался близъ денежнаго ящика. Часовой при ящикѣ, осыпанный землей и снѣгомъ, отъ взрыва не дрогнулъ, а только крикнулъ разводящаго, чтобы вынести знамя, которое тотчасъ же вынесла супруга полкового командира вмѣстѣ съ вѣстовыми. Пожаровъ нигдѣ не было. Наконецъ, на дворѣ казармъ сибирскаго флотскаго экипажа разорвался снарядъ ранившій легко пять матросовъ. Болѣе ни убитыхъ, ни раненыхъ нѣтъ. Убытковъ также нѣтъ. Причина полного молчанія нашихъ батарей, кромѣ малой вѣроятности попаданія въ виду дальности разстоянія, еще нежеланіе преждевременно обнаружить ихъ мѣстоположеніе. Относительно видѣнныхъ въ направленіи о. Аскольда и мыса Майделя миноносцевъ многие полагаютъ, что это были истребители миноносцевъ; находятъ также, что въ составѣ непріятельской эскадры были: 1 броненосецъ, 4 бронированныхъ и 2 небронированныхъ крейсера. (Р. А.)

Сегодня ночь прошла спокойно. Подъемъ духа въ городѣ и среди войскъ необычайный.

Владивостокъ, 23 февраля. Установлено, что бомбардировка 22 февраля поврежденъ домъ, пробитый гранатою. Осколками гранаты повреждены зданія конюшни скакового общества и немного казармы морского вѣдомства. Сегодня вновь съ 10 ч. утра замѣчена въ морѣ та же эскадра, состоящая изъ семи судовъ, которая, подошла въ 12 часовъ къ входу въ Уссурийскій заливъ, сдѣлала полный кругъ и удалась въ море по направленію между Аскольдомъ и Русскимъ островомъ, взявъ курсъ на Гамовъ мысъ. (Т. А.)

До безплодной бомбардировки Владивостока, обошедшейся японцамъ въ 600.000 р., (считая стоимость каждаго выстрѣла изъ дальнбойнаго орудія въ 3000 р.), истекшая недѣля прошла спокойно. Телеграфныя агентства разныхъ наименованій разносили по всему свѣту разныя слухи о движеніяхъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, но слухи эти такъ неопредѣленны, такъ противорѣчивы и въ тоже время по содержанію своему незначительны, что не заслуживаютъ особаго вниманія. Слѣдуетъ отмѣтить извѣстіе изъ Тегерана отъ 20 (4 марта), что Персія посылаетъ на афганскую границу 30.000 солдатъ (Т. А.) и со-

общеніе агентства Рейтера изъ Пешавера отъ 19 (3 марта), что расположенный тамъ 6-й корпусъ получилъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію въ Тибетъ (Р. А.). Если это правда, то, слѣдовательно, Англія готовится перейти отъ словъ къ дѣлу.

Что касается движенія японскихъ транспортныхъ судовъ и перевозокъ десанта, то по сообщенію агентства Гаваса изъ Шанхая отъ 20 (4 марта) японцы главный пунктъ высадки своихъ войскъ въ Корей перенесли изъ Чемульпо въ Цинампо, гавань котораго въ теченіе нѣсколькихъ дней уже свободна отъ льда. Кромѣ Цинампо японцы производятъ усиленный десантъ подъ прикрытіемъ всего флота въ Фузанъ и Мозампо. Изъ Токио телеграфируютъ, что въ квартиры министра иностранныхъ дѣлъ и секретаря въ Сеулѣ 19 (3 марта) были брошены бомбы. Побудительную причину слѣдуетъ искать въ интригахъ, которыя оппозиція ведетъ противъ японско-корейскаго договора (Р. Т. А.).

По свѣдѣніямъ изъ Пекина отъ 13 (26) февраля (Т. А.) въ японскомъ портѣ Сасебо находятся арестованные японцами русскіе пароходы: „Россія“, „Екатеринославль“, „Мукденъ“, „Александръ“, „Михаилъ“, „Николай“ и „Манчжурія“. Часть этихъ пароходовъ была задержана еще 25 января, остальные 26—30 января. Въ Сасебо назначенъ призовой судъ надъ пароходами; пассажиры отпущены на свободу. Сеулскій корреспондентъ „New-York-Herald“ телеграфируетъ, что 21-го февраля казаки захватили транспортный поѣздъ, предназначавшійся для японскихъ войскъ, направляющихся къ Ялу. Казакамъ досталась въ добычу сто лошадей и значительное количество оружія и припасовъ.

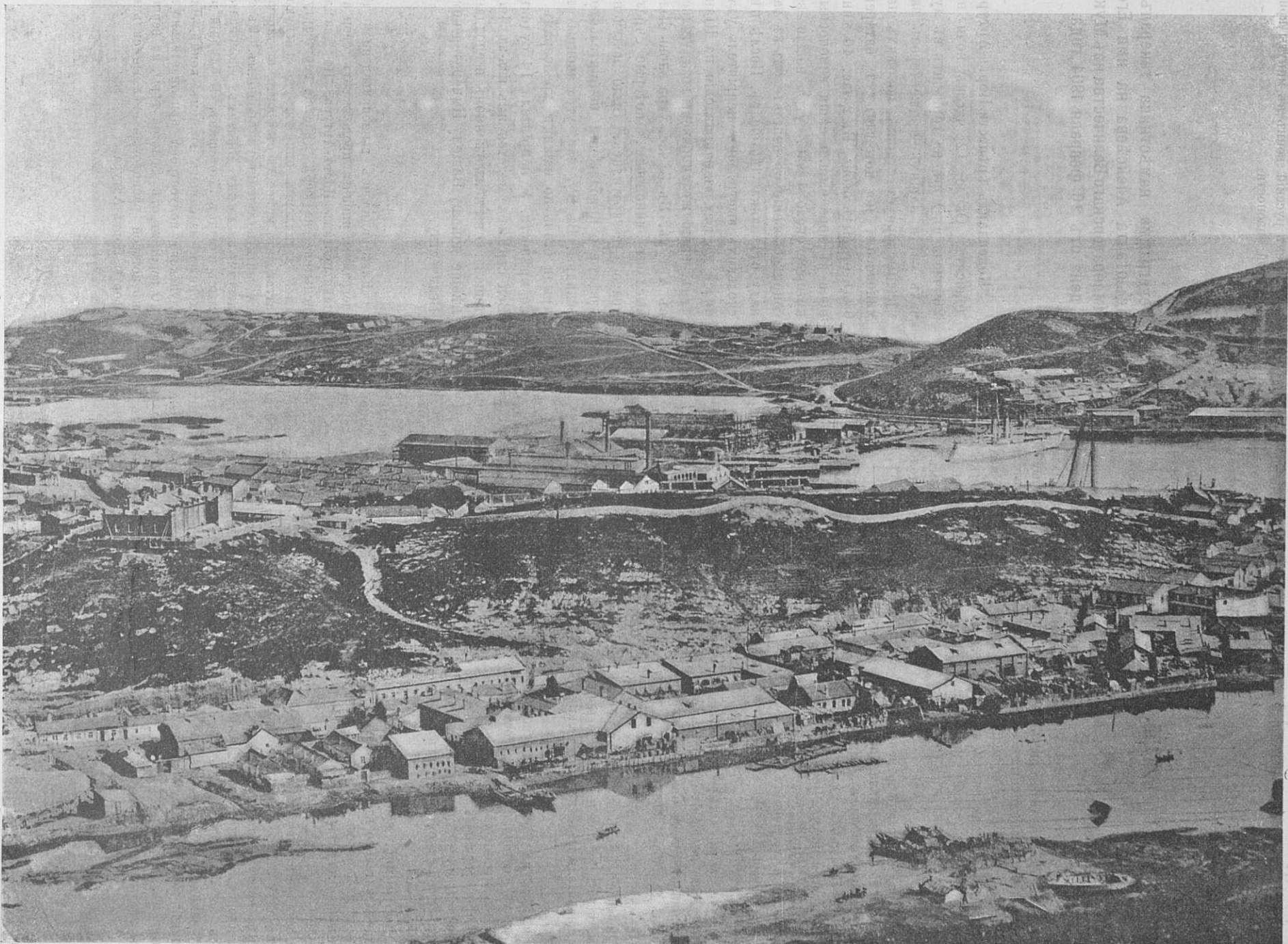
(Т. А. 23 (7 марта) Лондонъ).

По слухамъ, наступательнаго движенія японскихъ войскъ не будетъ предпринято до тѣхъ поръ, пока въ Пхюнь-Янѣ не будетъ сосредоточено 100.000 войскъ (Лондонъ, 23 февраля (7 марта) Р. А.). Развитие серьезныхъ операцій ожидается не раньше какъ недѣли черезъ двѣ.

Посятся также слухи, что возстаніе хунхузовъ усиливается; полагаютъ, что въ настоящее время число ихъ въ Южной Манчжуріи достигаетъ 25.000 человекъ; во главѣ ихъ стоятъ японскіе офицеры. (Т. А. 23 февраля (7 марта) Тянь-Цзинь).

Въ то же самое время Китай стягиваетъ свои военныя силы до линіи Цзинь-Чжоу—Чао-Янъ. Командуютъ китайскими войсками генералы Маюнкай и Индешень.

Пока на Дальнемъ Восокѣ стягиваются войска и готовятся къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Франція продолжаетъ выражать Россіи свои симпатіи. Изъ Парижа телеграфируютъ (22 февраля (6 марта) Гавастъ), что по окончаніи праздника союза полковыхъ обществъ, на которомъ присутствовало до 5.000 человекъ, комитетъ союза послалъ адресъ въ Петербургъ съ выраженіемъ полной и искренней симпатіи къ Россіи и засвидѣтельствовалъ при этомъ свое восхищеніе и сердечныя чувства по отношенію къ тѣмъ, кто готовится умереть за

Общій видъ Портъ-Артура.

корытѣ, большіе угрожающіе куски мѣла. На стѣнкахъ географическія карты и множество картинъ, на которыхъ были изображены животныя и растенія. На особой подставкѣ стоялъ великолѣпный красивый и нарядный глобусъ, который тетя Вѣра прислала мнѣ въ подарокъ. Сколько страшныхъ вещей...

— Вы кончили чай?— спрашиваетъ меня Иванъ Васильевичъ.

— Да, я уже кончилъ... отвѣчаю я и брови мои хмурятся, потому, что я уже знаю, что послѣдуетъ за этимъ.

— Ну, такъ пойдете...

Я, разумѣется, ожидалъ, что онъ мнѣ скажетъ: пойдите въ классную комнату, — и вдругъ что-же я услышалъ?

— Такъ пойдете дѣлать снѣжную горку...

Я поднялъ голову и взглянулъ на Ивана Васильевича, въ полной увѣренности, что онъ смѣется надо мной. Но онъ смотрѣлъ совершенно серьезно и даже поднялся и взялъ въ руки свою шапку.

— Какъ? спросилъ я, — а развѣ учиться не будемъ?

— Ну, какъ-нибудь и поучимся... Вѣдь мы всегда учимся.

— Какъ всегда?—спросилъ я.

— Конечно, всегда. Да вотъ сейчасъ вы видите, что снѣгъ идетъ, а вы когда нибудь присматривались, какой онъ этотъ снѣгъ?

— Бѣлый,—отвѣтилъ я.

— А вы возьмите-ка снѣжинку да рассмотрите... Да вотъ она упала на стекло окна. Посмотрите, какая красивая... Сколько въ ней развѣтвленій, — это все кристаллы. Вы знаете, что такое кристаллъ? Ну, это мы когда нибудь послѣ узнаемъ, а теперь вотъ вы уже увидѣли, какъ устроена снѣжинка, значитъ кой чему научились... Вотъ мы пойдёмъ снѣжную горку дѣлать, можетъ быть и тамъ чему нибудь научимся.

Я не вѣрю ему. Нѣтъ, тутъ что то не такъ, это онъ хитритъ. Или, можетъ быть, сегодня чьи-нибудь именины или какой нибудь праздникъ... Тѣмъ не менѣе мы одѣваемся и выходимъ во дворъ. Поляна, на которой обыкновенно строилась снѣжная горка, находилась за гумномъ.

— Но вѣдь намъ надо лопаты, — сказалъ Иванъ Васильевичъ. — А у васъ есть лопаты?

— О, у насъ ихъ цѣлая куча, — отвѣтилъ я.

— Сколько же?

— А я не знаю... Пойдемте, они въ сараѣ.

Мы пошли въ сараѣ. Лопаты стояли въ углу, я подошелъ къ нимъ и сейчасъ же пересчиталъ ихъ.

— Ихъ всѣхъ тутъ одиннадцать, — сказалъ я.

— Ну, намъ достаточно будетъ четырехъ, — про-

молвилъ Иванъ Васильевичъ. — Такъ мы отберемъ четыре лопаты.

Я отобралъ ровно четыре лопаты.

— Сколько же ихъ теперь тамъ останется? Это надо узнать. А то придетъ кто нибудь другой, возьметъ лопату, скажетъ, что мы взяли.

Я подумалъ: сколько останется лопатъ, если мы взяли четыре? и рѣшилъ — ихъ осталось семь.

Мы взяли по двѣ лопаты каждый и отправились за гумно. Но, собравъ немного снѣга, мы убѣдились, что лопаты слишкомъ узкія, а тамъ осталось двѣ широкихъ, которыя намъ нужны.

— Такъ сбѣгайте и принесите — сказалъ мнѣ Иванъ Васильевичъ. Я, разумѣется, сейчасъ-же побѣжалъ и принесъ двѣ широкія лопаты.

— Значитъ, у насъ теперь уже не четыре лопаты..

— А шесть!—дополнилъ я его мысль.

— А тамъ осталось уже не семь.

— А пять! — сказалъ я.

— Ага... Ну, да, шесть и пять, выходитъ одиннадцать, громко сосчиталъ Иванъ Васильевичъ.

Мы строили горку, наносили кучу снѣга, утаптывали его и лопатами и ногами, и рѣшили, что завтра будемъ кататься на санкахъ. А Иванъ Васильевичъ отъ времени до времени все таки вспоминалъ про лопаты. Когда работа подходила къ концу, онъ сказалъ: — ну, теперь намъ довольно будетъ двухъ лопатъ, а остальные отнесите. Я, разумѣется, охотно исполнилъ его желаніе. А когда вернулся, то мы съ нимъ высчитали, что въ сараѣ теперь осталось девять лопатъ. Въ это время на гумнѣ показалась знакомая фигура Марики, она пришла звать насъ завтракать и мы конечно пошли.

— А знаете что, Вова?—сказалъ мнѣ во время этого путешествія Иванъ Васильевичъ. — Вашъ папа, кажется, будетъ недоволенъ, что мы съ вами бѣгали и строили горку. Такъ вы зайдите въ классную и запишите все про лопаты.

— Да что же записать?—Спросилъ я.

— Да все, какъ было. Вѣдь вы помните, сколько было лопатъ въ сараѣ, сколько мы взяли въ первый разъ и сколько ихъ тогда осталось; и потомъ второй разъ: ну, словомъ-все, какъ было...

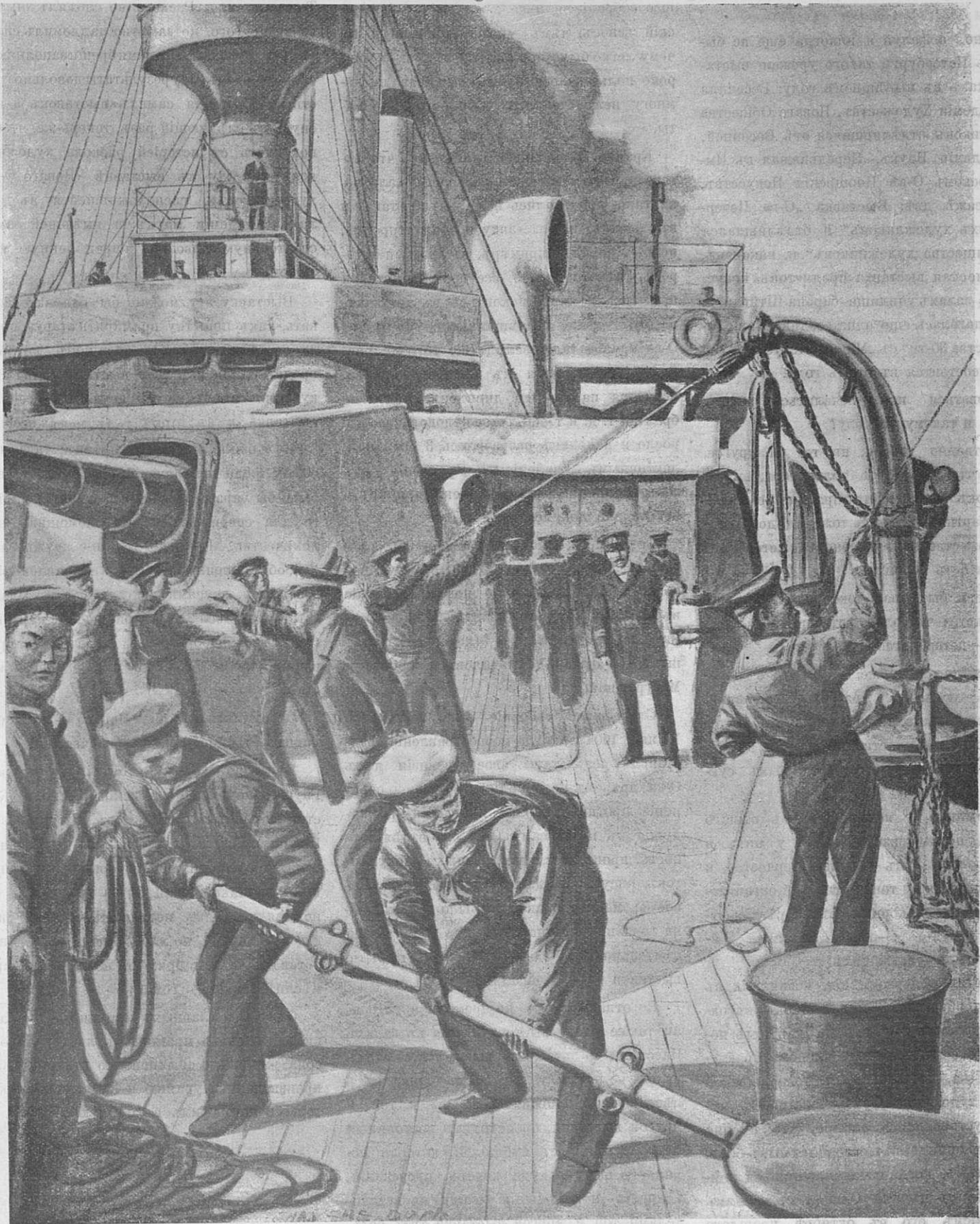
Меня это страшно заинтересовало. Я побѣжалъ въ классную комнату и въ какія нибудь пять минутъ самымъ точнымъ образомъ описалъ исторію лопатъ.

Мы явились завтракать. Лица у насъ были красныя отъ мороза.

— Что-это, господа, вы такъ покраснѣли отъ занятій?—спросилъ отецъ, — развѣ это такъ трудно?

— Мы покраснѣли отъ мороза, — сказалъ я и

ЖИВОНІЯ УДОБСТВЕННІЯ ЖИЗНИ

На японскомъ суднѣ передъ боемъ.

Хроника художественной жизни.

Давно, пожалуй и никогда еще не бывало въ Петербургѣ такого урожая выставокъ, какъ въ нынѣшнемъ году: Весенняя въ Академіи Художествъ, Нового Общества художниковъ отдѣлившаяся отъ Весенней, въ Академіи Наукъ, Передвижная въ Императорскомъ О-вѣ Поощренія Искусствъ, въ Пассаждѣ двѣ: Выставка „О-ва Петербургскихъ художниковъ“ и отдѣлившаяся „Товарищества художниковъ“ и, наконецъ, Историческая выставка предметовъ искусства въ залахъ училища барона Штиглица. Предполагалась еще одна соединенная „Товарищества 30-ти“ съ „Міромъ Искусства“, но она не состоится въ этомъ году.

Радоваться или печалиться такому урожаю и такому расколу?

Собственно говоря, ни то, ни другое, потому что урожай то только кажущійся. Выставокъ больше, это правда, но общее число картинъ остается тоже, слѣдовательно художественная физиономія Петербурга остается безъ переменъ.

Можетъ быть парадоксально, но право, мнѣ кажется что одна изъ причинъ этого явленія—петербургскій климатъ.

Вдумайтесь глубже: Петербургъ переполненъ людьми съ разбитыми нервами, раздражительными, неврастениками, благодаря тому что три четверти года мы вмѣсто солнца накрыты какимъ-то сѣрымъ сукномъ.

Художники не исключеніе изъ общаго правила, нервы развинчены и у нихъ, и даже сильнѣе, какъ у людей творчества, и у людей съ болѣе тонко-развитой организацией—и вотъ—задорныя рѣчи, рѣзкіе отвѣты, а результатъ—новая выставка обиженныхъ или обидѣвшихъ.

Извѣстны недоразумѣнія, возникшія въ О-вѣ петербургскихъ художниковъ въ октябрѣ прошлаго года изъ за слишкомъ поспѣшнаго исключенія изъ членовъ правленія О-ва, несогласно съ товарищеской этикой, художника Сухоровскаго. Въ публикѣ установилось мнѣніе, что именно изъ этого инцидента и загорѣлся сыр-боръ. Между тѣмъ, когда ознакомившись внимательнѣе съ дѣлами О-ва и съ общимъ настроеніемъ его въ октябрѣ прошлаго года, то приходишь къ заключенію, что недовольство противъ заправиль копилось уже давно, мѣсяцами, а Сухоровскій былъ уже послѣдней каплей, переполнившей чашу и только предлогомъ ко взрыву. Уставъ О-ва давалъ слишкомъ большія полномочія,

Правленію, напримѣръ право исключать члена хотя-бы разъ не явившагося на общее собраніе или-же за запоздалый членскій взносъ, чѣмъ многіе грѣшили и къ чему легко было придратъся и т. п.—и широко пользовалось этимъ, выживая по немногу нежелательные для него элементы.

Крайне недовольны были тѣмъ, что интересы О-ва соблюдались очень халатно, картины допускались какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, на выставку по баллотировкѣ, но въ Москвѣ, напримѣръ, за глазами авторовъ, нѣкоторыя во все время выставки продолжали мирно покоиться въ ящикахъ, не бывъ даже развѣшанными, капиталъ О-ва началъ таять вслѣдствіе того-же равнодушія Правленія къ интересамъ О-ва, несмотря на то, что дивидендъ никто не бралъ и т. д. и т. д. Глухое недовольство все росло и наконецъ разразилось 3 окт., коллективнымъ удаленіемъ Правленія изъ залы засѣданія, безъ объясненія причинъ и безъ сдачи документовъ.

Оставшіеся, однако, не растерялись, сплотились; 2 дек. создано было чрезвычайное общее собраніе, выбрано новое правленіе въ составъ котораго вышли: Маковскій—(предѣдатель), Вельць,—(казначей) Малышевъ—(секретарь), Шатиловъ, Сгорновъ и Мауоровскій.

Слѣдующее собраніе О-ва состоялось 13 янв. 1904 г., когда новое правленіе представило результаты своей ревизіи дѣлъ О-ва, причемъ подтвердилось главное обвиненіе противъ стараго правленія—равнодушіе къ интересамъ О-ва и бездѣятельность, пропаша клише, разныхъ документовъ, рисунковъ, даже мебели и проч. Новое временное правленіе было утверждено на годъ выработана программа дальнѣйшей дѣятельности О-ва и назначено открытіе выставки на 12 февраля.

Но отпавшіе тоже не дремали и устроили также свою выставку, тоже въ залахъ Пассажа, но этажемъ выше. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. На всѣхъ площадкахъ лѣстницъ расположились кассы и той, и другой выставки, происходятъ постоянныя недоразумѣнія съ публикой, которая понадеетъ не туда куда хочетъ, пререканія, волненія—и отношенія между представителями той и другой выставки тутъ больше обостряются.

Немного вещей есть на свѣтѣ, которыя такъ таки возьмутъ да ломаютъ сразу челоуѣка; по большей части самыя серьезныя драмы надломаютъ, подорвутъ въ большей или меньшей степени жизнь и работо-

способность; тоже самое и въ данномъ случаѣ примѣнительно въ О-ву Пет. худ. и Товарищ. худ. Расколъ не сломилъ ни того ни другого, но замѣтно надломилъ силы тѣхъ и другихъ. Съ годами бреши заполняются, но въ этомъ году результаты довольно грустные; обзорѣнія самихъ выставокъ я коснусь въ слѣдующій разъ, теперь-же, чтобы покончить съ исторіей раскола художниковъ, перейду къ выставкѣ «Новаго О-ва художниковъ», расположившейся въ залахъ Академіи Наукъ и имѣющей самостоятельную, довольно опредѣленную физиономію.

Выставку эту можно бы охарактеризовать, какъ попытку примирить старую школу съ тѣмъ крайнимъ теченіемъ, которое представляли изъ себя выставки Міра Искусства. Затѣмъ не забудемъ что Весенняя выставка и въ этомъ году какъ всегда, имѣетъ около 400 № (!) картинъ, такъ что 600 № (если прибавить 169 № Новаго О-ва) было-бы заразъ пожалуй и немножко много для современнаго намъ немощнаго челоуѣчества. Понятно желаніе кружка людей, объединенныхъ общимъ направленіемъ, взглядами, вкусами выдѣлиться, такъ сказать „отроститься“ изъ той массы картинъ самыхъ разнообразныхъ школъ и направленій, какія бываютъ на Весенней выставкѣ.

Отъ этого и выставка Новаго О-ва производитъ стройное цѣльное впечатлѣніе.

Въ главѣ О-ва стоятъ художники. Гаушъ, Фокинъ, Кардовскій, Теснеръ, Кустодіевъ, Петровъ, Пироговъ, Штурманъ и Ивановъ. Выставка могла бы быть болѣе солидной и обширной, говорили мнѣ заправицы выставки, если бы за устройство ея не взялись такъ поздно. Идея ея существовала давно, но хлопотать о разрѣшеніи устава начали напримѣръ всего въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года.

Одну изъ главныхъ приманокъ выставки составляютъ мраморы скульптора Аронсона, живущаго обыкновенно въ Парижѣ, и произведенія Мурашко и Кустодіева, о которыхъ поговоримъ въ слѣдующій разъ.

О. Базанкуръ.

† Генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій.

Въ ночь съ 16 на 17 февраля скончался членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Петръ Семеновичъ Ванновскій.

Родился П. С. 24 ноября 1822 года въ скромной дворянской семьѣ и обучался въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса поступилъ прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Вскорѣ, еще совсемъ молодымъ офицеромъ, участвовалъ въ венгерской компаніи, а въ 1853 году былъ прикомандированъ къ Замосцкому егерскому полку для участія въ войнѣ съ

Намѣстникъ Дальнаго Востока, Генералъ-адъютантъ, адмиралъ Е. И. Алексѣевъ.

былъ назначенъ командиромъ 12 армейскаго корпуса, съ которымъ и переправился черезъ Прутъ и Дунай у Зимницы. Вскорѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Русскаго отряда и сдѣлался ближайшимъ помощникомъ Императора Александра III, бывшего тогда Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и командовавшего Русскимъ отрядомъ. По окончаніи войны покойный былъ назначенъ генераломъ-адъютантомъ.

Въ 1881 году П. С. былъ призванъ на постъ военнаго министра и оставался имъ до 1899 года. Нѣтъ возможности въ тѣсныхъ рамкахъ этого некролога перечислить всѣ тѣ преобразованія, которыя совершились за 17 лѣтъ его управленія министерствомъ. Довольно сказать, что все, (начиная съ

переворуженія арміи до преобразованія военно-учебныхъ заведеній включительно) что составляетъ характерныя черты нашей совершенной военной организаціи, создано въ этотъ періодъ. Впрочемъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ этихъ частностяхъ, такъ какъ дѣятельность П. С. какъ военнаго министра еще у всѣхъ въ памяти.

1 января 1898 года покойный былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Но уже въ слѣдующемъ году ему было поручено особое слѣдствіе по дѣлу о студенческихъ беспорядкахъ. Здѣсь покойный проявилъ такъ много такту, безпристрастія, вниманія и необыкновенно добросовѣтнаго отношенія къ дѣлу, что уже въ 1901 году былъ призванъ на постъ министра народнаго просвѣщенія для безотлагательнаго измѣненія русской школы.

Капитанъ 1-го ранга Н. Рейценштейнъ "начальникъ отряда крейсеровъ."

Турціей; за отличія при осадѣ Силистріи П. С. получилъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами. Въ 1855 г. послѣ возвращенія съ войны онъ былъ назначенъ начальникомъ вновь учрежденной офицерской школы, которая скоро стала подъ его руководствомъ образцовымъ учрежденіемъ. Въ 1861 году покойный былъ уже генералъ-майоромъ и сдѣлался директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса, который и былъ при его ближайшемъ участіи преобразованъ въ Павловское военное училище. Директоромъ училища онъ оставался до 1868 и за все это время принималъ дѣятельное участіе въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ для преобразованія военно-учебныхъ заведеній. Затѣмъ онъ былъ послѣдовательно начальникомъ 12-ой и 33-й пѣхотныхъ дивизій.

Въ русско-турецкую кампанію П. С.

Е. С. Боткинъ Д-ръ медицины, старшій врачъ 1-го госпитальнаго отряда на Дальнемъ Востока.

Къ сожалѣнію дѣятельность П. С. на этомъ посту продолжалась недолго и уже въ февралѣ 1902 года онъ оставилъ этотъ постъ.

Генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій. († 16 февраля въ 12 ч. ночи).

СОДЕРЖАНІЕ:

Хроника войны—Хроника художественной жизни О. Базанкуръ.—Генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій (некрологъ)

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ уважаемыхъ г.г. подписчиковъ—при высылкѣ въ Контору **доплатныхъ взносовъ** подписной суммы—**обязательно** упоминать, что деньги **высылаются** въ счетъ подписки за получаемый журналъ, во избѣжаніе зачисленія вторыхъ и т. д. взносовъ въ счетъ новой подписки и неизбѣжной въ такихъ случаяхъ проволоочки въ непрерывномъ полученіи журнала.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Открыта подписка на 1904 г. на

„Живописное Обозрѣніе“

Администрація по дѣламъ Д-ра Мед. В. И. Рамма, приведя въ порядокъ его обширное издательское и типографское дѣло, начинаетъ свою дѣятельность съ 1-го января 1904 г. **издавая журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.**

При ближайшемъ участіи **И. Н. ПОТАПЕНКО.**

Новая редація журнала, озабочиваясь привлеченіемъ къ ближайшему участію въ ея дѣятельности лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, не желаетъ прибѣгнуть къ обычной рекламѣ и общаніямъ, полагая, что *само изданіе журнала привлечетъ вниманіе читателей, если оно того будетъ заслуживать.*

Въ теченіе 1904 г. каждый подписчикъ получитъ:

- 52** №№ **ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА.** Снимки съ картинъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ художниковъ.—Выставки въ Россіи и за границей. Романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія.
- 52** №№ **журнала ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НЕДѢЛЯ.**—Событія недѣли въ Россіи и за границей въ статьяхъ и въ рисунокъ.—Фельетоны: Столичные этюды. Провинціальныя мелодіи. За рубежомъ. Юбилей. Некрологи.
- 52** №№ **журнала ПОЛЬЗА И РАЗВЛЕЧЕНІЕ.**—Популярныя статьи по всѣмъ вопросамъ знанія. Хроника новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній—Игры и забавы дома и на воздухѣ. Шутки, шарды, ребусы, задачи и загадки.
- 12** **ежемѣс. книгъ литературнаго политическаго и обществннаго журнала.** Больше 2000 страницъ текста. Обозрѣніе: литературное, иностранное, внутреннее, экономическое, научное.—Воспоминанія и путешествія.—Больше романы и повѣсти.
- 12** вып. журн. **Моды.** Хроника модъ Писъма изъ Парижа, Вѣны, Лондона, Моды дамскія и дѣтскія
- 12** вып. **Выкройки и выпилованія** по новѣйшимъ образцамъ русскихъ и иностран. авторовъ

52 **КНИЖКИ** полного иллюстрированнаго собранія романовъ знаменитаго англійскаго юмориста **„ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА“** до 6000 страницъ текста. Болѣе 200 иллюстрацій.

Всѣ внесшіе подписные деньги на 1903 г. получить въ размѣрѣ своего взноса журналъ и всѣ приложенія на 1904 г. **БЕЗПЛАТНО.** Приславшіе въ 1903 г. на пересылку „Третьяковской Галлерей“ **получать** эту галлерей **БЕЗПЛАТНО** по внесеніи полной подписной суммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 8 р. съ доставкой и пересылкой

Подписка принимается въ Главн. Конт. Живописнаго Обозрѣнія. С.-Петербургъ, Невскій, 90.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предсѣд. Адм. Прис. Повѣр. Д. Н. Бородинъ.

Открыта подписка на 1904 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТРЕЗВОСТЬ И БЕРЕЖЛИВОСТЬ

подъ редакціей Присяжнаго Повѣреннаго
Д. Н. Бородина.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

I. Правительственныя распоряженія.—II. Статьи, обзоры и корреспонденціи по финансово-экономическимъ и торговопромышленнымъ вопросамъ.—III. Питейное дѣло.—IV. Кредитъ и банковое дѣло.—V. Страхование дѣло.—VI. Профессиональное дѣло.—VII. Кустарное дѣло.—VIII. Артельное дѣло.—IX. Переселенческое дѣло.—X. Виржа, фондовыя и вексельныя бу маги.—XI. Хроника.—XII. Обзоръ печати и библиографія.—XIII. Биографіи, очерки и рассказы.—XIV. Отвѣты на вопросы читателей.—XV. Рисунки и чертежи.—XVI. Объявленія.

Подписная цѣна:

Съ пересылкой и доставкой на годъ—3 р. полгода—1 р. 50 к., четверть года—1 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, ул. Глинки, 6.—Телефонъ № 307.

Въ концѣ 1904 г. всѣ г.г. подписч. получатъ:

Безплатную премію сочин. Д. Н. Бородина **„АЛКОГОЛИЗМЪ У ДѢТЕЙ“.**

Редакторъ-издатель Д. Н. Бородинъ.

Для дѣтей

Живописное Обзорѣніе

ПОЛЪЗАНІЕ РАДОВА СЪЩЕ

При ближайшемъ участіи И. Н. Потаненко.

Исторія, которая никогда не кончалась.

(Продолженіе).

V.

Учитель.

Иванъ Васильевичъ вступилъ въ отправление своихъ обязанностей и началъ учить меня.

Но странное дѣло: я какъ будто-бы этого и не замѣтилъ. Началась зима и прошла зима, а настоящаго ученія вовсе не было.

Тутъ надо разсказать, какъ я представлялъ себѣ эту штуку тогда, когда еще только получилъ первое извѣстіе о томъ, что пріѣдетъ ибѣкій Иванъ Васильевичъ и будетъ учить меня.

Мнѣ представлялось это такъ: вотъ зимнее утро.

Лѣсъ ангеловъ. Съ картины Витта.

Еще даже не совсѣмъ разсвѣло. Въ домѣ всѣ спятъ. Только во дворѣ возится Іона. Морозъ. У Іоны обмерзли усы и съ нихъ спускаются внизъ ледяныя «сосульки». Морозъ небольшой, но страшно неприятный.

И вотъ въ этотъ часъ меня будятъ. Входитъ Марика расталкиваетъ меня и говоритъ: — Панычекъ, вставайте учиться.

Покойной ночи!

Брр... какъ не хочется! Но я протираю глаза. Марика умываетъ мнѣ лицо нарочно самой холодной водой, чтобы я поскорѣй пришелъ въ себя, — и это ужасно, — по всей кожѣ пробѣгаетъ морозъ отъ этого.

Вхожу въ столовую, пью чай наскоро, ѣмъ котлету. Меня торопятъ: скорѣй, учитель ждетъ. Я какъ нибудь торопливо глотаю и чай и котлету, и то и другое съ отвращеніемъ, потому что я люблю поѣсть медленно, основательно, съ толкомъ... И отправляюсь въ классную комнату.

Въ классной комнатѣ душно. Мнѣ суютъ учебную книжку и мы начинаемъ «зудить». Учитель стоитъ

надъ моей головой и все понукаетъ меня, понукаетъ. Это страшно, скучно, утомительно, голова у меня трещитъ и результатъ всего этого единственный: я ненавижу учителя. Такъ я представлялъ себѣ его.

Но вотъ прошло уже полгода, а ничего этого пока нѣтъ. Иванъ Васильевичъ прямо чудакъ какой-то. Началось это вотъ такъ — я отлично помню эти первые дни:

Утро. Я уже не сплю, но еще не открылъ глазъ, — это самое приятное состояніе, когда чуть дремлешь и при этомъ сознаешь, что дремлешь. Въ эти минуты только и можно оцѣнить сладость сна.

Я слышу—въ сѣняхъ-ли, или въ сосѣдней комнатѣ — голосъ Ивана Васильевича: — а что не всталъ еще?

— Нѣтъ, еще спать, — отвѣчаетъ Марика. — Можетъ, разбудить?

— Нѣтъ, зачѣмъ?.. Пусть себѣ выспится...

Я еще въ полудремотѣ и слегка удивляюсь. Почему это онъ позволяетъ мнѣ выспаться? Но, наконецъ, я открываю глаза и добровольно встаю и начинаю мыться, одѣваться, молиться Богу и все такъ, какъ будто и нѣтъ никакого учителя.

Я иду въ столовую и тамъ встрѣчаю Ивана Васильевича. Оказывается, что уже девять часовъ. Я всталъ даже немножко позже, чѣмъ встаю обыкновенно. Но онъ еще не пилъ чай и мы начинаемъ дѣлать это вмѣстѣ.

Онъ здоровается со мной, но я поглядываю на него косо. Знаемъ, молъ, эти штуки. Сейчас начнешь мучить меня..

Однако Иванъ Васильевичъ не торопится мучить меня. Я ѣмъ очень основательно, не спѣша, и смотрю въ окно: на дворѣ напало множество снѣга. Ухъ, какъ-бы я теперь занялся постройкой снѣжной горки, а потомъ катался-бы на санкахъ съ этой горки...

У меня прескучное лицо: вѣдь сейчасъ пойдѣмъ въ классную комнату и зароемся тамъ, точно въ могилѣ...

Ахъ, да, я забылъ сказать о классной комнатѣ. Она была приготовлена еще до пріѣзда Ивана Васильевича. Отецъ очень много занимался этимъ вопросомъ, самъ все заказывалъ и устраивалъ. Она помѣщалась рядомъ съ его кабинетомъ. До сихъ поръ эта комната стояла такъ себѣ, безъ всякаго дѣла.

Чего только тамъ не было: желтая скамейка, съ чернымъ покатымъ столомъ; на этой скамейкѣ и за этимъ столомъ я долженъ былъ сидѣть. Столикъ и стулъ для Ивана Васильевича. Огромная черная доска, которая вертѣлась, такъ что можно было пользоваться обѣими сторонами ея, и внизу подъ нею, въ узенькомъ

У ручья. Съ карт. Л. Перрольта.

корытъ, большіе угрожающіе куски мѣла. На стѣнкахъ географическія карты и множество картинъ, на которыхъ были изображены животныя и растенія. На особой подставкѣ стоялъ великолѣпный красивый и нарядный глобусъ, который тетя Вѣра прислала мнѣ въ подарокъ. Сколько страшныхъ вещей...

— Вы кончили чай?— спрашиваетъ меня Иванъ Васильевичъ.

— Да, я уже кончилъ... отвѣчаю я и брови мои хмурятся, потому, что я уже знаю, что послѣдуетъ за этимъ.

— Ну, такъ пойдете...

Я, разумѣется, ожидалъ, что онъ мнѣ скажетъ: пойдете въ классную комнату, — и вдругъ что-же я услышалъ?

— Такъ пойдете дѣлать снѣжную горку...

Я поднялъ голову и взглянулъ на Ивана Васильевича, въ полной увѣренности, что онъ смѣется надо мной. Но онъ смотрѣлъ совершенно серьезно и даже поднялся и взялъ въ руки свою шапку.

— Какъ? спросилъ я, — а развѣ учиться не будемъ?

— Ну, какъ-нибудь и поучимся... Вѣдь мы всегда учимся.

— Какъ всегда?—спросилъ я.

— Конечно, всегда. Да вотъ сейчасъ вы видите, что снѣгъ идетъ, а вы когданибудь присматривались, какой онъ этотъ снѣгъ?

— Бѣлый, — отвѣтилъ я.

— А вы возьмите-ка снѣжинку да рассмотрите... Да вотъ она упала на стекло окна. Посмотрите, какая красивая... Сколько въ ней развѣтвленій, — это все кристаллы. Вы знаете, что такое кристаллъ? Ну, это мы когда-нибудь послѣ узнаемъ, а теперь вотъ вы уже увидѣли, какъ устроена снѣжинка, значитъ кой чему научились... Вотъ мы пойдёмъ снѣжную горку дѣлать, можетъ быть и тамъ чему-нибудь научимся.

Я не вѣрю ему. Нѣтъ, тутъ что то не такъ, это онъ хитритъ. Или, можетъ быть, сегодня чьи-нибудь именины или какой-нибудь праздникъ... Тѣмъ не менѣе мы одѣваемся и выходимъ во дворъ. Поляна, на которой обыкновенно строилась снѣжная горка, находилась за гумномъ.

— Но вѣдь намъ надо лопаты, — сказалъ Иванъ Васильевичъ. — А у васъ есть лопаты?

— О, у насъ ихъ цѣлая куча, — отвѣтилъ я.

— Сколько же?

— А я не знаю... Пойдемте, они въ сараѣ.

Мы пошли въ сарай. Лопаты стояли въ углу, я подошелъ къ нимъ и сейчасъ же пересчиталъ ихъ.

— Ихъ всѣхъ тутъ одиннадцать, — сказалъ я.

— Ну, намъ достаточно будетъ четырехъ, — про-

молвилъ Иванъ Васильевичъ. — Такъ мы отберемъ четыре лопаты.

Я отобралъ ровно четыре лопаты.

— Сколько же ихъ теперь тамъ останется? Это надо узнать. А то придетъ кто-нибудь другой, возьметъ лопату, скажетъ, что мы взяли.

Я подумалъ: сколько останется лопатъ, если мы взяли четыре? и рѣшилъ — ихъ осталось семь.

Мы взяли по двѣ лопаты каждый и отправились за гумно. Но, собравъ немного снѣга, мы убѣдились, что лопаты слишкомъ узкія, а тамъ осталось двѣ широкихъ, которыя намъ нужны.

— Такъ сбѣгайте и принесите — сказалъ мнѣ Иванъ Васильевичъ. Я, разумѣется, сейчасъ-же побѣжалъ и принесъ двѣ широкія лопаты.

— Значитъ, у насъ теперь уже не четыре лопаты..

— А шесть! — дополнилъ я его мысль.

— А тамъ осталось уже не семь.

— А пять! — сказалъ я.

— Ага... Ну, да, шесть и пять, выходитъ одиннадцать, громко сосчиталъ Иванъ Васильевичъ.

Мы строили горку, наносили кучу снѣга, утаптывали его и лопатами и ногами, и рѣшили, что завтра будемъ кататься на санкахъ. А Иванъ Васильевичъ отъ времени до времени все таки вспоминалъ про лопаты. Когда работа подходила къ концу, онъ сказалъ: — ну, теперь намъ довольно будетъ двухъ лопатъ, а остальные отнесите. Я, разумѣется, охотно исполнилъ его желаніе. А когда вернулся, то мы съ нимъ высчитали, что въ сараѣ теперь осталось девять лопатъ. Въ это время на гумнѣ показалась знакомая фигура Марики, она пришла звать насъ завтракать и мы конечно пошли.

— А знаете что, Вова? — сказалъ мнѣ во время этого путешествія Иванъ Васильевичъ. — Вашъ папа, кажется, будетъ недоволенъ, что мы съ вами бѣгали и строили горку. Такъ вы зайдите въ классную и запишите все про лопаты.

— Да что же записать? — Спросилъ я.

— Да все, какъ было. Вѣдь вы помните, сколько было лопатъ въ сараѣ, сколько мы взяли въ первый разъ и сколько ихъ тогда осталось; и потомъ второй разъ: ну, словомъ-все, какъ было...

Меня это страшно заинтересовало. Я побѣжалъ въ классную комнату и въ какія-нибудь пять минутъ самымъ точнымъ образомъ описалъ исторію лопатъ.

Мы явились завтракать. Лица у насъ были красныя отъ мороза.

— Что-это, господа, вы такъ покраснѣли отъ занятій? — спросилъ отецъ, — развѣ это такъ трудно?

— Мы покраснѣли отъ мороза, — сказалъ я и

при этомъ очень весело взглянулъ на Ивана Васильевича.

— Какъ отъ мороза? Развѣ въ комнатѣ не топили?

Я самымъ веселымъ образомъ прыснулъ и разсмѣялся. — Мы дѣлали снѣжную горку... — сказалъ я.

— Да? — и отецъ вопросительно взглянулъ на Ивана Васильевича.

— Да, мы цѣлое утро тамъ были... — еказалъ Иванъ Васильевичъ.

— А я думалъ, что вы занимались ариеметикой. Вчера, кажется, было рѣшено, что у васъ сегодня будетъ первый урокъ ариеметики...

— Да мы и ариеметикой занимались, — промолвилъ Иванъ Васильевичъ,

— Вотъ какъ? Это очень интересно.

— Вова, — обратился ко мнѣ Иванъ Васильевичъ, — вы послѣ завтрака покажите намъ результаты нашихъ занятій.

До конца завтрака это было тайной. Отецъ съ большимъ сомнѣніемъ отнесся къ нашимъ объясненіямъ. А послѣ завтрака я побѣжалъ въ классную комнату, принесъ оттуда бумагу, на которой была изложена вся исторія лопаты и показалъ ее отцу. Отецъ внимательно просмотрѣлъ бумагу, но далеко не вполне успокоился: все-таки въ лицѣ его оставалось недоумѣніе.

А на другой день я уже самъ проснулся рано, вскочилъ, и выбѣжалъ въ столовую. Я уже зналъ, что сегодня будемъ кататься на санкахъ. Иванъ Васильевичъ былъ въ столовой и мы съ нимъ торопливо пили чай и ѣли вчерашніе пироги.

— Сегодня на санкахъ? — сказалъ я, не совѣмъ увѣренно, потому что все-таки побаивался классной комнаты.

— Да, да... Обязательно! — сказалъ Иванъ Васильевичъ, — это будетъ очень весело, не правда-ли?

— Еще, бы, — отвѣтилъ я.

Завтракъ конченъ. Мы чуть не бѣгомъ отправляемся черезъ гумно на гору и начинается катанье на санкахъ. Иванъ Васильевичъ удивительно весело настроенъ и все что такое напѣваетъ.

— Что вы напѣваете, Иванъ Васильевичъ? — спрашиваю я его уже почти совѣмъ дружески.

— Да вотъ хорошенькіе стишки! — отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ, — хотите вмѣстѣ: «Птичка Божія не знаетъ

ни заботы, ни труда». Вы не знаете этихъ стиховъ?

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣтилъ я.

— Такъ вы сейчасъ ихъ узнаете. Давайте вмѣстѣ. «Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда; хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда»... Тише, тише, Вова, такъ можно шею свернуть! «Хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда»... Ну, знаете, если вы будете такъ шибко гатиться и если увидите это папа, то онъ намъ запретить... Ну, вотъ такъ, это другое дѣло. «Долгу ночь навѣтъ дремлетъ... Солнце красное взоидетъ»... Отчего это оно красное? — Вдругъ спрашиваетъ Иванъ Васильевичъ.

— Я не знаю...

— А вы никогда

не видѣли, какъ солнце восходитъ?

— Нѣтъ, я въ это время всегда сплю.

— Ну, вотъ оно тогда и бываетъ красное, Вотъ давайте когда-нибудь встанемъ рано и посмотримъ... Ну, а теперь сначала. Ну-ка, вы одинъ: «Птичка Божія не знаетъ»... У васъ отличная память. Вова: вы сейчасъ все будете знать до конца... А потомъ... Я знаю еще много хорошихъ стиховъ. Мы всѣ ихъ выучимъ...

И мы часа два катались и все время пѣли. Голоса у Ивана Васильевича не было никакого, но онъ пѣлъ, и мотива тоже никакого не было, но мы пѣли

З и м о й.

громко и весело... Иногда онъ замолкалъ и я пѣлъ одинъ.—Теперь я, теперь вы... И такъ мы провели время до самаго завтрака.

За завтракомъ отецъ опять выразилъ удивленіе.

— Русскій языкъ, — спрашиваетъ онъ, — на санкахъ?

Вотъ удивительно... Не понимаю, что можно выучить во время катанія на санкахъ...

«Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда», началъ я и, какъ ни въ чемъ не бывало, прочиталъ наизусть все стихотвореніе. Мать улыбалась, чрезвычайно довольная, а отецъ очевидно испытывалъ колебаніе. Это противорѣчило тому взгляду, какой у него былъ на ученіе и потому ему, не смотря на блестящіе результаты все-таки казалось, что тутъ что-то не такъ. Однако-же, онъ не могъ не признать, что я выучилъ стихи. И онъ это призналъ.

Послѣ завтрака мы посидѣли такъ съ часокъ въ классной комнатѣ. Надо же было и ей отдать должное. Но это было интересно; въ классной комнатѣ было много занимательныхъ вещей.

А потомъ мы опять гуляли и, ужъ не знаю, какъ это случилось, должно быть какимъ нибудь чудомъ, что я во время этой прогулки узналъ, что «птичка» — предметъ одушевленный, «вѣтка» — неодушевленный, а «забота» — умственный и что и то и другое и третье — имена существительныя, а «божія» — прилагательное. Все это я узналъ совершенно нечаянно, но узналъ навѣрное, такъ что, если бы папа меня спросилъ, то я могъ бы все это ему разсказать.

Такъ занимались мы постоянно, каждый день. Иногда мы проводили по нѣсколько часовъ и въ классной комнатѣ, но такъ какъ это было не часто, то я находилъ это интереснымъ. Въ классной комнатѣ было много вещей: и доска, и мѣлъ, глобусъ, и картинки. Обо всемъ этомъ поговорить съ Иваномъ Васильевичемъ было пріятно.

Впрочемъ, глобусомъ мы мало занимались, большею частью мы его изображали сами. Мы становились по срединѣ двора, и въ этомъ принимали участіе и сарай и водовозная бочка и гуси, и куры, и Дусикъ. Все это была вселенная и она вертѣлась вокругъ насъ, то-есть меня съ Иваномъ Васильевичемъ, потому что мы съ нимъ представляли солнце.

Отецъ, кажется, былъ очень недоволенъ нашими занятіями. Онъ часто хмуро смотрѣлъ на насъ и тихо говорилъ о чемъ то съ матерью, а мать передавала Ивану Васильевичу; но Иванъ Васильевичъ только улыбался.

— Ничего...—говорилъ онъ,—мы себя оправдаемъ, не правда ли? и онъ поглядывалъ на меня и подмигивалъ мнѣ. Я, конечно, тоже былъ увѣренъ, что я оправдаю, хотя еще хорошенько не зналъ, какъ.

Наступилъ май. Отецъ рѣшилъ произвести мнѣ экзаменъ. Онъ явился въ классную комнату съ чрезвычайно строгимъ лицомъ и съ программой въ рукѣ. По этой программѣ я въ два года долженъ былъ приготовиться въ первый классъ гимназіи. Отецъ смотрѣлъ программу и спрашивалъ меня по разнымъ предметамъ. И я давалъ великолѣпные отвѣты. Я даже самъ поражаюсь этимъ. О программѣ я ничего не зналъ, Иванъ Васильевичъ никогда не говорилъ мнѣ о ней. Но я зналъ все, что полагалось мнѣ узнать за эти мѣсяцы. Отецъ былъ изумленъ.

— Какимъ это образомъ?—спросилъ онъ Ивана Васильевича:—вѣдь вы всю зиму гуляли да катались...

— А развѣ вы находите обязательнымъ, чтобы ученіе было скучно и противно?—спросилъ Иванъ Васильевичъ.—Мы умѣемъ учиться, играя и дыша хорошимъ воздухомъ.

И отецъ призналъ наше ученіе. Онъ поднялся, подошелъ къ Ивану Васильевичу и крѣпко пожалъ ему руку, а меня поцѣловалъ въ лобъ,—высшая честь, какой я только могъ отъ него удостоиться.

Но Иванъ Васильевичъ дѣйствительно былъ удивительный человекъ. Тогда я даже не сообразилъ этого, но потомъ, когда сдѣлался взрослымъ, оглянувшись, подумалъ и понялъ. Я говорю о томъ, какъ мы съ нимъ относились къ маленькой Дусѣ.

Это было что то замѣчательное. Вотъ послушайте.

Алексѣй Молодинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жизнь всѣхъ странъ свѣта.

Животныя Австраліи.

Животныя Австраліи отличаются отъ животныхъ другихъ частей свѣта нѣкоторыми странными особенностями. Лебедь, который въ другихъ частяхъ свѣта бѣлый, здѣсь черный съ ярко-краснымъ клювомъ. На нашемъ рисункѣ подъ лебедемъ изображенъ такъ называемый утконосъ или орниторинхъ, который одинаково хорошо плаваетъ, бѣгаетъ на сушѣ, лазаетъ по деревьямъ; живетъ онъ въ норѣ, которую обыкновенно выкапываетъ въ берегу рѣки. Ниже мы видимъ группу тасманійскихъ волковъ, цвѣтъ шерсти которыхъ похожъ на цвѣтъ шкуры зебры. Волки, повидимому, собираются напасть на некложаго вомбата, похожаго на нашего сурка, но только много крупнѣе его. Рядомъ съ вомбатомъ потихоньку пробирается эхидна; ея колючая шкура позволяетъ ей не бояться волковъ.

Далѣе изображенъ кенгуру изъ брюшного мѣшка котораго выглядываетъ его дѣтенышъ. Кенгуру, замѣчательное животное, напоминаетъ собою не то громаднаго зайца не то козулю; при помощи своихъ сильныхъ заднихъ ногъ кенгуру можетъ сдѣлать прыжокъ въ длину болѣе двухъ сажени. За этимъ въ общемъ довольно безобиднымъ животнымъ охотятся какъ туземцы, такъ и англичане; мясо кенгуру идетъ въ пищу, а изъ его толстой шкуры приготавливаютъ очень хорошую кожу для сапогъ и перчатокъ.

У самыхъ ногъ кенгуру выглядываетъ такъ называемый коала или маленькій австралійскій медвѣдь, уши котораго украшены характерными кисточками; питается это животное главнымъ образомъ молодыми частями, почками и вѣточками камеднаго дерева.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ птицъ Австраліи это лирохвость, изображенный ниже; называется она такъ потому, что хвостъ ея имѣетъ форму правильной лиры, древнегреческаго музыкальнаго инструмента. Въ кружкѣ помѣщено изображеніе двухъ птичекъ, которые называются шалашниками, потому что строятъ изъ сухихъ вѣтокъ и травы настоящіе шалаша до трехъ футовъ вышиною. Свои постройки—гнѣзда, эти замѣчательныя птицы украшаютъ раковинами. Въ самомъ низу, наконецъ, изображены эму, австралійскіе страусы, которые однако много меньше своихъ африканскихъ сородичей и ростъ ихъ никогда не превышаетъ шести футовъ. Мясо ихъ очень цѣнится туземцами и ѣсть мясо этихъ птицъ могутъ только воины и старѣйшины племени, тогда какъ дѣти и женщины его ѣсть не смѣютъ. Эму подобно страу-

самъ откладываютъ яйца въ горячій песокъ, не высиживаютъ ихъ, а предоставляютъ это сдѣлать солнцу.

Нишяя.

Изъ Беранжэ.

Бушуетъ мятель. У церковнаго входа
Старуха съ молитвой стоитъ.
Бѣдняжка, ждетъ хлѣба она. Непогода
Лохмотья ея шевелить.
Стоитъ и весной, и зимою ненастной.
Она у церковныхъ дверей,
Слѣпая, одна... Помогите несчастной,
Подайте хоть что-нибудь ей.
Вы знаете-ль, эта старуха слѣпая,
Теперь этотъ остовъ худой,
Когда-то на сценѣ, красою блистая,
Парижъ восхищала собой;
Толпа молодежи восторженно, жадно,
Бывало тѣснилася къ ней,
Любуясь ея красотой ненаглядной...
Подайте-хоть что-нибудь ей.
Когда изъ театра она уѣзжала
При тускломъ мерцаніи звѣздъ,—
Отъ криковъ неистовыхъ „браво!“ бывало
Дрожаль театральнй подѣздъ
И сколько соперниковъ ждало, какъ ласки,
Въ квартирѣ ея у дверей,
Чтобъ вынести ея на рукахъ изъ коляски...
Подайте хоть что-нибудь ей.
Искусство вѣнками ея украшало,
Богатствомъ сияль ея домъ,
И въ счастья завидномъ она утопала
Всегда беззаботная въ немъ.
Сбирались вельможи, артисты, поэты
Къ любимой актрисѣ своей,
Сулили ей славу и многія лѣта..
Подайте хоть что-нибудь ей.
О, горе! постигнулъ недугъ ее тяжкій
Похитилъ и голосъ, и взоръ,
И вотъ ужъ лѣтъ двадцать, какъ бродитъ бѣдняжка,
Прося подаянья съ тѣхъ поръ.
Рукою, протянутой нынче съ смущеньемъ,
Въ дни счастья—всѣхъ бѣдныхъ людей
Она одѣляла съ такимъ восхищеньемъ.
Подайте хоть что-нибудь ей.
Мятель все сильнѣе—и холодъ жестокій
Всѣ члены ея леденить;
Она свои четки, въ молитвѣ глубокой,
Иззябшей рукой шевелить,
О, если средь горя еще сохранилась
Въ ней вѣра младенческихъ дней!
Чтобъ этой отрады она не лишилась
Подайте хоть что-нибудь ей.

Перев. Кельшъ.

Зимой.

(см. рис. на стр. 69).

На заборѣ сидитъ воронъ и каркаетъ отъ голода.
— Дѣти, удѣлите мнѣ кусочекъ отъ вашего завтрака! Я нигдѣ не могу отыскать даже крошки. И отъ долгой голодовки, мой нарядъ изъ черныхъ перьевъ сбѣдался мнѣ слишкомъ широкъ...

Дѣти съ удивленіемъ смотрятъ на ворона, который умѣетъ говорить и дѣлается своимъ завтракомъ съ чернымъ попрошайкой.

Тогда воронъ каркаетъ:—Ну, теперь, въ суровые зимніе дни я не буду унывать, потому что на свѣтъ есть добрыя дѣти...

Анаграмма.

Вс. Попова.

Мнѣ суждено всегда за лошадыю бѣжать,
Но никогда ее вполне не догнать;
Наоборотъ—металлъ на опытъ вызываю
И на себѣ его достоинство узнаю.

ШАРАДА.

Вс. Попова.

Слогъ *первый* западь—означаетъ,
Животныхъ головы—*послѣдній* украшаетъ,
А въ *цѣло*—ворнишекъ запираютъ,
И городъ именемъ такимъ же называютъ.

Рѣшеніе Шаразы, помѣщенной въ № 8 Бал(ъ)—лада
.. анаграммы .. „ Рона,—Арно.

Вѣрное рѣшеніе шаразы и анаграммы, помѣщенныхъ въ № 6,
прислала: „одна изъ подписчицъ А. К.“ (письмо запоздало).

Вѣрное рѣшеніе Анаграммы, помѣщенной въ № 7, прислали:
Рая Аврамова 9 лѣтъ (Ковно), С. П. Бобровъ, М. С. Валентиновъ,
П. Л. Гольдбергъ, Ив. Байковъ.

Вѣрное рѣшеніе шаразы, помѣщенной въ № 7, прислали: М. С.
Валентиновъ, П. Л. Гольдбергъ.

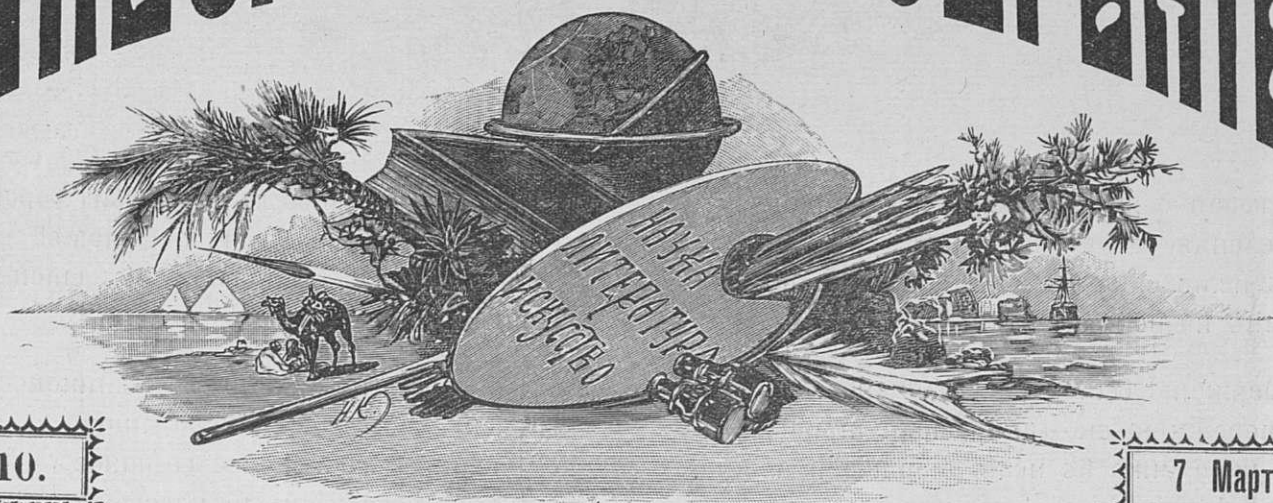
СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодинъ.—Жизнь
всѣхъ странъ свѣта. Животныя Австраліи.—Нишяя, стих. Бе-
ранже, пер. Кельшъ.—Зимой.—Анаграмма.—Шарада.

Редакторъ *А. П. Хесторъ*

Предс. Администраціи *Д. Н. Бородинъ*.

ЖИВОПИСНОЕ ВЪЗРѢНІЕ

№ 10.

7 Марта

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапехко.*

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяцъ 70 коп. Допускается разсрочка. Переѣмна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка непареля — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редація Журнала: С.-Петербургъ. Невскій, 90. Отдѣленіе. Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Можаровскаго. Редація Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

Листопадъ. Съ карт. Е. Е. Волкова.

Цѣлый день въ плъчу мое сознанье,
Заслоняя все передо мной.
Въ немъ стоитъ одно воспоминанье,
Какъ нѣмой, суровой часовой.

Удержать бывое—невозможно,
Сторожитъ его—напрасный трудъ,
И тою, что въ немъ мертво и ложно,
Никакія силы не спасутъ.

Пусть-же мертвыхъ мертвые хоронятъ!
Пусть живою забудетъ о бывомъ!
Для чего подъ бременемъ онъ стонетъ?
Почему сонулея подъ ярмомъ?

....Но стоитъ, стоитъ воспоминанье
Цѣлый день сегодня надо мной
И томитъ застывшее сознанье,
Какъ у гроба хмурой часовой.

Л. М. Василевскій.

Ангель-Храгитель.

РОМАНЪ.

(Продолженіе).

Варвара Семеновна съ перваго же слова, произнесеннаго Олимпіадою Фаддѣвной, почти уже знала, что она говоритъ неправду или не всю правду. Что то такое тамъ произошло, чего она не смѣетъ сказать изъ боязни огорчить ее. Когда же она начала безъ достаточныхъ основаній увѣрять, что она непременно придетъ, то для Варвары Семеновны стало совершенно ясно, что она говоритъ не то. Она подняла голову и взглянула на Олимпіаду.

— Полно врать, Олимпіада, просто сказала сна,—говори все, какъ было.

И она продолжала смотрѣть въ глаза Олимпіадѣ, а та видимо трусила. Да такъ и было, Варвара Семеновна, дрожащимъ голосомъ произнесла она. Какъ же могло быть иначе?

— Именно должно было быть иначе, а такъ, какъ ты говоришь, не могло быть. Онъ не такой. Онъ долженъ почувствовать, оскорбиться и выгнать тебя вонъ.

— Ой, что это вы, Варвара Семеновна! какъ то неувѣренно и беспо-

мощно приподнявъ руки, неискренно воскликнула Олимпіада — какъ же онъ посмѣлъ бы, когда знаетъ, что я отъ васъ?..

Варвара Семеновна откинулась на спинку дивана и посмотрѣла на Олимпіаду съ нѣкоторой строгостью:—Олимпіада, я знаю, что ты привыкла врать и что я сама приучила тебя къ этому. Ты боишься сказать мнѣ неприятность; но если я попрошу тебя особо — на этотъ разъ сказать мнѣ правду—хотя бы она была обидна... Понимаетъ? Ну теперь говори: выгналъ вонъ?

Олимпіада Фаддѣвна начала какъ то беспомощно переступать съ ноги на ногу. Она видимо была въ большомъ затрудненіи. Говорить правду, чистую настоящую правду Варварѣ Семеновнѣ она рѣшительно не умѣла, это было для нея новое искусство, въ которомъ она оказывалась плохимъ мастеромъ.— Не то, чтобы... уклончиво заговорила она:—а дѣйствительно нельзя сказать, чтобы ласково принялъ...

— Ну?

— Мы, говорить, и такъ по горло довольны благодареніями Варвары Семеновны, и теперь намъ лучше съ голуду помереть, нежели взять...

Варвара Семеновна отвела отъ нея глаза и начала смотрѣть куда-то въ

неопредѣленное пространство.—Понялъ, значить, очевидно для себя самой произнесла она.

— Видимо что понялъ, подтвердила Олимпіада Фаддѣвна.

— Что такое?—строго спросила ее Буракина, быстро взглянувъ на нее.

Олимпіада Фаддѣвна поджала хвостъ.

— Понялъ, значить, говорю, что доброты вашей не стоитъ!—увильнула она.

Варвара Семеновна встала и задумчиво прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановилась. — Слушай, Олимпіада! мнѣ надо, чтобъ человекъ этотъ пришелъ сюда. Ты тамъ что хочешь дѣлай, можешь даже и не сообщать мнѣ... А чтобы онъ былъ здѣсь. Ну, вотъ и все, и довольно. Акимъ Акимычъ здѣсь?—спросила она, вдругъ переѣхивъ этотъ странный, необычный для нея тонъ на холодный и дѣловый.

— Онъ здѣсь,—отвѣтила Олимпіада Фаддѣвна:—давно уже ждетъ. Дѣло имѣетъ. Позвать его, Варвара Семеновна?

— Позови и сама ступай.

Олимпіада Фаддѣвна направилась къ столовой, раздвинула портьеру и приотворила дверь.—Акимъ Акимычъ, пожалуйста, сказала она, а затѣмъ обратилась къ Буракиной:—а я, можетъ,

Съ бала. Съ карт. Конрада Кюсселя.

и со двора пойду, — по этому самому дѣлу.

— Можешь.

Олимпиада Фаддѣвна сейчас же вышла, а Акимъ Акимычъ вошелъ изъ столовой. Буракина въ это время уже сидѣла на диванѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, гдѣ она выслушивала доклады своихъ приближенныхъ.

— Мое почтеніе, Варвара Семеновна, — сказалъ Вавилоновъ, остановившись на почтительномъ разстояніи отъ нея и поклонился.

— У васъ дѣло? — слегка разсѣянно и нетерпѣливо, не отвѣчая на его привѣтствіе, спросила Варвара Семеновна: — если что важное, говорите, пожалуй, хотя и не расположена...

— У меня все важное, Варвара Семеновна, потому что имущественныхъ дѣлъ вашихъ касается! — Внѣшительно промолвилъ Вавилоновъ.

— Въ чемъ же дѣло? Садитесь.

Вавилоновъ подошелъ къ столу, отодвинулъ отъ него стулъ и сѣлъ въ нѣсколько принужденной позѣ подчиненнаго.

— Я уже докладывалъ вамъ, что Алексѣй Ивановичъ... — началъ онъ.

Варвара Семеновна вскинула на него быстрый взглядъ и перебила его: — опять деньги? Большея?

— Позвольте мнѣ изложить, какъ слѣдуетъ, по порядку, — почтительно сказалъ Вавилоновъ.

Варвара Семеновна сдѣлала нетерпѣливое движеніе. — Право, я теперь не въ состояніи ничего дѣлать какъ слѣдуетъ... Я не въ настроеніи...

— Тогда уже не знаю какъ и быть... И отложить нельзя. Дѣло спѣшнаго рѣшенія требуетъ.

— Ну, говорите. — И она зажмурила глаза, какъ бы заставляя себя сосредоточиться.

— Я уже въ прошломъ году докладывалъ вамъ, что Алексѣй Ивановичъ завели въ банкирской конторѣ «Сватовъ и сыновья» онкольный счетъ...

— Ну, да, да, онъ играетъ на биржѣ, я знаю.

— Да-съ. Они играютъ на биржѣ. Но играютъ такъ, что когда бываетъ прибыль, то они ее себѣ въ карманъ кладутъ, а когда выходитъ убытокъ, такъ платитъ контора. Такой у нихъ обычай.

— Очень странный обычай, — съ брезгливой усмѣшкой замѣтила Варвара Семеновна.

— Но какъ Алексѣй Ивановичъ имѣетъ власть приказывать и при томъ же большихъ суммъ до настоящаго времени не случилось, то я и не беспокоилъ васъ изъ за пустяковъ. А сегодня прислано большое требованіе: по онкольному счету Алексѣя Ивановича, по причинѣ большого паденія бумагъ, купленныхъ по приказу Алексѣя Ивановича, слѣдуетъ уплатить девяносто четыре тысячи рублей. Сумма эта, Варвара Семеновна, большая и я безъ вашего разрѣшенія не могу распорядиться...

— А если не уплатить, какія послѣдствія? — спросила Буракина.

— Для конторы никакихъ, контора обязательствъ не давала, значить не отвѣтственна, а для Алексѣя Ивановича, надо полагать, прямое раззореніе.

Варвара Семеновна нѣкоторое время подумала. Видно было, что какое-то соображеніе мѣшало ей рѣшить этотъ вопросъ въ ту или другую сторону.

— Это къ спѣху? — спросила она.

— Да ужъ надо рѣшить сегодня. Банкирская контора ждуть не любятъ.

— Все таки дайте мнѣ подумать. Я не могу такъ сразу рѣшить. Больше ничего у васъ нѣтъ?

— Больше ничего такого. Такъ я, если позволите, подожду у васъ: вотъ тутъ въ столовой.

— Хорошо.

Въ это время въ передней произошло какое непонятное движеніе, оттуда доносился говоръ, затѣмъ дверь растворилась и вошли разомъ Олимпиада Фаддѣвна и Даша. Даша шла быстро и по лицу ея видно было, что она чѣмъ-то взволнована. Варвара Семеновна повернулась въ ту сторону и съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣла на нихъ.

— Ужъ извините, Варвара Семеновна, сказала глубоко виноватымъ голосомъ Олимпиада Фаддѣвна: — я ей говорила, что вы заняты, а она и слушать не хочетъ.

— Въ чемъ дѣло, Даша? — спросила Варвара Семеновна. — Почему ты такъ взволнована.

— Мнѣ нужно вамъ сказать... Я сейчасъ... Я прямо отъ Подгорцевыхъ.

— А... произнесла Варвара Семеновна и затѣмъ вдругъ поднявшись, обратилась къ Вавилонову: — такъ вы мнѣ больше не нужны Акимъ Акимовичъ... Значитъ вы подождете въ столовой...

Вавилоновъ понялъ, что онъ мѣшаетъ чему-то, молча поклонился и ушелъ на

право... Варвара Семеновна прежде чѣмъ допустить Дашу къ объясненію, не особенно дружелюбно взглянула на Олимпиаду Фаддѣвну и, кажется уже готова была и ей предложить удалиться, но затѣмъ вдругъ передумали и не сказала ей ни слова. — О чемъ предупредить Даша? спросила она.

— Онъ сумасшедшій, — молвила Даша дрожащимъ голосомъ, — онъ совсѣмъ безъ ума, онъ больной.

Варвара Семеновна нахмурила брови. — Кто такой? о комъ ты говоришь?

— Сергѣй Николаевичъ; я вѣдь отсюда... Ахъ еслибъ вы знали, какія онъ дѣлаетъ безумства! Онъ кричитъ, онъ всѣхъ оскорбляетъ... Съ нимъ опасно. Съ нимъ очень опасно, Варвара Семеновна...

— Опасно, но все таки... Почему ты считаешь нужнымъ меня предупредить?

— Да, вѣдь онъ сейчасъ будетъ здѣсь онъ идетъ сюда, можетъ быть уже пришелъ...

— Да? — съ глубокимъ изумленіемъ и вмѣстѣ съ любопытствомъ промолвила Варвара Семеновна.

Олимпиада Фаддѣвна вдругъ всполошилась: — ахъ ты Боже мой... Такъ надо же сказать, чтобы его не принимали. Какъ же можно, когда такъ...

— Ну, да, ну, да, подтвердила Даша: — Я для этого и прибѣжала. Я такъ бѣжала по улицѣ, что всѣ на меня смотрѣли.

— Благодарю, благодарю Даша... съ чуть замѣтной усмѣшкой произнесла Варвара Семеновна и въ глазахъ ея промелькнуло что-то холодное.

— Такъ я схожу, Варвара Семеновна предложила Олимпиада и сдѣлала движеніе къ двери.

— Нѣтъ, погоди не надо... А впрочемъ да... Скажи... Если онъ придетъ, пусть... Пусть его примутъ.

— Невозможно, Варвара Семеновна! — воскликнула Даша. — Это совсѣмъ, совсѣмъ невозможно. Онъ такъ оскорбитъ васъ... Ахъ вы не знаете, вы не можете вообразить... Не принимайте, ради Бога, не принимайте...

Варвара Семеновна усмѣхнулась. — Ты слишкомъ волнуешься Даша, — но я вѣдь не боюсь сумасшедшихъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, если онъ намѣренъ придти сюда, мы не имѣемъ права отказывать ему. Сходи-ка внизъ Олимпиада и скажи чтобы его непременно приняли, если даже онъ будетъ шумѣть и

Колокольня Буддѣйскаго храма.

вообще дурно вести себя... Ну, иди же.

— Я... я схожу... чтожь пусть... Я схожу! Слегка обиженнымъ тономъ промолвила Олимпиада и вышла.

Когда Олимпиада Фаддѣевна вышла, у Даши на лицѣ выразилась необычайная тревога.—Это ужасно... Это просто ужасно!—воскликнула она.

Варвара Семеновна осмотрѣла ее какъ-то подозрительно. — Какъ ты однако тревожишься! Я еще никогда тебя такой не видала...—промолвила она:—странно, странно... Неужели это изъ одного расположенія ко мнѣ?—прибавила она, чрезвычайно внимательно всматриваясь въ ее лицо.

— Ахъ, Варвара Семеновна... Варвара Семеновна... растерянно провозносила Даша.

— Я была бы очень удивлена, если бы это было такъ,—говорила Буракина.—До сихъ поръ еще по крайней мѣрѣ я ни въ комъ не видѣла искренняго расположенія ко мнѣ. Всѣ расположены ко мнѣ за деньги...

Даша выпрямилась и посмотрѣла ей прямо въ лицо.—Варвара Семеновна, я деньги отъ васъ получаю только за свою работу. Я никогда у васъ не просила больше.

— А теперь хочешь попросить, не правда-ли?—съ чуть замѣтной усмѣшкой спросила Варвара Семеновна.

— О, нѣтъ...—рѣшительно отвергла Даша.

— Странно...

Варвара Семеновна прошла нѣсколько разъ по комнатѣ.—А ты давно знаешь Подгорцевыхъ?

— Я у нихъ четыре года работаю... отвѣтила Даша.

— И часто тамъ бываешь и долго сидишь?

— Я у нихъ шла три дня въ недѣлю. У васъ три дня и у нихъ три дня.

— А... Ну, такъ у тебя было достаточно времени, чтобы оцѣнить достоинства Сергѣя Николаевича и, можетъ быть... Ну, мало ли что? Однимъ словомъ, ты въ него влюблена... Немного, немного...

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Старый дубъ нагнулся надо мною,
Старый садъ мнѣ грезы навѣвалъ,
Кто-то звалъ къ молчанью и покою,
Кто-то тихо въ губы цѣловалъ.

Задремали клумбы и поляны,
Но дыханье чье-то пронеслось—
И проснулись сонные тюльпаны
И аллея бѣленькихъ березъ.

Отлетѣло сонное томленье,
И душѣ взволнованной моей
Захотѣлось звуковъ и движенья,
И борьбы, и жизни, и людей.

Л. М. Василевскій.

Старые супруги.

(Изъ японской жизни).

Раз. Пьера Лоти, пер. съ фр. О. И. Ивановой.

Тото-Санъ и Кака-Санъ были мужемъ и женой. Они были старые, очень старые; ихъ знали такъ давно, что самые древніе изъ жителей Нагасаки не помнили, чтобы видѣли ихъ когда-либо молодыми. Существовали они милостыней. Тото-Санъ, подъ старость ослѣпшій, возилъ въ маленькомъ ящикѣ на колесикахъ Кака-Санъ, которая была разбита параличемъ. Нѣкогда они назывались Хато-Санъ и Утэ-Санъ (господинъ Голубь и госпожа Слива), но это было такъ давно, что люди забыли ихъ настоящія имена.

Тото и Кака—нѣжныя, ласкательныя имена на японскомъ языкѣ, означающія въ устахъ дѣтей: „отецъ“ и „мать“. Ихъ называли такъ, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ преклоннаго возраста, но прибавляли къ этимъ прозвищамъ окончаніе *Санъ*, которое въ этой странѣ, отличающейся необыкновенной вѣжливостью населенія, столь же почетно, какъ господинъ и госпожа (господинъ отецъ и госпожа мать); самыя крошечныя японскія дѣти, едва начинающія лепетать, никогда не забываютъ употребить въ разговорѣ эти формулы этикета.

Ихъ манера прошенія милостыни была скромна и исполнена достоинства: они никогда не приставали къ людямъ съ мольбами или причитаніями, но молча протягивали руки, свои бѣдныя, старыя руки, покрытыя сморщенной, какъ у мумій, кожей. Имъ подавали обыкновенно рисъ, рыбы головки, куски черстватаго хлѣба или остатки какой-нибудь похлебки.

Очень маленькая, какъ всѣ японки, Кака-Санъ казалась еще меньше въ своемъ ящикѣ на колесикахъ, а ея спутникъ высохъ и сгорбился въ теченіе долгихъ лѣтъ скитанія и борьбы съ нищетою.

Ящикъ былъ плохо утверждёнъ на колесикахъ, поэтому Кака-Санъ нерѣдко приходилось испытывать порядочную тряску въ своемъ крошечномъ экипажѣ, во время блужданія по городу. Тото-Санъ старался идти какъ можно медленнѣе и осторожнѣе и относился къ своей старой подругѣ съ нѣжной заботливостію и предусмотритель-

ностью. Она давала ему указанія относительно дороги, и онъ, внимательно прислушиваясь къ этому дороговому для него голосу, совершалъ свой путь въ вѣчной тѣмѣ, перебросивъ черезъ плечо постромку отъ телѣжки и ощупывая передъ собою землю бамбуковой тростью.

Особенно затруднительны были тѣ случаи, когда приходилось всходить по ступенькамъ или перебираться черезъ ручей, канаву или колею... Надо было видѣть въ это время смятеніе бѣдной Кака-Санъ, волнованнейшей въ своемъ ящикѣ, безпокойное выраженіе ея лица, глаза, блестяшіе отъ тревоги, несмотря на дѣйствіе времени, сдѣлавшаго ихъ тусклыми и мертвенными... Очевидно страхъ быть опрокинутой потрясалъ ее до глубины души.

Какія мысли рождались въ головахъ этихъ стариковъ, обожавшихъ другъ друга? О чемъ могли они говорить? Какія воспоминанія молодости возставали въ ихъ памяти, когда они останавливались на ночь въ какомъ-нибудь пустомъ сараѣ, при чемъ Кака-Санъ всегда закутывала голову синимъ бумажнымъ платкомъ? Какіе планы составляли эти бѣдняки относительно своего странствованія на слѣдующій день, которое начиналось обыкновенно до разсвѣта и сопровождалось такой же дряхлостію и нищетою, какъ и наканунѣ? Были-ли у нихъ еще какія-нибудь радости или хотя бы надежды на что-нибудь лучшее впереди? Думали-ли они вообще о чемъ-нибудь и почему такъ упорно цѣплялись за свою жалкую жизнь, когда тутъ же, такъ близко, простиралась земля, готовая принять ихъ въ свои материнскія объятія и прекратить всѣ ихъ страданія, превративъ ихъ въ прахъ?

Тото-Санъ и Кака-Санъ неизмѣнно присутствовали на всѣхъ религиозныхъ торжествахъ, происходившихъ въ храмахъ. Они являлись ранѣе прихода первыхъ богомольцевъ и располагались у подошвы какого-нибудь древняго чудовища, вытесаннаго изъ гранита, подъ вѣтвями темныхъ кедровъ, тѣнью своей осѣнявшихъ священныя площадки. Все время, пока длилось торжество, мимо нихъ катились живыя волны людскаго моря, наполняя воздухъ весельемъ и шумомъ. Молодые дѣвушки съ кукольными личиками и узенькими кошачьими глазками, шаркавшія своей деревянной обувью на необыкновенно толстыхъ подошвахъ; ребятишки, чрезвычайно комичные въ своихъ своеобразныхъ длинныхъ костюмахъ, ходившіе кучками, держась за руки; жеманныя, красивыя и кокетливыя дамы въ сложныхъ прическахъ, прѣзжавшія въ храмъ, чтобы помолиться, поболтать и поемѣяться; крестьяне съ длинными волосами, купцы, бонзы,—словомъ всѣ эти причудливыя маріонетки веселаго маленькаго народа проходили мимо Кака-Санъ, которая смотрѣла на нихъ съ живѣйшимъ интересомъ, и мимо Тото-Санъ, который не видѣлъ ничего, ибо глаза его заволакивала вѣчная тѣма. Проходившіе бросали на старыхъ супруговъ дружеслыбные взгляды, иногда изъ какой-нибудь группы подходилъ къ нимъ одинъ изъ богомоль-

цевъ и подавалъ милостыню; старикамъ вѣшивали даже нерѣдко поклоны совершенно такъ же, какъ людямъ изъ хорошаго общества, до того они были извѣстны во всей странѣ, и до такой степени вѣжливы люди въ этой имперіи.

Когда во время праздника когда бывала хороша, вѣтеръ теплъ, а старческія немощи ихъ затихали немного и не давали себя слишкомъ сильно чувствовать, они они также радовались праздничному дню и веселились по своему. Старая Кака-Санъ, оживлявшаяся отъ шума толпы и звуковъ веселыхъ смѣющихся голосовъ, начинала жеманничать, подобно проходившимъ мимо нея дамамъ, играя своимъ убогимъ бумажнымъ вѣеромъ и дѣлая видъ, будто полна жизни и, какъ все прочіе люди, интересуется всеми забавными вещами этого міра.

Но когда наступалъ вечеръ, сгущавшій мракъ и холодъ подъ кедрами, а темныя аллеи, окаймленныя фантастическими чудовищами, и высокіе храмы порождали какой-то таинственный, мистическій ужасъ, — Тото-Санъ и Кака-Санъ дѣлались снова всеѣмъ дряхлыми и слабыми. Казалось, точно утомленіе отъ дневной сутолоки уничтожало ихъ: морщины ихъ обрисовывались рѣзче, складки кожи обвисали сильнѣе, а лица ихъ выражали тогда лишь ужасающую безпомощность и боязнь приближающейся смерти.

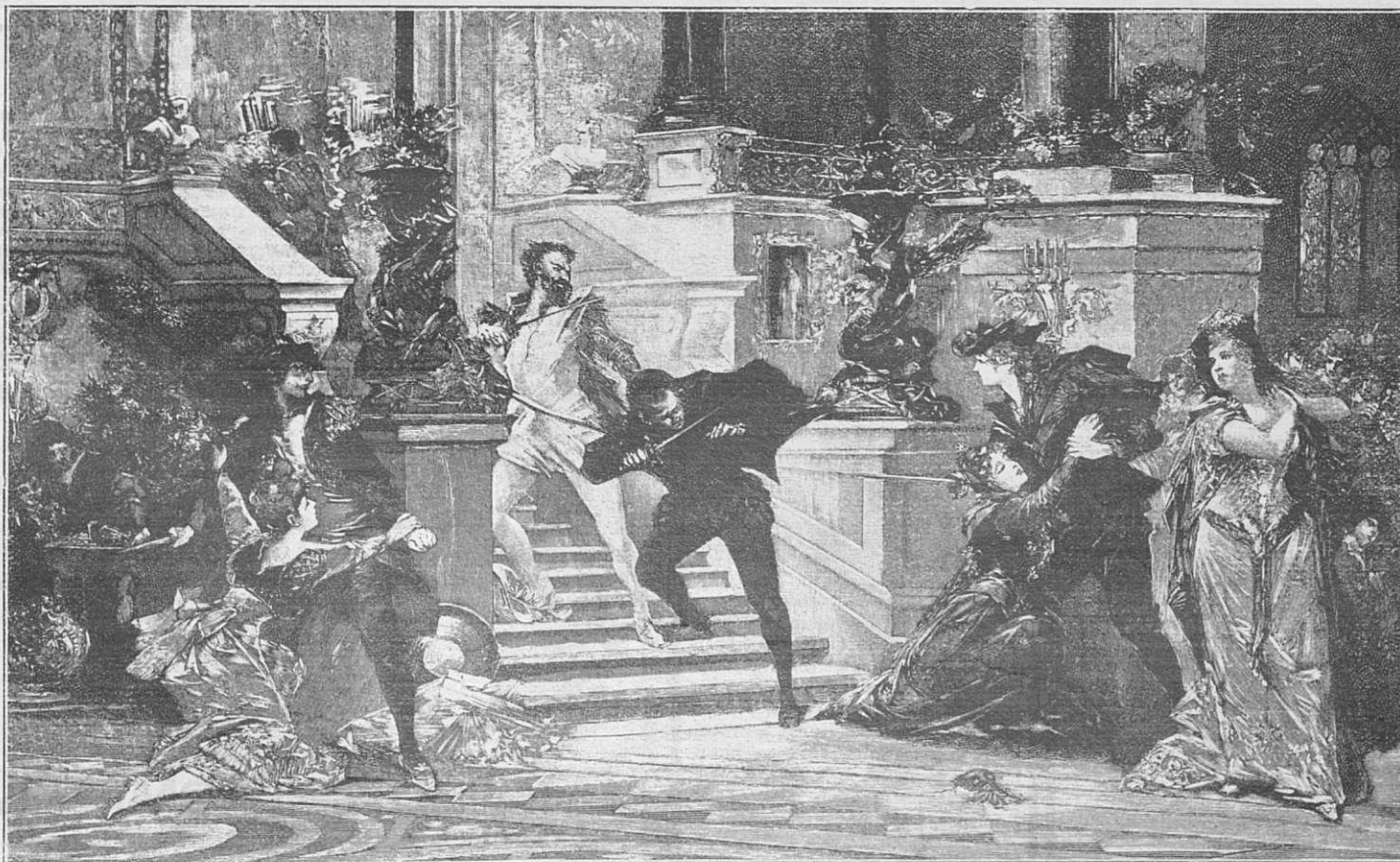
Вокругъ нихъ зажигались тысячи фонарей, развѣшанныхъ на вѣтвяхъ деревьевъ, а богомольцы располагались на ступенькахъ святилища. Гулъ легкомысленнаго и

оригинальнаго веселья этой толпы наполнялъ аллеи и священные своды, представляя удивительную противоположность неподвижнымъ, загадочнымъ чудовищамъ, старожившимъ боговъ, невѣдомымъ символамъ, испещрившихъ стѣны храма, и таинственному мраку ночи. Праздникъ длился всю ночь и долженъ былъ казаться духамъ неба не поклоненіемъ, но скорѣе ироніей, лишенной, впрочемъ, всякой горечи, дѣтски-наивной, а главное — непреодолимо веселой.

Тото-Санъ и Кака-Санъ оставались безучастными къ этому шумному веселью, такъ какъ лишь только заходило солнце, ничто уже не могло болѣе оживить эти двѣ человѣческія руины. Они казались безконечно жалкими, сидя въ сторонѣ отъ толпы, подобно отверженнымъ парямъ или отупѣвшимъ старымъ обезьянамъ, съѣдая скудные крохи милостыни въ какомъ-нибудь уединенномъ уголкѣ. Быть можетъ, они думали въ это время о своей нищетѣ и заброшенности, такъ какъ на ихъ мертвенно-желтыхъ лицахъ появлялось выраженіе глубокой грусти. Кто можетъ угадать, что шевелилось въ глубинѣ ихъ сознанія? Быть можетъ — ничего... Они боролись съ нуждой лишь для того, чтобы продлить свое жалкое существованіе; ѣли помощью деревянныхъ палочекъ, съ нѣжной заботливостью помогая другъ другу, затѣмъ закутывались въ свои лохмотья, чтобы защитить старые члены отъ ночного холода и росы, предварительно сложивъ и бережно прикрывъ все свое имущество. Они хотѣли жить и на слѣдующій день, хотя онъ готовилъ имъ все тѣ же скитанія и ту-же нищету.

Въ маленькомъ ящикѣ, кромѣ Кака-Санъ помѣщались все предметы ихъ убогаго хозяйства: чашки изъ голубого фарфора съ зазубренными краями, куда складывали рисъ, маленькія чашечки для чаю и бумажный фонарь, который зажигался по вечерамъ.

Разъ въ недѣлю слѣпой Тото-Санъ заботливо расчесывалъ волосы своей старой подруги и устраивалъ изъ нихъ прическу. Руки слабой Кака-Санъ не поднимались болѣе такъ высоко, какъ того требуетъ прическа японки, поэтому Тото-Санъ научился расчесывать ее самъ. Дрожащими руками ласкалъ онъ ощупью эту бѣдную, старую голову, которая поддавалась движеніямъ его рукъ съ трогательной безпомощностью. Волосы были такъ жидки, что почти не прикрывали желтой кожи черепа, жесткой, какъ пергаментъ и сморщенной, какъ кожа яблочка зимою. Старикъ ухитрялся однако устроить изъ нихъ прическу въ японскомъ вкусѣ; жена крайне заинтересованная, смотрѣла въ осколкѣ зеркала и изрѣдка говорила: „Немного повыше, Тото-Санъ! . Правѣе... лѣвѣе...“ Наконецъ, когда онъ втыкалъ въ прическу двѣ длинныя роковыя шпильки, придающія прическѣ японокъ такой типичный характеръ, Кака-Санъ принимала видъ полной достоинства бабушки... Затѣмъ они заботливо совершали ежедневныя омовенія, такъ какъ японцы вообще довольно опрятны... И когда они оканчивали эти омовенія, производившіяся въ теченіе многихъ лѣтъ и представлявшія необходимую часть ихъ туалета, которую приближеніе смерти дѣлало съ каждымъ днемъ

Сцена изъ Донъ-Жуана. Съ карт. ф. Вольфрома.

все болѣе бесполезной, ощущали-ли они, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторое оживленіе и бодрость отъ дѣйствія чистой, свѣжей холодной воды?

О жалкая слабость! Послѣ каждой ночи они просыпались оба все болѣе дряхлыми, немощными и слабыми, и, несмотря на это, упорно хотѣли жить во чтобы то ни стало, выставляя на солнце свои дрожащія члены и отправляясь въ свою безконечную прогулку на колесикахъ неизмѣнно сопровождающуюся однимъ и тѣмъ же медленнымъ трескомъ, поскрипываніемъ досокъ и усталостью. Они скитались по улицамъ городовъ, по предмѣстьямъ, заходя даже въ самыя отдаленныя деревни, если въ нихъ назначалось какое-нибудь религиозное празднество въ храмѣ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Листопадъ. Съ карт. Е. Е. Волкови. Талантливый выдающійся пейзажистъ Е. Е. одинъ изъ немногихъ художниковъ не развившихся новымъ декадентскимъ направлениемъ. Всѣ его картины полны тихой меланхолической, свойственной сѣверному и среднерусскому пейзажу и отличаются вѣрностью, рисунка и красочныхъ соотношеній.

Съ бала. Съ карт. Конрада Кюсселя. Прекрасная женская фигура дышетъ настроеніемъ. Очевидно красавица находится еще подъ впечатлѣніемъ бала... Слышится музыка, комплименты и можетъ быть робкое признаніе.

Донъ-Жуанъ. Съ карт. Ф. Волфрама. Эта картина обращаетъ на себя вниманіе

массою движенія фигуръ и ихъ экспрессіей. Въ особенности хорошо передано движеніе фигуръ дерущихся и убѣгающихъ слугъ со свѣчами.

А. Смоликовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе Л. М. Василевскій.—„Ангель-Хранитель“. Романъ. И. Н. Потапенко — Стихотвореніе Л. М. Василевскій Старые супруги. Разсказъ П. Лоти.—Къ рисункамъ А. Смоликова—Объявленія.

РЕДАКТОРЪ *А. П. Несторъ.*

ПРЕДС. АДМИНИСТРАЦІИ *Д. А. Бородинъ.*

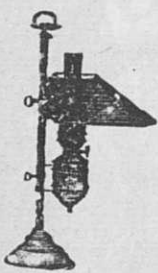
Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ уважаемыхъ г.г. подписчиковъ—при высылкѣ въ Контору **ДОПЛАТНЫХЪ ВЗНОСОВЪ** подписной суммы—**обязательно** упоминать, что деньги **высылаются** въ счетъ подписки **за получаемый журналъ**, во избѣжаніе зачисленія вторыхъ и т. д. взносов въ счетъ новой подписки и неизбѣжной въ такихъ случаяхъ проволоочки въ непрерывномъ полученіи журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: При этомъ № прилагаются: Январскія моды и февральская книжка (№ 2) Приложенія.

10-й томъ собранія романовъ Ч. Диккенса будетъ разосланъ вмѣстѣ съ 11-мъ при № 11 журнала.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МИНИСТЕРСКАЯ ЛАМПА

по своей конструкціи превосходить всѣ другія до сихъ поръ известныя. Благодаря ей устройству можно регулировать свѣтъ въ жасомомъ направленіи, причемъ при работѣ не нужно напрягать зрѣніе. А потому она необходима въ домашнемъ обиходѣ: на письменномъ столѣ, при чтеніи, въ мастерскихъ, заводахъ и т. п. Цѣна съ упаковкой и пересылкой въ Европ. Россію 5 руб., надол. платеж. 12 коп. больше.

Адресовать:

Фабричный складъ Л. В. АЙЗЕНБЕРГА, Варшава, Дикая, 38-к.

113—Р.10.

10—1. К.

БЕЗОПАСНУЮ БРИТВУ

рекомендуемъ всѣмъ, желающимъ безъ всякаго труда и опасности гарантировать себя отъ столь частыхъ зараженій въ парикмахерскихъ, сократить при этомъ значительно свои расходы. Цѣна съ перес. въ Европ. Россію 3 р.; съ приборомъ, состоящимъ изъ кисточки, чашечки и коробки порошка 3 р. 75 к. Нал. пл. 10 к. дороже. Адресовать: Фабричный складъ Л. В. АЙЗЕНБЕРГА, Варшава, Дикая 38—к.

112.—Р.10.

10—1. К.

!! НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ !!

⇒ Вместо 23 руб. только за 7 руб. 25 коп. ←

Изящные и прочные карманные часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ ⇒ не позолоченные, ← глухіе съ 3-ми массивными крышками, заводъ безъ ключа, ручательство за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ золотыхъ часовъ, стоющихъ 100 рублей. Часы награждены медалями. Такіе же дамскіе—цѣна 8 руб. Высылаю вывѣренные часы до минуты, съ налож. плат. безъ задатка. Адресъ: Главный складъ часовъ Т-ва „ТАВАНЪ“ Варшава, Лешно 22.

БЕЗПЛАТНО: прилагаю къ часамъ цѣпочка „Вѣкъ“ и брелокъ „Бинокль“ съ интересными видами.

106.—М. Р.5—4.

Гитары

съ механизмомъ для струнъ хорошаго тона и работы: 6, 7, 10, 15, 20 руб. Лучшаго тона, очень изящной работы: 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125 руб. и дороже. Дешевые сорта, съ колками 3, 4 и 5 руб.

Мандолины

лучшихъ италянскихъ мастеровъ отличнаго тона, 22, 30, 50, 75, 100 р. и дороже. Дешевые сорта: итальянскія: 8, 12 и 15 р.

Балалайки

лучшей работы, звучаго тона, съ провѣренными ладами: 5, 7, 10, 15 руб. и дороже. Деш. вые сорта: 1 1/2, 2, 3 и 4 руб.

Самоучители и ноты въ большемъ выборѣ. иллюстрированный прейс-курантъ бесплатно

Юлій Генрихъ **ЦИММЕРМАНЪ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 34.—МОСКВА, Кузнецкій м., д. Захарыина, 109. П. Р. 7—К.

ИМПЕРИРОВАВШАЯ НЕДЕЛЯ

При ближайшемъ участіи *И. Н. Потапко.*

Хроника войны.

**Всеподданѣйшія телеграммы
намѣстника генераль - адъютанта
Алексѣвана имя Его Императорскаго
Величества изъ Мукдена отъ 27-го
февраля 1904 г.**

Командующій флотомъ вице-адмиралъ Макаровъ доноситъ, 26-го февраля, изъ Портъ-Артура слѣдующее: вышедшіе въ ночь на 26-ое февраля 6 миноносцевъ, изъ нихъ 4 подъ общимъ начальствомъ капитана 1 ранга Матусевича, встрѣтились съ миноносцами непріятеля, за которыми появились крейсера. Прозошла жаркая схватка, въ которой миноносецъ „Властный“, подъ командой лейтенанта Карцова, миной Уайтхеда потопилъ непріятельскій миноносецъ. При возвращеніи, миноносецъ „Стерегущій“ подъ командой лейтенанта Сергѣева, былъ подбитъ, лишился машины и началъ тонуть.

Въ 8 часовъ утра 5 миноносцевъ возвратились. Когда выяснилось критическое положеніе „Стерегущаго“, я перенесъ свой флагъ на „Новикъ“, и вышелъ съ „Новикомъ“ и „Баяномъ“ на выручку, но у миноносца оказалось 5 непріятельскихъ крейсеровъ и приближалась броненосная эскадра. Спасти не удалось, миноносецъ утонулъ, уцѣлѣвшая часть экипажа попала въ плѣнъ.

На судахъ, принимавшихъ участіе въ ночной атакѣ, тяжело раненъ 1 офицеръ, легко 3. Убито нижнихъ чиновъ 2, ранено 18. Въ 9 часовъ собралось 14 непріятельскихъ судовъ, началась бомбардировка Артура тяжелыми орудіями броненосной эскадры непріятеля, съ большой дистанціи, продолжавшаяся до 1 часу дня. По счету съ батареи, непріятель выпустилъ 154 12-дюймовыхъ снаряда.

Поврежденія судовъ незначительныя, суда вполне готовы къ бою; потери на нихъ: легко раненъ одинъ офицеръ, нижнихъ чиновъ убито 1, ранено 4. Ночное освѣщеніе прожекторами съ батареи было весьма умѣлое и нѣсколько разъ отдѣльными выстрѣ-

лами батарей отгоняли миноносцы противниковъ.

Днемъ съ начала бомбардировки крѣпостныя орудія отвѣчали на огонь непріятеля. На всѣхъ корабляхъ команды держали себя съ замѣчательнымъ спокойствіемъ, и въ нижнихъ палубахъ шли заурядныя

работы, хотя снаряды падали между судовъ, засыпая ихъ осколками. Бомбардировку съ такого разстоянія можно считать безрезультатной.

Донесено, что на крейсерѣ „Такасаго“ замѣтили значительныя поврежденія, которыя за дальностью, не менѣе 50 кабельто-

Молящіеся бонзы.

вовъ, не были рассмотрѣны. Нѣкоторая часть снарядовъ выпускалась ими съ 12 версты.

О вышеизложенномъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

II.

Въ дополненіе телеграммы отъ 27-го февраля всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что по донесенію изъ Портъ-Артура, въ бою миноносцевъ съ японскими крейсерами 26-го февраля ранены: капитанъ 1-го ранга Матушевичъ, мичманъ Александровъ и инженеръ-механикъ Блиновъ—легко. Мичманъ Заевъ тяжело въ голову съ потерю праваго глаза.

III.

Командантъ Портъ-Артура доноситъ нижеслѣдующія подробности бомбардированія крѣпости: 26-го числа, когда непріятель открылъ огонь, ему начали отвѣчать наши батареи: 6 непріятельскихъ судовъ изъ-за Ляотешана открыли перекидной огонь по крѣпости. Бомбардировка окончилась въ 1 ч. 15 мин. дня. Противникомъ выпущено до 200 снарядовъ, одна изъ бомбъ съ батареи № 15 Электрическаго утеса сильно повредила японскій крейсеръ. Результаты бомбардировки незначительны, Ранено 6 нижнихъ чиновъ. Въ городѣ убито 3 частныхъ лица и тяжело раненъ 1.

По заявленію генераль-адъютанта Стеселя, господа офицеры и нижніе чины береговыхъ батарей отличались примѣрнымъ мужествомъ и вели стрѣльбу въ образцовомъ порядкѣ.

Изложенное всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Бомбардированіе Портъ-Артура 26 февраля оказалось также бесплодно, какъ и бомбардировка Владивостока.

Японцы выпустили до 200 снарядовъ, т. е. затратили около 600.000 р., не получивъ никакихъ результатовъ.

Напротивъ одна изъ нашихъ бомбъ сильно повредила одинъ японскій крейсеръ. Морской бой также не причинилъ намъ значительнаго урона и все суда наши вполне готовы къ бою; потеря миноносца „Стерегущій“ уравнивается потерей японцами своего миноносца, потопленнаго миноносцемъ „Властнымъ“ подъ командой лейтенанта Карцева. До сего времени все попытки японцевъ, направленные противъ нашей эскадры и крѣпости Портъ-Артуръ слѣдуетъ признать крайне неудачными; ни хитрость, ни отвага, ничего не помогаютъ. Эти неудачи должны послужить для японцевъ хорошимъ урокомъ, охладить ихъ воинственный пылъ и заставить ихъ подумать, на какой опасный путь бросились они подъ вліяніемъ воинственнаго азютажа а также англійской и американской печати. Денежные ресурсы ихъ не такъ велики, что бы ихъ хватило надолго; что же касается до вѣншихъ займовъ, то и таковыя подъ большимъ сомнѣніемъ. Вся надежда ихъ конечно возлагается на Китай, который по мнѣнію японцевъ долженъ отклінуться на зовъ и принять участіе въ войнѣ, но они забываютъ, что европейскія державы не такъ равнодушно относятся къ этому вмѣшательству, какъ бы имъ хотѣлось. Военный корреспондентъ газеты «Journal» телеграфируетъ изъ Тянь-Цзиня о сосредоточеніи у Манчжурской границы 20.000 китайской арміи подъ начальствомъ генерала Ма. „На французское общественное мнѣніе эти вѣсти дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ, такъ какъ открытое вмѣшательство Китая въ войну поставитъ Францію въ необходимость, помимо всякихъ формальныхъ обязательствъ, подумать о защитѣ своихъ владѣній въ восточной Азій“. Вліяніе Японіи на Китай тѣмъ значительнѣе, что Юаншикай, вице-король

Чилийской провинціи и губернаторъ Пекина приверженцы союза съ Японіей, но и эти симпатіи значительно остыли послѣ обнародованія японско-корейскаго договора (Т. А. Пекинъ 29 (13 марта).

Иностранныя газеты полны вымышленныхъ и враждебныхъ Россіи извѣстій: „Daily Express“, передаетъ на основаніи телеграммы изъ Чифу, что русскіе покинули Портъ-Артуръ уже 27 февраля. Въ Токио царитъ увѣренность, что Портъ-Артуръ фактически оставленъ уже русскими (Central News Т. А. 1 марта). Слухи эти опровергаются категорически сообщеніемъ съ агенства Рейтера отъ 1 (14) марта изъ Тянь-Цзиня: согласно телеграммѣ, поданной въ Портъ-Артуръ 29 февраля, въ 7 час. веч. и полученной въ Тянь-Цзинь 1 (14) марта въ 11 ч. утра слухъ о занятіи Портъ-Артура японцами лишень основанія.

По сообщенію Рос. Т. А. отъ 27 февраля во время бомбардировки 26 февраля одинъ снарядъ разорвался въ 8 саж. отъ дома частнаго повѣреннаго Сидорскаго; громаднымъ осколкомъ убита супруга военнаго слѣдователя барона Франка и Сидорскій, находившіеся въ одной комнатѣ. Госпожа Валеричъ получила рану въ грудь и скончалась въ госпиталѣ. Кромѣ того убитъ китаецъ и тяжело ранены кучеръ Деминъ, и нѣсколько китайцевъ. Контужень лейтенантъ Вахтинъ, ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Вотъ трофей грандіозной бомбардировки изъ дальнобойныхъ орудій, бьющихъ чуть ли не на 12 версты!

Въ то время какъ японцы стали непроизводительно тратить средства и силы на бомбардировки Портъ-Артура и Владивостока, японскій парламентъ повышаетъ налоги, подати, вводитъ соляную монополію и военный налогъ и откладываетъ общественныя работы. (Т. А. 28 (12 марта). Вся тяжесть военныхъ расходовъ падаетъ на народъ, который, конечно, не можетъ нести болѣе того, что физически возможно.

Текущая жизнь.

Великій постъ въ столицѣ—это время, когда въ ряду обычныхъ текущихъ культурныхъ интересовъ появляется новый интересъ—живопись. Художники, въ этой части зимняго сезона, устраиваютъ свои выставки картинъ и публика съ жадностью набрасывается на новыя впечатлѣнія. Естественно, что я, какъ хроникеръ текущей жизни, не могу обойти и эту ея часть молчаніемъ. Не будучи самъ художникомъ я, какъ и всякій столичный обыватель, давно уже тѣмъ не менѣе аккуратно ежегодно посѣщаю выставки картинъ въ Петербургѣ и былъ свидѣтелемъ многихъ эволюцій въ интересахъ публики къ этому искусству и

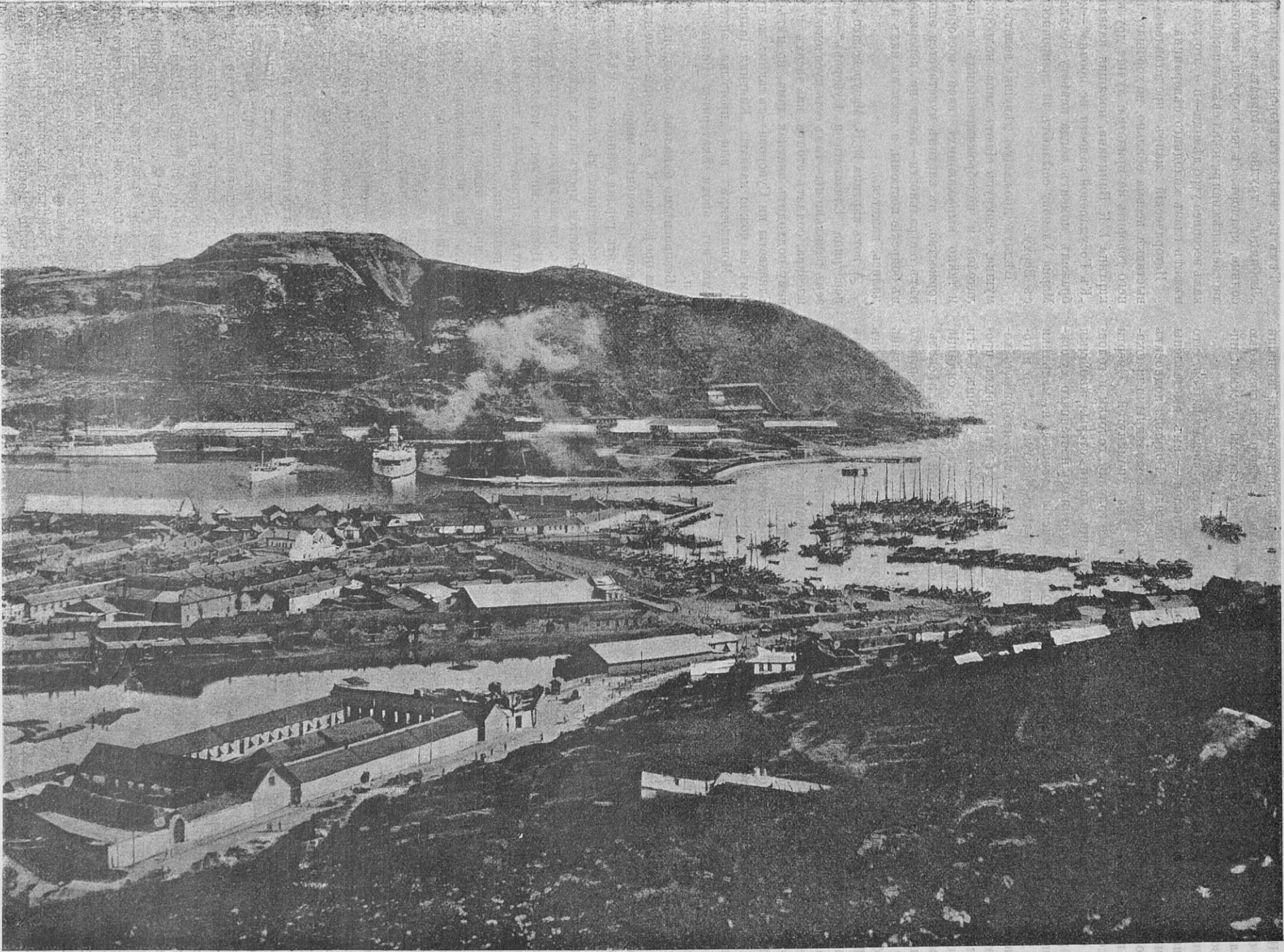
въ отношеніи къ нему самихъ его жрецовъ. Мои замѣтки, конечно, будутъ носить, благодаря этому, характеръ впечатлѣнія любителя живописи—человѣка изъ толпы... и не болѣе.

Въ настоящее время большихъ художественныхъ выставокъ картинъ и скульптурныхъ произведеній въ Петербургѣ пять: 1) С.-Петербургскаго общества художниковъ (въ Пассажѣ); 2) Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ (въ помѣщеніи общества петербургскихъ художниковъ, на Б. Морской); 3) Весенняя выставка (въ залахъ Академіи Художествъ); 4) 1-я выставка новаго общества художниковъ (въ залахъ Академіи Наукъ) и 5) годичная выставка картинъ „Товарищества художниковъ“ (въ верхнихъ залахъ Пассажа). Разсмотримъ ихъ послѣдовательно, въ отдѣльности каждую, а затѣмъ попытаемъ

дать общее заключеніе, на основаніи этого рассмотрѣнія, о характерѣ русской живописи сейчасъ, въ данный моментъ, о наклонностяхъ и задачахъ русскихъ художниковъ и объ отношеніи къ нимъ публики.

Прежде всего разсмотримъ выставку С.-Петербургскаго общества художниковъ. На выставкѣ 259 картинъ и этюдовъ и скульптура двухъ художниковъ: А. Н. Адамсона и Ф. Г. Бромберга. Объ Адамсонѣ въ „Иллюстрированной Педѣлѣ“ уже была статья, а Бромбергъ никакого выдающагося интереса не представляетъ—развѣ любопытно только выставленный имъ бюстъ нашего сотрудника А. Л. Волынскаго и шаржъ на него же.

Среди картинъ гвоздемъ выставки является громадное полотно К. Г. Маковского, изображающее смерть Петроніи по Сенкевичевскому роману „Quo vadis“ („Камо

Видъ Портъ-Артура на вѣншній рейдъ.

грядеши“). Художникъ желалъ изобразить тотъ моментъ, когда въ разгарѣ пира, подъ утро, Петроній вмѣстѣ съ Евникой „открываетъ себѣ жилы“ при помощи врача. Трудно желать лучшей сцены для художественнаго воплощенія. У Сенкевича такъ пластически прекрасно словами передается и картина пира, и смерть этого античнаго поклонника красоты во всѣхъ видахъ ея, что, когда читаешь это мѣсто въ романѣ (какъ и многія другія мѣста тоже), то кажется самъ могъ бы изобразить всю картину на бумагѣ или полотнѣ... Сенкевича въ этомъ романѣ по пластичности подробностей, по красотѣ картины, отъ которой не вѣетъ ужасомъ, не смотря на трагичность сюжета—можно назвать „Семирадскимъ отъ литературы“...

Безпощадная смерть—смерть вынужденная, по приказанію тирана, у него выходитъ мягкою, прекрасно—смерть красавца римлянина, красавицы-рабыни и любовницы во время пира-оргіи, среди пѣвня, танцевъ, благовонныхъ куреній и розъ... Маковский вмѣсто такой картины даетъ декоративное панно, Петроній и Евника, не смотря на то, что они въ центрѣ картины, не привлекаютъ главнаго вниманія—позы ихъ вымученно-театральны... оргіи не чувствуется... нѣтъ того аромата сладострастія, безъ котораго нельзя себѣ представить пиръ времени Нерона да еще у самаго утонченнаго поклонника красоты того времени—Петронія... У Маковского оргія носитъ характеръ утренняго завтрака, гдѣ всѣ такіе чистенькіе, танцовщицы въ застегнутыхъ костюмахъ, Евника—тоже, точно прилегла немножко вздремнуть передъ тѣмъ, какъ идти въ гости; на ногахъ тщательно завязанныя сандалии, ни одинъ аграфъ ея костюма не разстегнутъ... все это нравственно, конечно, но право, если хочешь быть чистенькимъ художникомъ незачѣмъ брать темы изъ античныхъ оргій Нероновской эпохи... Головки трехъ танцовщицъ на лѣвомъ планѣ—очаровательны, равно какъ и мальчикъ справа, но эти головки знакомы—мы ихъ видѣли на „Русалкахъ“ того же Маковского... Это миленькія французженки изъ revue въ „Scala“ или „Eldorado“. Любитель яркихъ цвѣтовъ, яркихъ красокъ, художникъ на этотъ разъ подернулъ всю картину какимъ-то флеромъ—вѣроятно этимъ онъ хотѣлъ прикрыть задній планъ самой оргіи, дать впечатлѣніе неопредѣленности окружающему, имѣя въ виду, что дѣло происходитъ на разсвѣтѣ, когда всѣ краски нѣсколько тускнѣютъ и сливаются и пробивающійся дневной свѣтъ вмѣстѣ съ искусственными огнями, освѣщавшими пиръ, придаетъ всему характеръ нѣкоторой таинственности... Задача не удалась и этого утра вовсе не чувствуется, какъ не чувствуется и самой оргіи... Смотря на эту картину все время на умѣ вертится мысль: „а чтобы изъ этого сюжета сдѣлалъ Семирадскій, съ его любовью и пониманіемъ античнаго міра и съ его любовью красоты, яркихъ красокъ и женскаго тѣла?“...

Такъ или иначе—картина гвоздь выставки и главнымъ образомъ привлекаетъ публику... около картины всегда толпятся

любопытствующіе. Мы любимъ когда художники иллюстрируютъ знакомыя намъ и дорогія литературныя произведенія, но наши художники мало и рѣдко къ несчастью вдохновляются даже своими русскими писателями...

Выставка не можетъ пожаловаться, что Маковскій покусился—имъ выставлены 7 акварелей, 1 пастель („Боярыня подноситъ братицу“) и 21 картина масляными красками, не считая уже упомянутой „Смерти Петронія“. И все головки, головки и головки—то боярышни, наши старыя знакомыя по прежнимъ картинамъ почтеннаго художника то итальянскія дѣвцы и мальчики (послѣднихъ цѣлыхъ 6 штукъ)... Что и говорить—мастеръ, Маковский, изображать хорошенькія головки и отъ нѣкоторыхъ просто не оторваться—особенно хорошъ 5-6-ти лѣтній „итальянскій мальчикъ“, сидящій на камнѣ съ добродушной дѣтской, нѣсколько недовольной миной на личикѣ... Портретъ Н. Д. Стахѣева—это единственная вещь К. Г. Маковского—не „головка“, но онъ уступаетъ много прежнимъ его чуднымъ портретамъ... Такой же специальности т-е хорошенькимъ женскимъ головкамъ посвятилъ свою дѣятельность и другой нашъ крупный художникъ—В. А. Бобровъ, выставившій 7 продуктовъ своего творчества, изъ нихъ 1 портретъ (писателя Сухово-Кобылина), одинъ этюдъ комнаты, одинъ „красный костюмъ“ (а въ костюмѣ конечно, дама, но художникъ своему произведенію далъ названіе костюма, потому мы его особо и выдѣляемъ), а затѣмъ идутъ: цыганка (акварель), одалиска, Альма, цвѣточница т.-е. тоже, что мы ежегодно видимъ на различныхъ выставкахъ нашихъ эстампныхъ и художественныхъ магазиновъ... Художники не легко сбиваются съ пути и обладаютъ завидною консервативною взглядовъ и убѣждений... По части изображенія женскаго тѣла на выставкѣ два въ этомъ отношеніи шедевра—эта картина М. Г. Сухорова (мастера по этой части) „Модель въ мастерской художника“ и С. С. Егорнова „На берегу моря“—дѣвица выкупалась и протянулась на пескѣ просохнуть—чувствуется влага на тѣлѣ, живомъ и тепломъ, щеки раскраснѣлись на солнцѣ, влажные волосы прядями слиплись и ниспадаютъ на лицо... Картина мастерски написана. Сухоровскій выставилъ еще одну премилую акварель-головку: „Послѣ танца“ а Егорновъ громадное полотно: „Смерть княгини Домники Черниговской“ но картина слаба—движенія никакого, краски блѣдны, какъ блѣдно и изображеніе ужаса на лицѣ несчастной княгини съ ребенкомъ на рукахъ, намѣревающейся броситься на земь съ высокихъ хоромъ, чтобъ не попасться въ руки татаръ... Нашъ общій любимецъ русскій—итальянецъ, римлянинъ С. В. Бакаловичъ въ 1001-ый разъ повторилъ старыя свои сюжеты: его двѣ картины, „Входъ въ термы“ и „Любимцы“ превосходны, по-прежнему всѣ ахаютъ, глядя какъ имъ написанъ мраморъ, который гораздо болѣе интересуется всѣхъ, чѣмъ тѣ живые существа, которыя по нему ступаютъ, да надо правду сказать, что эти живыя существа

тоже напоминаютъ мраморъ своею вычужденностью и скульптурностью.

Тѣмъ не менѣе отъ второй его картинки „Любимцы“ трудно оторваться—горячее солнце, мраморъ, бѣлые голубки, которыхъ ласкаетъ нѣжная римская свѣжа и красивая какъ весеннее утро дѣвица—въ это ужасно нѣжить глазъ холоднаго съверянна.

Историческій жанръ представленъ на выставкѣ весьма обильно, но хорошаго про него говорить не придется: лучше другія картина І. К. Винциана, носящая названіе: „Къ Государевой радости не прочна“—изображенъ моментъ когда невѣсту Государя Марію Хлопову ссылаютъ за „непрочность“ съ Верху...

Бѣдную дрожащую дѣвушку ведетъ мамушка, а вокругъ сіяютъ лица недоброжелателей и недоброжелательницъ и явно и тайно выражающихъ свой восторгъ и торжество... въ картинѣ чувствуется эпоха, нѣтъ театральности—люди не перережены въ бойскіе костюмы, а такъ въ нихъ и родились, кажется...

А вотъ картина В. В. Мазуровскаго „Императрица Елизавета и Суворовъ“—образецъ банальщины—тамъ есть кусочекъ Монплезира, солдатъ стоитъ на часахъ и къ нему подходитъ знатная дама, но нѣтъ ни Елизаветы ни Суворова—съ такимъ же правомъ ее можно назвать: „Княгиня Дашкова въ Монплезирѣ“ или „прогулка знатной дамы изъ эпохи Екатерины Великой“ и т. п.

Безпросвѣтно банальна и бездарна картина профессора К. В. Веннига „Клеопатра и Цезарь“—моментъ выбранъ интересный, когда эта гордая египетская змѣйка приносится закутанная въ ткани къ Цезарю и раскрывается предъ нимъ; здѣсь тоже нѣтъ ни того, что мы привыкли считать свойственнымъ Цезарю, ни того, что характеризуетъ Клеопатру картина—безъ подписи была-бы вовсе непонятна... написана она чистенько аккуратно, но никому и ни для чего не нужна... Къ историческимъ картинамъ можно отнести и большое полотно Д. И. Мазуровскаго „Аттака л.-г. Коннаго полка подъ Фридландомъ въ 1807 году“—въ ней много движенія, группы интересны—есть даже вдохновеніе—видно, что къ этому жанру художникъ отнесся горячѣе, чѣмъ къ бѣдному стоящему на часахъ только Суворову...

Жанра на выставкѣ мало и представленъ онъ слабо—лучше другихъ картина И. Матвѣева „Кусочекъ сахару“—молодая дѣвушка прямо съ постели въ одной рубашкѣ вскочила на стулъ и кормитъ любимую птичку—утреннее солнце освѣщаетъ всю эту идиллію черезъ окошко и лицо и руки дѣвушки и грѣетъ тѣло чуть розовѣющее подъ мягкими складками рубашки... М. Е. Малышевъ въ своей картинѣ „Все разбито“ безбожно обобралъ покойнаго Федотова съ его „Вдовушкой“—тотъ-же сюжетъ почти, таже обстановка до фотографической точности у зеркала включительно. „Проводы на Дальній Востокъ“ И. М. Грутнева картина очень злободневная, но въ тоже время и очень плохая—написана какъ по шаблону, жизни нѣтъ, а есть раз-

мѣренно поставленные группы дѣйствующихъ лица—театральности много, а къ такимъ сюжетамъ театально подходить не слѣдуетъ—надо ихъ умѣть чувствовать, ну хоть какъ Гаршиновскій Рябининъ чувствовалъ своего „Глухаря“...

Пейзажемъ богаты всѣ наши выставки и здѣсь въ этомъ отношеніи есть вещи прекрасныя. За Кондратенко и Лагоріо, говорятъ уже ихъ фамиліи—и тотъ и другой рисуютъ картины Крыма и Чернаго моря и, конечно, дай Богъ побольше такихъ картинъ—для не видѣвшихъ Крыма и для видѣвшихъ его, картины ихъ одинаково доставятъ истинное наслажденіе. Однако лучшимъ пейзажемъ выставки я лично считаю картину Г. М. Манизера „Большая дорога“—тройка лошадокъ, запряженныхъ въ таратайкѣ, ѣбжитъ по дорогѣ изъ деревни... вдали видѣтся бѣлая деревенская колокольня, слѣва куча деревьевъ и верстовой столбъ, справа широкій просторъ поля... на лѣвомъ планѣ удаляющаяся гроза, дождь, вѣтеръ, тучи,—справа уже небо очистилось, блеститъ солнышко вѣетъ тепломъ. Знакомая, родная всѣмъ картина передана мягкими, любовными красками человѣка, хорошо чувствующаго русскую природу и деревню... Очень хороши также

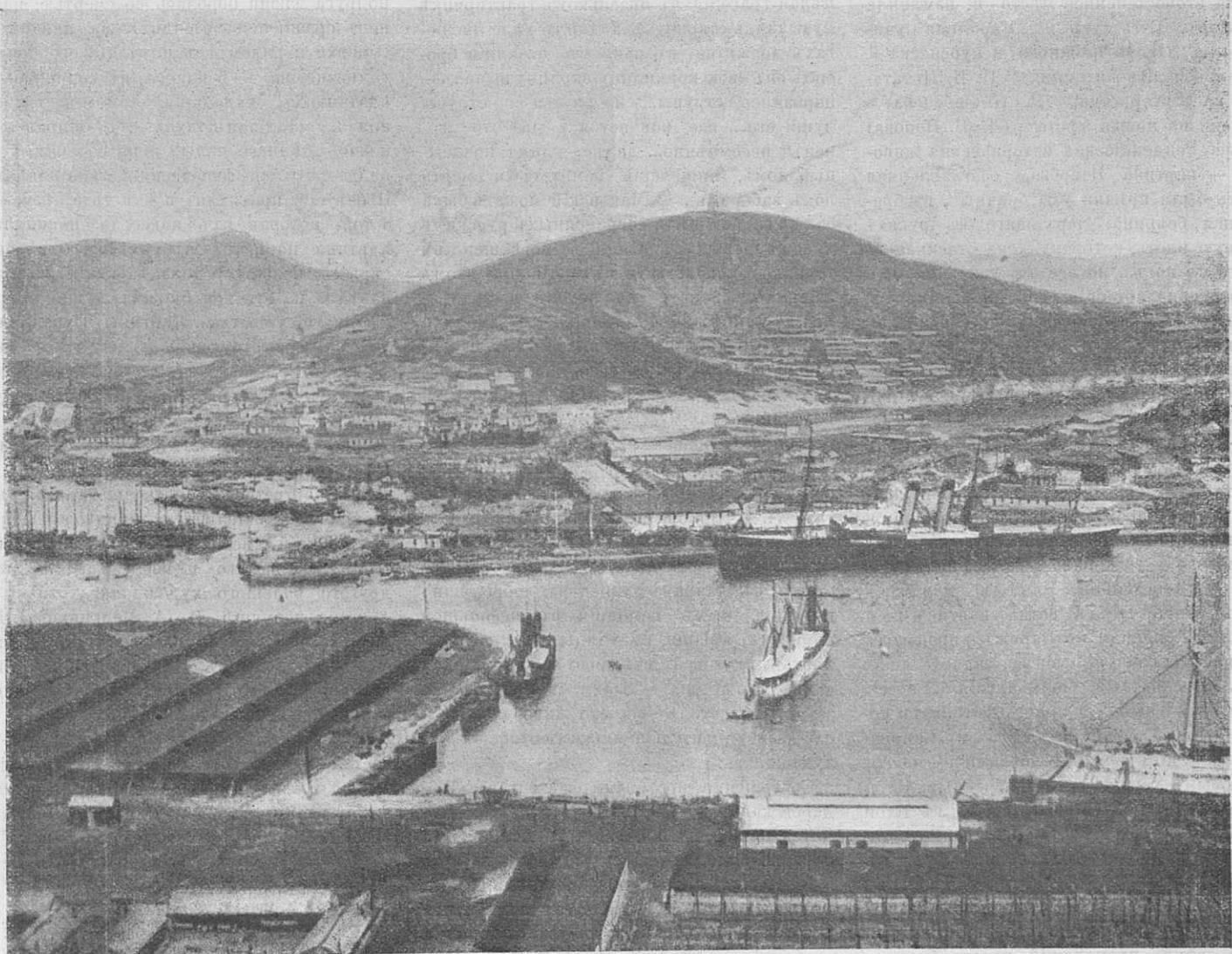
и картины И. А. Вольфа „Сѣрый день“ и „Начало зимы“.

Портретовъ на выставкѣ мало—лучшій портретъ (свящ. Гр. С. Петрова) принадлежитъ кисти того-же прекраснаго пейзажиста Г. М. Манизера.

Теперь переѣдемъ на Большую Морскую и посмотримъ чѣмъ подарилъ насъ на этотъ годъ „товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ“. Солидная фирма—что и говорить!—русская живопись не малымъ обязана этому товариществу и до сихъ поръ его выставки пользуются у публики исключительнымъ вниманіемъ, хотя многіе изъ прежнихъ художниковъ покинули товарищю — „внхъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече“... тѣмъ не менѣ столпы товарищества не бросили его—на нынѣшней 32-й по счету выставкѣ фигурируютъ и И. Е. Рѣпинъ и В. Е. Маковский, Харламовъ, Шильдеръ, Волковъ, Богдановъ-Вѣльскій, Мясоѣдовъ, Пимоненко, Невревъ, Лемохъ, Клодтъ, Кузнецовъ, Дубовскій и др., а съ такими именами выставка сама за себя говоритъ... И дѣйствительно, здѣсь абсолютно плохія вещи—на перечесть, средний уровень художниковъ или вѣрнѣе картинъ—очень высокій...

Мы не будемъ останавливаться на И. Е.

Рѣпинѣ, ибо онъ выставилъ только этюды къ картинѣ „Государственный Совѣтъ“, о которой необходимо говорить особо—она и выставлена для осмотра публично особо—въ самомъ помѣщеніи Государственнаго Совѣта. Этюды рѣдкаго качества—каждый изъ нихъ, представляющій портретъ нашихъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей—самъ по себѣ цѣнная картина. Пожалуй это и есть гвоздь выставки передвижниковъ, если вообще что либо тутъ надо назвать „гвоздемъ“... Самая сильная сторона этой выставки—это пейзажъ, въ этой сферѣ мы имѣемъ здѣсь настоящіе перлы. Возьмите картины Волкова „Закатъ“, „Послѣдніе лучи“ и „У монастыря“, посмотрите пейзажи Дубовскаго „Послѣ дождя“ или оригинальную картину „Ненастье“, изображающую мокрый вѣтренный вечеръ на Петербургской набережной или остановитесь передъ дивными поэтическими пейзажами Шильдера— что это за красота! Да, эти люди умѣютъ и чувствовать и одухотворять природу, умѣютъ показать въ ней черезъ призму здороваго реализма то прекрасное, для олицетворенія чего человѣкъ и нуждается въ искусствѣ... Картина Шильдера „Разсвѣтъ“—почти вещь гениальная по одухотворенію природы, по

Портъ-Артуръ. Внутренній рейдъ.

тому впечатлѣннѣе, которое она должна производить на самаго не впечатлительнаго человѣка. А на выставкѣ еще имѣются пейзажи Мясоѣдова („Берегъ Сочи“), Киселева („Буря утихаешь“), Бегтрова („Петербургъ ночью“) и удивительный „Февральскій вечеръ“ Бялыницкаго-Бирули. На послѣдней картинѣ чудесный, бодрый, глубокий снѣжокъ не тѣмъ хорошѣе, что написанъ съ паразитической вѣрностью природѣ, а тѣмъ, что онъ живетъ, какъ сама природа, что вся картина даетъ вамъ должное настроеніе—бодритъ, свѣжитъ и очищаетъ васъ, какъ бодритъ и освѣжаетъ человѣка соприкосновеніе съ самою природою... Посмотрите небольшую картину И. М. Гермашева „Монастырь“ — куполь церкви, горящій на солнцѣ золотомъ, живить всю картину и вамъ не оторваться отъ нее—все это такъ близко, такъ любовно написано...

„Послѣдній снѣгъ“ А. Н. Каринской, или „Старыя вербы“ П. А. Левченка—это сама одухотворенная природа... Несомнѣнно, что сейчасъ пейзажъ самая сильная сторона Передвижниковъ. Было время когда идейныя, скорѣе даже тенденціозныя картины дѣлали славу этого товарищества и до сихъ поръ эта закваска осталась на ихъ выставкахъ, и мало помалу она только заняла второстепенное мѣсто и измѣнила характеръ. Есть тугъ и „Народная учительница“ (Н. М. Кабанова) и курсистка и студентъ и „Въ питомникѣ“ И. И. Игнатъева) и „Гитаристка“ (В. П. Лебедева) и „Ходоки на новыя мѣста“ (Л. Б. Попова) и даже тенденціозная историческая живопись — картина Неврева, озаглавленная „Чѣмъ были крѣпки узы брачны“, изображающая боярина, держащаго въ рукахъ брачную плетъ, которому жена стаскиваетъ сапоги съ ногъ... но все это уже не то — все это наислабѣйшія вещи на выставкѣ и не онѣ привлекаютъ вниманіе современной публики...

Гораздо интереснѣе то, что нѣкоторые изъ художниковъ старой школы рвутся изъ старыхъ рамокъ—вотъ напримѣръ Богдановъ-Вѣльскій — онъ, правда, не утерпѣлъ и далъ-таки намъ своего милаго, но ежегодно повторявшагося всѣмъ давно извѣстнаго крестьянскаго мальчика („Новички“), но онъ же далъ намъ прелестную картинку деревенской дѣвочки, онъ же, наконецъ, далъ и удивительный „эюдъ“ мужика—эюдъ этотъ стоитъ сотни картинъ и, я убѣжденъ, попади въ Парижъ, произвелъ бы впечатлѣніе не менѣе значительное, чѣмъ пресловутыя Малявинскія „Бабы“. Даже банальный Харламовъ измѣняетъ себя и даетъ 2 картинки „Дѣти“ и „Капризница“ — съ новыми „головками“ — почти жанровымъ характеромъ одобренныя... Вотъ Пимоненно остался вѣренъ себѣ и въ 100-й разъ повторилъ эффектъ освѣщенія, который мы уже у него видали и не разъ, въ своей картинѣ „Выходъ изъ церкви въ страстной четвергъ“—мотивъ тотъ же, что и въ „Гаданьи“ и др. его картинахъ — свѣтъ свѣчи, проходящій черезъ бумагу... Историческіе жанры Лебедева и Неврева тоже стары, то стары, какъ ихъ творче-

ство—все тоже и тоже ни шагу ни впередъ, ни назадъ... Только такой исключительно большой талантъ, какъ В. Е. Маковскій можетъ себѣ позволять неизмѣнно оставаться однимъ и тѣмъ же но вѣдь онъ себѣ отмежевалъ въ искусствѣ такое благодарное поприще, какъ жанръ текущей жизни... Это положительно современныи Гоголь въ живописи, т. е. художникъ, который сквозъ призму смѣшнаго въ будничной нашей повседневной жизни льетъ незримыя, но чувствуемыя зрителемъ слезы.

Его „интервью“ въ этомъ отношеніи и ново по сюжету и старо... Юркій молодой человѣкъ записываетъ что-то въ барской комнатѣ со словъ презрительно его оглядывающаго жирнаго лакея съ метелкою въ рукахъ...

Не знаешь кого жалѣть — лакея или репортера... репортеръ жалокъ, лакей отвратителен... Очень оригинальна его же картина „Горькая доля“, — мало обычная для нашего жанриста даже по величинѣ полотно: въ лѣску сидятъ старуха и молодуха—первая убѣждаетъ, для второй — все кончено. Здѣсь даже нѣтъ юмора — здѣсь простое, ясное для всякаго горе—горькое горе...

Маленькая картинка его же „Конецъ“—дѣлая трагедія: въ низенькомъ трактирчикѣ музыкантъ-старичекъ подишь—еле на ногахъ держится въ пьяномъ отчаяніи бросилъ онъ свою кормилицу-скрипку на полъ—порвались струны... но рвутся и струны души его... все кончается... да—это „конецъ“ несомнѣнно... далѣе—улица, ночлежный домъ, нищенскій комитетъ и смерть подъ заборомъ... В. Маковскій можетъ быть самый глубокой изъ современныхъ русскихъ художниковъ, обладающій въ совершенствѣ техникою искусства и имѣющій при этомъ живую отзывчивую на человѣческія страданія душу... Несомнѣнно, что публика ищетъ его картинъ на выставкѣ и несомнѣнно, что онъ и до сихъ поръ въ всякихъ перемѣнахъ въ ея настроеніяхъ и влеченіяхъ пользуется ея особеннымъ вниманіемъ и любовью...

Разъ зашла рѣчь о жанрѣ, то нельзя обойти молчаніемъ рѣдко талантливую картинку Л. В. Попова „Своя компанія“ — это такъ свѣжо, такъ живо написано, что стоитъ самого Маковского, хотя манерою ближе стоитъ къ жанрамъ Кузнецова: добродушно кутящая днемъ компанія въ небольшой комнаткѣ, дѣвица съ улицы, въ красномъ платьѣ, которой стѣняются и которая сама стѣняется, бутылки и простенькая закуска на столѣ—все это живо, просто и одобрено удивительно мягкимъ отношеніемъ художника...

Совершенно противоположны жанры Богдаревскаго: его „Прочтенная книга“ — годится прямо на шоколадныя конфетныя коробки или для олеографій „Родины“.

Нѣсколько лишь лучше картинка „Средъ шумнаго бала“, иллюстрирующая извѣстное стихотвореніе А. Толстого—она любопытна лишь по ловкой композиціи, по интересно составленнымъ группамъ—картинка, однако несомнѣнно нравится и заставляетъ задер-

живаться передъ нею публику — преимущественно дамъ, изучающихъ бальные туалеты изображенныхъ на ней женщинъ.

Намъ остается теперь отмѣтить новыя теченія, кое-гдѣ успѣвшія проскользнуть даже на выставку передвижниковъ.

Къ такимъ ишущимъ новыхъ формъ художникамъ мы-бы прежде всего отнесли П. А. Нилуса: его картины „Осенній вечеръ“, „Осенніе дни“, „Свиданіе“ по характеру ихъ смѣло могли бы украсить выставку „Мира искусства“—сплошной сѣрый тонъ, блеклыя краски не мѣшаютъ его картинкамъ передавать настроеніе зрителю. Напримѣръ этого художника можно видѣть какъ незамѣтно почти пробрался импрессионизмъ въ сферу побѣдно шествовавшихъ реалистовъ живописи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобныя картины были бы немислимы въ средѣ строгихъ передвижниковъ, хотя и они сами „передвигали“ русское искусство живописи впередъ въ свое время.

Тожее слѣдуетъ сказать, что и о картинахъ Нилуса, о прелестной картинѣ А. Л. Ржевской „Сумерки“ — сѣрый общій тонъ картины чрезвычайно гармонируетъ съ сюжетомъ: вдовецъ, посѣдѣвшій за нѣсколько дней ожиданія и надеждъ, когда его подруга жизни боролась со смертью, наконецъ сразившей ее, сидитъ на диванѣ въ сумерки и рядомъ съ нимъ двѣ его дочери гимназистки, 4–5 класса въ коричневыхъ платьицахъ, худенькія, тоже пострадавшіяся... младшая полулежитъ, опираясь на плечо „бѣднаго папы“ и на ее личикъ вы видите, что она физически устала плакать... И всѣ они притихли—и всѣ трое думаютъ о той, которая ихъ навсегда покинула... Картина написана въ тѣхъ же сумрачно-сѣрыхъ неясныхъ тонахъ, какія надолго навѣяла на эти три близкія души смерть любимаго существа... Картины Суреньяца „Пѣсь торжествующей любви“ и Хольвина „Любить не любить“ также смѣло могли бы получить мѣсто на выставкѣ „Мира Искусства“ и имъ подобныхъ. Къ такому же творчеству примыкаетъ „Замокъ“ Ламбина и „Въ черномъ“ Зайцева.

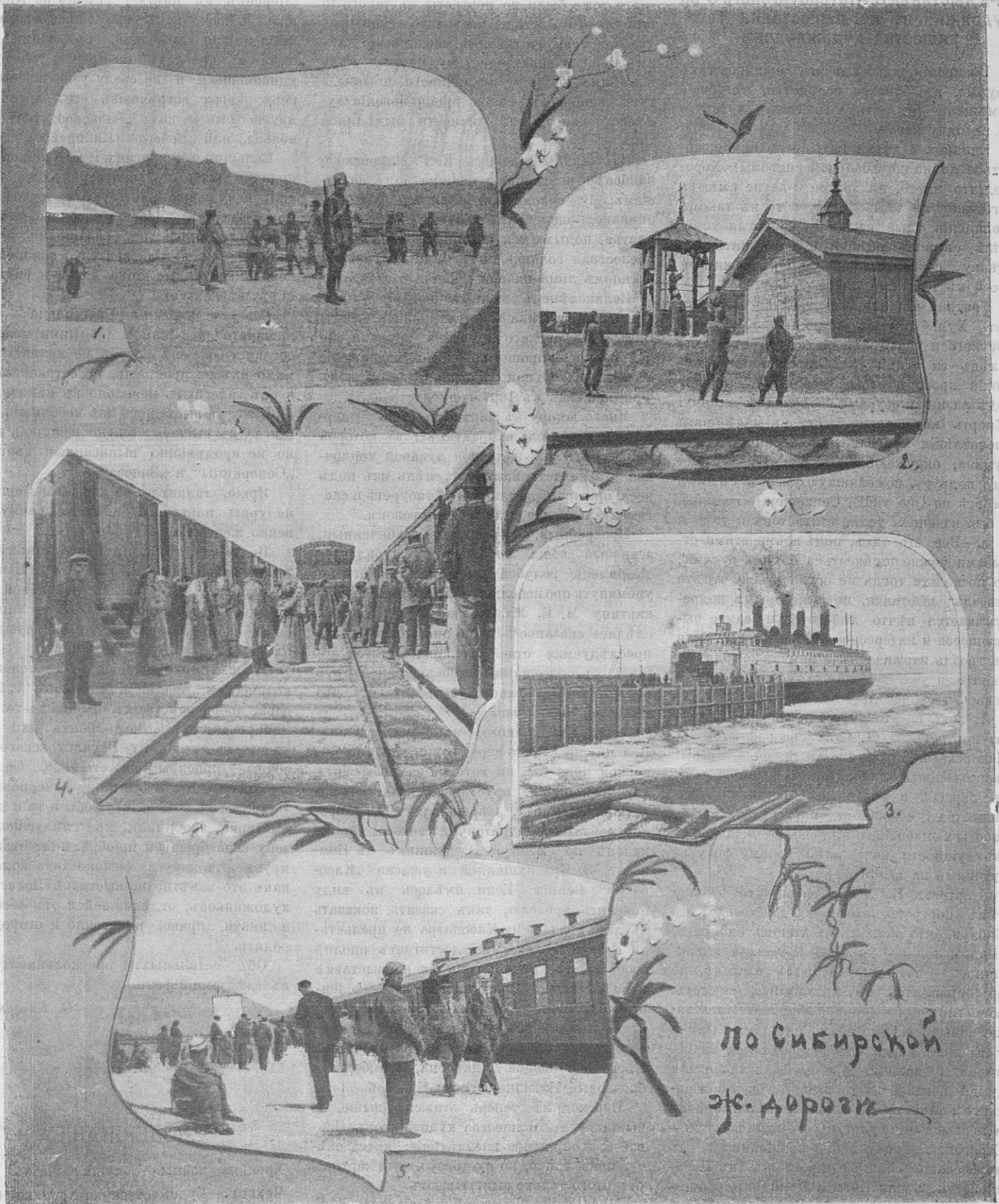
Изъ портретовъ откровенно говоря настающе мнѣ понравился лишь одинъ принадлежащій кисти того же неуядаемаго В. Е. Маковского и изображающій лицо другого большого художника, хотя и на другомъ поприщѣ—И. А. Мельникова. Что по нашему слабо на выставкѣ—не будемъ объ немъ говорить, да и повторимъ, что истинно слабого на этой выставкѣ немного и оно для нее не характерно.

Въ слѣдующій разъ мы побесѣдуемъ о трехъ остальныхъ выставкахъ и попытаемся сдѣлать кое-какіе посильные выводы о данномъ моментѣ, переживаемомъ русскою живописью.

В. В. Чеховъ.

Художественная выставка

По Сибирской
ж.д. Дорога

1) Оурапа пути. 2) Часовня. 3) Перевозка поѣзда через Байкаль. 4) Въ ожиданіи поѣзда. 5) Передъ отправленіемъ

Резавторъ А. П. Востокъ.

Издатель Александръ Д. Н. Родина.

Художественная хроника.

12-я выставка С.-Петербургскаго О-ва художниковъ и 1-я выставка Товарищества художниковъ.

По ироніи судьбы „враги“ сошлись такъ дружно, въ близкое сосѣдство, въ общее помѣщеніе (въ залахъ Пассажа), чуть что не въ одну кассу.

Единица и двѣнадцать (если придерживаться двѣнадцатибальной системы). Хорошо, что ни то, ни другое О-ва не имѣютъ тяготѣнія къ символизму, а то въ такомъ совпадении злые языки легко могли усмотрѣть символъ оцѣнки и примѣнить эту оцѣнку соответственно принадлежности своей къ тому или другому о-ву.

Критика рѣшила, что „гвоздь“ выставки Пет. Худ. „Смерть Петронія“—К. Г. Маковского и неизмѣнно во всѣхъ отчетахъ, вслѣдъ за этими словами начинается жестокій проборъ этого гвоздя. Всѣ отзывы подъ разными соусами сводятся къ одному: „Смерть не реальна, нѣтъ ни малѣйшаго впечатлѣнія трагизма, композиція не продумана, окружающіе Петронія и Эвнику (его подругу, пожелавшую умереть съ нимъ вмѣстѣ по Quo vadis, Сенкевича)—не типы, а безжизненная толпа статистовъ и т. д. и т. д.—Все это такъ, подъ всѣми этими отзывами можно подписаться обѣими руками, но позвольте тогда не согласиться, что это „гвоздь“ выставки, подъ которымъ подразумевается нѣчто дѣйствительно самое выдающееся и интересное по исполненію. Если же гвоздь заржавленъ и никуда не годится, то нельзя уже назвать его гвоздемъ, а надо искать что либо другое.

И вотъ на это другое можно бы указать, на портретъ Н. Д. Стахѣва работы К. Г. Маковского. По смѣлости рисунка, по выразительности лица, эта вещь поспорить съ „красой и гордостью“ Выставки Товарищества художниковъ—портретомъ Маркса, работы мюнхенскаго художника Ф. Ленбахъ (въ сущности неизвѣстно почему фигурирующимъ на выставкѣ).

Портретъ Н. Д. Стахѣва—это больше чѣмъ портретъ, это *типъ*. Кто бывалъ въ Сибири, кто знакомъ съ типомъ сибиряка, умнаго, немного хищнаго „русскаго американица“—тотъ при первомъ взглядѣ, не не справляясь съ каталогомъ, скажетъ: вотъ типъ сѣверянина, сибиряка. Вотъ такіе ясные, острые глаза навѣрсе были и у Ермака, когда онъ направлялся въ невѣдомую далекую Сибирь для покоренія „чуди поганой подъ ножи царя христіанскаго“; такіе сухіе, крѣпкіе, стальные были и первые наши культуртрегеры на востокъ—Строгановы, получившіе при Иоаннѣ IV въ пользованіе соляные промыслы въ Пермской землѣ, или Никита Демидовъ, основатель горнаго дѣла на Уралѣ при Петрѣ Великомъ, и другіе историческіе дѣятели Сибири. Словомъ, художникъ передалъ не одно сходство съ оригиналомъ, сдѣлалъ не портретъ въ строгомъ смыслѣ, а проникъ глубже, и вышло нѣчто собирательное, *типъ*. Силою своею портретъ этотъ напоми-

наетъ мнѣ восхитительные наброски Рѣпина на прошлогодней этюдной выставкѣ передвижниковъ, озаглавленные: „Интеллигентъ“, „Маркистъ“, „Курнетка“ и „Канцеляристъ“—это тоже были не портреты съ такого то или такой-то, а типы настолько жизненные, что при первомъ взглядѣ можно было дать имъ вѣрную характеристику, но тамъ вѣдь и имѣлись въ виду не личности, а типы, а тутъ, наоборотъ, силою проникновенія художественнаго, изъ личности выдѣлился типъ.

Изъ бездны головокъ К. Г. Маковского наиболѣе поэтична и изящна подъ названіемъ: „Въ соломенной шляпѣ“. Изъ стариннаго, еп соеиъ вырѣзаннаго ворота платья, подымается на тонкой гибкой шеѣ прелестная головка съ громадными глазами и типомъ лица начала прошлаго столѣтія.

Великолѣпенъ конный портретъ Вел. Князя Константина Константиновича работы В. В. Мазуровскаго и очень трудная композиція, хорошо передающая движеніе его же батальная картина: „Атака подъ Фридландомъ въ 1807 году“.

Много юмору въ картинкѣ Е. К. Андерсонъ: „Мечтатель и практикъ“, въ которой мальчуганъ съ задорной лукавой мордочкой утаскиваетъ какую-то снѣдь изъ подъ носа пріятеля, сидящаго на табуретѣ и сантиментально глядящаго въ потолокъ.

Прекрасныя, но нѣсколько неоконченныя, эскизные вещи Горохова: „Углубилась“, „Кормленіе голубей“ и друг. Не могу не упомянуть про небольшую, но драматическую картину М. Е. Малышева: „Еще одно послѣднее сказанье“—въ паническомъ ужасѣ, преслѣдуемая стаей волковъ, мчится лошадь съ обломками оглобелей; саней нѣтъ и въ поминѣ. Можно себѣ представить, что дѣлается *тамъ, сзади*.

Пейзажей немного, изъ нихъ лучшіе Вельца, прекрасно передающія картины сѣверной природы, на которой всегда лежитъ какой-то мягкій, арустный отпечатокъ, таковы его: „Осень“, „Сѣрый день“. Есть хорошіе пейзажи Кондратенко, Клевера. Оригиналенъ по сюжету: „Гудожникъ въ Помпѣи Е. З. Краснушкиной и ужасна „Клеопатра“ Венига. Если имѣлось въ виду пояснить зрителю, такъ сказать, показать въ лицахъ, почему Клеопатра не прельстила Цезаря, то картина достигаетъ вполне своей цѣли, иначе роль ея на выставкѣ мало понятна. Тоску наводятъ безчисленные близнецы—римлянки Бакаловича и итальянки Алексѣева.

Скульптура представлена очень бѣдно. Нѣсколько вещей Адамсона, Бромберга и бронзовый Плюшкинъ г-жи Бразоль.

Переходимъ теперь этажемъ выше, на выставку Товарищества художниковъ. Первое благоприятное впечатлѣніе: масса свѣту, привѣтливо, но пусто, хотя картины отъ этого только выигрываютъ.

Украшеніе выставки—картины І. Е. Крачковскаго.

Вотъ идеальныи истолкователь красотъ Крыма! Порядочно избитые сюжеты въ его исполненіи получаютъ необыкновенную красоту и свѣжесть. Передъ его картинами забываешь и время, и мѣсто, и не знаешь

на которой остановиться, кажется, что „всѣ лучше“, какъ говорятъ дѣти. Вотъ его „Весна въ Крыму“, „Вечеръ въ Гурзуффѣ“, „Глицинія“, „Осеннія сумерки“ (Ялта), „Персикъ въ цвѣту“, „Fleurs de Nice“ и проч. и проч. Такъ свыкаешься съ его излюбленными сюжетами, съ этими пѣснями въ краскахъ о Крымѣ, что даже удивляешься и не сразу узнаешь его манеру, когда встрѣчаешь его картины на другіе сюжеты, какъ „Юльское утро“ (Зегевольдъ) или „Вечеръ“ (Ильинское).

Большинство картинъ І. Е. Крачковскаго продано было въ день верниссажа, также какъ и чудесное „лицо“ работы художницы Е. А. Вахтеръ „Добыча“—обнаженная дѣвочка-подростокъ со связанными руками сидитъ спиной къ зрителю, великолѣпно переданы теплые тона тѣла и рефлексы свѣта въ волосахъ.

Сильныя картины Берггольца—„Изъ прошлаго“ и „Лилія“. Съ ними можно не соглашаться, онѣ могутъ не нравиться, но мимо ихъ не пройдеши, не остановившись, и онѣ залегаютъ невольно въ памяти.

Саксенъ выставилъ двѣ небольшія, какъ всегда въ высшей степени изящно и тонко, но не продуманно выписанныя картинки: „Соперницы“ и „Заноза“.

Яркіе, талантливые пейзажи Сергѣева, недурны портреты Галкина, преимущественно женскіе.

Не думаю чтобы *farniente* длиннѣйшей тощей голой дамы на картинѣ г. Шмидтъ, покоящейся въ страшно неудобной позѣ, на колючемъ шиповникѣ было слишкомъ *dolce*, скорѣе оно похоже на умерщвление плоти по какому нибудь обѣту.

Если упомянуть еще о безчисленномъ количествѣ „Азалий“ и „Уголковъ“ г. Шрейбера, добросовѣстныхъ и какихъ-то точно лакированныхъ, много болѣе или менѣе удачныхъ этюдовъ г. Васильковскаго, сказочные, красивые сюжеты Р. С. Соломко, то можно считать выставку исчерпанной.

Остается пожелать, чтобы и та и другая выставка заполнили къ слѣдующему сезону свои брешы и приобрѣли-бы отличныя другъ отъ друга фizioноміи и колоритъ, какъ это замѣтно на выставкѣ Новаго о-ва художниковъ, отдѣлившейся отъ весенней, а иначе, право, не стоило и огородъ городить.

Объ остальныхъ „раскольникахъ“ въ въ слѣдующій разъ.

О. Базанкуръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Хроника войны.—Текущая жизнь. В. В. Чеховъ.—Художественная хроника. О. Базанкуръ.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

Для дѣтей

Живописное Обзорѣніе

ПОЛЪЗАНКА РАЗВЛЕЧЕНІЕ

При ближайшемъ участіи *И. Н. Потапенко.*

Исторія, которая никогда не кончилась.

(Продолженіе).

VI

Хитрость.

Какъ-то разъ, еще въ самомъ началѣ пребыванія Ивана Васильевича въ нашемъ домѣ, мы съ нимъ отправились гулять, а передъ этимъ маленькая Дуся почему-то очень капризничала и ревѣла на весь домъ. У нея что-то болѣло и все населеніе дома бѣгало по этому поводу, суетилось, нося какія-то склянки и припарки.

— Какая безпокойная эта Дуся!—сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Да, ужасно!.. отъ нея просто житья нѣтъ никому въ домѣ!..—отвѣтилъ я.

— Вы, никогда, не чувствуете къ ней особенной нѣжности!

Я не сразу отвѣтилъ. Я сперва взглянулъ на его лицо, чтобы увидѣть, съ какою цѣлью онъ это говоритъ. Если онъ намѣренъ порицать мои чувства, то тогда я не желаю отвѣчать ему искренно.

Онъ, должно быть, догадался, что у меня такая мысль и, прежде, чѣмъ я отвѣтилъ, сказалъ:

— Самъ я не особенно люблю маленькихъ дѣтей. Они ужасно надобдливы!—Это была удочка, на которую я поймался. Я нашелъ въ немъ единомышленника и потому отвѣтилъ, уже не задумываясь:

— Съ ними страшная возня!.. Изъ за нихъ забываютъ всѣхъ другихъ въ домѣ.

За что ихъ любить, я не понимаю...

— Вы—правы!—сказалъ Иванъ Васильевичъ:—къ

нимъ только можно иногда быть снисходительными, потому что они слабы.

Въ другой разъ, когда Дуся ни за что не хотѣла принять какое-то лѣкарство, а мама по этому поводу плакала, Иванъ Васильевичъ сказалъ мнѣ, и только одному мнѣ:

— Ну, вашу сестренку, кажется, слишкомъ балуютъ, я, на мѣстѣ вашей мамы, вмѣсто того, чтобы плакать, просто отшлепалъ-бы ее...

Маленькая няня.

— О, я сдѣлалъ-бы тоже самое! — воскликнулъ я. Такимъ образомъ для мамы уже было несомнѣнно, что въ отношеніяхъ къ Дусѣ мы съ Иваномъ Васильевичемъ — вполне единодушны.

Но за то Иванъ Васильевичъ послѣ этого началъ дѣлать такія чудеса, что люди иногда называли его магомъ и волшебникомъ: Дуся уже ходила и даже уже разговаривала. Правда, ея языкъ умѣла понимать только мама да еще нянька, но нѣкоторыя слова и я понималъ, напримѣръ, когда она произноситъ: «а-тю-а», то это значитъ: «хочу къ Вовѣ», т. е. ко мнѣ. «охо» означало «молоко», а «те-те-ку» — «въ постельку». И вотъ былъ такой случай, когда мы съ Иваномъ Васильевичемъ совсѣмъ ужъ рѣшили идти на рѣку, гдѣ онъ собирался учить меня кататься на конькахъ, и въ это самое время Дуся вдругъ произнесла свое знаменитое: — «а-тю-а»... И самымъ определеннымъ образомъ протянула ко мнѣ ручки.

Надо вамъ знать, что это вовсе не значило, что я возьму ее на руки, подержу минуту и затѣмъ буду свободенъ. О, нѣтъ. Исторія эта была очень сложная. Ужъ если Дуся выразила желаніе сойти ко мнѣ, то это значило, что она будетъ тащить меня, заставляя бѣгать съ нею, представлять ей какого-нибудь страшнаго звѣря, въ родѣ тигра, для чего ползать на четверенькахъ и дѣлать большіе глаза, а она будетъ пугаться, убѣгать, прятаться, при чемъ — убѣгая, будетъ большее число разъ падать, разбивать себѣ носъ ревѣть, ее будутъ утѣшать и т. д. безъ конца. Ужъ такая исторія завязывалась по крайней мѣрѣ на полъ часа. А мнѣ страшно хотѣлось поскорѣе научиться на конькахъ и, конечно, каждая минута была дорога.

— Не хочу, не хочу! — отвѣтилъ я и отошелъ отъ Дуси какъ можно подальше.

— А-тю-а! — настойчиво повторяла Дуся и еще дальше вытянула впередъ руки.

Я и не думалъ сдаваться и убѣжалъ въ другой уголъ. Тогда Дуся подняла крикъ:

— А-тю-а! А-тю-а!.. — и домъ оглашенъ ея ревомъ.

Мама и няня принялись утѣшать ее. Разумѣется, при этомъ на меня посыпались упреки. — Вова нехорошій мальчикъ! Вова жестокой! Обижаетъ бѣдную маленькую Дусю... Ахъ, Вова, Вова!..

А маленькая Дуся нисколько не утѣшалась. Это была дѣвица слабая, но крутого нрава. Она плакала и сердилась и топала ножками и въ то-же время продолжала протягивать руки ко мнѣ и твердить:

— А-тю-а .. А-тю-а!..

Иванъ Васильевичъ смотрѣлъ на все это, и ко-

нечно, я по крайней мѣрѣ былъ увѣренъ въ этомъ — быть на моей сторонѣ.

— Какова? — сказалъ онъ мнѣ тихонько и моргнувъ бровью въ сторону Дуси. — А какъ вы думаете, Вова, не пощадить-ли намъ ее? а?

— Зачѣмъ? — спросилъ я.

— Да ужъ очень она надрыгается. Знаете, иногда надо показать великодушіе. Тогда она будетъ цѣнить.

— А коньки?

— Ну, коньки успѣемъ. Подите-ка къ ней.

Я согласился. Дѣло было поставлено такъ: я не дѣлалъ уступки, а проявлялъ великодушіе. Я допустилъ къ себѣ Дусю. Она, разумѣется, обрадовалась и перестала ревѣть. Мы съ нею побѣгали минутъ десять, послѣ чего она устала и пошла къ своей нянькѣ. И все произошло къ общему благополучію.

Такъ хитро дѣйствовалъ Иванъ Васильевичъ. Теперь я вижу, что это было хитро, а тогда я этого не видѣлъ. Нечего и говорить, что онъ вовсе не былъ врагомъ Дуси. Напротивъ, онъ очень нѣжно къ ней относился, но меня держалъ въ заблужденіи. Онъ игралъ на слабыхъ струнахъ моей души. Онъ зналъ, что въ моихъ недоразумѣніяхъ съ Дусей главную роль играло самолюбіе и упорство и поставилъ дѣло такъ, что всякая моя уступка ей, казалась мнѣ, великодушіемъ и снисходительностью.

Такимъ образомъ, этотъ хитрый человекъ управлялъ своими дѣйствіями. Всякій разъ, когда надо исполнить капризъ своенравной дѣвочки, онъ сперва какъ-бы негодовалъ на нее, стыдилъ ее и былъ вполне на моей сторонѣ, а затѣмъ предлагалъ «пощадить дитя» и въ концѣ концовъ все дѣлалось такъ, какъ хотѣла Дуся, а я думалъ, что дѣлается такъ, какъ я хочу.

Мама замѣтила это его вліяніе надо мной и въ этихъ случаяхъ, когда это было надо, прибѣгала къ его помощи. Но это дѣлалось тайно отъ меня и объ этомъ я узналъ лишь впоследствии.

А между тѣмъ наступила и почти уже прошла вторая зима моего ученія у Ивана Васильевича. Пришла и осень и однажды я слышалъ, какъ отецъ спросилъ моего учителя.

— А что, какъ мальчикъ?

— Онъ готовъ! — отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

На этотъ разъ отецъ не дѣлалъ экзамена. Онъ уже вѣрилъ Ивану Васильевичу и съ него было достаточно, если онъ нашель, что я готовъ.

Куда-же я былъ готовъ?

Это я узналъ уже лѣтомъ. Какъ-то я увидѣлъ, что мать усиленно готовится мое бѣлье. Я спросилъ: — Зачѣмъ?

Мать не сразу отвѣтила, но этого нельзя было скрывать вѣчно. И я узналъ, что въ августъ меня повезутъ въ городъ и отдадутъ въ гимназію.

Жуткое чувство наполнило мою душу. Теперь въ городъ... Гимназія... Ученье... Неизвѣстность... что-то холодное, строгое, чужое.

И въ тоже время что-то манило меня туда въ эту загадочную даль.

(Продолженіе будетъ).

Алексѣй Молодинъ.

ЯПОНКИ.

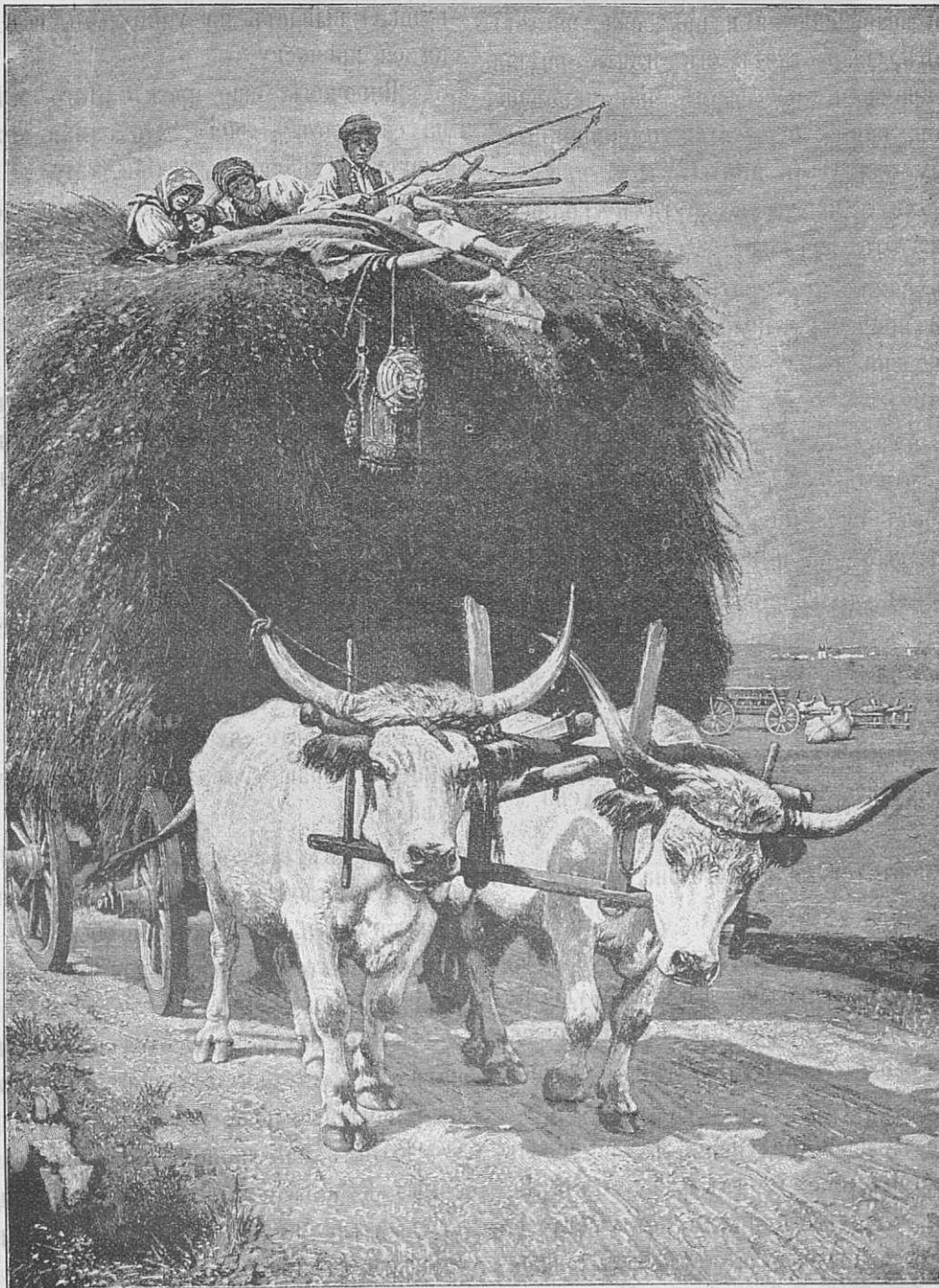
Какъ онѣ причесываются

Прическа для японки—самое важное дѣло. Она отнимаетъ у нея нѣсколько часовъ и японка охотно отдаетъ этому занятію свое время.

Еще-бы! Пусть-ка она попробуетъ явиться въ обществѣ, не причесавшись, *какъ слѣдуетъ*, ея засмѣютъ...

А это *какъ слѣдуетъ*—цѣлая задача, передъ которой отступила бы самая отъявленная франтиха европейка.

Подумайте: сперва надо пригласить чесальщицу.

СѢНОКОСЪ.

О, это очень трудное искусство, при помощи котораго чесальщица зарабатывает свой хлѣбъ.

Чесальщица ловкими пальцами раздѣляетъ волосы на множество частей и начинаетъ тщательно смазывать каждую часть отдѣльно, особымъ масломъ изъ камелій.

И тогда волосы блестятъ и переливаются, особенно если на дворѣ свѣтитъ яркое солнце. А въ Японіи оно почти всегда ярко свѣтитъ.

Затѣмъ выступаетъ на сцену цѣлый магазинъ булавокъ и шпилекъ, — у богатыхъ изъ черепахи, а у бѣдныхъ — изъ чего попало.

И какія удивительныя формы принимаетъ подъ ея искусными пальцами каждая прядь волосъ! Это цѣлая поэма.

Одна надъ другой, плотно приколотыя другъ къ другу, пряди все возвышаются и прическа растетъ, растетъ и, наконецъ, вырастаетъ въ нѣчто внушительное, по размѣрамъ и по формѣ напоминающее кондитерскій пирогъ, какіе подносятся именинницамъ.

Ко всему этому прибавьте цвѣты, гребешки изъ коралловъ и черепахи и множество другихъ украшеній и вы поймете, какъ это серьезно.

Но согласитесь сами, что тратить по нѣсколько часовъ въ день на прическу — нельзя. Этого не можетъ дѣлать японка не только бѣдная, но даже и богатая.

Но этого и не надо. Когда прочно строятъ домъ, то рассчитываютъ, что онъ будетъ стоять долго. А японка прочно строитъ свою прическу, поэтому имѣетъ право рассчитывать, что она и продержится долго.

И въ самомъ дѣлѣ, только богатыя японки, которымъ не жаль тратить деньги на чесальщицу и у которыхъ много свободного времени, дѣлаютъ себѣ прическу раза два въ недѣлю, а остальные дѣлаютъ себѣ прическу на цѣлую недѣлю, а то и на двѣ.

Какъ же ночью? Вѣдь прическа во время сна можетъ испортиться!

У японокъ не портится. Для этого она принимаетъ свои мѣры.

Европейка любитъ, чтобы постель у нея была помягче, а голова погружалась бы въ пуховую подушку. Ну, за это они и наказаны: ихъ прически портятся и имъ приходится каждый день возобновлять ихъ.

Японкѣ не надо пуховой подушки. Ложась спать, она, кажется, только и думаетъ, что о прическѣ. Во-первыхъ, она лежитъ на спинѣ и ужъ какъ легла съ вечера, такъ и встаетъ утромъ. Можете быть спокойны, она ни разу не повернется на бокъ. Ужъ это у

нея вошло въ плоть и кровь, потому что такъ привыкла она спать съ глубокого дѣтства.

А подушки у нея вовсе нѣтъ и вообще — подъ головой у нея нѣтъ ничего. Это и понятно: надо беречь прическу во что бы то ни стало!

Ея затылокъ лежитъ на очень изящной деревянной подставкѣ, которая называется «макура». Конечно, эта макура порядочно таки нажимаетъ ей шею, но надо терпѣть; вѣдь это ради прически!

А голова? Что же дѣлаетъ въ это время голова? А она просто виситъ въ воздухѣ и благодаря этому прическѣ не грозитъ ни малѣйшая опасность.

Можетъ быть, отъ этого даже снятся очаровательные сны?

Конечно, такія жертвы прическѣ приносятся не даромъ. Когда молоденькая «мусэмэ» (по японски — дѣвушка) выйдетъ на улицу, то все будутъ смотрѣть на ея прическу.

Впрочемъ, еще прежде этого, все бросаютъ взглядъ на ея поясъ — «оби», это самая важная часть наряда японской красавицы. Оби, это — предметъ мечтаній японки. За хорошею поясъ она отдастъ половину своей жизни. Широкой, яркой, онъ завязывается назади роскошнымъ бантомъ и все смотрятъ на этотъ бантъ и по немъ судятъ объ изяществѣ вкуса молоденькой мусэмэ.

Но кромѣ того, передъ выходомъ на улицу, были пущены въ ходъ всевозможныя бѣлила, пудра и притирания. Японки красятся безпощадно и нисколько не стѣсняются дѣлать это при другихъ. Онѣ — неисправимыя кокетки.

И вотъ она выходитъ на улицу, въ особенности въ праздникъ, когда все другія мусэмэ также разодѣты, какъ и она. Вотъ она встрѣчаетъ свою закадычную подругу.

Вы думаете, что она бросается ей на шею и начинаетъ горячо увѣрять ее въ своихъ нѣжныхъ чувствахъ?

Ахъ, нѣтъ, что вы? Если бы онѣ встрѣтились гдѣ-нибудь въ домѣ, съ глазу на глазъ, то, пожалуй, можетъ быть, такъ и было бы. Но здѣсь, на улицѣ, такъ открыто выражать свои чувства — фи! Это былъ бы дурной тонъ.

Мусэмэ останавливаются на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ дружки и дѣлаютъ продолжительные вычурные поклоны, пока у нихъ не заболятъ спины.

Потомъ они начинаютъ говорить привѣтствія въ самыхъ замысловатыхъ выраженіяхъ, объясняя свое удовольствіе по поводу встрѣчи и выхваляя достоинства собесѣдницы.

И долго-долго такимъ образомъ онѣ стараются до-

казать свою благовоспитанность и, когда это уже доказано, начинают говорить по человѣчески.

Но во время поклоновъ и рѣчей онѣ, разумѣется, не позабыли мелькомъ взглянуть на прическу подруги и особенно на ея пося и замѣтить всѣ его достоинства и недостатки и, само собою, если достоинства въ немъ больше, чѣмъ недостатковъ, то позавидовать, а если наоборотъ—недостатки преобладаютъ надъ достоинствами, то позлорадствовать.

и возвысить другого. Эта скромность обыкновенно доходитъ до приторности, но—съ точки зрѣнія японца означаетъ воспитанность и вѣжливость.

Когда въ это общество попадаетъ европеецъ, онѣ бываетъ въ величайшемъ затрудненіи. Ему непременно приходится продѣлывать всѣ тѣ же штуки, иначе его сочтутъ за грубаго и невоспитаннаго человѣка.

И если онѣ дорожить мнѣніемъ японцевъ, то должны всячески ломаться, сгибать колѣни, бить поклоны

Завидная добыча.

Если-же дѣвушка случится прійти съ своими родителями въ гости, то тутъ ей ради привѣтствія приходится продѣлывать еще болѣе сложныя вещи.

Во первыхъ она должна сдѣлать виноватый видъ, прижать руки къ колѣнкамъ, потомъ стать на колѣни и ударить поклономъ.

Сгибаніе колѣнъ, поклоны, паденіе на землю постоянно практикуются японцами при встрѣчахъ.

А въ рѣчахъ, которыя говорятся при этомъ, обѣ стороны стараются какъ можно больше унижить себя

и говорить унижительныя для себя вещи. Что подблатъ съ волками быть—по волчьи выть.

А то еще говорятъ: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся.

Такъ говорятъ по русски, а какъ это будетъ по японски я не знаю.

Въ альбомъ малютки

Пусть на землѣ весна минуетъ,
Настанетъ тяжкій лѣтній зной;
Пусть буря осени бушуетъ,
И долгой снѣжною зимой

Пусть будетъ холодно и жутко...
Но для тебя, моя малютка,—
Всегда прекрасна и ясна—
Пусть будетъ вѣчная весна.

Счастливецъ.

Вамъ, конечно, случалось бывать въ губернскомъ городѣ и, если ваши родные оставались тамъ на нѣсколько дней или недѣль, то вы навѣрно ходили съ ними въ соборную церковь, когда обѣдно служилъ архіерей. Служба эта торжественная, въ соборную церковь, тогда собирается народъ со всѣхъ концовъ города, даже съ самыхъ отдаленныхъ.

На колокольнѣ раздается музыкальный трезвонъ, великолѣпный басъ протодіакона наполняетъ чудными сочными звуками высокіе своды церкви и, кажется, сливается съ гуломъ самаго большого колокола и трудно разобрать, гдѣ кончается звонъ колокола и начинается голосъ протодіакона.

Этотъ колоколь замѣчательный. У него есть своя исторія. Въ каждомъ губернскомъ городѣ на соборной колокольнѣ обязательно есть такой колоколь и у него непременно есть исторія.

Его пожертвовалъ какой-нибудь мѣстный купецъ, по случаю удачной торговли. Купецъ принадлежалъ къ приходу соборной церкви. А такъ какъ въ другой церкви до этого времени уже былъ замѣчательный колоколь, то само собой понятно, что этотъ колоколь долженъ быть еще замѣчательнѣе. Если тотъ вѣсилъ тысячу пудовъ то ужъ можете быть увѣрены, что этотъ будетъ вѣсить двѣ тысячи.

При томъ это дѣлается очень легко. Конечно когда-нибудь колоколь былъ взвѣшенъ и кто-нибудь зналъ его настоящій вѣсъ. Но это было можетъ быть, лѣтъ двадцать тому назадъ и, такъ какъ прихожане соборной церкви гордились своимъ колоколомъ, то незамѣтно понемногу набавляли его вѣсъ.

Говорили: — вы знаете, этотъ колоколь... о, онъ вѣсомъ сотни пудовъ...

Но такъ какъ изъ сотней составляется тысяча, то потомъ стали говорить: — въ немъ больше тысячи пудовъ вѣсу.

А затѣмъ—и это тоже было правдоподобно, потому что двѣ тысячи больше тысячи, говорили ужъ прямо:—о, этотъ колоколь... Въ немъ двѣ тысячи пудовъ вѣсу.

И, если вы заведете разговоръ о колоколѣ, то вамъ непременно расскажутъ исторію, которая случилась, когда колоколь подымали на колокольню. Онъ чуть было не сорвался, да можетъ быть — и сорвался уже, но находчивый рабочій, рискуя жизнью, взлѣзъ на высоту нѣсколькихъ сажень, что-то такое потянулъ, что-то подвязалъ и колоколь былъ спасенъ. Было-ли это въ дѣйствительности, неизвѣстно; можетъ быть было съ другимъ колоколомъ и совсѣмъ въ другомъ городѣ, можетъ быть и вовсе не было, — колоколь, самый большой колоколь въ губернскомъ городѣ, не можетъ жить безъ легенды.

Но мы слишкомъ увлеклись колоколомъ. Дѣло совсѣмъ не въ немъ. Если вы внимательно вслушивались въ пѣніе архіерейскаго хора, то навѣрное обратили вниманіе на звонкій серебристый альтъ или дискантъ, который выдѣляется изъ двухъ десятковъ голосовъ и покрываетъ собой и высокіе тенора и глубокіе басы.

Вамъ захотѣлось увидѣть, что это за существо, издающее такіе удивительные звуки. Можетъ быть, вамъ представлялось, что это какая-нибудь необыкновенная птица. Но вотъ вы увидѣли его и не повѣрили своимъ глазамъ. Маленькій, худенькій, съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ, съ гладко остриженной головой, онъ какъ-то смѣшно вытягиваетъ губы и изъ этихъ губъ выливаются чарующіе звуки. Когда онъ поетъ solo въ какомъ-нибудь церковномъ пѣнопѣніи, всѣ въ церкви притихаютъ, замираютъ, всѣмъ начинается казаться, что это уже не земля, что соборная церковь вмѣстѣ съ молящимися вознеслась на небо. И вы думаете; Боже! что это за счастье — обладать такимъ даромъ и что это за счастливый мальчик!

Но еслибы вы, достоявъ обѣдно, прослѣдили, куда идетъ этотъ счастливецъ, то увидѣли-бы, что изъ

перкви онъ вышелъ въ ограду, потомъ на улицу. Онъ перешелъ площадь и повернулъ въ сторону отъ главной улицы. Онъ идетъ долго, долго. Вотъ уже кончились ровныя, чистенькія улицы большого города и каменные многоэтажные дома замѣнились деревянными приземистыми домиками. Пошли грязныя тѣсные дворы, на улицахъ вовсе не видно прилично одѣтыхъ городскихъ обывателей, а все больше попадаются мѣщане въ обтрепанныхъ кафтанахъ, рабочіе въ испачканныхъ блузахъ.

Котикъ—Васька.

Вотъ небольшой домикъ. Онъ входитъ въ темныя сѣнцы, нащупываетъ дверь. Маленькая комнатка съ низенькимъ потолкомъ, узенькое оконце; полумракъ, жалкая мебель, спертый воздухъ. Большой старикъ лежитъ на кровати; женщина съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ возится около стола, накрытаго войлокомъ и простыней. Въ рукѣ у нея горячій утюгъ,— она прачка и теперь гладитъ бѣлье.

Но руки ея слабы, немного она успѣваетъ. А между тѣмъ надо кормить и себя и больного разбитаго старика-отца, который мальчику приходится дѣдушкой. И не знала-бы она, какъ ей справиться, если бы у ея мальчика не оказался даръ—чудный голосъ, который замѣтилъ у него учитель въ школѣ. Съ этого и пошло. Учитель сказалъ о немъ регенту хора, его испробовали и взяли въ хоръ и онъ скоро сдѣлался украшеніемъ хора и каждый мѣсяцъ приноситъ матери десятокъ рублей. Если же случится, что умретъ или вѣнчается богатый человекъ и приглашаютъ хоръ, то

мальчикъ приноситъ ей и еще лишній рубль. Такъ помогаетъ онъ матери кормить себя и разбитаго старика,—вставая раннимъ утромъ къ заутрени и простаивая длинныя богослуженія.

Ему живется не легко. Но зато, когда онъ стоитъ въ соборной церкви на клиросѣ и поетъ какое-нибудь solo въ церковномъ пѣснопѣніи, онъ знаетъ, что его слушаютъ весь народъ, наполняющій церковь, что всѣ сердца, молитвенно бюющіяся въ этомъ храмѣ, умиленно трепещутъ отъ его пѣнія, онъ чувствуетъ себя царемъ и тогда—тогда дѣйствительно онъ переживаетъ блаженство, доступное только художнику, чарующему толпу своимъ божественнымъ даромъ.

И. П.

ШАРАДА.

Вс. Попова.

Слогъ первый мой есть птица,
(Предупреждаю—не синица),
Въ исторіи она прославилась,
И крикомъ городъ защитила,
Ее мы кушаемъ любя,
Она намъ столь обогатила.
Второй слогъ на деревьяхъ
И на другихъ растеньяхъ
Вы видите всегда
Лишь къ намъ придетъ весна.
А цѣлое, когда-то встарь,
Любили наши дѣды
Въ веселые обѣды
И бесѣды, особенно тогда
Когда въ немъ былъ талантъ,
Все это—музыкантъ

Рѣшеніе Шарады, помѣщенной въ № 9 Ост(ъ) — рогъ
„ анаграммы „ „ колесо—оселокъ.

Вѣрное рѣшеніе шарады, помѣщенной въ № 9, прислали: Тамара Саввичъ, Е. Я. Капралова

Вѣрное рѣшеніе Анаграммы, помѣщенной въ № 9, прислали: Тамара Саввичъ.

Вѣрное рѣшеніе анаграммы, помѣщенной въ № 7, прислали: Дасій Степанюкъ, Коля и Боря Габай, Путныхъ К., гимназистка Екатерина Канцерава, Самуилъ Кнабенгофъ, уч. Кл. Гепштейнъ.

Вѣрное рѣшеніе шарады, помѣщенной въ № 7, прислали: Э. Протопоповъ, Самуилъ Кнабенгофъ, уч. Кл. Гепштейнъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась.—А. Молодинъ.—Японки.—Въ альбомѣ малютки.—Счастливецъ И. Б.—Шарада.—Присланныя вѣрныя рѣшенія, шарады и анаграммы помѣщенной въ № 9 и № 7.—Объявленія.

Редакторъ *А. П. Хесторъ.*

Преде. Администраціи *Д. Х. Бородинъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1904 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮ

СТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

Живописное Оboзрѣніе

Администрація по дѣламъ Д-ра Мед. В. И. Рамма, приведя въ порядокъ его обширное издательское и типографское дѣло, начинаетъ свою дѣятельность съ 1-го января 1904 г. *изданіемъ журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.*

Новая редація журнала, озабочиваясь привлеченіемъ къ ближайшему участию въ ея дѣятельности лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, не желаетъ прибѣгнуть къ обычной рекламѣ и обѣщаніямъ, полагая, что само изданіе журнала привлечетъ вниманіе читателей, если оно того будетъ заслуживать.

При ближайшемъ участіи *М. Н. Потапенко.*

Въ теченіе 1904 г. каждый подписчикъ получитъ:

52 №№ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА.

Снимки съ картинъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ художниковъ. — Выставки въ Россіи и за границей. — Романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія.

52 №№ журнала ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ И

ДѢЛЯ. — Событія недѣли въ Россіи и за границей въ статьяхъ и въ рисунк. Фельетоны. Столичные этюды. Провинціальныя мелодіи. За рубежомъ. Юбилей. Некрологи.

52 №№ журнала ПОЛЬЗА и РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Популярныя статьи по всемъ вопросамъ знанія. — Хроника новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній. — Игры и забавы дома и на воздухѣ. — Шутки, шарады, ребусы, задачи и загадки.

12 №№ ежемѣс. книгъ литературнаго,

политическаго и общественнаго журнала. Больше 2000 страницъ текста. Обзоръ литературное, иностранное, внутренне экономическое, научное. — Воспоминанія и путешествіе. — Большіе романы и повѣсти.

12 вып. журн. **Моды.** Хроника моды. Письма изъ Парижа, Вѣны, Лондона, Моды дамскія и дѣтскія

12 вып. **выкройки и выпилыванія** по новѣйшимъ образцамъ русскихъ и иностран. авторовъ.

52 книжки ПОЛНАГО ИЛЛЮСТР. СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ знаменитаго англійскаго юмориста

„ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА“

до 6000 страницъ текста. Больше 200 иллюстрацій.

Всѣ внесшіе подписныя деньги на 1903 г. получаютъ въ размѣръ своего взноса журналъ и всѣ приложенія въ 1904 г. **бесплатно.** Приславшіе въ 1903 г. на пересылку „Третьяковской галлерей“ **получатъ** эту галлерей **БЕЗПЛАТНО** по внесеніи полной подписной суммы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДЪ

8 р.

съ доставкой и пересылкой

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. къ 1-му апрѣля 3 руб. и къ 1-му юня 2 руб. или первые 9 мѣсяцевъ по 1 руб.

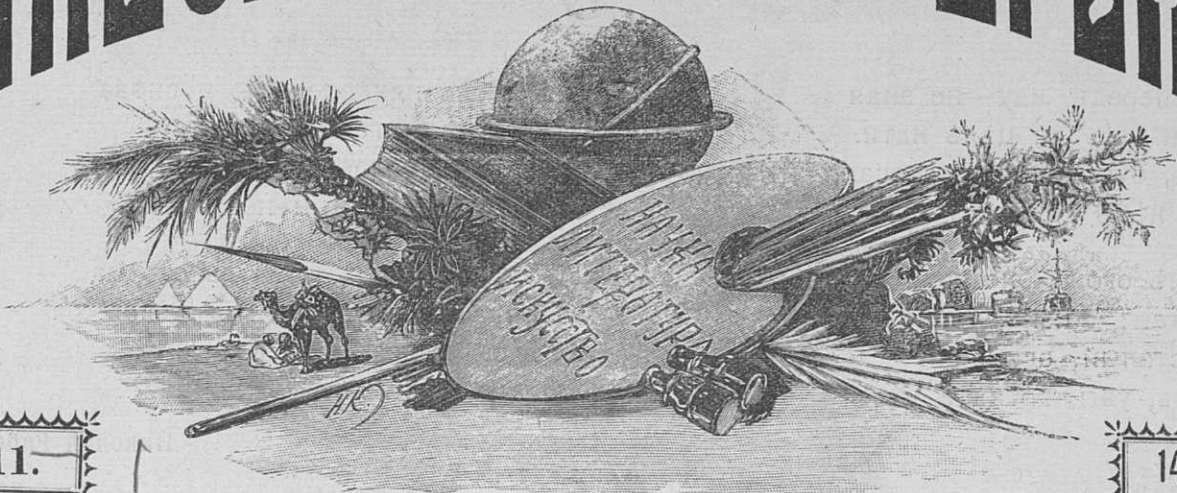
Подписка принимается въ Главной Конторѣ „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

С.-Петербургъ, Невскій, 90.

Редакторъ *А. П. Несторъ.*

Предсѣдатель Администраціи Прис. Повѣр. *Д. Н. Бородинъ.*

ЖИВОПИСНОЕ ВОЗРЪНІЕ

№ 11.

14 Марта

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

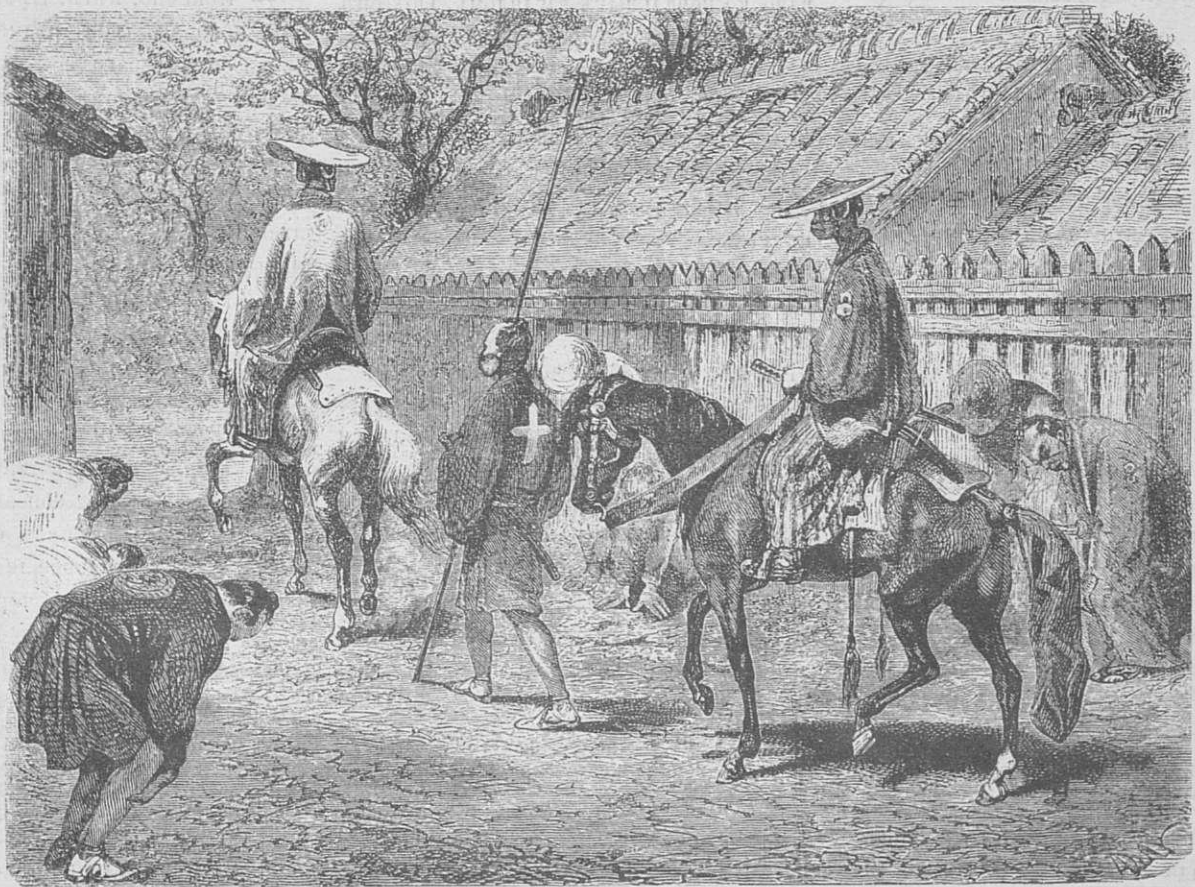
1904 годъ.

Годъ изданія шестьдесятъ девятый.

При ближайшемъ участіи *И. Х. Потапенко*.

Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою и доставкою 8 р., на 1 мѣсяць 70 коп. Допускается разсрочка. Перемѣна адреса — 50 коп. Цѣна отд. № 25 к. Плата за объявленія: строка непареля — 1 р. (на стр. 4 столбца).

Контора и Редація Журнала: С.-Петербургъ. Невскій, 90. Отдѣленіе. Одесса, книжно-газетная торговля С. В. Можаровскаго. Редація Журнала открыта для личныхъ объясненій по четвергамъ отъ 3 до 5 час. пополудни.

Проездъ Губернатора. Рисунокъ изъ жизни старой Японіи.

Въ пути.

Иду впередъ, иду—не зная
Куда, и есть ли цѣль идти.
Гудитъ, бушуетъ вьюга злая,
Конца нѣтъ трудному пути.

Во тьмѣ огонь блеснетъ далекій—
Иду—тамъ жизнь, тепло и свѣтъ,—
Иду усталый, одинокій.
Стучусь, увы,—отвѣта нѣтъ!

И вновь иду впередъ, и снова
Во тьмѣ мигаетъ огонекъ—
И вѣрять вновь душа готова—
Пріютъ желанный недалекъ!..

Опять стучусь, и вновь отвѣта
Напрасно жду, томимъ тоской.
Сѣдою мглою даль одѣта,
Одинъ я съ вьюгою ночной!..

Николай Рябовъ.

Ангель-Храпитель.

РОМАНЪ.

(Продолженіе).

Даша какъ то заволновалась и за- металась вся.—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Ради Бога, прошу васъ, вѣрьте мнѣ.. Это не то. Тутъ не то...

Варвара Семеновна смотрѣла на нее и, очевидно, что-то обдумывала.—Ты такъ искренно говоришь, что я должна вѣрять!—сказала она, наконецъ.—Ну, если такъ, то спасибо тебѣ, Даша: но ты за меня не бойся, я сумѣю защитить себя отъ оскорбленій, если это понадобится. Да что можно сказать человѣку такого, чего бы онъ не могъ выслушать?

Въ это время быстро вошла Олимпіада Фаддеевна, очень взволнованная, и подошла близко къ Варварѣ Семеновнѣ.

— Онъ пришелъ, Варвара Семеновна!—доложила она:—и правда, лицо у него такое... Глаза горять... Ужъ я и не знаю.....

— Вотъ и прекрасно!—перебила ее Варвара Семеновна:—Вы насъ оставьте; но на всякій случай будьте недалеко.

Олимпіада Фаддеевна и Даша еще не успѣли исполнить приказаніе Буракиной; обѣ онѣ направились къ двери, которая вела малѣво; въ это время во-

шелъ Сергѣй Подгорцевъ и прошелъ нѣсколько шаговъ рѣшительно самоувѣренно и твердо. Онъ не видалъ ни Олимпіады, ни Даши. Но Даша оглянулась и посмотрѣла на него долгимъ глубоко печальнымъ взглядомъ. Обѣ онѣ скрылись за портьерой.

Сергѣй остановился, какъ то смѣло и упорно взглянулъ на Варвару Семеновну и сказалъ голосомъ, въ которомъ звучала преувеличенная твердость.

— Вы выразили желаніе... Вотъ я пришелъ.

Варвара Семеновна пристально и внимательно вглядѣлась въ его лицо.

— Да, я очень хотѣла, чтобы вы пришли. Благодарю васъ за это,—промолвила она и, приблизившись къ нему, протянула ему руку. Онъ пожалъ ей руку.—Сядемте!

Она сѣла сама и указала ему на кресло, стоявшее неподалеку. Сергѣй поклонился и сѣлъ.

— Но вы совсѣмъ не такой, какъ я ожидала,—продолжала Варвара Семеновна.—Меня напугали. Но, какъ видите, я не побоялась.

— Но я навѣрно и не такой, какимъ кажусь вамъ,—возразилъ Сергѣй.

— Почему же?—съ тонкой улыбкой спросила Варвара Семеновна:—вы кажетесь мнѣ прекраснымъ молодымъ человекомъ, любезно поспѣшившимъ исполнить желаніе женщины...

— И который полонъ ненависти и

злости...—рѣзко прибавилъ Сергѣй:—я думаю, это видно по моимъ глазамъ.

— Злости?—какъ бы изумившись воскликнула Варвара Семеновна —Надѣюсь, не противъ меня?

— Конечно, нѣтъ. Противъ человѣка, отъ котораго мои родные ждали спасенья и котораго я только что громко назвалъ негодяемъ. У меня для этого есть основанія.

— Да? Какія же?—Стараясь сдѣлать видъ, что спрашиваетъ это изъ простого любопытства, промолвила Варвара Семеновна.

— Развѣ вы знаете, о комъ я говорю?

Она усмѣхнулась.—На столько знаю, что и называть его не нужно,—отвѣтила она.—Такъ какія же основанія?

— Ихъ слишкомъ много. Этотъ человекъ всегдѣ былъ обязанъ моему отцу. А теперь онъ скупилъ его векселя и, дѣлая сострадательное лицо, описываетъ насъ и разоряетъ черезъ третьихъ лицъ.

— А... Но ничего другого и нельзя было ждать отъ него,—сказала Варвара Семеновна.

— Какъ? Васъ не возмущаетъ такая неблагодарность?

— Благодарность! Ко мнѣ приходили съ благодарностью только тогда, когда хотѣли получить еще.—Замѣтила Варвара Семеновна.

— Но если я вамъ скажу, для чего

Воспоминанія. Съ карт. К. Зона.

онъ разоряетъ насъ: чтобы сдѣлать сговорчивѣй мою сестру, которая ему приглянулась...

— Это въ его вкусѣ!—промолвила Варвара Семеновна и опять лицо ея не выражало, ничего, кромѣ легкаго любопытства.

— Какъ,—съ волненіемъ воскликнулъ Сергѣй, — и это оставляетъ васъ спокойной?

И онъ заложилъ руку въ боковой карманъ сюртука и вынулъ оттуда свернутую четверо бумагу. — Ну, такъ, можетъ быть, вотъ это выведетъ васъ изъ покоя... Это письмо писано къ моему отцу и въ немъ говорится о... моей матери...—Сильно понизивъ голосъ, прибавилъ Сергѣй и передалъ ей письмо.

Варвара Семеновна развернула бумагу и начала читать про себя письмо. На губахъ ея появилась странная холодная усмѣшка. — Актъ чистосердечнаго раскаянія. Это очень любопытно... Сказала она, дочитавъ письмо до конца.

— Это было пять лѣтъ тому назадъ,— пояснилъ Сергѣй.

— Вдвойнѣ любопытно...

— Но васъ не задѣваетъ?

— А почему вы думаете, что это должно задѣть меня?—спросила Варвара Семеновна, слегка откинувшись на спинку кресла.

— Мнѣ казалось... Зѣдь вы любите этого человѣка... — нѣсколько смутившись, промолвилъ Сергѣй.

Варвара Семеновна задумчиво посмотрѣла мимо него въ пространство и промолвила какъ-бы не для него, а только для себя: — любить человѣка... Я никогда еще не встрѣчала человѣка, котораго было-бы за что любить... Такая встрѣча... Это можетъ, быть, было-бы счастье...

— Но что-же это? Что?—спросилъ Сергѣй.

Варвара Семеновна повернула свое лицо къ нему и посмотрѣла на него. — Вы хотите, чтобы я сказала вамъ правду? Извольте. Это слабость, дурная привычка... Если хотите, дурное дѣло... Но это все равно, это не важно... Что вы хотѣли-бы, чтобы я сдѣлала этому человѣку?

— Что я хотѣлъ-бы?—спросилъ Сергѣй и злоба блеснула у него въ глазахъ,—самое худшее зло, какое только въ вашей власти.

— О, этого я не могу!—отвѣтила Варвара Семеновна.

— Не можете? Я сомнѣваюсь въ этомъ.

— Вы это сами поймете, когда познакомитесь со мной... Хотите, я васъ познакомлю?—говорила она и опять странная холодная усмѣшка заиграла на ея губахъ. — О достоинствахъ моихъ слишкомъ много говорятъ люди, которые отъ меня зависятъ, такъ что мнѣ остается говорить только о моихъ недостаткахъ. — Вы слышали о добрѣ, которое я когда-нибудь сдѣлала? навѣрно нѣтъ. Ахъ, да, существуетъ дѣтскій пріютъ моего имени... Ну, это не добро. Это нужно было гамъ для чего-то, для какого-то дѣла... Мое сердце въ этомъ не участвовало. Я ни разу не чувствовала любви къ этимъ дѣтямъ, которые тамъ въ пріютѣ... Но развѣ вы слышали что-нибудь о сдѣланномъ мною злѣ? Едва-ли. Я не дѣлаю никому добра, потому что не вижу никого, кто-бы этого стоилъ. Все равно, рано или поздно отплатятъ какой-нибудь гадостью... Я не дѣлаю никому зла, потому что это непріятно. А я признаю въ жизни только пріятное. Вотъ вамъ для перваго знакомства. Но пожалуйста не думайте, что я какое-нибудь чудовище, выродокъ... Въ свое время я была такой-же, какъ вы — горячей, способной увлекаться, способной любить добро и ненавидѣть зло. У меня глаза также горѣли, вотъ какъ теперь у васъ... Но жизнь доказала мнѣ, что этого не нужно и что совершенно достаточно — любить только себя, что и дѣлаютъ всѣ. Меня выдали замужъ, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ. Попросту говоря: меня продали. Мой мужъ, которому было тогда уже пятьдесятъ пять лѣтъ, не требовалъ отъ меня любви, даже не спрашивалъ о ней. Онъ просто съ сознаниемъ своего права взял то, за что заплатилъ. А заплатилъ онъ хорошо, честно, добросовѣстно: умирая, онъ оставилъ мнѣ свое огромное состояніе... Ну, а затѣмъ все, что я видѣла въ жизни, было въ такомъ-же родѣ. Я видѣла на каждомъ шагу, что одни продаютъ, а другіе покупаютъ и все продается и все можно купить. Прежде были рабы и господа, а теперь продавцы и покупщики. Ну, а если такъ, то, право, не изъ-за чего дѣлать ни добро, ни зло. Впрочемъ—прибавила она, нѣсколько смягчивъ свой жесткій тонъ: — вы можете это сдѣлать сами, если захотите.

— Я? Какимъ же образомъ?—спросилъ Сергѣй, какъ-бы очнувшись отъ впе-

чатлѣнія, произведеннаго на него ея разсказомъ.

— Сейчасъ у насъ въ конторѣ освободилось мѣсто. Вы можете занять его.

— Мѣсто въ конторѣ? Но для этого надо что-нибудь умѣть.

— Едва-ли. Впрочемъ, все это объяснить вамъ Акимъ Акимовичъ. Онъ знаетъ всѣ дѣла, между прочимъ и это. Вы съ нимъ знакомы? Его фамилія Вавилоновъ.

— Я о немъ слышалъ,—сказалъ Сергѣй.

— Такъ вотъ: это мѣсто дастъ вамъ возможность сдѣлать зло, какое вы хотите.

— Я не понимаю.—Съ недоумѣніемъ промолвилъ Сергѣй.

— Вамъ объяснять,—сказала Варвара Семеновна, — и вы все поймете. Но повторяю, главное, — занявъ это мѣсто, вы можете сдѣлать тому человѣку зло, какое хотите... Вы колеблетесь?

— Нѣтъ, я не колеблюсь,—твердо отвѣтилъ Сергѣй, хотя еще и не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Ну, такъ вотъ сейчасъ...

Она поднялась и подошла къ двери направо. Она раздвинула портьеру и пріотворила дверь.—Акимъ Акимычъ — позвала она.

Она отошла отъ двери. Черезъ нѣсколько секундъ, вошелъ Вавилоновъ. Онъ взглянулъ на Сергѣя и въ первую минуту лицо его выразило недоумѣніе.

— Вотъ Сергѣй Николаевичъ Подгорцевъ,—сказала ему Варвара Семеновна: — онъ займетъ въ конторѣ мѣсто, которое сегодня освободилъ господинъ Жигулевъ.

— А...—воскликнулъ Сергѣй, вдругъ начиная понимать въ чемъ дѣло.

— Пожалуйста, Акимъ Акимовичъ, познакомьте Сергѣя Николаевича съ дѣлами. Да, кстати, по тому дѣлу, о которомъ мы съ вами говорили сегодня... Относительно уплаты по онколному счету... — Она съ улыбкой обратилась къ Сергѣю: — вотъ, это вамъ будетъ для опыта, для пробы... И затѣмъ опять сказала, обращаясь къ Вавилонову: — Сергѣй Николаевичъ сдѣлаетъ распоряженіе, которому вы подчинитесь...

— Хорошо-съ,—очень сухо отвѣтилъ Акимъ Акимовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потапенко.

Материнство. Съ карт. О. Торена.

Унесемся, мой другъ, унесемся
Въ безпредѣльное море мечтаній
Отъ земли, отъ людей, отъ страданій

Унесемся, мой другъ, унесемся!
Въ то спокойное море блаженства,
Гдѣ легко и привольно живется,
Гдѣ волшебныя феи витаютъ—
Поскорѣй мы туда унесемся!
Въ то безбрежное море мечтаній,
Что волшебною сказкой зовется,
Унесемся, мой другъ, унесемся,
Мы въ тотъ край, гдѣ привольно
живется.

Александръ Щегловъ.

Старые супруги.

(Изъ японской жизни).

Раз. Пьера Лоти, пер. съ фр. О. И. Ивановой.

(Окончаніе).

Смерть настигла старую Кака-Санъ на островѣ Кіу-Сіу, на перекресткѣ двухъ дорогъ, въ тотъ моментъ, когда старые супруги переправлялись черезъ поле.

Было теплое, ясное апрѣльское утро, солнце щедро изливало снопы свѣта, зелень уже распустилась.

На островѣ Кіу-Сіу весна теплѣе нашей, движеніе ея гораздо быстрѣе, поэтому все въ этой благословенной странѣ цвѣло и благоухало. Дороги перекрещивались на равнинѣ, среди рисовыхъ полей, которыя, когда по нимъ проносился легкій, теплый вѣтерокъ, напоминали зеленый бархатъ. Воздухъ дрожалъ отъ громкаго стрекотанія кузнечиковъ.

Вблизи перекрестка въ травѣ виднѣлось около десятка надгробныхъ камней, осѣненныхъ вѣтвями нѣсколькихъ громадныхъ кедровъ; мѣсто занятое крошечнымъ кладбищемъ, имѣло видъ четырехугольника, уставленнаго по краямъ множествомъ древнихъ изображеній буддійскихъ божествъ, высѣченныхъ изъ гранита.

За полями чернѣли лѣса, напоминавшіе наши дубовые, кое-гдѣ на ихъ темной зелени выдѣлялись бѣлые и розовые пучки,— это цвѣли камелии,— а мѣстами трепетала легкая и прозрачная листва бамбуковъ; наконецъ еще дальше, на самомъ горизонтѣ поднимались горы, своими вершинами напоминавшіе купола храмовъ и рисовавшіеся на яркой лазури неба причудливыми и граціозными очертаніями.

И вотъ среди этого расцвѣта и ликования всей природы настигла смерть Кака-Санъ. Къ мѣсту, на которомъ остановился ящикъ на колесикахъ, сбѣжалась толпа крестьянъ, одѣтыхъ въ платья изъ темносиней бумажной матеріи, съ широкими ру-

кавами, и съ участіемъ глядѣла на умирающую, откинувшуюся на спинку своего импровизированнаго экипажа. Съ нею случился ударъ въ то время, когда они съ Тото-Санъ направлялись въ одинъ изъ отдаленныхъ храмовъ богини Кванонъ, въ которомъ должно было произойти религиозное торжество.

Толпа собравшаяся вокругъ супруговъ отчасти изъ сочувствія, частью изъ любопытства, все увеличивалась. Почти все эти люди такъ же, какъ и Тото-Санъ съ женой, стремились на праздникъ въ честь Кванонъ, богини милосердія.

Кака-Санъ старались привести въ чувство, вливая ей въ ротъ нѣсколько капель крѣпкой рисовой водки, затѣмъ натерли животъ ароматичными травами и смочили затылокъ свѣжей водой изъ протекавшаго вблизи ручья.

Тото-Санъ нѣжно прикасался къ своей подругѣ, лаская ее ошупью и не зная, что дѣлать. Онъ оттаивалъ проходившихъ мимо людей умоляющими жестами слѣпца и дрожалъ всею тѣлою отъ тоски и горя. Его заставили проглотить свернутыя кусочки бумаги съ написанными на нихъ чудотворными молитвами, которыя какая-то добрая женщина согласилась вытащить изъ подкладки своихъ рукавовъ. Напрасныя усилія!.. Послѣдній часъ Кака-Санъ пробилъ уже: неумолимая смерть незримо присутствовала среди людей окружавшихъ умирающую, и сжимала старуху въ своихъ холодныхъ объятіяхъ.

Еще одна конвульсивная судорога, и Кака-Санъ опустилась съ открытымъ ртомъ, тѣло ея на половину выпало изъ ящика, а руки повисли точно у куклы уличнаго фигляра послѣ окончанія спектакля.

Небольшое тѣнистое кладбище, подлѣ котораго разыгрался послѣдній актъ жизни Кака-Санъ, казалось, предназначеннымъ самими духами неба для погребенія, поэтому люди собравшіеся вокругъ умершей, рѣшили похоронить ее здѣсь и тотчасъ принялись копать могилу. Все торопились, не желая ни опоздать на празднество, ни оставить тѣло бѣдной старухи безъ погребенія, тѣмъ болѣе, что день обѣщалъ быть очень жаркимъ, и начинали уже слетаться отвратительныя мухи.

Въ полчаса могила была вырыта. Мертвую вынули изъ ящика, ухвативъ ее за плечи, и посадили въ могилу такимъ же образомъ, какъ она всегда сидѣла при жизни, напоминая одну изъ тѣхъ высохшихъ маргитпекъ, которыхъ охотники находятъ иногда въ лѣсахъ, у подножья какого-нибудь дерева.

Тото-Санъ пытался дѣлать все самъ, но не будучи въ состояніи хорошо разбираться въ своихъ ощущеніяхъ, мѣшалъ хлопотавшимъ около мертвой людямъ, которые толкали его безъ всякаго состраданія; онъ вздыхалъ, какъ маленькій ребенокъ, а изъ его неподвижныхъ глазъ слѣзца катились крупныя слезы. Старикъ ошупывалъ голову умершей, желая убѣдиться, хорошо ли, по крайней мѣрѣ, расчесаны у нея волосы, правильно-ли сдѣлана прическа

для представленія въ вѣчное жилище, и хотѣлъ непременно передъ тѣмъ, какъ ее засыплотъ землей, воткнуть въ прическу двѣ большія роговыя шпильки..

Въ вѣтвяхъ темныхъ кедровъ слышался легкій шелестъ, походившій на жалобныя стоны: быть можетъ то стонали духи предковъ Кака-Санъ, слетѣвшіеся на маленькое кладбище, чтобы встрѣтить ее при входѣ въ печальную страну тѣней..

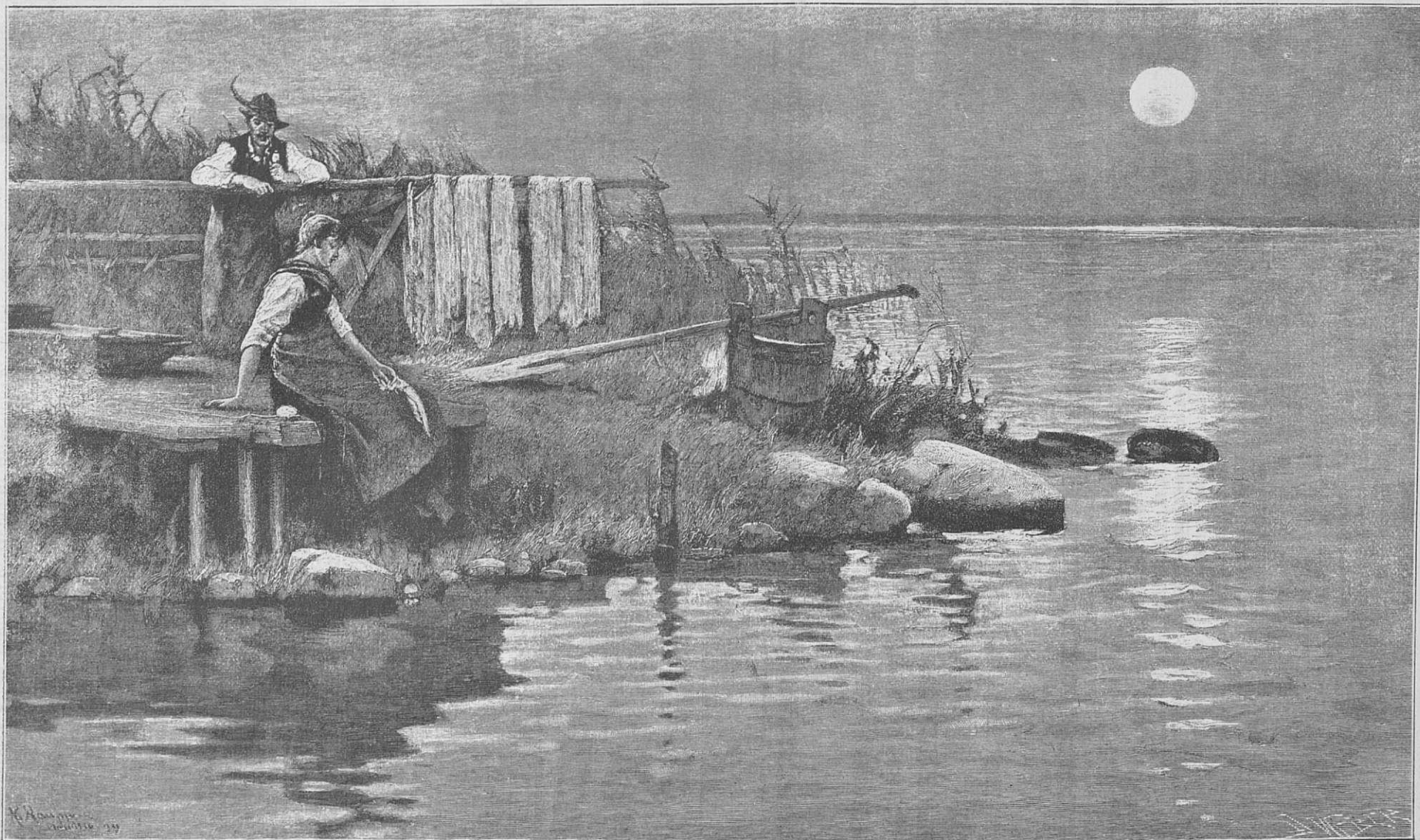
Люди опустившіе въ могилу тѣло умершей, хотѣли зарыть вмѣстѣ съ нею и ящикъ со всею хозяйствомъ стариковъ, одѣяломъ, лохмотьями для смѣны, маленькими чашечками и фонаремъ,—увѣряя, что такъ какъ они запчканы Кака-Санъ, то могутъ распространить заразу. Услыхавъ, что у него хотятъ отнять все эти вещи, служившія дорогимъ воспоминаніемъ послѣ умершей, Тото-Санъ очнулся отъ своего горя и, дрожа и плача, легъ на нихъ, чтобы спасти отъ уничтоженія.

Въ это время подошла нищая, также спѣшившая на праздникъ для сбора милостыни; она сядила надъ старикомъ и сказала: „Я вымою все эти вещи въ ручьѣ“. Тогда толпа, собравшаяся на мѣстѣ происшествія, пошла далѣе, продолжая путь къ храму богини, оставивъ обоимъ нищимъ вдвоемъ среди зеленѣющихъ полей, раздавалось громкое стрекотаніе кузнечиковъ.

Нищая тщательно вымыла въ чистой, прозрачной водѣ ручья все вещи, даже ящикъ и колесики, затѣмъ развѣсила мокрую лохмотья на вѣтвяхъ кедровъ, и къ вечеру все было высушено, сложено и приведено въ полный порядокъ. Тото-Санъ могъ снова начать свое скитаніе.

Онъ снова впрягся въ телѣжку, привыкнувъ везти ее съ собой, но, увы, маленькій ящикъ былъ пустъ. Разлученный съ той, которая была его подругой, его душой, мыслью и зрѣніемъ, онъ долженъ былъ ходить теперь наугадъ, подвигаться впередъ ошупью, подвергаясь опасности быть раздавленнымъ или свалиться въ какой-нибудь ровъ. Послѣ смерти Кака-Санъ старикъ представлялъ собою еще болѣе жалкую развалину, чѣмъ прежде, обреченный отнынѣ на безнадежное одиночество до конца своихъ дней въ еще болѣе ужасной тѣмѣ..

Кузнечики попрежнему неумолчно трещали въ травѣ, но кругомъ постепенно темнѣло, и на небѣ одна за другою загорались яркія звѣзды. Въ то время, какъ наступающая ночь спускалась на землю и обступала слѣпного Тото-Санъ, въ вѣтвяхъ темныхъ кедровъ послышался тотъ же шелестъ, что и утромъ, во время погребенія.. Быть можетъ, то былъ шопотъ все тѣхъ же духовъ, которые казалось, тихо говорили: „Утѣшься, Тотъ-Санъ, она вернулась въ семью, въ которой давно уже находимся и мы, ты тоже скоро присоедишься къ намъ. Она больше не стара, не сторблена, потому что мертва; никто не увидитъ болѣе ея безобразія, ибо она хорошо спрятана въ нѣдрахъ земли; она не можетъ возбуждать ни въ комъ отвращенія, такъ какъ превратится скоро въ плодородную землю..

Вечерній штиль.

Съ карт. Карла Раупа.

Утѣшься... Тѣло ея очистится и обновится въ землѣ, и изъ праха твоей обожаемой Кака-Санъ выростутъ стройные темнозеленые кедры, роскошныя, яркоцвѣтныя камелин, воздушныя бамбуки“...

Конецъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Воспоминанія. *Карт. К. Зона.* Красавица погружена въ воспоминанія, очевидно прекрасно проведеннаго вечера. Улыбка счастья играетъ на красивомъ лицѣ, и въ вязицной рукѣ сувениръ—роза. Карль Зонъ

мастерски рисуетъ женскія головки полныя граціи, а главное выразительности.

Материнство. *Карт. О. Торена.* Сюжетъ картины обыкновенный, но передача его прямо поразительна. Достаточно взглянуть на главную фигуру, чтобы почувствовать всю глубину любви и привязанности животнаго къ своему дѣтищу. Художникъ въ картинѣ этой желалъ передать материнство, и выразилъ его рисункомъ блистательно.

Вечерній штиль. *Карт. Карла Рауна.* Художникъ рисуетъ тихій вечеръ, когда подымается луна и природа какъ будто засыпаетъ. Такія тихія вечера обыкновенно бывають послѣ жаркаго дня. Молодая, влюбленная парочка на берегу озера нахо-

дится подъ обаяніемъ любви и красоты природы. Очень красиво и поэтично передано художникомъ общее меланхолическое настроеніе свойственное тихому вечеру.

А. Смоликовъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ пути. Н. Рябова.—„Ангель-Хранитель“. Романъ. И. Н. Потепенко.—Стихотвореніе. А. Щеглова.—Старые супруги. Разсказъ П. Лоти.—Къ рисункамъ. А. Смоликова —Объявленія.

Редакторъ *А. П. Хесторъ.*

Предс. Администраціи *Д. Х. Бородикъ.*

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ уважаемыхъ г.г. подписчиковъ—при высылкѣ въ Контору **доплатныхъ взносовъ** подписной суммы—**обязательно** упоминать, что деньги **высылаются** въ счетъ подписки **за получаемый журналъ**, во избѣжаніе зачисленія вторыхъ и т. д. взносовъ въ счетъ новой подписки и неизбѣжной въ такихъ случаяхъ проволоочки въ непрерывномъ полученіи журнала.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

БЕЗОПАСНУЮ БРИТВУ

рекомендуемъ всѣмъ, желающимъ безъ всякаго труда и опасности гарантировать себя отъ столь частыхъ зараженій въ парикмахерскихъ, сократить при этомъ значительно свои расходы. Цѣна съ перес. въ Европ. Россію 3 р.; съ приборомъ, состоящимъ изъ кисточки, икел. чашечки и коробки порошка 3 р. 75 к. Нал. пл. 10 к. дороже. Адресовать: Фабричный складъ Л. Б. Айзенберга, Варшавъ, Дикая 38—к.

112.—Р.10.

10—1. К.

МИНИСТЕРСКАЯ ЛАМПА

по своей конструкціи превосходить всѣ другія до сихъ поръ извѣстныя. Благодаря ей устройству можно регулировать свѣтъ въ желаемомъ направленіи, причемъ при работѣ не нужно напрягать зрѣніе. А потому она необходима въ домашнемъ обиходѣ: на письменномъ столѣ, при чтеніи, въ мастерскихъ, заводахъ и т. п. Цѣна съ упаковкой и пересылкой въ Европ. Россію 5 руб., налож. платеж. 12 коп. больше.

Адресовать:

Фабричный складъ Л. Б. Айзенберга, Варшава, Дикая, 38-к.

113.—Р.10.

10—1. К.

Переплетная С. Анбиндера.

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 88.

Изготовлены и имѣются въ продажѣ, изящныя крышки—переплеты къ журналу и приложенію „СЪВЕРЪ“ за 1903 г. полнаго собранія сочиненій В. СОЛОВЬЕВА.

Крышки изготовлены изъ лучшаго англійскаго цвѣтнаго коленкора съ роскошными тисненіями, золотомъ и краскою по указаннымъ рисункамъ лучшей работы.

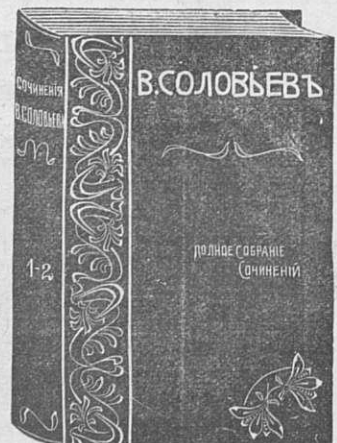
Цѣна комплекта состоящаго изъ 7 крышекъ къ сочиненію В. Соловьева 1 р. 40 к.

Переплетъ для 52 №№ самого журнала изготовленный изъ лучшаго матеріала съ роскошнымъ тисненіемъ прилагается въ видѣ преміи.

Пересылка за счетъ покупателя: въ Европейской Россіи 75 к.—Въ Сибирь и Закаспійскій Край 1 р. 40 к.

Требованія и задатокъ въ размѣрѣ не менѣе 50 к., просятъ адресовать въ контору производства крышекъ для журналовъ С. Анбиндеру. С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 88.

Остаюсь въ ожиданіи Вашихъ почт. заказ. С. Анбиндеръ.

ИМПЕРИРОВАВШАЯ НЕДЕЛЯ

При ближайшемъ участіи И. Х. Лопатенко.

Хроника войны.

Телеграмма генераль - лейтенанта Жилинскаго начальнику главнаго штаба отъ 29-го февраля 1904 г.

24-го февраля нашъ разъезд обнаружилъ на рѣкѣ Чин-чан-ганъ четыре непріятельскихъ поста и за ними конный дозоръ.

У Пакчена японскій разъездъ въ пять человекъ попалъ въ засаду нашего разъезда, причемъ разбѣлся, потерявъ одного человека убитымъ. По слѣдамъ разъезда найдено нѣсколько патроновъ, пироксилиновыя шашки и одѣяла.

Начальникъ корейскихъ войскъ въ Ий-чжо согласился сдать оружіе и распустить своихъ солдатъ, оставивъ при себѣ лишь 20 вооруженныхъ.

Населеніе въ Манчжуріи спокойно.

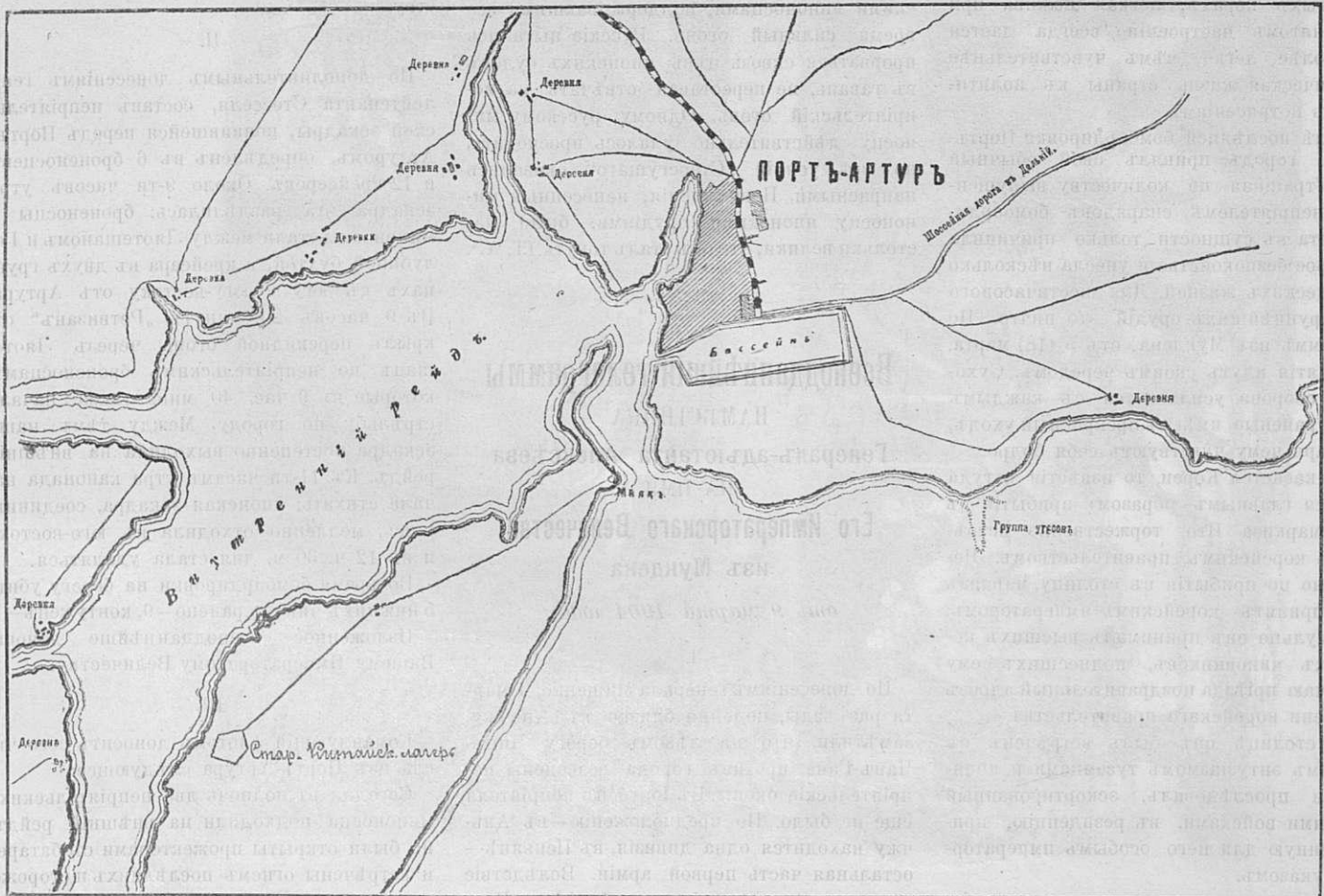
Въ ночь на 27-е февраля непріятельскія суда освѣщали прожекторами бухту Елена и берегъ Сень-ю-чена.

По провереннымъ свѣдѣніямъ, высадокъ японцевъ сѣвернѣе Гензана не было и нѣтъ.

Настроеніе жителей по рѣкѣ Тумень-ула въ нашу пользу.

Телеграмма и. д. чиновника по дипломатической части при Намѣстникѣ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ. Портъ-Артуръ, 3-го марта 1904 г.

Извѣстія англійскихъ и англо-китайскихъ газетъ, будто Артуръ взятъ японцами, обхлѣять пламенемъ, покидается жителями и тому подобное—чистѣйшіи вымыслы. Кромѣ пяти убитыхъ и поврежденія нѣсколькихъ зданій, бомбардировка 26 февраля другихъ послѣдствій не имѣла.

Планъ Портъ-Артура.

Телеграмма намѣстника генералъ-адъютанта Алексѣева на имя Его Императорскаго Величества изъ Мукдена отъ 5-го марта 1904 года.

Генералъ Мищенко доноситъ, что, по свѣдѣніямъ изъ Пенъяна, тамъ находится японская пѣхота при нѣсколькихъ орудіяхъ. На корейскихъ подводахъ передвигаются запасы продовольствія.

Непріятельская кавалерія въ массахъ не замѣчается; видны только одиночные всадники; конскій составъ плохой и слабый.

Нашъ разъѣздъ на берегу рѣки Чюнъ-Чюнъ-Гана въ пяти верстахъ отъ Анчжо открылъ присутствіе непріятельской пѣхоты, встрѣтившей его огнемъ, причемъ у насъ убита одна лошадь.

Изложенное всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Истекшая недѣля не принесла никакихъ извѣстій сколько-нибудь серьезныхъ съ театра военныхъ дѣйствій. Сообщеніе объ оставленіи русскими Портъ-Артура и о занятіи его японцами было наглою выдумкой съ цѣлью повліять на биржу; подобнаго рода приемы сами за себя говорятъ и чѣмъ чаще будутъ примѣняться тѣмъ менѣе будутъ достигать своей цѣли, такъ какъ надо полагать въ биржевыхъ сферахъ не будутъ относиться къ этимъ извѣстіямъ съ той довѣрчивостью, какая могла быть на первыхъ порахъ, легкая нажива при приподнятѣмъ настроеніи всегда дается тѣмъ болѣе легко, чѣмъ чувствительнѣе экономическая жизнь страны къ политическимъ потрясеніямъ.

Послѣ послѣдней бомбардировки Портъ-Артура, городъ принялъ свой обычный видъ. Страшная по количеству выпущенныхъ непріателемъ снарядовъ бомбардировка эта въ сущности только причинила нѣкоторое безпокойство и унесла нѣсколько человѣческихъ жизней. Для шестичасового огня крупнѣйшихъ орудій это ничто. По телеграммѣ изъ Мукдена, отъ 5 (18) марта, всѣ занятія идутъ своимъ чередомъ. Сухопутная оборона усиливается съ каждымъ днемъ; раненые имѣютъ прекрасный уходъ, благодаря чему чувствуютъ себя бодро.

Что касается Корей, то извѣстія отсюда касаются главнымъ образомъ прибытія въ Сеулъ маркиза Ито, торжественно встрѣченнаго корейскимъ правительствомъ. Немедленно по прибытіи въ столицу, маркизъ былъ принятъ корейскимъ императоромъ. Въ Чемульпо онъ принималъ высшихъ корейскихъ чиновниковъ, поднесшихъ ему по случаю пріѣзда поздравительный адресъ отъ имени корейскаго правительства.

Въ столицѣ онъ былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ туземцами и японцами и прослѣдовалъ, эскортированный японскими войсками, въ резиденцію, приготовленную для него особымъ императорскимъ указомъ.

Дисонаansomъ къ этимъ пышнымъ приемамъ представителя японскаго правительства является сообщеніе изъ Сеула отъ

4 (17) марта (Т. А.) о томъ, что во всѣхъ тюрьмахъ тамъ происходятъ казни; въ послѣднія три ночи казнено болѣе сорока человѣкъ. Въ ихъ числѣ находятся даже малолѣтніе преступники.

По свѣдѣніямъ изъ Берлина (Р. А.) отъ 4 (17) марта парижская газета „Matin“ узнала изъ достовѣрнаго источника, будто первая японская армія въ 70.000 человѣкъ заняла сѣверную Корею, вторая армія такой же численности высадилась въ Гензанѣ Мобилизація третьей арміи началась 23 февраля.

Изъ Берлина телеграфируютъ (Р. А.) по извѣстіямъ изъ Сеула русскій кавалерійскій отрядъ внезапно двинулся впередъ между Бй-чжю и Ионъ-чюнемъ. 200 кавалеристовъ дошли до рѣки и стали стрѣлять по японцамъ, находившимся на противоположномъ берегу; японцы на огонь русскихъ не отвѣчали.

По извѣстіямъ изъ Сеула русское правительство объявило, что въ виду присоединенія Корей къ Японіи оно разсматриваетъ корейское государство, какъ державу ведущую съ Россіей войну.

Какъ видно изъ телеграммы изъ Лондона, отъ 2 (15) марта, изъ Токио сообщаютъ, что уцѣлѣвшіе японскіе моряки, прибывшіе въ Сасебо послѣ боя 26 февраля, единодушно свидѣтельствуютъ о храбрости проявленной русскими. О самомъ сраженіи японцы разсказываютъ слѣдующее. „Стерегущій“ и другой русскій контръминоносцы были окружены четырьмя японскими миноносцами, поддерживавшими все время сильный огонь. Русскіе пытались прорваться сквозь цѣпь японскихъ судовъ въ гавань, не переставая отвѣчать на непріятельскій огонь. Одному русскому миноносцу дѣйствительно удалось проскочить, но всѣ усилія „Стерегущаго“ оказались напрасными. Поврежденія, нанесенныя миноносцу японскими орудіями, были настолько велики, что онъ сталъ тонуть. (Т. А.)

Всеподданнѣйшія телеграммы

НАМѢСТНИКА

Генералъ-адъютанта Алексѣева

НА ИМЯ

Его Императорскаго Величества

изъ Мукдена

отъ 9 марта 1904 года.

I.

По донесеніямъ генерала Мищенко, 4 марта разъѣзды, подойдя близко къ Анчжо, замѣтили, что на лѣвомъ берегу Чинъ-Чанъ-Гана, противъ города возведены непріятельскіе окопы. Въ Ионгбенѣ непріятеля еще не было. По предположенію—въ Анчжо находится одна дивизія, въ Пенъянгѣ—остальная часть первой арміи. Вслѣдствіе полученнаго свѣдѣнія о прибытіи въ Пакченъ двухъ непріятельскихъ эскадроновъ, туда были направлены двѣ наши сотни, съ

цѣлью воспрепятствовать переходу противника черезъ рѣку Пакченганъ. Сотни эти замѣтили на лѣвомъ берегу рѣки три непріятельскихъ эскадрона, которые, съ приближеніемъ нашего отряда, не принявъ боя начали отходить къ Анчжо. Сила японскихъ эскадроновъ около 190 коней, лошади разномастныя.

Въ ночь на 6 число два посыльныхъ нашей летучей почты между Касаномъ и Ченчжоу наткнулись на японскій разъѣздъ, были встрѣчены его огнемъ, но благополучно отошли. По свѣдѣніямъ, 300 человѣкъ непріятельской конницы 6 марта заняли Ионгбенъ; въ Анчжо заготовленъ матеріалъ для наводки мостовъ сѣвернѣе и южнѣе города.

По донесенію генералъ-лейтенанта Стесселя, около полуночи на 9-е марта въ свѣтѣ прожекторовъ показались непріятельскіе миноносцы, по которымъ открыли огонь наши сторожевыя суда, а затѣмъ нѣкоторые батареи крѣпости. Огонь продолжался около 20 минутъ. То же повторилось въ 4 часа ночи. Въ 6½ часовъ утра съ юга показались 4 непріятельскихъ судна, а затѣмъ и вся эскадра въ составѣ 11-ти судовъ и 8-ми миноносцевъ. Наша эскадра вышла на наружный рейдъ для встрѣчи непріятеля. Въ 9 часовъ непріятельскіе броненосцы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по Ляотешаню и, зайдя за этотъ горный массивъ, открыли огонь по Артуру. Дальнѣйшихъ свѣдѣній не получено. Изложенное всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

II.

По дополнительнымъ донесеніямъ генералъ-лейтенанта Стесселя, составъ непріятельской эскадры, появившейся передъ Портъ-Артуромъ, опредѣленъ въ 6 броненосцевъ и 12 крейсеровъ. Около 9-ти часовъ утра эскадра эта раздѣлилась: броненосцы и миноносцы стали между Ляотешаномъ и Голубиной бухтой, а крейсера въ двухъ группахъ къ югу и юго-востоку отъ Артура. Въ 9 часовъ 20 минутъ „Ретвизанъ“ открылъ перекидной огонь черезъ Ляотешанъ по непріятельскимъ броненосцамъ, которые въ 9 час. 40 мин. также начали стрѣльбу по городу. Между тѣмъ наша эскадра постепенно выходила на внѣшній рейдъ. Къ 11-ти часамъ утра канонада начала стихать; японская эскадра, соединившись, медленно отходила къ юго-востоку и въ 12 ч. 30 м. дня стала удаляться.

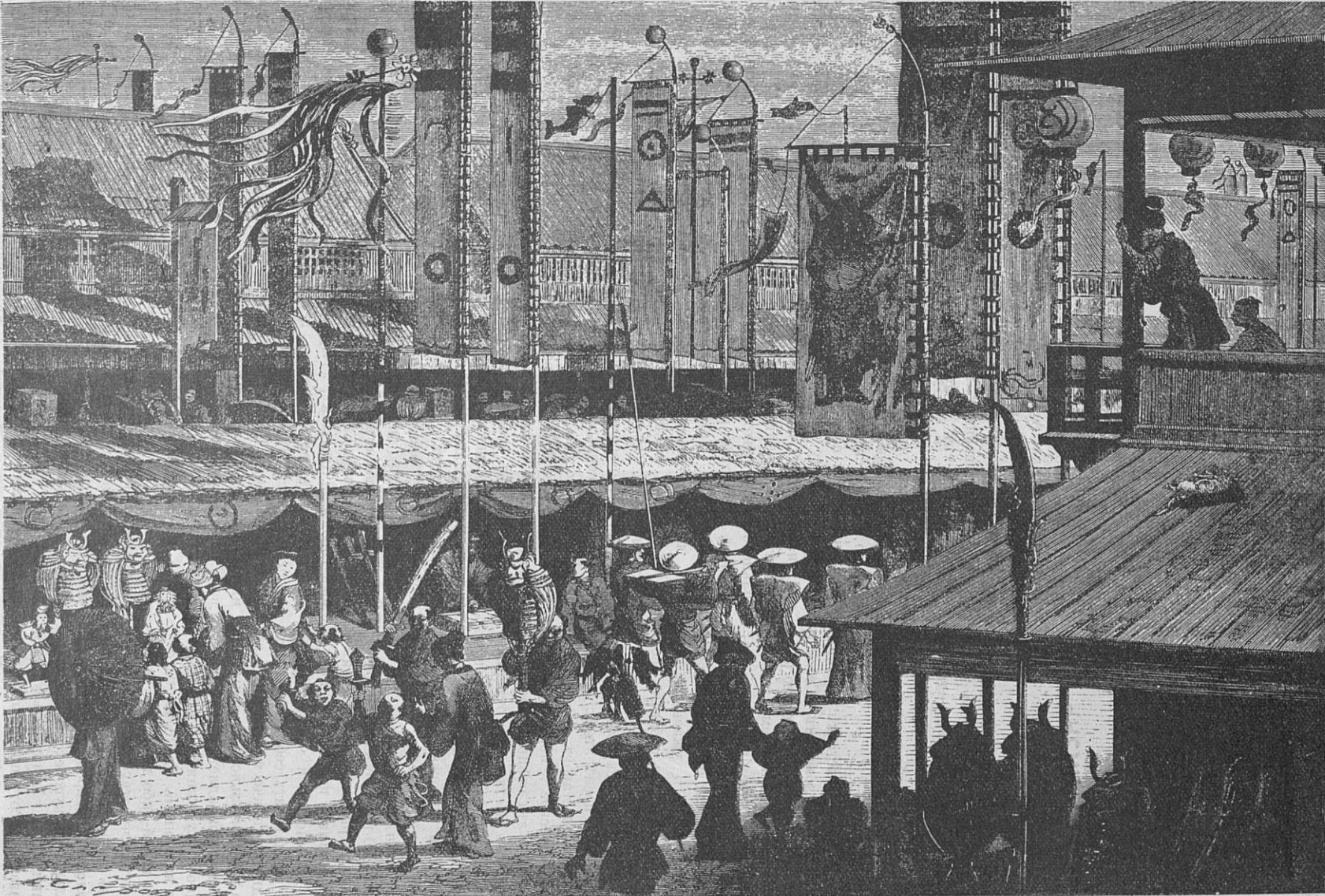
Во время бомбардировки на берегу убито 5 нижнихъ чиновъ, ранено—9, контуженъ—1. Изложенное всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

III.

Командующій флотомъ доноситъ сего часа изъ Портъ-Артура слѣдующее:

Сегодня въ полночь два непріятельскихъ миноносца подходили на внѣшній рейдъ, но были открыты прожекторами съ батарей и встрѣчены огнемъ послѣднихъ и сторожевыхъ лодокъ, „Вобръ“ и „Отважный“, вслѣдствіе чего отступили.

Вторая атака была въ 4 часа утра. Уча-

Праздникъ флаговъ въ Японіи.

гдѣ съ Л. Толстого художникъ снялъ невыразимые... Вѣдь общественные дѣятели не этими аксессуарами интересны обществу— вмѣсто того, чтобъ тратитъ краски на рубашечку и шаровары В. В. Стасова, И. Я. Перельманъ лучше-бы сдѣлалъ, еслибы поработалъ надъ выраженіемъ лица писателя, а то теперь оно напоминаетъ такія выраженія, когда человѣка слишкомъ долго держать передъ фотографическимъ аппаратомъ неумѣлый фотографъ...

Изъ остального, упомянувъ про чрезвычайно милые карандашные рисунки П. С. Кендіасъ, прелестную головку Л. Розенберга („Дитя стараго города“), этюды—головки А. П. Соколова и пресимпатичную „Плутовку“ А. А. Куренного, слѣдуетъ остановиться нѣсколько болѣе на интересной по композиціи картинѣ С. Д. Гиршенберга „За идеаломъ...“ И замыселъ и исполненіе картины интересны: „онъ“ и „она“ пробираются по обрыву между двумя громадными скалами, образующими темное ущелье—дорожка загибается за скалу и что-то неизвѣстное—какіе-то зеленые зловѣщія глаза какаго-то чудовища виднѣются изъ-за скалы... страшно путникамъ: внизу зияетъ пропасть, съ другой стороны отвѣсная скала, за угломъ грозитъ страшное неизвѣстное чудовище... можно идти или впередъ или назадъ... а между тѣмъ тамъ, вдали на скалахъ въ неясной дымкѣ рисуется идеаль—чудный дворецъ съ колоннами, утопающій въ мягкой зелени роскошной растительности... и они стоятъ въ нерѣшимости что предпринять? Вотъ это символизмъ художественный, не претенціозное ломанье—не дѣвица, щекощущая губы каменнаго ефинкса и долженствующая изображать „туманъ Нила...“ Кстати, интересно какъ изобразилъ бы художникъ „Туманъ Петербурга?“—вѣроятно въ видѣ миловидной дѣвицы, щекощущей Адмиралтейскій шпиль?)

Упомянувъ про „Мученицу“ Киселева, „За газетой“ Кремера и этюды И. С. Куликова, изъ которыхъ лучшіе „Старушка съ курами“ и „Рабочій“ мы исчерпаемъ все, о чемъ по нашему мнѣнію стоило говорить. О посмертныхъ выставкахъ академикомъ какъ-то не хочется говорить по пословицѣ „de mortuis aut bene aut nihil“—вѣроятно они и талантливы и значительны, иначе они не были-бы академиками, но для меня—профана въ этомъ отношеніи—холодомъ вѣетъ отъ такой академичности... По части скульптуры прелестна „Голова патриціанки“ М. Л. Диллонъ, очень живое лицо „Портретъ М-ле Н. Е. И. Мишевой.“ Л. Н. Толстой“ Я. И. Гинзбурга страшно ординаренъ—зачѣмъ пытаться воссоздавать фигуры такихъ лицъ, если не въ состояніи своимъ искусствомъ передать хоть часть, хоть намекъ на внутреннюю сущность лица—фотографія передаетъ намъ въ такомъ случаѣ не хуже дорогія черты властителя нашихъ думъ, чѣмъ холодный гипсъ или мраморъ...

Всего 5 минутъ ѣзды на извозникѣ—и вы въ Академіи Наукъ, гдѣ при входѣ уже на выставку „Новаго общества художниковъ“ васъ охватываетъ иная атмосфера... Вы дѣйствительно чувствуете себя въ сре-

дѣ „новыхъ“ художниковъ—это, такъ сказать, филиальное отдѣленіе выставокъ „Мира искусства“. Не соотвѣтствуетъ только общему тону то именно, что и скрашиваетъ всю выставку—это скульптура Н. Л. Аронсона. Трудно сказать, что изъ выставленныхъ имъ произведеній лучше—это уже дѣло чисто личнаго вкуса, ибо все вообще прекрасно; чувствуется, что это не русская манера, что художественный вкусъ и направление его развились не у насъ, а на сторонѣ. Парижъ наложилъ на него свою печать... надо полагать, что это лишь способствовало развитію этого прекраснаго таланта.

Мнѣ лично болѣе всего понравилась головка „Ephébe“—красивое, немного хмурое, живое интересное лицо и какъ бы въ противоположность ему другая головка „Adolescente“—само спокойствіе и безмятежность, головка изображаетъ дѣвочку-подростка въ моментъ, когда міръ еще только чуть, чуть пріоткрываетъ передъ ней завѣсу своихъ тайнъ... Однако и другія головки не менѣе прекрасны, хотя признанная въ Парижѣ за самую замѣчательную „Sagesse“,—головка женщины изъ розоваго мрамора едва-ли лучшая его вещь и не оправдываетъ своего названія... „Tête couchée“ и „Etude d'enfant“—вещи прекрасныя, но уступаютъ тремъ вышеназваннымъ. Не будь здѣсь этой скульптуры выставка потеряла бы половину своего интереса, ибо мало на чемъ можно остановиться съ вниманіемъ изъ всѣхъ 160 картинъ. Обращаетъ на себя вниманіе А. А. Мурашко—его картины тоже носятъ на себѣ слѣды Парижской школы, даже и по сюжетамъ, изображающимъ Парижскую бульварную жизнь и Парижскихъ женщинъ.

Такъ, три картины, взаимно дополняющія другъ друга, названныя „Въ сумеркахъ“ живо и талантливо трактуютъ этотъ сюжетъ. „Моя модель“ и „Портретъ“ также скорѣй картины французскаго, чѣмъ русскаго художника. Среди остального многого и ненадолго задержитъ ваше вниманіе: Это „Мать“ Н. Ф. Петрова, два пейзажа Д. П. Кардовскаго, „Мужикъ“ и „Портретъ В. Б. Полѣной“, принадлежаніе кисти Б. Н. Кустодіева—остальное все не болѣе какъ потуги на оригинальность и потуги довольно жалкія. Такъ, тотъ-же Д. П. Кардовскій, выставившій очень недурные пейзажи, въ картинѣ „Амазонки“ новаторствуетъ лишь въ томъ смыслѣ, что рисуетъ безъ рельефовъ—его амазонка на лошади написана совершенно плоско, напоминаетъ живопись японцевъ, но безъ ея умѣнья передавать выраженіе лица... прочія картины не лучше этой—небрежно намазаны, въ сѣрыхъ тонахъ, съ претензіей на импрессионистское настроеніе, но не согрѣты талантомъ. Вѣдь мало быть новымъ—надо быть новымъ хорошимъ, а плохое новое во всякомъ случаѣ хуже хорошаго стараго... Охотно можно повѣрить, что эти художники стремятся къ новому, но плохо они къ нему стремятся, силы не хватаетъ—вотъ въ чемъ вся бѣда и вотъ почему выставка плохо посѣщается публикой и, вѣроятно, почти-бы вовсе не посѣщалась, если-бъ не скульп-

тура Аронсона, для которой одной стоитъ ходить на эту выставку...

Когда, неудовлетворенный видѣннымъ, я съѣлъ на извозника и направился къ Пассажу желая осмотрѣть послѣднюю выставку, помѣщающуюся тамъ—„Годичную выставку картинъ товарищества художниковъ“, то мнѣ все время надоѣдала мысль такого рода: почему бы художникамъ не устроить выставку прекраснаго во всѣхъ его проявленіяхъ, т. е., чтобъ выставленные портреты изображали только красивыя лица, чтобъ картины природы тоже были собраны изъ красивѣйшихъ мѣстъ земнаго шара, чтобъ женщины на картинахъ были или красиво одѣты или красиво раздѣты, чтобъ выставка ласкала глазъ красотою во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Къ моему удивленію это мое желаніе въ значительной степени оказалось удовлетвореннымъ какъ только я вступилъ на выставку „Товарищества художниковъ“ и этой стороною выставка эта особенная, отличающаяся отъ предъидущихъ четырехъ...

И здѣсь прежде всего придется говорить о пейзажной живописи, но сколь различны самыя мотивы этихъ пейзажей, если сравнить ихъ съ тѣмъ же родомъ живописи на Академической выставкѣ! Сколько яркихъ красокъ, свѣта, тепла, душистыхъ цвѣтовъ, зелени, какое синее небо, бирюзовыя воды—и это на всѣхъ почти картинахъ; да это и неудивительно, ибо и мѣста-то какія выбраны художниками: 10 картинъ иллюстрируютъ о. Капри, 9—Крымъ, 7—Лаго-Маджоре и Сорренто и т. д.—Это не Финляндія, не Мурманскій берегъ или Новая Земля, не Новгородская губернія...

Изъ 17 картинъ В. П. Шрейбера—10 посвящены о. Капри и 7—Лаго-Маджоре—на нашъ сѣверный взглядъ все это страшно пестро и ярко но чрезвычайно ласкаетъ глазъ, хотя картинки ужъ очень чистенько прилизанныя и отзываютъ чѣмъ-то конфетнымъ... Гораздо сильнѣе впечатлѣніе отъ пейзажей другого художника, тоже не поскупившагося и выставившаго 12 картинъ—я разумю І. Е. Крачковскаго; 7 картинъ онъ посвятилъ Крыму—изъ нихъ 4 иллюстрируютъ крымскую весну („Глицинія“ и „Персики въ цвѣту“) — его картины это безспорно одно изъ лучшихъ украшеній выставки, онъ не только нѣжатъ глазъ, но и всецѣло переносятъ зрителя подъ счастливое солнце юга—въ одинъ изъ лучшихъ уголковъ нашего отечества... Удивительные пейзажи Сергѣева и Писемскаго не менѣе прекрасны, а если къ этому прибавить прелестную картинку Федорова-Керченскаго „Быть бурѣ“, небольшія, но изящныя картинки С. И. Васильковскаго, иллюстрирующаго Малороссію и цвѣты М. А. Беркося, то неудивительно, что съ этой выставки неохотно уходишь—ароматъ юга слишкомъ контрастируетъ съ холодомъ и снѣгомъ улицы. Портреты Галкина и Штемберга изображаютъ изящныхъ женщинъ и эффектно написаны; даже жанръ на этой выставкѣ ласкаетъ взглядъ, „Соперницы“ Саксена и его-же „Заноза“ изображаютъ людскія страсти и горести въ пышной обстановкѣ, на паркетномъ полу, въ роскош-

ных костюмахъ XVIII и начала XIX вѣка и выписаны на подобіе картинокъ Мейсонье — такой же характеръ носить и изящная картинка Ф. Винеа „Пѣсьнъ любви“... даже единственная тенденціозная жанровая картина „Съ прошеніемъ“ Э. К. фонъ-Лингарта изображаетъ красивую молодую женщину, ожидающую въ приемной знатнаго лица рѣшенія участи ея прошенія... Наконецъ, только на этой выставкѣ можно найти и настоящее красивое женское тѣло — область искусства, которую обходятъ стыдливые русскіе художники. Въ этомъ отношеніи лучшая вещь принадлежитъ кисти Е. А. Вахтеръ — картина „Добыча“ изображаетъ юную дѣвушку вмѣстѣ съ воинскими доспѣхами сваленную въ кучу въ ожиданіи раздѣла трофеевъ — ея руки связаны, она обнажена и не показываетъ зрителю своего лица — тѣло выписано чудесно. Не менѣе хороша въ этомъ жанрѣ картина В. К. Штембергъ „Купальщица“; нѣсколько слабѣе картины Г. Г. Шмидта „Dolce far niente“, „Кто-то идетъ“ (купающаяся дѣвушка слышитъ чье-то приближеніе за кустами и испуганно прижимается къ стволу дерева), „Катанье на волнахъ“ и „При восходѣ луны“.

Общее впечатлѣніе отъ выставки бодрящее, пріятное, вы точно насытили свое зрѣніе красивыми зрѣлищами — точно смотрѣли чудный балетъ Чайковского въ постановкѣ М. Петипа съ красивѣйшими корифейками, роскошными декораціями и при участіи Кшесинской, Герда, Рославлевой и Гельперъ... Красота въ искусствѣ дѣло первостепенное...

Еще въ прошломъ 10 №, начиная вести рѣчь о выставкахъ, я хотѣлъ попытаться свести свои впечатлѣнія къ какимъ-либо общимъ выводамъ и замѣчаніямъ — попытаюсь это сдѣлать теперь, когда мы обошли съ вами всѣ 5 главнѣйшихъ выставокъ картинъ петербургскихъ художниковъ.

Прежде всего мы видимъ, что русскіе художники болѣе всего сильны въ области пейзажа — общій уровень здѣсь очень высокій. Годъ тому назадъ, когда находясь въ Парижѣ, я осматривалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней годичную выставку картинъ французскихъ художниковъ, гдѣ было выставлено болѣе экземпляровъ, чѣмъ на всѣхъ нашихъ 5 теперешнихъ выставкахъ, то мнѣ не показалось, чтобы французы такъ умѣли чувствовать и проникаться природою, какъ русскій. Вотъ по части *vue de la nature* съ ними трудно сравняться — ну да въдь это и понятно: ремесло натурщица у насъ все еще не установилось такъ прочно, какъ тамъ... Жанръ у насъ на выставкахъ постепенно умираетъ, тенденціозныя картины также отходятъ въ глубь вѣковъ и лишь у передвижниковъ можно ихъ найти, но уже далеко не въ той степени, какъ нѣсколько дѣтъ тому назадъ. Такъ называемыя новыя теченія въ живописи пробиваютъ себѣ дорогу, но еще неуверенно и робко, отставая въ этомъ отношеніи отъ литературы, которая смѣло рвется впередъ и презираетъ насмѣшки людей стараго направленія. „Новое“ забирается даже къ передвижникамъ, стоящимъ въ общемъ на

охранительной точкѣ зрѣнія, послѣ того, какъ русскій реализмъ отвоевалъ себѣ опредѣленную позицію. Жизнь есть борьба и вѣчное движеніе впередъ — одной позиціи намъ мало и чуть мы ея завоевали намъ хочется уже ее бросить и двигаться далѣе въ страстномъ исканіи новыхъ формъ для олицетворенія истины и красоты... Въ силу этого не только въ живописи, но и въ другихъ сферахъ жизни, люди, считавшіеся прогрессистами, такъ какъ они воевали со старыми традиціями за новыя теченія, разъ побѣдили — часто становятся такими же консерваторами по отношенію къ болѣе ихъ молодымъ людямъ рвущимся еще далѣе въ своихъ исканіяхъ... Въ этомъ смыслѣ и добрые, дорогіе намъ передвижники нынѣ уже стоятъ на консервативной, а не на прогрессивной точкѣ и немногіе изъ нихъ чувствуютъ новый духъ времени, новые его запросы, т. е. немногіе въ состояніи идти за своимъ временемъ, а не отставать.

В. В. Чеховъ.

Художественная хроника.

Весенняя выставка.

По каталогу — 394 номера! Казалось-бы, богатство неисчислимо и есть изъ чего выбирать *chef d'oeuvre*, но просмотрѣвъ добросовѣстно все это море портретовъ, пейзажей, жанровъ, аллегорій и проч. — выносишь впечатлѣніе сумбура.

Ничего сильнаго, яркаго, обливающего душу восторгомъ, ничего похожаго на то чувство, будто побывать въ храмѣ и хорошо помолился, какое выносишь изъ посѣщенія художественныхъ музеевъ и созерцанія истинно великихъ произведеній.

Интересныхъ вещей мало, ахъ какъ мало, и отмѣчать приходится большею частью произведенія, бросающіяся въ глаза своими отрицательными сторонами, показателями того, какъ *ne надо* писать.

Разумѣется среди авторовъ 394 картинъ не можетъ не найтись людей талантливыхъ, для которыхъ крайнія увлеченія молодости минуютъ и изъ которыхъ выработаются крупныя мастера, но надо молодымъ силамъ остерегаться „натура“, котораго такъ много на выставкѣ.

Въ исторіи нашего театра тоже было въ свое время теченіе, признававшее только „натура“ — непосредственное чувство, инстинктивную прозорливость и тактъ таланта, указующіе артисту вѣрную дорогу.

Но это ложный путь и кратковременный успѣхъ. Безъ школы, безъ широкаго образованія, не только узко спеціальнаго, но *самаго разносторонняго* — долго не удержишься и не удержишь власти надъ людскими сердцами.

Художникъ (и разумѣю, конечно, прежде всего *талантливаго*) долженъ, на примѣръ, не только знать исторію искусства, но и по-

стоянно слѣдить за текущей его жизнью, кромѣ того при изученіи исторіи искусства неизбѣжно знать хорошо вообще исторію и археологію, ибо если не знать всѣхъ сторонъ бытовой жизни народа, то и его художественныя памятники останутся нѣмы и непонятны для изслѣдователя. Приходится знать языки, чтобы не стать близорукимъ, узко-національнымъ, словомъ требуется самая широкая энциклопедическая образованность, притомъ постоянно подвижающаяся впередъ и впередъ, а многіе-ли такъ понимаютъ карьеру художника и многіе-ли такъ поступаютъ?

Вотъ отсутствіе этихъ то условій и чувствуется такъ ярко на весенней выставкѣ.

Вездѣ упованіе только на „натура“, да молодая самоувѣренность, а этого мало!

Прохожу еще разъ по выставкѣ: ба, знакомыя если не всѣ, то очень многія лица. Вотъ „Свѣточъ“ Берингера, на прошлогодней выставкѣ называвшійся „Бѣлая ночь“, только вмѣсто совиныхъ глазъ прорѣзываютъ мракъ языки когтя, вотъ его же „Утро“, прежде бывшее въ „Горделивыхъ мечтахъ“ — то же выраженіе у женской фигуры, тѣ же волосы, даже тотъ же самый цвѣтъ ткани платья и чуть ли не тѣ же самыя украшенія. А вотъ „Ноябрь“ Стапицы, въ прошломъ году бывший просто „Осенью“, то же освѣщеніе, тонъ, тѣ же холмы, тѣ же засохшіе стебли тыквы разстилаются по землѣ, только это все происходитъ уже не на дворѣ хаты, а въ полѣ.

Вотъ Ангелы изъ „Avangarde de Jesus Christ“, Катарбинскаго (бывшіе на выставкѣ въ 1902 г.), только нынче они называются „Утро и вечеръ“, вотъ „Поцѣлуй Медузы“, теперь — „Въ пропасти“ и т. д. и т. д., подобныхъ параллелей можно привести безъ конца.

Особенно грустно дѣлается при обзорѣ работъ Катарбинскаго — цѣлый отдѣльный залъ отведенъ для его картинъ и чѣмъ оно наполнено! Съ каждой выставкой художникъ этотъ дѣлается все суше и шаблоннѣе, между тѣмъ такъ недавно картины его обнаруживали и оригинальность и развѣтвитой художественный вкусъ. Теперь же оригинальность перешла въ оригинальничанье и сплошной трафаретъ.

Изъ портретовъ на выставкѣ лучшимъ можно назвать портретъ Глѣбовой, работы С. А. Сорина. На оттоманкѣ сидитъ бѣлокурая молодая женщина; поза ея спокойна, но лицо и страдальческіе глаза указываютъ на жестокую душевную ломку. Это лицо „новой“ женщины, проснувшейся отъ своего безмятежнаго многовѣковаго сна, храбро борющейся съ жизнью, но не легко достается ей эта борьба. Лицо неправильно, но хорошо именно внутренней жизнью, выразительно одухотворенностью. Въ хрупкой нѣжной фигурѣ чувствуется несокрушимая нервная сила.

Хорошъ также автопортретъ художника Эберлинга, выступившаго нынче съ нѣсколькими небольшими, недурными пейзажами, обнаруживающими и прекрасную технику, и настроеніе, какъ: „Мѣстопробываніе Бѣклина“, „Въ горахъ Тосканы“ и друг.

Художникъ изобразилъ себя въ спокойной непринужденной позѣ, молодое, не русскаго типа лицо какъ живое глядитъ изъ рамы. Хорошъ портретъ углемъ и сѣпией сестры художницы Клокачевой.

Изъ жанровъ выдѣляются своею смѣлостью и свѣжестю этюды Куликова, преимущественно русской крестьянки. Какой спокойной, веселой „силой земли“ вѣетъ отъ нихъ! Великолѣпны „Пряха“ и „Пряхи“, портретъ старушки — матери художника прямо трогаетъ, съ такой любовью онъ написанъ.

Въ картинахъ чувствуется свѣтъ и воздухъ, вредитъ нѣкоторая небрежность рисунка и наилучшими являются именно тѣ картины Куликова, гдѣ онъ отъ нея освобождается, какъ „Пряхи“.

Почти рядомъ съ этюдами Куликова — тоже этюды и на ту же тему — Шмарова. Но какая разница въ трактовкѣ сюжетовъ! У Куликова — это наши крестьянскія дѣвушки, взятая прямо изъ жизни, не идеализированныя, но веселыя, сильныя, здоровыя, простодушныя — какія сохранились еще подалеже отъ городовъ, фабрикъ и „чашушекъ“, а у Шмарова — тонкія фигуры, съ тонкими линиями рукъ и лица, словомъ переодѣтыя французженки-натурщицы, одѣтыя въ русскіе костюмы, а ужъ дѣвочка-крестьянка, опирающаяся съ лукавымъ видомъ на ослика (это въ деревнѣ-то русской — осликъ) уже и совсѣмъ абсурдъ.

Не всегда идетъ въ пользу заграничное пребываніе, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ художниковъ заграничное вліяніе сказывается черезчуръ сильно, появляется какая-то интернаціональность, оторванность отъ родной почвы.

Объ автомобильной дамѣ Шмарова, право, не стоитъ и говорить. Это этюдъ далеко незаконченный и неизвѣстно для чего выставленный. Повидимому, художникъ и самъ опредѣляетъ свои произведенія какъ этюды, потому что ни одна изъ его картинъ не носитъ даже никакого названія, но тогда зачѣмъ же выставлять этюды на выставкѣ законченной, а не этюдной?

Прелестная поэтическая картина изъ народной итальянской жизни Вещилова: „Серенада“. Двѣ Маріетты, а можетъ Джульетты или Неллины стоятъ на балконѣ и слушаютъ серенаду. У ближайшей, закусившей въ зубахъ пурпурный цвѣтокъ гранаты — на лицѣ задумчивость и почти грусть, — выраженіе, появляющееся у человѣка въ тѣ немногія минуты, когда онъ до блаженства, до боли счастливъ. Другая подруга слушаетъ съ внѣшне-равнодушнымъ видомъ, но съ завистливымъ огонькомъ въ глубинѣ глазъ. Ясно для зрителя — для кого изъ нихъ серенада, а для нихъ самихъ еще ясно и кто поетъ ей. Прекрасно прочувствована и передана гармонія сумерокъ съ мечтательнымъ настроеніемъ дѣвушекъ.

Тепло написана небольшая картина И. С. Макушенко „У бабуи“ — визитъ дѣвочки къ старой хохлушкѣ бабушкѣ и недурна „Карусель“, тоже изъ итальянской народной жизни, Клокачевой.

Есть на выставкѣ нѣсколько пч, изъ нихъ лучшее В. В. Дурдина — „Лили“. Безусловно грамотный правильный рисунокъ, прекрасные тона тѣла, но ей Богу этотъ розовый газъ, ничего не прикрывающій и цѣломудренный бантикъ такъ наивно лицемерны и только подчеркивая, только наводятъ зрителя на игривыя мысли, отнюдь не способствуя охраненію нравственности публики.

Недурна и картина Щербиновскаго „На воздухѣ“ — женская фигура спиной къ зрителю среди листвы, поднимающаяся по лѣстницѣ, хорошо выписано тѣло и чувствуется лѣтній жаркій воздухъ.

Отвратительное впечатлѣніе производитъ картина Фельдмана „Ночью“, благодаря вульгарнѣйшей трактовкѣ сюжета, неизвѣстно за какія заслуги помѣщенной на лучшемъ мѣстѣ выставки. Правда, хороши свѣтотѣни, но Господи, что за сюжетъ! Толстѣйшая бобелина съ ярко-малиновымъ носомъ и такими-же щеками, обуреваемая неожиданнымъ приливомъ нѣжности, явилась въ дѣтскую и яркимъ свѣтомъ лампы (которую и держать-то криво, того гляди уронить) мѣшаетъ дѣтямъ спать. Болѣе антихудожественную фигуру трудно выдумать.

И затѣмъ, что за ужасные дѣти Киселева? Въ туманѣ выступаютъ какіе-то два одутловатые блѣдные призрака. Не то тѣни некрещеныхъ погибшихъ малютокъ, не то знаменитый карликъ Томъ Пуэсъ со своей подругой.

Перейдя къ отдѣлу пейзажа, находимъ не мало ощутительно талантливыхъ людей, особенно среди такъ называемыхъ кунджистовъ, какъ Богаевскій, Химона, Рыловъ, все они вдумчиво чувствуютъ и знаютъ къ чему стремятся, но Боже, до чего все это скучно! Это что-то безпросвѣтное, безрадостное. Вѣчно сѣрое небо, лиловая земля и снѣгъ, круглые камни (каменной всюду бездна), корявыя деревья — Господи, что за тоска.

А между тѣмъ у насъ на сѣверѣ развѣ не бываетъ красокъ, нѣжныхъ, пастельныхъ, поэтически блеклыхъ дней яснаго солнечнаго освѣщенія съ золотыми „зайчиками“ по стѣнамъ? Но не чувствуютъ гг. художники всей этой красоты, зачѣмъ-же во всѣхъ почти пейзажахъ необходимо проводить идею свѣтопреставленія и конца міра?

— Да и кому это все нужно, кому это доставило хоть кусочекъ удовольствія или пользы, подняло духъ, заставило хоть не надолго забыть сѣренкія заботы и прозу жизни?

Болѣе жизнерадостное впечатлѣніе производятъ въ весеннемъ уборѣ, „Станицы“ и „Въ цвѣту“ Орлова, но сюжетъ весны такой благодарный самъ по себѣ, это такое „красивое“ время года, что при всемъ стараніи трудно его испортить.

Очень красочны и оригинальны пейзажи М. И. Педашенко. Третьяковой: Весна въ Саянскихъ горахъ, Май въ Минусинскихъ степяхъ, въ окрестностяхъ Красноярска и др. Яркость и въ тоже время нѣжность горъ и неба удивительны. Это не Италия — нѣтъ

ей крикливыхъ тоновъ, но и не сѣверъ съ его блѣсоватостью.

Хорошъ „Вечеръ“ Крыжицкаго и „Золотая осень“ Шушеита; багряные желтые листья такъ и выступаютъ изъ рамы, вотъ вотъ полыхнутъ отъ вѣтра и зашелестятъ.

Очень недуренъ пейзажъ Г. Г. Шмидта — „Уголокъ южнаго берега“, есть движеніе въ волнахъ, хорошъ прозрачный воздухъ и совсѣмъ хороши его „Памятники русской старины“. Много любви къ Россіи, вкуса и терпѣнія надо имѣть, чтобы объѣздить порядочныя-таки захолустья, какъ Ярославль, Ростовъ-Ярославскій и прочія веси и спасти все эти красоты нашей архитектуры отъ забвенія.

Религіозныхъ сюжетовъ не много. Выдѣляется „Положеніе во гробѣ“ Ф. Райляна, — большая картина согрѣтая искренней религіозностью.

Цвѣтовъ и nature morte тоже очень мало. Бѣдно, по обыкновенію, представленъ и отдѣлъ скульптуры. Климатъ сказывается! Холодно у насъ, дождливо, три четверти года ходятъ въ толстѣйшихъ шубахъ, совершенно скрывающихъ формы, гдѣ ужъ тутъ образоваться и воспитаться культу человеческого тѣла.

Выдѣляются портреты-мраморы М. Л. Далисонъ, пара прелестныхъ дѣтишекъ графъ. Н. съ наивными славными личиками, особенно хороши линіи шеи и плечъ; круглое дѣтское плечико совсѣмъ живое, теплое, такъ и хочется тронуть его. Скульпторшѣ пришлось преодолѣть не малыя техническія трудности при исполненіи своей работы, такъ какъ мраморы, высѣченные по гипсовымъ оригиналамъ М. Л. Далисонъ въ Италиі, присланы были оттуда недоконченными и художницѣ пришлось самой заканчивать ихъ, удаляя ненужныя части при помощи рѣзца и молотка, что требуетъ помимо мастерства, еще и не малую дозу физической силы.

Не особенно удалась громадная фигура гр. Толстого скульптору Гинцбурггу; остальные вещи интереса тоже не представляютъ.

А выводы и слѣдствія изъ всего этого? Слѣдствіе — образованіе „Новаго Общества художниковъ“, а выводъ — выставка его въ Академіи Наукъ, которой мы теперь и займемся.

О. Базанкуръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Хроника войны. — Текущая жизнь. В. В. Чеховъ. — Художественная хроника. О. Базанкуръ.

Редакторъ А. П. Несторъ.

Предс. Администраціи Д. Н. Бородинъ.

ПОЛЪ ЗАКРАСВЛЕНЦЕХЪ

При ближайшемъ участіи М. Н. Потапенко.

Исторія, которая никогда не кончалась.

(Продолженіе).

VII

Къ новой жизни.

Наступилъ августъ. Это былъ мой любимый мѣсяць.

Я любилъ май, когда природа, только проснувшись, окрашивала все, что было въ лѣсахъ, въ саду и на поляхъ, нѣжно-зеленымъ цвѣтомъ. Тогда и я чувствовалъ послѣ долгой зимы какъ бы пробужденіе. Я любилъ май еще и за то, что онъ начиналъ собой лѣто, которое сулило мнѣ столько удовольствій.

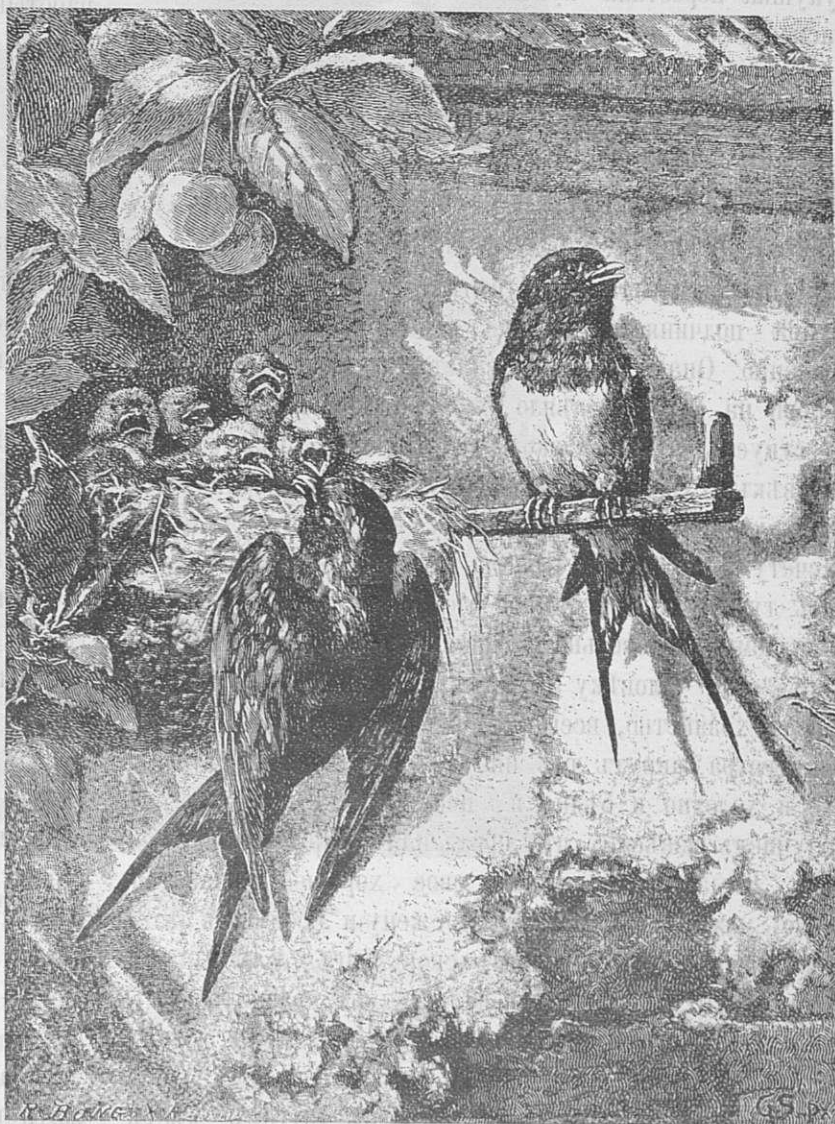
Августъ мнѣ казался красивымъ мѣсяцемъ. Тогда зеленые цвѣта уступали мѣсто другимъ, разнообразнымъ и яркимъ. Каждое дерево окрашивалось въ свой особый цвѣтъ. На одномъ листьѣ дѣлались блѣдно-желтыми, на другомъ красными, на третьемъ желтобурыми и лѣсъ представлялъ необыкновенно пеструю картину.

Солнце же палило еще жарко, свѣта было вдоволь. Только по ночамъ да ранними утрами вѣяло холодкомъ, но этотъ холодокъ былъ пріятенъ.

Но на этотъ разъ наступленіе августа было для меня событіемъ печальнымъ. Съ этимъ былъ связанъ мой отъѣздъ въ городъ. Я не страшился этого отъѣзда. Въ немъ для меня даже было много заманчиваго, но все-же, то, что манило меня, было для меня туманно и неизвѣстно, а то, что оставлялъ я здѣсь, было уже мнѣ дорого.

И я съ какимъ то особеннымъ сочувствіемъ подымалъ голову и вглядывался въ

огромныя гнѣзда аистовъ, давнымъ давно поселившихся на крышѣ нашего сарая. Эти птицы страшно занимали меня. Я обыкновенно наблюдалъ все лѣто, какъ они, размахивая своими длинными крыльями, улетали съ гнѣзды куда-то на болота и, прилетѣвъ обратно, приносили въ своихъ зобахъ пищу дѣтямъ, какъ они свои

Гнѣздо ласточекъ.

длинные носы вкладывали въ раскрытые рты жадныхъ птенцовъ, кормили и поили ихъ.

Теперь, въ августъ, въ самомъ началѣ этого мѣсяца, они какъ то особенно заволновались. Птенцы уже выросли, давно уже они начали пробовать свои крылья, теперь они уже перелетали на довольно большія разстоянія. Это были уже взрослые птицы, способныя летѣть далеко.

И вотъ на широкой полянѣ, по ту сторону сада, каждый день собирались стаи, слетаясь сюда со всѣхъ крышъ цѣлой деревни. Ихъ были здѣсь сотни, молодые и старые смѣшались въ одно стадо. Здѣсь они какъ бы совѣщались о предстоящемъ общемъ путешествіи. Часто поднимались они цѣлымъ стадомъ въ высь и долго держались на высотѣ, какъ бы пробуя свои силы.

И я смотрѣлъ на это и думалъ о томъ, что вотъ теперь у меня съ этими большими птицами явилась какая-то связь. Онѣ улетаютъ и я тоже.

Сталъ я замѣчать, что и другія птицы мало по малу исчезаютъ. Уже не было видно ни одного скворца, кукушка перестала куковать. Я спрашивалъ Ивана Васильевича.

— Куда онѣ улетаютъ, эти птицы?

— Онѣ улетаютъ туда, гдѣ имъ лучше, гдѣ теплѣе, — отвѣтилъ онъ.

— А человѣкъ тоже, какъ птица, уѣзжаетъ туда, гдѣ ему лучше? — спросилъ я.

— Не совѣмъ такъ, — отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ. — Птица подчиняется только своему безсознательному влеченію. Она и сама не знаетъ, почему ее тянетъ теперь на югъ. Повѣяло холодкомъ, вотъ уже она чувствуетъ себя неловко и ее влечетъ куда-то.... А человѣкъ существо разумное; онъ не подчиняется только непонятнымъ влеченіямъ, но дѣйствуетъ и по расчету и по долгу. Иногда насъ влечетъ долгъ уѣхать туда, гдѣ вовсе намъ не будетъ лучше и мы покидаемъ добровольно лучшее изъ-за худшаго. Напримеръ, если человѣку гдѣ нибудь хорошо, онъ устроился завелъ хозяйство, всего у него вдоволь, а его братъ или сестра живутъ гдѣ нибудь въ далекой сторонѣ, гдѣ и холодно и бѣдно и непріятно, и вдругъ онъ получаетъ извѣстіе, что братъ или сестра опасно заболѣли. Тогда онъ покидаетъ свое хорошее хозяйство, тепло, можетъ быть, любимую жену и любимыхъ дѣтей и уѣзжаетъ туда исполнять свой долгъ. А то бываетъ и такъ, что человѣку хорошо, но онъ рассчитываетъ, что въ другомъ мѣстѣ, котораго онъ не знаетъ, можетъ быть еще лучше. Онъ знаетъ, что сперва ему, пока онъ добудетъ себѣ лучшее, тамъ, въ другомъ мѣстѣ, придется много терпѣть и страдать, но вѣрить, что

послѣ этого все будетъ хорошо. И онъ покидаетъ хорошее въ надеждѣ получить лучшее.

— А вы, Иванъ Васильевичъ, къ намъ пріѣхали въ надеждѣ на лучшее? — довольно наивно спросилъ я.

— Это трудно сказать, Вова. Моя цѣль дѣйствительно добиться лучшаго. Но это я могу сдѣлать только черезъ нѣсколько лѣтъ.

— Отчего же такъ? — продолжалъ я свои распросы, — значить, вы пріѣхали сюда не для лучшаго?

— Видите ли, Вова, это надо вамъ рассказать сначала, — промолвилъ Иванъ Васильевичъ, — мы съ вами уже настолько познакомились, что вы имѣете право знать мою жизнь. У меня есть мать и сестра. Отецъ мой умеръ и мы остались бѣдными. Я тогда былъ еще вотъ такимъ маленькимъ мальчикомъ, какъ вы. Но мать и сестра мои работали и помогли мнѣ учиться въ гимназіи и кончить ее. Потомъ я поступилъ въ университетъ и началъ уже учиться на свой собственный счетъ.

— А развѣ у васъ были деньги? — спросилъ я.

— Нѣтъ, у меня денегъ не было, Вова, но я зарабатывалъ ихъ. Два года я былъ въ университетѣ и давалъ уроки.

— Что это значить?

— А это значить, что я обучалъ наукамъ вотъ такихъ маленькихъ людей, какъ вы. Въ то же время я учился и перешелъ на третій курсъ. Мнѣ осталось еще два года, чтобы кончить курсъ и сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ. Но я увидѣлъ, что если буду заниматься уроками и въ то же время учиться, то ученіе мое будетъ идти плохо. Большая часть времени уходитъ на уроки, а на ученіе остаются самые пустяки. Ну, и ученіе отъ этого идетъ кое какъ. Я былъ два года хорошимъ учителемъ и у меня было много уроковъ, но вслѣдствіе этого я былъ плохимъ студентомъ, и я лекціи посѣщалъ плохо, да и экзамены держалъ не важно. И профессора на меня смотрѣли косо, а это было мнѣ непріятно. Вотъ я и рѣшилъ: лучше свое ученіе отложить на послѣ, зарабатывать себѣ денегъ и потомъ уже учиться, не давая уроковъ. Такъ я и сдѣлалъ. Я согласился поѣхать къ вамъ, ваша тетя рекомендовала меня вашему папѣ меня пригласили. Теперь вотъ два года я ничего не тратилъ и собиралъ деньги, которыя мнѣ вашъ папа платилъ. И теперь у меня достаточно денегъ для того, чтобы кончить университетъ, не давая уроковъ.

— А когда кончите, чѣмъ тогда будете?

— Не знаю еще, но все равно, тогда мнѣ легче будетъ зарабатывать средства. Я тогда безъ труда буду содержать и себя и мать и сестру.

— А вы любите свою сестру? — спросилъ я.

— Да, очень.

— А когда она была маленькой, она была такая же надобная, какъ Дуся?

— Она старше меня, поэтому не я съ нею возился а она со мною, когда я былъ маленькій, и по всей вѣроятности я надобдалъ ей тоже такъ, какъ Дуся вамъ,

на рукахъ у няньки, Иванъ Васильевичъ, я, и Марика, стоявшая у порога. Отецъ подошелъ къ Ивану Васильевичу, обнялъ его и поцѣловалъ. Они очень близко сошлись за два года пребыванія у насъ моего учителя. Отецъ сказалъ ему:

— Благодарю васъ, Иванъ Васильевичъ, очень,

Прививка плодовыхъ деревьевъ.

но она меня за это не бранила, а напротивъ была очень нѣжна со мной.

Начались сборы къ отъѣзду. Бѣлье уже было сшито укладывали вещи въ сундукъ, а затѣмъ и сундукъ отправили въ городъ. Десятаго августа раннимъ утромъ всѣ собрались въ домъ. Тутъ были отецъ, мать, Дуся

очень вамъ благодаренъ, вы сдѣлали для насъ такъ много, вы были истиннымъ руководителемъ Вовы...—и затѣмъ отецъ подошелъ ко мнѣ, — положилъ мнѣ на плечи свои руки и сказалъ.

— Ну, милый мой мальчикъ, теперь для тебя начинается новая жизнь. До сихъ поръ у тебя почти не

было никакихъ обязанностей, а теперь твоя жизнь будетъ вся состоять изъ обязанностей. Умѣй же выполнять ихъ съ достоинствомъ и съ честью. Ты будешь жить въ городѣ, у своей тети, которая тебя любить и конечно тебѣ у нея будетъ очень хорошо. Съ нами ты будешь видѣться рѣдко. Дома за тобой будетъ смотрѣть тетья и ты конечно будешь ее слушаться, а въ гимназіи ты долженъ слушаться своихъ начальниковъ и учителей. Я даже не говорю тебѣ: веди себя хорошо. Такъ какъ ты нашъ сынъ, то ты и не можешь вести себя дурно. Ну а затѣмъ прощай.

Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Потомъ я прощался съ мамой. Она разумѣется плакала и благословляла меня. Марика, стоя у самыхъ дверей, рыдала. Съ нею мы тоже были большіе друзья и она вѣроятно теперь скорбѣла о томъ, что не съ кѣмъ ей будетъ возиться.

Дуся, которую няня держала на рукахъ, странно почему то нервничала.

Она все время вертѣлась, вскрикивала и глаза ея выражали глубокое недоумѣніе. По всей вѣроятности, она что то чувствовала, но не понимала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Алексѣй Молодинъ.

Потерянное время.

(Разсказъ).

Уже два дня, какъ кончились экзамены. Многіе изъ пансіонеровъ успѣли разъѣхаться по домамъ. Я одиноко бродилъ по корридорамъ и часто останавливался передъ большимъ венеціанскимъ окномъ, выходящимъ изъ корридора на улицу, и смотрѣлъ на то, какъ по небу плыло майское солнце и пѣшеходы въ лѣтнихъ одеждахъ шныряли по улицамъ, наслаждаясь теплымъ весеннимъ воздухомъ.

На каждый мимо проѣзжавшій экипажъ я смотрѣлъ съ надеждой, хотя въ сущности эта надежда была ни на чемъ не основана, такъ какъ тотъ экипажъ, который долженъ былъ пріѣхать изъ нашего села и взять меня съ собой, нисколько не походилъ на городскіе экипажи. Онъ былъ сколоченъ у кузнеца, мастерская котораго помѣщалась въ концѣ города, тамъ, гдѣ прекращается скверная городская мостовая и начинается ровная мягкая безконечная степная до-

рога. Въ немъ вовсе не было рессоръ, колеса его были грубы и толсты. Сколоченъ онъ былъ крѣпко съ такимъ расчетомъ, чтобы могъ служить вѣчно,—и трясъ нестерпимо. Сидѣніе въ немъ дѣлалось всякій разъ новое изъ свѣжаго сѣна, прикрытаго ряденцемъ. Взлѣзть въ него надо было по неудобной высокой приступкѣ, съ опасностью жизни. Но за то онъ былъ помѣстительный, въ него свободно входили всевозможныя покупки, которыя дѣлались всякій разъ когда кто нибудь ѣхалъ въ городъ, и ихъ было обыкновенно такое множество, что, когда дома начинали вынимать ихъ изъ экипажа, то казалось, что онъ бездонный.

Но несмотря на всѣ эти неудобства, не смотря на тряску и постоянное сползаніе съ сидѣнія на дно, я предпочиталъ его всѣмъ экипажамъ на свѣтѣ.

И вотъ однажды, стоя у венеціанскаго окна, я увидѣлъ нашъ экипажъ, запряженный тройкой коренастыхъ, угловатыхъ, неотесанныхъ, но сильныхъ лошадей. Онъ двигался по широкой улицѣ мимо длиннаго зданія гимназіи какъ-то не смѣло, точно конфузясь своей деревенской неуклюжести или боясь задѣть который нибудь изъ эlegantныхъ городскихъ экипажей, важно и смѣло проѣзжавшихъ мимо него. На козлахъ сидѣлъ высокій Антонъ, котораго я сейчасъ же узналъ главнымъ образомъ по его заношенной чиновничьей фуражкѣ, на которой даже мѣсто гдѣ помѣщалась нѣкогда кокарда, было ясно обозначено темнымъ кружкомъ. Антонъ былъ самый высокій человекъ во всей нашей деревнѣ, но статности его вредило то обстоятельство, что онъ сильно прихрамывалъ на лѣвую ногу, отчего и назывался—Антонъ хромоногъ. Онъ такъ давно служилъ у моего отца кучеромъ, что мнѣ всего только двадцать лѣтъ существовавшему на свѣтѣ, казалось что это было вѣчно.

Когда я увидѣлъ нашъ экипажъ, то сейчасъ же бросился наверхъ, гдѣ помѣщался мой сундучекъ, попросить служителя вынести его и затѣмъ бѣгомъ пустился въ канцелярію за бумагами. Въ канцеляріи я встрѣтилъ инспектора, который, прежде чѣмъ передать мнѣ бумаги, заглянулъ въ нихъ и, убѣдившись, что у меня передержка по ариѳметикѣ, сказалъ мнѣ нѣсколько строгихъ словъ на счетъ того, что я долженъ дома поменьше играть и побольше заниматься ариѳметикой. Я же думалъ какъ разъ наоборотъ.

Я принялъ это къ свѣдѣнію и очень скоро былъ уже за воротами. Антонъ поправилъ сидѣніе, сундучекъ мой стоялъ уже въ ящикѣ экипажа, гимназическій служитель желалъ мнѣ счастливой дороги и подсадилъ меня въ экипажъ, такъ какъ самому мнѣ ни за что было не взобраться на его вышину, усадилъ на коврижъ и меня тотчасъ же окружилъ аро-

мать свѣжаго, недавно только скошеннаго, сѣна, на которомъ я сидѣлъ.

Лошади тронули и пошли сперва шагомъ, а потомъ сдержанной рысцой. Очевидно ихъ огорошивалъ городской шумъ и они не смѣли здѣсь, между этими высокими домами, какъ слѣдуетъ показать себя. Мы заѣхали на базарь, остановились у бакалейной лавки, въ которой нашъ домъ забиралъ рѣшительно все, что только нужно было въ домашнемъ обиходѣ. Я даже не сходилъ съ экипажа. Антонъ началъ рыться на днѣ его и досталъ оттуда одну за другой цѣлый рядъ кубышекъ—для деревяннаго масла, для прован-

ударилъ по лошадямъ кнутомъ и экипажъ нашъ за-торохтѣлъ по камнямъ мостовой и минутъ черезъ пять мы уже проѣзжали мимо маленькихъ преземистыхъ домишекъ пригорода, потомъ черезъ полуразрушенный каменный мостъ, перекинутый надъ рвомъ нѣкогда быть можетъ охранявшимъ городъ отъ виѣсныхъ враговъ, а теперь служившимъ складомъ для ссора и всевозможныхъ отбросовъ, — мимо кузнеца когда-то сколотившаго нашъ экипажъ и, наконецъ вдругъ точно переселились въ другой міръ.

Разомъ прекратился несносный гулъ и трескъ, который издавали колеса, прыгая по камнямъ мостовой

Черезъ рѣчку.

скаго масла, для уксуса, для керосина, для дегтя. Затѣмъ нѣсколько кульковъ, мѣшечковъ, коробокъ и все это потащилъ въ лавку, а черезъ четверть часа тѣ же самые предметы вернулись въ экипажъ, но уже наполненные бакалейными товарами и потому отяжелѣвшіе.

Затѣмъ Антонъ опять усѣлся на свое мѣсто и мы двинулись дальше. Антонъ, очевидно ободрившійся близостью конца города и начала степной дороги,

и началось тихое ровное гудѣніе. Позади насъ поднялся столбъ пыли, который высоко взлеталъ надъ нашими головами, забѣгалъ иногда впередъ, какъ бы заигрывая съ лошадьми и Антономъ, окутывалъ экипажъ густымъ облакомъ и затѣмъ вдругъ разлетался куда нибудь въ сторону, гонимый случайно повѣвающимъ вѣтеркомъ. Передъ нами раскрылась безбрежная степь, изрѣдка только кое-гдѣ оживляемая хуторкомъ или брошеннымъ на произволъ судьбы садочкомъ или

дорожной корчмой, куда проѣзжіе заходятъ, чтобы подкрѣпить силы и попоить лошадей колодезной водой. Надъ нами висѣло безоблачное голубое небо. Почти надъ головой моей плыло жаркое солнце, воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, лошади бѣжали весело бодро, очевидно понимая, что возвращаются домой.

Я оглянулся раза два и увидѣлъ, что городъ мало по малу исчезалъ и наконецъ совсѣмъ точно провалился сквозь землю и вдругъ всякое воспоминаніе о цѣломъ годѣ, проведенномъ въ высокихъ стѣнахъ гимназіи, о ежедневныхъ изнурительныхъ урокахъ, о томительной подготовкѣ къ экзаменамъ и даже о самой арифметикѣ, которая какъ бы гналась за мной по пятамъ въ видѣ необходимости готовиться и держать вторично экзаменъ,—все это исчезло изъ моей головы и я сталъ думать о томъ, что меня ожидаетъ.

— А что ожидаетъ меня? Вотъ вопросъ, на который я не могъ бы отвѣтить словами. Меня ожидаетъ что-то хорошее, что то вольное, широкое, отчего духъ захватываетъ и замираетъ сердце. Однакожъ, я ни на минуту не забывалъ о томъ что на мнѣ гимназическій мундиръ, который, хотя и причинялъ мнѣ значительныя неудобства, такъ какъ въ немъ мнѣ было и тѣсно и жарко, но все же долженъ былъ сыграть важную роль въ моментъ моего появленія въ деревнѣ.

Вѣдь я уѣхалъ оттуда простымъ деревенскимъ мальчишкой, который хотя и былъ уже настолько ученъ, что могъ поступить прямо во второй классъ, тѣмъ не менѣе по внѣшности очень мало отличался отъ Васьки, который остался въ деревнѣ и до сихъ поръ бѣгалъ по всѣмъ хозяйственнымъ закоулкамъ, отгоняя и пригоняя телятъ и коровъ, возясь съ курами и собаками, карабкаясь на деревья и беспощадно грабя гнѣзда скворцовъ и воронъ.

Васька! Вотъ существо, которому предстоитъ быть болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, изумленнымъ. Это былъ сынъ нашей кухарки, которая такъ-же давно жила у насъ, какъ и Антонъ. Съ Васькой я росъ и провелъ все мое дѣтство до того момента, когда меня свезли въ пансіонъ.

Въ то время мы рѣшительно ничѣмъ не отличались другъ отъ друга, совершенно одинаково проводили время и одинаково смотрѣли на вещи. И вдругъ все это кончилось, насъ разлучили; онъ остался на прежнемъ положеніи, а я являюсь теперь въ совершенно обновленномъ видѣ.

Мнѣ даже было какъ то странно думать теперь о томъ, какъ я, схвативъ первую попавшуюся палку или камышинку вмѣстѣ съ Васькой бѣжалъ въ поле равыскивать въ стадѣ нашихъ коровъ и телятъ, которыхъ по какимъ то неуловимымъ признакамъ, сей-

часъ же отличалъ отъ не нашихъ, хотя въ сущности все онѣ удивительно были похожи между собой,—и съ крикомъ и гиканіемъ гнали ихъ домой, или о томъ, какъ мы вмѣстѣ съ собаками бѣгали по саду, пугали воронъ и случайно забирававшихся сюда зайцевъ, а въ лѣтнее время по цѣлымъ часамъ болтались въ теплой водѣ нашей узенькой рѣчки и ловили руками бычковъ, жившихъ въ расщелинахъ камней. Странно было думать объ этомъ гимназисту, который уже почти цѣлый годъ училъ уроки, получалъ отмѣтки, не разъ сидѣлъ въ карцерѣ, вставалъ по звонку, пилъ чай по звонку, все, рѣшительно все, дѣлалъ такъ, какъ положено въ правилахъ и какъ обозначено въ росписаніяхъ.

А Антонъ между тѣмъ подбадривалъ лошадей, которыя впрочемъ и не нуждались въ этомъ и бѣжали исправно. Время шло незамѣтно. Вотъ уже мы проѣхали селцо, раскинувшееся поодаль отъ большой проѣзжей дороги, появились признаки близости нашего села: тамъ знакомое дерево съ причудливо искривленнымъ стволомъ, здѣсь огромная, никогда не высыхающая лужа, вотъ маленькій тѣсокъ, изъ за котораго уже выглядываетъ куполъ и крестъ нашей деревенской церкви и, наконецъ, вдали на возвышеніи, освѣщенные розоватыми лучами вечерняго солнца, стали вырисовываться крестьянскія хаты и изъ нихъ выдѣлился бѣлый длинный нашъ домъ съ черепичною крышей.

(Продолженіе будетъ).

И. Потапенко.

Студентъ и собака.

Эскизъ.

Брр... какъ холодно! Только студентъ, бѣгущій въ лѣтнемъ пальто въ 20-ти градусный морозъ, можетъ почувствовать насколько холодно сегодня. Не будь еще вѣтра, можно бы терпѣть, но этотъ легкій вѣтерокъ, котораго и не почувствовалъ бы въ другое время, пріехидно забирается и въ рукава и подъ пальто и за воротникъ. У! какъ холодно! Вотъ на парѣ вороньихъ рысаковъ, запряженныхъ въ низенькія щегольскія санки, быстро мчится въ театръ красивая молодая дама; она плотно запахнула свою пушистую шубку, совсѣмъ ушла въ густой воротникъ бѣлаго мѣха, только глазки ея сверкаютъ изъ него. Ея щеки горять-

отъ мороза—ей тоже холодно. Холодно и маленькому мальчишкѣ, мчащемуся во весь духъ изъ грязнаго подвала сапожника въ ближайшую виноторговлю, хорошо, что ему недалеко бѣжать. Нѣтъ, рѣшительно никто не можетъ такъ чувствовать этотъ холодъ, какъ бѣдняга студентъ, снѣшацій домой на край города съ урока на другомъ его концѣ.

Право онъ одинъ только вполнѣ понимаетъ до чего ужасно, пронизывающе холодно сегодня. Ахъ, нѣтъ не онъ одинъ. Маленькая, некрасивая собачонка съ вислоухой, грязной шерстью, едва поспѣвающая за быстро шагающимъ студентомъ, тоже чувствуетъ, какъ холодно сегодня. Она уже третью улицу бѣжитъ за нимъ.

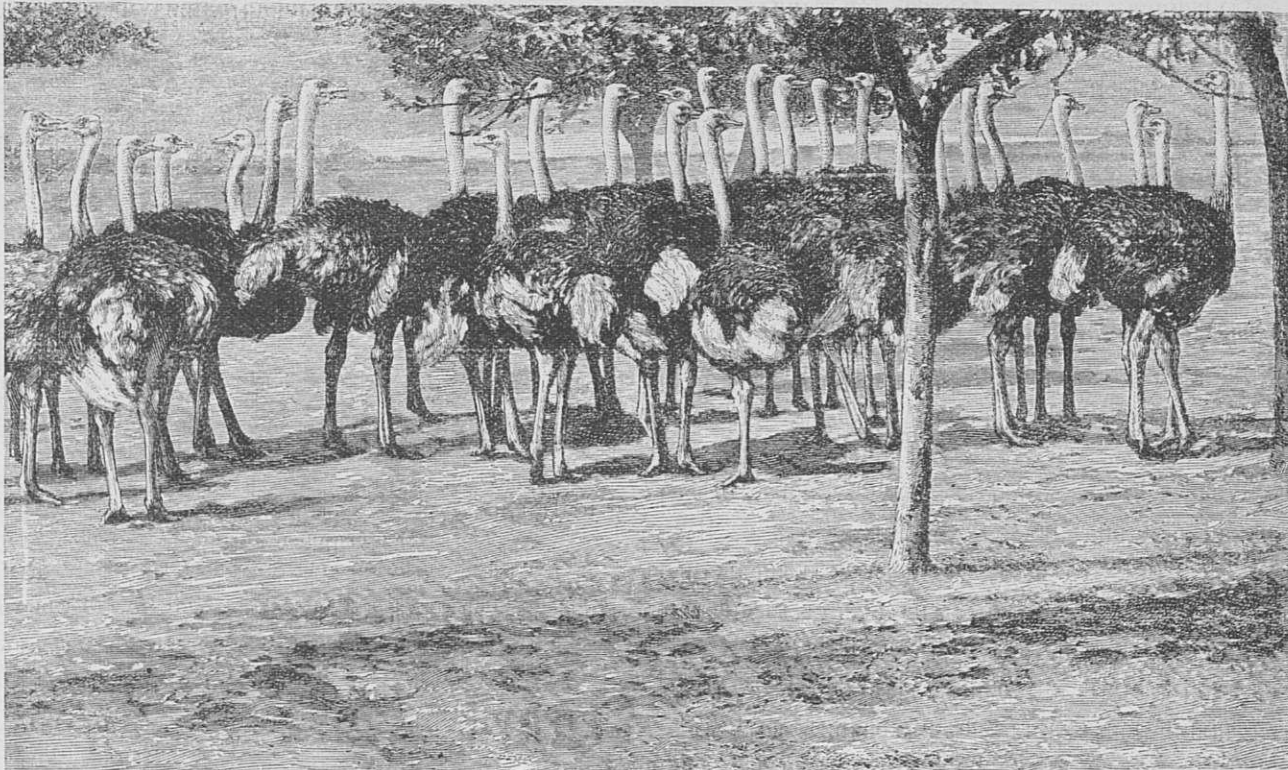
— Вотъ привязалась,—думаетъ студентъ:—вѣрно

здѣсь крѣпко заперты, улицы пусты, куда дѣваться маленькому беззащитному созданію, дрожащему какъ и онъ самъ отъ холода.

— Эхъ, бѣдная, — шепчетъ студентъ и наклоняется, чтобы погладить собачку: — и не могу же я тебя взять къ себѣ, не могу, понимаешь? — Собачка визжитъ и прижимается къ его ногамъ.

— Ахъ ты, несчастная,—ласково треплетъ онъ ее по холодной дрожащей спинѣ и снѣшитъ дальше. Собачка тоже ускоряетъ шагъ и даже опережаетъ его, все время оглядываясь на своего спутника.

Фонари совсѣмъ исчезли, прохожіе тоже, все мертво и пусто, въ этихъ глухихъ засыпанныхъ снѣгомъ переулкахъ. Вотъ и домъ! Собачка юркнула въ калитку.

С т р а у с ы.

бездомная? Каково ей въ такой морозъ, да неудачно выбрала себѣ случайнаго господина.

— Поди прочь, собачка, поди!—гонитъ онъ ее:—авось здѣсь на этой бойкой, ярко освѣщенной улицѣ ты найдешь человѣка, который сможетъ пріютить тебя. — Но собаченка, пугливо отскочивъ шага на два назадъ опять бѣжитъ за нимъ. Кончилась оживленная улица, студентъ свернулъ въ переулокъ, прохожіе все рѣже, какъ и фонари. Улица за улицей, все ускоряя шагъ и похлопывая руками безъ перчатокъ, совсѣмъ поспѣвшими отъ холода, торопится студентъ. Дома его ждетъ горячій самоваръ и вкусная пятикопѣечная булка. А собачка все не отстаетъ! Жалость и сознание невозможности ей помочь борются въ душѣ студента, онъ уже не гонитъ песика отъ себя. Всѣ ворота

— Ну, куда ты, песикъ?—говоритъ студентъ,—вѣдь я не могу взять тебя къ себѣ.

Онъ живетъ за столъ и квартиру готовя сына въ гимназію, у вдовы мелкаго чиновника, такой же почти бѣдной, какъ и онъ самъ. Измученная нуждой, сварливая женщина ни за что не позволитъ ему даже на одну ночь пріютить бездомную собаченку.

Дверь въ квартиру заперта, замок виситъ снаружи, значить хозяйки нѣтъ дома. Еле двигая застывшими пальцами, юноша достаетъ изъ кармана пальто запасной ключъ и входитъ въ сѣни; песикъ, путаясь у него въ ногахъ, проскальзываетъ за нимъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, тихо повизгиваетъ.

— Не могу я пріютить тебя, — уже съ тоской шепчетъ студентъ:—ну иди хоть закусьмъ.

Видно, хозяйка ушла недавно: самоваръ еще кипитъ на столѣ, около самовара стоитъ чайникъ съ насыпанной уже въ него горсточкой чаю. Не снимая пальто, студентъ заварилъ чай и поставилъ его на самоваръ.—А сахару то и нѣтъ,—вспоминаетъ онъ:—я долженъ былъ купить его по дорогѣ.

Сегодня онъ долженъ былъ получить деньги за урокъ на другомъ концѣ города, но денегъ ему не дали. Въ домѣ не было меньше 10 рублей, а студенту слѣдовало 8; не гонять же прислугу въ такой морозъ мѣнять деньги. Попросить хоть мелочи на сахаръ онъ не рѣшился: не хотѣлось ему показывать такъ ясно свою бѣдность.

— Ну что-же, до завтра,—сказала ему прощаясь, мать его ученика; это «до завтра» заставило его сегодня пить чай безъ сахара.

Собачка умильно смотритъ юношѣ въ глаза и стучитъ по полу хвостикомъ.

— Что голодна видно? ну ѣшь,—бросаетъ онъ ей кусокъ булки. Собачка ловитъ кусокъ на лету и моментально проглатываетъ. Полбулки какъ не бывало, а песикъ все вертитъ хвостомъ и пристально заглядываетъ въ лицо студенту.

— Экая бѣдная, право, ну я подожду до утра, вѣдь утромъ мнѣ опять принесутъ такую булку, а ты можешь быть долго не увидишь кусочка, ѣшь, ѣшь!—Булка кончена, голодь собачки удовлетворенъ, тихо повизгивая она лижетъ руки студента.—Ну, а теперь иди себѣ,—убѣждаетъ онъ ее отворяя дверь въ сѣни. Песикъ въ ужасѣ отскакиваетъ къ противоположной стѣнѣ и забивается въ уголокъ.

— Ахъ, что я съ тобой дѣлать буду,—въ полномъ отчаяніи опускаетъ руки хозяйинъ комнаты:—вѣдь придетъ Марья Степановна, она тебя все равно выпшвырнетъ да и меня за компанію.

— Иди, иди собачка, сама виновата, что увязалась за мною, иди голубушка.—Но собачка не хочетъ уходить добромъ изъ теплой комнаты на морозъ, приходится гнать ее силой. Сердце юноши сжимается горемъ, ему жаль несчастное иззябшее животное, принужденное опять мерзнуть на дворѣ, въ то время какъ самъ онъ будетъ спать въ теплой комнатѣ, но оставить собачку на ночь нечего и думать; Марья Степановна не таковская, чтобы сжалиться.

Собаченка искренно удивлялась, почему этотъ добрый человекъ, накормившій ее такой вкусной булкой, вдругъ такъ разсердился и испуганно поджавъ хвостъ, бросилась въ сѣни, а оттуда на дворъ.

Въ отвратительномъ настроеніи духа вернулся студентъ къ самовару и налилъ себѣ стаканъ чая.—И куда это Марья Степановна ушла—ворчалъ онъ,—

заялъ бы хоть у нея кусокъ сахару, а то не угоднולי глотать горячую воду на голодный желудокъ.

Со двора доносились тоскливые взвизги песика, они больно отзывались въ мягкомъ сердцѣ студента. Голодный и раздраженный легъ онъ спать, потушилъ лампу, но долго не могъ заснуть. Слышно было какъ вернулась Марья Степановна и черезъ стѣнку доносился ея сердитый ворчливый голосъ, она бранила за что-то своего сынишку, слышно было какъ пробило двѣнадцать... Наконецъ онъ заснулъ.

Когда на утро студентъ всталъ и, напившись чаю уже съ сахаромъ и булкой, надѣлъ пальто и вышелъ во дворъ, собачки нигдѣ не было. Снѣгъ, выпавшій за ночь, смягчилъ морозъ и закрылъ всѣ слѣды.

— Гдѣ ты, горемычная?—подумалъ студентъ.

Вл. Рюминъ.

ШАРАДА.

Вс. Попова.

Начальное мое—въ предлогахъ поищите,
Съ пріятелемъ когда случится вамъ
Внезапно встрѣтитесь—второе говорите,
Возьмите азбуку—найдете третье тамъ
А шлое—у васъ при домѣ сторожъ вѣрный,
Смышленный, ласковый, смиренный.

Рѣшеніе шарады, помѣщенной въ № 10 Гус(ь)—листъ.

Вѣрное рѣшеніе шарады и анаграммы помѣщенной въ № 7, прислалъ: ученикъ VI кл. II отд. Тифл. 1-ой гимн. Т. Д.

Вѣрное рѣшеніе шарады, помѣщенной въ № 8, прислалъ: А. Б. Денкевичъ.

Вѣрные рѣшенія анаграммы, помѣщенной въ № 9, прислали: Маня Мейснеръ, А. Э. Песелевичъ, Рая Аврамова, Елиз. Петр. При—ва.

Вѣрные рѣшенія шарады, помѣщенной въ № 9, прислали: Мани Мейснеръ, Рая Аврамова, Елиз. Перг. При—ва, г. Гурвичъ, Вл. Пылаевъ.

Вѣрные рѣшенія шарады, помѣщенной въ № 10, прислали: Тамара Саввичъ, Е. Я. Капралова.

СОДЕРЖАНІЕ:

Исторія, которая никогда не кончилась. А. Молодинъ. — Потерянное время. И. Н.—Студентъ и собачка. Вл. Рюминъ.—Шарада.—Вс. Поповъ.

Редакторъ *Л. П. Хесторъ*.

Предс. Администраціи *Д. Ж. Бородицъ*.

Я Я Ь Б О Ж З

„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІА“

1904.

Безплатное приложеніе къ журналѣ „живописное обозрѣніе“

СОДЕРЖАНІЕ

АЛЬБОМА „ЖИВОПИСНАГО ОБЗОРЪНІЯ“ ЗА 1904 Г.

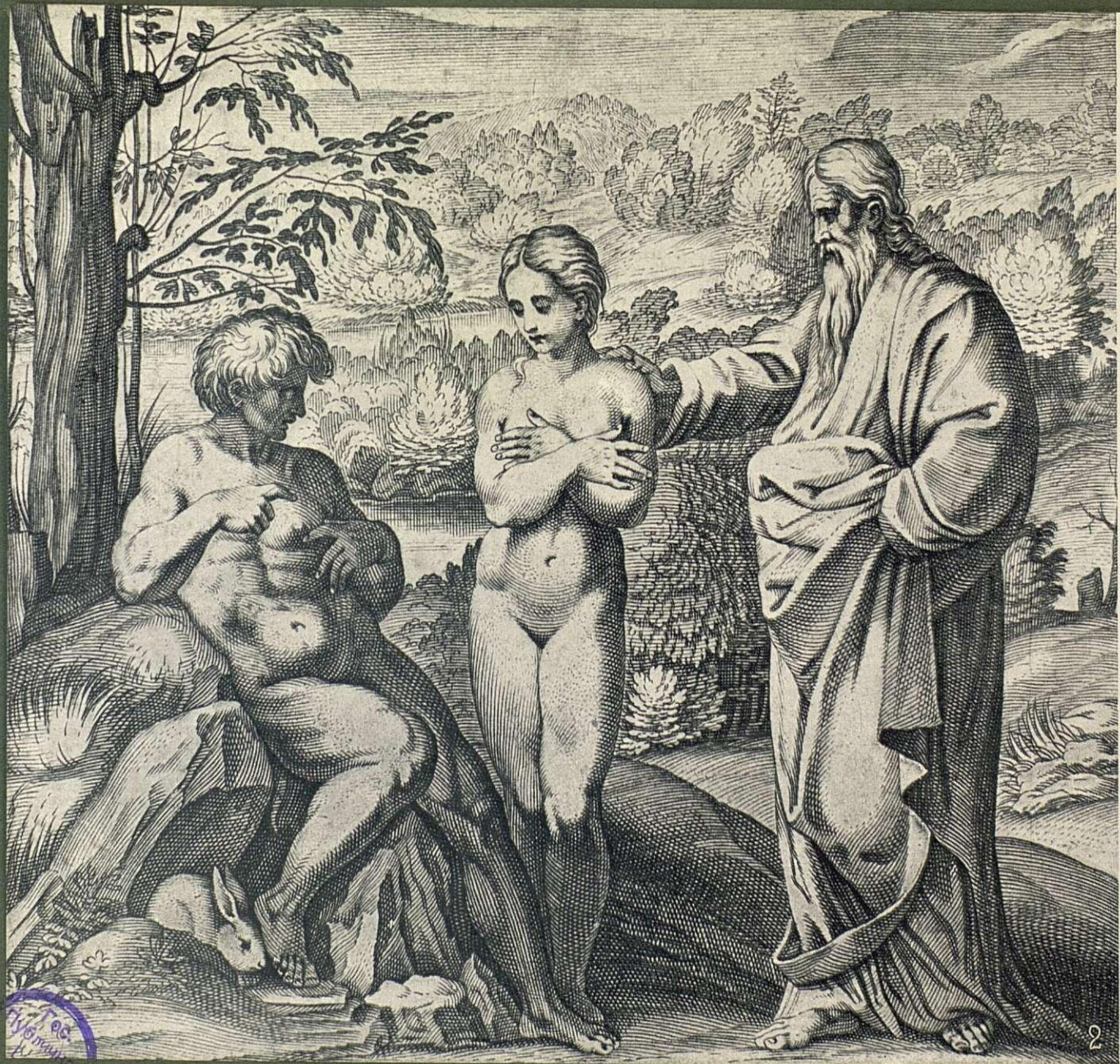
1. Сотвореніе міра. Вилламень.	7. Жертвоприношеніе Исаака. Андрей Сарто.
2. Сотвореніе человѣка. Вилламень.	8. Іосифъ и жена Пентефрія. К. Чиньяни.
3. Грѣхопаденіе. Ванъ-Эйкъ.	9. Моисей на водахъ Нила. Поль де-ла-Рошъ.
4. Патриархъ Іаковъ. Ж. Б. Кастильоне.	10. Давидъ съ головой Голиафа. Д. Фети Мантуанскій.
5. Вавилонская башня. Л. Валькенборхъ.	11. Сусанна. Антоній Ванъ-Дейкъ.
6. Лотъ и его дочери. Л. Джіордано.	12. Юдиень. А. Варотари.

Клише 3 и 5 изготовлены въ Гельсингфорсѣ, въ цинкографіи Лилиусъ и Герцбергъ.

Остальныя клише изготовлены въ цинкографіи Фришмутъ и Марксъ. С.-Петербургъ, Мойка 64.

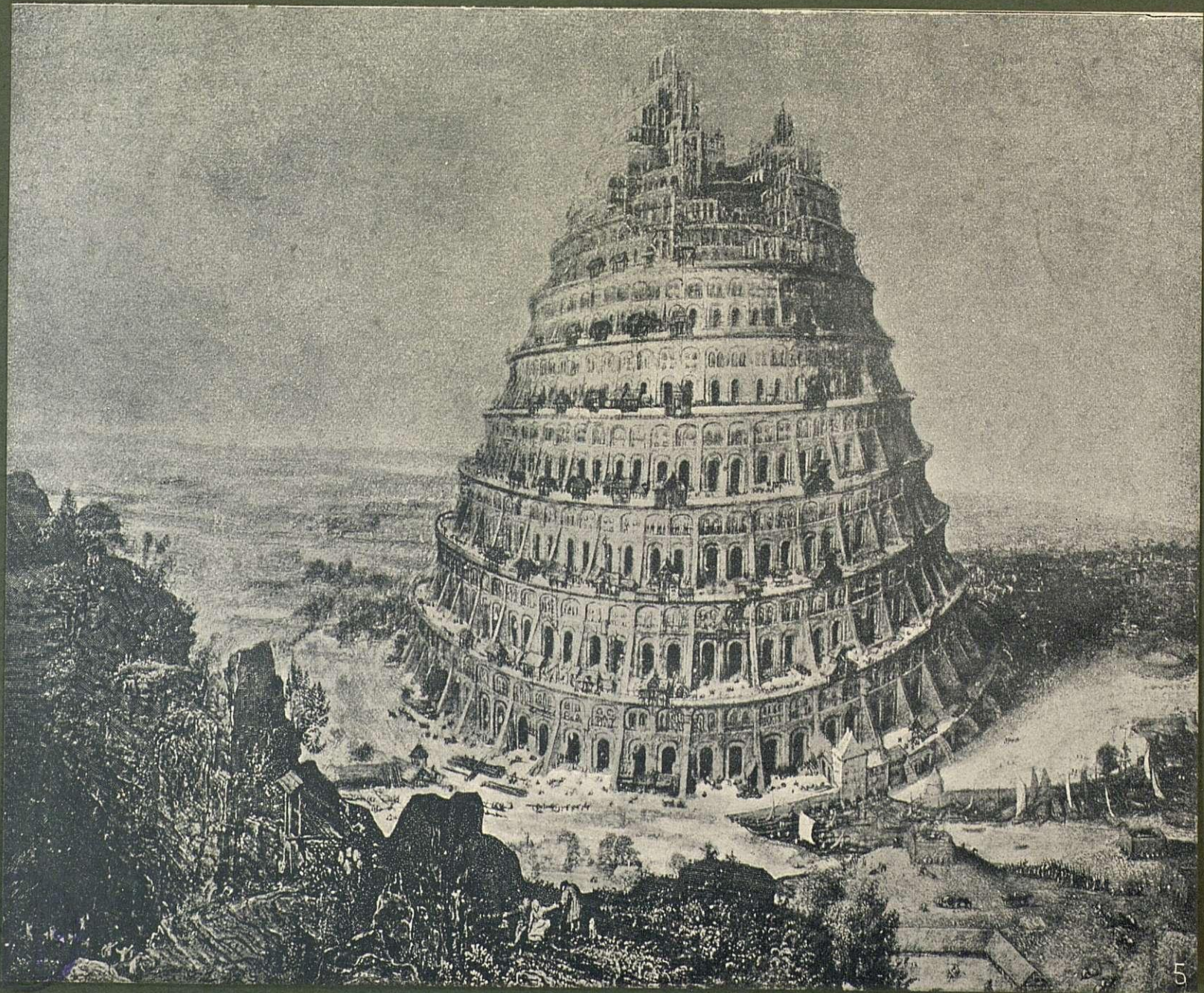

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

8

Рос.
С. 9
Печ.

1
124

низ

1904

№1-11

с прил. альбом.